

Десмонд Моррис
Голая обезьяна. Людской зверинец. Основной инстинкт

—

БОЛЬШИЕ № книги

Десмонд Моррис

ГОЛАЯ ОБЕЗЬЯНА
•
ЛЮДСКОЙ ЗВЕРИНЕЦ
•
ОСНОВНОЙ
ИНСТИНКТ

18+

« А З Б У К А »

indd предоставлен правообладателем <https://litmir.club>
«Десмонд Моррис Голая обезьяна»: Азбука-Аттикус; М;
ISBN 978-5-389-19852-4

Аннотация

В авторский сборник одного из самых популярных и оригинальных современных ученых, знаменитого британского зоолога Десмонда Морриса, вошли главные труды, принесшие ему мировую известность: скандальная «Голая обезьяна» – ярчайший символ эпохи шестидесятых, оказавшая значительное влияние на формирование взглядов западного социума и выдержавшая более двадцати переизданий, ее общий тираж превысил 10 миллионов экземпляров. В доступной и увлекательной форме ее автор изложил оригинальную версию происхождения человека разумного, а также того, как древние звериные инстинкты, животное начало в каждом из нас определяют развитие современного человеческого общества; «Людской зверинец» – своего рода продолжение нашумевшего бестселлера, также имевшее огромный успех и переведенное на десятки языков, и «Основной инстинкт» – подробнейшее исследование и анализ всех видов человеческих прикосновений, от рукопожатий до сексуальных объятий. В свое время работы Морриса произвели настоящий фурор как в научных кругах, так и среди широкой общественности. До сих пор вокруг его книг не утихают споры.

Десмонд Моррис Голая обезьяна. Людской зверинец. Основной ИНСТИНКТ

Desmond Morris

THE NAKED APE

(перевод с английского В. Кузнецова)

THE HUMAN ZOO

(перевод с английского Т. Пашкевич и Р. Цатуряна)

INTIMATE BEHAVIOUR

(перевод с английского Г. Сахацкого)

© Desmond Morris, 1967, 1969, 1971

© Кузнецов В., перевод на русский язык, 2009

© Цатурян Р., перевод на русский язык, 2004

© Пашкевич Т., перевод на русский язык, 2004

© Сахацкий Г., перевод на русский язык, 2008

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»,

2021

КоЛибри®

* * *

Один из самых известных и оригинальных современных ученых, Десмонд Джон Моррис, родился 24 января 1928 года в Великобритании. В 1951 году окончил с красным дипломом Бирмингемский университет, через три года защитил диссертацию на степень доктора наук по зоологии. Стал одним из основателей новой научной дисциплины – этологии. Психолог-бихевиорист, известный телеведущий, художник-сюрреалист, автор многочисленных научных трудов, популярных книг и фильмов, посвященных поведению человека и животных, в том числе знаменитого сериала BBC «Мужчина и Женщина».

Голая обезьяна

Предисловие

Существует сто девяносто три вида мелких и крупных обезьян. Сто девяносто два из них имеют волосяной покров. Исключение составляет голая обезьяна, именуемая себя *Homo sapiens* (Человек разумный). Этот своеобразный и весьма процветающий вид тратит уйму времени на изучение мотивов своего поведения и столько же на то, чтобы упорно пренебрегать основными из них. Он гордится тем, что наделен мозгом, который больше, чем у других приматов, но пытается скрыть тот факт, что у него также самый большой пенис, напрасно приписывая эту честь могучей горилле. Человек – чрезвычайно сильная, голосистая, предприимчивая и в высшей степени стадная обезьяна. Самое время изучить характер ее поведения.

Я зоолог, а голая обезьяна – животное. Она представляет подходящую тему для моего пера, и я больше не собираюсь откладывать его в сторону только потому, что ее поведение подчас необъяснимо и производит странное впечатление. Мое оправдание заключается в том, что со всей своей эрудицией *Homo sapiens* так и остался голый обезьяной. Приобретая новые, возвышенные мотивы своего поведения, он не утратил ни одного из прежних, низменных. Подобное обстоятельство зачастую досаждало ему, однако древние инстинкты были с ним миллионы лет, в то время как новые – самое большее – каких-нибудь несколько тысяч лет. И стало быть, быстро стряхнуть с себя генетическое наследство своей эволюции нет никакой надежды. Если бы человек смирился с этим фактом, то стал бы гораздо менее озабоченным и более законченным животным. Возможно, здесь способен помочь зоолог.

Одна из самых странных особенностей предыдущих исследований поведения голых обезьян заключается в том, что в них почти никогда не обращали внимания на очевидное. Прежние антропологи мчались сломя голову в самые немыслимые уголки планеты, чтобы разобраться в существе нашей природы, углубляясь в настолько нехарактерные культурные дебри, что о них почти нечего сказать.

Затем они вернулись с поразительными фактами относительно своеобразных привычек спаривания, странных систем родства или зловещих ритуалов, практикуемых этими племенами, и использовали этот материал, словно он имеет самое важное значение для поведения нашего вида в целом. Разумеется, исследования, проведенные этими учеными, были чрезвычайно интересны и полезны, показав нам, что может произойти, когда сообщество голых обезьян оказывается загнанным в культурный тупик. Они продемонстрировали, сколь далеко наше поведение может отойти от нормы, не приводя к полному социальному коллапсу. Однако мы ничего не узнали о типичном поведении типичных голых обезьян. Это можно осуществить лишь посредством изучения общих поведенческих особенностей, свойственных обычным преуспевающим представителям основных сообществ – типичным индивидам, которые образуют подавляющее большинство вида. С точки зрения биологии это единственный верный подход к решению проблемы. Выступая против него, антрополог старой школы стал бы утверждать, что его технологически простые племенные сообщества находятся ближе к существу проблемы, чем представители более развитых цивилизаций. Осмелюсь утверждать, что это не так. Простые племенные сообщества, существующие в настоящее время, не примитивны; они представлены в ложном свете. Подлинно первобытные племена отошли в прошлое тысячи лет назад. Голая обезьяна – вид животного-исследователя, так что всякое общество, которое не сумело продвинуться, в известном смысле оказалось обществом неудачников, «пошло не туда». Произошло нечто такое, что задержало его развитие и препятствует естественным тенденциям вида, направленным на исследование окружающего мира. Характеристики, которые прежние антропологи изучали у этих племен, вполне могли оказаться теми самыми признаками, которые мешали прогрессу данных сообществ. Поэтому опасно использовать эту информацию как основу для выработки общей схемы нашего

поведения как вида.

Напротив, психиатры и психоаналитики держались ближе «к телу» и сосредоточивали свое внимание на клинических исследованиях типичных представителей вида. Хотя многое полученное ими не страдает неполнотой антропологической информации, оно существенно смещено. Индивиды, на основании исследования которых ученые делали свои выводы, несмотря на их общее происхождение, были отмечены того или иного рода отклонениями от нормы или оказались попросту неудачниками. Будь они полноценными, преуспевающими и, следовательно, типичными индивидами, они не стали бы обращаться за помощью к психиатру и не пополняли бы его картотеку. Повторяю: я не хочу преуменьшать значения такого рода исследований. Их результаты дали нам неоценимую возможность понять, каким образом может нарушиться характер нашего поведения. Просто я полагаю, что при обсуждении биологической природы нашего вида в целом нецелесообразно переоценивать роль предыдущих антропологических и психиатрических данных.

(Хочу добавить, что ситуация в антропологии и психиатрии быстро меняется. Многие ученые, работающие в этих областях, признают недостатки прошлых исследований и все чаще обращаются к изучению типичных, здоровых индивидов. Один ученый недавно признался: «Мы ставили лошадь впереди телеги. Мы обследовали ненормальных людей и только теперь, с некоторым опозданием, начинаем обращать основное внимание на здоровых индивидов».)

Метод, который я намерен использовать в данной книге, опирается на материалы из трех главных источников. Ими являются: 1) информация о нашем прошлом, полученная палеонтологами и основанная на ископаемых и других останках наших древних предков; 2) информация, полученная в результате исследований поведения животных, проведенных сравнительными этологами, основанная на детальных наблюдениях различных животных, в особенности наших близких сородичей – мелких и крупных обезьян; 3) информация, которую можно собрать с помощью непосредственного наблюдения за типичным, широко распространенным поведением преуспевающих индивидов, взятых из основных современных сообществ собственно голых обезьян.

Ввиду больших масштабов задачи нам придется прибегнуть к упрощениям. В основном они будут заключаться в пренебрежении подробными описаниями технологических тонкостей и терминологией, сосредоточиваясь на таких сторонах нашей жизни, которые явно прослеживаются и в жизни других видов животных. К ним относятся питание, уход за собой, сон, борьба за существование, спаривание и забота о потомстве. Как реагирует голая обезьяна, когда сталкивается с этими основными проблемами? В чем отличие ее реакций от реакций других мелких и крупных обезьян? В каком смысле она является уникальной и каким образом ее своеобразие соотносится с ходом эволюции этого вида?

Обсуждая эти проблемы, я понимаю, что рискую оскорбить множество народа. Есть такие люди, которые предпочитают не рассматривать себя в качестве животного. Они, возможно, сочтут, что я унизил свой вид, прибегнув в рассуждениях о нем к «животной» терминологии. Могу заверить, что не имел и не имею такого намерения. Есть и такие, которые возмущаются вторжением в их сугубо узкую зоологическую специальность. Однако я полагаю, что такой метод окажется весьма полезным и, при всех его недостатках, покажет сложную природу нашего своеобразного вида с новой (и в некотором смысле неожиданной) точки зрения.

1

Происхождение

В одном зоологическом саду висит табличка, которая гласит: «Это животное науке неизвестно». В клетке сидит маленькая белочка. У нее черные лапки, родом она из Африки. На этом континенте белок с черными лапками прежде не встречали. О ней ничего не известно. Нет у нее и названия.

Для зоолога это животное представляет особый интерес. Какую оно вело жизнь, сделавшую его столь своеобразным? Чем оно отличается от трехсот шестидесяти шести других видов белок, существующих в настоящее время, которые уже известны и описаны учеными? В определенный момент эволюции семейства беличьих предки этого животного, должно быть,

каким-то образом откололись от остального семейства и создали собственную, независимо размножающуюся популяцию. Какой же фактор окружающей среды привел к тому, что их изоляция трансформировалась в новую форму жизни? Должно быть, новая тенденция началась с какого-то малого шага, когда некое сообщество белок в известной местности стало постепенно изменяться и лучше приспосабливаться к конкретным условиям. Но на этом этапе они все еще могли спариваться с соседними сородичами. Новая особь должна была обладать каким-то небольшим преимуществом в данном регионе, но она была всего лишь разновидностью основного вида и в любой момент могла быть размыта и поглощена основной массой особей. Если же с течением времени новый вид белок начал все лучше приноравливаться к окружающей среде, то в конце концов должен был наступить момент, когда им стало выгоднее изолироваться от возможного смешения с соседями. На этом этапе их социальное и сексуальное поведение должно было претерпеть особые изменения, делая маловероятным, а затем и невозможным спаривание с другими видами белок. По-видимому, вначале изменилась их анатомия, что позволило им успешнее добывать пищу, характерную для данной местности, но впоследствии изменились их брачные призывы и поведенческие сигналы, что обеспечило привлечение внимания партнеров лишь нового типа. Наконец возник совершенно новый, особый и обособленный, триста шестьдесят седьмой вид белок.

Когда мы смотрим на безымянную белку, сидящую в клетке, мы можем лишь догадываться о ходе событий. Мы можем быть уверены лишь в том, что пометы на ее шкурке – черные лапки – указывают на принадлежность животного к новому виду. Но это лишь симптомы, подобно сыпи, которая подсказывает доктору, какая у его пациента болезнь. Чтобы по-настоящему изучить этот новый вид, мы должны использовать данные признаки как отправную точку, которая подсказывает, что перед нами стоящий объект исследования. Мы можем попытаться представить себе ход развития животного, но это будет преждевременный и опасный прием. Лучше начнем с того, что дадим ему простое и очевидное название – назовем его африканской черноногой белкой. Теперь мы должны наблюдать и регистрировать все нюансы ее поведения, а также физического строения, и отмечать, насколько она отличается или похожа на остальных своих сестер. Затем мало-помалу мы приобретем общее представление о ней.

Большим преимуществом при изучении таких животных является то, что мы сами не являемся черноногими белками. Факт этот принуждает нас к скромности, которая подобает серьезному исследователю. Совершенно иначе – и это нас обескураживает – дело обстоит, когда мы пытаемся изучить двуногое животное – человека. Даже зоологу, привыкшему называть животное животным, трудно избежать высокомерия, личной вовлеченности. Мы можем в известной мере преодолеть эти неудобства, осторожно, но сознательно рассматривая человека так, словно это некий вид животного – странная форма жизни, оказавшаяся на анатомическом столе и ожидающая анализа. С чего же нам начать?

По аналогии с изучением нового вида белки, начнем со сравнения нашего животного с другими видами животных, которые, по-видимому, наиболее родственны ему. Судя по зубам, рукам, глазам и другим анатомическим особенностям, он явно примат, но весьма необычного вида. Насколько он необычен, становится понятно, если положить в один ряд шкуры ста девяносто двух видов ныне существующих мелких и крупных обезьян, а затем поискать в этом длинном ряду подходящее место для человеческой кожи. Куда бы мы ее ни положили, нам покажется, что она не на месте. В конце концов мы будем вынуждены расположить ее справа, рядом со шкурами больших бесхвостых обезьян – таких как шимпанзе и горилла. Но и здесь бросается в глаза, насколько наше животное отлично от своих сородичей. Ноги у него слишком велики, руки чересчур коротки, а ступни довольно странные. Совершенно очевидно, что этот вид примата выработал особый способ передвижения, который видоизменил само его строение. Но особое внимание обращает на себя другая особенность: его кожа практически лишена волосяного покрова. За исключением волос на голове, под мышками и возле гениталий, кожа его совсем не защищена от воздействия температуры. При сравнении с другими видами приматов контраст этот особенно заметен. Правда, у нескольких видов мелких и крупных обезьян имеются лишенные волос участки на седалище, лице и груди, но ни у одного из ста девяноста двух видов не наблюдается ничего даже отдаленно похожего на то, что мы видим у

человека. Не вдаваясь в дальнейшие подробности, уже сейчас можно с полным основанием назвать этот новый вид «голой обезьяной». Это простое и точное название, основанное на элементарном наблюдении и лишенное всяческих претензий. Надеюсь, оно поможет нам придерживаться чувства меры и быть объективными.

Разглядывая этот странный экземпляр и ломая голову над предназначением его характерных особенностей, зоолог должен приступить к сравнениям. Где еще обнаженность тела является преимуществом? Обращаться к другим приматам бесполезно, значит, необходимо заглянуть гораздо дальше назад. Краткий обзор всего ряда существующих в настоящее время млекопитающих показывает, что они удивительным образом привязаны к своему меховому покрову и что очень немногие из четырех тысяч двухсот тридцати семи видов предпочли отказаться от него. В отличие от своих предков-рептилий, млекопитающие приобрели значительное преимущество с точки зрения физиологии: они могут поддерживать высокую температуру тела. Таким образом сложным процессам, происходящим в организме, обеспечиваются оптимальные условия. Такого рода свойство не может быть утрачено ни с того ни с сего. Механизмы, контролирующие температуру, жизненно важны, и наличие плотного волосяного покрова явно играет главенствующую роль в предотвращении тепловых потерь. В сильную жару он также будет препятствовать перегреву и повреждению кожного покрова под воздействием солнечных лучей. Если волосяной покров все-таки утрачивается, то на это должны быть веские причины. За редким исключением столь кардинальные изменения происходили лишь в тех случаях, когда млекопитающие перемещались в совершенно новую для себя среду обитания. Летающие млекопитающие – летучие мыши – были вынуждены обнажить свои крылья, но сохранили волосяной покров остальных частей тела, поэтому их вряд ли можно назвать голыми животными. Землеройные животные, например голая кротовая крыса, бурозубки и броненосец, лишь в единичных случаях сократили свой волосяной покров. Такие млекопитающие, как киты, дельфины, морские свиньи, дюгоны, ламантины и гиппопотамы, также освободились от волосяного покрова, чтобы приобрести обтекаемость тела. Однако для всех типичных сухопутных млекопитающих, как бегающих по поверхности земли, так и лазающих по деревьям, неизменной остается поросшая плотной шерстью шкура. Если не считать таких тяжеловесов, как носороги и слоны (у которых имеются характерные для них проблемы, связанные с нагревом и охлаждением тела), голая обезьяна стоит особняком, выделяясь своей наготой из тысяч волосатых, косматых или покрытых мехом сухопутных млекопитающих.

Тут зоолог вынужден прийти к заключению, что имеет дело или с землеройным, или с водным животным. Или же история эволюции голой обезьяны была, очевидно, обусловлена какими-то очень своеобразными, поистине уникальными обстоятельствами. Прежде чем отправиться в экспедицию для наблюдения за животным в его современном виде, ученому следует сначала углубиться в изучение его прошлого и исследовать как можно тщательнее его ближайших предков. Посредством изучения окаменелостей и других останков, а также путем сравнения его с ближайшими родственниками, существующими в настоящее время, нам, возможно, удастся получить некоторое представление о том, что же произошло, когда возник и отпочковался от остального семейства этот новый вид приматов.

Потребуется слишком много времени, чтобы перечислить все незначительные факты, столь тщательно зарегистрированные в течение минувшего столетия. Мы лишь предположим, что задача эта выполнена, и просто сведем воедино выводы, к которым можно прийти, сочетая информацию, предоставляемую нам палеонтологами – знатоками окаменелостей, с фактами, собранными этологами – терпеливыми наблюдателями за большими обезьянами.

Группа приматов, к которой принадлежит наша голая обезьяна, возникла от общих примитивных насекомоядных предков. Эти древние млекопитающие были маленькими, ничего собой не представляющими существами, прятавшимися в лесах, в то время как в мире животных хозяйничали гигантские рептилии. Приблизительно от пятидесяти до восьмидесяти миллионов лет назад, после краха великой эпохи рептилий, эти крохотные пожиратели насекомых начали осваивать новые территории. Они множились и распространялись, приобретая многочисленные новые, порой странные формы. Одни стали питаться растениями и в целях безопасности делали себе укрытия под землей или отращивали длинные, похожие на

ходули ноги, чтобы убегать от врагов. Другие превратились в хищников с длинными когтями и острыми зубами. Наиболее крупные рептилии исчезли, но открытая местность вновь превратилась в поле боя.

Тем временем животные с маленькими лапами по-прежнему прятались среди лесов и кустарников. Но прогресс был налицо и здесь. Прежние пожиратели насекомых начали расширять свое меню и решали проблему питания, поедая фрукты, орехи, ягоды, почки и листья. По мере превращения в приматов низших форм у них улучшалось зрение. Глаза переместились в переднюю часть лица, а передние конечности приспособились для захвата пищи. Обладая трехмерным зрением, конечностями-манипуляторами и постепенно увеличивавшимся мозгом, эти существа стали все чаще властвовать в мире обитателей деревьев.

От двадцати пяти до тридцати пяти миллионов лет назад эти предобезьяны стали превращаться в собственно обезьян. У них появился длинный, действующий как балансир хвост. Они начали увеличиваться в размерах. Некоторые питались исключительно листьями, но большинство предпочитало разнообразную пищу. Со временем отдельные обезьяноподобные существа становились крупнее и тяжелее. Вместо того чтобы бегать или карабкаться, они стали перемещаться с ветки на ветку, раскачиваясь на руках. Хвост оказался ненужным. Зато эти животные, став более неуклюжими из-за увеличившихся размеров, перестали бояться передвигаться по земле.

Но даже на этой стадии – стадии обезьян – они по-прежнему стремились продолжать вольготную, с изобилием пищи жизнь в лесном Эдеме. Они перемещались на открытые пространства лишь в том случае, когда в их жизнь вторгалась какая-то грубая сила. В отличие от первых млекопитающих – любителей исследовать окружающий мир, эти животные приспособились к существованию в лесных чащобах. Миллионы лет ушли на развитие и усовершенствование этой лесной аристократии, и если бы им пришлось покинуть привычную среду обитания, они были бы вынуждены конкурировать с чрезвычайно развитыми (к тому времени) травоядными и хищниками, живущими на земле. Так эти животные и остались на прежнем месте, продолжая жевать фрукты и спокойно заниматься своим делом.

Следует подчеркнуть, что такая линия поведения больших обезьян свойственна, по какой-то причине, лишь обитателям Старого Света. Мелкие же обезьяны развивались обособленно как обитатели деревьев и в Старом, и в Новом Свете, однако американская ветвь приматов так и не достигла стадии крупных обезьян. Напротив, в Старом Свете предки больших обезьян распространились на обширной площади лесов от Западной Африки до Юго-Восточной Азии. Следы этой экспансии можно наблюдать на примере африканских шимпанзе, горилл, азиатских гиббонов и орангутанов. Однако в регионах, расположенных между этими двумя полюсами, теперь не существует крупных волосатых обезьян. Леса с сочной листвой исчезли.

Что же произошло с обитавшими в прежние времена большими обезьянами? Мы знаем, что климатические условия стали неблагоприятны для них и в какой-то момент, примерно пятнадцать миллионов лет назад, их лесные владения значительно сократились. Родоначальники крупных обезьян были вынуждены сделать выбор: продолжать держаться за то, что осталось от их древних лесных обиталищ, или же, почти по Библии, ожидать изгнания из рая. Предки шимпанзе, горилл и гиббонов оставались там, где жили, но их число с тех пор стало постепенно уменьшаться. Предки же единственной уцелевшей из крупных обезьян – голый обезьяны – решились покинуть леса и вступить в соперничество с уже успевшими приспособиться наземными животными. Дело это было рискованное, но с точки зрения успешной эволюции – стоящее.

История успеха голый обезьяны начиная с этого момента хорошо известна, однако будет полезно сделать ее краткий обзор, поскольку жизненно необходимо помнить о дальнейших событиях, если мы хотим объективно понять нынешнее поведение этого вида.

Попад в новую среду, наши предки оказались перед мрачной перспективой. Им надо было стать или более умелыми хищниками, чем прежние плотоядные, или лучшими грызунами, чем прежние травоядные. Теперь мы знаем, что они добились успеха в обоих направлениях. Между тем сельское хозяйство возникло всего лишь несколько тысяч лет назад, мы же оперируем

миллионами лет. Специализация в использовании растительных видов на открытой местности была еще не под силу нашим древним предкам: надо было дожидаться появления передовой техники нового времени. Их пищеварительная система не была приспособлена для непосредственного усвоения растительной пищи. Фрукты и орехи, которые они прежде находили в лесу, следовало заменить корешками и клубнями, обнаруженными в земле. Отличие оказалось разительным. Вместо того чтобы ленивым жестом протянуть руку к ветке и сорвать вкусный плод, большая обезьяна, оказавшаяся на земле, должна была упорно рыть землю в поисках драгоценной пищи.

Однако лесная пища состояла не только из фруктов и орехов. Нашей обезьяне были крайне необходимы и животные белки. Ведь она, в конце концов, происходила от насекомоядных предков, а ее древнее лесное обиталище всегда было богато насекомыми. Сочные жуки, птичьи яйца, беспомощные птенцы, древесные лягушки и мелкие рептилии – все это шло в пищу. Более того, эти существа не представляли особой проблемы для довольно непритворливой пищеварительной системы. Такого рода источник пищи существовал и на земле, поэтому ничто не мешало животному расширять ассортимент. Сначала обезьяна не могла соперничать с профессиональными убийцами – хищниками из мира плотоядных. Даже маленький мангуст, не говоря уже о крупной кошке, мог конкурировать с ней в искусстве убивать. Правда, вполне хватало всякого рода детенышей, беспомощных или больных животных, так что первый шаг к переходу на мясной рацион был легким. Однако по-настоящему ценная добыча была оснащена длинными, как ходули, ногами и была готова в мгновение ока сорваться с места, развивая невероятную скорость. Богатые протеином копытные были не по зубам обезьяне.

Наконец мы подошли к отстоящему от нас приблизительно на миллион лет периоду развития предков голой обезьяны, когда произошел ряд потрясающих и весьма драматичных событий. Важно учитывать и то, что многие из них произошли одновременно. Зачастую, когда рассказывается какая-нибудь история, ее отдельные фрагменты выстраиваются так, будто один крупный успех предшествовал другому. Однако это далеко от истины. Жившие на земле большие обезьяны уже обладали крупного размера хорошим мозгом. У них были зоркие глаза и развитые руки. Как и у всех приматов, в их сообществе обязательно существовала определенного уровня социальная организация. В условиях насущной необходимости развивать свои хищнические навыки они стали претерпевать существенные изменения: приобрели более прямую осанку и научились быстрее бегать. Руки освободились, так как отпала необходимость помогать передвижению, и стали сильными, приспособленными держать оружие. Развитие мозга обусловило способность принимать более разумные и быстрые решения. Все эти события не происходили поэтапно, следуя какой-то предначертанной последовательности. Успехи достигались одновременно и только после того, как мелкие шажки вперед делались то в одной области, то в другой, подхлестываемые друг другом. Так возникла большая обезьяна-охотник, обезьяна-хищник.

Резонно предположить, что эволюция могла встать на иной, не столь кардинальный путь развития и из обезьяны получилось бы хищное животное наподобие кошки или собаки – своего рода кошкоподобная обезьяна. Это произошло бы элементарно – путем отращивания зубов и ногтей, которые превратились бы в опасные орудия убийства – клыки и когти. Но в таком случае первобытной обезьяне пришлось бы вступить в противоборство с успевшими развиться кошкообразными и собакообразными хищниками. Причем противоборство это происходило бы в условиях, выгодных для последних, так что исход столкновения был бы, несомненно, роковым для данных приматов. (Исходя из всего того, что нам известно, такой вариант вполне мог быть испробован и мог окончиться настолько неудачно для них, что не сохранилось бы никаких тому свидетельств.) А применен был совсем другой подход: вместо природного оружия было использовано оружие искусственное, и такой способ сработал.

Следующий шаг заключался в переходе от использования орудий к их изготовлению; наряду с их усовершенствованием улучшилась и техника охоты. Это выражалось не только в более успешном применении орудий охоты, но и в лучшей кооперации животных. Обезьяны-охотники действовали стадами, и по мере усовершенствования способов убийства совершенствовались и методы социальной организации. Волки, собираясь стаей на охоту,

рассредоточиваются, но наделенная более развитым мозгом обезьяна-охотник могла применить свои способности к решению таких проблем, как групповое взаимодействие и кооперация. Стали возможными все более сложные маневры. Увеличение мозга давало о себе знать.

По существу, охотничья группа состояла из самцов. Самки были слишком заняты уходом за детенышами, чтобы играть заметную роль в преследовании и поимке добычи. По мере того как методы охоты усложнялись, обезьяне-охотнику пришлось отказаться от кочевнических способов охоты своих предков. Понадобилась база, лежбище, куда охотник мог возвращаться с добычей и где его ждали самки и чада, с которыми он делился пищей. Этот шаг, как мы убедимся в последующих главах, оказал большое влияние даже на самых изощренных голых обезьян нашего времени.

Таким образом, наш охотник стал оседлым. Это повлияло на характер его сексуального, родительского и социального поведения. Прежний бродячий образ жизни, сопровождавшийся сбором фруктов, стал быстро отходить в прошлое. Охотник действительно покинул обжитой лесной рай. Теперь он стал обезьяной, наделенной чувством ответственности. Начал подумывать об удобствах для стирки и хранения пищи – доисторических аналогах современных стиральных машин и холодильников. Начал обустраивать свой быт: так появился очаг, хранилище для продовольствия, искусственные укрытия. На этом моменте нам следует остановиться, поскольку из области биологии мы переходим в область культуры. Биологическая основа этих подвижек заключается в появлении крупного мозга, достаточно сложного для того, чтобы их могла сделать обезьяна-охотник. Однако конкретная форма этого продвижения уже не являлась вопросом специфического генетического управления. Лесная обезьяна, которая стала наземной обезьяной, обезьяной-охотником, оседлой обезьяной, стала обезьяной культурной. И тут мы должны сделать короткую остановку.

Стоит отметить, что нас не интересуют мощные культурные прорывы, которые произошли впоследствии и которыми так гордится сегодняшняя голая обезьяна, – драматические события, которые привели к ним, уместились в какие-то полмиллиона лет, начиная с умения разжечь костер и кончая созданием космического корабля. История эта увлекательна, однако голой обезьяне угрожает опасность: в своем ослеплении подобными успехами она может забыть, что под внешним лоском по-прежнему остается приматом. («В любом наряде без изъяна есть обезьяна – обезьяна!») Мочиться приходится даже космической обезьяне.

Лишь посмотрев трезвым взглядом на то, как мы возникли, а затем изучив биологические аспекты нашего сегодняшнего поведения как вида, мы действительно сможем получить взвешенное, объективное представление о нашем своеобразном существовании.

Если мы примем историю нашей эволюции такой, какой мы ее здесь представили, то становится ясным один факт, а именно: мы, в сущности, возникли как приматы-хищники. По сравнению с другими малыми и большими обезьянами, существующими в настоящее время, это обстоятельство делает нас уникальными, однако коренные преобразования знакомы и другим сообществам животных. Так, идеальным примером обратного процесса является большая панда. В отличие от нас, вегетарианцев, ставших плотоядными животными, панда – плотоядное животное, ставшее вегетарианцем, и, подобно нам, во многих отношениях это необычное и своеобразное существо. Дело в том, что подобный резкий поворот в судьбе приводит к возникновению особи с раздвоенной личностью. Преодолев такого рода порог, животное отдается новой роли с огромной эволюционной энергией, сохраняя при этом свои многие прежние черты. Прошло слишком мало времени, чтобы животное могло освободиться от всех старых характеристик, поспешно приобретая новые. Когда древние рыбы стали осваивать сушу, их новые «сухопутные» черты стали развиваться бешеными темпами, хотя животные продолжали сохранять прежние навыки водных обитателей. Для того чтобы выработался совершенно новый вид животного, требуются миллионы лет, поэтому его ранние формы обычно представляют собой поистине странные гибриды. Таким гибридом является и голая обезьяна. И физиология животного, и его образ жизни были приспособлены к существованию в лесных условиях; и неожиданно (неожиданно с точки зрения эволюции) существо это оказалось в мире, где оно могло выжить лишь в том случае, если бы стало жить как наделенный разумом, оснащенный орудием убийства волк. Мы должны изучить, как это повлияло не только на тело

животного, но и, главным образом, на его поведение и как именно мы ощущаем на себе влияние этого наследия сегодня.

Один из способов состоит в том, чтобы сравнить строение и образ жизни типичного примата, питающегося фруктами, с типичным плотоядным. После того как мы поймем существенные различия, касающиеся двух противоположных способов питания, мы сможем вновь обратиться к изучению голой обезьяны и уяснить, как возник подобный гибрид. Самыми яркими звездами в галактике плотоядных являются, с одной стороны, дикие собаки и волки, с другой – большие кошки, такие как львы, тигры и леопарды. Они прекрасно оснащены доведенными до совершенства органами чувств. У них обостренный слух и ухо может поворачиваться в любую сторону, чтобы уловить малейший шорох. Их глаза, хотя и плохо различают статичные детали и цвет, невероятно восприимчивы к малейшему движению. Их обоняние настолько развито, что нам это трудно себе представить. Они могут различать по запаху целую гамму образов. Они умеют не только безошибочно определять индивидуальный запах, но также выделять отдельные компоненты из целого их букета. Опыты, проведенные над собаками в 1953 году, показали, что их обоняние примерно в миллион – тысячу миллионов раз острее нашего. С той поры эти поразительные результаты не раз подвергались сомнению, более точные тесты не смогли их подтвердить, но даже по самым скромным оценкам собачий нюх в сто раз острее нашего.

Вдобавок к столь первоклассному восприятию дикие собаки и кошки наделены превосходными физическими данными. Кошки молниеносно развивают спринтерскую скорость, собаки отличаются огромной выносливостью как бегуны на длинные дистанции. При нападении они могут использовать мощные челюсти, острые зубы, сильные, массивные передние лапы, оснащенные длинными, похожими на клинки когтями.

Для этих животных акт убийства стал самоцелью, завершающим актом. Правда, они редко убивают просто так, понапрасну, но если такое животное в неволе кормить готовой пищей, то его охотничий инстинкт отнюдь не будет удовлетворен. Всякий раз, когда хозяин прогуливает свою домашнюю собаку или бросает ей палку, чтобы та отыскала ее и принесла, он заботится об удовлетворении врожденной потребности пса, которую нельзя удовлетворить никаким количеством консервированной пищи. Даже самый откормленный домашний кот требует ночного моциона и возможности наброситься на ничего не подозревающую пичужку.

Их пищеварительная система такова, что может выдержать довольно продолжительные периоды поста, сменяющиеся обжорством. (К примеру, волк может за один раз съесть столько, что это составит одну пятую его собственного веса. Это все равно как если бы мы с вами за один присест «приговорили» кусок мяса весом в 10 кг.) Пища этих животных высококалорийна и содержит мало отходов. Однако их экскременты обильны и зловонны, а освобождение кишечника происходит по особым поведенческим правилам: в некоторых случаях экскременты закапываются, а место отправления естественных потребностей тщательно укрывается. В других – оно выбирается на значительном удалении от логова. Когда щенок гадит, фекалии пожираются матерью, в результате чего логово содержится в чистоте.

Способы хранения пищи довольно просты. Туша или ее части могут быть закопаны, как это делают собаки и некоторые виды кошек. Иногда еду прячут в хранилище на дереве – так поступают леопарды. Периоды интенсивной физической нагрузки во время преследования и убийства жертвы перемежаются периодами лени и отдыха. В случае возникновения малейших споров и распрей во время встреч с себе подобными средства самозащиты, столь необходимые для добывания пищи, представляют опасность для жизни и здоровья самих животных. Если два волка или льва ссорятся, то драка между ними может в считанные секунды окончиться увечьем или смертью, поскольку оба хорошо вооружены. Это может серьезно влиять на выживаемость вида, поэтому за длительный период эволюции, оснатившей эти виды животных смертельными орудиями убийства, они также вынуждены были выработать строгие правила, запрещающие применение этих орудий против других представителей собственного вида. По-видимому, эти запреты имеют некую генетическую основу: их незачем запоминать. Выработаны особые позы покорности, которые автоматически успокаивают доминирующее животное и исключают нападение. Наличие таких сигналов является важнейшим элементом существования этих типичных плотоядных.

Для разных видов характерны отличающие их друг от друга конкретные методы охоты. У леопарда это одиночный поиск или засада, сопровождаемая завершающим броском. Индийский леопард осторожно подкрадывается, после чего совершает молниеносный прыжок. Львы обычно охотятся группой: один лев гонит добычу к другим, спрятавшимся в засаде. Волчья стая, бывает, окружает добычу, чтобы затем дружно наброситься на нее. Стая африканских собак, как правило, безжалостно преследует добычу: одна собака за другой нападает на убегающую жертву, пока та не ослабнет от потери крови.

Последние исследования в Африке показали, что пятнистые гиены тоже охотятся стаей, а не являются, как принято считать, только падальщиками. Ошибочное мнение о них укоренилось оттого, что гиены сбиваются в стаи лишь ночью, а привычка питаться падалью всегда отмечалась у них в дневное время. Когда наступают сумерки, гиены становятся беспощадными убийцами, столь же ловкими, как собаки в дневную пору. Они без труда догоняют преследуемых зебр и антилоп, которые боятся развить полную скорость, какую развивают днем. Гиены начинают с того, что кусают за ноги ближайшую жертву, чтобы та отстала от убегающего стада. Затем все гиены набрасываются на раненое животное, вырывая из него куски мяса до тех пор, пока оно не упадет и не погибнет. Гиены собираются в логовах тесными сообществами. Группа, или клан, использующий такое лежбище, может насчитывать от десятка до сотни особей. Самки держатся вблизи лежбища, но самцы более подвижны и могут перемещаться в другие районы. Между кланами возникают серьезные распри, если отдельные хищники забредают на чужую территорию, однако между представителями одного клана актов агрессии почти не наблюдается.

Известно, что среди многих видов хищников существует дележ пищи. Разумеется, если добыча велика, то мяса оказывается достаточно для всей группы охотников и спорить из-за еды незачем. Однако в некоторых случаях дележ происходит иначе. К примеру, известно, что африканские собаки отрывают пищу, передавая ее друг другу после того, как охота окончена. Иногда это происходит так часто, что говорят, будто у них «коммунальный желудок».

Плотоядные, имеющие потомство, стараются изо всех сил обеспечить едой подрастающее поколение. Львицы охотятся сами и приносят мясо в логово или же проглатывают большие куски пищи, а затем отрывают их, кормя детенышей. По некоторым наблюдениям, в этом участвуют и львы-самцы, однако похоже, что такая практика среди них не очень распространена. Напротив, самцы-волки, как известно, пробегают до пятнадцати миль, чтобы добыть пищу и снабдить ею самку и детеныша. Они могут приносить большие кости с кусками мяса, чтобы их могли грызть щенки. В других случаях после убийства жертвы они проглатывают большие куски, а затем отрывают их у входа в логово.

Таковы некоторые из главных особенностей типичных плотоядных, определяемые их охотничьей жизнью. Чем же они отличаются от типичных пожирателей фруктов – мелких и крупных обезьян?

В аппарате чувств высших приматов зрение доминирует над обонянием. В мире деревьев, по которым им приходится лазать, умение хорошо видеть гораздо важнее умения различать запахи, поэтому нос у них значительно уменьшился, открывая обзор глазам. При поиске пищи полезным фактором является окраска фруктов, поэтому, в отличие от плотоядных, приматы выработали превосходное восприятие цвета. Их глаза лучше видят статичные детали. Их пища неподвижна, так что умение замечать незначительные перемещения не столь важно; важна способность отмечать малейшие различия в форме и текстуре плода. Слух им тоже необходим, но не в такой степени, как хищникам, поэтому уши у них меньше и они лишены возможности поворачивать их подобно плотоядным. Вкус у приматов более утонченный. Пища гораздо разнообразнее и ароматнее и отвечает самому изысканному вкусу. В частности, приматы весьма положительно реагируют на сладкие плоды.

Строение тела приматов приспособлено для лазанья и карабканья, но совсем не годится для спортивного бега по земле или продолжительных вылазок, требующих выносливости. Перед нами скорее тело ловкого акробата, чем мощного атлета. Руки приспособлены для того, чтобы хватать, а не рвать или наносить удары. Челюсти и зубы достаточно сильны, но им далеко до массивного, мощного, как тиски, жевательного аппарата плотоядных. А для того чтобы расправиться с мелкой добычей, значительных усилий им не требуется. К тому же охота

не является основным элементом жизни приматов.

Едят они в продолжение всего дня. Вместо того чтобы устраивать богатые пиры, сменяющиеся периодами продолжительного поста, мелкие и крупные обезьяны жуют не переставая день-деньской. Конечно, и у них бывают перерывы, обычно в середине дня и в ночное время, но тем не менее контраст между этими видами животных поразительный. Неподвижная пища всегда на месте и только и ждет, чтобы ее сорвали и съели. Животным необходимо лишь одно – перемещаться от одного места кормежки к другому по мере изменения их вкусов или исчезновения фруктов в связи со сменой времени года. Запасов продовольствия они не делают, разве только некоторые мелкие обезьяны на непродолжительное время прячут еду в защечные мешки.

Их экскременты не столь зловонны, как у хищников. Никаких особых навыков для их уборки ими не выработано, поскольку таковые падают с деревьев и всегда оказываются в стороне от животных. Так как сообщество приматов всегда в движении, опасность загрязнения той или иной местности невелика. Даже крупные обезьяны, которые ночуют в специальных спальных гнездах, каждую ночь меняют эти гнезда, и у них нет особой необходимости беспокоиться о чистоте жилища. (И тем не менее довольно удивительно, что в 99 % брошенных гориллами гнезд в одном районе Африки оставался кал, а 73 % животных лежали в своих экскрементах. Как следствие – появляется опасность возникновения болезней, так как увеличивается возможность повторной инфекции. Это указывает на полное безразличие приматов к соблюдению чистоты.)

Вследствие постоянного характера природы и изобилия пищи у приматов нет необходимости разделяться для ее поисков. Они могут перемещаться, убегать от врагов, отдыхать и спать тесно спаянным коллективом. Причем каждый индивид внимательно наблюдает за движениями и действиями другого. Каждый член сообщества имеет полное представление о том, чем занимаются все остальные. Это сильно отличает приматов от плотоядных. Даже среди тех видов приматов, которые время от времени разделяются, самое мелкое звено сообщества никогда не состоит из одного индивида. Отдельно взятая мелкая или крупная обезьяна – существо уязвимое. В отличие от плотоядных, она не имеет мощных природных средств самозащиты и, оказавшись в одиночестве, может стать легкой добычей рыскающих хищников.

Дух сотрудничества, который присутствует у таких охотящихся стаями животных, как волки, по сути, чужд миру приматов. Здесь на повестке дня конкуренция и доминирование. Соперничество в социальной иерархии существует, разумеется, в обоих сообществах, но у мелких и крупных обезьян оно явно превалирует над сотрудничеством. Излишни здесь и сложные скоординированные действия: добыча корма не требует совместных усилий. День примат чаще всего проводит в одиночестве – что он добудет, то и съест.

Поскольку у приматов пища есть постоянно, им незачем перемещаться на большие расстояния. Тщательному изучению были подвергнуты группы горилл – самых крупных представителей ныне живущих приматов. Были прослежены и маршруты их перемещений, поэтому теперь известно, что в среднем они проходят треть мили в день. Иногда они перемещаются и вовсе метров на сто. Плотоядным во время охоты, напротив, приходится зачастую покрывать расстояния свыше пятидесяти миль. Проходит несколько дней, прежде чем им удастся вернуться в свое логово. Такое поведение характерно для плотоядных, но отнюдь не для мелких и крупных обезьян. Правда, конкретное сообщество приматов обитает обычно в более или менее определенном районе, но ночуют они там, где их застает конец дня. Каждому животному этот район хорошо известен, поскольку передвигаются они по всей его площади, правда, довольно хаотично. Кроме того, взаимодействие между соседними группами приматов носит характер менее оборонительный и агрессивный, чем у плотоядных. Территорией обитания, по определению, является защищаемый участок местности, поэтому приматы не являются типично территориальными животными.

Нужно отметить малосущественный, но уместный факт: у плотоядных водятся блохи, а у приматов их нет. Мелким и крупным обезьянам досаждают вши и другие виды насекомых, но вопреки распространенному мнению не блохи. И на это есть свои причины. Для того чтобы понять их, необходимо изучить жизненный цикл блохи. Это насекомое откладывает яйца не на

теле хозяина, а в соре его жилья. Для того чтобы яйца блохи превратились в мелких ползающих личинок, требуется три дня. Эти существа питаются не кровью, а отходами, скапливающимися в грязи логова или берлоги. Две недели спустя они образуют кокон и превращаются в куколочку. В таком дремлющем состоянии они пребывают приблизительно еще две недели, прежде чем стать взрослыми особями, готовыми прыгнуть на тело подходящего хозяина. Выходит, в течение по крайней мере первого месяца своей жизни блоха изолирована от хозяина. Становится понятно, почему кочующие млекопитающие, к примеру мелкие и крупные обезьяны, не страдают от блошиных укусов. Даже если несколько блох случайно попадут на одну из них и будут оплодотворены, их яйца останутся дома, в то время как группа приматов переместится на новое место. Когда же выводятся куколочки, хозяина «под рукой» не оказывается. Поэтому блохи паразитируют на животных, обладающих постоянным жилищем, – таких, как типичные плотоядные. Значение этого факта скоро станет понятно.

Противопоставляя различие образа жизни плотоядных и приматов, я, естественно, сосредоточил основное внимание на жизни типичных животных-охотников, обитающих на открытой местности, с одной стороны, и типичных сборщиков плодов, живущих в лесу, – с другой. И здесь и там есть незначительные исключения, но мы должны сосредоточиться на одном очень важном исключении: голой обезьяне – человеку. До какой степени он смог видоизмениться, сочетать свое наследие пожирателя фруктов с новоприобретенным свойством плотоядного? Каким именно животным он стал в результате этого сочетания?

Для начала отметим, что он обладал неподходящим для жизни на земле аппаратом чувственного восприятия. Обоняние у него было слишком неразвитым, слух недостаточно острым. Физически человек не годился для испытаний на выносливость и для молниеносных бросков. Он был скорее конкурирующей, чем сотрудничающей личностью; ни планировать, ни сосредоточиваться он не умел. Но, на свое счастье, он обладал великолепным мозгом и превосходил умом своих соперников – плотоядных. Тело его приобрело вертикальное положение, руки и ноги изменились, умственные способности развились еще больше. Он использовал их во всю мочь, и у него появился шанс выжить.

Но скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, и это изменение отразилось на других сторонах повседневной жизни голой обезьяны, что видно из последующих глав. В данный момент нас интересует, каким образом были достигнуты эти результаты и как они сказались на поведенческих привычках голой обезьяны, касающихся охоты и питания.

Поскольку битву надо было выигрывать головой, а не силой, должен был произойти резкий эволюционный скачок, который значительно увеличил бы умственные возможности голой обезьяны. Произошло нечто необычное: обезьяна-охотник стала инфантильной обезьяной. Этот эволюционный прием не нов: он применялся в ряде совершенно разных случаев. Проще говоря, этот процесс (называемый «неотения») обозначает способность организмов сохранять особенности разных стадий своего развития и во взрослом состоянии. (Известным примером является аксолотль, род саламандры: он может всю жизнь оставаться головастиком и способен размножаться в таком состоянии.)

Каким образом процесс неотении помогает мозгу примата расти и развиваться, можно понять, рассматривая нерожденного детеныша обычной обезьяны. Мозг зародыша обезьяны быстро увеличивается в размерах и развивается. Когда животное рождается, его мозг успевает достичь 70 % величины мозга взрослой особи. Остальные 30 % быстро набираются в течение первых шести месяцев жизни животного. Даже у детеныша шимпанзе рост мозга заканчивается через год после его рождения. Если сравнить с нашим видом, то мы обнаружим, что при рождении наш мозг составляет лишь 23 % от размера мозга взрослого индивида. Быстрое его увеличение продолжается в течение первых шести лет жизни, а весь процесс роста мозга прекращается лишь на двадцать третьем году.

Выходит, что у нас с вами процесс роста мозга продолжается приблизительно в течение десяти лет *после* того, как мы достигли половой зрелости. Однако у шимпанзе он заканчивается за шесть или семь лет *до того*, как животное становится способным к размножению. Это объясняет, что мы имеем в виду, когда говорим, что мы стали инфантильными обезьянами; однако необходимо определить, что это значит. Мы (вернее, наши предки – обезьяны-охотники) стали инфантильными лишь в одном отношении, но не в других.

Темпы развития различных наших качеств шли неодинаково. В то время как наши органы размножения быстро развивались, темпы роста мозга отставали. То же происходило и с остальными компонентами нашего организма: одни из них развивались очень медленно, другие понемногу, третьи вовсе не развивались. Иными словами, шел процесс дифференцированного инфантилизма. После того как возникла эта тенденция, естественная селекция способствовала замедлению роста любых компонентов взросления животного, что способствовало его выживанию во враждебной и сложной новой среде. Мозг был не единственным элементом организма, подвергшимся изменениям. Произошли изменения и в осанке животного. У неродившегося млекопитающего ось головы находится под прямым углом к оси туловища. Если бы детеныш появился на свет в таком положении, то его голова смотрела бы вниз при передвижении на четырех конечностях. Однако перед самым рождением ось головы разворачивается назад и совпадает с осью тела. Родившись и начав ходить, он смотрит вперед, как и полагается. Если бы такое животное начало ходить на задних лапах, находясь в вертикальном положении, то его голова смотрела бы в небо. Следовательно, для животного с вертикальным положением тела, каковым является крупная обезьяна-охотник, важно было сохранить то положение головы, какое имел его зародыш. Поэтому, несмотря на новое положение тела при передвижении, его голова должна была смотреть вперед. Именно это и произошло. Перед нами пример неотении, при которой положение зародыша сохранилось и у взрослой особи.

Таким образом можно объяснить возникновение и других физических особенностей обезьяны-охотника: длинную стройную шею, плоское лицо, небольшие зубы (и их позднее появление), отсутствие тяжелых надбровных дуг и отсутствие вращательных функций больших пальцев ног.

Тот факт, что многие особенности животного, существовавшие у него в зародышевом состоянии, оказались потенциально полезными для обезьяны-охотника, и явился эволюционным прорывом, в котором наша обезьяна так нуждалась. Она сумела обзавестись мозгом необходимой величины и подходящим телом. Это существо, находясь в вертикальном положении, могло бегать и удерживать в своих руках оружие. В то же самое время у него развивался мозг, позволявший усовершенствовать это оружие. Более того, существо не только научилось манипулировать различными предметами, но и имело более продолжительный период детства, в течение которого могло перенимать навыки у родителей и других взрослых особей. Детеныши мартышек и шимпанзе – игривые, любознательные и изобретательные существа, но этот период у них быстро проходит. В этом отношении детство голой обезьяны продолжалось до самого полового созревания. У нее было достаточно времени, чтобы подражать и усваивать навыки, выработанные поколениями предков. Недостаточно развитый инстинкт и малая физическая сила с лихвой компенсировались сообразительностью и подражательными способностями. Человек мог перенимать опыт своих родителей, чего не умело делать никакое другое животное.

Однако одного обучения было недостаточно. Требовалась генетическая поддержка. Этот процесс должен был сопровождаться коренными биологическими изменениями в природе обезьяны-охотника. Если бы можно было просто взять типичного обитателя леса – питающегося фруктами примата – и наделить его крупным мозгом и туловищем охотника, то ему было бы трудно стать удачливой обезьяной-охотником, не претерпев дополнительных видоизменений. Его основные поведенческие привычки оказались бы ошибочными. Животное могло бы разумно мыслить, разрабатывать очень толковые планы, но его основные инстинкты не вписывались бы в общую картину. Полученные в результате обучения навыки работали бы против его естественных склонностей, причем не только в отношении питания, но и в отношении его социального, агрессивного и сексуального поведения и всех других аспектов его прежнего существования в качестве примата. Если бы и здесь не произошли генетически управляемые изменения, то новое воспитание молодой обезьяны-охотника стало бы непосильной задачей. Культурной подготовкой можно достичь многого, однако как бы превосходно ни функционировали мозговые центры, необходима значительная поддержка снизу.

Если мы оглянемся назад и посмотрим на различия между типичным плотоядным и

типичным приматом, то сможем понять, как это все приблизительно происходило. Развитое плотоядное отделяет действия, связанные с поиском пищи (охота и убийство), от действий, связанных с питанием. И те и другие превратились в две обособленные системы мотивации, лишь частично зависящие друг от друга. Это произошло из-за того, что весь процесс слишком длителен и трудоемок. Процесс питания слишком отдален по времени, поэтому процесс убийства должен стать наградой сам по себе. Исследование представителей семейства кошачьих показало, что их действия подразделяются на несколько этапов. Поймать добычу, убить, приготовить (ободрать), съесть ее – каждое из этих действий обусловлено независимой мотивацией. Если достигнута одна цель, то это не означает, что автоматически достигаются и все остальные. Такой порядок следовало менять, и, говоря об обезьяне-охотнике, менять коренным образом. Охота сама по себе должна была стать наградой, она более не могла выступать в качестве аппетитной приманки, завершающейся трапезой. Возможно, как и в случае с кошачьими, охота, убийство и приготовление пищи должны были стать самостоятельными этапами, каждый из которых имеет свое завершение, а завершение одного из них не должно было подавлять желание завершить другие. Если мы изучим (что мы и сделаем в одной из последующих глав) поведение при кормежке современных голых обезьян, то обнаружим множество указаний на то, что нечто подобное действительно происходило.

Став биологическим (в отличие от культурного) убийцей, обезьяна-охотник, помимо того, была вынуждена внести временные поправки в свои поведенческие особенности, связанные с питанием. Частые трапезы отошли в прошлое, на смену им пришли редкие, но зато обильные пиршества. Возникла необходимость хранить пищу. В поведенческую систему потребовалось встроить главную тенденцию – возвращаться в постоянное логово. Нужно было усовершенствовать умение ориентироваться и определять нужное направление. Нужно было решить проблему отправления естественных потребностей. На смену коммунальным поведенческим привычкам (примата) должны были прийти привычки одиночки (плотоядного).

Я отмечал ранее, что использование постоянного логова может привести к появлению блох у его обитателей. Я также утверждал, что у плотоядных заводятся блохи, а у приматов – нет. Если обезьяна-охотник отличалась от остальных приматов тем, что имела постоянное логово, то следует предположить, что она нарушила правило приматов касательно блох, как, похоже, оно и оказалось. Мы знаем, что в настоящее время на представителях нашего вида паразитируют эти насекомые и что у нас есть свой собственный, отличающийся от остальных, вид блох, который возник вместе с нами. Если бы у него, у этого вида, было достаточно времени для того, чтобы превратиться в новый вид, то он сосуществовал бы рядом с нами очень давно, став нежелательным спутником в ранний период нашего существования как обезьян-охотников.

В социальном плане у обезьяны-охотника должна была усилиться тяга к общению и сотрудничеству со своими сородичами. Должны были усложниться мимика лица и речевые навыки. Умея обращаться с оружием, обезьяна-охотник должна была разработать такие сигналы, которые исключали бы взаимные нападения членов сообщества. В то же время, вынужденная защищать свое постоянное жилище, она должна была выработать более агрессивную реакцию по отношению к представителям других враждебных сообществ.

Вследствие требований, выдвигаемых новыми условиями жизни, животное должно было подавить в себе свойственное приматам сильное желание никогда не отрываться от основной массы сородичей.

Приобретая навыки сотрудничества, а также учитывая нерегулярное поступление пищи, животное должно было научиться делиться ею. Подобно волкам, упомянутым ранее, обезьяна-охотник тоже должна была приносить пищу домой – самкам и их медленно подрастающим детенышам. Такого рода отцовский инстинкт явился новой чертой, поскольку общая особенность приматов заключается в том, что почти вся родительская забота исходит от матери. (Лишь разумный примат, вроде нашей обезьяны-охотника, знает собственного отца.)

Из-за чрезвычайно продолжительного периода воспитания чад и множества требований, предъявляемых ими, самки оказались постоянно привязанными к своему логову. В этом отношении новый образ жизни обезьяны-охотника создал особую проблему, которая шла

вразрез с поведением типичных плотоядных: потребовалась более четкая дифференциация роли полов. В отличие от сообществ хищников, охотничьи группы должны были состоять исключительно из самцов. Именно это обстоятельство шло вразрез с тенденциями, господствовавшими среди приматов. Чтобы взрослый примат-самец отправился в поход за пищей, оставив своих самок незащищенными от знаков внимания со стороны других самцов, которые могли оказаться поблизости, – это было чем-то неслыханным. Ни один уровень культурного развития не мог допустить такого. Был необходим мощный сдвиг в социальном поведении вида.

Этим сдвигом оказалось возникновение брачных пар. Обезьяны-охотники обоего пола должны были влюбляться и оставаться верными друг другу. Такого рода практика характерна для многих других видов животных, но редко встречается у приматов. Это означает, что самки закреплены за определенными самцами и оставались верными им во время их отсутствия. Подразумевалось, что это значительно снизит степень опасности возникновения серьезных распрей на сексуальной почве между самцами. Данное обстоятельство способствовало сотрудничеству между представителями вида. Для успешной охоты было необходимо, чтобы как более слабые, так и более сильные самцы выполняли свои обязанности. Они должны были играть центральную роль в обществе, и их нельзя было отодвинуть на задворки, как это происходит во многих сообществах приматов. Более того, располагая недавно появившимся у него изготовленным смертоносным оружием, самец обезьяны-охотника испытывал сильный соблазн устранить любой источник разногласий среди представителей своего племени. Возникновение ячейки типа «один самец – одна самка» благоприятно сказывалось и на молодняке. Трудная задача по воспитанию и подготовке медленно развивающегося детеныша требовала спаянной семьи. Когда нагрузка на одного родителя становится слишком велика, в других сообществах животных, будь то рыбы, птицы или млекопитающие, появляется прочный союз, соединяющий родителей обоих полов в течение всего периода воспитания детенышей. Именно это произошло и с обезьяной-охотником.

В результате самки стали уверены в поддержке со стороны своих самцов и могли целиком посвятить себя материнским обязанностям. Самцы же теперь могли избегать стычек с соперниками, они были уверены в верности своих подруг и могли со спокойной душой покидать их, отправляясь на охоту. Молодняк был обеспечен максимальной заботой и вниманием. Конечно, такое разрешение проблемы представляется нам идеальным, но оно подразумевало и коренные изменения в социосексуальном поведении индивидов. Как мы убедимся впоследствии, процесс этот так и не был по-настоящему усовершенствован. Судя по поведению нашего вида в настоящее время, эта тенденция не была доведена до конца. Наши древние инстинкты приматов то и дело дают о себе знать, пусть и не в столь выраженной форме.

Вот таким образом обезьяна-охотник вошла в роль убийцы-плотоядного и изменила соответственно привычки, свойственные примату. Я предположил, что это были коренные, биологические, а не просто культурные перемены и что таким образом новое существо стало изменяться на генетическом уровне. Вы можете считать, что это необоснованное предположение. Возможно, вы полагаете (таково воздействие культурного воспитания!), что эти видоизменения вполне могли произойти за счет обучения и возникновения новых традиций. Я лично в этом сомневаюсь. Стоит лишь взглянуть на сегодняшнее поведение представителей нашего вида, чтобы убедиться в ошибочности такого мнения. Культурное развитие позволило нам достичь впечатляющих успехов в плане техники, однако всякий раз, когда сталкиваются прогресс и наши основные биологические свойства, прогресс встречает сильное сопротивление. Основы нашего поведенческого характера, заложенные в эпоху, когда мы были обезьянами-охотниками, просматриваются во всех наших поступках, какими бы возвышенными они ни были. Если бы организация нашей ранней деятельности – наше питание, наш страх, наша агрессивность, наша сексуальная жизнь, наше родительское попечение – развивались исключительно средствами культуры, то, без сомнения, к настоящему времени мы сумели бы лучше контролировать свое поведение и видоизменять его таким образом, чтобы удовлетворять растущим требованиям, предъявляемым нам нашими техническими достижениями. Но этого не произошло. Мы то и дело склоняли голову перед своей животной природой и молча признавали

существование того зверя, со всеми его особенностями и капризами, который шевелится внутри нас. Если мы хотим быть честными, то признаемся, что понадобятся миллионы лет и такой же генетический процесс, который создал нас, чтобы изменить существующее положение. Тем временем наши невероятно сложные цивилизации смогут процветать лишь в том случае, если мы создадим их так, чтобы они не вступали в конфликт или не подавляли наши основные животные потребности. К сожалению, наш разум не всегда находится в гармонии с нашими чувствами. Существует масса примеров, показывающих, как развитие общества в неверном направлении заканчивалось или его гибелью, или застоєм.

В последующих главах мы попытаемся понять, как это происходило, но прежде всего нужно ответить на один вопрос – тот самый, который был задан в начале главы. Впервые столкнувшись с этим странным видом животного, мы заметили в нем одну особенность, выделившую его из длинного ряда приматов. Эта особенность – отсутствие волосяного покрова, что заставило меня как зоолога дать этому существу название «голая обезьяна». Мы уже успели убедиться, что ему можно было дать множество других подходящих названий: «прямоходящая обезьяна»; «обезьяна, изготавливающая орудия»; «мозговитая обезьяна»; «территориальная обезьяна» и т. д. Но эти особенности мы заметили не в первую очередь. Если бы мы рассматривали это существо как экспонат в зоологическом музее, то прежде всего нам в глаза бросилась бы его нагота. Именно этого названия мы и будем придерживаться хотя бы для того, чтобы соответствовать другим зоологическим исследованиям и помнить о специфическом подходе к данной проблеме. Но каково же значение этого странного отличия? С чего бы это обезьяна-охотник стала голой обезьяной?

К сожалению, когда речь идет об установлении различий между кожным и волосяным покровом, нам не могут помочь результаты раскопок, поэтому мы не знаем, когда именно произошло это обнажение. Мы можем довольно уверенно сказать, что случилось это не раньше, чем наши предки покинули свои лесные жилища. Это обстоятельство настолько удивительно, что, как нам представляется, возникло оно в результате великого преобразовательного процесса, развернувшегося на открытых пространствах. Но как именно это произошло и что помогло выжить появившейся там обезьяне?

Вопрос этот давно мучит специалистов, и было выдвинуто много самых невообразимых теорий. Одна из наиболее перспективных заключается в том, что случившееся стало неотъемлемой частью процесса неотении. Если вы внимательно посмотрите на новорожденного детеныша шимпанзе, то увидите, что голова у него покрыта шапкой волос, в то время как туловище почти голое. Если бы в результате неотении такая внешность сохранялась и в дальнейшем, то у взрослого шимпанзе волосяной покров был бы таким же, как у нас.

Любопытно, что у нашего вида это обусловленное неотенией подавление роста волос не было усовершенствовано окончательно. Растущему зародышу свойственна типичная для млекопитающих волосатость, поэтому между шестым и восьмым месяцем жизни в матке он оказывается почти целиком покрыт тонкой шерстью, похожей на пух. Эта оболочка зародыша, от которой он освобождается лишь перед самым рождением, называется «лануго». Иногда недоношенные дети – к ужасу своих родителей – появляются на свет в лануго, первичном волосяном покрове, который за редким исключением быстро сбрасывается. Зарегистрировано всего лишь около тридцати случаев, когда появлялось потомство, сохранившее волосяной покров и в зрелом возрасте.

И все-таки у взрослых особей нашего вида довольно много волос на теле – больше, чем у наших сородичей-шимпанзе. Речь идет не о длинной шерсти, а о мелких волосках. (Кстати, это относится не ко всем расам – у негров волосяной покров действительно отсутствует.) На основании данного факта некоторые знатоки анатомии заявляют, что мы не вправе считать себя безволосыми, или голыми, животными. А один видный ученый даже заявил, что утверждение, мол, «мы являемся наименее волосатыми из всех приматов», весьма далеко от истины; так что «многочисленные нелепые теории, объясняющие мнимую утрату нами волос, к счастью, не нужны». Заявление это – чистейший вздор. Это все равно что сказать: поскольку у слепого есть два глаза, он не слеп. С функциональной точки зрения мы совершенно наги, наш кожный покров никак не защищен от воздействия внешней среды. Такое положение вещей все же необходимо объяснить независимо от того, сколько мелких волосков мы можем сосчитать,

разглядывая их в лупу.

Ссылки на неотению лишь показывают нам, каким образом появилась нагота. Она никак не объясняет пользу обнаженности как новой характеристики, которая помогла голой обезьяне выжить во враждебной окружающей среде. Можно утверждать, что никакой пользы от наготы не было, что она была побочным продуктом других, более существенных неотенических изменений, как, например, развитие мозга. Но, как мы уже видели, неотения – это процесс дифференцированного замедления развития. Некоторые черты замедляются в своем развитии в большей степени, чем другие, – скорость роста выбивается из фазы. Поэтому едва ли такой потенциально опасный признак инфантилизма, как нагота, мог сохраняться только из-за того, что замедлялось развитие других характеристик. Если бы эта особенность не представляла собой какой-то ценности, то она была бы быстро устранена путем естественного отбора.

Так какую же пользу с точки зрения выживания имел голый кожный покров? Одно из объяснений заключается в следующем. Когда обезьяна-охотник рассталась со своей прежней кочевой жизнью и перешла к оседлой, в ее логове завелись полчища паразитов. Использование одних и тех же лежбищ изо дня в день, как предполагают, было чрезвычайно благоприятным для появления там множества всевозможных зудней, клещей, блох и клопов, ставших опасным источником инфекции. Сбросив с себя волосяной покров, пещерный житель сумел справиться с проблемой.

Возможно, в этой гипотезе есть доля истины, но едва ли такая причина сыграла решающую роль. Лишь немногие млекопитающие, обитавшие в пещерах – а их были сотни, – пошли на такую меру. Тем не менее, если нагота была обусловлена каким-то другим обстоятельством, то, возможно, проще было бы отделаться от надоевших паразитов. Такая задача и поныне отнимает уйму времени у более волосатых приматов.

Возникает еще одно предположение. Обезьяна-охотник отличалась такой неаккуратностью во время еды, что покрытая шерстью шкура вскоре становилась неопрятной, пачкалась и превращалась в источник инфекции. Отмечено, что стервятники, которые погружают клюв и шею во внутренности павшего животного, утрачивают перья на этих частях тела. Возможно, то же самое произошло и с волосяным покровом обезьян-охотников, распределенным по всему телу. Однако умение создавать орудия для убийства и свежевания добычи вряд ли возникло у охотника ранее умения использовать другие предметы для очистки шкуры. Даже шимпанзе, обитающая в джунглях, когда у нее возникают проблемы с дефекацией, использует в качестве туалетной бумаги листья.

Было даже выдвинуто предположение, что утрата волосяного покрова связана с появлением огня. Утверждают, что обезьяна-охотник вынуждена была зябнуть лишь ночью, а оказавшись у костра, могла обойтись без шкуры ночью и не бояться жары днем.

Другая, еще более оригинальная теория состоит в том, что, прежде чем стать обезьяной-охотником, ее предок, вышедший из леса и начавший жить на открытой местности, прошел длительную стадию обитателя водной среды. Представим себе, как животное перемещается к побережью тропических морей в поисках пищи. Там оно находит относительное изобилие моллюсков и других обитателей прибрежной зоны. Выбор пищи здесь гораздо богаче, и она гораздо привлекательнее, чем на равнине. Сначала животное ищет пищу в лужах среди камней и на мелководье, но со временем ему приходится заплывать на более глубокие участки и нырять в поисках еды. Утверждают, что во время этого процесса обезьяна и утратила волосяной покров подобно другим млекопитающим, вернувшимся к морю. Только на голове, возвышавшейся над водой, сохранились волосы, защищавшие голову от ярких солнечных лучей. Позднее, когда ее инструменты (первоначально приспособленные для вскрытия раковин моллюсков) стали достаточно сложными, она удалилась от побережья и стала жить на суше, промышляя охотой.

Утверждают, что эта теория объясняет, почему мы так подвижны в воде, в то время как наши сородичи-шимпанзе столь беспомощны и быстро тонут. Она объясняет также обтекаемую форму нашего тела и даже вертикальное положение туловища, которое, по мнению некоторых ученых, появилось у нас по мере того, как мы забредали на все более глубокие участки прибрежных вод. Теория эта также объясняет необычный характер волосяного покрова нашего тела. При внимательном изучении расположения волосков мы обнаруживаем поразительные

отличия от того, как ориентирован волосяной покров у остальных крупных обезьян. У нас волосы направлены назад и внутрь, под углом к позвоночнику. Такое направление совпадает с направлением потока воды, рассекаемого телом пловца, и указывает на то, что если волосяной покров изменился до его утраты, то это произошло с целью уменьшить сопротивление воды при плавании. Также отмечается, что мы единственные из всех приматов, у которых имеется толстый слой подкожного жира, являющегося природным изолятором. Подчеркивается, что никакого иного объяснения такой особенности нашей анатомии не выдвигалось. Даже чувствительность наших рук используется в поддержку акватической теории. Действительно, довольно грубая конечность сможет удерживать камень или палку, однако, чтобы отыскивать пищу в воде, нужна достаточно чувствительная рука. Возможно, именно таким образом крупная обезьяна, обитавшая на земле, приобрела сверхразвитые передние конечности, которые она и передала по наследству обезьяне-охотнику. Наконец, акватическая теория выводит из себя палеонтологов, указывая на то, что они до сих пор не сумели объяснить отсутствующее звено в нашем прошлом, и советуя им взять на себя труд произвести поиски в тех областях, которые представляли собой африканское побережье миллион лет назад или около того. В таком случае они смогли бы найти кое-что полезное для себя.

К сожалению, этого не было сделано и, несмотря на любопытные косвенные данные, надежного подтверждения акватическая теория не получила. Она убедительно объясняет наличие ряда особенностей у человека, но требует взамен согласиться с существованием важной гипотетической фазы в эволюции, не имеющей доказательств ее существования. (Даже если впоследствии теория окажется правильной, она не будет сильно противоречить общепринятой картине превращения обезьяны, живущей на открытом пространстве, в обезьяну-охотника. Это будет всего лишь означать, что сухопутная обезьяна прошла целительный обряд крещения.)

Приводится еще один аргумент в пользу совершенно новой теории. Утверждается, что утрата волосяного покрова была не реакцией на физические изменения в среде, а тенденцией социального порядка. Иными словами, что это произошло не механически, а в качестве сигнала на социальный климат. Голые участки кожи можно увидеть у многих видов приматов, а в некоторых случаях они, по-видимому, служат в качестве видовых опознавательных знаков, позволяющих одной обезьяне определить, принадлежит ли встреченная ею обезьяна к тому же или иному виду. Утрата волос обезьяной-охотником рассматривается просто как произвольно выбранная характеристика, которая была принята данным видом в качестве родового признака. Не приходится сомневаться, что полная нагота сделала голую обезьяну поразительно узнаваемой, но существует множество других, не столь радикальных способов достичь той же самой цели, не жертвуя ценным изолирующим покровом.

Согласно еще одной теории, утрата волос явилась своего рода продолжением сексуальной сигнализации. Утверждается, что самцы млекопитающих обычно более волосаты, чем самки, и что, подчеркивая это различие, голая самка-обезьяна могла стать сексуально более привлекательной для самца. Тенденция к утрате волос могла коснуться и самца, но в меньшей степени и при наличии таких контрастных участков, как борода.

Последняя мысль вполне может объяснить различия в характере волосяного покрова у противоположных полов, и все же утрата защитного слоя была слишком высокой ценой одной лишь сексуальной привлекательности даже при наличии подкожного жира, отчасти компенсирующего потерю волос. Одна из модификаций этой теории состоит в том, что не столько внешний вид, сколько осязание имело значение в сексуальном смысле. Соприкасаясь обнаженными телами во время полового акта, как самка, так и самец острее чувствовали эротическое возбуждение. У вида, у которого появилось деление на пары, это обостряло бы чувства и укрепляло брачный союз благодаря большему удовлетворению от соития.

Пожалуй, наиболее распространенное объяснение наготы заключается в том, что она появилась как способ охлаждения тела. Покинув тенистые леса, обезьяна-охотник стала подвергаться воздействию более высоких температур, чем те, которые она испытывала прежде. Предполагается, что животное освободилось от своего теплого покрова с целью избежать перегрева. На первый взгляд объяснение довольно убедительное. Действительно, в жаркий летний день мы снимаем с себя пиджак. Но при ближайшем рассмотрении гипотеза не

выдерживает критики. Прежде всего ни одно другое животное (приблизительно одинаковых с нами размеров), оказавшись на открытой местности, такого шага не совершило. Иначе мы увидели бы голых львов и бесшерстных шакалов. А между тем и те и другие сохранили шкуры с короткой, но плотной шерстью. На открытом воздухе голая кожа, конечно, может переохлаждаться, но ее наличие в то же самое время увеличивает перегрев тела и риск ожога солнечными лучами, как это известно любому почитателю загара. Опыты в пустыне показали, что легкая одежда может способствовать потере тепла за счет уменьшения влагоотделения, но она также уменьшает перегрев тела на 55 % по сравнению с тем, которому подвергается полностью обнаженный человек. Однако при действительно высоких температурах лучшей защитой является плотная свободная одежда, которую носят жители арабских стран. Она уменьшает тепловое воздействие, но в то же время позволяет воздуху циркулировать вокруг тела и способствовать испарению выделяемого пота.

Очевидно, ситуация сложнее, чем кажется на первый взгляд. Многое будет зависеть от конкретной температуры окружающей среды и интенсивности солнечного облучения. Даже если предположить, что климат способствовал утрате волосяного покрова – то есть он был умеренно, но не чересчур жарким, – нам все-таки придется объяснить разительное отличие кожного покрова голый обезьяны от других плотоядных, обитающих на открытой местности.

Есть только один способ сделать это, и он, возможно, даст лучший ответ на проблему нашей наготы. Существенная разница между обезьяной-охотником и его соперниками-плотоядными состояла в том, что обезьяна не была физически подготовлена к совершению молниеносных бросков на жертву и далее к продолжительному ее преследованию. Но именно этого ей предстояло добиться. Примат-охотник преуспел благодаря более развитому мозгу, что привело к умению ловко маневрировать и изготавливать более смертоносные орудия. И все же такие усилия, должно быть, приводили к огромным физическим нагрузкам. Преследование было настолько необходимым, что животному пришлось смириться с такими нагрузками. Однако при этом оно, вероятно, испытывало значительный перегрев тела. Возникло мощное давление в категориях естественного отбора, чтобы уменьшить перегрев подобного рода. Поощрялось любое улучшение, даже за счет потерь в других направлениях. От решения проблемы зависело само существование вида. Наверняка это было ключевым фактором в процессе превращения волосатой обезьяны-охотника в голую обезьяну. Благодаря неотении, способствовавшей этому процессу, наличию второстепенных благоприятных факторов, о которых мы уже упоминали, решения оказались жизнеспособными. Избавившись от плотного волосяного покрова и увеличив количество потовых желез на всей поверхности тела, можно было достичь значительного охлаждения – и не для повседневной размеренной жизни, а для решительных моментов преследования. При этом в изобилии вырабатывается испаряющаяся жидкость, покрывающая обдуваемые воздухом напряженные члены и все тело охотника.

Разумеется, эта система была бы бесполезной, если бы климат оказался слишком жарким и мог привести к повреждениям обнаженной кожи, но в умеренно теплых климатических условиях она была приемлемой. Интересно отметить, что одновременно происходило создание подкожного жирового слоя, что указывает на необходимость поддержания температуры тела при других обстоятельствах. Если кому-то покажется, что наличие такого слоя с лихвой компенсирует утрату волосяного покрова, то следует вспомнить, что жировой слой способствует сохранению тепла тела при низкой температуре, не препятствуя испарению пота в случае перегрева тела. Сочетание уменьшения площади волосяного покрова с увеличением количества потовых желез и наличием слоя подкожного жира, по-видимому, дало нашим трудолюбивым предкам именно то, что им было необходимо для охоты, ставшей одной из самых главных потребностей при новом способе жизни.

Вот она стоит – прямоходящая, занимающаяся охотой, владеющая оружием, территориальная, неотеническая, мозговитая Голая Обезьяна – примат по происхождению и плотоядная по выбору, – готовая завоевать мир. Но это совсем новое, экспериментальное создание, а у новых изделий зачастую бывают недостатки. Для нашего героя главные проблемы будут связаны с тем, что обусловленные культурой успехи будут обгонять его генетическое развитие. Гены не смогут справиться с предложенным темпом и будут постоянно напоминать

ему, что при всех обусловленных окружающей средой успехах он, по существу своему, остается голой обезьяной.

Тут мы можем оставить его прошлое и посмотреть, каково ему живется сегодня. Как ведет себя современная голая обезьяна? Как она решает старые как мир проблемы, связанные с питанием, борьбой за свое место под солнцем, брачной жизнью и воспитанием потомства? В какой мере компьютеру, встроенному в мозг, удалось реорганизовать ее животные инстинкты? Возможно, ей пришлось пойти на большие уступки, чем она склонна признаться. Посмотрим.

2

Брачные отношения

С точки зрения сексуальности голая обезьяна оказывается в довольно двусмысленном положении. Будучи приматом, она влекома в одну сторону, будучи плотоядным – в другую, а будучи членом сложного цивилизованного общества – в третью.

Начнем с того, что всеми своими сексуальными качествами наш герой обязан предкам – питавшимся фруктами лесным обезьянам. Затем его характеристики коренным образом изменились, чтобы соответствовать новому образу жизни обитателя открытой местности, промышлявшего охотой. Это было достаточно трудно, но затем эти характеристики пришлось приспособить таким образом, чтобы они удовлетворяли быстрому развитию все более усложнявшейся культурно-детерминированной социальной структуры.

Первое из этих изменений при превращении сексуального сборщика плодов в сексуального охотника происходило в течение довольно продолжительного периода времени и достаточно успешно. Второе из этих изменений произошло менее успешно. Оно осуществлялось слишком быстро и должно было определяться разумом и научно обоснованным сдерживанием своих импульсов, а не биологическими переменами, основанными на принципах естественного отбора. Можно сказать, что не столько развитие цивилизации изменило наше современное сексуальное поведение, сколько сексуальное поведение определило формы, которые приняла цивилизация. Если кому-нибудь это покажется слишком смелым заявлением, то сперва позвольте мне изложить свои соображения, а затем, в конце главы, мы можем вернуться к нашему спору.

Прежде всего мы должны установить, как именно ведет себя сегодня голая обезьяна в сексуальном смысле. Сделать это не так просто, как кажется, из-за большого разнообразия как сообществ, так и нравов внутри их. Единственный выход – это взять усредненные результаты из большой выборки наиболее благополучных обществ. Малочисленными, отсталыми, неблагополучными обществами мы, как правило, будем пренебрегать. У них могут существовать обворожительные и своеобразные сексуальные обычаи, но с биологической точки зрения они более не принадлежат к основному ходу эволюции. Вполне возможно, что именно необычность их сексуального поведения способствовала тому, что как социальные группы они не добились успеха.

Большая часть сведений, которыми мы располагаем, получена на основании доскональных исследований, проведенных за последние годы в Северной Америке и основанных главным образом на этой культуре.

Сексуальное поведение нашего вида включает три характерные фазы: образование пар; действия, предшествующие соитию; собственно соитие. Обычно, но не всегда эти действия происходят именно в таком порядке. Стадия образования пар, обычно называемая ухаживанием, по меркам животных чересчур протяженна и зачастую длится неделями и даже месяцами. Как это происходит и с многими другими видами, эта стадия характеризуется экспериментальным, противоречивым поведением, где боязнь и агрессивность сталкиваются с сексуальным притяжением. Если взаимные сексуальные сигналы сильны, то нервозность и неуверенность постепенно сходят на нет. К таким сигналам относятся сложная мимика, позы, звуки голоса. Последние могут носить специфический и символический характер, но те и другие воспринимаются представителем противоположного пола совершенно однозначно. О флиртующих часто говорят, что они «воркуют», обмениваясь милыми, ничего не значащими словами. Это выражение точно определяет, насколько важнее тон, которым произносятся слова,

чем их содержание.

После начальных стадий визуальных и звуковых авансов происходят элементарные соприкосновения. Обычно это случается во время прогулок, которые теперь значительно учащаются. За касанием пальцев и рук следуют прикосновения лица к лицу и поцелуи. Затем начинаются объятия – как в неподвижном состоянии, так и во время движения. Мы частенько наблюдаем, как влюбленные внезапно срываются с места, бегают друг за другом, прыгают, танцуют. К ним в этот период может вернуться их юношеская игривость.

Значительная часть процесса образования пары может происходить и на публике, но, когда процесс переходит в предкопуляционную стадию, партнеры ищут уединения и последующие их действия происходят как можно дальше от остальных представителей вида. При наступлении предкопуляционной фазы удивительно часто принимается горизонтальное положение. Телесные контакты становятся более интенсивными и продолжительными. Несильные соприкосновения боками сменяются тесными объятиями. В таком положении, когда партнеры находятся лицом к лицу, они могут пребывать несколько минут и даже часов. При этом звуковые и визуальные сигналы все чаще теряют значение, зато учащаются физические контакты. Партнеры касаются друг друга пальцами, руками, губами и языком. Частично или целиком снимается одежда, и происходит стимуляция кожного покрова на максимально большей площади тела.

На этой стадии партнеры прижимаются ртами особенно часто и долго – то едва касаясь, то с невероятной силой. В момент наивысшего напряжения губы раскрываются, и в рот партнера всовывается язык. Затем активными движениями языка стимулируется чувствительная кожа полости рта. Губами и языком партнеры прикасаются и ко многим другим участкам тела, в частности – к мочкам ушей, шее и гениталиям. Самец обращает особенное внимание на груди и соски подруги. Касание их губами и языком превращается в старательное их вылизывание и сосание. Помимо того что к ним притронулись однажды, гениталии могут стать объектом новых ласк. Когда это происходит, мужчина сосредоточивается главным образом на клиторе подруги, а та – на пенисе, хотя оба партнера не забывают и об остальных участках тела.

Различные части тела партнеры не только целуют, но и покусывают. Обычно кожу легонько щекочут, пощипывают, но бывает, что и сильно, даже больно кусают.

Вместе с оральным возбуждением тела партнера происходит мануальная стимуляция его кожного покрова. Руки и пальцы изучают всю его поверхность, в особенности сосредоточиваются на лице, а в состоянии сильного возбуждения – на ягодицах и области гениталий. Мужчину особенно привлекают женские груди и соски. Он неоднократно поглаживает их и ласкает. Время от времени сжимает с силой и может ногтями впиться в плоть. Бывает, что женщина сжимает в руке пенис или ритмично поглаживает его, имитируя движения при копуляции. Мужчина, в свою очередь, ласкает, зачастую ритмичными движениями, женские гениталии, в особенности клитор.

Вдобавок к этим соприкосновениям ртом, руками и всей поверхностью тела наблюдается усиление предкопуляционной активности: оба ритмично трутся гениталиями о тело друг друга. Все чаще руки и ноги обоих переплетаются, что сопровождается мощными сокращениями мускулов. Все тело пребывает в напряжении, за которым следует расслабление.

Таковы сексуальные стимулы, посылаемые партнерами во время периодов предкопуляционной активности, которые в достаточной мере физиологически возбуждают партнеров, подготовив их к соитию. Половой акт начинается с того, что мужской член вводится во влагалище женщины. Обычно это происходит в таком положении, когда оба обращены лицом друг к другу. Мужчина находится на женщине, лежащей с раздвинутыми ногами в горизонтальном положении. Как мы увидим позднее, существует много вариантов этой позиции, но описанная – самая простая и типичная. Затем мужчина начинает совершать ритмичные движения тазом. Движения могут значительно различаться по силе и скорости, но в обычных условиях они довольно часты и энергичны. По мере продолжения соития появляется стремление сократить прикосновения ртом и руками, во всяком случае, они становятся не столь изысканными и сложными. Однако эти ставшие теперь вспомогательными формы взаимного возбуждения продолжают в течение большей части акта.

Фаза копуляции обычно менее продолжительна, чем предкопуляционная стадия. В

большинстве случаев, если акт преднамеренно не затягивается, мужчина достигает завершающей стадии – семяизвержения – через несколько минут. Похоже, что самки других приматов не испытывают оргазма при совокуплении, но голая обезьяна уникальна в этом отношении. Если мужчина продолжает половой акт, то удовлетворение от него получает и женщина. Оргазм у нее проходит столь же бурно и приводит к такой же эмоциональной разрядке, как и у мужчины; единственное отличие – семяизвержения у нее не бывает. Некоторые женщины достигают такого момента («кончают») очень быстро, с другими этого вовсе не происходит, но в среднем оргазм достигается спустя десять-двадцать минут после начала соития.

Странно, что существует такое различие во времени, необходимом для достижения мужчиной и женщиной завершающей стадии копуляции и разрядки эмоционального возбуждения. Этот вопрос придется детально обсуждать позднее, когда мы станем рассматривать функциональное значение разных типов сексуального поведения. В данный момент достаточно отметить, что мужчина может преодолеть фактор времени и вызвать у женщины оргазм, продляя или усиливая предкопуляционное стимулирование, так что она оказывается достаточно возбужденной еще до того, как в нее вводится член, или же может прибегнуть при копуляции к особой тактике с целью задержать момент эякуляции (семяизвержения). Он также может продолжить половой акт сразу после эякуляции, пока у него продолжается эрекция, или же, немного отдохнув, повторить копуляцию. В последнем случае не столь интенсивное желание партнера автоматически приведет к тому, что в этот раз ему потребуется больше времени, чтобы испытать оргазм. Таким образом, теперь останется удовлетворенной и женщина.

После того как оба партнера достигли цели, обычно следует продолжительный период отдыха, сопровождающийся чувством усталости, расслабленности, а зачастую и сном. От сексуальных стимулов мы теперь должны перейти к ответным сексуальным реакциям. Каким же образом реагирует организм на все это интенсивное стимулирование? У обоих полов наблюдается усиленное сердцебиение, повышенное кровяное давление и учащенное дыхание. Такие изменения начинают происходить в период предкопуляционной активности и достигают максимума в момент наивысшего сексуального удовлетворения. Частота пульса, которая в нормальных условиях составляет 70–80 ударов в минуту, достигает 90–100 ударов на ранних этапах полового возбуждения, увеличивается до 130 ударов при сильном возбуждении и до 150 ударов – в момент оргазма. Кровяное давление, вначале составляющее 120, увеличивается до 200 и далее 250 в момент эякуляции. Дыхание становится более глубоким и учащенным по мере возбуждения партнеров, а с приближением оргазма становится прерывистым, зачастую сопровождаемым ритмичным постаныванием или мычанием. В момент оргазма лицо искажено, рот открыт, ноздри раздуты, как у спортсмена в минуты наивысшего напряжения сил или у человека, ловящего ртом воздух.

Еще одна важная перемена, которая происходит в человеке при сексуальном возбуждении, состоит в резком изменении распределения количества крови, которая устремляется от внутренних органов к поверхности тела. Это поступление дополнительных объемов крови к кожным покровам приносит ряд поразительных результатов. Тело не только становится горячим на ощупь – это любовная лихорадка, – но и происходят своеобразные изменения на отдельных его участках. При высоких степенях сексуального возбуждения на них появляется характерная окраска. Чаще всего это наблюдается у женщин. Сначала розовеет кожа в области желудка и верхней части живота, затем краской покрывается верхняя часть груди, бока, ее середина и, наконец, нижняя часть. Лицо и шея могут также покрыться краской. У крайне возбудимых женщин она может распространиться на подбрюшье, плечи, локти, а при наступлении оргазма – на ляжки, ягодицы и спину. В некоторых случаях краской может покрыться вся поверхность тела. Явление это называется любовным румянцем. Оно, по-видимому, представляет собой визуальный сексуальный сигнал. Подобное случается и с мужчиной, но реже. У него также покрывается краской подвздошная область, затем грудь, шея и лицо. Иногда окрашиваются плечи, предплечья и ляжки. Как только оргазм наступил, любовный румянец тотчас исчезает, причем в обратной последовательности.

Вдобавок к любовному румянцу и всеобщему расширению сосудов наблюдается и

заметная гиперемия (застой крови) различных органов, увеличивающихся в объеме. Застой крови происходит в результате того, что артерии подают кровь в эти органы быстрее, чем вены могут ее оттуда удалить. Такое состояние может сохраняться в течение продолжительных отрезков времени, поскольку сама гиперемия кровеносных сосудов в этих органах препятствует оттоку венозной крови. Это происходит с губами, носом, мочками ушей, сосками и гениталиями у обоих полов, а также с женскими грудями. Губы распухают, краснеют и выпячиваются. Мягкие части носа наливаются кровью, ноздри раздуваются. Утолщаются и мочки ушей. Соски, в особенности у женщин, увеличиваются и твердеют. (Это происходит не только вследствие гиперемии, но и из-за сокращения сосковых мускулов.) Длина женских сосков увеличивается на целый сантиметр, а диаметр – на полсантиметра. Область пигментации вокруг соска также разбухает и темнеет. Это происходит только у женщин. Груды у них также заметно увеличиваются. К моменту наступления оргазма объем груди у женщины в среднем увеличивается на 25 %. Они становятся тверже, круглее и объемнее.

По мере усиления сексуального возбуждения гениталии у обоих полов также претерпевают значительные изменения. Гиперемия стенок влагалища вызывает его быструю смазку. В некоторых случаях это происходит спустя несколько секунд после начала любовных игр. Две трети влагалища увеличивается в длину и в ширину. На стадии наивысшего сексуального возбуждения общая длина влагалища достигает десяти сантиметров. С приближением оргазма распухает наружная треть вагинальной полости, а в момент оргазма происходит сокращение этой области, продолжающееся две-четыре секунды, после чего следуют ритмичные сокращения с интервалами в 0,8 секунды. При очередном оргазме бывает от трех до пятнадцати сокращений такого рода.

При сексуальном возбуждении женские наружные половые органы заметно набухают. Наружные половые губы раздвигаются, распухают и могут увеличиться по размеру в два-три раза по сравнению с их обычным состоянием. Внутренние губы также увеличиваются в два-три раза и, набухая, раздвигают защитную завесу наружных губ, увеличивая тем самым на сантиметр общую длину влагалища. По мере усиления сексуального возбуждения с внутренними губами происходит еще одна разительная перемена. Успев подвергнуться гиперемии, выступая наружу, они изменяют цвет и становятся ярко-красными.

Клитор (женский орган, соответствующий пенису) также увеличивается в размерах при сексуальном возбуждении, но при сильных его степенях набухшие наружные губы маскируют это изменение, и клитор оказывается под их завесой. На этом этапе он не может стимулироваться с помощью пениса, но, поскольку клитор увеличен и особенно чувствителен, ритмическими движениями таза мужчина может косвенно воздействовать на него.

При сексуальном возбуждении разительные изменения претерпевает и половой член. Вначале вялый и мягкий, он увеличивается в размерах, твердеет и принимает вертикальное положение вследствие наполнения кровью пещеристых тел. Его обычная длина, составляющая девять с половиной сантиметров, увеличивается еще на семь или восемь сантиметров. Он значительно увеличивается и в диаметре. В результате у человека, в состоянии эрекции, оказывается самый большой из всех приматов пенис.

В момент наивысшего полового возбуждения происходит несколько мощных сокращений мускулов члена, выбрасывающих сперму из семенного протока в женское влагалище. Первые из этих сокращений наиболее мощные и происходят с такими же интервалами в 0,8 секунды, как это происходит в момент оргазма у женщины.

В возбужденном состоянии мошонка у мужчины съеживается, в результате чего подвижность яичек уменьшается. За счет укорочения семенных канатиков (как это происходит при их охлаждении, в момент страха и гнева) они приподнимаются и прижимаются к телу. Гиперемия этого участка приводит к тому, что яички увеличиваются в размерах в полтора, а то и два раза.

Вот какие изменения происходят в мужском и женском теле в результате сексуального возбуждения. После того как половой акт завершен, все перечисленные изменения быстро сходят на нет, и получивший удовлетворение индивид сразу же возвращается в свое нормальное состояние покоя. Стоит отметить еще одну реакцию, наступающую после достижения оргазма. Сразу же после соития как у мужчины, так и у женщины может

наблюдаться обильное потоотделение. Причем это может происходить независимо от того, много или мало физических усилий было приложено при соитии. Однако, хотя оно не относится к общим затратам физической энергии, такое потоотделение свидетельствует об интенсивности оргазма. На спине, ляжках и верхней части груди образуется пленка пота. Пот может струиться из-под мышек. При особенно бурном оргазме он может покрывать все туловище от плеч до ляжек. Увлажняются также ладони и подошвы ног, а если лицо покрыто любовным румянцем, то пот может выступить на лбу и верхней губе.

Это краткая сводка сексуальных стимулов у представителей нашего вида; реакция на них может теперь служить основой для обсуждения нашего сексуального поведения и сравнения его с таковым у наших предков в связи с нашим общим образом жизни. Однако прежде всего стоит отметить, что ответные реакции на различные стимулы не всегда происходят одинаково часто. Некоторые неизбежно возникают всякий раз, как мужчина и женщина встречаются для решения сексуальных проблем, другие отмечаются лишь в отдельных случаях. Но даже в таких условиях они возникают достаточно часто, чтобы рассматриваться в качестве «видовых характеристик». Что касается реакций, то «любовный румянец» наблюдается у 75 % женщин и у 25 % мужчин. Твердение сосков происходит у всех женщин и лишь у 60 % представителей мужского пола. Обильное потоотделение после оргазма характерно для 33 % как мужчин, так и женщин. Помимо этих специфических реакций, большинство других, упомянутых нами, относятся ко всем случаям, хотя, разумеется, их фактическая интенсивность и продолжительность изменяются в зависимости от обстоятельств.

Еще один вопрос, требующий разъяснения, – каким образом распределяется половая активность в течение всей жизни индивида. Во время первого десятилетия жизни ни у кого из представителей обоих полов не наблюдается подлинной сексуальной активности. Мы часто видим, как маленькие дети играют «в папу и маму», но до тех пор, пока у женщины не начинается овуляция, а у мужчины не происходит эякуляция, ясно, что функциональное сексуальное поведение возникнуть не может. У некоторых девочек менструации начинаются в десять лет, а к четырнадцати у 80 % из них менструации происходят регулярно. К девятнадцати годам это происходит со всеми из них. Такая перемена сопровождается появлением волосяного покрова на лобке, увеличением ширины бедер, ростом груди, который даже опережает перечисленные изменения. Замедляется общий рост тела, а к двадцати двум годам прекращается вовсе.

Первая эякуляция у мальчиков происходит не ранее, чем они достигнут одиннадцати лет, поэтому в сексуальном развитии они отстают от девочек. (Самая ранняя эякуляция была зарегистрирована у восьмилетнего мальчика, но это исключение.) К двенадцати годам 25 % мальчиков успели испытать первую эякуляцию, а к четырнадцати их количество составляет уже 80 %. (Следовательно, в этом отношении они догнали девочек.) Средний возраст, когда происходит первая эякуляция, составляет тринадцать лет и десять месяцев. Как и у девочек, у мальчиков происходят характерные изменения. На теле, в особенности на лобке и на лице, начинают расти волосы. Типичный порядок их появления таков: лобковая часть, подмышки, верхняя губа, щеки, подбородок; затем, постепенно, они появляются на груди и остальных частях тела. Вместо увеличения ширины бедер у мальчиков наблюдается увеличение ширины плеч. Голос приобретает низкий тембр. Последнее изменение происходит и у девочек, но оно не столь заметно. У обоих полов происходит заметный рост гениталий.

Любопытно отметить, что если судить о возбудимости по частоте достижения оргазма, то мужчина гораздо быстрее достигает этого момента наивысшего удовлетворения, чем женщина. Хотя половая зрелость у мальчиков наступает приблизительно на год позднее, чем у девочек, они тем не менее получают наивысшее удовольствие от полового акта, не достигнув двадцати лет. В отличие от мужчин, у женщин это происходит в двадцать пять, а то и тридцать с лишним лет. Фактически женщина должна достичь двадцатидевятилетнего возраста, прежде чем она испытает оргазм той же интенсивности, что и пятнадцатилетний юноша. Лишь 23 % пятнадцатилетних девушек вообще достигают стадии оргазма. К двадцати годам эта цифра составляет лишь 53 %, к тридцати пяти – 90 %.

Взрослый мужчина испытывает оргазм приблизительно три раза в неделю. Примерно у 7 % эякуляция происходит ежедневно или чаще. Наивысшая частота оргазма у среднего

мужчины наблюдается в возрасте от пятнадцати до тридцати лет, после чего, до самой старости, постоянно сокращается. Способность к многократной эякуляции ослабевает, угол эрекции уменьшается. В двадцатилетнем возрасте эрекция может сохраняться в среднем в течение почти часа, но в семьдесят лет она продолжается всего семь минут. Тем не менее 70 % мужчин в семьдесят лет ведут активную половую жизнь.

Аналогичную картину ослабления полового влечения мы наблюдаем и у женщин. Более или менее внезапное прекращение овуляции приблизительно в пятидесятилетнем возрасте очень заметно снижает уровень сексуальной возбудимости, если взять население в целом. Однако существуют индивидуальные отклонения, связанные с влиянием климакса на сексуальное поведение женщин.

Копуляционная активность, которую мы до сих пор обсуждали, как правило, относится к партнерам, составляющим брачную пару. Союз этот может иметь форму зарегистрированного брака или неофициальную связь того или иного вида. Высокая частота внебрачных половых сношений, которые, как известно, имеют место, не должна рассматриваться как неразборчивость в связях. В большинстве случаев это подразумевает ухаживание и образование пар, даже если возникший в результате союз не является особенно прочным. Приблизительно 90 % населения находится в браке, но 50 % женщин и 84 % мужчин вступали в половую связь и до брака. К сорока годам 26 % замужних женщин и 50 % женатых мужчин состояли во внебрачных связях. В ряде случаев официально зарегистрированные союзы окончательно распадаются (в 1956 году в Америке эта цифра составила 0,9 % от их общего количества). Механизм образования пар среди представителей нашего вида, хотя и весьма надежный, далек от совершенства.

Теперь, когда мы располагаем всеми этими фактами, можно начать задавать вопросы. Каким образом помогает нам выжить сексуальное поведение? Почему мы ведем себя именно так, а не иначе? Мы сумеем разобраться в этих вопросах, если зададим еще один: насколько сравнимо наше сексуальное поведение с поведением других существующих в настоящее время приматов?

Мы тотчас увидим, что сексуальная активность вида, к которому мы принадлежим, гораздо интенсивнее, чем у любых других приматов, в том числе и ближайших наших сородичей. Продолжительный период ухаживания у них отсутствует. Едва ли у каких-то мелких или крупных обезьян существуют устойчивые брачные союзы. Предкопуляционная стадия непродолжительна и представляет собой несколько гримас и несложных звуковых сигналов. Само соитие также кратковременно. (Например, у бабуинов с момента начала полового акта до семяизвержения проходит не более семи-восьми секунд. За это время самец успевает сделать не более пятнадцати движений тазом, иногда и того меньше.) Похоже на то, что самка у них вовсе не испытывает полового удовлетворения. Если с нею и происходит нечто подобное, то это никак нельзя сравнить с оргазмом у женщины.

Период половой восприимчивости у самки мелкой или крупной обезьяны очень ограничен. Он составляет всего неделю или чуть больше ее месячного цикла. Но и это – достижение по сравнению с млекопитающими с более низким уровнем организации, где он строго ограничен временем овуляции. Однако у представительниц нашего вида свойственная приматам тенденция к продлению периода рецептивности увеличена до предела, так что женщина рецептивна фактически в любое время. Во время беременности и кормления детеныша самка мелкой или крупной обезьяны перестает быть сексуально активной. У нас же половая активность наблюдается и в указанные выше периоды, так что сношения строго ограничиваются лишь непродолжительным отрезком времени перед самыми родами и сразу после них.

Совершенно очевидно, что голая обезьяна – самый сексуальный из всех ныне живущих приматов. Чтобы найти причину этого, мы должны еще раз посмотреть на наше прошлое. Что же произошло? Прежде всего, чтобы выжить, наш предок был вынужден заниматься охотой. Во-вторых, он должен был обладать более развитым мозгом, чтобы компенсировать свои недостаточные физические возможности. В-третьих, у него должно было быть более продолжительное детство, чтобы его мозг смог увеличиться и натренироваться. В-четвертых, самки должны были оставаться дома и ухаживать за детенышами, пока самцы охотились.

В-пятых, во время охоты самцы должны были действовать сообща. В-шестых, они должны были находиться в вертикальном положении и использовать орудия, чтобы обеспечить удачный исход охоты. Не хочу сказать, что все это происходило именно в таком порядке. Наверняка факторы эти развивались постепенно в одно и то же время, причем каждый шаг развития способствовал другому. Просто я перечисляю шесть основных, ключевых изменений, которые произошли при становлении обезьяны-охотника. Как мне представляется, эти изменения таили в себе составляющие элементы, ответственные за наши сегодняшние сложные сексуальные отношения. Прежде всего самцам следовало быть уверенными, что оставленные ими самки будут им верны, пока они охотятся. Поэтому самкам пришлось выработать в себе стремление к сохранению брачного союза. Кроме того, потребовалось предоставить сексуальные права и более слабым самцам, если предполагалась их помощь в процессе охоты. Самками следовало делиться – сексуальная организация стала более демократичной и менее тиранической. Каждый самец тоже должен был выработать в себе стремление создать брачную пару. Кроме того, теперь самцы были оснащены смертоносным оружием, так что распри на сексуальной почве стали небезопасными. Возникла еще одна причина того, чтобы самец довольствовался одной самкой. В довершение всего медленно растущая молодая поросль предъявляла все более повышенные требования к своим родителям. В результате развились поведенческие особенности родителей, которые были вынуждены делить между собой родительские обязанности. Это была еще одна причина укрепления брачной пары.

Учитывая данную ситуацию, мы теперь сумеем понять, к чему все это привело. Голой обезьяне пришлось научиться влюбляться, добиваться осуществления сексуального импринтинга на единственном партнере и создавать парный союз. Как бы вы ни захотели это обозначить, все сводится к одному. Каким же образом удалось добиться таких результатов голой обезьяне? Какие факторы способствовали этому? Прежде всего, будучи приматом, она должна была уметь создавать кратковременные брачные союзы, существовавшие несколько дней, а то и часов. Но теперь их следовало укреплять и продлевать. Один важный момент, который должен был прийти на помощь примату-охотнику, – это его продолжительное детство. За эти долгие годы у него была возможность установить контакты с родителями – такие продолжительные и прочные, каких не знал детеныш обезьяны. Потеря связи с родителями по достижении зрелости и независимости создавала пустоту, которую следовало заполнить. Молодой примат был подготовлен к установлению новой, столь же прочной связи, которой предстояло заменить утраченную.

Хотя и этого обстоятельства было достаточно, чтобы подтолкнуть молодого самца к созданию нового союза, требовался еще и дополнительный стимул к его сохранению. Он должен был быть достаточно продолжительным, чтобы самец успел создать за это время семью. Влюбившись, он должен был сохранить свою любовь. Благодаря долгому и увлекательному ухаживанию можно было достичь первого, но требовалось что-то еще, чтобы закрепить эту связь. Проще всего было добиться такой цели, сделав партнерство более сложным и благотворным. Иными словами, следовало сделать сексуальные отношения более привлекательными.

Как же это было достигнуто? Ответ очевиден: всеми возможными способами. Если посмотреть на поведение сегодняшней голой обезьяны, то развитие событий станет очевидным. Усилившуюся рецептивность женщины нельзя объяснить одним лишь увеличением рождаемости. Действительно, будучи готовой к копуляции в тот период, когда она еще кормит младенца грудью, женщина способствует росту рождаемости. Поскольку в течение долгого времени она находится в зависимости от мужчины, было бы несчастьем, если бы этого не произошло. Однако это не объясняет, почему она готова идти навстречу желаниям мужчины и испытывать сексуальное возбуждение в течение всего ее месячного цикла. Овулирует она лишь в течение непродолжительного отрезка времени, поэтому половые отношения в остальное время не имеют своей задачей производство потомства. Совершенно очевидно, что в подавляющем большинстве случаев, когда речь идет о человеческой расе, копуляция связана не с продолжением рода, а с укреплением брачного союза, делая половые отношения привлекательными для партнеров. Следовательно, неоднократное удовлетворение своих желаний – это вовсе не порождение современной порочной цивилизации, а глубоко

укоренившаяся, биологически обоснованная и эволюционно разумная тенденция, свойственная нашему виду.

Даже в тех случаях, когда у женщины прекратились месячные – иными словами, когда она беременна, – она принимает ухаживания мужчины. Это тоже чрезвычайно важно, поскольку в условиях системы «один мужчина – одна женщина» надолго лишать мужчину утешения чересчур опасно. Это может повредить прочности союза.

Вдобавок к увеличению периода сексуальной активности усилилась и сама эта активность. Жизнь охотника, которая дала нам голую кожу и более чувствительные руки, увеличила возможности телесных контактов, стимулирующих половую деятельность. Такие соприкосновения играют большую роль на предкопуляционной стадии. Поглаживание, трение, прижимание, ласки – все это широко используется нами и не наблюдается в такой степени у других приматов. Такие части тела, как губы, мочки ушей, соски, груди и гениталии, изобилуют нервными окончаниями и крайне чувствительны к эротическому стимулированию. Мочки ушей, похоже, созданы специально для этой цели. Анатомы часто называют их излишними подвесками или «бесполезными жировыми наростами». В обиходе их считают «следами» той эпохи, когда у нас были большие уши. Но если мы посмотрим на других приматов, то обнаружим, что у них нет таких мясистых мочек ушей. По-видимому, это не следы прошлого, а какие-то новые приобретения. Когда же выясняется, что при половом возбуждении они наливаются кровью, распухают и становятся крайне чувствительными, у нас не остается никаких сомнений в том, что целью их возникновения было создание еще одной эрогенной зоны. (Удивительно, что неприметные мочки ушей остались вне сферы внимания, но следует отметить следующее: известны случаи, когда в результате стимулирования мочек ушей мужчины и женщины испытывали оргазм.) Любопытно отметить, что выделяющийся на нашем лице мясистый нос – это еще одна уникальная и необъяснимая деталь, назначение которой непонятно анатомам. Кто-то даже назвал его «всего лишь излишеством, не играющим никакой функциональной роли». Трудно поверить, чтобы столь заметный орган мог возникнуть в результате эволюции приматов, не будучи ни к чему предназначенным. Когда мы узнаем, что в носу находятся губчатые ткани, которые способствуют увеличению носа и расширению ноздрей в результате гиперемии при сексуальном возбуждении, то задумаемся.

Наряду с целым набором органов осязания, мы обладаем необычными способностями к визуальным сигналам. Важную роль здесь играет сложная мимика, хотя ее возникновение связано с другими аспектами жизни. У нас, как у представителей приматов, наиболее развитые по сравнению с другими видами лицевые мускулы. Более того, у нас из всех живущих на земле существ самая сложная и выразительная мимика. Незаметными движениями складок у рта, носа, глаз, бровей, на лбу, в самых разных их сочетаниях, мы можем передать множество сложных оттенков чувств. Во время любовных встреч (особенно на ранних этапах ухаживания) эти оттенки играют чрезвычайно важную роль. (Их конкретные формы будут рассматриваться в следующей главе.) При сексуальном возбуждении происходит и расширение зрачков. Хотя изменение это и незначительно, оно может воздействовать на нас в большей степени, чем нам кажется. Ведь глаза отражают наши чувства.

Подобно мочкам ушей и выделяющемуся на лице носу, таких губ, какие имеются у нас, нет у других приматов. Разумеется, губы есть и у них, но не такие вывороченные. Шимпанзе умеет выпячивать и выворачивать губы, обнажая слизистую оболочку, которая обычно не видна. Но это продолжается недолго, после чего животное вновь поджимает губы. У нас же, напротив, губы вывернуты постоянно. Шимпанзе кажется, будто мы постоянно на кого-то дуемся. Если вас обнимет дружелюбно настроенный к вам шимпанзе, а затем пылко поцелует в шею, то вы не станете сомневаться в его умении передавать с помощью губ осязаемые сигналы. У шимпанзе это скорее приветствие, нежели сексуальный сигнал. У наших же сородичей такой жест имеет оба значения. Поцелуи у нас учащаются и становятся особенно продолжительными на предкопуляционной стадии. В этой связи, очевидно, было удобнее иметь чувствительные слизистые оболочки постоянно обнаженными, чтобы при поцелуях не нужно было поддерживать в напряжении мускулы рта. Но это еще не все. Обнаженные, покрытые слизистой губы имеют четко выраженную, характерную форму. Они не слились с окружающим рот кожным покровом, став важным средством передачи визуальных сигналов. Мы уже

установили, что при половом возбуждении губы распухают и краснеют; четкая демаркация этой области, очевидно, способствовала усовершенствованию таких сигналов и облегчала обнаружение незначительных изменений очертаний губ. К тому же даже в спокойном состоянии они краснее окружающей кожи лица и уже благодаря одному их наличию, без регистрации изменяющихся физиологических условий, служат своего рода рекламой, привлекая внимание окружающих.

Ломая голову над значением наших уникальных, покрытых слизистой оболочкой губ, анатомы заявили, что их возникновение «еще не вполне объяснимо», и выдвинули гипотезу, согласно которой они как-то связаны с потребностью ребенка сосать грудь матери. Но детеныш шимпанзе превосходно справляется с такой задачей, и его более мускулистые, способные захватывать предметы губы, похоже, лучше приспособлены для этой цели. Кроме того, указанная выше гипотеза не объясняет наличия резкой границы между губами и остальной частью лица. Не может она также объяснить и разительное отличие губ светлокожих и темнокожих рас. Но если рассматривать губы как средство визуальной сигнализации, то эти различия понять легче. Если из-за влияния климатических условий кожа темнеет, то это отрицательно влияет на сигнальную функцию губ вследствие ослабления цветового контраста. Если они действительно играют роль своего рода сигналов, то должен был возникнуть какой-то компенсационный механизм. По-видимому, это и произошло: у негроидных рас губы крупнее и более выпячены. Ущерб за счет утраты цветового контраста восполнен величиной и формой губ. Кроме того, у негроидов губы более резко очерчены. У представителей светлых рас губы выделяются за счет цвета, они светлее остальной кожи. С точки зрения анатомии особенности губ у негроидов, как нам кажется, являются не атавизмом, а положительным шагом в специализации губ.

Существует ряд других, явно сексуальных визуальных сигналов. Как я уже упоминал, с наступлением половой зрелости полная способность к продлению рода характеризуется появлением заметного волосяного покрова, в особенности в области гениталий, под мышками, а у мужчин еще и на лице. У женщин наблюдается быстрое увеличение груди. Мужчины становятся шире в плечах, а женщины – в бедрах. Эти изменения не только свидетельствуют о половом созревании индивида, но и указывают на его принадлежность к тому или иному полу.

Обычно полагают, что увеличение груди у женщин связано скорее с материнским, чем с половым инстинктом, но данных, указывающих на это, недостаточно. У других видов приматов хватает молока для питания потомства, однако они лишены столь четко выделяющихся, крупных полушарий. В этом отношении самки, принадлежащие к нашему виду, уникальны. Появление выпуклых грудей характерной формы, по-видимому, является еще одним примером сексуальной сигнализации. Подобное могло произойти лишь благодаря наличию обнаженного кожного покрова. Рельефные образования на месте грудей у покрытой шерстью самки были бы гораздо менее заметны в качестве привлекающих самца сексуальных ориентиров. Но после того как волосяной покров исчез, они стали бросаться в глаза. Обращает на себя внимание не только их форма, но и соски, способные увеличиваться и твердеть при сексуальном возбуждении. Пигментация колеи вокруг соска также способствует этому процессу.

Благодаря обнаженной коже возникают и сигналы, обуславливаемые изменением ее цвета. Подобное происходит и с другими животными, у которых имеются небольшие обнаженные участки кожи, но у человека это особенно заметно. На ранних стадиях ухаживания человек очень часто покрывается любовным румянцем; при усилении полового возбуждения на его лице проступают характерные пятна. (Эта форма сигнала также отсутствует у темнокожих рас. Известно тем не менее, что и у них происходят определенные изменения, но не в окраске, а в текстуре кожи.)

Прежде чем покончить с этим букетом визуальных сигналов, мы должны рассмотреть довольно необычный аспект их эволюции. Для этого необходимо разобрать странные изменения, которые происходят у наших сородичей-обезьян. Исследования, недавно проведенные немецкими учеными, показали, что некоторые виды этих животных как бы дублируют свои сигналы. Это особенно характерно для мандрил и бабуинов. У мандрила-самца имеется красный пенис с двумя синими складками мошонки по обеим его сторонам. Такое же сочетание цветов повторяется и на лице: ярко-красный нос и надутые голые щеки темно-синего

цвета. Создается впечатление, что лицо животного имитирует область гениталий, представляя собой тот же набор визуальных сигналов. Когда мандрил-самец приближается к своему сородичу, из-за его стойки не видно гениталий, но важные сигналы он может передать и с помощью своего фаллического лица. Самка бабуина также дублирует свои дамские прелести. Вокруг ее гениталий имеется ярко-красное пятно кожи, окаймленное белыми сосочками. Губы влагалища в центре этой области более темного, густо-алого цвета. Такой же рисунок повторяется у нее на груди, где имеется обнаженный участок кожи красного цвета, окруженный такими же белыми бугорками. В середине пятна темно-красные соски расположены так близко друг от друга, что очень напоминают губы влагалища. (Они действительно находятся так близко, что детеныш обезьяны сосет обе груди одновременно.) На разных стадиях месячного сексуального цикла окраска пятна груди повторяет цвет самих гениталий.

Неизбежно напрашивается вывод: не зря же у мандрила и бабуина генитальные сигналы находятся спереди. Мы слишком мало знаем о жизни мандрилов в естественных условиях, чтобы рассуждать о причинах их странной внешности, но зато нам известно, что дикие бабуины пребывают в сидячем положении гораздо чаще, чем большинство их родственников-обезьян. Если для них это более естественная поза, то выходит, что имея сексуальные сигналы на груди, их легче сообщать другим особям своей группы, чем если бы сигналы эти были расположены лишь на седалище. Ярко раскрашенные гениталии имеются у многих видов приматов, но такого рода фронтальное дублирование встречается весьма редко.

Представители нашего рода произвели коренной переворот в отношении типичного положения при спаривании. Подобно бабуинам, мы проводим уйму времени в сидячем положении. При социальных контактах мы стоим, обращенные лицом друг к другу. Может быть, и мы занимались чем-то похожим на автомимикрию? Не могло ли вертикальное положение тела повлиять на наши сексуальные сигналы? Если рассматривать их с данной точки зрения, то ответ должен быть наверняка положительным. Типичное положение всех остальных приматов при спаривании – когда самец приближается к самке сзади. Та приподнимает седалище и выпячивает его в сторону самца. При виде ее гениталий он залезает на нее. При копуляции между ними нет фронтального контакта, и самец прижимается областью гениталий к седалищу самки. У нас все иначе. Партнеры обращены лицом друг к другу не только во время продолжительных предкопуляционных действий, но и, как правило, во время самого соития.

По этому поводу давно ведется спор. Считают, что фронтальное положение при половом контакте естественно для нас с биологической точки зрения и что все остальные позы следует считать его усложненными вариантами. В последнее время ученые опровергают это мнение и заявляют, что у людей нет типичной позы как таковой. По их мнению, любой телесный контакт должен лить воду на нашу сексуальную мельницу, а так как мы существа изобретательные, то вполне естественно, что мы экспериментируем в отношении поз копуляции. Причем чем их больше, тем лучше, поскольку таким образом половой акт усложняется, сексуальная новизна усиливается, что предотвращает скуку, когда речь идет о давно существующих брачных союзах. Приводимые учеными аргументы вполне убедительны в данном контексте, однако, настаивая на своих убеждениях, они зашли слишком далеко. На самом деле они возражают против утверждения, будто бы любые отклонения от основной позы «греховны». Чтобы противопоставить свои взгляды такому убеждению, они стали подчеркивать ценность подобного рода отклонений и были, по приведенным выше причинам, совершенно правы. Любой прием, усиливающий чувственное наслаждение партнеров, без сомнения, играет важную роль в укреплении их брачного союза. С биологической точки зрения они полезны для представителей нашего вида. Однако, ведя между собой борьбу, вышеупомянутые научные светила упустили из виду один факт. То, что существует одна, типичная для нас поза – «лицом к лицу». Фактически все сексуальные сигналы и эрогенные зоны находятся у нас спереди: глаза, нос, брови, губы, борода, источники ареолярных сигналов, женские груди, соски, растительность лобка, сами гениталии, основные области покраснения и основные области прилива крови при половом возбуждении. Можно утверждать, что многие из этих сигналов прекрасно работают на первых порах, при фронтальном положении партнеров, но затем, после того как они достаточно возбудились, мужчина может сменить позу или, если уж на то пошло, принять любую другую, даже самую необычную позу. Совершенно верно. Возможно, такой

прием может привнести элемент новизны, но он имеет ряд неудобств. Прежде всего для таких существ, образующих парные союзы, как мы, гораздо большее значение имеет индивидуальность партнера. При фронтальном подходе принимаемые сексуальные сигналы и знаки прочно ассоциируются с сигналами, идентифицирующими партнера. Фронтальный секс – это «персонифицированный» секс. Кроме того, предкопуляционные эмоции от соприкосновения с фронтально сосредоточенными эrogenными зонами могут перерасти в копуляционную стадию лишь в том случае, когда соитие совершается в положении «лицом к лицу». При других позах эти ощущения были бы утрачены. Фронтальный подход обеспечивает еще и стимулирование клитора женщины движениями мужского таза. Правда, независимо от позы, он будет стимулироваться пассивно, но фронтальная копуляция сопровождается ритмичным надавливанием мужской лобковой частью на область клитора, что значительно усилит стимулирование. Наконец, следует учитывать анатомию влагалища: оно, точнее его канал, расположено под углом и вперед, что отличает наш вид от других видов приматов. Это было обусловлено не только прямохождением представителей нашего вида. Несомненно, если бы женщине было важно демонстрировать свои гениталии с тем расчетом, чтобы партнер забирался на нее сзади, то естественный отбор вскоре закрепил бы эту тенденцию и к настоящему времени канал влагалища был бы ориентирован назад.

Как нам представляется, копуляция в положении «лицом к лицу» является основной для представителей нашего вида. Разумеется, существует много вариантов, не исключая фронтальное положение: мужчина сверху, женщина сверху, на боку, на корточках, стоя и так далее. Однако наиболее эффективное и распространенное положение – когда оба партнера находятся в горизонтальном положении и мужчина лежит на женщине. По данным американских ученых, 70 % населения применяют лишь такую позу. Даже те, кто варьируют это положение, все-таки в большинстве случаев прибегают к основной позиции. Меньше 10 % мужчин совершают соитие сзади. Изучив этнические культуры при опросе, в котором участвовало свыше двухсот различных сообществ, разбросанных по всему свету, ученые пришли к выводу, что копуляция в положении, когда мужчина находится сзади, не является типичной ни в одной из обследованных групп.

Если мы согласимся с этим фактом, то, ненадолго отклонившись от темы, можем перейти к сексуальной мимикрии. Если бы женщина решила таким образом переключить внимание мужчины на переднюю часть своего тела, то эволюция была бы направлена на стимулирование такого желания. Когда-то в прошлом мы, по-видимому, совершали половой акт с тыла. Предположим, что мы достигли той стадии, когда женщина подавала мужчине сексуальные сигналы с помощью пышных ягодич (которые, кстати, не встречаются у других приматов) и пары ярко-красных наружных половых губ. Предположим, что мужчина выработал чрезвычайную восприимчивость к этим специфическим сигналам. Допустим, что на этом этапе эволюции представители нашего вида при социальных контактах все чаще принимали вертикальное и фронтально ориентированное положение. При такой ситуации вполне следовало ожидать появления своего рода мимикрии наподобие той, что наблюдается у самок бабуинов. Можем ли мы, разглядывая прелести женщины, обнаружить что-либо, напоминающее тот фронтально расположенный генитальный набор, представлявшийся взору наших предков, – округлые ягодицы и алые наружные половые губы. Ответ столь же очевиден, как пышные женские груди. Они, эти пухлые полушария, наверняка являются аналогами полных ягодич, а ярко очерченные алые губы, окружающие рот, – подобием красных наружных губ. (Возможно, вы помните, что при сильном половом возбуждении губы рта и наружные губы влагалища набухают и приобретают более темный оттенок. Так что они не только похожи, но и одинаково изменяются в минуты страсти.) Если самцы нашего вида были готовы сексуально реагировать на эти сигналы, когда они посылались со стороны спины, то у них должна была бы сохраниться восприимчивость к ним и после воспроизведения подобия этих органов на передней части тела. Как нам представляется, именно это и произошло, когда груди и губы рта стали копиями ягодич и наружных половых губ. (Тотчас на ум приходит губная помада и бюстгалтеры, но о них потом, когда мы станем рассматривать технические стимулирующие средства современной цивилизации.)

В дополнение к играющим важную роль визуальным сигналам существуют определенные

запахи, выполняющие функции сексуальных стимуляторов. Вследствие эволюции наше чувство обоняния значительно притупилось, но оно достаточно эффективно и выполняет более важные функции при половой деятельности, чем мы себе это представляем. Мы знаем, что каждый пол обладает своим запахом. Была выдвинута гипотеза, что частью процесса создания брачных пар – влюбленности – является своего рода обонятельный импринтинг – закрепление в памяти специфического запаха тела партнера. Любопытно отметить в этой связи, что с наступлением половой зрелости происходит заметное изменение запаховых предпочтений. До пубертации (достижения половой зрелости) индивидам обычно очень нравятся сладковатые запахи, напоминающие аромат фруктов, но с ее наступлением мы наблюдаем резкое изменение в пользу цветочных, маслянистых ароматов и запаха мускуса. Это относится к обоим полам, но мужчины воспринимают запах мускуса острее, чем женщины. Утверждают, что, став взрослыми, мы можем обнаружить наличие мускуса даже тогда, когда всего одна его часть приходится на восемь миллионов частей воздуха. Показательно, что это вещество, выделяемое особыми железами, играет существенную роль в системе сигналов-запахов у многих видов животных. Хотя у нас самих нет крупных желез, выделяющих запахи, мы имеем множество мелких, так называемых апокриновых желез. Они похожи на обычные потовые железы, но в их выделениях (секрете) содержится больше твердых веществ. Расположены они во многих частях тела, но особенно много их под мышками и в районе гениталий. Волосистой покров этих участков тела наверняка служит ловушкой для запахов. Утверждают, что выделение секрета железами усиливается при половом возбуждении, но до сих пор детальный анализ этого явления не проведен. Однако нам известно, что у женщин апокриновых желез на 75 % больше, чем у мужчин. Любопытно отметить, что у низших млекопитающих перед копуляцией самец чаще обнюхивает самку, чем она его.

Расположение на теле человека зон, выделяющих запах, по-видимому, является очередным этапом на пути к фронтальному положению партнеров при копуляции. В местонахождении гениталий у человека нет ничего необычного, так как оно совпадает с таковым у многих других млекопитающих. Что же касается подмышек, то это более неожиданная особенность. По-видимому, она связана с общей для нашего вида тенденцией к увеличению центров сексуального стимулирования на передней части тела и, как результат, увеличению числа половых контактов в положении «лицом к лицу». В таком случае нос партнера находился в непосредственной близости от важных запахообразующих центров в продолжение всего предкопуляционного этапа и в период соития.

До сих пор мы рассматривали способы усовершенствования сексуального поведения брачной пары, призванные усилить наслаждение от копуляции, тем самым продляя и укрепляя их союз. Но соитие завершается оргазмом, поэтому и здесь понадобились некоторые усовершенствования. Рассмотрим старую систему, существовавшую у приматов. Взрослые самцы активны в половом отношении всегда, за исключением момента непосредственно после эякуляции. Завершающий копуляцию оргазм ценен для них тем, что разрядка от сексуального напряжения, которая наступает вместе с ним, подавляет в них желание до тех пор, пока у животного не возобновятся запасы спермы. Напротив, самки сексуально активны лишь в течение короткого периода времени, совпадающего с овуляцией, когда они постоянно готовы принимать ухаживания самцов. Чем большее количество половых актов произойдет, тем больше будет уверенность в том, что они оплодотворены. В сексуальном отношении самки ненасытны, никакой оргазм не приносит им разрядки и не удовлетворяет их сексуальные потребности. Пока у них течка, им нельзя терять ни минуты, они должны копулировать любой ценой. Если бы они испытывали бурный оргазм, то это отнимало бы у них драгоценное время, предназначенное для спаривания. По завершении полового акта, когда самец, эякулировав, слезает с партнерши, самка не проявляет признаков эмоционального подъема и обычно уходит прочь как ни в чем не бывало.

У особей нашего вида, живущих парами, все обстоит иначе. Прежде всего, поскольку в половом акте участвует единственный самец, нет особенной пользы в том, чтобы самка продолжала оставаться сексуально восприимчивой в тот момент, когда ее партнер выдохся. Поэтому ничто не препятствует оргазму у женщин. Более того, в его пользу говорят два обстоятельства. Во-первых – огромное удовлетворение, которое испытывает партнер от

активного участия подруги в процессе копуляции. Подобно всем другим стимулам, оно усиливает взаимную привязанность и укрепляет брачный союз. Во-вторых – значительно увеличивается возможность оплодотворения. Это связано с особенностями анатомического строения женщины. Чтобы понять данный факт, мы должны снова обратиться к примеру наших сородичей-приматов. После того как самка обезьяны осеменена самцом, она может совершенно спокойно пойти куда глаза глядят, не опасаясь, что лишится семенной жидкости, заключенной в матке. Передвигается она на четырех ногах. Канал влагалища у нее по-прежнему расположен более-менее горизонтально. Если бы человеческая самка была столь же равнодушна к половому акту, поднялась с ложа и тотчас ушла восвояси, то возникла бы совсем иная ситуация. Ведь человек – существо прямоходящее, а при ходьбе канал влагалища находится почти в вертикальном положении. Под влиянием силы земного притяжения семенная жидкость вытекла бы из канала, и большая ее часть была бы утрачена. Поэтому весьма желательна любая поведенческая реакция, которая заставит женщину остаться в горизонтальном положении после того, как партнер эякулирует и процесс завершится. Бурный оргазм, приносящий удовлетворение и утомляющий женщину, дает именно такой эффект. По этой причине он желателен вдвойне.

Тот факт, что женский оргазм – явление уникальное среди приматов, наряду с тем что с физиологической точки зрения он почти аналогичен мужскому оргазму, указывает на то, что в эволюционном смысле он является «псевдомужской» реакцией. В организме как мужчины, так и женщины довольно много особенностей, свойственных противоположному полу. На основании сравнительных исследований других групп животных мы знаем, что при необходимости эволюционный процесс может вызвать к жизни одну из этих скрытых особенностей и выдвинуть ее в первый ряд (как бы создав «неправильный» пол). В данном случае нам известно, что представительницам женского пола свойственна чрезвычайная восприимчивость к стимулированию клитора. Если мы вспомним, что этот орган является гомологией, или копией мужского полового члена, то женский оргазм как бы «заимствован» у мужчин.

Это обстоятельство может также объяснить, почему из всех приматов у человека самый большой пенис. В состоянии полной эрекции он не только чрезвычайно длинный, но и очень толстый, если сравнить его с аналогичным органом у других животных. (По сравнению с мужским членом, пенис у шимпанзе похож на шип.) Такое увеличение размеров полового члена приводит к тому, что наружные половые органы женщины испытывают большую нагрузку во время самого акта. При каждом поступательном движении пениса область клитора опускается, а затем, при возвратном его движении, поднимается вновь. Если к этому прибавить ритмическое сдавливание клиторальной области женщины лобковой областью ее партнера в положении «лицом к лицу», то происходит массаж клитора, аналогичный мастурбации.

Подводя итоги, мы можем сказать, что с поведенческой точки зрения на предкопуляционной и завершающей стадии копуляции сделано все возможное, чтобы успешно закрепить процесс образования пар, практически незнакомый другим млекопитающим. Однако с появлением новой тенденции проблемы не заканчиваются. Если мы взглянем на брачную пару голых обезьян, по-прежнему благополучно уживающихся рядом и помогающих друг другу воспитывать потомство, то все кажется в порядке. Однако отпрыски растут, скоро они достигнут половой зрелости – и что тогда? Если прежняя поведенческая модель, типичная для приматов, сохранится неизменной, то взрослый самец выгонит молодых самцов и станет спариваться с молодыми самками. Последние станут элементами семейной ячейки и будут воспитывать потомство вместе с собственной матерью, а мы окажемся там, откуда начали. Если молодые самцы после изгнания окажутся на нижней ступени развития общества, как это происходит у многих приматов, то в первую очередь это отразится на кооперативности, характерной для группы охотников, состоящей исключительно из самцов.

Совершенно очевидно, что необходимо какое-то усовершенствование в системе воспитания, своего рода экзогамия, или неродственное оплодотворение. Для того чтобы сохранить систему брачных пар, дочерям и сыновьям предстояло найти себе собственных партнеров. Такое требование вовсе не является необычным для парообразующих видов. Такого рода примеры можно найти среди низших млекопитающих, однако социальный характер

большинства приматов делает такое решение затруднительным. У большинства видов, образующих брачные пары, семья распадается, возникают новые семьи после того, как подрастет молодое поколение. Вследствие кооперативного социального поведения своего вида голая обезьяна не может допустить такого распада общества. Поэтому проблему следовало решить, не вынося сор из избы. Как это происходит со всеми животными, живущими парами, родители относятся друг к другу по-собственнически. Мать «владеет» отцом в сексуальном плане, и наоборот, отец – матерью. Как только у их чад с наступлением периода пубертации начинают вырабатываться сексуальные сигналы, они принимаются соперничать: сыновья с отцом, дочери – с матерью. Появляется желание изгнать их обоих. У молодого поколения тоже появляется необходимость в «базе» – собственной территории. Такое же желание, должно быть, присутствовало и у их родителей, когда они хотели создать жилище для воспитания потомства, так что процесс просто повторяется. Родительский дом – база, которой «владеют» и где хозяйничают мать и отец, молодому поколению не по душе. Как само жилище, так и его обитатели испытывают тяжкое бремя первичных и ассоциативных родительских сигналов. Молодежь автоматически отвергает их и уходит из дома, чтобы создать собственный домашний очаг. Это характерно не только для молодых плотоядных животных, но и для молодых приматов. Такова еще одна важная перемена в поведении, которая должна произойти в жизни голой обезьяны.

Явление экзогамии часто неудачно называют свидетельством существования «табу инцеста». Подразумевается, что это сравнительно новое, обоснованное требованиями культуры ограничение. Однако оно возникло из биологических потребностей голой обезьяны гораздо раньше, так как в противном случае, то есть на основе существовавших у приматов принципов, никогда бы не смогла возникнуть типичная воспитательная система.

Еще одна особенность, характерная, похоже, лишь для нашего вида, – это наличие девственной плевы у девушек. У низших млекопитающих она появляется и существует лишь на эмбриональной стадии развития мочеполовой системы, но, будучи элементом неотении, у голой обезьяны она сохраняется. Ее наличие подразумевает, что дефлорация – первый в жизни женщины полноценный половой акт – будет связана с некоторыми неудобствами. При такой сексуальной чувствительности, обусловленной эволюцией, на первый взгляд странно, что у самки голой обезьяны, по существу, имеется антикопуляционный механизм. Но ситуация не настолько парадоксальна, как может показаться. Затрудняя или даже делая болезненным первое совокупление, существование девственной плевы гарантирует, что к этому акту не станут относиться безответственно. Разумеется, на стадии взросления наступает период сексуального экспериментирования, «любовных игр», цель которых – найти подходящего партнера. В это время у молодых самцов нет оснований удерживаться от совершения полноценного полового акта. Если не образуется брачная пара, они себя не связали никакими обязательствами и могут продолжать свои поиски до тех пор, пока не встретят соответствующую партнершу. Но если молодая самка позволит партнеру добиться своего, не вступив в брачный союз, она может забеременеть и оказаться матерью-одиночкой. Являясь своего рода барьером для половой восприимчивости девушки, целомудрие требует, чтобы у нее возникло глубокое чувство, прежде чем она решится потерять его, – чувство достаточно сильное, чтобы смириться с неизбежными физическими страданиями, которые придется испытать ей вначале. Тут следует добавить пару слов о моногамии и полигамии. Появление брачных пар у нашего вида в целом, естественно, поощряет моногамию, но к полигамии относятся терпимо. В жестких условиях жизни охотника количество взрослых самцов уменьшается, поэтому у некоторых уцелевших индивидов возникает стремление вступать в брачный союз более чем с одной самкой. Это позволяет увеличивать рождаемость, не создавая лишних проблем, поскольку наличие большого количества «свободных» самок может привести к опасному соперничеству. Если бы процесс создания пар был совершенно замкнутым и не допускал такого, то он стал бы неэффективным. Однако полигамия была бы нелегким решением вследствие ревнивой природы самок и опасности возникновения распрей между ними. Этой тенденции препятствовали бы и экономические нагрузки: пришлось бы содержать большую семейную группу со всем ее потомством. В известной мере полигамия была допустима, но в жестких пределах. Любопытно отметить, что, хотя она все еще встречается в ряде культур и поныне, все крупные сообщества

(а к ним относится подавляющее число обитателей мира, принадлежащих к человеческой расе) моногамны. Даже в тех сообществах, где полигамия разрешена, она охватывает лишь небольшую часть мужского населения. Любопытно установить, явилось ли неприятие полигамии почти всеми главными культурами важным фактором, обусловившим достигнутое. Во всяком случае, можно сказать, что независимо от того, что предпочитают отсталые, необразованные племенные сообщества, подавляющая масса представителей нашего вида выразила свою приверженность к образованию брачных пар в самой радикальной форме, а именно – создав долгосрочные моногамные союзы. Такова голая обезьяна со всем ее сложным эротизмом: это высокосексуальный, образующий брачные пары вид со многими специфическими особенностями, сложное сочетание древней наследственности приматов с заметными элементами поведения плотоядных. Сюда мы должны прибавить еще и третью, последнюю составную часть – современную цивилизацию. Развитый мозг, появление которого способствовало превращению обыкновенного лесного обитателя в коллективного охотника, начал заниматься техническими усовершенствованиями. Простые логова, служившие жилищами племенной группе, превратились в селения и города. Век топора сменился космическим веком. Но какое влияние вся эта роскошь и блеск оказали на половую систему нашего вида? Как нам кажется, весьма небольшое. Все произошло слишком быстро, слишком внезапно, чтобы могли произойти существенные биологические изменения. Правда, на первый взгляд они все-таки произошли, но в остальном все это одно притворство. За фасадом современной городской жизни прячется все та же голая обезьяна. Изменились только названия: вместо слова «охота» теперь говорят «работа», вместо выражения «охотничьи угодья» – «деловой центр», вместо «логова» – «домашний очаг», вместо «брачной пары» – «брачные узы», «самка» стала «женой» и т. д. Исследования американскими учеными нашего современного сексуального поведения, на которое мы ссылались ранее, показывают, что физиологическая и анатомическая оснащенность нашего вида по-прежнему используется в полном объеме. Данные, полученные в результате раскопок доисторических останков в сочетании со сравнительными данными по изучению плотоядных и других приматов, существующих в настоящее время, помогли нам представить, каким образом голая обезьяна должна была использовать сексуальное оснащение в далеком прошлом и как она организовывала свою половую жизнь. На основании современных данных можно предположить, что сегодня, похоже, возникает та же самая картина, если, конечно, оставить в стороне разглагольствования о морали. Как я уже говорил в начале главы, именно биологическая природа животного сформировала социальную структуру цивилизации, а не наоборот.

Однако, хотя основная половая система сохранилась у нас в довольно примитивной форме (обобществление секса, для соответствия расширенным сообществам, не произошло), было введено много второстепенных контрольных моментов и ограничений. Они были необходимы по причине сложного набора анатомических и физиологических сексуальных сигналов и повышенной сексуальной чувствительности, которые мы приобрели в результате эволюции, и предназначались для использования в небольшой, тесно сплоченной племенной ячейке, а не для обширной метрополии. В большом городе мы постоянно сталкиваемся с сотнями стимулирующих нас (и стимулируемых нами) незнакомых людей. Это нечто новое, и эту проблему нужно решать.

Фактически введение культурных ограничений, должно быть, произошло гораздо раньше, до того как появились незнакомые нам индивиды. Даже в простых племенных ячейках, по-видимому, было необходимо, чтобы участники той или иной брачной пары как-то контролировали свои сексуальные сигналы, оказавшись в обществе. Если было необходимо усилить сексуальность для сохранения семейной пары, следовало принять меры, чтобы подавлять ее и не возбуждать третьих лиц, когда партнеры находятся порознь. У других, образующих пары, но общественных животных, это делается в основном посредством агрессивных жестов, но у такого кооперативного вида, как наш, предпочтительны не столь радикальные меры. Именно здесь может прийти на выручку натренированный интеллект. Очевидно, важную роль сыграла бы нужная фраза («Моему мужу это бы не понравилось»), как это происходит в ряде случаев при социальных контактах, но могут понадобиться и

решительные меры.

Наиболее очевидным примером является пресловутый фиговый лист. Благодаря прямохождению, голая обезьяна не может приблизиться к другому представителю своей расы, не демонстрируя при этом свои гениталии. У других приматов, перемещающихся на четырех ногах, эта проблема не возникает. Если они хотят продемонстрировать половые органы, то должны принять особую позу. Мы же сталкиваемся с этим ежечасно. Следовательно, прикрытие области гениталий с помощью простого куска ткани было, пожалуй, ранним изобретением нашего вида. Использование одежды для защиты от холода возникло, без сомнения, вследствие того, что голая обезьяна стала осваивать районы с менее благоприятным климатом. Но эта стадия, вероятно, наступила гораздо позднее. С изменением культурных условий изменялась и функциональная роль предметов одежды. От сокрытия признаков пола иногда переходили и ко вторичным сексуальным сигналам (использование корсетов, вуалей); иногда этого не происходило вовсе. В отдельных случаях женские гениталии не только скрывали, но и делали совершенно недостижимыми. Наиболее известным устройством является пояс целомудрия, закрывавший гениталии и задний проход с помощью металлической полосы, просверленной в необходимых для отправления естественных потребностей местах. К приемам такого рода относится зашивание гениталий у молодых девушек до свадьбы или соединение наружных половых губ с помощью металлических скоб или колец. Не так давно стал известен случай, когда некий супруг проделал отверстия в наружных половых губах жены и после каждого сношения запирает их на замок. Конечно же, такие крайние меры очень редки, однако почти повсеместно применяются не столь радикальные способы, разработанные с целью попросту скрыть гениталии, к примеру, какой-то деталью одежды.

Еще одним нововведением явился уединенный характер половых актов. Гениталии из половых превратились в приватные органы. В настоящее время это привело к тому, что совокупление стало ассоциироваться со словом «сон». Выражение «спать с кем-то» стало синонимом выражения «совокупляться с кем-то». Поэтому занятия сексом, вместо того чтобы происходить в продолжение всего дня, теперь ограничиваются лишь одним периодом времени – поздним вечером.

Как мы уже убедились, телесные контакты стали настолько существенным элементом сексуального поведения, что их тоже надо было избегать в повседневной жизни. Пришлось ввести запрет на физические контакты с незнакомыми лицами в нашем деловом, скученном обществе. За всяким случайным соприкосновением с телом чужого человека тотчас следует извинение, причем оно тем искреннее, чем сексуальнее тело, которое вы задели. На прокрученной с большой скоростью киноленте, изображающей толпу, движущуюся по улице или окружающую какое-то большое здание, четко видна невероятная сложность этих непрерывных маневров с целью избежать телесных контактов.

Этот запрет обычно утрачивает силу в условиях крайней скученности или при особых обстоятельствах, когда речь идет о контактах с такими категориями лиц, как, например, парикмахеры, портные, доктора, которые вправе прикасаться к своим клиентам. Не столь строги ограничения относительно контактов с близкими друзьями и родственниками. Их социальные роли четко установлены как асексуальные, поэтому здесь опасность невелика. Но даже при таких условиях приветственные церемонии стали в высшей степени условными. Рукопожатие превратилось в общепринятый жест. Приветственный поцелуй превратился в своего рода церемонию (прикосновению губами к щеке), отличающуюся от подлинного любовного поцелуя в губы.

Телесные позы также подверглись своего рода цензуре. Женщины избегают расставлять ноги: это воспринимается как сексуальный сигнал. Садясь, они тесно сжимают колени или же кладут ногу на ногу.

Если рот может каким-то образом напомнить о сексуальности женщины, его прикрывают рукой. Хихиканье, определенного рода смех и мимика характерны для стадии ухаживания, а когда влюбленные встречаются на людях, мы часто видим, как они прикрывают рукой нижнюю часть рта.

У многих культур принято, чтобы мужчины брили бороды и усы, которые представляют собой вторичные половые признаки. Женщины удаляют из-под мышек волосы. Если мода

требует, чтобы плечи были обнажены, то подмышки следует брить, поскольку они – источник запаха. Растительность на лобке всегда настолько надежно прикрыта одеждой, что обычно ее удаление не требуется. Однако любопытно отметить, что модели художников, чья нагота не носит сексуального характера, лобковую часть чисто выбривают.

Кроме того, широко применяется дезодорация всего тела. Тело моют и купают гораздо чаще, чем это требуется медицинскими и гигиеническими соображениями. В силу социальных норм запахи тела подавляются, для чего используются продающиеся в больших количествах химические дезодоранты.

Многие такого рода меры принимают, руководствуясь нехитрой стратегией, против которой трудно возразить: «Это неприлично», «Так не принято», «Невежливо». Подлинная антисексуальная природа таких ограничений редко называется или даже рассматривается. Однако применяется и явный контроль в виде придуманных моральных кодексов или законов против пропаганды секса. Они значительно отличаются от культуры к культуре, но во всех случаях у них одна главная задача – препятствовать сексуальному возбуждению посторонних лиц и ограничивать внебрачные сексуальные контакты. В качестве вспомогательной меры в этом процессе, который считается трудным даже в самых пуританских сообществах, применяются различные отвлекающие механизмы. Иногда поощряются спортивные занятия школьников и другие меры, требующие значительных физических нагрузок, в тщетной надежде, что они подавят половой инстинкт. При внимательном изучении этой концепции и ее применения выяснилось, что сплошь и рядом мы сталкиваемся с неудачами. Спортсмены не более и не менее сексуальны, чем остальные группы населения. Расходуя физические силы, они одновременно укрепляют свой организм. Единственное, что, как нам представляется, может тут помочь, – это старая как мир система наказаний и поощрений. Наказаний за половую распущенность и поощрений за воздержание. Но, разумеется, такие меры лишь ослабляют, но не подавляют желание окончательно.

Совершенно очевидно, что наши непомерно разросшиеся сообщества прибегнут к каким-нибудь мерам, чтобы участвовавшие социальные контакты не привели к опасному развитию сексуальных связей вне брачного союза. Но эволюция голой обезьяны как в высшей степени сексуального примата не в силах справиться с этой проблемой. Ее биологическая природа то и дело бунтует. Едва вводятся какие-либо искусственные ограничения, решающие одну проблему, как возникают моменты, которые все сводят на нет. Зачастую это приводит к забавным и противоречивым ситуациям.

Так, женщина прячет свои груди, а затем с помощью бюстгалтера подчеркивает их очертания. Это приспособление, носящее характер сексуального сигнала, может быть подбитым ватой или надувным, так что оно не только восстанавливает форму груди, но и увеличивает ее, таким образом имитируя ее состояние при сексуальном возбуждении. В отдельных случаях женщины с обвислыми грудями даже прибегают к косметическим операциям, подвергаются подкожным инъекциям силикона, чтобы добиться аналогичного эффекта, но на постоянной основе.

С целью усугубить свою сексуальность некоторые индивиды искусственно увеличивают и другие части тела; стоит только вспомнить накладные бицепсы и плечи у мужчин, а также турнюры, увеличивающие ягодицы у женщин. У некоторых народов и ныне принято, чтобы худые женщины приобретали подбитые ватой лифчики или «искусственные попки». Туфли на высоких каблуках, искажающие походку, заставляют женщин сильно покачивать бедрами.

В различные времена женщины подкладывали вату на бедра и подчеркивали полноту бедер и груди, туго затягивая себя поясом. Появилась мода на узкие талии, для чего практиковались тесные корсеты. С полвека назад эта тенденция достигла своего апогея: появились «осиные талии». Доходило до того, что некоторые дамы с помощью хирургического вмешательства удаляли нижние ребра, чтобы усилить эффект.

Повсеместное употребление губной помады, румян и духов с целью усилить сексуальные сигналы губ, любовный румянец и запахи тела, соответственно, являются примером очередных противоречивых мер. Женщина, которая столь старательно удаляет запахи собственного тела, заменяет их промышленно производимыми «сексуальными» духами, которые в действительности представляют собой сильно разбавленный раствор продуктов

запахотделяющих желез других, совершенно чуждых нам млекопитающих.

Читая о всех этих многочисленных сексуальных ограничениях и искусственных методах привлечения лиц противоположного пола, невольно приходишь к мысли, что гораздо проще было бы поставить точки над «i». К чему выстуживать комнату, чтобы затем растапливать в ней камин? Как я уже прежде объяснял, причина ограничений достаточно понятна: речь идет о предупреждении непреднамеренного сексуального стимулирования, которое может повредить брачному союзу. Но почему бы не ввести запрет на появление в обществе таких особ? Почему бы не ограничить сексуальную демонстрацию – как биологическую, так и искусственную – теми моментами, когда участники брачного союза находятся в уединении? Ответ на этот вопрос – отчасти в нашей очень высокой степени сексуальности, которая требует постоянного самовыражения. Сексуальность возникла для того, чтобы сохранить брачный союз, но теперь, в стимулирующей атмосфере сложного общества, она постоянно дает о себе знать в ситуациях, не связанных с брачными отношениями. Но это лишь часть ответа. Секс используется и как своего рода приманка – прием этот знаком и другим приматам. Если самка примата захочет приблизиться к агрессивно настроенному самцу вовсе не с сексуальными намерениями, она может сделать вид, будто заигрывает с ним – не потому, что намерена с ним совокупиться, а потому, что таким образом она возбудит в нем желание в достаточной мере, чтобы притушить его агрессивность. Такой образец поведения называется ремотивацией. Самка прибегает к сексуальному стимулированию, чтобы ремотивировать, переключить намерения самца и тем самым получить преимущество несексуального характера. Подобные методы применяют и представительницы нашей расы. Таким образом, используется целый арсенал искусственных сексуальных сигналов. Делая себя привлекательными в глазах лиц противоположного пола, индивиды могут с успехом приглушать антагонистические чувства у других представителей социальной группы. Разумеется, такая стратегия может оказаться опасной для вида, образующего брачные пары. Стимулирование не должно заходить слишком далеко. Руководствуясь основными ограничениями сексуального характера, выработанными культурой, можно подавать четкие сигналы, обозначающие: «Я недоступна для совокупления», в то же время подавая и другие, которые имеют следующий смысл: «Однако я очень сексуальна». Сигналы последнего вида ослабят антагонизм, в то время как первые не допустят, чтобы ситуация вышла из-под контроля. Таким образом, и волки будут сыты, и овцы целы.

Подобного рода трюк должен был бы прекрасно получиться, но, к сожалению, в игру вступают и другие факторы. Механизм создания пар несовершенен. Его пришлось прививать к стволу прежней, существовавшей у приматов системы, и стык соединения замечен до сих пор. Если с брачным союзом не все ладится, то вновь дают о себе знать животные инстинкты. Добавим, что одной из важных особенностей эволюционного развития голой обезьяны было сохранение ее детского любопытства и в зрелом возрасте, так что, очевидно, ситуация может стать опасной.

Подобная система была предназначена явно для таких условий, когда у самки множество отпрысков перекрывающих друг друга возрастов, а самец охотится вместе с другими самцами. Хотя ситуация, по существу, сохранилась, появилось два новых обстоятельства. Возникла тенденция искусственно ограничивать количество потомства. Это означает, что самка не будет испытывать значительной нагрузки как родительница и в отсутствие самца сможет свободно распоряжаться собой. Кроме того, многие самки сами стремятся присоединиться к группе охотников. Разумеется, охота теперь превратилась в «работу», и мужчины, ежедневно совершающие деловые поездки, неизбежно оказываются в смешанных группах вместо прежних охотничьих партий, целиком состоявших из самцов. Это значит, что брачный союз подвергается соблазну с двух сторон. Под его натиском союз зачастую разрушается. (Как вы помните, по данным американских ученых, к сорока годам 26 % замужних женщин и 50 % женатых мужчин вступали во внебрачные половые отношения.) Правда, очень часто первоначальный брачный союз оказывается достаточно прочным и сохраняется вопреки связям на стороне или восстанавливается после того, как с таковыми покончено. Лишь в очень редких случаях происходит полный его крах.

Однако если мы на этом остановимся, то это будет недооценкой брачного союза. Он, возможно, способен уцелеть после удовлетворения полового любопытства, однако полностью

покончить с этим нельзя. Хотя мощный сексуальный импринтинг удерживает брачную пару вместе, он не устраняет ее интерес к половой активности на стороне. Если внебрачные контакты слишком часто вступают в конфликт с брачным союзом, то приходится искать им менее опасную замену. Таким решением является *вуайеризм* – подглядывание, если применять этот термин в широком смысле. Этому занятию предается огромное множество людей. В строгом смысле слова подглядывание означает получение сексуального удовольствия от созерцания полового акта, осуществляемого посторонними, но, по логике, может быть использовано в более широком контексте, подразумевая интерес того или иного лица к любой половой деятельности. Этим занимается почти все население планеты. Люди наблюдают за ней, читают, слушают о ней. Подавляющее количество сюжетов теле– и радиопередач, фильмов, театральных пьес и романов связаны с удовлетворением такой потребности. Не обходится и без участия журналов, газет и досужих болтунов. Предмет этот стал содержанием целой индустрии. Но секс-наблюдатель сам не принимает в процессе *никакого* участия. Как бы по доверенности все делают другие лица. Спрос на продукцию такого рода настолько велик, что пришлось создать специальную категорию исполнителей – актеров и актрис, – которые проходят все сексуальные перипетии, чтобы мы могли наблюдать за ними. Они флиртуют и женятся, затем вживаются в новые роли, чтобы снова флиртовать и вступать в брак. Таким образом, запасы пищи для любителей «клубнички» постоянно возобновляются.

Если взглянуть на великое множество других видов животных, то поневоле приходишь к заключению, что пассивный секс, которым увлекаемся мы, – это биологически ненормальное занятие. Но занятие сравнительно безобидное; оно может даже помочь нашему виду, поскольку в известной степени удовлетворяет наше сексуальное любопытство, не вовлекая никого из нас в возможные сексуальные связи, которые могли бы нанести ущерб нашему брачному союзу.

Такая же задача и у проституции. Разумеется, тут не обходится без нашего личного участия, но в типичной ситуации оно строго ограничено половым актом. Ухаживание и даже флирт здесь сведены к абсолютному минимуму. Ведь это начальные стадии образования брачной пары, и они своевременно пресекаются. Если женатый мужчина утоляет свою жажду сексуальной новизны, вступая в связь с продажной женщиной, он, разумеется, может нарушить прочность брачного союза, но не в такой степени, как если бы он предавался романтической страсти, исключаяющей интимную близость.

Еще один вид сексуальной активности, который требуется изучить, – это возникновение гомосексуальной фиксации. Первичная функция сексуального поведения – воспроизводство вида, но именно этой задачи гомосексуальные пары выполнить не в состоянии. Необходимо отметить следующий факт. В гомосексуальном акте псевдосовокупления нет ничего необычного с биологической точки зрения. При определенных обстоятельствах его совершают и другие виды животных. Однако образование гомосексуальной пары с биологической точки зрения неестественно, поскольку оно не может привести к созданию потомства и тратит впустую силы потенциальных производителей. Чтобы понять, как это может происходить, полезно взглянуть на других животных.

Я уже объяснял, каким образом самка может использовать сексуальные сигналы, чтобы ублажить агрессивного самца. Возбуждая в нем чувственность, она подавляет его враждебность и избегает нападения. К такому же приему может прибегнуть и подчиненный самец. Молодые самцы обезьян часто принимают позы самок, после чего на них влезают доминирующие самцы, которые иначе атаковали бы их. Аналогичным образом могут влезать на подчиненных самок и доминирующие самки. Это использование сексуальных поведенческих образцов в ситуациях, не связанных с сексуальными действиями, стало распространенным явлением на социальной сцене приматов и оказалось чрезвычайно полезным для сохранения групповой гармонии и организации. Поскольку остальным видам приматов не свойствен сложный процесс создания брачных пар, он не приводит к трудностям в виде долгосрочных гомосексуальных союзов. Такая гомосексуальная копуляция лишь решает неотложные проблемы превосходства, но не обуславливает возникновения продолжительных сексуальных контактов.

Гомосексуальное поведение наблюдается также в ситуациях, когда идеальный сексуальный объект (особь противоположного пола) отсутствует. Это относится ко многим группам животных: представитель своего пола используется как объект-заменитель, «суррогат»

для сексуальной активности. Находясь в полной изоляции, животные часто прибегают к крайним мерам и пытаются вступать в половые отношения с неодушевленными предметами или мастурбировать. Известно, что в неволе некоторые плотоядные сожигались с пищевыми контейнерами. Очень часто мастурбацией занимаются обезьяны, а иногда и львы; кроме того, животные, находящиеся вместе с представителями другой породы, могут попытаться копулировать с ними. Но такого рода деятельность тотчас прекращается, едва на сцене появляется биологически корректный стимул – особь противоположного пола.

Очень часто такие ситуации возникают и у нас, и ответная реакция ничем не отличается от вышеописанной. Если мужчина или женщина по каким-либо причинам не могут иметь общения с лицами противоположного пола, то они находят выход своим желаниям иными способами. Они могут использовать представителей своего пола, могут использовать животных или мастурбировать. Детальные исследования американских ученых показали, что 13 % женщин, представляющих эту культуру, и 37 % мужчин моложе 45 лет вступали в однополые связи, испытывая при этом оргазм. Половые контакты с другими видами животных наблюдались значительно реже (разумеется, вследствие того, что они в гораздо меньшей степени стимулируют желание). Они были отмечены лишь у 3,6 % женщин и 8 % мужчин. Мастурбация, хотя она и не обеспечивает «партнерского стимула», распространена в большей степени. Установлено, что в тот или иной период жизни предавались этому занятию 58 % женщин и 92 % мужчин.

Если такого рода бесполезные в репродуктивном отношении занятия могут происходить без ущерба для долгосрочного детородного потенциала вовлеченных в них лиц, то они безвредны. По существу, они могут быть полезны с биологической точки зрения, так как предотвращают чувство сексуальной обездоленности, которое может привести к социальной дисгармонии. Но если такие отношения вызывают сексуальную «зацикленность», то они создают проблему. Как мы уже заметили, нашему виду свойственно «влюбляться» – вырабатывать сильную связь с объектом наших половых вожделений. Процесс сексуального импринтинга приводит к созданию продолжительной связи, столь важной для выполнения долгосрочных родительских обязанностей. Импринтинг срабатывает тогда, когда возникают серьезные сексуальные контакты, последствия чего очевидны. Самые первые объекты нашего сексуального влечения непременно становятся главными. Импринтинг – это ассоциативный процесс. Некоторые ключевые стимулы, которые присутствуют в момент сексуального удовлетворения, оказываются тесно связанными с этим удовлетворением, а без наличия таких важных стимулов сексуальное поведение сформироваться не может. Если вследствие социальных условий мы вынуждены испытать первое ощущение сексуальной удовлетворенности в гомосексуальном контакте или при мастурбации, то определенные элементы, присутствующие в таких контактах, могут приобрести мощное сексуальное значение на длительный срок. (Именно таким образом возникают необычные формы фетишизма.)

Предположим, что эти факты могут доставить людям больше бед, чем это в действительности случается, однако в большинстве случаев предотвратить это помогают два момента. Во-первых, мы оснащены целым арсеналом инстинктивных реакций на характерные сексуальные сигналы особей противоположного пола, поэтому мы вряд ли захотим следовать за каким-либо объектом, не способным подавать такие сигналы. Во-вторых, наши ранние сексуальные опыты носят экспериментальный характер.

Мы начинаем с того, что очень часто и очень легко влюбляемся и так же легко утрачиваем интерес к своему «предмету». Можно сказать, что процесс полного импринтинга отстает от других сексуальных событий. На этой стадии «исканий» у нас, как правило, возникает большое количество второстепенных объектов импринтинга, причем каждый из них вытесняется следующим. Так продолжается до тех пор, пока мы не сталкиваемся со значащим импринтингом. К этому времени мы, как правило, успеваем подвергнуться воздействию ряда сексуальных стимулов, чтобы после этого закрепиться на биологически подходящих нам особях, так что спаривание с ними проходит как нормальный гетеросексуальный процесс.

Возможно, понять это будет легче, если мы сравним ситуацию с той, которая возникла у некоторых других видов животных. К примеру, образующие пары птицы, живущие колониями, мигрируют в районы спаривания, где будут устраивать гнездовья. Молодые и прежде не

спаривавшиеся птицы, впервые летящие в стае на правах взрослых особей, должны, как и все остальные, закреплять за собой территории и создавать брачные пары. Это делается без лишней задержки сразу после их прилета. Молодые птицы подбирают себе партнеров, руководствуясь их сексуальными сигналами. У них врожденная реакция на такие сигналы. После ухаживания за самкой они сосредотачивают свои сексуальные атаки на данной особи. Это достигается в процессе сексуального импринтинга. По мере того как флирт продолжается, инстинктивные сексуальные сигналы (которые являются общими для всех представителей обоих полов каждого вида) должны быть связаны с определенными уникальными опознавательными признаками. Лишь таким образом процесс импринтинга может ограничить сексуальную восприимчивость каждой птицы, направляя ее к определенному партнеру. Все это должно произойти быстро, так как брачный период у них ограничен. Если бы в начале этой стадии все представители одного пола в порядке эксперимента были удалены из колонии, то могло бы возникнуть большое количество однополых пар, поскольку птицы отчаянно пытались бы найти заменителей нужным особям.

Что касается нашего вида, то тут процесс осуществляется гораздо медленнее. Нам не нужно торопиться, чтобы успеть что-то предпринять до окончания короткого брачного периода. Это позволяет нам осмотреться и изучить существующие возможности. Даже если мы подростками попадаем в сообщество, обособленное по половому признаку, мы не образуем автоматически и на постоянной основе однополые пары. Будь мы похожими на живущих колониями гнездящихся птиц, ни один юноша – воспитанник пансионата для мальчиков (или другого заведения, где учатся лица одного пола) не смел бы и мечтать о создании нормального гетеросексуального (двуполого) союза. По существу, процесс этот не наносит большого ущерба. В большинстве случаев импринтинг оставляет лишь неглубокий след и может быть стерт позднейшими, более сильными впечатлениями.

Однако ущерб оказывается значительнее. Мощные ассоциативные признаки будут прочно соединены с сексуальным выражением и всегда будут востребованы в позднейших, приводящих к созданию пар ситуациях. Низкого уровня основных сексуальных сигналов, производимых партнерами одного пола, будет недостаточно, чтобы перевесить ассоциации, связанные с позитивным импринтингом. Логично будет спросить, почему общество подвергает себя такой опасности. По-видимому, ответ сводится к тому, что это вызвано необходимостью продолжать период обучения как можно дольше, чтобы удовлетворить чрезвычайно сложные потребности, предъявляемые технологией культуры. Если бы молодые люди и девушки создавали семейные ячейки, как только они стали биологически готовы к этому, то огромный труд, затраченный на их образование, был бы обесценен. Чтобы предотвратить это, на них оказывается сильное давление. К сожалению, никакие культурные ограничения не в состоянии помешать развитию половой системы, и поскольку половые потребности не могут быть удовлетворены обычным способом, находятся другие.

Существует еще один важный фактор, который может повлиять на гомосексуальные тенденции. Если подростки находятся под влиянием мужеподобной и властной матери или слишком слабого или женственного отца, это чревато осложнениями. Поведенческие особенности повлекут их в одну сторону, а анатомические – в другую. Если, созрев в половом отношении, сыновья станут искать себе партнеров с поведенческими (а не анатомическими) признаками своей матери, они наверняка выберут себе в партнерши лиц мужского, а не женского пола. Дочери также подвержены риску, но противоположного характера. Сложность в решении проблем такого рода заключается в том, что длительный период зависимости детей от родителей создает такое перекрытие между поколениями, что осложнения в их отношениях повторяются вновь и вновь. Женоподобный отец, о котором мы упоминали выше, очевидно, был свидетелем сексуальных отклонений в отношениях его собственных родителей и так далее. Проблемы такого рода долго дают о себе знать и в последующих поколениях, пока они не будут изжиты или настолько обострятся, что разрешатся сами собой – прекращением дальнейшего деторождения.

Как зоолог, я не могу обсуждать сексуальные «особенности» с обычной моралистической точки зрения. Я могу рассуждать лишь о биологической морали в категориях успешного продолжения рода или неудач в этой области. Если некоторые модели сексуального поведения

препятствуют успешному воспроизводству вида, то они могут с полным основанием называться вредными. Такие группы, как монахи, монахини, старые девы и холостяки, а также заведомые гомосексуалисты, – все они в репродуктивном смысле индивиды, отклоняющиеся от нормы. Общество их создало, но они не захотели вернуть ему долг. Однако нужно иметь в виду, что активный гомосексуалист отклоняется от нормы не в большей степени, чем монах. Следует также сказать, что никакая сексуальная практика, какой бы отвратительной и неприятной она ни казалась представителям определенной культуры, не может критиковаться с биологической точки зрения при условии, что она не мешает успешному воспроизводству вида. Если самый невероятный способ полового сношения способствует оплодотворению или брачный союз будет этим укреплен, то в репродуктивном плане он выполнил свою задачу и в категориях биологии столь же приемлем, как и самые «пристойные» и всеми одобряемые виды соития.

Сказав все это, я должен теперь отметить одно существенное исключение из этого правила. Биологическая мораль, о которой я рассуждал выше, теряет смысл в условиях перенаселения. В этом случае правила приобретают противоположный знак. На основании исследования других видов в экспериментально созданных условиях перенаселения известно, что наступает момент, когда плотность населения достигает такой величины, что разрушает всю структуру сообщества. У животных возникают болезни, они убивают своих детенышей, жестоко дерутся и калечат друг друга. Никакой поведенческий механизм не может работать надлежащим образом. Все раздроблено. В конце концов высокий уровень смертности приводит к уменьшению численности популяции и появляется возможность для ее нового роста. Но это случается лишь после того, как произошел демографический взрыв с катастрофическими последствиями. Если бы в такой ситуации можно было использовать какой-нибудь контролируемый прием для уменьшения воспроизводства при появлении первых признаков перенаселения, то хаоса можно было бы избежать. В таких условиях (серьезное перенаселение без признаков его снижения в обозримом будущем) антирепродуктивные виды сексуальной деятельности должны, очевидно, рассматриваться в новом свете.

Наш вид быстрыми темпами приближается к подобной ситуации. Мы оказались в положении, когда более нельзя оставаться благодушными. Решение очевидно, а именно – сокращение рождаемости без нарушения существующей социальной структуры: предотвратить увеличение количества, не препятствуя повышению качества населения. Очевидно, нужны противозачаточные средства, однако они не должны разрушать базовую семейную ячейку. По существу, никакой опасности они не представляют. Выражались опасения, что использование усовершенствованных контрацептивов приведет к случайным связям, но опасения эти вряд ли обоснованны: об этом позаботится мощная тенденция к укреплению брачных союзов, свойственная нашему виду. Могут возникнуть проблемы, если многие супружеские пары будут использовать контрацептивы настолько активно, что у них не появится никакого потомства. Подобные пары будут предъявлять такие требования друг к другу, что под их бременем брачные узы могут нарушиться. Тогда эти индивиды станут представлять значительную опасность для других пар, которые пытаются развивать свои семейные отношения. Однако так уж сокращать прирост населения не нужно. Если в каждой семье появится два ребенка, то родители только воспроизведут себя, прироста же народонаселения не произойдет. Учитывая вероятность несчастных случаев и преждевременных смертей, средний уровень населения будет чуть выше нормы, не приводя к дальнейшему росту населения с катастрофическими для вида последствиями.

Сложность в том, что, как явление сексуальной жизни, механические и химические контрацептивы представляют собой совершенно новое явление. Требуется некоторое время, прежде чем мы узнаем, какое влияние они окажут на основную сексуальную структуру общества после того, как их будут использовать многие слои населения и из старых традиций возникнут новые. Такие контрацептивы могут вызвать и косвенные, непредсказуемые изменения или нарушения социосексуальной системы. Какие именно – покажет время. Однако в любом случае, если не ограничить рождаемость, последствия будут гораздо хуже.

Памятуя о проблеме перенаселения, можно утверждать, что необходимость резко сократить рождаемость делает излишней всякую критику с биологических позиций таких

категорий населения, не участвующих в воспроизводстве, как монахи и монахини, старые девы, холостяки и убежденные гомосексуалисты. С чисто репродуктивной точки зрения критика справедлива, но она не учитывает другие социальные проблемы, с которыми в определенных случаях сталкиваются эти люди, не говоря о их роли как специфических меньшинств. Тем не менее, если они являются хорошо приспособленными и ценными членами общества вне репродуктивной сферы, то категории эти должны рассматриваться как важный тормоз на пути к демографическому взрыву.

Оглядываясь на всю сексуальную панораму, мы можем сказать, что наш вид остался в гораздо большей степени преданным своим основным биологическим инстинктам, чем мы могли себе поначалу вообразить. Наша половая система приматов с изменениями, заимствованными у плотоядных, хорошо сохранилась, несмотря на наши фантастические достижения в технике. Если взять группу из двадцати провинциальных семей и поместить их в первобытную среду с субтропическим климатом, где самцам пришлось бы добывать пропитание охотой, то сексуальная структура нового сообщества потребовала бы или весьма незначительной перестройки, или вообще никакой. По существу, жители каждого небольшого или крупного города специализировались бы в той или иной области охоты, но сохранили бы свою прежнюю социосексуальную систему почти без изменений. Заимствованные у писателей-фантастов идеи создания детских ферм, обобществления половой жизни, выборочной стерилизации и государственного контроля над разделением обязанностей по воспроизводству населения не нашли своего воплощения. Отправляясь на Луну, обезьяна космического века по-прежнему прячет в бумажник фотографии жены и детей. Лишь в вопросе об ограничении рождаемости мы являемся свидетелями первого массированного наступления на нашу извечную сексуальную систему со стороны современной цивилизации. Благодаря успехам в области фармакологии, хирургии и гигиены мы добились невероятных успехов в продолжении рода. Мы практикуем контроль над смертностью и теперь должны уравновесить его контролем над рождаемостью. Вполне вероятно, что примерно в следующем столетии нам в конце концов придется изменить свои взгляды на половую жизнь. Но если такое произойдет, то не потому, что они были ошибочными, а потому, что оказались чересчур продуктивными.

3

Выращивание потомства

У голой обезьяны родительское бремя тяжелее, чем у любого другого животного. Если кто и может состязаться с нами в этом отношении, то в категориях интенсивности, но только не экстенсивности. Прежде чем оценить значение этой тенденции, мы должны изучить основные факты.

После того как самка оплодотворена и в ее чреве начал расти зародыш, она претерпевает ряд изменений. Месячные прекращаются. По утрам она испытывает тошноту. Кровяное давление у нее понижается. Она может стать несколько анемичной. Груды у нее со временем увеличиваются и становятся мягкими. Усиливается аппетит. Как правило, она становится более спокойной.

По окончании срока беременности, продолжающейся приблизительно 266 дней, матка у самки начинает мощно и ритмично сокращаться. Околоплодная оболочка рвется, и у роженицы отходят воды. Последующие энергичные сокращения выталкивают плод из матки, затем из влагалища на белый свет. Посредством повторных сокращений отторгается и выбрасывается наружу плацента. Затем отделяется пуповина, соединяющая младенца с плацентой. У других приматов эту операцию осуществляет мать, перекусывая ее. Несомненно, этот метод применяли и наши предки, но в настоящее время пуповина аккуратно перевязывается и перерезается ножницами. Обрезок пуповины, все еще соединенный с животом младенца, высыхает и через несколько дней после рождения отваливается.

В настоящее время общепринято, что роженице помогают другие взрослые. Очевидно, это очень древняя традиция. Прямохождение связано с испытаниями, которые выпадают на долю женщины. Платой за этот шаг вперед явились трудные роды, продолжающиеся несколько часов. Похоже, помощь других особей была необходима самке еще в те времена, когда обезьяна

– обитатель лесных зарослей – превращалась в обезьяну-охотника. К счастью, кооперативность вида усиливалась вместе с его развитием, так что причина возникновения проблемы могла стать и ее разрешением. Обычно шимпанзе-мать не только перекусывает пуповину, но и пожирает полностью или частично плаценту, вылизывает околоплодную жидкость, моет и вытирает новорожденного детеныша и в целях защиты прижимает его к себе. Что касается нашего вида, то у нас измученная роженица рассчитывает на то, что все эти обязанности (или нынешние их аналоги) выполнят те, кто ее окружает.

После родов может пройти день-два, прежде чем у матери появится молоко. Как только это произойдет, она может кормить младенца грудью до двух лет. Однако период грудного вскармливания короче; в настоящее время он сокращается до шести-деяти месяцев. На этот период менструации, как правило, прекращаются, возобновляясь лишь тогда, когда мать перестает кормить ребенка своим молоком и отнимает его от груди. Если детей отнимают от груди слишком рано и кормят их из рожка, то такой задержки, естественно, не происходит, и вскоре женщина может возобновить деторождение. Если же она следует первобытным правилам и кормит ребенка грудью все два года, то она может производить потомство лишь раз в три года. (Иногда грудное кормление преднамеренно продолжается, являясь методом контрацепции.) Поскольку репродуктивный период у женщины приблизительно тридцать лет, то за этот срок она может родить десятерых детей. При искусственном кормлении или резком сокращении периода кормления грудью цифра эта может теоретически вырасти до тридцати.

В отличие от других приматов, у женщин кормление грудью представляет собой проблему. Младенец настолько беспомощен, что матери приходится принимать более активное участие в этом процессе, держа ребенка у груди и направляя его действия. Некоторым матерям с трудом удается приучить своих чад сосать грудь эффективно. Проблема заключается в том, что сосок не слишком далеко входит в рот младенцу. Его губки не могут обхватить сосок, поэтому его следует засунуть глубже, чтобы тот соприкасался с нёбом и верхней поверхностью языка ребенка. Лишь это заставляет его активно работать челюстями, языком и щеками и энергично сосать грудь. Область груди сразу за сосками должна быть мягкой и податливой. Именно степень податливости определяет глубину «захвата» груди младенцем. Очень важно, чтобы сосунок научился как следует брать грудь в первые четыре-пять дней после рождения. Тогда кормление грудью окажется успешным. Если же в течение первой недели он будет сталкиваться с трудностями, то никогда не научится как следует питаться материнским молоком. В таком случае он предпочтет кормление из рожка.

Еще одна проблема состоит в том, что некоторые сосунки как бы сопротивляются кормлению. Зачастую у матери создается впечатление, что младенец не желает брать грудь. В действительности же он пытается делать это, но безуспешно, поскольку задыхается. При неудачном положении головки младенца на материнской груди он прижимается к ней носиком, а так как рот у него полон молока, он не может дышать. Он начинает «воевать», ловя ртом воздух. У молодой матери возникает гораздо больше проблем, но я выбрал две, потому что они, на мой взгляд, подтверждают гипотезу, согласно которой женская грудь является в большей степени устройством для сексуальной сигнализации, чем своего рода доильным аппаратом. Обе перечисленные проблемы вызываются твердостью и округлостью грудей. Стоит лишь взглянуть на соску детского рожка, чтобы понять, какая форма наилучшим образом устраивает ребенка. Соска гораздо длиннее и не переходит в большое полушарие, которое создает столько трудностей рту и носу младенца. По своему виду рожок гораздо больше напоминает форму груди самки шимпанзе. Грудь у нее немного разбухает, но даже в период полной лактации они, по сравнению с женскими, плоские. Зато соски у шимпанзе гораздо длиннее, так что ее детенышу не составляет особого труда научиться брать материнскую грудь. Поскольку на женщине лежит тяжкое бремя вскармливания грудью своих чад, а груди явно являются частью аппарата для вскармливания, мы автоматически полагали, что их вытянутая, округленная форма должна быть неотъемлемым элементом ее как кормилицы. Но теперь, как нам представляется, такое предположение было ошибочным, а форма женских грудей выполняет скорее сексуальную функцию.

Оставив в стороне вопрос о кормлении, посмотрим на один или два аспекта отношения матери к своему ребенку в прежние времена. Обычная практика, когда мать ласкает, прижимает

к себе и вытирает младенца, не требует особых комментариев, зато весьма показательным, каким образом она держит ребенка, когда отдыхает. Тщательные исследования американских ученых показали, что 80 % матерей кладут ребенка на левую руку и прижимают его к левой части тела. На вопрос о значении такого предпочтения большинство людей отвечает, что это, очевидно, объясняется тем, что среди населения преобладают правши. Удерживая ребенка на левой руке, мать освобождает правую руку. Однако детальный анализ показывает, что это не так. Правда, различие между женщинами-правшами и левшами существует, но оно слишком незначительно, чтобы объяснить данный факт. Выясняется, что 83 % правшей держат ребенка на левой стороне, но так же поступают и 78 % матерей-левшей. Иными словами, всего 22 % матерей-левшей высвобождают левую руку. Вероятно, должно существовать какое-то другое, не столь очевидное объяснение.

Единственной причиной является тот факт, что сердце находится в левой стороне. Не является ли биение материнского сердца жизненно важным фактором? А если так, то почему? Размышляя над этим вопросом, ученые утверждали, что, возможно, во внутриутробной жизни растущий эмбрион приобрел импринтинг на биение сердца матери. Если это так, то знакомый звук, вновь услышанный ребенком после его рождения, может оказывать успокаивающее воздействие на младенца, особенно если он очутился в незнакомом и пугающе новом мире. Если это так, то мать, инстинктивно или опытным путем, методом проб и ошибок, пришла к открытию, что ее ребенок спокойнее ведет себя, когда его держат на левой стороне, у сердца.

Вывод может показаться не слишком убедительным, но проведенные тесты указывают на то, что это правильное объяснение. Несколько групп новорожденных младенцев, находившихся в родильной палате, в продолжение длительного времени слушали запись сердцебиения со стандартной частотой 72 удара в минуту. В каждой группе находилось девять младенцев, и было установлено, что один или более новорожденных плакали в течение 60 % времени, когда запись не включалась. Однако эта цифра уменьшилась до 38 %, когда раздавались удары сердца. Кроме того, группы, слушавшие запись, заметнее увеличивали свой вес по сравнению с другими младенцами, хотя и те и другие получали одинаковое количество пищи. Совершенно очевидно, что группы, не слушавшие запись, расходовали больше энергии, когда громко плакали.

Был проведен еще один тест, в котором участвовали дети постарше. В одних группах в спальне было тихо, для других включались записи колыбельных песен. Для третьих включался метроном, работавший с частотой работы сердца – 72 удара в минуту. Для четвертых групп включалась запись биения сердца. Затем проверяли, какие группы засыпают быстрее. Те группы, которые слушали запись биения сердца, засыпали в два раза быстрее любой из остальных групп. Это не только подтверждает гипотезу, что звук бьющегося сердца является мощным успокаивающим средством, но и указывает на то, что реакция на него чрезвычайно специфична. Имитация сердцебиения с помощью метронома не дает никакого результата, по крайней мере когда речь идет о малышах.

Нам представляется вполне приемлемым такое объяснение факта, что матери держат младенцев с левой стороны. Интересно отметить, что, изучив 466 полотен с изображением Богоматери с Младенцем (созданных на протяжении нескольких веков), установили, что на 373 из них Дитя находится на левой стороне. И в этом случае цифра составляет 80 %. Это противоречит наблюдению, что 50 % женщин, несущих поклажу, держат ее в левой руке и столько же – в правой.

Какие другие возможные последствия может иметь этот импринтинг на сердцебиение? К примеру, он, возможно, объясняет, почему мы считаем, что чувство любви зарождается в сердце, а не в голове. Как поется в песне: «У меня есть сердце, а у сердца – песня!» Этот импринтинг может также объяснить, почему матери укачивают детей перед сном. Движения их совпадают по ритму с частотой сердцебиения. Возможно, они напоминают младенцу знакомые ритмичные пульсации, которые тот чувствовал, находясь в утробе матери, где большое сердце стучало где-то наверху.

И это еще не все. Упомянутое явление сопровождает нас и во взрослой жизни. Страдая, мы покачиваемся взад и вперед. Когда с кем-то конфликтуем, делаем то же самое. В следующий раз, когда вы увидите какого-нибудь лектора или оратора, проверьте частоту его

покачиваний. Смущение, которое он испытывает в присутствии большого числа слушателей, заставляет его совершать движения, которые его успокаивают, и поэтому он прибегает к привычному ритму – отголоску материнского чрева.

Всякий раз, когда вы чувствуете себя незащищенным, вы находите для себя успокаивающий ритм сердцебиения, принимающий ту или иную форму. Не случайно народная музыка и танцы, как правило, исполняются в синкопированных ритмах. Звуки и телодвижения возвращают исполнителей к надежному миру материнской утробы. Не случайно музыка молодежи называется рок-музыкой¹. Позднее ее стали обозначать еще более определенным словом – бит-музыка². О чем же поют подростки? «Сердце мое разбито», «Ты отдала свое сердце другому» или «Мое сердце принадлежит тебе».

Как ни увлекателен этот сюжет, мы не должны уходить слишком далеко от первоначальной темы – поведение родителей. До сих пор мы рассматривали отношение матери к своему ребенку. Мы видели ее в драматические моменты рождения младенца, наблюдали за тем, как она кормит его, держит на руках и баюкает. Теперь мы должны обратить свое внимание на самого младенца и проследить за тем, как он растет.

Новорожденный младенец весит в среднем 3,5 кг, что составляет чуть больше одной двадцатой веса среднего родителя. В течение первых двух лет ребенок растет очень быстро; так продолжается еще четыре года. Однако в шесть лет темпы его роста значительно снижаются. Эта фаза замедленного роста продолжается до одиннадцати лет у мальчиков и до десяти у девочек. Затем, с наступлением периода пубертации, происходит новый скачок. Быстрый рост наблюдается у мальчиков с одиннадцати до семнадцати лет, у девочек – с десяти до пятнадцати. Благодаря их несколько более ранней зрелости девочки обгоняют мальчиков в период с одиннадцати до четырнадцати лет, но затем мальчики их опережают. Как правило, девочки прекращают свой рост около девятнадцати лет, юноши гораздо позже – лет в двадцать пять. Первые зубы появляются у детей на шестом или седьмом месяце, а полный набор молочных зубов они обычно имеют к концу второго года или к середине третьего. Коренные зубы прорезаются на шестом году, но последние моляры (зубы мудрости) обычно вырастают не раньше девятнадцати лет.

Новорожденные очень много спят. Принято считать, что они бодрствуют всего два часа в сутки в течение первых недель жизни, но это не так. Они действительно сони, но не настолько. Тщательными исследованиями установлено, что время, проведенное новорожденным во сне, составляет в среднем 16,6 часа в сутки. Однако один ребенок отличается от другого: самые большие сони проводили во сне 23 часа из двадцати четырех, а наиболее бодрствующие – всего 10,5 часа в сутки.

В период детства соотношение сон – бодрствование постепенно изменяется в сторону бодрствования, а во взрослом состоянии средняя продолжительность сна (шестнадцать часов) сокращается наполовину. Однако и у взрослых эта цифра (восемь часов) может значительно отличаться от одного индивида к другому. Двум из каждых ста человек требуется всего пять часов, двум – целых десять. Кстати, взрослые женщины спят в среднем чуть больше, чем мужчины.

Шестнадцатичасовая ежедневная норма сна используется ребенком не подряд в течение ночи, а разбивается на ряд коротких отрезков, распределенных в течение суток. Однако с момента рождения у ребенка появляется стремление спать больше ночью, чем в дневное время. Но в последующие недели один из ночных отрезков сна увеличивается и наконец становится преобладающим. Теперь младенец спит днем урывками, а ночью – не просыпаясь. Такая перемена приводит к тому, что средняя ежедневная норма сна у шестимесячного ребенка сокращается до четырнадцати часов. В последующие месяцы дневной сон уменьшается до часа-двух утром и часа – днем. На втором году жизни ребенок обычно утром не спит, средняя продолжительность сна сокращается до тринадцати часов в сутки. На пятом году ребенок

¹ rock – качать (англ.).

² beat – ударять (англ.).

перестает спать и днем, в результате чего норма сна уменьшается до двенадцати часов. С этой поры вплоть до достижения половой зрелости сон сокращается еще на три часа. В результате к тринадцати годам дети спят всего по девять часов. С этого момента потребность в сне у подростка ничем не отличается от таковой у взрослого, и он обычно спит не больше восьми часов. Следовательно, окончательный ритм сна устанавливается в период половой, а не физической зрелости.

Любопытно отметить, что наиболее умные из детей дошкольного возраста спят меньше, чем их менее развитые сверстники. После семи лет тенденция меняется: более толковые школьники спят больше, чем их отстающие товарищи. По-видимому, вместо того чтобы проводить больше времени за занятиями, они вынуждены работать более активно, в результате чего наиболее добросовестные из них к концу дня изматываются. Что касается взрослых, то здесь никакой связи между одаренностью и потребностью в сне не наблюдается.

На то, чтобы уснуть, здоровым мужчинам и женщинам всех возрастов требуется минут двадцать. Пробуждение должно быть спонтанным. Потребность в будильнике того или иного вида указывает на недосыпание, что скажется на самочувствии индивида.

В периоды бодрствования новорожденный двигается сравнительно мало. Его мускулатура, в отличие от мускулатуры других приматов, развита слабо. Малыш мелкой обезьяны может крепко держаться за мать, едва успев появиться на свет. Он может даже цепляться ручками за ее шерсть в момент своего рождения. Напротив, новорожденное человеческое дитя беспомощно и может лишь шевелить ручками и ножками. Только в месячном возрасте оно может, лежа на животе, поднимать подбородок без посторонней помощи («держать головку»). В два месяца малыш сумеет немного приподняться, лежа на животе. В три – тянет ручки к подвешенным в воздухе предметам. В четыре с помощью матери он пытается сидеть. В пять месяцев он сидит у матери на коленях и держит в ручке те или иные предметы. В шесть – сидит на малпостике (высоком стуле) и без труда хватает висящие игрушки. В семь месяцев садится без посторонней помощи. В восемь – встает при поддержке матери. В девять – стоит, опираясь о предметы обстановки. В десять месяцев может ползать на четвереньках. В одиннадцать – ходить, держась за руку кого-нибудь из родителей. В двенадцать он поднимается с пола, опираясь о твердые предметы. В тринадцать месяцев ребенок умеет подниматься по лестнице. В четырнадцать – стоять, ни на что не опираясь. В пятнадцать месяцев для ребенка наступает важный момент, когда он наконец-то начинает ходить самостоятельно. (Разумеется, приводятся усредненные цифры, однако они служат хорошим подспорьем при определении темпов развития ребенка.)

Приблизительно в то же время, когда ребенок начинает ходить без посторонней помощи, он произносит первые слова – сначала самые простые, но вскоре его словарный запас начинает пополняться с поразительной скоростью. К двум годам обычный ребенок может произнести уже почти триста слов. К трем эта цифра утраивается. К четырем он знает уже почти 1600 слов, а к пяти – 2100. Эти поразительные темпы обучения посредством звукоподражания уникальны и должны рассматриваться как одно из наших величайших достижений. Это связано, как мы узнали из первой главы, с настоящей потребностью в более точной информации, полезной для коллективной охоты. Ни у кого больше, даже у самых близких нам приматов, нет ничего сколь-нибудь отдаленно похожего на это свойство. Как и мы, шимпанзе талантливо имитируют манипуляции, но подражать звукам они не умеют. Однажды была предпринята серьезная попытка научить молодого шимпанзе говорить, но достигнутый успех оказался весьма скромным. Животное воспитывалось в человеческом жилище в условиях, в каких живут дети. Сочетая поощрение в виде еды с манипуляцией губ, делались неоднократные попытки убедить животное произнести простые слова. К двум с половиной годам животное научилось говорить «мама», «папа» и «чашка». Со временем оно смогло использовать эти слова в нужном контексте, шепча «чашка», когда хотело напиться воды. Упорные занятия с животным продолжались, но к шести годам (когда человеческий детеныш знал более двух тысяч слов) словарный запас шимпанзе составлял всего семь слов.

Это различие является вопросом иного уровня развития, а не отсутствия голоса. Шимпанзе наделен речевым аппаратом, который по своему строению вполне способен производить большое количество звуков. Тупость животного объясняется не

неприспособленностью его речевого аппарата, а несовершенством содержимого его черепной коробки.

В отличие от шимпанзе, некоторые птицы обладают поразительной способностью имитировать человеческую речь. Попугаи, хохлатые майны, вороны и ряд других птиц могут не моргнув глазом произносить целые фразы, но, к сожалению, они обладают птичьим умом и не умеют хорошо использовать этот свой талант. Они лишь копируют сложные сочетания звуков, которым их обучают, и повторяют их автоматически в установленном порядке безотносительно к внешним событиям. И все-таки удивительно, что шимпанзе, как и мелкие обезьяны, не могут достичь лучшего результата. Даже несколько простых слов пригодились бы им в их естественной среде, поэтому удивительно, почему им не удалось достичь такой степени развития.

Вернемся снова к нашему виду. Первобытные, инстинктивно издаваемые звуки – ворчание, стоны, вопли, которые характерны для других приматов, – не чужды и нам, несмотря на наш интеллект. Мы сохраняем данные нам природой звуковые сигналы, и они выполняют свою важную роль. Они не только образуют как бы звуковой фундамент, на котором мы можем воздвигать свой словесный небоскреб, но и существуют сами по себе как характерные видовые средства общения. Не в пример словесным сигналам, они произносятся без всякого обучения и обозначают одно и то же во всех культурах. Вопль, хныканье, смех, рев, стон, ритмичный плач передают одну и ту же информацию всем и везде. Подобно звукам других животных, они относятся к основным эмоциональным состояниям и оповещают нас о причинах, вынудивших ту или иную особь издать этот сигнал. Аналогичным образом мы сохранили свои инстинктивные выражения эмоций: улыбку, усмешку, насупленные брови, неподвижный взгляд, испуг, гнев. Такие сигналы знакомы всем сообществам и существуют, несмотря на наш некоторый культурный лоск.

Любопытно взглянуть, как эти основные видовые звуки и видовые выражения лица появляются с первых шагов развития ребенка. Реакция в виде ритмического плача (как нам хорошо известно) возникает с самого момента его рождения. Улыбка появляется позднее, спустя примерно пять недель. Смех и проявления характера мы наблюдаем у трех- или четырехмесячных младенцев. Полезно более внимательно изучить такие симптомы.

Плач – это не только самый ранний, но и самый важный сигнал о настроении человека. Улыбка и смех являются уникальными и довольно специфическими сигналами, однако плач присущ не только нам, но и тысячам других животных. Фактически все эти млекопитающие (не говоря о птицах), испытывая боль или страх, издают высокой тональности вопли, визги и крики. Что касается высших млекопитающих, у которых гримасы превратились в визуальные сигналы, то такие тревожные сообщения сопровождаются характерным выражением испуга. Будь то молодое или взрослое животное, такого рода реакция указывает на то, что произошло нечто серьезное. Об этом молодая особь оповещает своих родителей, а взрослые – других членов сообщества.

В младенчестве многое заставляет нас плакать. Мы плачем от боли, голода, одиночества, когда попадаем в чужую и непривычную обстановку, когда теряем физическую поддержку или терпим неудачу, пытаясь достичь какой-либо важной цели. Эти ситуации определяются двумя категориями: физическая боль и опасность. В любом случае, когда сигнал условен, у родителя появляется (или должно появиться) желание защитить свое чадо. Если ребенок находится вдали от родителя, то сигнал заставляет последнего сокращать разделяющее их расстояние до тех пор, пока дитя не окажется в его объятиях и его не станут качать, гладить по щекам или голове. Если ребенок уже соприкасается с родителем, но все равно продолжает плакать, необходимо осмотреть его тело и выяснить, что может причинять ему боль. Родитель продолжает беспокоиться до тех пор, пока сигнал тревоги не выключается (в этом отношении сигнал этот разительно отличается от улыбки или смеха).

При плаче лицевые мускулы напрягаются, лицо краснеет, слезятся глаза, открывается рот, губы растягиваются, глубокие вдохи перемежаются с судорожными выдохами, сопровождаемыми пронзительными возгласами. Дети бросаются к родителю и прижимаются к нему.

Несмотря на то что картина нам знакома, я описал ее довольно детально, поскольку

именно из этого сигнала возникли характерные для человека смех и улыбка. Когда говорят, что они «смеялись до слез», имеют в виду именно эту взаимосвязь. Однако если говорить об эволюции, то произошло наоборот: «мы плакали до тех пор, пока не рассмеялись». Как же это произошло? Прежде всего необходимо понять, насколько сходны между собой такие сигналы, как плач и смех. Настроения, их вызывающие, настолько отличаются друг от друга, что мы упускаем из виду это обстоятельство. Как и при плаче, во время смеха у ребенка напрягаются лицевые мускулы, рот открывается, губы растягиваются, глубокие вдохи прерываются энергичными выдохами. Когда смех превращается в хохот, то, как и при плаче, краснеет лицо и на глазах выступают слезы. Однако издаваемые при этом звуки не так режут слух и не столь пронзительны. И прежде всего они короче и следуют один за другим через более короткие промежутки времени. Создается впечатление, будто непрерывный плач ребенка разбивается на маленькие отрезки и становится в то же время не таким резким и громким.

Вероятно, смех возник из плача, став вторичным сигналом. И произошло это, по-видимому, следующим образом. Я уже говорил, что плач возникает вместе с рождением ребенка, но смеяться он начинает лишь на третьем или четвертом месяце жизни. Этот сигнал появляется вместе с умением распознавать своих родителей. Ребенок, узнающий своего отца, – умный ребенок, но ребенок, узнающий свою мать, – ребенок смеющийся. Прежде чем младенец научится узнавать лицо матери и отличать ее от других женщин, он может пускать слюни и агукать, но это еще не смех. Когда он начинает выделять свою маму, это значит, что он также начинает бояться чужих людей. В два месяца ребенок мирится с любым нежным лицом, все дружелюбные взрослые ему угодны. Но страх перед окружающим миром начинает усиливаться, всякое незнакомое явление расстраивает младенца, и он начинает плакать. (Впоследствии он поймет, что некоторые взрослые тоже полезны, и перестанет их опасаться; но это делается выборочно, после личного знакомства с этими людьми.) В результате импринтинга матери ребенок может оказаться в конфликтной ситуации. Если мать делает нечто такое, что поражает его, то она производит два противоположных сигнала. Один из них означает: «Я твоя мама, твоя защитница, и тебе нечего бояться». Второй означает: «Будь начеку, происходит что-то пугающее». Такая конфликтная ситуация не могла возникнуть раньше, чем мать стала известна ему как личность, поскольку если бы она сделала нечто, что могло испугать ребенка, то она оказалась бы источником страха в этот момент и ничем более. Но теперь она может подать двойной сигнал: «Опасность существует, и в то же время ее нет, поскольку она исходит от меня, так что не обращай на нее внимания». На это ребенок реагирует, не то плача, не то агукая, узнавая мать. Такое своеобразное сочетание стимулов вызывает у него смех. (Вернее сказать, вызывало в прошлом, в процессе эволюции. С тех пор эта реакция зафиксировалась и превратилась в отдельный, четко выраженный отклик.)

Следовательно, смех означает: «Я понимаю, что опасность не всамделишная». Такая информация и передается матери. Мать может играть с младенцем, вовсе тормозить его, не опасаясь, что он заплачет. Самыми ранними причинами детского смеха являются игры родителей – такие как прятки, хлопанье в ладоши, скатывание младенца с колен, подбрасывание его. Позднее, но не раньше шести месяцев, большую роль играет щекотание. Все это шоковые воздействия, но производимые надежной охранительницей. Вскоре дети учатся провоцировать такие ситуации сами, к примеру, прячась и «пугаясь», когда их найдут, или убегая, но так, чтобы их можно было поймать.

Поэтому смех становится игровым сигналом и означает, что все более захватывающие взаимодействия ребенка и родителя могут продолжаться и развиваться. Если они становятся слишком пугающими или болезненными, то может последовать соответствующий отклик в виде плача, который вновь стимулирует защитную реакцию со стороны родителя. Такая система позволяет ребенку расширять знания о своих возможностях и физических свойствах окружающего мира.

У других животных также имеются специальные игровые сигналы, но по сравнению с нашими они не выразительны. К примеру, шимпанзе умеют делать характерное выражение лица, обозначающее готовность играть, и негромкое ворчание, соответствующее человеческому смеху. Происхождение этих сигналов также противоречиво. С целью приветствия молодой шимпанзе до предела вытягивает губы. В случае испуга он их поджимает, открывает рот и

скалит зубы. «Игривое выражение», появляющееся в результате желания приветствовать кого-либо и страха перед ним, является сочетанием того и другого. Челюсти широко открываются, как и при выражении страха, но губы вытягиваются, закрывая зубы. Негромкое ворчание чаще всего напоминает приветствие «у-у-у» и отчасти – крик испуга. Если игра становится слишком грубой, то губы оттягиваются назад и ворчание превращается в резкий вопль. Если же игра чересчур спокойна, то челюсти сжимаются, губы вытягиваются в дружелюбную гримасу. По существу, возникает одинаковая ситуация, но негромкое «игривое» ворчание – это жалкое подобие нашего громкого, от души, смеха. По мере того как животное подрастает, значение «игривого сигнала» сходит на нет, в то время как у нас он усиливается и приобретает все большее значение в повседневной жизни. Голая обезьяна, даже став взрослой, очень игрива. В этом отражается ее характер исследователя. Она постоянно все доводит до предела, пытаясь запугать себя, шокировать, не причиняя себе вреда, чтобы затем взрывами заразительного хохота сигнализировать о чувстве облегчения, испытываемого ею.

Насмешка над кем-то может также стать мощным социальным оружием как детей, так и взрослых. Она вдвойне оскорбительна, означая, что данный индивид – не только страшила, чудила, но еще и пустое место. Комик-профессионал намеренно берет на себя роль такого неудачника и тем самым зарабатывает большие деньги. Их платят зрители, которые убеждаются в том, что принадлежат к сообществу путёвых людей, противопоставляемых его мнимой непутевости.

Следует отметить, каким образом реагируют подростки на появление своих кумиров на эстраде. Становясь их слушателями, они выражают свой восторг не смехом, а воплями. Они не только вопят, но и хватаются за собственные и чужие части тела, извиваются, стонут, закрывают лицо, дергают себя за волосы. Это классические признаки чувства сильной боли или страха, только преднамеренно утрированные. Болевой порог у подростков искусственно занижен. Это уже не крики о помощи, а сигналы другим слушателям, свидетельствующие о том, что они способны эмоционально воспринимать секс-кумиров, и реакция эта настолько сильна, что, подобно всем видам мощного воздействия, она вызывает боль в чистом виде. Если бы девушка-подросток внезапно оказалась наедине с одним из ее кумиров, то ей никогда не пришлось бы в голову так кричать. Вопли предназначались не для него, а для других слушательниц. Таким образом молодые девушки могут убедить друг друга в своей эмоциональной восприимчивости.

Прежде чем покончить с темой, связанной со слезами и смехом, необходимо выяснить еще один загадочный вопрос. Некоторые матери невыносимо страдают в первые три месяца жизни младенца, который непрерывно плачет. И никакие усилия родителей, похоже, не могут остановить этот поток слез. Они обычно приходят к выводу, что у ребенка какой-то физический дефект, и пытаются относиться к нему соответственно. Конечно же, они правы: этот физический дефект действительно налицо; но это скорее следствие, а не причина. Помочь понять проблему может такой факт: беспрестанный плач ребенка прекращается словно по волшебству на третьем или четвертом месяце жизни младенца. Прекращается он в тот самый момент, когда ребенок начинает узнавать свою мать как личность. Ответ на вопрос может дать сравнение поведения матерей детей-плакс с поведением родительниц более спокойных младенцев. Первые склонны к экспериментированию, нервозны и беспокойны, когда общаются с малышом. Вторые рассудительны, уверены в себе и безмятежны. Дело в том, что даже в столь нежном возрасте младенец прекрасно отличает прикосновение надежных, вселяющих уверенность рук от прикосновения таких рук, которые вызывают ощущение неуверенности и тревоги. Вздволнованная мать невольно передает свое состояние новорожденному. Тот немедленно реагирует соответствующим образом, требуя оградить его от причины волнения. Это лишь усугубляет тревогу матери, что, в свою очередь, только усиливает плач ребенка. В конце концов дитя заболевает, и ко всем его нравственным страданиям прибавляются еще и физические. Чтобы разорвать этот порочный круг, требуется одно: мать должна смириться с ситуацией и успокоиться. Если даже ей не удастся изменить себя (младенца почти невозможно обмануть на этот счет), проблема разрешится сама собой на третьем или четвертом месяце жизни ребенка, поскольку на этом этапе он запечатлевает образ матери (происходит ее импринтинг) и начинает относиться к ней как к своей защитнице. Теперь из бестелесного

сочетания раздражителей она превращается в знакомое лицо. Крепнущая связь малыша со своей родительницей успокаивает мать и автоматически уменьшает ее тревогу. Безудержный плач прекращается.

До сих пор я ничего не говорил об улыбке, потому что она представляет собой еще более специфическую реакцию, чем смех. Подобно тому как смех – оборотная сторона плача, так и улыбка является обратной стороной смеха. На первый взгляд может действительно показаться, что улыбка – это всего лишь не столь интенсивная форма смеха, но все не так просто. Правда, сдержанный смех неотличим от улыбки. Несомненно, именно таким образом возникала привычка улыбаться, но совершенно ясно, что в процессе эволюции улыбка как бы эмансипировалась и должна теперь стать самостоятельной категорией. Интенсивная форма улыбки – широкая, сияющая улыбка – коренным образом отличается по своей роли от громкого смеха. Улыбка стала своего рода визитной карточкой человека. Если мы приветствуем кого-то улыбкой, то этот человек знает, что мы относимся к нему дружелюбно. Но если мы поздороваемся с кем-то, смеясь при этом, то у него появится свое мнение на этот счет.

Любой социальный контакт в лучшем случае вызывает известное чувство страха. В тот момент, когда мы заговариваем с незнакомым человеком, мы не знаем, какова будет его реакция. Как улыбка, так и смех указывают на существование этого страха, к которому может примешиваться доброжелательное чувство. Но когда смех становится чересчур громким, он сигнализирует о готовности к новым «встряскам», к дальнейшему развитию ситуации, в которой риск сочетается с уверенностью. В то же время, если усмешка, напоминающая начальную стадию смеха, перерастает в нечто другое – скажем, в широкую улыбку, – то это означает, что ситуация не должна усугубляться. Это указывает лишь на то, что первоначальное отношение было самоцелью и дальнейших шагов не предвидится. Взаимные улыбки убеждают улыбающихся, что оба несколько настороже, но доброжелательны по отношению друг к другу. Когда человек немного опасается, это значит, что он не настроен агрессивно, а отсутствие агрессивности означает дружелюбие. Таким образом, улыбка становится сигналом, оповещающим о ваших добрых намерениях.

Если нам понадобился этот сигнал, то неужели остальные приматы не приняли его на вооружение? Действительно, в их арсенале имеются различные дружелюбные жесты, но улыбка свойственна только нам, и она играет огромную роль в повседневной жизни человека – как ребенка, так и взрослого. Какой же аспект нашего существования заставил ее приобрести такое значение? Ответ, похоже, в нашей пресловутой голой коже. Когда у обезьяны рождается детеныш, он крепко цепляется за шерсть матери. И не покидает ее ни на день, ни на час. В течение недель и даже месяцев он не оставляет надежное, уютное убежище, каким является для детеныша материнское тело. Позднее, когда он впервые решается удалиться от родительницы, он может мигмом прибежать к ней и снова вцепиться ей в шерсть. Даже если обезьяна-мать не очень-то поощряет такой контакт (в особенности когда ее детеныш становится старше и тяжелее), ей будет не так-то просто избежать его. Любая дама, которой приходилось выступать в роли приемной родительницы шимпанзе, может это подтвердить.

Когда на свет появляемся *мы*, мы оказываемся более беспомощными. У нас не только недостаточно сил, чтобы цепляться за мать, но и цепляться-то нам не за что. Лишенные механических способов обеспечить тесный контакт с родительницей, мы должны полагаться на свое умение вызывать ее реакцию. Мы можем вопить, пока не лопнем, лишь бы привлечь ее внимание. Однако добившись своего, мы должны как-нибудь закрепить это внимание. Детеныш шимпанзе, точь-в-точь как мы, горланит, требуя к себе внимания. Мать тотчас бросается к малышу и берет его на руки. Ее детеныш снова вцепится ей в шерсть. В подобной ситуации нам нужна какая-нибудь замена такого жеста, некий сигнал, который вознаградит родительницу и заставит ее остаться с нами. Таким сигналом и является улыбка.

Ребенок улыбается в первые недели после своего рождения. Однако следует отметить, что улыбка эта безадресная. Приблизительно на первой неделе она становится ответом на то или иное воздействие. Глаза младенца могут фиксировать определенные предметы. Вначале наиболее живо он реагирует на пару глаз, уставившихся на него. Сойдут даже два черных пятна на куске картона. Спустя несколько недель понадобится и рот. Два черных пятна и под ними линия, изображающая рот, наиболее эффективным образом спровоцируют реакцию младенца.

Вскоре становится важно, чтобы рот открывался, и тогда глаза начинают утрачивать свое значение ключевых стимулов. На этом этапе, в возрасте трех или четырех месяцев, реакция младенца становится более специфичной. Теперь он реагирует не на любое лицо взрослого, а на конкретное лицо своей матери. Происходит процесс импринтинга.

И вот что удивительно. В процессе этого импринтинга ребенок не в состоянии различать квадраты, треугольники или иные остроугольные геометрические фигуры. Зато он способен узнавать такие предметы, которые напоминают ему черты человеческого лица. Благодаря этому зрение младенца фиксируется на нужных объектах, и импринтинга на каком-нибудь неодушевленном предмете, находящемся поблизости, не произойдет.

К семи месяцам образ матери полностью запечатлен в сознании младенца. Что бы теперь она ни делала, образ этот сохранится у него до конца жизни. Утята усваивают этот образ, следуя за матерью-уткой, детеныши обезьян – цепляясь за мать. Привязанность к родительнице у ребенка закрепляется с помощью улыбки.

Улыбка, как жизненно важный стимул, приобретает свою уникальную конфигурацию очень простым образом: мы приподнимаем уголки губ. Рот немного открывается, губы оттягиваются назад – совсем как при выражении страха, однако благодаря тому, что их уголки загибаются вверх, характер выражения изменяется коренным образом. Если линия губ приобретает иные очертания и уголки их опускаются, то возникает как бы «антиулыбка». Подобно тому как смех возник из плача, а улыбка – из смеха, так и недружелюбное выражение лица, как бы при качании маятника в обратную сторону, создается из выражения дружелюбия.

Но улыбка – это не только линия губ. Будучи взрослыми, мы способны выразить свое настроение изгибом губ, но ребенку этого мало. Он не только вовсю улыбается, но и дрыгает ножками, размахивает ручками, протягивая их к объекту, вызвавшему его реакцию, что-то воркует, запрокидывает головку, выпячивает подбородок, выставляет вперед туловище или валится на бок, при этом глубоко дыша. Глазки у него разгорелись, они немного прищурены, под глазами или у глаз, иногда на переносице, появляются морщинки. Складка от крыльев носа к уголкам губ становится заметнее, ребенок может чуть высунуть язык. Судя по движениям тела малыша, он вовсю старается установить контакт с матерью. При всей своей неуклюжести ребенок как бы демонстрирует нам все то, что осталось от первобытной, свойственной приматам реакции – стремления уцепиться за мать.

Я много рассуждал о детской улыбке, но улыбка, разумеется, – это сигнал двоякого действия. Когда ребенок улыбается матери, она отвечает ему тем же. Каждый из них вознаграждает другого, и взаимная связь между ними укрепляется. Вы, возможно, подумаете, что это само собой разумеется, но тут может возникнуть загвоздка. Некоторые матери в состоянии волнения, тревоги и раздражения пытаются скрыть свое настроение под улыбкой. Они надеются, что маска, которую они надевают, не даст ребенку расстроиться. Но в действительности этот прием может принести больше вреда, чем пользы. Я уже отмечал, что младенца почти невозможно обмануть относительно настроения его матери. В раннем детстве мы очень восприимчивы к малейшим признакам ее волнения или спокойствия. В довербальный период, прежде чем мощная машина символической культурной информации успеет обрушиться на нас, мы в гораздо большей степени полагаемся на незаметные движения, изменения позы, тональности голоса, чем это понадобится нам в дальнейшей жизни. Другие виды животных особенно преуспели в этом. Поразительная способность «Умного Ганса» – знаменитой лошади, умевшей считать, по существу, основывалась на ее способности замечать малейшие изменения в позе тренера. Когда ему предлагали сложить определенную сумму, Ганс стучал копытами нужное количество раз, а затем останавливался. Даже в том случае, когда дрессировщик выходил из помещения и его место занимал кто-либо другой, номер все равно срабатывал, поскольку после того, как нужное количество ударов прозвучало, незнакомец невольно напрягался, хотя и незаметно, всем телом. Мы все обладаем такой способностью, даже взрослые (это свойство с успехом используется прорицателями, которые сразу определяют, когда они на верном пути), но у детей, еще не умеющих говорить, эта способность особенно развита. Если мать в раздражении делает резкие движения, то, как бы ни пыталась она скрыть настроение, ребенок заметит. Если в это же самое время она вздумает широко улыбаться, она малыша не обманет, а только смутит его. Ведь он воспринимает два

противоречивых сигнала. Если так будет часто повторяться, это нанесет ребенку непоправимый ущерб и в дальнейшей жизни у него возникнут серьезные трудности при установлении социальных контактов и приспособлении к среде.

Оставив проблему улыбки, перейдем к совершенно иному явлению. Спустя несколько месяцев у малыша возникает новый вид поведения: он становится агрессивен. На смену прежнему реву по всякому поводу приходят вспышки гнева и злой плач. Ребенок сигнализирует о своей агрессивности, отрывисто вскрикивая, яростно размахивая руками и дрыгая ногами. Он накидывается на маленькие предметы, трясет большие, плюется, пытается кусаться, царапаться и ударить кого-нибудь, находящегося поблизости. Сначала такого рода действия спонтанны и нескоординированны. Плач указывает на то, что страх все еще присутствует. Агрессивность еще не превратилась в прямую агрессию: это произойдет позднее, когда ребенок станет уверен в себе и полностью осознает свои физические возможности. Когда же желание напасть на кого-нибудь у него окончательно созреет, это отразится в виде особых сигналов. Рот плотно сжат, глаза горят. Вместо губ – прямая линия, уголки рта опущены. Глаза неотрывно смотрят на противника, брови нахмурены. Кулаки сжаты. Ребенок начал самоутверждаться.

Установлено, что при увеличении группы детей их агрессивность усиливается. В условиях скученности дружественные отношения между участниками группы ухудшаются, учащаются и усиливаются случаи деструктивного и агрессивного поведения. Это существенно, если вспомнить, что столкновения у других животных имеют целью не только выявление первенства, но и расширение жизненного пространства у представителей данного вида. К этому вопросу мы вернемся в пятой главе.

Помимо защиты, кормления, ухода и игр с потомством, к родительским обязанностям относится также чрезвычайно важный процесс – обучение. Как и у других животных, он осуществляется с помощью системы наказаний и поощрений, которая постепенно видоизменяется и подгоняется под способ обучения молодого поколения методом проб и ошибок. Но кроме того, малыши будут быстро обучаться посредством подражания взрослым. Метод этот относительно плохо освоен остальными млекопитающими, зато великолепно разработан и освоен нами. Многие из того, что другие животные должны усердно усваивать сами, мы быстро узнаём, следуя примеру своих родителей. Голая обезьяна – хороший ученик. (Мы настолько привыкли к такому методу обучения, что предполагаем, что и другие животные пользуются им, и в результате переоцениваем роль, которую играет в их жизни обучение.)

Многое из того, что мы делаем, став взрослыми, основано на знаниях, усвоенных нами в детстве. Зачастую мы воображаем, что поступаем так или иначе потому, что такое поведение соответствует некоему абстрактному моральному кодексу. Между тем в действительности мы лишь повинемся глубоко запечатленным в нас и давно «забытым» чисто подражательным побуждениям. Именно неукоснительное следование таким впечатлениям (наряду с глубоко укоренившимися в нас инстинктами) так мешает обществу менять свои обычаи и верования. Даже сталкиваясь с блестящими новыми идеями, основанными на использовании чисто объективной информации, человеческое сообщество все равно будет цепляться за устарелые привычки и предубеждения. Мы вынуждены нести этот крест, если хотим преодолеть важную юношескую стадию «промокательной бумаги», впитывая в себя накопившийся опыт предыдущих поколений. Мы вынуждены учитывать косные мнения наряду с полезными фактами.

К счастью, у нас выработано защитное средство против этого явления, характерного для процесса обучения посредством подражания. Нам свойственно крайнее любопытство, безудержное стремление к исследованию того, что вокруг нас, – стремление, которое борется со второй тенденцией и обеспечивает равновесие, таящее возможность добиваться фантастических успехов. Только в том случае, если культура станет слишком косной, в результате рабского подражательства, или чересчур смелой и предприимчивой, она будет развиваться ни шатко ни валко. Такие же культуры, которые найдут равновесие между двумя крайностями, будут преуспевать. В настоящее время повсюду в мире мы можем наблюдать и слишком закоснелые, и слишком сумбурные культуры. Малые отсталые сообщества, полностью находящиеся под тяжким бременем запретов и древних обычаев, являются примерами первого типа. Те же самые сообщества, подвергшиеся преобразованию и

«подпитке» со стороны более развитых культур, быстро переходят в разряд вторых. Излишняя доза социальной новизны и исследовательского ража ослабляет стабилизирующие силы, кроющиеся в опыте предков, и заметно изменяет баланс. В результате возникает культурная неразбериха и распад. Счастливым то общество, в котором наблюдается постепенное обретение идеального равновесия между подражанием и любопытством, между рабским, механическим копированием и передовым, рациональным экспериментированием.

4

Изучение окружающей среды

У всех млекопитающих сильно развита исследовательская жилка. Некоторым из них любопытство свойственно в большей степени, чем остальным животным. Это в основном зависит от того, насколько они специализировались в процессе эволюции. Если все их усилия были направлены на усовершенствование одного конкретного способа выживания, то им незачем особенно беспокоиться о сложностях окружающего их мира. До тех пор пока у муравья есть муравьи, а у коалы – эвкалиптовые листья, они вполне довольны и жизнь прекрасна. Зато неспециалисты – приспособленцы животного мира – не могут позволить себе расслабиться ни на минуту. Они никогда не знают, где получают свою очередную порцию пищи, и поэтому вынуждены досконально знать местность, изучать любые возможности, всегда быть начеку в ожидании удачи. Они должны исследовать окружающую среду, исследовать не переставая. Должны изучать ее и периодически перепроверять свои знания. Должны постоянно поддерживать свое любопытство на высоком уровне.

Дело тут не только в пище. Те же требования предъявляют и задачи самозащиты. Дикобразы, ежи и скунсы могут сколько угодно демонстрировать агрессивность, не обращая внимания на своих врагов. Однако безоружные млекопитающие должны всегда быть настороже. Должны уметь узнавать признаки опасности и знать пути отхода. Чтобы уцелеть, они всегда должны знать точное расстояние до своего жилья.

Если посмотреть на дело с этой точки зрения, то может показаться, что отсутствие специализации весьма неэффективно. Да и зачем нужны млекопитающие приспособленцы, живущие одним днем? Ответ будет таков: в жизни «специалистов» есть свои сложности! Все прекрасно, пока работает метод жизнеобеспечения «специалиста». Но если произойдет резкая перемена в окружающей среде, то «специалист» окажется у разбитого корыта. Если он превзошел себя, чтобы перещеголять своих конкурентов, то животному, кроме того, придется радикально перестроиться в генетическом плане, а это быстро не сделать, если наступит трудная минута. Исчезнут эвкалиптовые леса – погибнет и коала. Стоит какому-нибудь хищнику со стальными челюстями научиться дробить иглы дикобраза – и это животное станет легкой добычей. Для «неспециалиста» любая вылазка может оказаться сопряженной с трудностями, зато он сумеет быстро приспособиться к любым изменениям среды. Отберите у мангуста крыс и мышей – и он тотчас переключится на птичьи яйца и улиток. Лишите обезьяну фруктов и орехов – и она перейдет на корешки и побеги.

Из всех «неспециалистов» обезьяны, пожалуй, лучшие приспособленцы. Как сообщества, они специализируются в «неспециализации». Что же касается голой обезьяны, то из всех приматов она самый большой приспособленец. Это еще один аспект неотенической революции. Все молодые обезьяны любопытны, но по мере взросления их любознательность ослабевает. У нас же детское любопытство с годами лишь усиливается. Мы никогда не устаем исследовать. Полученные знания нас никогда не удовлетворяют. Каждый вопрос, на который мы находим ответ, приводит к возникновению очередного вопроса. Это стало для нас самым надежным способом выжить.

Стремление к новизне получило название *неофилия* (любовь к новшествам) в противовес *неофобии* (боязни нового). Все незнакомое таит в себе опасность. К нему надо подходить с осторожностью. Может, его следует избегать? Но если избегать всего нового, то как мы узнаем, что оно собой представляет? Страсть к неизведанному должна подталкивать нас вперед и подогревать в нас интерес к нему до тех пор, пока неизвестное не станет известным и не надоест. В процессе познания мы приобретаем ценный опыт, который можно положить в

закрома памяти, чтобы использовать его, в случае надобности, позднее. Ребенок делает это постоянно. Его тяга к новизне настолько велика, что родители вынуждены ее ограничивать. Однако, хотя они могут направить любопытство в нужное русло, подавить его им не удастся никогда. По мере того как дети взрослеют, их исследовательские наклонности подчас принимают тревожащие размеры, и тогда, бывает, взрослые говорят, что «молодежь ведет себя как дикие животные». В действительности все наоборот. Если бы взрослые потрудились взглянуть на то, как в действительности ведут себя дикие животные, то обнаружили бы, что *сами* и являются дикими животными. Именно они пытаются ограничить стремление молодежи к исследованию нового и поддаются на приманку уютного примитивного консерватизма. К счастью для рода человеческого, всегда находится достаточное количество взрослых, которые сохраняют молодую изобретательность и пытливость и способствуют дальнейшему развитию и прогрессу.

Когда мы смотрим на играющих молодых шимпанзе, нас сразу поражает сходство поведения их и наших детей. И тех и других восхищают новые «игрушки». Они охотно набрасываются на них, поднимают их ввысь, роняют, ломают, разбирают на части. И те и другие придумывают немудреные игры. Их интерес к окружающему миру столь же велик, как и у нас; и в первые годы жизни шимпанзе несколько не отстают от нас, даже опережают, поскольку мускулатура у них развивается быстрее. Однако спустя некоторое время они начинают уступать нам. Их мозг недостаточно развит, чтобы использовать хороший задел. Они не в состоянии сосредоточиваться на чем-либо, развитие их умственных способностей отстает от роста тела. Прежде всего они не способны подробно сообщить родителям о своих открытиях.

Лучший способ понять это различие – обратиться к характерному примеру. Очевидно, речь пойдет о рисовании или вычерчивании фигур. В качестве модели поведения такая деятельность в течение многих тысячелетий остается чрезвычайно важной для нашего вида, доказательством чего являются доисторические останки, обнаруженные в Альтамире и Ласко.

Имея такую возможность и подходящие материалы, молодые шимпанзе, как и мы, увлеченно проверяют свои визуальные возможности, нанося метки на чистом листе бумаги. Возникновение такого интереса имеет определенное отношение к принципу исследования, сопровождающегося вознаграждением, которое состоит в том, чтобы получить непропорционально большой результат, приложив сравнительно незначительные усилия. Это можно наблюдать в самых разных игровых ситуациях. Мы можем разбиться в лепешку, взявшись за какое-то дело, однако наибольшее удовлетворение приносят нам такие действия, отдача от которых превосходит всякие ожидания. Назовем этот принцип «принципом халавы». Как шимпанзе, так и дети любят колотить по различным предметам, отдавая предпочтение тем из них, которые производят больше шума при незначительных усилиях. Наибольший интерес вызывают мячи, взлетающие очень высоко, стоит их едва тронуть; воздушные шары, которые отскакивают в дальний угол комнаты при малейшем прикосновении; песок, который легко лепится; игрушки на колесиках, которые катятся далеко, стоит их легонько толкнуть.

Впервые получив карандаш и бумагу, ребенок оказывается в несколько затруднительном положении. Лучшее, что он может сделать, – это постучать по бумаге карандашом. И тут его ожидает приятный сюрприз. Постукивание не только производит шум, но и дает результаты. Кончик карандаша оставляет след на бумаге. Получается линия.

Наблюдать, как делает свое первое открытие начинающий художник – будь то шимпанзе или ребенок, – увлекательное зрелище. Широко раскрытыми глазами он изучает линию, заинтригованный неожиданным и наглядным результатом своей работы. Понаблюдав, он повторяет эксперимент. Разумеется, у него получается то же самое во второй раз, и в третий, и в четвертый. Вскоре исчерпан весь лист. Со временем сеансы рисования становятся более увлекательными. Вместо одиночных линий, проведенных одна за другой, появляется лист, испещренный каракулями. Если есть выбор, то предпочтение отдается цветным карандашам, мелкам, краскам, потому что в результате линии получаются ярче, чем карандашные, и занимают больше места на бумаге.

Интерес к таким занятиям впервые появляется как у ребенка, так и у шимпанзе приблизительно в полтора года. Но только на третьем году жизни ребенок начинает смело и уверенно вычерчивать многочисленные линии. В три года малыш с нормальным развитием

переходит на новый этап как художник: он начинает упрощать свои замысловатые каракули. Из захватывающего хаоса он начинает извлекать основные формы. Экспериментирует с крестиками, затем с кружочками, квадратами и треугольниками. Проводит извилистые линии по всему листу, пока они у него не соединятся. Получаются очертания какой-то геометрической фигуры.

В последующие месяцы эти простые формы сочетаются между собой, в результате чего возникают примитивные абстрактные рисунки. Это важный этап, предшествующий самому первому живописному изображению. Прорыв этот происходит во второй половине третьего или в начале четвертого года жизни ребенка. С шимпанзе такого не происходит никогда. Молодому шимпанзе удастся изобразить линии, расположенные веером, крестики, кружки; он может даже нарисовать законченный круг, но дальше этого дело у него не пойдет. Это особенно досадно, потому что «законченный круг» представляет собой ступень, предшествующую самому раннему рисунку ребенка со средними дарованиями. Внутри круга помещаются несколько линий или пятен, и – о чудо! – на младенца-художника с листа смотрит лицо. На ребенка снисходит озарение. Этап экспериментирования с абстрактными фигурами или придумывания узоров остался позади. Впереди новая задача – усовершенствование рисунка. Появляются новые лица, качеством получше – с глазами, со ртом в нужном месте. Добавляются детали: волосы, уши, нос, руки и ноги. Рождаются другие образы: цветы, дома, животные, корабли, автомобили. До таких высот, на наш взгляд, молодому шимпанзе никогда не подняться. После того как достигнута вершина творчества обезьяны – нарисован круг и отмечена его внутренняя часть, – продолжает расти само животное, но не его мастерство. Возможно, когда-нибудь и появится шимпанзе-гений, только едва ли такое случится.

У ребенка фаза воспроизведения еще впереди, однако, хотя именно она является главной областью открытий в графике, по-прежнему дает себя знать стремление к абстрактной живописи. Происходит это, главным образом, в возрасте от пяти до восьми лет. В этот период получают особенно удачные работы, поскольку они основаны на солидном опыте. Художественные образы все еще очень примитивны и удачно сочетаются с созданными уверенной рукой композициями фигур и узоров.

Интригует процесс, во время которого круг с точками внутри превращается в полноценный портрет. Открытие, что он видит лицо, не сразу приводит к усовершенствованию. Разумеется, именно это является главной целью творчества, но достигается она лишь со временем (фактически на это уходит свыше десятка лет). Для начала нужно подправить основные детали портрета: кружочками изобразить глаза, жирной горизонтальной линией – рот, двумя точками или кружком обозначить нос. От наружного круга во все стороны топорщатся волосы. Теперь можно сделать паузу. Ведь лицо – это самая главная и привлекательная деталь мамы. По крайней мере с визуальной точки зрения. Правда, спустя некоторое время делается еще один шаг вперед. Совсем просто, удлинив некоторые волоски, можно приделать к этому лицу-фигуре руки и ноги. На тех и на других нарисовать пальцы. На этом этапе главные очертания фигуры все еще основаны на круге, появившемся до того, как мы научились создавать образы. Это старый друг, с которым не сразу расстанешься. Превратившись в лицо, круг этот стал одновременно и туловищем. Похоже, в данный момент ребенка не смущает, что на его рисунке руки приделаны к голове. Однако не может же этот круг существовать вечно. Подобно биологической клетке, он должен делиться и создавать другой круг. Или же две линии, обозначающие ноги, должны соединяться где-то чуть выше ступней. Туловище можно изобразить одним из этих двух способов. В любом случае руки остаются как бы не при деле и торчат из головы в обе стороны. Там они будут оставаться еще долгое время, прежде чем опустятся вниз и займут более правильное положение, вырастая из верхней части туловища.

Увлекательное зрелище – наблюдать, как делаются эти медленные, один за другим, шаги, как наш исследователь неустанно движется вперед. Постепенно вырастают все новые формы и их сочетания, всевозможные образы, используются более сложные цвета и различные текстуры. Со временем появляется правдивое изображение, и точные копии картин окружающего мира можно запечатлеть и перенести на бумагу. Но на этом этапе первоначальный исследовательский характер деятельности подавляется настоятельными требованиями передачи художественной информации. Прежние картины и рисунки как молодого шимпанзе, так и

ребенка не имели ничего общего с актом общения. Это был акт открытия, изобретения, проверки возможностей различных художественных приемов. Это была «живопись-действие», а не сигнализация. Она не требовала никакого вознаграждения, она сама была наградой, игрой ради игры. Однако, подобно многим аспектам детской игры, эта живопись вскоре сливается с другими взрослыми занятиями. В дело вмешивается социальная информация, и исходный элемент изобретательного начала утрачивается. Исчезает удовольствие от того, чтобы «прогуляться карандашом по бумаге». Большинство взрослых допускают его появление вновь лишь тогда, когда машинально чертят что-то во время разного рода заседаний. (Это не значит, что изобретательство стало им чуждо. Просто эта область графики сместилась в сторону более сложных технологических сфер.)

К счастью, для живописи и графики как искусства творческого поиска в настоящее время разработаны гораздо более эффективные технические методы воспроизводства картин окружающей нас среды. «Информационная живопись» стала вчерашним днем благодаря фотографии и аналогичным искусствам. Таким образом были разорваны тяжкие оковы ответственности, так долго связывавшие и увечившие взрослое искусство. Отныне живопись может продолжать свой поиск, но на этот раз в своей зрелой, «взрослой» форме. Едва ли стоит об этом говорить, но именно этим она сейчас и занимается. Я остановился на этом конкретном примере исследовательского поведения, потому что в нем очень четко прослеживается разница между нами и нашими ближайшими сородичами-шимпанзе. Аналогичные сравнения можно провести и в других сферах. Об одной или двух из них стоит вкратце упомянуть. Исследование мира звука свойственно обоим видам. Как мы уже убедились, вокальные изыски по какой-то причине совершенно чужды шимпанзе, однако «ударные инструменты» играют в его жизни важную роль. Молодые шимпанзе часто пытаются выяснить, сколько шума можно произвести, колотя дубиной, топая ногами, хлопая в ладоши. Повзрослев, эти опыты они превращают в продолжительные групповые концерты. Одна за другой обезьяны принимаются топтать, визжать, срывать листья, лупить по полым пням и стволам деревьев. Такие коллективные представления могут продолжаться по полчаса, а то и дольше. Какова их цель, точно неизвестно, однако в результате такие «концерты» взвинчивают членов сообщества. Среди представителей нашего вида игра на барабане также является наиболее распространенной формой самовыражения посредством музыки. С нами это происходит рано, когда наши дети принимаются проверять ударные свойства окружающих предметов – точь-в-точь как шимпанзе. Но если шимпанзе умеют лишь элементарно отбивать такт, то мы усложняем барабанный бой замысловатыми ритмами, добавляя дробь и повышая тональность звуков. Кроме того, мы производим шум, дуя в пустотелые предметы, царапая и пощипывая куски металла. Вопли и гуденье шимпанзе у нас превращаются в витиеватое пение. Развитие сложных музыкальных форм у более примитивных социальных групп, по-видимому, играло ту же роль, что и сеансы барабанного боя и гуденья у шимпанзе, а именно – всеобщее возбуждение. В отличие от живописи, этот вид деятельности не предназначался для широкомасштабной передачи подробной информации. Оповещение посредством установленных сигналов с помощью барабанного боя было исключением из этого правила, однако сплошь и рядом музыка развивалась как средство создания определенного настроения в обществе и как синхронизатор действий толпы. Однако содержащийся в ней элемент изобретательства и поиска все более усиливался, и освобожденная от всяких «изобразительных» обязанностей музыка стала важной ареной эстетического экспериментирования. (Благодаря своим прежним информационным функциям живопись лишь теперь сравнялась с ней.)

Танцы, по существу, проделали тот же путь, что музыка и пение. Во время сеансов игры на барабанах шимпанзе совершают множество танцевальных движений: раскачиваются из стороны в сторону, двигаются то вперед, то назад, как бы исполняя джигу. Такие же движения, под настроение, совершаем и мы во время музыкальных концертов. Подобная музыка совершенствовалась и превращалась в сложные для эстетического восприятия произведения.

С танцами тесно ассоциируются повсеместные занятия гимнастикой. Ритмические физические упражнения присутствуют в играх как молодых шимпанзе, так и детей. Гимнастические упражнения вскоре становятся стилизованными (аэробика), но сохраняют элемент разнообразия даже в тех структурированных формах, которые они принимают. Однако

у шимпанзе игры не развиваются, а просто сходят на нет. Напротив, мы изучаем возможности физических занятий до конца и, став взрослыми, превращаем их во множество сложных упражнений и различные виды спорта. Они играют важную синхронизирующую роль, но являются главным образом средством сохранения и развития физических возможностей.

Письмо – формализованная разновидность искусства и средство вербализованной звуковой информации – возникло, разумеется, как основной для нас способ передачи и регистрации сведений. Оно также широко используется как инструмент эстетических исследований. Превращение нашего первобытного ворчания и попискивания в сложную, с использованием символов речь позволило нам сидеть себе и «играть» мыслями, приходящими нам в голову, а также сочетаниями слов (главным образом поучительными), и затем, поставив перед собой определенные задачи, использовать эти сочетания как своего рода эстетические экспериментальные игрушки.

Итак, во всех этих областях – в живописи, скульптуре, рисовании, музыке, пении, танцах, гимнастике, играх, спорте, письме, речи – мы можем сколько душе угодно, всю свою долгую жизнь развивать самые сложные и специализированные формы исследований и экспериментирования. Посредством сложных методов обучения, в качестве исполнителей и наблюдателей, мы можем оттачивать свою восприимчивость к гигантскому исследовательскому потенциалу, который заключен в упомянутых занятиях.

Оставим в стороне побочные задачи таких видов деятельности (зарабатывание денег, приобретение общественного статуса и т. д.), с биологической точки зрения они оказываются продолжением – уже во взрослой жизни – детских игровых штампов или наложением «правил игры» на взрослые информационно-коммуникационные системы. Эти правила можно сформулировать следующим образом: 1) исследовать незнание, пока оно не станет знакомым; 2) накладывать ритмические повторы на знакомое; 3) всевозможными способами варьировать эти повторы; 4) выбирать наиболее удовлетворительные из этих вариантов и развивать их в ущерб другим; 5) сочетать и комбинировать эти варианты; 6) делать все это самоцелью.

Эти принципы в полной мере применимы ко всей шкале ценностей, идет ли речь о ребенке, который возится в песке, или о композиторе, сочиняющем симфонию.

Особенно важно последнее правило. Исследовательское поведение играет известную роль в основных способах борьбы за выживание, таких как питание, силовое самоутверждение, спаривание и так далее. Но здесь оно ограничено ранними потребительскими этапами деятельности индивида и приспособлено к его специфическим запросам. Для многих видов животных такое поведение этим и ограничивается. Ни о каком исследовании ради исследования речи не идет. Однако среди высших млекопитающих, в особенности среди людей, тяга к исследованиям превратилась в настоятельную потребность. Ее задача в том, чтобы обеспечить нам по возможности самое тонкое и всестороннее понимание окружающего нас мира и наших возможностей относительно его. Понимание это усиливается не в специальном контексте выживания, а в общих категориях. Следовательно, то, что мы таким образом приобретаем, может быть применимо повсюду, в любое время, при любых обстоятельствах.

Я опустил тему успехов науки и промышленности, потому что она связана главным образом с развитием специфических методов, используемых для достижения главных целей, направленных на выживание вида, таких как борьба за существование (вооружение), обеспечение питанием (сельское хозяйство), создание домашнего очага (архитектура) и забота о здоровье (медицина). Впрочем, интересно отметить, что со временем, по мере все большего взаимопроникновения технических достижений, тяга к чистым исследованиям проникла и в область науки. В научном поиске – само слово «поиск» происходит от глагола «искать» – по существу, используется тот же игровой принцип, о котором уже упоминалось. Производя «поиск в чистом виде», ученый использует свое воображение, как и художник. Он говорит о красоте эксперимента, а не о его пользе. Исследования интересуют его как таковые, как процесс, равно как и художника – творчество. Если результаты его трудов оказываются полезными с точки зрения конкретной проблемы выживания, тем лучше, но это лишь на втором плане.

В любой исследовательской работе, будь то художественная или научная деятельность,

всегда происходит борьба неофильского начала с неофобским. Первое подталкивает нас к проведению новых опытов, заставляет жаждать новизны. Второе тянет нас назад, заставляет укрываться в привычном. Мы разрываемся на части между стремлением испытать восхитительные новые ощущения – с одной стороны, и предаться привычным ощущениям – с другой. Если мы утратим неофилию, начнется застой. Если утратим неофобию, то сломя голову помчимся навстречу беде. Такое противоречивое поведение не только объясняет наблюдаемые изменения в стиле причесок и одежде, мебели и автомобилей. Оно является сутью нашего культурного прогресса. Мы исследуем и оказываемся на старых позициях, изучаем и стабилизируемся. Шаг за шагом мы расширяем осознание и понимание самих себя и сложного окружающего мира, в котором живем.

Прежде чем покончить с этой темой, укажем на один, последний, аспект исследовательской деятельности, который нельзя оставить без внимания. Он касается критической фазы социальной игры в детский период. В младенчестве непосредственным объектом социальной игры ребенка являются главным образом его родители. Однако по мере его подрастания упор смещается от родителей к его сверстникам. Ребенок становится участником детской «игровой группы». Это критический шаг в его развитии. Будучи частью исследовательской работы ребенка, этот этап приобретает важное значение в его дальнейшей жизни как личности. Разумеется, все виды исследований в этом нежном возрасте имеют далеко идущие последствия: ребенок, который не изучает возможности музыки или живописи, столкнется с трудностями, осваивая эти виды деятельности, когда станет взрослым. Однако личные игровые контакты важнее всех прочих. Скажем, взрослый, начавший заниматься музыкой впервые в жизни, не имея такого опыта в детстве, может столкнуться с проблемами. Однако положение его не безнадежно. Зато ребенок, лишенный социального контакта как представитель игровой группы, став взрослым, всегда будет встречать затруднения при социальных взаимодействиях. Опыты с обезьянами показали, что изоляция в детстве не только обуславливает социальную замкнутость во взрослой жизни, но и приводит к появлению индивида, враждебно относящегося к вопросам пола и родительским обязанностям. Обезьяны, воспитанные в изоляции от остальных детенышей, не могли участвовать в групповых играх после того, как получили такую возможность в подростковом возрасте. Хотя изолированные особи были физически здоровы и достигли нужного роста, живя в изоляции, они не смогли постоять за себя в драке. Скорчившись, они неподвижно сидели, забившись в угол игровой комнаты, как правило прижимая руки к туловищу или закрывая ими глаза. Повзрослев, такие индивиды, несмотря на то что были вполне здоровы, не проявляли никакого интереса к своим сексуальным партнерам. После принудительного спаривания самки производили нормальное потомство, но затем стали относиться к своим детенышам так, словно это были огромные паразиты, ползающие у них по телу. Они нападали на своих чад, прогоняли их, а затем или убивали, или не обращали на них никакого внимания.

Аналогичные эксперименты с молодыми шимпанзе показали, что с помощью продолжительной реабилитации и особого ухода можно в известной степени ликвидировать этот поведенческий ущерб, последствия которого нельзя недооценивать. Если же говорить о нашем виде, то излишне опекаемые дети всегда будут испытывать свою ущербность, став взрослыми. (Это особенно важно знать, когда в семье единственный ребенок и отсутствие братьев и сестер с самого начала ставит его в невыгодное положение.) Если они не подвергаются уравнивающему воздействию детских игровых групп с их стычками и ссорами, то они до конца жизни останутся робкими и замкнутыми; создание пары для них станет трудным, а то и вовсе невозможным, родители же из них, если им удастся стать таковыми, получатся никудышные.

Отсюда ясно, что процесс воспитания включает две отдельные фазы: одну – раннюю, ориентированную внутрь, и вторую – позднюю, ориентированную наружу. Обе они жизненно важны. Мы можем многое узнать о них, изучая поведение обезьян. На первом этапе жизни мать любит детеныша, вознаграждает и охраняет его. Он чувствует себя защищенным. На следующем этапе поощряется его самостоятельность, он должен участвовать в социальных контактах со своими сверстниками. Мать сокращает проявления своей любви и ограничивает защиту детеныша теми моментами, когда возникает паника или когда колонии угрожает

серьезная внешняя опасность. Мать может даже наказать подростка, если оно будет цепляться за нее, когда нет никаких причин для опасения. Тогда детеныш начинает сознавать свою независимость и воспринимать это как нечто неизбежное.

Точно такой должна быть и ситуация с человеческими детенышами. Если одна из этих фаз будет нарушена по вине родителей, то ребенок всю дальнейшую жизнь будет попадать в беду. Если он был лишен начальной фазы – фазы безопасности, но оказался достаточно активен в фазе независимости, он сумеет довольно легко установить новые социальные контакты, но не сумеет их сохранить или придать им глубину. Если же ребенок чувствовал свою защищенность в раннем детстве, а затем его чересчур опекали, то, когда он станет взрослым, ему будет крайне трудно установить новые контакты и он будет отчаянно цепляться за прежние.

Если внимательнее взглянуть на наиболее типичные случаи ухода от общества, можно обнаружить признаки поведения, направленного против всяческих исканий, в самой экстремальной и характерной форме. По-настоящему замкнутые индивиды могут стать социально пассивны, но зато физически они активны. Их преследуют стереотипы повторного действия. Час за часом они раскачиваются взад и вперед или из стороны в сторону, кивают или качают головой, вращаются вокруг оси или подергиваются всем телом, обхватывают себя руками, затем разжимают объятия. Могут сосать палец, тыкать себя в бок или щипать, то и дело корчить гримасы, ритмически постукивать какими-нибудь мелкими предметами или катать их. У всех иногда появляется «тик» такого рода, но у данных индивидов это становится главной и продолжительной формой физических упражнений. Они находят окружающий мир настолько угрожающим, а социальные контакты настолько пугающими и невозможными, что ищут утешения и опоры в собственном поведении, делая его чересчур знакомым. Ритмическое повторение какого-либо действия делает мир все более знакомым и «безопасным». Вместо того чтобы выполнить множество самых разных действий, нелюди держатся за те, которые ему больше всего знакомы. Старая поговорка: «Кто не рискует, тот не выигрывает» у него превратилась в другую: «Кто не рискует, тот ничего не теряет».

Я уже отмечал успокаивающее действие ритма сердцебиения. Это применимо и к данному случаю. Создается впечатление, что многие из упомянутых действий происходят с частотой сердцебиения. Даже те, которые не совпадают с его ритмом, действуют успокоительно вследствие их привычности, обусловленной частыми повторами. Замечаю, что у социально отсталых индивидов их стереотипы поведения усугубляются, когда их помещают в незнакомую комнату. Такое явление согласуется с гипотезой, выдвинутой нами. Новизна обстановки усиливает неофобские страхи, и, чтобы исправить положение, требуются дополнительные усилия.

Чем чаще повторяется стереотип, тем больше он походит на искусственно воспроизведенный звук биения материнского сердца. Он становится настолько близким, что действие его отныне необратимо. Даже если причина, вызывающая неофобию, устраняется (что сделать достаточно трудно), нелюди могут продолжать дергаться.

Как я уже говорил, такие «тики» время от времени могут появляться и у социально приспособленных индивидов. Обычно это происходит в стрессовых ситуациях, и такие действия успокаивают их. Всем нам известны признаки волнения. Ответственный служащий, ожидающий важного телефонного звонка, постукивает или барабанит по столу; женщина, ожидающая приема у врача, соединяет и разъединяет пальцы, в которых держит сумочку; смутившийся ребенок раскачивается из стороны в сторону; будущий отец ходит взад и вперед; студент на экзамене грызет карандаш; встревоженный офицер поглаживает усы. В небольших дозах такие действия полезны. Они помогают нам справляться с предстоящей «излишней дозой новизны». Однако, если ими пользоваться слишком часто, возникает опасность, что они станут необратимыми и навязчивыми и будут проявляться даже без всякой необходимости.

Стереотипы рождаются также в условиях крайней скуки. Это можно наблюдать как у животных в зоопарке, так и у представителей нашего вида. Такие действия могут достигать ужасающих пропорций. Дело в том, что пойманные животные могли бы иметь социальные контакты, будь у них такая возможность, но они физически лишены ее. По существу, возникает такая же ситуация, как и в добровольном уходе в себя. Ограниченное пространство клетки лишает контактов и приводит животных к социальной изоляции. Прутья клетки зверинца

представляют собой вещественный эквивалент психологических барьеров, с которыми сталкивается социально замкнутый индивид. Такая преграда является мощным средством подавления исследовательского инстинкта, и животное, попавшее в зверинец, лишенное возможности исследовать окружающий мир, начинает самовыражаться единственным доступным ему способом, вырабатывая ритмичные стереотипы. Нам всем знакомо зрелище животного, расхаживающего взад и вперед по клетке, но это лишь один из вариантов поведения пленника. Подчас может происходить имитация мастурбации: животное даже не прикасается к своему пенису. Индивид (обычно мелкая обезьяна) только двигает рукой взад и вперед, не дотрагиваясь до члена. Некоторые обезьяны-самки то и дело сосут свои груди. Молодые животные сосут лапы. Шимпанзе могут засовывать солому себе в уши (вовсе не больные). Слоны, бывает, часами кивают головой. Некоторые звери то и дело кусают себя или рвут на себе шерсть. Может дойти и до нанесения серьезных увечий. Некоторые реакции такого рода возникают в стрессовых ситуациях, но зачастую животные совершают такие действия просто от скуки. Когда нет разнообразия в окружающей среде, стремление к поиску сходит на нет.

Наблюдая за изолированным животным, совершающим одно из таких стереотипных действий, нельзя установить наверняка, что именно является причиной его ненормального поведения. Его может быть скука, а возможно, и стресс. Если это стресс, то он может быть вызван только что возникшей ситуацией, а может оказаться и постоянным состоянием, обусловленным ненормальным воспитанием. Ответ можно получить, проведя ряд простых опытов. Если в клетке оказывается какой-нибудь незнакомый предмет, стереотипное поведение прекращается, а животное начинает проявлять интерес к данному предмету, то очевидно, что оно было вызвано скукой. Если же стереотипные действия учащаются, то они – результат стресса. В случае, если они не прекращаются и после того, как в клетку поместили других особей того же вида, создав таким образом нормальную социальную среду, то у индивида со стереотипным поведением почти наверняка было детство, проведенное в изоляции.

Все эти зоологические особенности можно наблюдать и у представителей нашей расы (возможно, потому мы и спроектировали зверинцы такими похожими на наши города). Они должны служить нам уроком и напоминать о настоятельной необходимости установления равновесия между нашими неофобскими и нефильскими наклонностями. Если же мы этого не сделаем, то не сможем функционировать надлежащим образом. Наша нервная система сделает все, что в ее силах, однако результаты окажутся жалким подобием нашего подлинного потенциала.

5

Самоутверждение

Если мы хотим понять природу нашей агрессивности, то должны рассматривать ее с точки зрения нашего животного происхождения. Как вид, мы в настоящее время так озабочены расширением массового производства вооружений, что склонны утрачивать свою объективность, когда обсуждаем этот вопрос. Как известно, самые уравновешенные интеллигенты зачастую становятся до нетерпимости агрессивны, когда заходит речь о настоятельной необходимости покончить с агрессивностью. Это неудивительно. Мы, мягко выражаясь, попали в неприятное положение и, весьма вероятно, когда-нибудь сами уничтожим себя. Единственное утешение заключается в том, что мы интересно прожили свой век. Век оказался не таким уж и долгим, если говорить о нашем виде, зато удивительно насыщенным событиями. Однако прежде чем рассматривать наши странные способы усовершенствования средств нападения и защиты, мы должны изучить природу насилия в мире животных, не имеющих ни копий, ни пушек, ни бомб.

Животные дерутся между собой по двум весьма веским причинам: или с целью утвердить свое главенство в социальной иерархии, или же защитить право на владение каким-либо участком территории. Некоторые виды животных сугубо иерархичны и не имеют определенной территории. Другие сугубо территориальны и не имеют проблем с иерархией. У третьих существует иерархия на их территориях, и они вынуждены бороться с обеими формами агрессивности. Мы принадлежим к последней группе и являемся как субъектами, так и

объектами этой борьбы. Как приматы, мы уже испытали бремя иерархической системы. Это основной принцип жизни приматов. Группа животных постоянно перемещается, слишком редко задерживаясь на одном месте надолго, чтобы им понадобилось закреплять за собой определенную территорию. Между отдельными группами могут возникать конфликты, но они бывают недостаточно организованны, кратковременны и играют сравнительно незначительную роль в жизни обычной обезьяны. Зато иерархия в стае (очередность клевка, поскольку эта проблема впервые обсуждалась в отношении кур) имеет важное значение в ее каждодневной, даже ежеминутной, жизни. У большинства мелких и крупных обезьян существует твердо установившаяся социальная иерархия. Причем во главе группы стоит вожак-самец, а остальные подчинены ему согласно разным степеням субординации. Когда он становится слишком стар или слаб, чтобы поддерживать свое главенство, его свергает более молодой и сильный самец, который затем облачается в мантию властелина колонии. (В некоторых случаях узурпатор в буквальном смысле украшает себя мантией, отращивая гриву волос, ниспадающих ему на плечи.) Поскольку группа всегда держится вместе, роль тирана требует постоянного вмешательства в ее дела. Однако при всей своей занятости он неизменно остается самым откормленным, ухоженным и сексуальным самцом в колонии.

Не все виды приматов прибегают к жестокости, утверждая свое первенство в социальной иерархии. Почти всегда появляется тиран, но иногда это благожелательный и довольно терпимый тиран, как это произошло с могучей гориллой. Он делится самками с самцами меньшего калибра, щедр при распределении пищи и утверждает свою власть лишь в том случае, когда речь заходит о чем-нибудь таком, чем делиться нельзя, когда замечает признаки назревающего мятежа или когда начинаются распри между более слабыми самцами.

После того как голая обезьяна стала участником совместной охоты с постоянной базой, первоначальную систему, совершенно очевидно, следовало изменить. Как и сексуальное поведение, свойственную приматам систему пришлось реформировать в соответствии с принятой на себя ролью плотоядного животного. Сообществу пришлось стать территориально-зависимым. Ему потребовалось защищать район, прилегающий к его постоянной базе. Благодаря коллективному характеру охоты это нужно было осуществить в групповом, а не в индивидуальном порядке. Внутри группы понадобилось значительно видоизменить систему тиранической иерархии обычной колонии приматов, чтобы обеспечить во время охоты полное сотрудничество более слабых представителей колонии. Но такую иерархию нельзя было ликвидировать полностью. Понадобилась более либеральная форма иерархии с сильными членами сообщества и вожаком во главе, чтобы можно было принимать жесткие решения, даже если этот вожак был вынужден учитывать мнения своих подчиненных гораздо чаще, чем это сделали бы его волосатые предки, обитавшие в лесных чащах.

Помимо групповой защиты территории и иерархической организации, продолжительная зависимость молодежи от родителей, вынуждающая нас создавать парные семейные ячейки, требовала еще одной формы самоутверждения. Будучи главой семьи, каждый самец должен был защищать свою собственную индивидуальную базу, расположенную внутри общей базы колонии. Поэтому у нас существуют три вида агрессивности, а не обычные один или два. Как мы знаем по собственному опыту, несмотря на сложные отношения внутри нашего общества, они до сих пор проявляются очень ярко.

Как же проявляет себя агрессивность? Каковы поведенческие модели? Каким образом мы страшаем друг друга? Снова приходится сравнивать себя с другими животными. Когда в млекопитающем просыпается агрессия, в его организме происходит ряд коренных физиологических изменений. С помощью автономной нервной системы весь механизм должен быть настроен на действие. Эта система состоит из двух противоположных и взаимно уравновешивающих подсистем – симпатической и парасимпатической. Первая обеспечивает подготовку организма к энергичным действиям. Вторая имеет своей задачей сохранение и восстановление ресурсов тела. Первая как бы заявляет: «Ты готов к битве, принимайся за дело». Вторая же говорит: «Спокойно, расслабься и береги силы». В обычных условиях организм прислушивается к обоим этим голосам, и между ними сохраняется равновесие. Однако в случае крайне агрессивного настроения он повинует только симпатической системе. Когда она приходит в действие, в кровь впрыскивается адреналин и вся система кровообращения

претерпевает значительные изменения. Усиливается сердцебиение, от кожных покровов и внутренних органов кровь поступает в мышцы и мозг. Повышается кровяное давление. Резко увеличивается производство красных кровяных телец. Уменьшается время свертываемости крови. Кроме того, прекращается процесс переваривания и усвоения пищи. Ограничивается слюноотделение. Замедляется работа желудка, движение желудочных соков и перистальтика кишечника. Содержимое прямой кишки и мочевого пузыря опорожняется труднее, чем в нормальных условиях. Углеводы подаются из печени в кровь, обогащая ее сахаром. Значительно усиливается вентиляция легких. Дыхание учащается и становится более глубоким. Включаются механизмы, регулирующие температуру тела. Шерсть встает дыбом, и начинается обильное потоотделение.

Все эти изменения помогают животному подготовиться к битве. Словно по волшебству тотчас пропадает усталость и появляется масса энергии, необходимой для предстоящей физической борьбы за выживание. Мощными потоками кровь подается туда, где она нужнее всего: в мозг – для скорейшего обдумывания решений и в мускулы – для энергичных действий. Увеличение содержания сахара в крови усиливает мышечную активность. Ускорение процесса свертываемости крови означает, что в том случае, если при столкновении будет пролита кровь, то она коагулирует быстрее и ее потеря уменьшится. Повышенная отдача селезенкой кровяных телец в сочетании с увеличенным объемом помогает органам дыхания ускорить поступление кислорода в организм и вывод из него углекислого газа. Встав дыбом, шерсть обнажает кожу, что, как и потоотделение, способствует охлаждению тела. Поэтому уменьшается опасность его перегрева вследствие бурной деятельности животного.

После того как все жизненно важные системы приведены в действие, оно готово броситься в бой. Но тут происходит загвоздка. Ожесточенное сражение может привести к желанной победе, но при этом серьезные раны может получить и победитель. Противник неизменно вызывает не только агрессивность, но и страх. Агрессивность подстрекает животное к столкновению, страх удерживает от него. Возникает конфликтная ситуация. Как правило, животное, настроенное на драку, сразу в нее не лезет. Оно начинает с угроз. Противоречивые чувства удерживают его, решившего сражаться, но еще не готового к тому, чтобы напасть. Если же, находясь в таком состоянии, оно сумеет напустить страху на супостата и тот отступит, это будет наилучшим выходом из положения. Победу можно одержать и без пролития крови. Данный вид в состоянии решать споры между своими представителями без причинения ими излишнего ущерба друг другу и явно извлекает из этого пользу.

Среди представителей высших животных наблюдается явная тенденция в этом направлении, когда предпочитается ритуальная схватка. Физическое противостояние сплошь и рядом вытесняется угрозами и угрожающими действиями. Конечно же, время от времени кровавые столкновения все-таки происходят. Но это случается лишь при крайней необходимости, после того как с помощью агрессивных сигналов и ответных угроз не удалось уладить спор. Серьезный характер внешних признаков физиологических изменений, которые я описал выше, указывает противнику, сколь энергично агрессивное животное готовится к стычке.

С поведенческой точки зрения этот механизм срабатывает великолепно, но с физиологической точки зрения он создает известного рода проблему. Все системы организма настроены на полную отдачу энергии. Однако ожидаемой разрядки напряжения не происходит.

Как же справляется с такой ситуацией автономная нервная система? Она отправила всех своих бойцов на передовую готовыми к бою, но, как оказалось, они одним лишь своим появлением выиграли битву. Что же теперь происходит?

Если бы столкновение произошло в результате мощного включения симпатической нервной системы, то вся энергия организма, заряженного ею, была бы использована полностью. После того как энергия была израсходована, включилась бы парасимпатическая система, которая постепенно вернула бы организм в спокойное состояние. Но в состоянии напряженности, когда агрессивность борется со страхом, все оказывается в подвешенном состоянии. В результате парасимпатическая система отчаянно борется, и автономный маятник начинает бешено раскачиваться взад и вперед. По мере того как проходят моменты угрозы и вторичной угрозы, мы видим, что вспышки деятельности парасимпатической системы

чередуются с симптомами работы симпатической системы. Сухость во рту может смениться обильным слюноотделением. Напряженное состояние кишечника может прерваться, и произойдет внезапная дефекация. Моча, надежно удерживаемая в мочевом пузыре, может хлынуть из него потоком. Кровь, отхлынувшая от кожных покровов, может потечь вспять, и невероятная бледность сменится румянцем. На смену глубокому и частому дыханию, неожиданно прерванному, приходит хватание воздуха ртом и судорожные вздохи. Таковы отчаянные попытки парасимпатической системы бороться с активной деятельностью симпатической системы. В нормальных условиях не могло быть и речи о том, чтобы интенсивные реакции одного вида происходили бы одновременно с такими же реакциями противоположного направления. Однако в экстремальных условиях агрессивности и угрозы все мгновенно выбивается из графика. (Это может объяснить, почему под влиянием сильного шока люди падают в обморок. В таких случаях кровь, прилившая к мозгу, может отхлынуть от него столь внезапно, что это тотчас приводит к потере сознания.)

Что касается системы, реагирующей на угрозу, то ее наличие – это благо. Она представляет собой еще более богатый источник сигналов. В процессе эволюции эти сигналы, свидетельствующие о тех или иных настроениях, усиливались и усложнялись различными способами. Для многих видов млекопитающих дефекация и мочеиспускание стали важными способами мечения территории. Наиболее знакомый нам пример – когда домашние псы задирают ногу у столба на своем участке. Особенно стараются соперничающие псы при взаимных столкновениях. (Улицы наших городов чрезвычайно стимулируют такого рода деятельность, поскольку представляют собой территории, на которые претендуют множество соперников, поэтому каждая собака вынуждена метить своим запахом эти участки, пытаясь отстоять собственные права.) Некоторые виды животных разработали особый способ выделения экскрементов. Гиппопотам имеет специально приплюснутый хвост, которым он быстро размахивает в обе стороны в процессе дефекации. В результате фекалии разбрызгиваются веером, покрывая большую площадь. У многих животных имеются особые анальные железы, которые придают специфический запах их испражнениям.

Нарушения кровообращения, приводящие к чрезмерной блеклости или сильной красноте кожного покрова, были устранены с появлением, в качестве сигналов, обнаженных участков кожи на морде одних животных и на сидище других. Широко разинутый рот и хрип, появляющийся в результате возникновения проблем с органами дыхания, превратились в рык, рев и многие другие звуки, выражающие агрессивность. Была выдвинута гипотеза, что эти звуки легли в основу целой системы общения посредством вокализованных сигналов. Еще один вид сигналов, обусловленных энергичным использованием дыхательных путей, – это демонстрация своей величины за счет надувания полостей. Многие животные угрожающе надуваются, для чего они могут иметь специальные надувные мешки и карманы. (Это особенно характерно для птиц, у которых имеется зоб, представляющий собой важный элемент органов дыхания.)

Агрессивное поднятие волосяного покрова привело к возникновению специальных участков, таких как холки, капюшоны, гривы и челки. Эти и другие места с волосяным покровом стали бросаться в глаза. Волосы удлинились или стали жесткими. Их окраска зачастую коренным образом изменяется, в результате чего возникает участок, значительно отличающийся по цвету от остального покрова. Когда животное в состоянии агрессии, шерсть встает дыбом, выделенные участки становятся больше и ярче, и оно сразу выглядит крупнее и опаснее.

Еще одним источником сигналов стало выделение пота животными, находящимися в состоянии агрессии. У многих из них в процессе эволюции возникли специализированные железы. Некоторые потовые железы увеличились до значительных размеров и стали выполнять функции желез секреции. У многих видов животных их можно обнаружить на морде, лапах, хвосте и других частях тела.

Все эти усовершенствования обогатили систему общения животных и сделали их сигнальный язык более гибким и многозначным. Они способствуют лучшей «читаемости» в более понятных категориях поведения агрессивно настроенного животного.

Но это лишь половина истории. До сих пор мы рассматривали только сигналы автономной

системы. Кроме них, существует целый ряд других, обусловленных движениями напряженных мышц и угрожающих поз. Автономная нервная система лишь настроила организм на энергичную работу мышц. Как же они отреагировали? Напряглись в ожидании нападения, но нападения не произошло. В такой ситуации осуществляется серия движений, выражающих агрессивность намерений, ряд неоднозначных действий, принимаются позы конфликтного порядка. Животное подергивается всем туловищем под воздействием импульсов противоположного значения – не то нападать, не то спастись бегством. Оно то устремляется навстречу противнику, то отступает, извивается всем телом, приседает, вскакивает, то снова подается вперед, то отпрянет. Едва стремление напасть на противника начинает преобладать, как желание бежать прочь отменяет первую команду. Любое движение вспять тотчас пресекается, сменяясь наступательным порывом. В процессе эволюции такое возбужденное состояние закрепилось в особых позах, выражающих угрозу и агрессивность. Движения, обозначающие намерения животного, стали стилизованными; неоднозначные жесты превратились в ритмичное подрагивание и встряхивание. Был разработан и усовершенствован целый арсенал агрессивных сигналов.

В результате у многих животных мы можем наблюдать сложные боевые ритуалы и «танцы». Соперники кружат напротив друг друга словно на ходулях, тела их напряжены и жестки. Они могут наклонять голову, кивать, встряхиваться, вздрагивать, ритмично покачиваясь из стороны в сторону, или совершать короткие стилизованные перебежки. Они роют лапами землю, выгибают спину дугой или опускают голову вниз. Все эти движения имеют важное информационное значение и эффективно сочетаются с сигналами автономной нервной системы, позволяющими получать представление о том, насколько стремление напасть уравновешивается стремлением отступить.

Но это еще не все. Существует еще один важный источник специальных сигналов, обусловленных такой поведенческой категорией, как «отвлекающие действия». Один из необычных эффектов внутреннего конфликта состоит в том, что подчас животное начинает вести себя странно и нелогично. Создается впечатление, что животное в возбужденном состоянии, неспособное осуществить ни одно из тех действий, которые оно отчаянно пытается совершить, находит выход своей энергии совсем в другой, совершенно не связанной с предыдущей области. Его желание спастись бегством блокирует стремление напасть на противника и наоборот, поэтому животное выражает свои эмоции иным образом. Мы можем наблюдать, как стоящие в угрожающих позах соперники неожиданно делают вид, что готовы приступить к еде, а затем внезапно вновь становятся в боевую стойку. Животные также могут чесаться, чиститься, перемежая эти занятия с типично агрессивными действиями. Некоторые животные в качестве отвлекающего маневра делают вид, что строят гнездовья, подбирая пучочки строительного материала, оказавшегося рядом, и укладывая их на место мнимого гнездовья. Другие словно бы мгновенно «засыпают», пряча голову как бы для сна, зевают или потягиваются.

Вокруг этих отвлекающих действий было много споров. Утверждалось, будто бы объективно неоправданно называть их неуместными. Дескать, если животное ест, значит, оно голодно; если чешется, то у него зуд. Подчеркивается, будто бы невозможно доказать, что принявшее угрожающую позу животное не голодно, когда делает вид, что ест, или что не испытывает зуд, когда чешется. Но это критика кабинетных ученых, которая представляется явной глупостью каждому, кто в действительности наблюдал и изучал столкновения агрессивно настроенных соперников, принадлежавших к различным видам животных. Напряжение и драматичность этих моментов таковы, что смешно предположить, что противники прервут свою «дуэль» даже на мгновение ради того, чтобы действительно поесть, почесаться или поспать.

Несмотря на утверждения ученых о причинном характере механизмов, обуславливающих отвлекающие действия, ясно одно: в функциональных категориях они обеспечивают еще один источник полезных сигналов, связанных с агрессивным поведением животных. Многие из них утрируют такого рода действия, нарочито демонстрируя свою боевитость.

Следовательно, все эти действия – сигналы автономной нервной системы, движения, имитирующие агрессивность, двусмысленные позы и отвлекающие маневры – стали чем-то

вроде ритуала. В результате животные располагают полным арсеналом угроз. В большинстве случаев их будет достаточно для того, чтобы решить спор между соперниками, не доводя дело до столкновения. Однако, если такая система не срабатывает, например, в условиях большой скученности, то происходит драка, и демонстрация силы сменяется ее применением. Тогда в ход идут зубы – чтобы кусать, наносить рваные или проникающие раны; голова и рога – чтобы наносить удары и колоть; туловище – чтобы таранить, толкать и теснить; ноги – чтобы когтить, пинать и бить; лапы – чтобы хватать и давить. Иногда в ход идет хвост – чтобы молотить им и хлестать. Но даже в таких случаях соперники редко убивают друг друга. Животные, выработавшие особые приемы убийства своих жертв, нечасто используют их, сражаясь с себе подобными. (Иногда допускаются серьезные ошибки, когда находят связь между поведением хищника, атакующего жертву, и поведением хищника, нападающего на соперника. Оба вида поведения сильно отличаются как побудительными причинами, так и образом действия.) Как только противник в достаточной мере подавлен, он перестает быть угрозой и на него не обращают внимания. К чему понапрасну расходовать энергию? Поэтому ему разрешают убраться восвояси.

Прежде чем рассматривать эти агрессивные действия применительно к нашему виду, следует изучить еще один аспект поведения животных. Оно связано с поведением побежденного. После того как его положение стало безвыходным, ему следует как можно скорее ретироваться. Но это не всегда осуществимо. Путь к отступлению может оказаться отрезанным. Если же проигравший – представитель сплоченной социальной группы, ему, возможно, придется не удаляться от победителя. В любом случае он должен как-то показать более сильному животному, что уже не представляет собой угрозы и не намерен продолжать стычку. Если же он покинет поле боя после того, как будет сильно изранен или выбьется из сил, это станет вполне очевидно, и одержавший верх зверь уйдет прочь и оставит его в покое. Но если проигравший сигнализирует о том, что признает свое поражение прежде, чем его положение вконец ухудшится, то сможет избежать серьезных повреждений. Это делается с помощью демонстрации своей покорности. Особые позы и приемы умиротворяют нападающего и быстро ослабляют его агрессивность, приводя дело к мирной развязке.

Делается это несколькими способами. По сути, они или выключают сигналы, вызывающие агрессивность соперника, или включают другие, определенно исключая агрессивность. Первые служат для того, чтобы попросту успокоить более сильное животное, вторые активно помогают ему изменить настроение на мирное. Самая примитивная форма проявления подчиненности – это явная пассивность. Поскольку агрессивность связана с энергичными движениями, неподвижность автоматически означает ее отсутствие. Зачастую такая пассивность сочетается с позами раболепия и покорности. Агрессивность подразумевает видимое увеличение туловища до предела, а припадание к земле – жест, имеющий противоположное значение и поэтому умиротворительный. Если отвернуться от нападающего, то это также помогает. Используются и другие приемы. Если животное того или иного вида выражает агрессивность намерений, припадая к земле, то поднятая голова может оказать успокаивающее действие на противника. Если животное перед нападением ошетиливается, то приглаженная шерсть, напротив, демонстрирует покорность. В некоторых случаях побежденный признает свое поражение, подставляя нападающему уязвимое место. К примеру, шимпанзе протягивает ему руку, рискуя быть опасно укушенным. Поскольку обезьяна, имеющая агрессивные намерения, этого никогда бы не сделала, такой жест умиротворит доминирующее животное.

Вторая группа умиротворительных сигналов служит для переориентирования намерений победителя. Подчинившееся животное подает сигналы, подавляющие воинственный пыл. Делается это тремя способами. Наиболее распространенным является поза молодого животного, выпрашивающего пищу. Более слабый индивид льнет к земле и просит еду у более сильного. К такому приему особенно часто прибегают самки, подвергающиеся нападению со стороны самцов. Зачастую он оказывается настолько эффективным, что самец отгрызает часть пищи, которую и проглатывает самка, завершая таким образом ритуал. Теперь у самца появляется сугубо отеческое, покровительственное отношение к ней, и оба животных успокаиваются. Такой принцип кормления с целью ухаживания особенно распространен у

птиц, когда на ранних стадиях создания пары самец часто ведет себя довольно агрессивно. Другой способ отвлечь противника от агрессивных намерений заключается в том, что более слабое животное принимает сексуальную позу. Независимо от пола оно может неожиданно подставить противнику свой зад. Такого рода сигнал возбуждает в нападающем сексуальное желание, гасящее в нем агрессивность. В таких случаях доминирующий самец *или* самка залезает на побежденного самца или самку и совершает мнимое совокупление.

Третий способ умиротворения состоит в том, чтобы вызвать у победителя желание почиститься и быть почищенным. В мире животных много времени уделяется социальному или взаимному уходу за внешностью, с которым связаны яркие воспоминания о мирных временах в жизни сообщества. Более слабое животное или само сигнализирует победителю о своем желании поухаживать за его внешностью, или же просит у того разрешения заняться собственным внешним видом. К такой уловке очень часто прибегают мелкие обезьяны, для чего ими выработан особый сигнал: частое почмокивание. Это как бы модифицированный вариант обычной процедуры ухода за внешностью. Когда одна обезьяна приводит в порядок другую, она то и дело засовывает себе в рот отслоившиеся кусочки кожи и другой сор, причмокивая при этом губами. Утрируя и ускоряя такие движения, животное оповещает о своей готовности осуществить такую процедуру и нередко умудряется подавить таким образом агрессивность нападающего индивида и уговорить его разрешить поухаживать за ним. Некоторое время спустя доминирующее животное настолько успокаивается, чувствуя ласковые прикосновения «цирюльника», что слабаку удается ускользнуть.

При помощи такого рода церемоний и приемов животные улаживают свои конфликты. Выражение «зубы, когти – все в крови» вначале подразумевало жестокую охоту хищников, убивавших свои жертвы, но затем стало обозначать любые столкновения между животными. Нет ничего более далекого от истины, чем такое мнение. Если тот или иной вид животного хочет выжить, он просто не может позволить себе, чтобы его сородичи убивали друг друга. Внутривидовая агрессивность должна быть ограничена, и чем более мощными и опасными орудиями убийства оснащен данный вид, тем более жестким должен быть запрет на их применение в спорах между соперниками. Таков «закон джунглей», касающийся территориальных и иерархических претензий. Те виды животных, которые не следовали этому закону, давным-давно вымерли.

Каково же наше поведение в подобных ситуациях? Каков наш арсенал особых угрожающих и умиротворяющих сигналов? Каковы наши способы борьбы за самосохранение и как мы их контролируем?

Агрессивность пробуждает в нас такие же физиологические процессы, вызывает напряжение мускулатуры и нервное возбуждение, как это описано выше. Подобно другим животным, мы начинаем перемещаться с места на место. В некоторых отношениях мы, в отличие от них, не так оснащены, чтобы превратить ощущение испытываемого неудобства в мощный сигнал. Например, мы не можем уstrasить противника, взъерошив свою шерсть. Правда, в состоянии испуга и с нами такое происходит («У меня волосы встали дыбом»), но как сигнал это не срабатывает. Зато другие сигналы у нас получаются лучше. Нагота, из-за которой мы не можем взъерошиться как положено, позволяет нам вырабатывать мощные сигналы. Мы можем «побелеть от ярости», «побагроветь от гнева» или «побледнеть от страха». Особое внимание следует обратить на белый цвет: он свидетельствует о готовности к действию. Если он сочетается с другими признаками, указывающими на приближающееся нападение, то это важный признак опасности. Если он сочетается с действиями, указывающими на испуг, то это сигнал панического страха. Как вы помните, он обусловлен работой симпатической нервной системы, отдающей приказ: «Вперед!», и к нему нельзя относиться легкомысленно. Наоборот, красный цвет не столь опасен; краснота – это результат отчаянных попыток парасимпатической нервной системы показать, что система, отдающая приказ: «Вперед!», уже не всемогуща. Злой, с багровым лицом, противник, с которым мы столкнулись, не столь опасен, как тот, у которого лицо побелевшее, с плотно сжатым ртом. Настроение у краснолицего таково, что его гнев под контролем, а белолицый все еще готов к нападению. С обоими шутки плохи, но противник с белым лицом нападет скорее, если его не улестить или самому не застрашать.

Глубокое учащенное дыхание – это опасный симптом, но если оно превратилось в храп и

брызганье слюной, то стало представлять меньшую опасность. Такая же связь существует между пересохшими губами противника, готового на вас наброситься, и слюнявым ртом того, кто сдерживает свою агрессивность. Мочеиспускание, дефекация и обморок обычно происходят чуть позже, после того как схлынет мощная ударная волна, сопровождающая моменты чрезвычайного напряжения.

Находясь под влиянием желания напасть и в то же время удрать, мы делаем характерные движения и принимаем неоднозначные позы. Наиболее знакомый сигнал – поднятие сжатого кулака – это ритуальный жест, имеющий двоякий смысл. Кулак показывают издали, когда нанести им удар противнику невозможно. Значение этого жеста символично, не более. (Сжатая в кулак рука, согнутая в локте и отведенная в сторону, стала знаком вызова со стороны коммунистических режимов.) Можно погрозить кулаком, но и этот жест носит характер угрозы, а не готовности нанести удар. Мы наносим ритмичные «удары» кулаком, по-прежнему находясь на безопасном расстоянии от противника.

При этом мы можем подаваться всем телом вперед, время от времени удерживая себя от того, чтобы не зайти слишком далеко. Можем изо всех сил громко топтать ногами и бить кулаком по любому находящемуся под рукой предмету. Такого рода действия мы зачастую можем наблюдать и у других животных, называя их переориентированными или перенаправленными действиями. Поскольку объект (противник), вызывающий в нас желание напасть на него, слишком грозен, агрессивные движения переориентируются на другую, не столь опасную цель, например какого-нибудь безобидного зеваку (все мы порой оказывались на его месте) или даже неодушевленный предмет. Если используется последний, то его могут разрушить. Когда жена швыряет на пол вазу, можете быть уверены, что на полу валяется разбитая вдребезги голова ее мужа. Любопытно, что таким приемом пользуются шимпанзе и горилла, которые ломают, рвут, повсюду разбрасывают ветви деревьев и листву. И это производит сильный эффект.

Очень важным дополнением к подобной демонстрации своей агрессивности является угрожающее выражение лица. Наряду с голосовыми сигналами, это наиболее надежный способ демонстрации нашей действительной воинственности. Хотя улыбка, о которой шла речь выше, – черта уникальная для нашего вида, агрессивное выражение лица, как оно ни впечатляет, ничем не отличается от выражения лица любого другого примата. (Мы с первого взгляда можем определить, какое у обезьяны лицо – свирепое или испуганное, но, чтобы установить, дружелюбное ли оно, требуется навык.) Правила весьма просты: чем больше преобладает стремление напасть над желанием сбежать, тем сильнее лицо вытягивается вперед. Если же верх берет последнее, то черты лица как бы оттягиваются назад. Придавая своему лицу угрожающее выражение, мы хмурим брови и плотно сжимаем губы. Когда же мы испытываем страх, брови у нас подняты, лоб наморщен, уголки губ опущены, губы раздвинуты, обнажая зубы. Такое выражение зачастую сопровождается другими жестами, на первый взгляд очень агрессивные. Наморщенный лоб, обнаженные зубы иногда воспринимаются как признаки «свирепости». В действительности же это признаки страха, и выражение лица сообщает, что страх все же присутствует, несмотря на угрожающую стойку индивида. В таком выражении лица все же имеется элемент угрозы, и с этим нельзя не считаться. Если бы лицо противника выражало один лишь неприкрытый страх, то он бы отступил.

Такого рода гримасы свойственны нам наряду с обезьянами. Об этом не следует забывать, если вам придется столкнуться лицом к лицу с взрослым бабуином. Однако существуют и другие жесты, которые выработались в результате культурного развития. К ним относятся высунутый язык, надутые щеки, наморщенный нос, преднамеренно искаженные черты лица. Все это значительно увеличивает наш арсенал средств угрозы. Ко всему этому в большинстве культур добавилось множество угрожающих или оскорбительных жестов с использованием других частей тела. Движения, свидетельствующие об агрессивности намерений («безумные прыжки»), превратились во всевозможные крайне стилизованные свирепые и воинственные танцы. Их задача – всеобщее возбуждение и синхронизация сильных агрессивных чувств, а не демонстрация перед противником своих намерений.

Поскольку с появлением смертоносных видов вооружений мы стали потенциально опасными существами, неудивительно, что у нас появился целый набор умиротворяющих

средств. Как и у других приматов, у нас выработаны сигналы покорности. Для этого мы припадаем к земле, кричим. Кроме того, у нас имеется целый ряд поз, обозначающих подчиненность. Припадание к земле сменилось унижением и пресмыкательством. В неярко выраженных формах оно превратилось в опускание на колени, поклоны и книксены. Главным сигналом здесь является выражение своей приниженности по отношению к доминирующему индивиду. Угрожая кому-то, мы пыжимся, стараясь казаться как можно выше ростом и мощнее. Поэтому в состоянии подчиненности все происходит наоборот, и тогда мы стараемся стать как можно ниже ростом.

Интересно также превращение в поклон первоначального свойственного приматам стремления припасть в страхе к земле. Суть жеста в том, чтобы потупить глаза. Пристальный взгляд в большинстве случаев свидетельствует об агрессивных намерениях. Это неотъемлемый элемент наиболее свирепого выражения: лица, сопровождающего все воинственные жесты. (Вот почему так трудна для ее участников детская игра «гляделки» и почему так осуждается взрослыми обыкновенное детское любопытство: «таращить глаза невежливо».) Независимо от того, насколько поклон, в силу социальных условностей, стал сдержанным, он всегда подразумевает стремление опустить лицо. К примеру, даже мужские представители королевского двора, благодаря частой практике, видоизменившей поклон, по-прежнему опускают свои лица. Однако вместо того чтобы поклониться от пояса, теперь они лишь чинно наклоняют голову.

При не столь официальных встречах, чтобы избежать пристального взгляда, попросту отводят глаза в сторону («бегающий взгляд»). Лишь индивид, настроенный по-настоящему агрессивно, станет продолжительное время смотреть на вас в упор. Во время обыкновенного разговора мы обычно прячем глаза, поглядывая на собеседника лишь в конце каждой фразы, чтобы увидеть его реакцию на наши слова. Лектору-профессионалу требуется некоторое время для того, чтобы осмелиться взглянуть на лица своих слушателей, а не смотреть поверх их голов на трибуну, стены или в конец зала. Хотя он и находится в выгодном положении, но слушателей так много и все они уставились на него, с удобством рассевшись в креслах, что он испытывает невольный и поначалу непреодолимый страх перед ними. Бороться с ним он научится лишь после продолжительной практики. Неприятное ощущение, что на тебя смотрят сотни зрителей, вызывает у актера легкую тошноту перед его появлением на сцене. Конечно же, он волнуется, не зная, как он исполнит роль и как его примут, но самым трудным для него испытанием являются взгляды множества людей. (На бессознательном уровне любопытный взгляд снова воспринимается, как взгляд-угроза.) Очки делают выражение лица более агрессивным, поскольку искусственно увеличивают размеры глаз. Спокойные люди предпочитают носить очки в тонкой оправе или вовсе без нее (возможно, не сознавая причину выбора), потому что это позволяет им лучше видеть окружающее, до предела уменьшая впечатление собственной агрессивности. Таким образом они избегают встречной враждебной реакции.

Более радикальный способ избежать чересчур пристального взгляда – закрыть глаза руками или уткнуться лицом в согнутую в локте руку. Опустив веки, вы также избежите назойливого взгляда. Любопытно, что кое-кто, сталкиваясь с незнакомыми людьми, невольно закрывает глаза. Создается впечатление, что человек моргает, но слишком долго держит веки опущенными. Если же люди разговаривают с близкими друзьями в обстановке, располагающей к беседе, то такая реакция исчезает. Пытаются ли они оградить себя от «угрожающего» присутствия незнакомца или же просто стараются избежать назойливого взгляда – не всегда понятно.

Благодаря их мощному запугивающему воздействию, у многих животных появились пятна, напоминающие гневные глаза и служащие средством самозащиты. На крыльях многих бабочек имеются отметины, похожие на пару глаз. Крылья находятся в сложенном состоянии, пока на насекомое не нападет враг. Тогда они раскрываются, и перед лицом противника вспыхивают яркие пятна. Экспериментально доказано, что это производит устрашающий эффект на агрессоров, которые зачастую обращаются в бегство и оставляют насекомое в покое. Такие защитные механизмы имеются у некоторых птиц и даже животных. При изготовлении промышленных товаров используется тот же принцип. Его применяют проектировщики

автомобилей: придают фарам определенную форму и усугубляют общее впечатление агрессивности тем, что передок капота нередко напоминает нахмуренное лицо. Кроме того, между «глазными отметинами» они устанавливают декоративные решетки, напоминающие оскаленные зубы. По мере увеличения количества автомобилей на дорогах, управление ими становится все более воинственным занятием, а все более угрожающий вид машин придает определенную агрессивность и облику водителей. Даже названиям некоторых товаров придается вид грозного лица, к примеру ОХО, ОМО, ОЗО, ОВО. К счастью для их изготовителей, они не отталкивают покупателей. Напротив, они привлекают их внимание, после чего оказывается, что это безобидные картонные упаковочные коробки. Однако впечатление произведено, выбор сделан в пользу именно *данного* товара, а не какого-то другого. Как я уже отмечал, шимпанзе умиротворяют более сильного противника, протягивая ему руку. Так же, как они, мы используем этот жест, когда просим милостыню или умоляем кого-то. Этот жест широко используется в качестве дружеского рукопожатия. Дружеские жесты зачастую имеют своим прообразом жесты раболопные. Мы убедились в этом, когда шла речь о таких сигналах, как улыбка и смех (кстати, они по-прежнему используются просителями в виде робкой улыбки или нервного хихиканья). Рукопожатие используется в качестве приветствия лицами приблизительно одинакового социального положения, но превращается в поклон с целованием протянутой руки при наличии заметного неравенства между ними. (В условиях все большего «уравнивания» полов и разных классов эта изысканная форма приветствия встречается все реже, но сохраняется в особых сферах, где строго соблюдается иерархия старшинства, как, например, в церковных кругах.) В некоторых случаях рукопожатие превратилось в обхватывание самого себя или ломанье рук. В некоторых культурах это обычное заискивающее приветствие, в других оно используется в особых случаях, когда умоляют о чем-то.

Существует много других поведенческих приемов, обозначающих подчиненность, например выбрасывание полотенца или белого флага, но они нас сейчас не должны интересовать. Но некоторые наиболее простые приемы, переключающие внимание противника, заслуживают упоминания, потому что любопытным образом соотносятся с аналогичным поведением других видов животных. Вы помните, что с целью погасить агрессивное или потенциально агрессивное поведение противника использовались модели поведения «детского» типа или типа сексуального ухаживания. Особенно распространено «детское» поведение среди подбострастных взрослых на стадии флирта. Флиртующая пара зачастую начинает сюсюкать, как дети, не потому, что готовятся к роли родителей, а потому, что такое поведение вызывает у партнера нежное, покровительское чувство и тем самым подавляет более агрессивные чувства (или чувство страха). Вспоминая, как такого рода поведение переросло в ухаживание-кормление у птиц, любопытно отметить, что в период флирта мы сами любим потчевать предмет своего внимания. Никогда в жизни мы не тратим столько усилий, чтобы угощать друг друга лакомыми кусочками или дарить коробки шоколадных конфет.

Что касается переключения внимания противника на вопросы секса, то это происходит всякий раз, когда более слабая особь (мужского или женского пола) принимает «женскую» позу в присутствии доминирующей особи (самца или самки) в контексте агрессии, а не в сугубо сексуальном. Явление это широко распространено, но специфический вариант принятия женской позы, когда в качестве умиротворяющего жеста подставляется крестцовая часть, фактически исчез. Он сохранился в основном в качестве наказания школьников, где ритмические удары розгами заменили ритмические движения таза доминирующего самца. Вряд ли школьные учителя стали бы продолжать такую практику, если бы отдавали себе отчет, что, по сути, они осуществляют с учениками имевшую место у первобытных приматов форму ритуальной копуляции. Они могли бы наказывать школьников и без того, чтобы заставлять их принимать позу покорной самки. (Показательно, что школьниц почти никогда так не порют – сексуальный характер такого наказания был бы очевиден.) Один ученый, наделенный воображением, предположил, что школьников заставляют снимать штаны и подвергают их наказанию не для того, чтобы усилить боль, а чтобы позволить доминирующему взрослому наблюдать, как краснеют ягодицы, что так живо напоминает о приливе крови у самки примата, доведенной «до кондиции». Как бы там ни было, но ясно, что этот ритуал оказался неудачным в

качестве умиротворяющего приема. Чем больше злосчастный школьник подспудно сексуально возбуждает самца, тем более вероятно, что ритуал будет продолжаться, и, поскольку ритмические движения таза символически превратились в ритмические удары розгами, страдания жертвы оказываются напрасными. Прямую агрессию удалось переключить на сексуальную, но этот вид агрессии символически превратился в физическую.

Третий способ избежать наказания играет незначительную, но важную для нас роль. Мы часто гладим и треплем по спине взволнованного человека, и многие лица, занимающие привилегированное положение в обществе, часами наблюдают за своими подчиненными, которые суетятся вокруг, стремясь убажить их. Но к этой теме мы вернемся в другой главе.

Приемы для отвлечения внимания играют известную роль в случае встречи с агрессией и почти в любой стрессовой или напряженной ситуации. Однако мы отличаемся от других животных тем, что не ограничиваемся немногими поведенческими образцами. Мы используем фактически любое тривиальное действие, чтобы дать выход накопившимся эмоциям. Оказавшись в конфликтной ситуации, мы можем переставить предметы интерьера, закурить сигарету, протереть очки, взглянуть на наручные часы, налить себе какой-нибудь напиток или что-нибудь съесть. Конечно, любое из этих действий может иметь функциональное значение, но в качестве отвлекающих приемов они не срабатывают. Предметы интерьера уже стояли на нужном месте, и переставлять их, находясь в растрепанных чувствах, было ни к чему. Сигарету незачем было доставать, поскольку мы только что, нервничая, затушили почти целую. Количество выкуренного в минуты волнения превышает потребность организма в никотине. Очки, которые мы так старательно протираем, чисты и без того. Часы, которые мы энергично заводим, завода не требуют, тем более что, глядя в волнении на циферблат, мы даже не замечаем, какое время они показывают. Когда мы потягиваем напиток, это не значит, что мы испытываем жажду. Если мы глотаем еду, то не потому, что голодны. Все эти действия осуществляются не для того, чтобы получить нормальное удовлетворение, которое они доставляют, а для того, чтобы чем-то заняться и попытаться снять напряжение. Особенно часто такое происходит в начале каких-либо социальных встреч, которые могут таить страхи и агрессивные намерения. Будь то на званом обеде или второстепенной конференции, как только завершатся взаимно успокаивающие церемонии в виде рукопожатий и улыбок, тотчас предлагаются отвлекающие сигареты, отвлекающие напитки и отвлекающие закуски. Даже в широкомасштабных развлечениях вроде спектаклей и киносеансов поток событий преднамеренно перемежается короткими перерывами, и тогда зрители могут на некоторое время предаться своим излюбленным отвлекающим занятиям.

В моменты особенной напряженности, связанной с агрессивностью, мы, по аналогии с другими приматами, стараемся переключиться на отвлекающие действия – действия более примитивного характера. В подобной ситуации шимпанзе отчаянно скребется – совсем не так, как она это делает, когда у нее зуд. Чешет она, как правило, голову, иногда руки. И сами движения довольно необычны. Мы ведем себя точно так же, принимаясь приглаживать себя, поправлять одежду, чтобы забыть о волнении. Мы скребем голову, кусаем ногти, проводим по лицу руками, словно моясь, пощипываем бороду или усы, поправляем прическу, потираем нос, ковыряем в нем, чихаем или сморкаемся, дергаем себя за мочки ушей, чистим уши, поглаживаем подбородок, облизываем губы или потираем руки. Если внимательно изучить моменты, связанные с конфликтными ситуациями, то можно заметить, что все такого рода действия напоминают некий ритуал, причем определенного порядка при этом не соблюдается. Один индивид может чистить голову совсем иначе, чем другой, но у каждого из них вырабатывается характерная манера. Поскольку никакой чистки в действительности не требуется, не имеет значения, что какой-то детали одежды уделяется большее внимание, чем другим. При любой социальной встрече, в которой участвует небольшое количество людей, определить, кто является подчиненным, очень легко по тому, как часто он делает вид, что приводит себя в порядок. По-настоящему доминирующий индивид никаких излишних движений не делает. Если же на первый взгляд доминирующий член какой-либо группы много суетится, это значит, что его официально главенствующему положению как-то угрожают другие присутствующие.

При обсуждении всех этих видов агрессивного и покорного поведения подразумевалось,

что индивиды, о которых шла речь, «говорили правду», а не преднамеренно изменяли свои поступки для достижения определенных целей. Мы чаще «лжем» словами, чем поведением, но даже в таком случае не следует исключать подобное явление. Чрезвычайно трудно солгать посредством поведенческих приемов, которые мы до сих пор обсуждали. Но все-таки это возможно. Как я уже отмечал, пытаюсь обмануть внешним видом своих маленьких детей, родители наносят им гораздо больший вред, чем кажется. Когда же речь идет о взрослых, придающих гораздо больше значения словесной шелухе, в которую заключена информация при взаимных социальных контактах, обман удастся чаще. На беду «поведенческого лжеца», он лжет, как правило, лишь с помощью отдельных элементов сигнальной системы. Другие же элементы, о существовании которых он не ведает, выдают его с потрохами. Наиболее успешные «поведенческие лжецы» – это те, кто, вместо того чтобы сознательно сосредоточиться на модификации характерных сигналов, мысленно погружается в то настроение, которое хочет передать окружающим, и не заботится о мелочах, которые получаются у них сами собой. Этот способ с большим успехом используют такие профессиональные лгуны, как актеры и актрисы. Вся их творческая жизнь – это преднамеренная ложь, причем такая деятельность может подчас нанести большой вред их личной жизни. Политикам и дипломатам также приходится много лгать в поведенческом плане, но, в отличие от актеров и актрис, у них нет «социальной лицензии на ложь», поэтому возникающее у них в результате чувство вины нередко мешает им выполнять свои служебные обязанности. Кроме того, в отличие от актеров, они не получают необходимого образования.

Но даже без специальной подготовки, лишь приложив небольшое усилие и досконально изучив сведения, изложенные в настоящей книге, можно добиться желаемых результатов. Раз или два я преднамеренно использовал этот прием при столкновении с полицейскими. Рассуждал я следующим образом. Если существует ярко выраженная биологическая тенденция успокаиваться при виде жестов покорности, то таким обстоятельством можно манипулировать сколько угодно, лишь бы применять соответствующие сигналы. Большинство водителей, задержанных полицейскими за мелкие нарушения правил дорожного движения, тотчас начинают убеждать их в полной своей невинности или как-то оправдывать собственное поведение. При этом они яростно защищают свою (мобильную) территорию и в глазах полицейских посягают на их прерогативы. Это наихудшая линия поведения. Полицейские вынуждены переходить в контрнаступление. Если же вы примете позу полного подчинения, то офицеру полиции будет трудно устоять перед ощущением собственной значимости. Полное признание вашей вины, основанной на вашей непроходимой глупости и полнейшей никчемности, тотчас делает полицейского хозяином положения и мешает ему наброситься на вас. Надобно выразить благодарность и восхищение тем, как ловко он вас прищучил. Но одних слов недостаточно. Необходимы соответствующие позы и жесты. Надо всем своим обликом и выражением лица четко изобразить страх и покорность. Самое главное, нужно живехонько выйти из машины и поспешить к полицейскому. Нельзя допустить, чтобы он сам направился к вам, так как иначе вы помешаете стражу закона выполнять свои обязанности и станете для него угрозой. Кроме того, сидя в автомобиле, вы остаетесь на своей территории. Удалившись же от машины, вы автоматически ослабляете свой территориальный статус. К тому же сидячее положение подчеркивает ваше преимущество перед полицейским. Поза водителя – необычный элемент нашего поведения. Никто не вправе сидеть, если «король» стоит. Когда «король» встает, встают все. Это особое исключение из общего правила, касающегося агрессивной вертикальности, согласно которому покорность увеличивается с уменьшением вашей высоты. Поэтому, выходя из автомобиля, вы отказываетесь от своих территориальных прав и дающей вам преимущество сидячей позиции и ставите себя в подчиненное положение. Это шаг на пути к дальнейшим раболопным действиям. Однако, когда вы подниметесь, не вздумайте выпячивать грудь колесом. Надо чуть сгорбиться и поникнуть головой. Тон голоса так же важен, как и выбор слов. Весьма полезно придать своему лицу озабоченное выражение и глядеть в сторону. Для полноты впечатления неплохо сделать вид, что вы специально приводите себя в порядок.

К сожалению, всякий водитель настроен на то, чтобы храбро защищать свою территорию. Скрыть же свое агрессивное настроение очень трудно. Для этого нужна или продолжительная практика, или владение набором бессловесных сигналов. Если же вам недостает авторитета в

будничной жизни, то такое представление, даже умело разыгранное, может оказаться для вас слишком неприятным. Лучше отделаться штрафом.

Хотя данная глава посвящена поведенческим приемам, используемым при столкновениях, до сих пор мы рассматривали лишь способы избежать противостояния. Когда же ситуация ухудшается настолько, что физические действия неизбежны, голая обезьяна, если она не вооружена, ведет себя таким образом, который значительно отличается от поведения других приматов. Для них главным оружием являются зубы, для нас – руки. Если приматы хватают неприятеля и кусают, то мы его давим или же наносим ему удары сжатыми кулаками. Зубы пускают в ход только младенцы или маленькие дети. Их мускулы еще не настолько развиты, чтобы можно было пустить в ход руки.

В настоящее время мы можем наблюдать за борьбой без оружия в чрезвычайно стилизованных вариантах, таких как классическая борьба, дзюдо и бокс. В первоначальной форме она встречается редко. Но, едва вспыхивает настоящая драка, в ход идут различные орудия. В самой примитивной форме они могут представлять собой метательные снаряды или же как бы продолжения наших рук для нанесения ими тяжелых ударов. Оказавшись в особых обстоятельствах, до такого смогли додуматься далее шимпанзе. Находясь в полуневоле, они ломали сук дерева и с силой обрушивали его на чучело леопарда или через ров с водой швыряли в зевак комья земли. Однако не доказано, что шимпанзе прибегают к таким средствам, живя на свободе, тем более во время споров с соперниками. Тем не менее поведение этих приматов дает нам известное представление о том, как мы, по-видимому, начали использовать оружие для защиты от других животных и для охоты. Применение оружия в междоусобицах почти наверняка стояло на втором месте, но после того как оружие появилось, оно использовалось в экстренных случаях независимо от конкретных условий.

Самым примитивным оружием был твердый, прочный, но необработанный кусок дерева или камень. С помощью незначительных усовершенствований формы подобных предметов такие немудреные действия, как швыряние камней или нанесение ударов, дополнялись метанием копий, нанесением рубленых, резаных и колотых ран.

Следующим важным поведенческим шагом в методах нападения стало увеличение расстояния между атакующим и его противником. Именно этот шаг чуть нас не погубил. Копье можно метать издалека, но дистанция его полета ограничена. Стрелы летят дальше, но не всегда попадают в цель. Пушки значительно увеличивают радиус действия, но бомбы можно сбрасывать, доставляя их по воздуху на еще большее расстояние. Что же касается ракет класса «земля – земля», то с их помощью атакующий может нанести удар по более отдаленным целям. В результате соперников не побеждают, а уничтожают – всех без разбора. Как я уже объяснял, подлинная цель межвидовой агрессивности на биологическом уровне – подавление, а не ликвидация противника. До окончательной стадии – уничтожения жизни на земле – дело не доходит: соперник или спасается бегством, или же сдается. В обоих случаях столкновение соперников прекращается: спор улажен. Если же нападение осуществляется с такого расстояния, что сигналы о признании своего поражения не смогут быть прочитаны победителем, то начинается жестокая агрессия. Она может завершиться лишь непосредственной встречей с униженным и поверженным противником или его бегством. Ввиду удаленности противников в условиях современной войны ни того ни другого не наблюдается, что приводит к массовым убийствам в масштабах, которые не известны ни одному другому живому существу.

Развязыванию такой бойни способствует выработанная нами готовность приходить на помощь своим. Когда эта важная привычка использовалась при охоте, она была очень кстати, но теперь обернулась против нас самих. Возникшее в результате стремление к взаимной поддержке превратилось в могучую силу, участвующую во внутривидовых конфликтах. Верность охотника сменилась верностью боевого соратника. Так родилась война. Разве не забавно, что эволюция глубоко укоренившегося в нас стремления помочь своему ближнему стала главной причиной всех ужасов войны? Именно это стремление подталкивало нас к созданию несущих смерть банд, толп, орд и армий. Без него они были бы лишены связующей силы, и агрессивность снова приобрела бы «персонифицированный» характер.

Согласно одной гипотезе, в результате эволюции мы стали охотниками, убивавшими

жертв, и автоматически приобрели способность уничтожать противников. Но, как я уже объяснял, факты противоречат такому предположению. Животному нужно поражение, а не смерть соперника; агрессивность имеет своей целью преобладание, а не уничтожение; по существу, мы вроде бы не отличаемся в этом отношении от других животных. Для этого нет причин. Однако произошло следующее. Благодаря злополучному сочетанию удаленности атакующего и групповой солидарности индивиды, участвующие в сражении, перестали четко видеть первоначальную цель. Теперь они чаще нападают для того, чтобы прийти на помощь товарищам, а не одержать верх над врагами. Так что присущая им восприимчивость к непосредственному умиротворению имеет мало или совсем не имеет шансов найти выход. Такое явление еще может нанести нам большой вред и привести к быстрому уничтожению человеческой расы.

Вполне естественно, такая дилемма стала причиной того, что многие нынче чешут затылок. Излюбленной темой для них стало всеобщее разоружение; однако, чтобы от него был прок, необходимо довести его до невозможных пределов. Все будущие сражения должны происходить в виде рукопашного боя, где можно было бы снова пустить в ход сигналы, умиротворяющие противника. Второе решение – это депатриотизация представителей различных социальных групп, но это шло бы вразрез с главной биологической особенностью нашего вида. Союзы, направленные против одних, могут быть с такой же быстротой переориентированы. Естественную тенденцию создавать обособленные социальные группы никогда не искоренить без радикальных изменений на генетическом уровне, в результате которых наша комплексная социальная структура автоматически распалась бы.

Третье решение заключается в том, чтобы разработать и реализовать безвредную, символическую замену войне; но если такая замена окажется действительно безвредной, то она лишь ненамного приблизит нас к решению подлинной проблемы. Следует иметь в виду, что эта проблема, на биологическом уровне, относится к групповой обороне территории, а в связи с наблюдающимся перенаселением планеты является еще и проблемой групповой территориальной экспансии. Никакие, даже самые жаркие футбольные матчи ее не разрешат.

Четвертое решение состоит в усовершенствовании интеллектуального контроля над агрессивностью. Дескать, раз уж интеллект посадил нас в такую лужу, он же должен и вытащить нас оттуда. К сожалению, когда речь идет о таких важных проблемах, как территориальная оборона, наши главные мозговые центры слишком часто прислушиваются к центрам рангом ниже. Интеллектуальный контроль может помочь нам лишь в таких пределах, не более того. Кроме того, он ненадежен; достаточно одного неразумного, под влиянием эмоций, поступка, и все, что сделано полезного, пойдет насмарку.

Единственное здоровое биологическое решение дилеммы – это резкое уменьшение роста народонаселения или спешное переселение его на другие планеты, с одновременным использованием, по возможности, и четырех вышеупомянутых способов. Мы уже знаем, что если количество жителей нашей планеты будет увеличиваться с той же ужасающей быстротой, то ничем не сдерживаемая агрессивность усилится. Это однозначно доказано с помощью лабораторных опытов. Заметное перенаселение приведет к социальным стрессам и напряженности, которые разрушат организацию наших сообществ задолго до того, как мы умрем от голода. Перенаселенность будет препятствовать любым улучшениям в деле интеллектуального контроля и коренным образом увеличит вероятность эмоционального взрыва. Подобный ход событий можно предотвратить лишь заметным сокращением темпов рождаемости. К сожалению, этому мешают две серьезные причины. Как я уже объяснял, семейная ячейка, которая по-прежнему является основной ячейкой нашего общества, предназначена для воспитания потомства. В нынешнем виде она представляет собой довольно сложный механизм, цель которого – производство, защита и выращивание потомства. Если эту его функцию значительно урезать или временно прекратить, то пострадает система образования брачных союзов, а это приведет к своего рода социальному хаосу. Если же предпринять попытку регулировать работу детородного конвейера, разрешая одним парам беспрепятственно размножаться и запрещая это другим, то будет нарушен существующий в обществе основной принцип сотрудничества.

Обратимся к простой арифметике. Если все взрослые особи создадут брачные пары и

станут плодиться, то для того, чтобы народонаселение сохраняло свою численность на постоянном уровне, каждая из них вправе произвести на свет двоих детей. Тогда каждый индивид, по сути, будет готовить себе смену. Учитывая тот факт, что незначительная часть населения не участвует в создании семьи и деторождении и что всегда существует вероятность преждевременной смерти от несчастных случаев или иных причин, количество членов в семье может быть немного увеличено. Но и это лишь незначительно увеличит нагрузку на механизм образования брачных пар. Уменьшение нагрузки на супружеские пары как на детопроизводителей должно быть компенсировано их большими усилиями в других направлениях, чтобы сохранить прочность брачных уз. Но в конечном счете это гораздо меньшая опасность, чем ее альтернатива – удушающая перенаселенность.

Напрашивается мысль о том, что лучшим способом достичь мира во всем мире является повсеместное распространение контрацептивов или применение абортов. Аборт – мера жестокая и может вызвать серьезные эмоциональные нарушения. Кроме того, после слияния гамет (мужских и женских клеток) образуется зигота (оплодотворенное яйцо), которая становится новым представителем человеческого сообщества. Его уничтожение – это, по существу, акт агрессии, который является тем самым поведенческим образцом, с которым мы пытаемся бороться. Контрацепция явно предпочтительнее, и любые религиозные или иные «морализаторские» организации, которые выступают против нее, должны иметь в виду, что они фактически занимаются опасным подстрекательством к развязыванию войн.

Раз уж речь зашла о религии, то, возможно, стоит пристальнее взглянуть на эту необычную модель поведения животного, прежде чем изучать другие аспекты агрессивности представителей нашего вида. Тема эта непростая, но мы, как зоологи, должны сделать все возможное, чтобы наблюдать то, что фактически происходит, а не слушать то, что якобы происходит. Если мы так и поступим, то будем вынуждены прийти к выводу, что в поведенческом смысле религиозная деятельность состоит в том, что большие группы людей собираются вместе для однократных и продолжительных изъявлений своей покорности некоему доминирующему индивиду. Доминирующий индивид, о котором идет речь, в различных культурах принимает те или иные обличья, но всегда является воплощением огромного могущества. Иногда он изображается животным иного вида или его идеализированным вариантом. Иногда его рисуют как мудрого пожилого представителя нашего собственного вида. Иногда он становится чем-то более абстрактным, и его называют просто «существом» или как-нибудь иначе. Подобострастное отношение к нему может выражаться в том, что люди закрывают глаза, склоняют головы, в умоляющем жесте соединяют пальцы рук, опускаются на колени, целуют землю или даже падают ниц, зачастую сопровождая все эти действия возгласами или песнопениями. Если эти выражения подобострастия осуществлены успешно, то доминирующий индивид оказывается умиротворен. Поскольку его власть чрезвычайно велика, умиротворяющие церемонии должны осуществляться через регулярные и частые промежутки времени, чтобы это верховное существо не разгневалось снова. Верховное существо обычно, но не всегда, называют Богом.

Поскольку ни один из таких богов не существует в осязаемой форме, не вполне ясно, зачем их придумали. Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны вернуться к своим первобытным предкам. Прежде чем превратиться в действующих сообщников охотников, мы, должно быть, жили социальными группами, наподобие тех, что мы сегодня наблюдаем у обезьян. Как правило, в каждой группе владычествует один самец. Он босс, властелин, и каждый член группы должен ублажать его, иначе придется пенять на себя. Он также весьма активно защищает группу от внешних опасностей и улаживает ссоры между своими подчиненными. Вся жизнь любого из представителей группы вращается вокруг доминирующего животного. Его всемогущая роль наделяет его статусом богоподобного существа. Если мы посмотрим на наших непосредственных предков, нам станет ясно, что с ростом духа сотрудничества, который был так важен для успешной групповой охоты, влияние доминирующего индивида следовало ограничить, чтобы он смог обеспечить себе активную, а не пассивную преданность со стороны других представителей группы. У них должно было быть желание помочь ему, а не просто страх перед ним. Он должен был в большей степени стать «одним из стаи». Прежний обезьяний тиран должен был сойти со сцены, вместо него появился

более терпимый, чаще сотрудничающий со своими сородичами лидер голых обезьян. Шаг этот был важен для нового типа организации нарождающейся «взаимопомощи», но в результате появилась одна проблема. Поскольку безграничное преобладание первого члена группы было заменено квалифицированным преобладанием, он больше не мог рассчитывать на беспрекословное подчинение ему. Эта перемена была существенна для новой социальной системы, но оставила в ней брешь. С первобытных времен в нас жила потребность в некой всемогущей фигуре, которая могла удерживать группу под контролем, и это вакантное место было заполнено с изобретением бога. Влияние выдуманного бога могло теперь выступать как некая сила, дополняющая ставшее ограниченным влияние вожака группы.

Может показаться на первый взгляд удивительным, что роль религии оказалась столь успешной, но ее чрезвычайное могущество является попросту мерилom силы нашей основной биологической тенденции, унаследованной непосредственно от наших предков – обезьян, заключавшейся в подчинении всемогущему, владеющему всеми члену сообщества. Благодаря этому религия оказалась чрезвычайно ценным явлением, способствующим социальной сплоченности. Сомнительно, чтобы наша раса смогла бы добиться таких результатов без нее при данном уникальном сочетании обстоятельств нашей эволюции. Это привело к ряду побочных явлений, как, например, вера в «загробную жизнь», в которой мы наконец-то встретимся с божествами. По изложенным ранее причинам они не могли присоединиться к нам в земной жизни, но такое положение дел можно исправить в «потустороннем мире». Для того чтобы облегчить это, были разработаны странные приемы, связанные с избавлением от нашего тела после смерти. Если мы хотим присоединиться к нашим владыкам, то должны надлежащим образом подготовиться к встрече этого события, а перед тем следует осуществить замысловатые погребальные церемонии.

Религия также стала причиной множества излишних страданий и бед в тех случаях, когда ее каноны исполняли чересчур ретиво и когда профессиональные «ассистенты» верховных существ не могли устоять перед соблазном позаимствовать у них частицу их могущества для собственных нужд. Однако, несмотря на противоречивую историю, религия – это особенность нашей социальной жизни, без которой нам не обойтись. Когда она становится неприемлемой, ее незаметно, а подчас яростно отвергают. Но вскоре она возникает опять, в новом виде, возможно, тщательно замаскированная, но содержащая все те же основные элементы. Мы просто обязаны «верить во что-то». Лишь общая вера объединяет нас и держит под контролем. Исходя из этих соображений, можно утверждать, что сойдет любое верование, если оно достаточно могущественно. Однако это не вполне верно. Оно должно впечатлять, и еще – нужно видеть, что оно впечатляет. Наша общественная природа требует выполнения сложных групповых ритуалов и участия в них. Устранение «помпезности и обстоятельности» оставит ужасную культурную брешь, и вероучения не смогут действовать надлежащим образом на глубоком эмоциональном уровне, столь существенном для них. Кроме того, некоторые учения более изнурительны и оглуляющи, чем другие, и могут завести человеческое сообщество в жесткие поведенческие рамки, которые помешают его качественному развитию. Мы представляем собой преимущественно разумный и исследующий вид животных, и те вероучения, которые опираются на этот факт, будут наиболее благотворны для нас. Вера в пользу приобретения знаний и научное понимание мира, в котором мы живем, вера в пользу создания вызывающих в нас эстетическое чувство предметов и наслаждения ими, в пользу расширения и углубления нашего повседневного опыта – вот что повсеместно становится «религией» нашего времени. Познание и понимание являются для нас своего рода божествами, поэтому невежество и глупость их сердят. Школы и университеты являются нашими религиозными учебными центрами; библиотеки, музеи, художественные галереи, театры, концертные залы и стадионы являются для нас местами общего культа. Приходя домой, мы поклоняемся своим божествам, читая книги, газеты, журналы, слушая радио и смотря телепередачи. В известном смысле мы верим и в загробную жизнь, поскольку частью удовлетворения, получаемого от творческой работы, является чувство, что благодаря ей мы будем жить и после смерти. Подобно всем религиям, наша «религия» сопряжена с опасностями, но если нам нужно иметь таковую, а, как мне кажется, мы ее имеем, то, похоже, она наиболее подходит к уникальным биологическим качествам нашей расы. Принятие этой «религии» все

более увеличивающимся большинством населения мира может служить для нас компенсацией и ободряющим источником оптимизма на фоне пессимизма, выраженного прежде в отношении нашего будущего как вида.

Прежде чем начать эти рассуждения на темы религии, мы исследовали природу лишь одного аспекта возникновения агрессивности нашей расы, а именно – групповой обороны территории. Но, как я уже объяснил в начале данной главы, голая обезьяна является животным, которому свойственны три четкие социальные формы агрессивности, и теперь мы должны рассмотреть еще две. Это территориальная оборона семейной ячейки внутри более крупной групповой ячейки, а также сохранение своего индивидуального положения на иерархической лестнице.

Пространственная оборона домашнего очага семейной ячейки остается вместе с нами благодаря значительным успехам архитектуры. Даже самые крупные здания, спроектированные как жилье, старательно разделены на отдельные узлы – по одному на семью. Архитектурного «разделения труда» нет, если такое и было, то очень редко. Даже появление зданий для совместного принятия пищи или напитков – ресторанов и баров – не привело к отсутствию столовых в жилых квартирах. Несмотря на все остальные успехи, вид наших малых и больших городов по-прежнему определяется нашей древней потребностью расчленять свои группы на мелкие, отдельные семейные территории. В тех случаях, когда здания не разделены на квартиры, охраняемая территория старательно обносится оградами, стенами или живыми изгородями, обособливая ее от соседей, причем демаркационные линии строго соблюдаются и границы уважаются, как и у остальных территориальных животных.

Один из важных признаков семейной территории заключается в том, что она должна быть узнаваемой среди других. Ее обособленность придает ей уникальный характер, но этого недостаточно. Своей формой и внешним видом она должна четко отличаться и стать «персонифицированной» особенностью живущей на ней семьи. Факт этот кажется в достаточной мере очевидным, но его часто недооценивали или игнорировали – или в результате экономических трудностей, или же плохого знакомства архитекторов с проблемами биологии. Во всех крупных и малых городах мира строят бесконечные ряды зданий, похожих друг на друга как две капли воды. Когда же речь идет о кварталах жилых домов, ситуация и того хуже. Невозможно подсчитать психологический вред, нанесенный чувству территориальности семей, вынужденных благодаря произволу архитекторов, планировщиков и строителей жить в таких условиях. К счастью, семейства, о которых идет речь, могут наложить отпечаток территориальности на свои жилища и другим образом. Можно покрасить в разные цвета сами здания. Там, где посажены сады, можно разбить их по собственному вкусу в соответствии с канонами садовой архитектуры. Дома или квартиры можно украсить внутри и заполнить до отказа различными декоративными изделиями, безделушками и личными предметами. В таких случаях объясняют, что это делается с целью сделать квартиру уютной. Фактически действия эти аналогичны поступкам другого территориального животного, оставляющего «метки» вокруг своего логова. Если вы привинчиваете к двери табличку со своим именем или вешаете на стену картину, то, переводя ваши действия на собачий или волчий язык, вы попросту задираете ногу и оставляете там свою метку. Неутомимая страсть к коллекционированию особых категорий предметов наблюдается у некоторых индивидов, которые по какой-либо причине испытывают ненормально сильную потребность обозначить таким образом свою домашнюю территорию.

Имея это в виду, забавно видеть большое множество автомобилей, украшенных сувенирами и другими символами их личной принадлежности, или наблюдать за каким-нибудь чиновником, только что въехавшим в новый кабинет. Он тотчас же ставит на стол свой любимый письменный прибор, пресс-папье и, возможно, фотографию жены. Автомобиль и кабинет чиновника являются подтерриториями, филиалами его логова. Какое это облегчение – задрать свою ногу на эти помещения и сделать их более привычными, «собственными» территориями!

Нам остается рассмотреть вопрос агрессивности в связи с социальной иерархией. Защищено должно быть не только место, где индивид часто бывает, но и сам индивид. Его социальный статус должен быть сохранен и по возможности улучшен, но это должно быть

сделано осторожно, иначе он подвергнет опасности свои кооперативные контакты. Тут-то и начинает играть свою роль искусная система агрессивных и умиротворяющих сигналов, описанная выше. Групповое сотрудничество требует (и это требование удовлетворяется) высокой степени соответствия как в одежде, так и в поведении отдельных членов группы. Но и в рамках этого соответствия существует множество оттенков, обозначающих иерархическое положение. Вследствие такого рода противоречивых требований конкуренция достигает невероятно тонких оттенков. Как именно завязан узел на галстук, насколько выпущен из нагрудного кармана угол носового платка, едва заметные изменения в интонации и другие, на первый взгляд пустяковые, детали приобретают важное социальное значение при определении социального положения индивида. Опытный член сообщества может мгновенно определить их смысл. Он сразу растеряется, если вдруг окажется среди представителей социальной иерархии какого-нибудь племени на Новой Гвинее, но в условиях собственной культуры он вынужден быть экспертом. Сами по себе эти незначительные различия в одежде и поведении не имеют никакого смысла, но в связи с хитроумными маневрами, имеющими целью добиться положения в обществе и сохранить его, они чрезвычайно важны.

Разумеется, мы не были созданы для того, чтобы жить огромными конгломератами, насчитывающими тысячи индивидов. Наше поведение рассчитано на работу в рамках небольших племенных групп, где-то немного меньше сотни особей. В таких ситуациях каждый член племени будет лично известен всем остальным, как это происходит в настоящее время с обезьянами. При таком типе социальной организации достаточно просто выбраться и закрепить иерархию значимости, которая будет постепенно изменяться по мере того, как ее представители будут стариться и умирать. В условиях большого города при значительной численности населения положение чревато стрессами. Ежедневно житель города вынужден неожиданно сталкиваться с бесчисленным количеством незнакомых людей – неслыханная ситуация для любого другого вида приматов. Вступить со всеми в личные иерархические отношения невозможно, хотя именно такова должна быть естественная тенденция. Вместо этого им, лишенным возможности главенствовать и подчиняться, позволяют мчаться мимо. Для усугубления такого отсутствия социальных контактов вырабатываются поведенческие модели, ориентированные на пресечение соприкосновения. Об этом уже шла речь при обсуждении сексуального поведения в тех случаях, когда представитель одного пола случайно прикасается к представителю другого. Но здесь речь идет не просто о том, чтобы избежать сексуального поведения. Мы имеем дело с целым рядом проблем, связанных с посвящением в систему социальных взаимоотношений. Стараясь не таращить глаза друг на друга, жестикулируя, сигнализируя каким-либо образом или соприкасаясь физически, мы умудряемся выжить в социальных условиях, которые иначе оказались бы для нас чрезмерно сильными стимуляторами. Нарушив правило «ни к кому не прикасаться», мы тотчас же просим прощения с целью показать, что сделали это непредумышленно.

Поведение, направленное на избежание контактов, позволяет нам удерживать число наших знакомых в пределах, необходимых нашему виду. Мы делаем это с поразительной последовательностью и единообразием. Если желаете подтверждения, ознакомьтесь с адресными или телефонными книгами сотни горожан, принадлежащих к самым разным типам, и сосчитайте количество личных знакомых, занесенных туда. Вы убедитесь, что почти все они знают приблизительно одинаковое количество людей и что это количество приближается к числу представителей небольшой племенной группы. Иными словами, даже при своих социальных контактах мы подчиняемся основным биологическим правилам наших древних предков.

Разумеется, существуют исключения из этого правила – к ним относятся лица, которым в силу профессиональных обязанностей приходится устанавливать большое количество личных контактов; люди с поведенческими дефектами, что делает их неестественно робкими или одинокими, или лица с психологическими проблемами, не позволяющими им получать ожидаемое социальное удовлетворение у своих друзей. Они пытаются компенсировать этот недостаток, отчаянно стараясь найти возможности общаться в самых разных контекстах. Но такие типы составляют лишь незначительную часть населения малых и больших городов. Остальные вполне счастливы и занимаются своим делом, не обращая внимания на кипящий

вокруг них человеческий поток, в действительности представляющий собой невероятно сложное множество взаимосвязанных и перекрывающих друг друга племенных групп. Как мало, совсем мало изменилась голая обезьяна с ранних дней своего первобытного существования!

6 Питание

Поведение голой обезьяны во время еды на первый взгляд кажется одним из наиболее изменчивых, непредсказуемых и восприимчивых к культурным традициям явлений, но даже здесь действует ряд основных биологических принципов. Мы уже внимательно изучали, каким образом присущие этому животному поведенческие модели, усвоенные им у предков, срывавших фрукты, должны были превратиться в модели поведения при групповой охоте. Мы видели, что это привело ко множеству коренных перемен в его способе питаться. Поиски пищи поневоле стали более затруднительными и тщательно организованными. Потребность убивать добычу стала отчасти независимой от потребности утолять голод. Пища относилась в постоянное логово и там поедалась. Приходилось тратить больше времени на ее готовку. Трапезы стали более обильными и более редкими. В рационе значительно увеличился мясной компонент. Длительное хранение и распределение пищи стали повсеместной практикой. Самцы должны были обеспечивать едой свои семейные ячейки. Понадобилось упорядочить и видоизменить отправление естественных потребностей.

Все эти изменения происходили в течение весьма продолжительного периода времени. Характерно, что, несмотря на крупные успехи в области техники, достигнутые в последнее время, мы до сих пор придерживаемся прежних принципов. Может показаться, что это не более чем простые культурные приемы, которые подвержены капризам моды. Судя по нашему нынешнему поведению, они должны были, хотя бы в известной степени, стать биологическими характеристиками, глубоко укоренившимися в нас.

Как мы уже отмечали, усовершенствованная технология получения пищевых продуктов, используемая в сельскохозяйственном производстве, лишила большинство мужских представителей нашего общества возможности заниматься охотой. Вместо этого они ходят «на работу». Работа заменила охоту, но сохранила многие главные особенности. К ним относится регулярная поездка из логова на «место охоты». Работа, как правило, мужское занятие и дает мужчинам возможность встречаться друг с другом и действовать сообща. С нею связаны риск и планирование операций. Мнимый охотник заявляет, что он «завалил зверя в Сити». В своих поступках он становится жестким. Про такого говорят, что он умеет «принести в когтях».

Когда псевдоохотник отдыхает, он отправляется в сугубо мужской клуб, где женщинам строго-настрого запрещено появляться. Молодые самцы организуют банды из сверстников, зачастую хищнические по натуре. Во всех этих организациях, начиная с ученых обществ, социальных клубов, братств, профессиональных союзов и тайных обществ и кончая подростковыми бандами, прослеживается сильное чувство мужской солидарности. Возникают мощные организации. Члены группировок, входящих в них, носят значки, форму и другие опознавательные символы. Непременно устраиваются церемонии посвящения вновь принятых членов. Не следует смешивать однополый характер этих группировок с гомосексуальностью. В них нет ничего, связанного с сексом. В таких сообществах, по существу, воплощается мужское братство первобытных охотничьих групп. Важная роль, которую они играют в жизни взрослых мужчин, указывает на живучесть первобытных устремлений. Иначе деятельность, которой они занимаются, могла бы осуществляться и без тщательной сегрегации полов, и без ритуалов, и большинство действий такого рода могли бы выполняться и в рамках семейной ячейки. Женщины часто возмущаются, когда их мужчины уходят из дома и устраивают «мальчишники», воспринимая их уход как своего рода измену семье. И совершенно напрасно. Перед нами современный вариант свойственной нашей расе с первобытных времен тенденции сбиваться в охотничьи стаи. Явление это столь же характерно для голой обезьяны, как и возникновение в первобытные времена пары самец – самка, которая, по существу, является ее следствием. Групповая мужская солидарность будет существовать, по крайней мере до тех пор,

пока в нашей натуре не произойдет какого-нибудь важного изменения на генетическом уровне.

Хотя в настоящее время работа в значительной степени заменила охоту, она не до конца покончила с наиболее примитивными формами выражения этого первобытного стремления. Даже в тех случаях, когда нет экономической потребности участвовать в охоте, такое занятие по-прежнему популярно. Охота на крупного зверя, на оленей, лис, псовая, соколиная охота, охота на дичь, рыбная ловля и детская игра в охотников – все это современные проявления древнего инстинкта.

Была выдвинута гипотеза, что подлинная причина тяги к охоте скорее связана с желанием победить соперников, чем с преследованием жертвы; несчастное же существо, которое загнали, олицетворяет для нас самого ненавистного члена нашего общества, которого мы желали бы видеть в подобной ситуации. В этом предположении есть доля истины, по крайней мере, в случае отдельных индивидов; но если такое поведение рассматривать в целом, то становится ясно, что объяснение лишь частично. Суть «спортивной охоты» в том, чтобы предоставить добыче справедливый шанс спастись бегством. (Если же добыча – всего лишь замена ненавистного соперника, то к чему давать ему какой-то шанс?) Весь процесс спортивной охоты подразумевает преднамеренную неэффективность охотников, они дают жертве «фору». Они вполне могли бы использовать автомат или еще более смертоносное оружие, но в таком случае это не было бы игрой – игрой в охоту. Спортсменов захватывает вызов, трудности, связанные с преследованием добычи, и разные уловки – именно то, что приносит им удовлетворение.

Одна из существенных особенностей охоты в том, что это масштабная азартная игра, поэтому неудивительно, что нас так привлекают многие стилизованные формы, которые она принимает. Как первобытная, так и спортивная охота – занятия преимущественно мужские и требуют строгого соблюдения социальных законов и ритуалов. Исследование классовой структуры нашего общества показывает, что спортивную охоту и азартные игры чаще предпочитают представители высших и низших, а не средних его слоев. На это есть веские причины, если отнестись к этим занятиям как к выражению природной тяги к охоте. Я отмечал ранее, что работа стала главной заменой первобытной охоты, но как таковая она принесла наибольшую материальную выгоду именно среднему классу. Для типичного представителя низшего класса характер работы, которую ему приходится выполнять, не полностью удовлетворяет его жажду охоты. Она слишком монотонна, слишком предсказуема. В ней отсутствуют элементы опасности, игры и риска, имеющие столь важное значение для самца-охотника. По этой причине мужчины, принадлежащие к низшим слоям общества, наряду с неработающими представителями высшего класса в большей мере испытывают потребность удовлетворять свой охотничий азарт, чем лица, принадлежащие к среднему классу, характер работы которых в большей степени подходит к ее роли как заменителя охоты.

Переходя от охоты к следующему аспекту поведения при добыче пищи, мы подходим к моменту убийства жертвы. Этот акт может быть в какой-то мере заменен работой, спортивной охотой и азартной игрой. При спортивной охоте убийство жертвы происходит по-настоящему, но в контекстах работы и азартной игры оно преобразуется в моменты символического триумфа, в которых отсутствует элемент жестокости. Поэтому стремление охотника поразить добычу претерпевает значительные изменения в условиях современной жизни. Это стремление то и дело возникает вновь с поразительной частотой во время юношеских забав (не всегда безобидных); но среди взрослых оно подавляется с помощью мощных механизмов сдерживания.

Допускаются два исключения. К первому из них относится уже упоминавшаяся нами спортивная охота, ко второму – бой быков. Хотя ежедневно на бойню попадает огромное количество домашнего скота, обыватели обычно не видят этой операции. С боем быков дело обстоит наоборот: собираются толпы народа, чтобы посмотреть, как у них на глазах убивают животных.

Поскольку это находится в рамках кровавых видов спорта, такая практика продолжает существовать, хотя и не без протестов против ее продолжения. Вне таких сфер все виды жестокого обращения с животными запрещены и наказуемы. Но так было не всегда. Несколько лет назад в Великобритании и многих других странах животных мучили и убивали для развлечения публики. За это время успели понять, что участие в жестоких зрелищах притупляет

чувствительность людей ко всем видам кровопролития. Поэтому такого рода «забавы» представляют собой потенциальный источник опасности для нашего сложного и перенаселенного общества, где территориальные и иерархические ограничения могут достичь почти нетерпимых пределов, подчас находя выход в непомерной агрессивности и жестокости.

До сих пор мы рассматривали ранние стадии процесса питания и их итоги. После охоты и убийства добычи мы приступаем к самой трапезе. Будь мы типичными приматами, мы жевали бы понемногу день-деньской. Но мы не типичные приматы. Эволюция, сделавшая нас плотоядными, видоизменила всю систему. Типичное плотоядное съедает за один присест помногу, но делает это нечасто. Мы, совершенно очевидно, следуем этому примеру. Эта тенденция сохранилась много времени спустя после того, как исчезли причины, заставлявшие охотника следовать такому режиму. В настоящее время мы смогли бы без труда вернуться к своим первобытным привычкам, свойственным приматам, если бы почувствовали склонность к этому. Однако мы продолжаем придерживаться установившегося расписания приема пищи, словно по-прежнему активно заняты охотничьим промыслом. Из многих миллионов живущих в мире голых обезьян мало кто (если такие есть) питается по методу своих предков-приматов. Даже в условиях изобилия мы редко едим чаще чем три, самое большее четыре раза в день. У многих вошло в обычай есть плотно раз или два. Могут заявить, что делается это по культурно установившейся традиции, для удобства, но свидетельств в пользу такой гипотезы недостаточно. В условиях развитой системы снабжения продовольствием, которую мы имеем, вполне возможно разработать эффективную систему питания, при которой пища будет приниматься малыми порциями в течение всего дня. Внедрение такой системы может быть проведено достаточно успешно, после того как к ней привыкнут, что устранило бы перебор других видов деятельности, связанных с необходимостью готовить «главную трапезу». Однако благодаря нашему прошлому опыту хищников, такого рода система не удовлетворит укоренившиеся в нас биологические потребности.

Целесообразно также изучить вопрос, зачем мы подогреваем пищу и едим ее горячей. Существуют объяснения трех видов. Одно состоит в том, что это помогает сохранить температуру тела «добычи». Мы не пожираем парное мясо, но тем не менее едим его, по существу, при такой же температуре, что и другие плотоядные. Пища у них горяча, потому что не успела остыть, у нас – потому что мы ее подогрели. Второе объяснение состоит в следующем: зубы у нас настолько слабы, что мы вынуждены варить мясо, чтобы сделать его мягким. Однако это не объясняет того, почему мы должны есть его горячим и для чего подогревать другие виды пищи, которые не надо делать мягкими. Третье объяснение заключается в следующем: увеличив температуру пищи, мы улучшаем ее вкус. Добавив ряд приправ, мы совершенствуем этот процесс. Такая практика возвращает нас не к заимствованным у плотоядных, а к более древним, распространенным у наших предков-приматов обычаям. Пища у типичных приматов гораздо богаче вкусовыми оттенками, чем у плотоядных. Намаевшись с добыванием пропитания (надо было выследить, убить и обработать добычу), хищник ведет себя без затей и тотчас принимается за трапезу. Ест жадно, глотая пищу большими кусками. Напротив, обезьяны очень хорошо разбираются во вкусовых качествах своих яств. Они ими наслаждаются и от одного переходят к другому. Возможно, когда мы разогреваем пищу и добавляем в нее специи, в нас говорит восходящая к временам приматов привередливость. Возможно также, что это один из способов подавлять наши плотоядные наклонности.

Раз уж зашла речь о вкусе, то следует устранить недоразумение, связанное с тем, каким образом мы воспринимаем эти сигналы. Как мы чувствуем вкус? Поверхность языка у нас неровная, усеяна мелкими бугорками, называемыми папиллами, в которых находятся вкусовые рецепторы. У каждого из нас приблизительно 100 000 таких рецепторов, но в старости их восприимчивость ухудшается, а количество сокращается. Этим объясняется привередливость пожилых гурманов. Как ни странно, у нас всего лишь четыре вкусовых ощущения: кислое, соленое, горькое и сладкое. Положив кусочек еды на язык, мы определяем, в каких пропорциях содержатся в ней четыре вкуса. Именно такое сочетание и придает пище ее характерный вкус. Различные участки языка воспринимают вкус по-разному. Кончик его более чувствителен к соленому, боковые участки – к кислому, а тыльная часть – к горькому. Сам язык может

определить текстуру и температуру пищи, но и только. Более тонкие и разнообразные «привкусы», к которым мы так чувствительны, воспринимаются органами обоняния, а не вкуса. Запах пищи проникает в носовую полость, где находится обонятельная мембрана. Замечая, что то или иное блюдо имеет восхитительный вкус, мы в действительности подразумеваем, что оно имеет восхитительный вкус и запах. Забавно, что, когда мы сильно простужены и наша восприимчивость ко вкусу резко снижается, мы заявляем, что еда безвкусна. В действительности вкус ее остается прежним. Нас озадачивает отсутствие запаха.

Отметив этот факт, следует указать на наше явное предпочтение сладкому. Такое свойство чуждо истинному плотоядному, но характерно для примата. По мере того как плоды зреют и становятся более пригодными для еды, они обычно становятся слаще. Обезьяны четко реагируют на все, что обладает таким вкусом. Подобно другим приматам, мы не в силах устоять перед «сладеньким». Наша приматская наследственность вопреки склонности к мясному дает себя знать в том, что мы любим все, что подслащено. Сладкое мы предпочитаем всему остальному. Недаром у нас имеются магазины «сладостей», но нет магазинов «кислостей». Плотно пообедав, мы обычно завершаем трапезу, от которой получили множество вкусовых ощущений, чем-нибудь сладким. Именно это послевкусие у нас и остается. Более показателен тот факт, что, когда нам хочется «заморить червячка» (и тем самым в известной степени приобщиться к свойственной приматам привычке есть понемногу, но часто), мы почти неизменно выбираем что-нибудь сладкое – конфеты, шоколад, мороженое или подслащенные напитки.

Склонность эта в нас настолько велика, что может натворить бед. Дело в том, что в еде нас привлекают два ее качества: питательная ценность и съедобность. В природных продуктах эти качества неотъемлемы одно от другого, но в синтетических продуктах они могут быть разделены, и это опасно. Не имеющие никакой питательной ценности продукты можно сделать чрезвычайно привлекательными для потребителя, добавив туда большое количество искусственно изготовленного вещества, придающего им сладкий вкус. Если они удовлетворяют нашу слабость, которой мы обязаны своим предкам-приматам, то мы так навалимся на лакомство, что в желудке не останется места для всего другого. В результате будет нарушена сбалансированность нашего рациона. Это особенно важно знать, когда речь идет о растущих детях. В одной из предыдущих глав я указывал на последние исследования, которые показали, что уровень предпочтения сладких запахов, а также ароматов фруктов резко падает с достижением половой зрелости, когда появляется склонность к цветочным, маслянистым и мускусным запахам. Слабостью подростков к сладостям можно злоупотреблять, что зачастую и происходит.

Взрослые сталкиваются с опасностью иного рода. Поскольку пищу для них обычно готовят вкусной – гораздо вкуснее, чем еда из натуральных продуктов, – ее вкусовая привлекательность резко возрастает, что приводит к перееданию. Во многих случаях это является причиной излишнего веса, сказывающегося на здоровье. Для борьбы с ним придумываются самые немыслимые разгрузочные диеты. «Пациентам» велят есть то-то и то-то или заниматься различными физическими упражнениями. К сожалению, существует лишь одно решение проблемы – поменьше есть. Это не рецепт, а сказка, но, поскольку индивид окружен со всех сторон соблазнами, подобному совету следовать трудно даже непродолжительное время. На нашего «тяжеловеса» сваливается еще одна беда. Я уже говорил об «отвлекающих действиях» – тривиальной, ненужной деятельности, к которой прибегают для снятия напряжения в минуты стресса. Как мы убедились, одним из наиболее распространенных видов отвлекающего действия является «отвлекающая еда». Нервничая, мы глотаем все, что окажется под рукой, или потягиваем какой-нибудь напиток, хотя жажды не испытываем. Это способно успокоить нервы, зато увеличивает наш вес ввиду «тривиального» характера отвлекающей еды. Как правило, чего-либо сладкого. Если подобная практика продолжается в течение длительного времени, это приводит к хорошо известному состоянию «озабоченности своей полнотой», в результате чего у человека появляются округлые очертания неуверенного в себе, чувствующего свою вину индивида. Для такого человека толк от уменьшающих вес процедур будет лишь в том случае, если в его поведении произойдут перемены, которые помогут ему справиться с волнениями. В данной связи стоит упомянуть о роли жевательной резинки. Этот продукт,

похоже, был изобретен исключительно как отвлекающее средство. Он позволяет снять напряжение, придает нам ощущение занятости делом, не нанося вреда здоровью переизбытком.

Если мы обратимся к тому, что едят нынешние голые обезьяны, то увидим, что их рацион разнообразен. Сплошь и рядом стол у приматов гораздо богаче, чем у плотоядных. Последние специализировались в области питания, первые остались приспособленцами. К примеру, в результате продолжительных полевых исследований живущей на воле популяции макак установлено, что они поедают до 119 видов растений в виде почек, побегов, листьев, фруктов, корней, коры деревьев, не говоря о всевозможных пауках, жуках, бабочках, муравьях и птичьих яйцах. Рацион типичного плотоядного более питателен, но зато и более однообразен. Став хищниками, мы ели самое лучшее, что было в обоих мирах – растительном и животном. В нашем рационе появилось сытное мясо, но мы не отказались от прежней, свойственной приматам всеядности. За последнее время, то есть за последние несколько тысячелетий, методы получения продуктов питания значительно усовершенствовались, но в основном положение не изменилось. Насколько мы можем судить, древнейшие способы ведения сельского хозяйства можно приблизительно охарактеризовать как «смешанное фермерство». Животноводство и растениеводство развивались параллельно. Даже в настоящее время, когда в наших руках вся окружающая среда с ее обитателями и растительностью, мы по-прежнему не забываем ни об одном из них. Что же помешало нам предпочесть какое-нибудь одно направление сельского хозяйства? Ответ, похоже, заключается в следующем. В условиях быстрого роста плотности населения расчет на снабжение его одним лишь мясом может привести к затруднениям, связанным с его количеством. Снабжение же населения только зерновыми культурами приведет к опасному ухудшению качества питания.

Можно предположить, что раз наши предки-приматы обходились без мясного, то на такое должны быть способны и мы. Лишь обстоятельства, связанные с окружающей средой, вынудили нас стать плотоядными, а теперь, превратившись в ее хозяев и имея в своем распоряжении хорошо отлаженное зерновое хозяйство, мы могли бы вернуться к рациону своих древних предков-приматов. По существу, это вегетарианская или, как называют себя представители одного культа, фрукторианская точка зрения, но она нашла удивительно мало сторонников. Потребность в мясе, по-видимому, укрепила в нас чересчур глубоко. Получив возможность иметь его у себя на столе, мы не желаем отказаться от такой привычки. Показательно, что вегетарианцы редко объясняют свой выбор тем, что предпочитают растительную пищу всякой другой. Напротив, они приводят самые мудреные доводы в свое оправдание, ссылаясь на неточные данные ученых-медиков и непоследовательность философов.

Вегетарианцы по убеждению обеспечивают себе сбалансированную диету, подобно типичным приматам, используя целую гамму продуктов растительного происхождения. Но для некоторых сообществ преимущественно постный стол стал суровой необходимостью, а не выбором этического меньшинства. С развитием техники выращивания зерновых и упором на несколько основных видов таких культур в некоторых обществах процветает культивирование низкосортных видов сельскохозяйственных растений. Благодаря большому количеству выращиваемых зерновых стало возможным значительное увеличение народонаселения, но его зависимость от немногих хлебных культур привела к неполноценному питанию. Такие люди способны размножаться в больших количествах, но их потомство будет плохо развитым физически. Они не живут, а существуют. Подобно тому как излишнее количество вооружений может привести к катастрофе, так и злоупотребление технологией выращивания сельскохозяйственных культур может привести к катастрофе иного характера. Сообщества, лишенные необходимого сбалансированного рациона, возможно, и сумеют выжить, но им придется преодолевать вредные побочные явления, обусловленные нехваткой протеинов, минералов и витаминов, если они хотят двигаться вперед и качественно развиваться. Во всех наиболее здоровых и передовых современных обществах придерживаются сбалансированной мясо-растительной диеты, и, несмотря на коренные перемены, которые произошли в области производства продуктов питания, прогрессивная голая обезьяна имеет сегодня в своем рационе, по существу, то же самое, что и ее древние предки – охотники. Отметим еще раз, что ее преобразование носит скорее видимый, чем реальный характер.

7

Забота о здоровье

Телу животного, непосредственно соприкасающемуся с внешней средой, здорово достается. Удивительно, как оно выдерживает такую трепку и сохраняется так долго. Это происходит благодаря чудесной системе восстановления тканей и, кроме того, благодаря тому, что животные выработали ряд особых приемов гигиены. Забота о своей наружности кажется нам пустяковым занятием по сравнению с кормежкой, борьбой за существование, бегством от противника и спариванием, но без такой заботы тело не могло бы надлежащим образом функционировать. Для таких существ, как мелкие птицы, уход за оперением – это вопрос жизни и смерти. Если перья у птицы запачкаются, она не сумеет достаточно быстро взлететь, чтобы не попасть в лапы хищника, и не сможет сохранять высокую температуру тела с наступлением холодов. Птицы целыми днями купаются, чистят перья, смазывают их, скребутся, причем эта процедура продолжительная и осуществляется в сложной последовательности. Млекопитающие не столь тщательны, но тем не менее подолгу чистятся, вылизывают себя, выщипывают шерсть, скребутся и трутся. Как и оперение, шерсть следует содержать в чистоте, чтобы животному было тепло. Если она свалется и запачкается, то увеличится риск заболеть. Необходимо как можно старательнее уничтожать насекомых, паразитирующих на коже. Правила эти относятся и к приматам.

Зачастую можно наблюдать, как обезьяны, живущие на свободе, ухаживают за своей внешностью, систематически чистят шерсть, извлекая из нее частицы омертвевшей кожи и посторонние предметы. Обычно обезьяны засовывают их в рот и проглатывают, во всяком случае пробуют на вкус. Такого рода занятия могут продолжаться много минут; создается впечатление, что животное очень увлечено. Периоды ухода за внешностью могут неожиданно сменяться почесыванием тех участков тела, которые являются очагами раздражения. Большинство млекопитающих скребутся только задними лапами, но обезьяны пускают в ход как передние, так и задние. Передние конечности обезьяны идеально подходят для этого занятия. Ловкие пальцы могут пройти по шерсти и с большой точностью определить место, которое беспокоит животное. По сравнению с когтями и копытами руки примата – идеальное приспособление для чистки. Но даже в этом случае две руки лучше, чем одна. И вот тут возникает проблема. Обезьяна может пустить в ход их обе, когда чистит ноги, бока или грудь, но ей не добраться до спины или самих рук. Кроме того, не имея зеркала, она не видит, что происходит, когда занята своей головой. Можно пустить в ход обе руки, но тогда придется действовать вслепую. Очевидно, что голова, спина и руки будут не так ухожены, как грудь, бока и ноги, если не придумать чего-нибудь особенного.

Решение проблемы – в социальном уходе, развитии взаимной дружеской помощи. Это можно наблюдать у многих видов птиц и млекопитающих, но особенно славятся такой взаимопомощью высшие приматы. У них разработана целая система сигналов, приглашающих оказать или получить такую помощь, и социальные «косметические» сеансы продолжаются долго и осуществляются с тщательностью. Когда обезьяна-«парикмахер» приближается к обезьяне-«клиенту», первая оповещает вторую о своих намерениях характерной гримасой. Она быстро-быстро причмокивает губами, зачастую высовывая язык между каждым причмокиванием. «Клиент» может сигнализировать о своей готовности принять услуги «косметолога», заняв расслабленную позу, возможно, подставляя ему для работы определенную часть тела. Как я уже объяснял в одной из предыдущих глав, причмокивание губами стало особым ритуалом, возникшим из повторяемых движений при чистке шерсти. Учащая эти движения и делая их более четко выраженными и ритмичными, стало возможно превратить их в бесспорный, хорошо заметный сигнал.

Поскольку социальный косметический уход является совместным, умиротворяющим видом деятельности, причмокивание стало сигналом дружелюбия. Если два животных хотят укрепить узы взаимной дружбы, то они могут это сделать, неоднократно ухаживая за внешностью друг друга, даже если внешний вид приятеля и не требует этого. По-видимому, нет связи между тем, сколько грязи на шкуре приятеля, и тем количеством труда, которое вложено

во взаимный уход. Похоже на то, что социальный уход за внешностью стал видом деятельности, который не зависит от первоначальных стимулов. Хотя такого рода деятельность по-прежнему имеет целью поддержание меха в чистоте, она теперь носит скорее социальный, чем косметический характер. Когда два животных находятся рядом в миролюбивой позе и ухаживают друг за другом, это укрепляет межличностные связи членов группы или колонии.

Из этой системы сигналов дружелюбия возникли два отвлекающих приема – один подобострастного характера, другой – покровительственного. Если более слабое животное боится более сильного, оно может ублажать последнего, причмокивая губами, а затем займется его мехом. Такой жест ослабляет агрессивность доминирующего животного и помогает подчиненному индивиду обрести его покровительство. За оказанные услуги ему позволяют остаться в «высоком присутствии». И наоборот, если доминирующий индивид желает утишить страхи более слабого животного, он может поступить таким же образом. Причмокивая губами, он может подчеркнуть, что совсем не агрессивен. Несмотря на свой внушительный вид, более сильное животное показывает, что не желает никому причинить вреда. Сигнал второго вида встречается реже, чем сигнал заискивания, просто потому, что в социальной жизни приматов востребован меньше. Редко бывает так, чтобы слабое животное имело нечто такое, что более сильное не могло бы при желании у него отобрать. Исключением из правил может быть случай, когда сильная, но бездетная самка захочет подойти к детенышу другой представительницы стада и приласкать его. При виде незнакомки малыш, естественно, пугается и прячется. В таких случаях мы можем наблюдать, как крупная самка пытается успокоить детеныша, причмокивая губами. Если такой жест успокаивает юное существо, то самка может приласкать его, потихоньку поглаживая малыша.

Если обратиться к нашему виду, то можно увидеть проявление этой свойственной приматам привычки и у нас. Но не просто в стремлении «навести марафет», но и в социальном контексте. Разумеется, разница в том, что у нас теперь нет роскошных природных шуб или меха, который нужно почистить. Когда две голые обезьяны встречаются и хотят укрепить свои дружеские отношения, они должны подыскать некое соответствие социальному уходу за внешностью знакомого, распространенному у приматов. Если мы изучим такие ситуации, в которых у других приматов можно было бы наблюдать взаимное наведение марафета, то любопытно провести сравнение. Прежде всего причмокивание губами заменила улыбка. Ее происхождение как специального детского сигнала уже обсуждалось. Мы видели, что, не имея возможности цепляться за шерсть матери, младенец должен был выработать какой-нибудь способ привлечь к себе внимание родительницы и ублажить ее. У взрослых улыбка стала превосходным заменителем сигнала, предлагающего знакомому заняться его внешностью. Но вот благосклонное внимание завоевано. Что же дальше? Установившийся контакт нужно поддерживать. Причмокивание подкрепляется «косметическими услугами», но что подкрепляет улыбку? Правда, улыбку можно повторить и сохранить ее и после того, как установлен первый контакт. Однако необходимо еще нечто такое, что задержит внимание партнера. Необходимо нечто вроде ухода за его внешностью и последующие действия. Простые наблюдения показывают, что выход найден – это звуки, облаченные в словесную оболочку.

Поведенческий образец разговора первоначально возник из возросшей необходимости во взаимообмене информацией. Начало ему дало обычное, распространенное среди животных явление бессловесной звуковой сигнализации, выражающей состояние того или иного индивида. Из характерного, дарованного млекопитающим природой репертуара, состоящего из ворчания и попискивания, возникла более сложная система заученных звуковых сигналов. Эти фонемы, их комбинации и сочетания комбинаций стали основой так называемой передачи информации. В отличие от более примитивных бессловесных сигналов, сообщающих о состоянии данного индивида, этот новый способ общения позволил нашим предкам указывать на предметы окружающей среды, а также на факты в прошлом, будущем и настоящем. По сей день передача информации остается наиболее важной для нашего вида формой звукового общения. Однако, возникнув, форма эта не остановилась в своем развитии. Она приобрела дополнительные функции, одна из которых – «обмен настроением». Строго говоря, это было излишне, поскольку бессловесные сигналы, оповещающие о состоянии того или иного индивида, утрачены не были. Мы до сих пор можем (и делаем это) передавать свои эмоции с

помощью первобытных, унаследованных от приматов криков и возгласов. Но словесными сообщениями о своих чувствах мы эти сигналы усиливаем. Болезненный стон тотчас сопровождается восклицанием: «Больно!» За сердитым рыком следует сообщение: «Как я зол!» Иногда бессловесный сигнал не выражается в чистом виде, а заменяется голосовым сигналом. Вместо слова «больно» мы ноем или вскрикиваем. Вместо фразы «как я зол!» слышится рев или рык. В таких случаях интонация так напоминает древний язык сигналов, используемый млекопитающими, что даже собака может понять значение того или иного звука, не говоря уже о нашем сородиче-иностранце. Сами слова, произносимые при этом, фактически излишни. (Попробуйте прорычать: «Хороший песик» или проворковать: «Плохая собака», и вы поймете, что я имею в виду.) В своей примитивной форме «обмен настроением» представляет собой лишь «выплескивание» словесных сигналов в область общения между индивидами, которая уже нами освоена. Ценность его – в тех дополнительных возможностях, которые он дает для более изысканного и точного оповещения о своем состоянии.

Третья форма вербализации – «разговор-изучение». Это беседа ради беседы, эстетическая беседа или, если угодно, «разговор-игра». Подобно другой форме передачи информации – изготовлению изображений, которое стало использоваться в качестве средства эстетического исследования, то же произошло и с разговором. Поэт возникал рядом с художником. Однако в настоящей главе речь идет о четвертой форме вербализации, которую очень удачно назвали «косметической беседой». Это малозначащая вежливая болтовня о событиях в социальной жизни типа «что за славная нынче погода!» или «какие книги вы прочли в последнее время?». Цель ее – не обмен важными мыслями или информацией. Она не отражает подлинного настроения говорящего, а также не доставляет эстетического удовольствия. Ее цель – усилить впечатление от приветственной улыбки и поддержать чувство общности. Это человеческий заменитель социальной «косметической службы» приматов. Предоставляя нам возможность мирно беседовать, подобное поведение позволяет в течение продолжительного времени общаться друг с другом, таким образом устанавливая и укрепляя важные групповые контакты и привязанности.

Любопытно наблюдать за развитием «косметической беседы» во время встречи в обществе. Самую главную роль она играет после завершения приветственного ритуала. Затем медленно затухает, но после того, как общество разбивается на отдельные группы, вспыхивает вновь. Если группа собралась с целью общения, то «косметические» разговоры могут, разумеется, продолжаться до тех пор, пока не будут исчерпаны все темы познавательных бесед, разговоров о настроениях и исследовательского характера. Хорошим примером является вечеринка. В таких случаях хозяин или хозяйка могут даже запретить гостям вести «серьезные» разговоры, то и дело прерывая затянувшиеся беседы и вовлекая гостей в «косметический разговор» с целью обеспечить максимальное общение приглашенных между собой. Таким образом, каждый гость всякий раз снова оказывается в состоянии «первоначального контакта», когда стимул к «косметическим разговорам» будет наиболее силен. Для успеха такого рода встреч нужно приглашать достаточное количество гостей, чтобы как можно больше лиц смогли перезнакомиться друг с другом, прежде чем вечеринка закончится. Это объясняет тот магический минимум посетителей, который автоматически устанавливается для подобных встреч. Во время званых обедов с ограниченным числом приглашенных возникает несколько иная ситуация. Тут можно наблюдать, как «косметические разговоры» сходят на нет, едва начинается обмен важной информацией. Однако прежде чем гости разойдутся, на некоторое время снова вспыхивает разговор о том о сем. Возобновляется обмен улыбками, и таким образом укрепляются взаимные контакты, которые будет проще возобновить при следующей встрече.

Если перенести наши наблюдения на более официальные деловые встречи, где главная цель – обмен информацией, то мы увидим, что «косметическим разговорам» придается меньшее значение, однако они не исчезают полностью. Здесь, как правило, они затеваются в начале и в конце встречи. Но в отличие от того, что происходит на званом обеде, после нескольких вежливых вступительных фраз такие беседы если и возобновляются, то лишь перед концом встречи, когда становится ясно, что приближается минута расставания. Вследствие сильного желания приступить к «косметическим разговорам», деловые группы обычно

вынуждены как-либо усугублять официальный характер своих встреч, чтобы подавить тягу к праздной болтовне. Именно этим и объясняется процедура создания комитетов для проведения конференций, где официальщина достигает такого уровня, с которым не сравнятся никакие другие встречи.

Хотя «косметические беседы» являются самой важной заменой социальной «косметической деятельности», это не единственный ее вид. Мы, со своей голой кожей, возможно, и не умеем посылать достаточно мощные сигналы. Зато к нашим услугам другие, более притягательные поверхности. Предметы одежды, ковры, мебель с пушистой или ворсистой поверхностью обивки зачастую пробуждают в нас желание лишний раз прикоснуться к ним. Еще более притягательны в этом отношении домашние животные-любимцы: мало кто из голых обезьян устоит перед соблазном погладить по спинке кота или почесать за ухом у собаки. Тот факт, что животное ценит ласку, является лишь частью награды «косметологу» за его усердие. Важнее то, что поверхность тела животного позволяет утолить наше первобытное, восходящее к приматскому прошлому, стремление кого-нибудь приглубить.

Что касается нас самих, то хотя наше тело лишено растительности, зато на голове предостаточно длинных, роскошных волос – чем не поле деятельности для «гладильщиков»? И шевелюра действительно становится объектом внимания – в гораздо большей степени, чем этого требуют соображения гигиены. Объектом внимания профессиональных косметологов – парикмахеров и мастеров по прическам. Никак не пойму, почему взаимное расчесывание не стало неотъемлемой частью наших встреч, происходящих в узком кругу. К чему было придумывать «косметические разговоры» и подменять ими более характерные для приматов взаимные косметические услуги, когда вы сосредоточиваете свое внимание на голове знакомого? По-видимому, ответ в том, что волосы имеют сексуальное значение. В настоящее время мужские и женские прически разительно отличаются друг от друга, тем самым как бы подчеркивая половую принадлежность их владельцев. Ассоциации сексуального характера неизбежно накладывают свой отпечаток на модели сексуального поведения, поэтому, поглаживая и лаская чьи-то волосы, мы как бы подчеркиваем эротический характер своего отношения к объекту нашего внимания, что не согласуется с его значением как простого жеста расположения, допускаемого в обществе. Поскольку не принято ухаживать за чьими-то волосами при встречах общих знакомых, следовало найти выход такому желанию. Поглаживая кошку или обивку дивана, мы можем удовлетворить нашу потребность ласкать, но желание быть обласканным требует особых обстоятельств, при которых его можно было бы удовлетворить. Такие обстоятельства создает наличие салонов причесок. Здесь клиент может сколько угодно ублажать себя, не опасаясь, что процедура будет ассоциироваться с каким-либо сексуальным подтекстом. Такого рода опасность устранена благодаря существованию особой категории профессиональных парикмахеров, совершенно не связанных с «племенной» группой знакомых между собой лиц. Опасность эта сводится до минимума благодаря тому, что парикмахеры-мужчины обслуживают мужчин, а мастерицы – женщин. Если же даму обслуживает мастер-мужчина, то он обычно придает себе женоподобный вид, несмотря на его подлинную сексуальную ориентацию. Мужчин почти всегда обслуживают мужчины; если же используется массажистка, то она, как правило, имеет мужеподобную внешность.

Уход за волосами выполняет три задачи. При этом не только очищаются волосы и удовлетворяется ваше желание, чтобы кто-нибудь о вас позаботился, но и улучшается внешний вид клиента. Среди голых обезьян принято украшать свое тело в сексуальных, агрессивных или иных целях; вопрос этот рассматривается в других главах. В настоящей главе, посвященной уходу за внешностью, он почти не затрагивается. Мы только отметили, что он, похоже, является следствием косметических операций. Татуировка тела, выбривание и выщипывание волос, маникюр, прокалывание мочек ушей и более примитивные виды членовредительства – все эти действия, на наш взгляд, восходят к элементарному уходу за внешностью. Однако если «косметические разговоры» позаимствованы и явились заменой «косметической деятельности», то здесь произошло обратное, и уход за внешностью стал использоваться в других целях. Действия, первоначально направленные на уход за внешностью с целью ее украшения, превратились в ее уродование.

Такого рода тенденцию можно наблюдать у животных, обитающих в неволе, в зоопарке.

Они приглаживают языком шерсть, вылизывают ее с такой силой, что местами выщипывают волосы догола, а то и наносят себе или своим сожителям небольшие раны. Такого рода излишняя забота о внешности – результат стресса или скуки, вызываемых условиями содержания животных. Вполне возможно, что такие же причины заставляют представителей нашей расы уродовать поверхность своего тела, чему способствует лишенная волосного покрова кожа. Однако в данном случае умение приспособливаться позволило нам использовать эту опасную и вредную для здоровья тенденцию как способ украшать себя.

Этот обычный метод ухода за кожей развился в другой, более важный вид деятельности – здравоохранение. Другие животные достигли в этом направлении незначительных результатов. Что же касается голой обезьяны, то увеличение диапазона медицинских услуг, ставших следствием социального поведения, заключающегося во взаимной заботе о внешности, оказал огромное влияние на успешное развитие нашей расы, особенно в последнее время. Зачатки такого поведения мы можем наблюдать у наших ближайших родственников – шимпанзе. Было замечено, что одна обезьяна, помимо того что ухаживала за внешностью другой, оказывала ей и услуги медицинского характера. Она тщательно осматривала небольшие повреждения кожи или ранки у своего сородича и вылизывала их дочиста. Зажав кожу «пациента» между двумя пальцами, обезьяна аккуратно вынимала из нее занозы. Однажды наблюдали, как самка шимпанзе, которой в левый глаз попала соринка, хныча и явно страдая, подошла к самцу. Тот сел и принялся внимательно разглядывать «пациентку». Затем очень осторожными и точными движениями кончиков пальцев принялся извлекать соринку. Это больше чем уход за внешностью сородича. Налицо первый симптом поистине взаимной заботы о здоровье. А описанный эпизод – просто вершина такой заботы. Что касается нашей расы, то, при наличии у нее высокого уровня сообразительности и взаимного сотрудничества, пример обслуживания подобного рода должен был положить начало технологии взаимной медицинской помощи. Современный мир медицины достиг такого высокого уровня развития, что стал, в социальных категориях, ярким свидетельством нашего поведенческого отношения к уходу за внешностью и здоровьем друг друга. Начав с решения незначительных проблем, медицина взялась за лечение серьезных недугов и значительных телесных повреждений. Ее достижения как биологического феномена уникальны. Она стала рациональной, но мы в известной мере упускаем из виду ее иррациональные элементы. Для того чтобы это понять, важно различать серьезные и тривиальные случаи недомогания. Подобно любому другому животному, голая обезьяна может совершенно случайно сломать ногу или заболеть инфекционной болезнью. Но когда речь идет о тривиальных недугах, выясняется, что они совсем не то, чем кажутся на первый взгляд. К незначительным недугам обычно относятся так, словно это всего лишь слабо выраженные варианты серьезных заболеваний. Однако существуют убедительные доказательства того, что в действительности они скорее обусловлены примитивным желанием, чтобы о тебе позаботились. Медицинские симптомы отражают поведенческую проблему, которая лишь приняла вид физической проблемы, в действительности ею не являясь.

Типичные примеры недомоганий, отражающих приглашение к «косметической деятельности», как можно было бы их назвать, – это кашель, простуда, грипп, прострел, мигрень, желудочное расстройство, сыпь, ангина, разлитие желчи, тонзиллит и ларингит. Состояние больного не внушает опасения, но оно достаточно неприятно, чтобы можно было рассчитывать на повышенное внимание к себе со стороны окружающих. Симптомы недомоганий действуют так же, как сигналы, приглашающие к «косметическому» уходу, и требуют внимания со стороны докторов, медицинских сестер, аптекарей, родственников и друзей. «Пациент» провоцирует их сочувствие и заботу, и зачастую одного этого достаточно, чтобы вылечить болезнь. Прием таблеток и лекарств заменяет древние «косметические» действия и создает впечатление занятости, которое поддерживает отношения между «косметологом» и его пациентом в продолжение всего этого этапа социального взаимодействия. Точный характер препаратов не имеет особого значения, так что на этом уровне нет большой разницы между действиями современных врачей и первобытных знахарей.

Возражение против подобного истолкования незначительных недомоганий наверняка будет основано на доказательствах существования в природе вирусов и бактерий. Ответ на него в том, что в любом городе все мы постоянно подвергаемся воздействию вирусов и бактерий, но

очень редко становимся их жертвами. Кроме того, одни индивиды в большей мере подвержены их воздействию, чем другие. Те представители нашего сообщества, которые весьма преуспевают или прекрасно приспособлены в социальном плане, редко страдают от болезней, при которых пациенту хочется, чтобы за ним поухаживали. Те же лица, у которых имеются временные или давнишние трудности социального характера, напротив, очень восприимчивы к ним. Самое любопытное – каким образом эти заболевания соотносятся с конкретными потребностями индивида. Допустим, некая актриса страдает от социальных стрессов. Что происходит в этом случае? Она теряет голос, у нее развивается ларингит, в результате чего она вынуждена прекратить работу и отдохнуть. О ней заботятся, за ней ухаживают. Социальные проблемы устранены (по крайней мере временно). Если бы у нее на теле появилась сыпь, то можно было бы прикрыть ее одеждой и продолжать работать, хотя социальные проблемы не исчезли бы. Но сравним ее ситуацию с ситуацией борца. Потеря голоса была бы для него неубедительным поводом к приглашению «косметолога», зато сыпь на теле была бы идеальным для этого предлогом. Именно на этот недуг чаще всего жалуются своим докторам труженики ковра. Забавный факт. Одна известная актриса, которая славится тем, что появляется на экране в чем мать родила, находясь в стрессовом положении, болеет не ларингитом. У нее на коже появляется сыпь. Поскольку ей, как и борцам, приходится обнажаться, она выбирает «атлетическое» заболевание, а не то, что свойственно другим актрисам.

Если потребность в утешении ярко выражена, то и заболевание становится более тяжелым. Больше всего заботы по отношению к себе мы видим в младенческие годы, когда лежим в своих детских кроватках. Поэтому достаточно тяжелый недуг, способный уложить нас в постель, имеет то преимущество, что как бы возрождает утешительное внимание, которое оказывали нам в детстве. Мы можем подумать, что принимаем сильную дозу лекарства, но в действительности нам нужна сильная доза безопасности, которая и вылечит нас. (Речи о симуляции нет. В симуляции нет необходимости. Симптомы болезни вполне реальны. К поведенческому характеру относится причина заболевания, а не его проявление.)

В той или иной степени все мы – неудавшиеся утешители и утешаемые, так что удовлетворение, которое можно получить от ухода за больным, столь же существенно, как и причина болезни. У некоторых индивидов потребность заботы о ближнем настолько велика, что они даже могут активно способствовать возникновению и продлению болезни у того или иного знакомого, лишь бы иметь возможность полнее удовлетворить свое стремление кого-то утешать. Таким образом может возникнуть порочный круг, где отношения между утешителем и утешаемым выходят за рамки разумного. Дело доходит до того, что больной превращается в хроника, требующего постоянного внимания (и получающего его). Если бы «взаимно утешающая пара» такого рода узнала бы правду относительно их поведения, она стала бы яростно ее отрицать. Тем не менее удивительно, какие чудесные исцеления подчас бывают в тех случаях, когда происходит важный социальный подъем в окружении «утешителя – утешаемого» (медицинской сестры – пациента). Целители иногда используют такую ситуацию с поразительным успехом, но, к сожалению, многие болезни, с которыми они сталкиваются, имеют физические причины и физические последствия. Против них также работает и то обстоятельство, что физические последствия «заболеваний, вызванных потребностью в утешении», носят поведенческий характер и могут легко нанести непоправимый вред организму, если будут достаточно продолжительными или ярко выраженными. Если такое произойдет, то понадобится серьезное рациональное лечение.

До сих пор я делал упор на социальных аспектах «утешительного» поведения представителей нашей расы. Как мы убедились, в этом направлении достигнуты большие успехи, но это не исключило и не заменило более простые способы самоочищения и самоутешения. Подобно другим приматам, мы по-прежнему чешемся, трем глаза, ковыряемся в своих болячках и зализываем раны. Как и они, обожаем солнечные ванны. Ко всему этому мы добавили ряд специальных, выработанных культурой приемов, наиболее распространенным из которых является умывание водой. Это редкое занятие у других приматов, хотя некоторые виды купаются время от времени. У нас же в большинстве сообществ оно имеет важное значение для гигиены тела.

Несмотря на явную пользу, частое умывание означает большую нагрузку на подкожные

железы, вырабатывающие антисептические и защитные масла и соли, что делает человеческий организм в известной степени более уязвимым к заболеваниям. Такой недостаток допускается лишь потому, что, смывая природные масла и соли, мы в то же время удаляем грязь, которая является источником заболеваний.

Помимо заботы о чистоте тела, общая категория образцов «утешительного» поведения включает деятельность по поддержанию требуемой температуры тела. Как и у всех млекопитающих и птиц, у нас выработалась постоянная температура тела, позволяющая нам значительно увеличить физиологическую эффективность организма. Когда мы здоровы, наша внутренняя температура изменяется в пределах 3° по Фаренгейту, независимо от температуры окружающей среды. Эта внутренняя температура колеблется в зависимости от времени суток, достигая максимума в конце дня и минимума – часа в четыре утра. Если окружающая температура становится слишком высокой или слишком низкой, мы тотчас испытываем заметный дискомфорт. Неприятные ощущения, которые у нас возникают, действуют наподобие системы раннего оповещения, требующей от нас принятия срочных мер для предотвращения опасного переохлаждения или перегрева внутренних органов. Помимо того что мы осознанно реагируем на перепады температуры, наш организм срабатывает автоматически и сам принимает меры для стабилизации теплового баланса. Если наружная температура становится слишком высокой, происходит расширение сосудов. Это увеличивает поверхность охлаждения и способствует снижению температуры. Кроме того, происходит обильное потоотделение. У каждого из нас имеется около двух миллионов потовых желез. При высокой наружной температуре они способны выделить до литра пота в час. Испарение этой влаги с поверхности тела обеспечивает еще один полезный вид тепловых потерь. В процессе приспособления к более высоким температурам окружающей среды у нас резко усиливается потоотделение. Это жизненно важно, потому что даже в условиях самого жаркого климата наше тело может выдержать увеличение внутренней температуры лишь на $0,4^{\circ}$ по Фаренгейту, независимо от нашей расовой принадлежности.

Если наружная температура становится слишком низкой, мы реагируем на это сужением сосудов и дрожью. Сужение сосудов способствует сохранению телом тепла, а при дрожи вырабатывается в три раза больше тепла, чем в состоянии покоя. Если кожа подвергается сильному переохлаждению, то длительное сужение сосудов приведет к обморожению. В области кистей у нас имеется важная противообмораживающая система. Кисти рук первыми реагируют на сильный холод резким уменьшением диаметра кровеносных сосудов; затем, минут через пять, происходит обратный процесс: сосуды расширяются, руки становятся горячими и краснеют. (Всякий, кто играл зимой в снежки, может это подтвердить.) После этого процессы сужения и расширения сосудов продолжают сменять друг друга. Сужение уменьшает тепловые потери, а расширение препятствует обморожению. У лиц, постоянно живущих в холодных климатических условиях, вырабатывается способность к акклиматизации, в том числе несколько повышенный темп обмена веществ.

По мере распространения нашей расы по поверхности земного шара, в биологических механизмах контроля температуры возникли существенные, культурно обусловленные изменения. Использование огня, теплоизоляции домов, появление одежды стали средствами сохранения тепла, а вентиляторы и кондиционеры используются для борьбы с перегревом. Но как бы впечатляющи и значительны ни были эти достижения, они несколько не изменили температуру наших внутренних органов, неизменную с эпохи приматов. Они лишь послужили средством адаптации нашего тела к внешней температуре.

Прежде чем покончить с проблемой реагирования на температурные изменения, следует отметить еще один момент, связанный с потоотделением. Подробные исследования показали, что реакции потоотделения не настолько просты, как это может показаться на первый взгляд. Большинство областей поверхности тела начинают обильно потеть при сильной жаре, что, несомненно, является первой реакцией системы потовых желез. Однако некоторые участки реагируют на воздействие иного вида, и потоотделение может происходить там независимо от окружающей температуры. К примеру, после употребления сильно приправленных специями блюд потеет лицо. В стрессовом состоянии у нас потеют ладони, подошвы, подмышки, а иногда и голова, но не другие части тела. И тут наблюдаются известные различия. Ладони и подошвы

потеют иначе, чем подмышки и лоб. Первые два участка реагируют только на ситуации, связанные с эмоциями, в то время как два последних – как на эмоциональное, так и на температурное воздействие. Отсюда понятно, что кисти и ступни «заимствовали» потоотделение у системы контроля температуры и теперь используют ее в новом функциональном контексте. Увлажнение ладоней и подошв ног в стрессовых ситуациях, похоже, стало характерным признаком сигнала «готов ко всему», который вырабатывается организмом в случае угрозы опасности. Когда мы плюем на ладони, прежде чем взяться за топор, то это в известном смысле физиологическая реакция, аналогичная вышеупомянутому процессу.

Потение ладоней может наблюдаться и у целых сообществ и даже народов, если их групповой безопасности что-то угрожает. Во время политического кризиса, когда неожиданно усилилась угроза ядерной войны, от всех видов экспериментов, связанных с потением ладоней, проводившихся в одном научно-исследовательском институте, пришлось отказаться, поскольку основной уровень реакции настолько отличался от нормы, что дальнейшие опыты были бы бессмысленны. Если гадалка изучает наши ладони, то едва ли она сумеет точно предсказать наше будущее; если же это сделает физиолог, то он наверняка определит, чего нам следует страшиться в ближайшие годы.

8

Животные

До сих пор мы изучали отношение голой обезьяны к себе и себе подобным, то есть внутривидовое поведение. Остается изучить ее межвидовое поведение, то есть ее действия относительно других животных.

Все высшие животные знают о существовании некоторых других видов, населяющих вместе с ними среду обитания. В зависимости от возникающих между ними отношений эти виды разделяются на пять категорий: жертвы, симбионты, конкуренты, паразиты и хищники. С точки зрения нашего вида их можно свалить в одну кучу под одной категорией «экономического» подхода к животным, к которому можно прибавить научный, эстетический и символический подходы. Этот широкий диапазон интересов определил наше межвидовое отношение, которое уникально для мира животных. Для того чтобы разобраться в нем и понять его объективно, мы должны рассматривать это отношение шаг за шагом, аспект за аспектом.

В силу ищущей и приспосабливающейся природы голой обезьяны перечень ее жертв огромен. В том или ином месте, в то или иное время она убивала и поедала почти всех животных, которых вам вздумается назвать. Изучая доисторические ископаемые останки, мы установили, что около полумиллиона лет назад лишь на одном участке местности она охотилась на бизонов, лошадей, носорогов, оленей, медведей, овец, мамонтов, верблюдов, страусов, антилоп, буйволов, кабанов и гиен. Составлять наше меню для более поздних времен было бы бессмысленно, однако нужно отметить одну особенность нашего поведения как хищников, а именно – нашу склонность к одомашниванию некоторых видов своих жертв. Хотя мы готовы при случае полакомиться всем, что, на наш взгляд, съедобно, мы все-таки ограничились несколькими основными видами животных.

Разведение животных, включая организованный контроль и селекцию своих жертв, как известно, практикуется в течение как минимум десяти тысяч лет, а возможно, и того дольше. По-видимому, первыми домашними животными были овцы и олени. Затем, с появлением оседлых сельскохозяйственных сообществ, к этому списку добавились свиньи, крупный рогатый скот, в том числе азиатский буйвол и як. Мы располагаем данными, что уже четыре тысячи лет назад разводили определенные породы крупного рогатого скота. В то время как козы, овцы и олени из преследуемой добычи сразу же превратились в пасомую добычу, свиньи и крупный рогатый скот, согласно существующей гипотезе, начали свое знакомство с человеком как грабители злаковых полей. Как только человек стал разводить злаковые культуры, эти животные решили воспользоваться богатыми запасами пищи, но попали в неволю к первым земледельцам.

Единственным мелким млекопитающим-жертвой, одомашнивание которого оказалось

продолжительным, был кролик. Наиболее важными видами птиц, подвергшимися одомашниванию тысячи лет назад, были куры, гуси и утки, а позже – в небольших количествах – к ним прибавились фазаны, цесарки, перепела и индейки. Единственными породами рыб, имеющими древнюю историю одомашнивания, являются угорь, карп и золотистый карась. Однако последний вскоре стал декоративным, а не гастрономическим видом рыбы. Разведение этих пород ограничено двумя последними тысячелетиями и сыграло лишь незначительную роль в общей истории нашего организованного хищнического существования.

Ко второй категории в нашем перечне межвидовых отношений относятся симбионты. Симбиоз – это совместное взаимовыгодное существование особей двух видов. В животном мире известно много примеров такого рода, наиболее знаменитым из которых является партнерство между птицами и некоторыми крупными копытными, такими как носорог, жираф и буйвол. Птицы поедают насекомых, паразитирующих на коже животных, помогая последним сохранить здоровье, в то время как животные обеспечивают их пищей.

В тех случаях, когда мы являемся участниками симбиотической пары, она, эта пара, имеет тенденцию весьма заметно склоняться в нашу пользу, несмотря на взаимную выгоду отношений. И все-таки это отдельная категория, отличающаяся от более жестоких взаимоотношений между жертвой и хищником, поскольку она исключает смерть одного из партнеров. Мы эксплуатируем животных, но они получают корм и заботу. Это неравноправный симбиоз, поскольку мы контролируем ситуацию, а наши партнеры-животные обычно имеют небольшой выбор в данном вопросе, а то и вовсе никакого.

Наиболее древний симбионт в нашей истории – это, разумеется, собака. Нельзя сказать с уверенностью, когда именно наши предки впервые начали приручать это полезное животное, но, похоже, не менее чем десять тысячелетий назад. История ее приручения увлекательна. Дикие, похожие на волков, предки домашней собаки, должно быть, являлись серьезными конкурентами наших предков-охотников. И те и другие стаями охотились на крупную дичь и поначалу никакого расположения друг к другу не питали. Однако дикие собаки обладали некоторыми качествами, которых не было у наших охотников. Они успешно окружали и гнали добычу в процессе охоты, причем делали это с большой скоростью. Они также обладали более развитым обонянием и слухом. Если их качества удалось бы использовать в обмен на долю убитой добычи, то это была бы удачная сделка. Каким-то образом – как именно, неизвестно – такая сделка состоялась, и возникла межвидовая связь. Возможно, все началось с того, что в логово племени принесли молодых щенков для откорма на пищу. Но вскоре было установлено, что это бдительные ночные сторожа, и подобное открытие решило их судьбу. Те особи, которых приручили и оставили в живых, позволив им сопровождать мужчин в охотничьих вылазках, вскоре показали свою прыть во время преследования зверя. Выращенные в домашних условиях собаки вскоре стали считать себя членами стаи голых обезьян и начали инстинктивно сотрудничать со своими приемными вожаками. Селективным выращиванием в течение нескольких поколений непослушные были ликвидированы, и появилась новая, улучшенная порода все более сдержанных и послушных домашних собак-охотников.

Была выдвинута гипотеза, что именно такое развитие отношений человека и собаки позволило нашим предкам приступить к одомашниванию копытных. Козы, овцы и олени были в известной мере приручены еще до развития полномасштабного сельского хозяйства, и улучшенная порода собаки рассматривается как важный фактор, сделавший это возможным: собаки помогали людям окружать и сгонять животных в стадо. Исследование повадок нынешних собак-овчарок и диких волков обнаружило много сходства между ними, что явилось убедительным доказательством в пользу высказанной гипотезы.

В более поздний период с помощью интенсивной селекционной работы был получен целый ряд специальных собак-симбионтов. Первобытная многоцелевая охотничья собака помогала человеку на всех этапах операции, но ее более поздние потомки усовершенствовали определенные аспекты богатого набора их качеств. Отдельные собаки с необычно развитыми способностями подвергались инбридингу с целью усилить эти способности. Как мы уже видели, особи, умеющие хорошо маневрировать, стали пастушьими собаками, задача которых состояла главным образом в том, чтобы сгонять одомашненных животных (овчарки). Другие, наделенные особо чувствительным обонянием, стали разводиться как гончие, работающие по

следу. Третьи, развивающие большую скорость, стали гончими, работающими по зрению. Четвертые предназначались для обнаружения добычи. Использовалась и развивалась их способность «сделать стойку», то есть замереть, обнаружив добычу (сеттеры и пойнтеры). С целью борьбы с вредителями и грызунами выращивались мелкие породы собак (терьеры). Первобытные сторожевые собаки были генетически усовершенствованы и превратились в собак-охранников (мастифы).

Помимо этих широко распространенных пород с помощью селекции выращивались собаки для выполнения самых необычных задач. Наиболее характерным примером такого рода является бесшерстная собака первобытных индейцев – голая собака с необычайно высокой температурой кожи, которая использовалась для обогрева жилища.

В более поздние времена симбиотическая собака зарабатывала себе на пропитание в качестве ездовой, тащившей сани или тележки, а во время войны – в качестве связиста и искателя мин. Собака использовалась при спасательных работах для поиска под снегом альпинистов; как полицейская собака, отслеживающая и задерживающая преступников; как собака-проводник, поводырь слепых и даже как заменитель космонавтов. Ни одно другое симбиотическое животное не выполнило для нас столько сложных и разнообразных задач. Даже сегодня, при всех наших технических достижениях, собака по-прежнему активно используется в самых разных целях. Сотни пород, которые можно выделить, являются чисто декоративными животными, однако собакам, по-видимому, предстоит выполнить еще немало серьезных задач.

Собака оказалась столь успешным спутником охотника, что предпринималось очень мало попыток приручить для этой цели другие виды животных. Единственным заметным исключением являются гепард и некоторые хищные птицы, в особенности сокол, но ни в том, ни в другом случае успеха в управляемой селекции достигнуто не было. Всякий раз требовалось индивидуальное обучение животного. В Азии в качестве активного помощника рыбака используется баклан – птица-ныряльщик. Яйца баклана собирают и подкладывают под курицу-наседку. После этого птенцов кормят из рук и заставляют ловить рыбу, привязанную к бечевке. Рыба доставляется птицей к лодке и отрывается, поскольку бакланам надевают специальные воротники, не позволяющие им глотать добычу. Но и здесь не предпринималось никаких попыток усовершенствовать потомство птиц с помощью селекции.

Другой древней формой эксплуатации животных является использование мелких млекопитающих для борьбы с сельскохозяйственными вредителями. Такая их деятельность нашла применение лишь с развитием зерноводства. С появлением крупных зернохранилищ грызуны стали серьезной проблемой. Понадобились услуги животных, уничтожающих таких вредителей. На помощь пришли кошки, хорьки и мангусты. В первых двух случаях удалось полное одомашнивание животных и их селекция.

Пожалуй, наиболее важным видом симбиоза явилось использование некоторых крупных видов млекопитающих в качестве вьючных животных. К ним относятся лошади, онагры (азиатские дикие ослы), ослы (африканские дикие ослы), крупный рогатый скот, включая буйволов и яков; северные олени, верблюды, ламы и слоны, которые активно эксплуатируются. В большинстве случаев их дикие виды «улучшались» путем селекции. Исключением явились онагр и слон. В качестве вьючного животного онагр использовался древними шумерами свыше четырех тысяч лет назад, но стал ненужным с появлением более послушного животного – лошади. Хотя слон до сих пор используется как рабочее животное, он всегда представлял собой слишком большую проблему для животновода и никогда не применялся в качестве объекта селекции.

В следующую категорию одомашненных животных входит целый ряд видов, используемых как источник продовольствия. Таких животных не убивают, поэтому они не могут считаться жертвами. Они используются как бы частично: коров и коз доят, овец и альпак стригут, у кур и уток берут яйца, у пчел – мед, у шелкопряда – шелковую нить.

Помимо этих важных категорий животных – помощников на охоте, уничтожителей грызунов, вьючных животных, поставщиков продуктов питания, – в симбиотические отношения с нашим видом вступили существа, которые выполняли своеобразную роль. Прирученный голубь использовался как почтальон. Удивительная способность этой птицы

находить дорогу домой применялась в течение многих тысячелетий. Эта взаимосвязь стала настолько важной во время войн, что был разработан контрсимбиоз: стали обучать соколов перехватывать крылатых связистов. Совсем в другом контексте в течение многих лет селективно выращиваются сямские боевые рыбы и петухи бойцовых пород. Ученые-медики широко используют в качестве подопытных животных морских свинок и белых крыс.

Вот каковы главные симбионты – животные, которые были вынуждены стать своего рода партнерами нашей изобретательной расы. Их преимущество в том, что они перестали быть нашими врагами. Число таких симбионтов быстро растет, успешно увеличивая количество обитателей нашей планеты. Но успех этот вполне заслуженный. Цена, которую они заплатили, – их эволюционная свобода. Они утратили свою генетическую независимость, и хотя их хорошо кормят и лелеют, животные эти стали объектами наших селекционных капризов.

В третью большую категорию животных, после жертв и симбионтов, входят наши конкуренты. Любой вид животного, который является нашим соперником в борьбе за пищу или пространство или мешает нам жить надлежащим образом, беспощадно уничтожается. Перечислять такие виды не имеет смысла. Фактически любое животное, которое не годится в пищу или бесполезно как симбионт, подвергается нападению и ликвидируется. Процесс этот продолжается в настоящее время во всех частях света. Когда речь идет о второстепенных конкурентах, то борьба с ними ведется не систематически, зато у серьезных соперников шансов выжить мало. В прошлом наши ближайшие родственники-приматы представляли собой самых опасных соперников, поэтому не случайно, что мы оказались единственными из нашего семейства, кто уцелел. Другими нашими серьезными конкурентами были крупные плотоядные. Они также уничтожались в тех случаях, когда плотность человеческого населения увеличивалась выше определенного уровня. Например, в Европе почти не осталось крупных плотоядных, если не считать огромной кишачей массы голых обезьян.

Что касается четвертой крупной категории – паразитов, – то их перспективы на будущее еще более мрачны. Здесь борьба становится еще ожесточеннее, и если мы можем оплакивать погибшего привлекательного на вид конкурента в борьбе за пищу, то никто и слезинки не прольет из-за сократившегося количества блох. По мере развития медицинской науки опасность, которую представляют собой паразиты, сходит на нет. Но появляется новая угроза для всех других видов животных, так как с исчезновением паразитов и укреплением нашего здоровья население может увеличиться с еще более поразительной быстротой, что подчеркивает необходимость устранения и менее опасных наших конкурентов.

Пятая категория – хищники – также должна исчезнуть. Мы никогда не являлись главным компонентом меню животных, и число представителей нашего рода, насколько нам известно, ни на одном этапе нашей истории никогда значительно не сокращалось из-за хищников. Такие крупные хищники, как большие кошки, дикие собаки, большие крокодилы, акулы и крупные хищные птицы время от времени лакомились человеческим мясом, но дни их явно сочтены. Забавно, что самый опасный для нас убийца (за исключением паразитов), ответственный за наибольшее число человеческих смертей, не может пожрать добытое мясо. Этот смертельный наш враг – ядовитые змеи. Как мы убедимся позднее, именно они стали наиболее ненавистными для нас представителями животного мира.

Эти пять категорий межвидовых отношений – жертва, симбионт, конкурент, паразит и хищник – существуют и среди других видов. По существу, мы в этом смысле не уникальны. Наши отношения заходят гораздо дальше, но это те же самые типы отношений. Как я уже отмечал ранее, их можно свалить в одну кучу и обозначить как «экономический подход к животным». Кроме того, мы выработали и такие подходы, как научный, эстетический и символический.

Научный и эстетический подходы представляют собой проявление нашей безудержной тяги к исследованиям. Любопытство заставляет нас изучать все природные явления, и поэтому животный мир, естественно, находится в центре нашего внимания. Для зоолога все животные одинаково интересны (во всяком случае, так должно быть). Для него не существует ни плохих, ни хороших видов. Он изучает все ради них самих. Эстетический подход подразумевает, по сути, также исследование, но в иной системе координат. Здесь изучается огромное количество

форм животных, их расцветки, модели поведения, перемещения; они рассматриваются исследователем как прекрасные создания, а не системы для анализа.

Символический подход – совсем иного рода. Тут не идет речи ни об экономике, ни об исследованиях. Животные используются как воплощения понятий. Если тот или иной вид выглядит свирепым, то он становится военным символом. Если животное выглядит неуклюжим и милым, то становится символом детства. На самом ли деле оно свирепо или мило – не имеет особого значения. Его подлинная природа в данном контексте не изучается, поскольку подход не научный. «Милое» животное может быть оснащено целым арсеналом острых как бритва зубов и злобным, агрессивным характером. Но если эти его качества не бросаются в глаза, а милая внешность – бросается, то оно вполне приемлемо как идеальный символ детства. Нам не нужно, чтобы торжествовала справедливость, когда речь идет о символическом животном; важно сделать вид, что она торжествует.

Символическое отношение к животным сначала называлось «антропоидоморфическим» подходом. К счастью, это уродливое слово было позднее сокращено до «антропоморфического» – слова, которое по-прежнему неуклюже, но в настоящее время широко применяется. Оно неизменно применяется с оттенком презрения; некоторые ученые считают, что вправе относиться к нему пренебрежительно. Они ведь должны сохранить свою объективность любой ценой, если хотят с пользой для дела изучать животный мир. Но это не так просто, как нам кажется.

Помимо осознанных решений использовать формы животных как идолов, как образы и эмблемы, существуют подспудные течения, постоянно влияющие на нас, заставляя рассматривать других тварей как наши карикатурные изображения. Даже самый чопорный ученый может воскликнуть, обращаясь к своей собаке: «Привет, старина!» Хотя ему прекрасно известно, что животное не понимает его слов, он не может устоять перед соблазном. Какова природа этого антропоморфизма и почему так трудно преодолеть его влияние? Почему одни создания заставляют нас восхищенно восклицать «ах!», а другие – плевать? Это нетривиальная задача. Здесь заключена масса межвидовой энергии современной культуры. Мы страстно любим одних животных и столь же страстно ненавидим других, и такое к ним отношение невозможно объяснить, исходя лишь из экономических или познавательных соображений. Очевидно, в нас срабатывает какая-то необъяснимая реакция на характерные сигналы, которые мы от них получаем. Мы внушаем себе, что воспринимаем животное как таковое. Заявляем, что оно очаровательно, неотразимо или отвратительно, но что именно делает его таким в наших глазах?

С целью получить ответ на этот вопрос мы прежде всего должны обратиться к фактам. Что именно с позиций нашей культуры представляет собой любовь и ненависть к животному и как они изменяются в зависимости от нашего возраста и пола? Чтобы прийти к убедительным выводам, понадобились широкомасштабные исследования данной проблемы. С этой целью были опрошены 80 000 британских детей в возрасте от четырех до четырнадцати лет. Во время телевизионной передачи из зоопарка им были заданы элементарные вопросы типа: «Какое животное тебе нравится больше всего?» В результате была проведена среднестатистическая рандомизация, получено 12 000 ответов на каждый вопрос и проведен их анализ.

Как же распределились ответы по каждой категории животных? Данные таковы: 97,15 % назвали самым любимым то или иное млекопитающее. Птицы составили всего 1,6 %, рептилии 1,0 %, рыбы 0,1 %, беспозвоночные 0,1 % и амфибии – 0,05 %. Очевидно, предпочтение, отданное млекопитающим, имеет какое-то объяснение.

(Следует отметить, что ответы на вопрос были представлены в письменном, а не в устном виде, поэтому подчас было трудно идентифицировать то или иное животное по его названию, в особенности когда отвечали дети младшего возраста. Достаточно легко было разобраться в том, кто такие левы, коники, ведимеди, пенигины, патеры, таперы и леопольды. Зато понять, что это за звери – «энукасуки», «прыгающий дракон», «потам» или «коко-кола», нам не удалось. От регистрации названий этих очаровательных существ, к большому сожалению, пришлось отказаться.)

Если сократить количество любимых детьми животных до десяти, то они располагаются в следующем порядке: 1. Шимпанзе (13,5 %); 2. Мартышка (13 %); 3. Лошадь (9 %); 4. Галаго

(8 %); 5. Панда (7,5 %); 6. Медведь (7 %); 7. Слон (6 %); 8. Лев (5 %); 9. Собака (4 %); 10. Жираф (2,5 %).

Бросается в глаза, что предпочтение тому или иному животному вовсе не обусловлено экономическими или эстетическими причинами. Перечень десяти наиболее важных с экономической точки зрения видов животных имел бы совсем иную форму. Существа эти не обладают ни красивой внешностью, ни яркой окраской. Наоборот, в числе наиболее предпочтительных животных мы находим существ довольно неуклюжих, неповоротливых, с непритязательной внешностью. Зато в них много черт, делающих их схожими с людьми. Именно эти характеристики и учитываются детьми, когда они делают свой выбор. Происходит это на бессознательном уровне. Каждое из перечисленных животных наделено определенными чертами, напоминающими наши собственные, а на них мы реагируем автоматически, не осознавая, что именно привлекает нас в них. Самые главные антропоморфические черты десяти наиболее популярных животных следующие:

1) наличие шерсти, а не перьев или чешуи; 2) округлые очертания (шимпанзе, мартышка, галаго, панда, лев); 3) плоское лицо (шимпанзе, мартышка, галаго, медведь, панда, лев); 4) владение мимикой (шимпанзе, мартышка, лошадь, лев, собака); 5) умение манипулировать мелкими предметами (шимпанзе, мартышка, галаго, панда, слон); 6) в известном смысле или в определенные моменты вертикально ориентированное положение тела (шимпанзе, мартышка, галаго, панда, медведь, жираф).

Чем большим количеством перечисленных характеристик обладает то или иное животное, тем оно предпочтительнее. Те существа, которые не относятся к млекопитающим, не могут рассчитывать на популярность, потому что плохо соответствуют перечисленным характеристикам. Среди птиц наиболее высокий рейтинг у пингвина (0,8 %) и у попугая (0,2 %). Пингвин чаще других птиц находится в вертикальном положении. Попугай сидит на насесте, занимая более вертикальное положение, чем большинство птиц. Есть у него и другие преимущества. Очертания клюва придают его голове более плоскую форму, чем у остальных пернатых. Он и ест необычно, поднимая лапу ко рту, а не наклоняя голову вниз. Кроме того, он может подражать человеческой речи. Ущерб его популярности наносит то обстоятельство, что при ходьбе птица принимает горизонтальное положение и таким образом уступает по баллам шагающему вразвалку пингвину.

Что касается наиболее популярных млекопитающих, то тут следует отметить ряд важных моментов. К примеру, почему из кошачьих в список попал один лишь лев? По-видимому, потому, что только у льва-самца косматая голова. В результате морда его кажется плоской (это видно на детских рисунках, изображающих «царя зверей») и способствует популярности.

Особенно большое значение имеет мимика, в чем мы уже убедились в предыдущих главах, поскольку она – основная форма визуальной информации у представителей нашего вида. Однако сложная мимика бывает лишь у немногих видов животных – это высшие приматы, лошади, собаки и кошки. Не случайно пять наиболее популярных из них относятся именно к этой категории. Изменения мимики указывают на перемены в настроении индивида, а это обеспечивает общение между животным и нами, хотя мы и не всегда умеем определить точное значение того или иного выражения.

Что касается умения манипулировать предметами, то в этом смысле слон и панда уникальны. У панды в результате эволюции образовалась продолговатая кисть, с помощью которой животное может захватывать тонкие стебли бамбука, которыми и питается. Таких конечностей нет ни у одного другого представителя животного мира. Своей кистью плосконогая панда способна удерживать мелкие предметы и подносить их ко рту, находясь в сидячем положении. С антропоморфической точки зрения это обстоятельство добавляет ей баллы. Слон также запросто захватывает мелкие предметы своим хоботом – этим своеобразным придатком – и несет их ко рту.

Вертикальное положение, характерное для нас, сообщает антропоморфический характер любому другому животному, которое в состоянии принять его. Приматы, находящиеся в десятке самых популярных животных, в подобном положении могут иногда вставать и даже двигаться, правда, довольно неуверенно. Жираф, благодаря своему уникальному анатомическому сложению, в известном смысле всегда вертикален. Собака, которая в силу ее

социального поведения занимает столь высокое положение, в антропоморфическом плане несколько разочаровывает. Она безнадежно горизонтальна. Не желая терпеть фиаско, мы, с нашей изобретательностью, нашли выход и тут и научили собаку «служить». В своем стремлении придать человеческие черты бедному животному мы пошли еще дальше. Сами бесхвостые, мы вздумали рубить (купировать) ему хвост. Сами плосколицые, с помощью селекции мы видоизменили ему морду. В результате у многих пород собак лица стали неестественно плоскими. Наши антропоморфические желания столь настойчивы, что мы готовы удовлетворить их даже ценой ухудшения эффективности собачьих зубов. Но тут мы должны одернуть себя: ведь это же сугубо эгоистическое отношение к своим верным друзьям! Мы смотрим на них не как на животных, а как на отражение самих себя. Если же зеркало слишком искажает нас, то мы его или деформируем, или выбрасываем вон.

На вопрос, каких животных они любят больше остальных, отвечали дети от четырех до четырнадцати лет. Если рассортировать ответы по возрасту отвечавших, то обнаружатся любопытные закономерности. С увеличением возраста детей наблюдается устойчивый спад в предпочтении определенным животным. В отношении других мы видим стабильный рост.

Неожиданное открытие состоит в том, что налицо заметная связь с одной из характеристик животного, которому отдается предпочтение, а именно – с его размерами. Дети помоложе предпочитают более крупных животных, дети постарше – тех, что поменьше. Для наглядности мы можем сравнить цифры, касающиеся двух самых крупных животных (слона и жирафа) и самых маленьких (галаго и собаку). Слон, средний рейтинг которого составляет 6 %, имеет популярность 15 % у четырехлетних детей, которая постепенно уменьшается до 3 % среди четырнадцатилетних. Аналогичная картина наблюдается и с жирафом: популярность – 10 %, падает до 1 %. Иначе обстоит дело с галаго. Если лишь 4,5 % четырехлетних малышей отдает предпочтение этому животному, то цифра эта, постепенно увеличиваясь, достигает 11 % у четырнадцатилетних подростков. Популярность собаки увеличивается с 0,5 % до 6,5 %. Что касается животных средних размеров, входящих в «призовую десятку», то их популярность, по существу, остается неизменной.

Подводя итоги, мы можем сформулировать два принципа. Первый из них гласит: популярность животного прямо пропорциональна количеству антропоморфических свойств, которыми оно обладает. Второй таков: возраст ребенка находится в обратной пропорции к размерам животного, которого он предпочитает.

Как же можно объяснить второй закон? Поскольку предпочтение основано на некоем символическом уравнении, простейшее объяснение состоит в том, что маленькие дети видят в животных как бы замену родителей. Недостаточно только того, чтобы животное напоминало представителя нашего вида, оно должно соответствовать еще и определенной категории. Когда ребенок совсем мал, родители для него – самые главные заступники. Они занимают основное место в его сознании. Это большие добрые животные – и поэтому большие добрые существа легко ассоциируются с образами родителей. По мере того как ребенок растет, он начинает самоутверждаться, соперничать с родителями. Видит себя как бы хозяином положения, контролирует его, но жирафа или слона контролировать ему трудно. Поэтому излюбленное животное должно уменьшиться в размерах. Преждевременно повзрослевший ребенок как бы сам становится родителем, а животное символизирует его собственного ребенка. Владеть животным становится важным для него. Возникает своеобразный «детский парентализм». Не случайно животное, прежде известное как галаго, стало называться bushbaby (дитя зарослей). (Родителям следует иметь в виду, что тяга к обзаведению животным-любимцем появляется у ребенка лишь тогда, когда он становится старше. Они совершают грубую ошибку, даря животных маленьким детям, которые издеваются над ними или рассматривают их как вредителей.)

Из второго закона, касающегося предпочтения тому или иному животному, есть важное исключение. Оно касается лошади. Отношение к лошади двояко. Анализируя его связь с увеличением возраста детей, мы наблюдаем постепенный рост ее популярности, за которым следует столь же плавное ее снижение. Пик популярности этого животного совпадает с наступлением половой зрелости у детей. Анализируя отношение к лошади со стороны разных полов, мы видим, что среди девочек она в три раза популярнее, чем среди мальчиков. Ни одно

другое животное не может даже отдаленно сравниться по популярности у девочек. Совершенно очевидно, что в таком отношении к этому благородному созданию есть нечто необычное, и это требует особого изучения.

Особенность лошади в настоящем контексте заключается в том, что на нее можно сесть верхом. Ни с одним из остальных десяти видов животных, которым отдается предпочтение, проделать этого нельзя. Если мы присовокупим к этому наблюдению то, что пик популярности лошади совпадает с наступлением периода пубертации и что тяга к ней связана с либидо, мы вынуждены заключить, что в реакции на лошадь просматривается явно выраженный элемент сексуальности. Если провести параллель между позой всадника и позой полового партнера, то кажется странной большая тяга девушек к лошади. Ведь лошадь – сильное, мускулистое, наделенное решительным нравом животное и поэтому больше подходит к роли мужчины. Верховая езда, если рассматривать ее объективно, это продолжительная серия ритмичных движений с широко раздвинутыми ногами при тесном соприкосновении с телом животного. Привлекательность коня для девушки, по-видимому, заключается в сочетании его мужественной природы с позой всадницы и ее ощущениями. (Следует подчеркнуть, что речь идет о детях в целом. Из каждых одиннадцати один ребенок предпочитает лошадь всем остальным животным. Но лишь незначительная часть этого малого количества действительно желает иметь пони или лошадь. Те, у кого они имеются, скоро выясняют, сколько удовольствия доставляет им такое приобретение. Если в результате они становятся пылкими приверженцами конного спорта, то причины этого отнюдь не связаны с обсуждавшимися проблемами.)

Остается объяснить спад популярности лошади с наступлением половой зрелости у опрошенных. Казалось бы, с усилением сексуальности следует ожидать увеличения, а не снижения интереса к этому животному. Ответ мы можем получить, если сравнить кривую любви к лошади с кривой игры в секс у детей. Они удивительно точно совпадают. Может показаться, что с усилением сексуальности и скрытности, окружающей сексуальность подростков, тяга к лошади ослабевает вместе с ослаблением стремления к явно эротической «возне». Показательно, что в этот момент у них спадает и интерес к мартышкам. У многих мелких обезьян слишком бросаются в глаза их половые органы, а также большие розовые припухлости, носящие явно сексуальный характер. Для малолетнего ребенка это не имеет никакого значения, поэтому остальные антропоморфические особенности этих животных продолжают привлекать его. Но детей старшего возраста чересчур заметные гениталии обезьян смущают, что и обуславливает спад популярности приматов.

Вот как обстоит дело у детей с симпатиями к тем или иным животным. Что касается взрослых, то реакция их бывает различной и сложной, но лежащий в ее основе антропоморфизм остается неизменным. Серьезные натуралисты и зоологи сожалеют по этому поводу, но если полностью осознать, что символическая реакция такого рода ничего не говорит нам о подлинной природе различных животных, о которых шла речь, то они приносят совсем небольшой вред и обеспечивают необходимый выход эмоциям.

Прежде чем рассматривать обратную сторону проблемы – изучение неприязненного отношения, следует ответить на одно критическое замечание. Можно было бы утверждать, что результаты, обсуждавшиеся выше, имеют чисто культурное значение и не представляют никакого интереса для всей нашей расы. Что касается конкретных видов животных, это правда. Для того чтобы отреагировать на панду, необходимо знать, существует ли она вообще. Но суть не в этом. Выбор панды может быть определен в категориях культуры, однако причины этого выбора отражают происходящий при этом более глубокий процесс, в большей степени обусловленный биологическими причинами. Если бы исследования повторились в условиях иной культуры, то иными были бы и животные, которым отдается предпочтение. Однако они выбирались бы в соответствии с нашими основными символическими потребностями. Первый и второй закон привлекательности животных по-прежнему имел бы силу.

Если обратиться к животным, представляющим «предмет ненависти», то можно провести аналогичный анализ. Десять наиболее ненавидимых животных таковы:

1. Змея (27 %); 2. Паук (9,5 %); 3. Крокодил (4,5 %); 4. Лев (4,5 %); 5. Крыса (4 %); 6. Скунс (3 %); 7. Горилла (3 %); 8. Носорог (3 %); 9. Гиппопотам (2,5 %); 10. Тигр (2,5 %).

Трех животных объединяет общее качество: они опасны. Крокодил, лев и тигр – хищники

и убийцы. Горилла, носорог и гиппопотам могут запросто стать убийцами, если их спровоцировать. Скунс ведет ожесточенную химическую войну. Крыса – вредитель, распространяющий болезни. Змеи и пауки бывают ядовитыми.

Большинство этих животных лишены антропоморфических черт, характерных для десяти наиболее популярных видов животных. Лев – единственное животное, которое встречается в обоих перечнях. Неоднозначное отношение к этому хищнику объясняется уникальным сочетанием в нем привлекательных антропологических черт и явно выраженной жестокости натуры. Горилла в полной мере наделена человеческими свойствами, но, к несчастью для нее, благодаря строению морды всем кажется, что она постоянно находится в агрессивном состоянии. Это всего лишь результат анатомических особенностей животного, который вовсе не связан с его подлинной (довольно миролюбивой) природой. Однако в сочетании с огромной физической силой такая внешность превращает его в идеальный символ дикой и грубой силы.

Самая поразительная особенность десятка наиболее ненавистных животных в том, что на первом месте стоят змея и паук. Обстоятельство это нельзя объяснить только существованием их опасных видов. Тут вовлечены иные факторы. Анализ причин, объясняющих ненависть к этим тварям, показывает, что змей не любят за то, что они «скользкие и грязные», а пауки производят отталкивающее впечатление из-за того, что они «волосатые и ползучие». Получается, что или они имеют некое важное символическое значение, или же мы имеем дело с врожденной реакцией, цель которой избегать встреч с этими существами.

Змею издавна считали фаллическим символом. Являясь ядовитым фаллосом, она олицетворяла нежелательное соитие, что отчасти объясняет непопулярность этого создания. Однако этим объяснение не исчерпывается. Если мы исследуем нелюбовь к змеям у детей от четырех до четырнадцати лет, то выяснится, что пик их непопулярности приходится на довольно ранний возраст, задолго до наступления пубертатного периода. Даже в четырехлетнем возрасте уровень неприязни к змеям высок – около 30 %, затем он чуть увеличивается и достигает максимума в шесть лет. С этой поры он плавно понижается, к четырнадцати годам составляя много меньше 20 %. Разница между реакцией полов незначительная, хотя разница у девочек на каждом уровне немного четче обозначена, чем разница у мальчиков. Похоже, пубертация не оказывает никакого влияния на реакцию у того или иного пола.

На основании этих данных нам трудно воспринимать змею лишь как воплощенный сексуальный символ. Вероятнее всего, мы имеем дело с присущим нам врожденным неприятием змееобразных существ. Это могло бы объяснить раннее возникновение реакции, а также ее необычно высокий уровень по сравнению с симпатиями и антипатиями ко всем другим животным. Это согласовывалось бы с тем, что нам известно о наших ближайших родственниках – шимпанзе, гориллах и орангутанах. Эти животные испытывают сильный страх перед змеями, и он рано начинает проявляться. Этого не бывает у очень молодых обезьян, зато наблюдается в полной мере, когда им исполняется всего несколько лет и они начинают совершать непродолжительные вылазки, оказавшись без материнской опеки. Совершенно ясно, что для них реакция отвращения нужна для выживания. То же самое, должно быть, случилось и с нашими первобытными предками. Несмотря на это, выдвигались гипотезы, будто бы реакция на змей не является врожденной, а представляет собой культурное явление – следствие индивидуального обучения. Молодые шимпанзе, выросшие в ненормальных условиях изоляции, якобы не проявили признаков страха, впервые столкнувшись со змеями. Однако эти эксперименты не очень убедительны. В ряде случаев шимпанзе, которые впервые подвергались тестированию, были слишком молоды. Если бы это произошло несколько лет спустя, то, вполне вероятно, реакция была бы иной. Возможно также, что последствия изоляции оказались настолько тяжелыми, что молодые подопытные животные были фактически умственно неполноценными. Подобные эксперименты основываются на ошибочном восприятии характера врожденных реакций, которые не развиваются в условиях неволи независимо от окружающей среды. Их необходимо рассматривать как враждебную восприимчивость. Что касается реакции на змей, то, возможно, необходимо, чтобы детеныш шимпанзе или ребенок столкнулся с рядом объектов, вызывающих страх, в самом раннем детстве и научился негативно воспринимать их. Тогда при встрече со змеей врожденный инстинкт проявился бы в виде более энергичной реакции на этот стимул, чем на другие. Страх перед змеей оказался бы намного сильнее

остальных страхов, и такая диспропорциональность и стала бы врожденным фактором. По-другому трудно объяснить ужас, вызываемый видом змеи, а также невероятную ненависть к змеям, которую мы испытываем.

Реакция детей на пауков возникает несколько иначе. Разные полы относятся к ним явно по-разному. У мальчиков от четырех до четырнадцати лет ненависть к паукам усиливается с возрастом, но незначительно. У девочек интенсивность реакции аналогичная, но с наступлением пубертатного возраста она резко усиливается и к четырнадцати годам вдвое превышает реакцию со стороны мальчиков. По-видимому, здесь мы имеем дело с важным символическим фактором. В категориях эволюции ядовитые пауки для мужского пола столь же опасны, как и для женского. Возможно, у обоих полов существует врожденная реакция на этих тварей, а возможно, и нет, однако это никак не объясняет взрыв ненависти к паукам, который наблюдается у девочек с наступлением пубертатного периода. Единственный ключ к разгадке – это неоднократное высказывание девочек о том, что пауки – противные волосатые существа. Пубертация – это такой период в жизни подростка, когда на теле как мальчика, так и девочки начинает появляться растительность. Детям волосы на теле должны казаться элементом мужественности. Но появление растительности на теле девочки оказывает на нее (бессознательное) неприятное воздействие, в отличие от мальчика. Длинные ноги паука больше похожи на волосинки и более заметны, чем у других насекомых, как, например, у мухи, и в результате он явился бы идеальным символом для такой роли. Таковы симпатии и антипатии, которые мы испытываем, когда встречаем или разглядываем отличных от нас животных. В сочетании с нашими экономическими, научными и эстетическими интересами они участвуют в уникальном и сложном межвидовом сотрудничестве, которое изменяется по мере того, как мы становимся старше.

Подводя итоги, можно сказать, что существует семь этапов межвидовых взаимоотношений. Первый этап – это *детская стадия*, когда мы полностью зависим от своих родителей и сильно реагируем на очень больших животных, относясь к ним как к символам, олицетворяющим родителей. Второй этап – *детско-родительская стадия*, когда мы начинаем соперничать своим родителями и сильно реагируем на маленьких животных, которых можем использовать как заместителей детей. Это возраст, когда обзаводятся домашними животными. Третий этап – это *объективная предшествующая взрослению стадия*, на которой над символами начинают преобладать исследовательские интересы как научного, так и эстетического характера. Это период ловли жуков, работы с микроскопом, коллекционирования бабочек и разведения в аквариуме рыбок. Четвертый этап – *юношеская родительская стадия*. Это момент, когда самыми важными для нас животными являются представители противоположного пола нашего вида. Пятый этап – *взрослая родительская стадия*. Здесь символические животные снова входят в нашу жизнь, однако в качестве любимых игрушек наших детей. Шестая – это *постродительская стадия*, когда дети от нас уходят и мы можем снова обратиться к животным, которые заменяют нам детей. (Когда речь идет о бездетных взрослых, использование ими животных как заместителей детей может начаться и раньше.) Наконец мы приближаемся к седьмому этапу. Это – *старческая стадия*, которая характеризуется повышенным интересом к защите и сохранению животных. На этом этапе наш интерес сосредоточивается на тех видах животных, которым грозит уничтожение. Привлекательны они на вид или имеют отталкивающую внешность, полезны они или бесполезны – все это не имеет большого значения, лишь бы их число было невелико и постоянно сокращалось. Например, становящиеся все более редкими носорог и горилла, которых так не любят дети, становятся на этом этапе центром внимания пожилых людей. Этих животных необходимо «спасать». Символическая формула здесь достаточно очевидна: стареющему индивиду самому грозит исчезновение, поэтому он использует редких животных как символы его собственного неизбежного конца. Его эмоциональная озабоченность тем, чтобы спасти их от исчезновения, отражает желание продлить собственное существование.

Интерес к проблемам, связанным с животными, в последние годы стал в известной мере достоянием и более молодых групп населения, очевидно, как результат создания чрезвычайно мощных видов ядерного оружия. Его огромный разрушительный потенциал угрожает людям независимо от возраста, причем существует вероятность немедленного уничтожения, поэтому у

всех нас имеется эмоциональная потребность в существовании животных, которые служили бы своего рода символами редкости.

Приведенное наблюдение не следует рассматривать как намек на то, что это единственная причина необходимости сохранять диких животных. Существуют вполне убедительные научные и эстетические обоснования поддержки тех видов животных, судьба которых складывается неблагоприятно. Если мы хотим и впредь наслаждаться богатством и разнообразием животного мира и использовать диких животных в качестве объектов научных и эстетических исследований, то должны оказать им поддержку. Если же мы допустим их исчезновение, то обедним окружающую среду самым бездарным образом. Будучи существами, которым свойственна страсть к изучению окружающего мира, мы едва ли можем позволить себе лишиться столь ценного источника материала для наших исследований.

Обсуждая проблемы сохранения животных, нередко ссылаются и на экономические факторы. Отмечают, что разумная охрана и контролируемое использование диких животных могут поддержать население отдельных регионов мира, испытывающее протеиновый голод. Это вполне верно при решении кратковременных задач, но долгосрочный прогноз сулит мрачное будущее. Если народонаселение будет увеличиваться с нынешней пугающей быстротой, то придется выбирать между нами и ими. Независимо от того, насколько животные эти ценны в символическом, научном или эстетическом плане, экономическая ситуация будет против них. Это факт, от которого не уйти. Когда плотность нашего населения достигнет определенного уровня, для других обитателей планеты не останется места. Тот аргумент, что они представляют собой важный источник пищи, к сожалению, при ближайшем рассмотрении не выдерживает критики. Гораздо рациональнее самим есть растительную пищу, чем кормить ею животных, а затем питаться их мясом. По мере того как потребность в жизненном пространстве будет увеличиваться, придется принимать еще более радикальные меры и питаться синтезированными продуктами. Если мы не сумеем колонизировать в массовых масштабах другие планеты и уменьшить нагрузку на нашу или каким-нибудь образом сократить рост народонаселения, то в не слишком отдаленном будущем нам придется ликвидировать всех остальных обитателей земли.

Если для кого-то это звучит мелодраматично, то взгляните на следующие цифры. В конце XVII столетия в мире обитало всего 500 миллионов голых обезьян. Теперь³ население мира составляет 3 миллиарда. Каждые сутки оно увеличивается на 150 тысяч. (Власти, ответственные за межпланетную эмиграцию, сочтут эту цифру чересчур внушительной.) Через 260 лет, если темпы роста населения сохранятся неизменными (что маловероятно), на поверхности земли будет топтаться гигантская толпа голых обезьян – 400 миллиардов. Выходит, что на каждую квадратную милю земной поверхности будет приходиться 11 тысяч индивидов. Иначе говоря, та плотность, которую мы сегодня наблюдаем в самых крупных городах планеты, распространится на все ее уголки. Каковы будут последствия этого для всех видов диких животных, вполне очевидно. Результаты подобного демографического взрыва будут столь же неутешительны и для нас самих.

Не стоит слишком беспокоиться насчет этой кошмарной картины: вероятность ее превращения в действительность незначительна. Как я неоднократно подчеркивал, несмотря на все наши технические достижения, в биологическом смысле мы по-прежнему представляем собой весьма элементарное явление. При всех наших грандиозных идеях и высоком самомнении, мы скромные существа, повинующиеся законам поведения животных. Задолго до того, как население нашей планеты достигнет уровня, указанного выше, нам придется нарушить столько законов, управляющих нашей биологической природой, что мы перестанем существовать как господствующий вид. Нам свойственны непонятное благодушие, уверенность в том, что этого никогда не произойдет, что у нас какая-то особенная судьба, что мы выше законов биологии. Но это не так. Многие замечательные виды животных перестали существовать в прошлом, не являемся исключением и мы. Рано или поздно нам придется сойти со сцены и уступить дорогу иным существам. Если мы хотим, чтобы это произошло как можно

³ Книга написана в 1967 г. – Прим. пер.

позже, то должны посмотреть долгим, пристальным взглядом на себя как на биологические объекты и попытаться понять свои недостатки. Потому-то я и написал эту книгу; потому-то преднамеренно дал нам обидное название «голые обезьяны» вместо того, которым мы обычно обозначаем себя. Это помогает сохранять чувство реальности и вынуждает приглядеться к тому, что происходит под поверхностью нашей жизни. В своем запале я, возможно, несколько переусердствовал. Можно было бы произнести уйму хвалебных слов в наш адрес, рассказать о многих замечательных свершениях. Не сделав этого, я неизбежно нарисовал однобокую картину. Мы необычный вид существ, и я не хочу этого отрицать или преуменьшать наши достижения. Но об этом говорилось слишком часто. Когда бросают монету, всегда кажется, что выпадет «орел», но я подумал, что самое время перевернуть ее и взглянуть на «решку», ее обратную сторону. К сожалению, мы так могущественны и так удачливы по сравнению с другими животными, что находим изучение нашего неприятия прошлого в известной мере обидным для себя. По этой причине я не рассчитываю на благодарность за мой труд. Наш подъем наверх оказался скорым и успешным, напоминающим историю богатых выскочек. Подобно всем нуворишам, мы весьма болезненно относимся к изучению нашего прошлого. Как и они, мы постоянно боимся огласки.

Есть и оптимисты, которые уверены, раз уж мы достигли такого высокого уровня умственного развития и наделены такой тягой к изобретательству, так умеем приспособливаться, что сможем видоизменить образ жизни и сумеем соответствовать любым требованиям, налагаемым на нас быстро растущим статусом нашей расы. Дескать, когда придет время, мы сумеем справиться с проблемой перенаселенности, эмоциональными перегрузками, утратой своей уединенности и независимости наших поступков, сможем переделать свои поведенческие модели и жить наподобие гигантских муравьев; научимся преодолевать свои агрессивные и собственнические чувства, сексуальные побуждения и родительские импульсы; если мы сможем стать обезьянами, выращенными в инкубаторах, то сумеем все это сделать; наш разум сможет подавить все древние биологические инстинкты. Думаю, что все это ерунда. Наша примитивная животная натура не потерпит этого. Конечно, мы приспособленцы. Конечно, мы умеем принаравливаться к обстоятельствам. Но и для этого существуют жесткие ограничения. Подчеркивая в этой книге наши биологические особенности, я попытался показать характер этих ограничений. Неукоснительно признавая их, руководствуясь ими, мы получим больше возможностей выжить. Это не наивный призыв «Назад, к природе!». Просто мы должны согласовать возможности, предоставляемые нашими умственными способностями, со своими основными поведенческими требованиями. Мы должны тем или иным образом улучшать качество, а не количество. Если мы это сделаем, то сможем развивать технический прогресс самым неожиданным и удивительным образом, не отказываясь от своей эволюционной наследственности. Иначе лежащие под спудом биологические инстинкты будут усиливаться до тех пор, пока плотину не прорвет и все наше хитроумно обустроенное существование не унесет потоком прочь.

Людской зверинец

Предисловие

Более четверти века прошло с тех пор, как впервые была опубликована книга «Людской зверинец» (The Human Zoo). За это время население Земли удвоилось – с трех миллиардов до шести, и эти чудовищные темпы роста продолжают неуклонно увеличиваться. В результате все более многочисленные толпы людей переполняют города – эти огромные «людские зверинцы». Как ни печально, но проблема, которую я затронул, в настоящее время стала еще более острой, поэтому я счастлив, что теперь книга переживает свое второе рождение⁴.

⁴ Впервые книга была опубликована в 1969 г., второе издание увидело свет в 1996 г. – *Ред.*

За время, прошедшее между первым и вторым изданиями, я не преминул воспользоваться шансом поближе рассмотреть некоторые наиболее показательные особенности «людского зверинца». Когда телекомпания Би-би-си решила взять мою книгу за основу одной из своих новых программ, на съемках я познакомился с последними достижениями урбанизации. В трущобах Бомбея, самых страшных трущобах мира, я увидел, насколько могут быть спрессованы человеческие жилища, — даже самые допотопные клетки для животных по сравнению с ними кажутся роскошными апартаментами. В Токио миниатюризация жилья дошла до такой степени, что номера в некоторых гостиницах представляют собой эдакие забавные капсулы, куда проживающие втискиваются, как в коконы, и чувствуют себя все равно что в гробу, оснащенном кондиционером и кабельным телевидением.

В Лос-Анджелесе я исследовал самые недра гангстерских районов и убедился, что междоусобные распри вовсе не канули в Лету. Самый большой город на Земле (сейчас его площадь равна половине Бельгии) поделен разными группировками на сектора с четкими и неприкосновенными границами. Червь первобытного племенного строя во всей красе процветает в самом центре этого огромного гниющего яблока под названием «мегаполис». Древние пещерные картины и доисторические наскальные росписи сменились современным граффити, первобытные копья — автоматическими пистолетами; ритуальным шрамам на коже теперь предпочитают модные татуировки, а разноцветным перьям на голове — стильные футболки. Все племенные признаки и родовые связи, вроде бы начавшие возрождаться во всепоглощающей паутине города, теперь снова искоренены и превратились в малопонятные законы территориальных группировок. Кое-кто считает, что это признак разрушения, но для живущих в городах сопротивление превращению в безликих насекомых громадного, битком набитого человеческого муравейника стало вопросом жизни и смерти.

Мы, как представители класса млекопитающих, всегда будем бороться за право любой ценой сохранить свою самобытность в животном мире. Есть города, жизнь в которых даже воодушевляет на эту борьбу, способствуя образованию разнообразных местных группировок на любой вкус. Тот, кто еще не решил вопрос о своей принадлежности к одной из них, скоро поймет, что тонкая пленка цивилизации вот-вот будет содрана и разорвана в клочья. Горькая правда такова, что если не найдется *конструктивного* решения этого вопроса, то обязательно найдется *деструктивное*. Градостроители не понимают, что стены и заборы разукрашивают из аэрозольных баллончиков не просто так: гектары серых бетонных плит — это то, что отличает мегаполис от деревни.

Дилеммы «людского зверинца» вовсе не из тех, что решаются сами собой. На последние цифры, характеризующие «период удвоения» (промежуток времени, за который население Земли увеличивается вдвое), просто страшно смотреть. «Период удвоения» для Западной Европы вроде бы приемлемый — 700 лет (и даже 100 лет для Соединенных Штатов — тоже неплохо), так что, казалось бы, проблема перенаселенности отступает на второй план. Но дело в том, что положение вещей в остальной части планеты совершенно иное: например, в Африке «период удвоения» равняется всего лишь 24 годам. Что будет на Африканском континенте через сто лет, догадаться нетрудно, и, если не принять особых мер предосторожности, нам придется давать новое определение понятию «мировой хаос».

В конце 1960-х годов, работая над этой книгой, я как раз отмечал десятилетие своей деятельности в качестве куратора зоопарка. Изучение повадок зверей, заключенных в маленькие клетки, натолкнуло меня на мысль провести параллель между зверинцем и городом. Я увидел в этих пленниках вольеров тех замкнутых и скованных городских жителей, которых каждый день встречаю на улицах.

Любопытно, что с тех пор стало набирать силу некоторое недовольство сложившейся ситуацией, зародилось и росло год от года движение за освобождение зверей. Все больше людей считали ошибкой заключение животных за решетки, и количество посетителей зоопарков снизилось до рекордной отметки. В какой-то степени это связано с тем, что общество начало понимать необходимость заботы о «братьях наших меньших», но мне все-таки кажется, что это — символ неумолимого прогресса, молчаливое осознание необходимости заботы о других пленниках вольеров — обитателях «людского зверинца». Не оттого ли мы так страстно желаем выпустить львов и слонов на свободу, что сами в душе стремимся вырваться из тех

клеток, которые построили для себя в наших стремительно растущих городах?

На самом-то деле никакой потребности откуда-то вырываться нет, и в этом вы убедитесь, прочитав мою книгу. Есть только необходимость превратить городские условия в более подходящие для жизни многострадальных горожан. Если это получится, то нам посчастливится, сохранив все прелести городского существования, одновременно наслаждаться жизнью первобытного человека (разумеется, настолько, насколько нам это позволит мозг высшего существа).

Введение

Когда плотность населения в современном мире стала невыносимой, обеспокоенные городские жители начали частенько сравнивать свои переполненные города с каменными джунглями. Такое описание особенностей жизни в тесной городской среде довольно красочно, но в то же время глубоко ошибочно, что подтвердит любой, кому довелось изучать настоящие джунгли.

В нормальных условиях, в естественной среде обитания, дикие животные никогда не станут калечить друг друга, мастурбировать, воевать с детьми, зарабатывать себе язву желудка, страдать от навязчивых идей или ожирения, образовывать гомосексуальные пары или убивать друг друга. Не стоит лишний раз напоминать, что среди жителей города все это не редкость. Но в этом ли разница между человеком и другими животными? На первый взгляд – вроде бы да, но это заблуждение. Другие животные действительно могут вести себя подобным образом, но только в определенных ситуациях, а точнее – когда их помещают в неестественные условия неволи. Дикое животное, находясь в клетке, демонстрирует все эти известные нам аномалии точно так же, как и наши сородичи. Совершенно очевидно, что город – вовсе не каменные джунгли, а настоящий людской зверинец.

Сравнивать нужно не городского жителя и дикого зверя, а горожанина и зверя в клетке. Современный человек давно уже не живет в условиях, естественных для своего вида. Попавший в сети собственного ума, а вовсе не плененный каким-то владельцем зоопарка, он заперся в огромном беспокойном зверинце, где постоянно рискует надорваться от перенапряжения.

Несмотря на невыносимые условия, преимущества такой жизни очевидны. Мир зверинца, подобно гигантскому папаше, защищает своих обитателей: еда, вода, крыша над головой, средства гигиены и медицинская помощь обеспечены; основные проблемы выживания сведены до минимума, и появляется свободное время. Как это время проводят обитатели зоопарка, зависит, конечно, от вида животного. Одни звери тихонько отдыхают, подремывая на солнышке; другие же находят длительное безделье абсолютно неприемлемым. Если вы являетесь обитателем людского зверинца, то неизбежно оказываетесь среди представителей второй группы. Обладая чрезвычайно пытливым и изобретательным умом, вы просто не способны отдыхать долгое время. Вас распирает от стремления снова и снова находить себе какое-нибудь непростое занятие. Вы вечно что-то исследуете, организовываете, творите и в конце концов обнаруживаете, что из трясины зверинца уже не выбраться. С каждым новым сложным действием вы оказываетесь на один шаг дальше от своего естественного племенного состояния, которым ваши предки наслаждались в течение миллионов лет.

История современного человека есть история его борьбы с последствиями такого тернистого продвижения. И без того запутанная ситуация осложняется еще больше в какой-то степени из-за того, что мы играем в ней двойную роль, являясь одновременно и зрителями, и актерами. Возможно, она немного прояснится, если мы посмотрим на нее глазами зоолога, что, собственно, я и собираюсь сделать на страницах этой книги. В большинстве случаев я намеренно привожу примеры, знакомые только западному читателю, но это вовсе не означает, что мои заключения касаются лишь культуры западных стран. Напротив, каждый из примеров демонстрирует, что все изложенные ниже принципы в равной мере применимы к проблемам горожан всего мира.

Если вам кажется, что я говорю: «Вернитесь! Впереди вас ждет катастрофа!», поверьте – я не имею в виду ничего подобного. В своем непреодолимом стремлении к социальному

прогрессу мы необъяснимым образом дали волю необузданным исследовательским порывам, составляющим основную часть нашего биологического наследия. В них нет ничего искусственного, ничего неестественного, эти порывы – источник нашей огромной силы, но и причина нашей слабости тоже. Я пытаюсь показать, какую цену нам приходится платить за потакание им и какую изобретательность мы вынуждены проявлять, чтобы ухитриться расплатиться по счету, каким бы заоблачным он ни был. Ставки растут непрерывно, игра становится все более рискованной, потери – все более ощутимыми, дыхание с каждым шагом все тяжелее, но, как бы то ни было, мир еще не видел более интересной и захватывающей игры несмотря на всю ее рискованность. Глупо было бы пытаться ее остановить, дав финальный свисток; тем не менее играть в нее можно по-разному, и если бы мы научились лучше понимать истинные чувства игроков, то, возможно, смогли бы извлечь из этой игры большую пользу, причем не подвергая себя еще большей опасности и избегнув катастрофических последствий для всего живого.

1

Племена и суперплемена

Представьте себе островок суши – двадцать миль в длину и двадцать в ширину: дикое место, населенное разным зверьем, большим и маленьким. А теперь вообразите компактную группу из шестидесяти человеческих существ, разбивших лагерь в самом центре этой территории. Попробуйте представить себя в качестве члена этого крошечного племени, – вы сидите и любуетесь бесконечными просторами, раскинувшимися на много миль вокруг. На всей этой территории нет никого, кроме вас и ваших соплеменников. Это ваша земля, ваши угодья. Мужчины вашего племени охотятся здесь, женщины собирают фрукты и ягоды, детишки с воплями носятся по лагерю, играя в охоту. Если жизнь племени складывается удачно и число его членов увеличивается, то скоро какая-нибудь отдельная группа двинется в путь для освоения новых территорий. Мало-помалу племя будет расти и люди будут заселять все новые и новые земли.

Представьте себе островок суши – двадцать миль в длину и столько же в ширину. Расцвет цивилизации, дома и машины. А теперь вообразите компактную группу из шести миллионов человеческих существ, обитающих в самом центре этой территории, и представьте себя частицей этого огромного бурлящего города.

А теперь сравните эти две картины. На каждого индивидуума из первого сюжета приходится по сто тысяч человеческих существ из второго, а ведь территория осталась прежней. С точки зрения эволюции такие катастрофические изменения произошли практически мгновенно, потребовалось всего несколько тысяч лет, чтобы картина номер один превратилась в картину номер два. Человеческое существо вроде бы превосходно приспособилось к абсолютно новым для него условиям жизни, но ему не хватило времени для того, чтобы изменить свою биологическую структуру и развиваться в новый, генетически цивилизованный вид млекопитающего. Этот процесс становления цивилизованного индивидуума уже полностью завершен, человек прошел необходимое обучение и практику, так что с точки зрения биологического строения он остается все тем же членом племени из первого сюжета. Так он жил не несколько веков, а на протяжении целого миллиона нелегких лет, хотя в течение этого времени биологически он все-таки изменился. Он прошел впечатляющее эволюционное развитие: постоянная борьба за выживание сделала свое дело и сформировала его как вид.

За последние несколько тысяч лет развития процесса урбанизации и роста уровня цивилизованности человека произошло так много всего, что даже не задумываешься о том, что это – всего лишь ничтожная часть истории жизни людей. Мы привыкли к смутному ощущению постепенного роста и в результате – к своей полной биологической готовности к борьбе с новыми социально опасными факторами, но, если мы заставим себя совершенно объективно оценить ситуацию, нам придется признать, что на самом деле это вовсе не так. Такие ощущения зародились в наших сердцах только благодаря нашей потрясающей изворотливости и удивительной способности приспосабливаться. Простой первобытный охотник надевает новую охотничью амуницию и изо всех сил старается носить ее с легкостью и гордостью, но она

настолько тяжела и громоздка, что он постоянно путается в своих одеждах. Однако прежде чем исследовать, почему ему так неудобно и отчего он все время теряет равновесие, мы должны выяснить, как при этом ему удастся оставаться образцом цивилизованности.

Для начала придется понизить температуру окружающей среды, чтобы оказаться снова во власти ледникового периода, скажем, двадцать тысяч лет назад. Наши древние предки уже с успехом заселили большую часть Старого Света и скоро отправятся в поход из Восточной Азии в Новый Свет. Следует иметь в виду, что их простая жизнь охотников лучше всего подходила для осуществления такой экспансии. И неудивительно, что никто не считает мозг наших предков времен ледникового периода таким же крупным и высокоразвитым, как мозг человека XX столетия, хотя строением скелета мы, в сущности, не отличаемся. Современный человек уже появился на сцене истории. Собственно говоря, если бы была возможность с помощью машины времени переместить младенца из ледникового периода в свой дом и воспитывать его как своего, вряд ли кто-нибудь заметил бы разницу.

Климат в Европе был жесток, но наши предки вполне справлялись с этим. С помощью простейших приспособлений они могли охотиться на огромных диких животных. К счастью, они оставили нам многочисленные свидетельства своего охотничьего мастерства не только в виде отдельных предметов, найденных в пещерах, но и в виде примитивной наскальной живописи. Силуэты косматых мамонтов, мохнатых носорогов, бизонов и оленей, изображенные на стенах, не оставляют сомнений во враждебности природы тех времен. Выбравшись сегодня из темных пещер мегаполиса и ступив на раскаленную солнцем землю загородного участка, трудно себе представить ее заселенной этими волосатыми чудовищами. Конечно же, сразу задумываешься о разнице температур тогда и сейчас.

В конце ледникового периода льды начали отступать на север, и звери, предпочитающие холодный климат, двинулись вместе с ними. Пышные лесные массивы пришли на смену ландшафту холодной тундры. Долгая ледниковая эпоха закончилась около десяти тысяч лет назад и положила начало новому этапу эволюции человечества.

Перевороту суждено было случиться там, где встречаются Африка, Азия и Европа. Здесь, на востоке Средиземноморья, произошли некоторые изменения в методах добычи людьми пропитания – изменения, которые коренным образом повлияли на весь дальнейший процесс эволюции человечества. Как таковые они были совершенно тривиальными и незначительными, но эффект от них был колоссальным. Сегодня мы принимаем эти методы как нечто само собой разумеющееся и называем их сельским хозяйством.

Раньше во всех человеческих племенах люди наполняли свои желудки одним или двумя способами: мужчины охотились в поисках мяса, а женщины собирали съедобную растительность. Рацион был сбалансирован благодаря комбинированию добытых трофеев. Фактически любой взрослый член племени являлся добытчиком пищи, но запасов было сравнительно немного. Просто люди выходили из своих пещер, когда им это было нужно, и искали то, что им было нужно. Это вовсе не было так опасно, как кажется, потому что людей в мире тогда было ничтожно мало (разумеется, по сравнению с сегодняшней массой народа). Но, несмотря на то что древние охотники весьма преуспели в своем деле и понемногу заселяли все большие территории, сами-то племена оставались маленькими и непривлекательными. На протяжении сотен тысяч лет своей эволюции люди великолепно приспособились как физически, так и умственно к своему образу жизни. Но тот шаг, который наши предки сделали по направлению к сельскохозяйственной деятельности (к эпохе производства пищи, а не ее добычи), привел к неожиданным результатам и так быстро поставил их перед необходимостью вести новый, неизведанный образ жизни, что им просто не удалось поспеть за стремительным процессом эволюции и приобрести новые, генетически контролируемые качества. С тех пор их приспособляемость и изворотливость, их способность к обучению и привыканию к неизвестным (и более сложным) условиям жизни так часто подвергались испытаниям, что урбанизация и безумие городской жизни – это всего лишь некоторые из многочисленных последствий.

К счастью, длительное изучение охотничьих наук способствовало развитию таких качеств, как изобретательность и готовность помочь товарищу. Что верно, то верно: люди-охотники, обладая, как и их предки-обезьяны, врожденными самоуверенностью и духом

соперничества, были все же вынуждены утихомирить свою воинственность и выдвинуть на первое место потребность в сотрудничестве друг с другом. В этом была их единственная надежда выиграть битву с давно уже приспособившимися ко всему, вооруженными острыми когтями профессиональными убийцами (например, с огромными кошками), коими изобилует плотоядный мир. Эволюция человеческого сотрудничества происходила одновременно с развитием интеллекта и исследовательских способностей, и эта комбинация качеств оказалась просто убийственной по своей эффективности. Люди быстро усваивали новое, хорошо запоминали пройденное и превосходно научились применять уже накопленный опыт для решения новых проблем. Если уж эти знания приносили пользу тогда, в те далекие времена бесконечных походов в поисках добычи, то говорить о том, насколько полезными они были в период, когда человек оказался на пороге новой и намного более сложной социальной жизни, и вовсе не приходится.

На востоке Средиземноморья издавна существовали две жизненно важные растительные культуры: дикая пшеница и дикий ячмень. На этой территории также встречались дикие козы, дикие овцы, дикие коровы и дикие свиньи. Люди-охотники, поселившиеся здесь, уже успели приручить собак, но использовали их не как источник пищи, а как сторожей или помощников на охоте. Настоящее сельское хозяйство началось с культивирования двух растений: пшеницы и ячменя. Скоро последовало приручение сперва коз и овец, а затем (несколько позже) и коров со свиньями. По всей вероятности, животных привлекали поля зерновых культур, куда они приходили полакомиться. Их отлавливали, затем выращивали и в конце концов употребляли в пищу.

Нет ничего случайного в том, что в двух других уголках Земли (в Южной Азии и Центральной Америке), где немного позднее зародились древние независимые цивилизации, также нашлись территории, на которых охотники начали культивировать дикие виды растительности: рис в Азии и кукурузу в Америке.

Животноводство и земледелие конца каменного века развивались настолько успешно, что окультуренные тогда растения и прирученные в то далекое время животные остаются и по сей день основным сырьем для пищевых продуктов, производством которых занимается сельское хозяйство всего мира. Новые значительные изменения в аграрной сфере несут скорее механический характер, нежели биологический. Современное сельское хозяйство является всего лишь продолжением раннего животноводства и земледелия, давших поистине грандиозный импульс развитию нашего с вами человеческого рода.

Это довольно легко поддается объяснению, если заглянуть в прошлое. До появления сельского хозяйства каждый, кто считался потенциальным едоком, должен был внести свой вклад в процесс поиска пропитания. Собственно говоря, участие в этом процессе принимали все члены племени. Но когда предусмотрительные и дальновзоркие старейшины, планировавшие и расписывавшие до мелочей все охотничьи операции, обратили свой взор на проблемы окультуривания растений, мелиорации почвы и выращивания пойманных животных, они добились двоякого результата. Оказалось, что они не только снабдили племя постоянными источниками пищи, но и обеспечили регулярное и гарантированное появление *излишков* пищевых продуктов. Появление таких излишков стало тем ключом, которым предстояло открыть дверь в цивилизованный мир. В конце концов племя получило возможность иметь больше рабочих рук, чем было необходимо для добычи пищи. Племя смогло не только расти, но и высвободить некоторое количество людей для выполнения других обязанностей: не временных, к которым приступали в перерывах между основным занятием – поиском пропитания, а постоянных обязанностей, которым уделялось все время. Началась эпоха разделения труда. С этих самых пор и стали зарождаться первые города.

Я сказал: «Это легко поддается объяснению», но это означает лишь, что для нас не составит труда, заглянув в прошлое, обнаружить жизненно важные факторы, послужившие стимулом для следующего значительного шага человечества на пути своей истории; безусловно, это вовсе не значит, что такой шаг в то время было сделать легко. Действительно древний охотник был животным необыкновенным и обладал огромным не востребуемым потенциалом и многочисленными нереализованными способностями. (Достаточным доказательством является тот факт, что мы с вами сейчас живем и процветаем.) Но тем не менее

он был именно племенным охотником, а не спокойным оседлым аграрием. Действительно он обладал дальновидным умом, был способен заранее спланировать все детали предстоящей охоты и понять особенности климатических изменений в любое время года, но, чтобы стать хорошим земледельцем или животноводом, ему пришлось напрячь свою дальновидность намного сильнее, чем когда-либо. Тактика охоты стала стратегией сельскохозяйственной деятельности, ну а добившись своего и превратив деревни в города, охотник был вынужден задействовать мозг в полном объеме, дабы справиться со всеми сложностями, возникшими вместе с нахлынувшим на него изобилием.

Этот факт необходимо учитывать, говоря о «городской революции». Услышав это словосочетание, можно подумать, что все города, большие и маленькие, вдруг в одну ночь выросли, стремясь скорее вступить в новые социальные условия жизни. Конечно же нет: старые привычки отмирали долго и мучительно. Мало того, во многих уголках Земли они до сих пор живы. В современном мире есть культуры, все еще использующие в сельском хозяйстве принципы каменного века, а в некоторых регионах (например, в пустыне Калахари или в Северной Австралии) можно даже найти племена охотников эпохи палеолита.

Первые признаки урбанизации (первые города) не были «внезапной сыпью» на коже доисторического общества, а появились в виде нескольких отдельных крошечных пятнышек. Они возникли на юго-западе Азии как явные исключения из основного правила. По современным меркам они были очень маленькими и росли медленно, даже очень медленно. В каждом была строгая местная организация, а также тесная связь и взаимодействие с близлежащими сельскохозяйственными угодьями.

Поначалу между городами не наблюдалось особой торговли или натурального обмена. Этот серьезный шаг еще предстояло сделать, и для него требовалось время. Сделать такой шаг мешал и психологический барьер – боязнь потерять местную самобытность, но это было не столько синдромом «племени, потерявшего свою индивидуальность», сколько нежеланием индивидуума терять связь со своим племенем. Человек развивался как стадное животное, а стадо живет по собственным законам, основанным на межличностных отношениях. Отказ от фундаментальных социальных принципов, типичных для условий проживания древнего человека, воспринимался как некое чужеродное зерно, противоречащее самой идее племенных отношений, а между тем это зерно, умело выращенное и доведенное до потребителя, было основным двигателем прогресса. После зарождения сельского хозяйства, когда городская элита, избавившаяся от необходимости принимать участие в производственном процессе, получила возможность сконцентрировать свою умственную активность на других проблемах, появление организованной (в соответствии со строгой иерархией) сети взаимодействующих друг с другом городов стало неизбежным.

Самый древний из известных городов – Иерихон – возник восемь тысяч лет назад, но первая по-настоящему городская цивилизация Шумер зародилась к западу от него, среди Сирийской пустыни. Здесь пять или шесть тысяч лет назад была основана первая империя, и именно тогда заканчивается доисторическая эпоха. Развиваются контакты между городами, старейшины превращаются в правителей, появляются постоянные профессии, совершенствуются способы обработки металла и транспорт, приручаются выючные животные (в отличие от употребляемых в пищу), появляется монументальная архитектура.

По нашим меркам города шумерской цивилизации были маленькими, с населением от семи до двадцати тысяч человек, и все же непрехотливый горожанин уже многого достиг. Теперь он именуется гражданином, членом суперплемени, но главное отличие состоит в том, что *гражданин суперплемени не знает лично всех членов общества, в котором он живет*. Именно это обстоятельство – переход от тесного, сплоченного племени к безликому обществу – и стало причиной всех страданий человеческого рода на протяжении последующих тысячелетий. Человек оказался биологически не приспособлен к восприятию такого количества незнакомых ему соплеменников. Жить среди незнакомых людей еще предстояло научиться, и это было нелегко. В дальнейшем мы убедимся, что сопротивление этому (как открытое, так и неосознанное) продолжается и по сей день.

Результатом искусственного вознесения уровня социальной жизни человека до высшей ступени стала необходимость более совершенной системы управления для удержания под

контролем стремительно разбухающего общества. За огромные материальные преимущества высшего племенного строя нужно платить соответственно. В древних цивилизациях, зародившихся на территории Средиземноморья – в Египте, Греции, Риме, – системы исполнительной и законодательной власти достигли высокого уровня совершенства и сложности, наряду с постепенным расцветом искусства и прикладных наук.

Процесс этот шел медленно. То, что осталось от древних цивилизаций, поражает своим величием, и создается впечатление плотной заселенности средиземноморского региона, но это вовсе не так. Рост населения суперплемен был постепенным. В 600-х годах до нашей эры самый крупный город – Вавилон – насчитывал не более 80 тысяч жителей. В знаменитых Афинах проживало всего 20 тысяч, и только четвертая часть принадлежала к городской элите. Общая численность населения Афин, города-государства, включая иностранных торговцев, рабов и жителей пригородов, составляла 70–100 тысяч человек. Заглянув в наши дни, можно обнаружить, что это даже немного меньше, чем в современных университетских городках, таких как Оксфорд или Кембридж. А проводить сравнение с крупнейшими современными мегаполисами и вовсе некорректно: сейчас в мире более сотни городов-миллионеров.

Продолжая расти с той же скоростью, древние города-государства не могли долго рассчитывать на собственное производство. Им пришлось пополнять свои запасы одним из двух способов: либо торговать, либо воевать. Римляне делали и то и другое, но с акцентом на политику завоевания, проявляя такие недюжинные организаторские способности и умение вести боевые действия, что Древний Рим с его полумиллионным населением до сих пор считается самым великим городским конгломератом всех времен и народов, ставшим образцом для подражания на много веков вперед. Мудрость и работа мысли его жителей и по сей день остаются примером не только для организаторов, изобретателей и талантливых творческих личностей, но и для бесконечно ленивой, падкой на развлечения городской элиты, численность которой достигла взрывоопасного уровня. Нетрудно разглядеть в искушенном жителе Римской империи прототип представителя современного суперплемени.

Продолжая повествование об истории развития городов, мы, затронув Древний Рим, подошли ко времени, когда человеческое общество стало настолько многочисленным, а плотность населения настолько высокой, что это уже было близко к современному уровню. В течение последующих веков ситуация становилась все более сложной: народу прибавлялось все больше, элита делалась все элитарнее, наука развивалась все интенсивнее. Стрессы и разочарования для городского жителя становились все более ощутимыми, а междоусобицы в высшем племенном обществе – все кровопролитнее. Когда народу слишком много, появляются лишние люди, которых можно принести в жертву. Отношения в перенаселенном обществе становятся все более безличностными, а принципы гуманности и человеколюбия низвергаются до ужасающего уровня. Да это и неудивительно: ведь, как я уже говорил, безличностные отношения способствуют биологическому превращению человека в животное. Удивительно то, что суперплемена, увеличиваясь в размерах, не только выжили, но и процветают. Этим фактом можно только восхищаться. Он является убедительным доказательством изумительной приспособляемости, целеустремленности и изобретательности человеческого рода. Как, скажите на милость, нам это удалось? Все, что нам как представителям животного мира нужно было для существования, – это набор биологических качеств, прошедших эволюционное развитие за время нашей долгой охотничьей истории. Ответ на наш вопрос следует искать в природе этих качеств, а также в наших способностях использовать их и манипулировать ими, причем не пытаясь применять их во вред, как мы (в силу нашего легкомыслия) привыкли делать. Давайте изучим их более подробно.

Имея в виду наше обезьянье прошлое, рассмотрим особенности общественной организации некоторых видов обезьян, – это может послужить отправной точкой в наших заключениях. Присутствие сильных, главенствующих особей, руководящих всей стаей, – широко распространенное явление среди высших приматов. Более слабым членам группы приходится смириться с ролью подчиненных. Они не пытаются выделиться и лишь выполняют свои обязанности – в этом сила и безопасность стаи. Когда отряд становится слишком большим, естественно, образуются группы особей, которые откалываются от основной стаи и покидают ее, но в любом случае гуляющие сами по себе отдельные обезьяны считаются

исключением из правила. Стая передвигается как единое целое, и никто из ее членов никогда не отрывается от коллектива. Такая верность обуславливается не только жестокой диктатурой группы лидеров – главенствующих самцов. Какими бы тиранами они ни были, они играют роль охранников и защитников. В случае возникновения угрозы отряду (например, при нападении голодного хищника) именно они защищают стаю наиболее активно. Перед лицом внешней опасности лидерам приходится объединяться, позабыв о внутренних склоках, однако в обычных условиях взаимопомощь внутри стаи минимальна.

Возвращаясь к обезьянам, именуемым людьми, можно заметить, что основы данной общественной системы – сотрудничество при внешней опасности и соперничество внутри коллектива – присутствуют и в человеческом обществе, хотя наши древние предки и вынуждены были кое в чем нарушать эти принципы. Их титанические усилия превратились из поедателей фруктов в охотников требовали укрепления и активизации взаимоотношений между членами племени. Природа не только заставляла людей паниковать перед неизведанным и загадочным, но практически постоянно бросала вызов новоявленным охотникам. Результатом стало смещение акцентов в сторону принципов взаимопомощи, разделения и комбинирования пищевых запасов. Но не стоит думать, что в каждом племени древних людей установилось полное взаимопонимание и каждое племя начинало существовать как единый организм, подобно стае рыб, – жизнь была слишком сложна для этого. Соперничество и борьба за власть никуда не делись и продолжали оставаться движущей силой племени и средством укрепления его мощи, но авторитарность власти значительно уменьшилась. Необходимая гармония была достигнута, что (как мы уже отметили) позволило древнему человеку-охотнику с успехом заселить большую часть земной поверхности – и это при минимальном развитии наук и технологий, способных помочь ему на этом пути.

Что же случилось с этой гармонией, когда крохотные племена расцвели и превратились в гигантские суперплемена? С потерей тесных личностных отношений внутри племени маятник сотрудничества-соперничества стал раскачиваться с угрожающей интенсивностью, причем его разрушительное действие продолжается и по сей день. Поскольку не являвшиеся лидерами члены суперплемени превратились в безликую толпу, наиболее опустошающие удары маятника приходились на область, где правила борьба за власть и конкуренция. Городские племена-переростки быстро стали жертвами гипертрофированных форм тирании, деспотизма и диктатуры. Суперплемена породили суперлидеров, пользовавшихся такой властью, что обезьяньи тираны, о которых мы говорили ранее, казались по сравнению с ними просто невинными младенцами. Они также породили суперподчиненных в виде рабов, способных на такое подхалимство и раболепие, какое и не снилось даже самым низшим по статусу приматам.

На этой стадии для руководства суперплеменем власти одного диктатора было уже недостаточно. Даже с появлением новых смертоносных технологий (оружия, тюремных камер, пыток), призванных помочь тиранам искусственно создавать условия для подчинения себе всех и вся, кроме всего прочего, чтобы с успехом склонять биологический маятник в свою сторону, требовалось еще и умение повести массы за собой. И это было им вполне по силам, так как народ тоже (вместе с диктаторами) был заражен вирусом безличностных отношений высшего племенного строя. Это обстоятельство привело к образованию подгрупп, или псевдоплемен, в составе собственно суперплемени, что в некоторой степени ослабило стремление диктаторов к сотрудничеству. Каждый индивидуум старался установить с отдельными группами своих сослуживцев или соседей особые, личные взаимоотношения, вроде старых добрых племенных отношений. В рамках данных подгрупп он мог удовлетворить свою потребность в совместной деятельности и взаимопомощи. Членов других подгрупп, рабов например, теперь было удобно считать чужаками, лишенными всех прав. Социальный «двойной стандарт» был установлен. Хитрость и сила этого нового разделения общества заключалась в возможности обезличить личные взаимоотношения членов суперплемени. И пусть подчиненный – раб, слуга или крепостной – был лично знаком с хозяином, его попадание прямоком в низшую социальную группу означало, что с ним можно было обращаться так же скверно, как и с членом безликой толпы.

Разложение властных структур – это только часть правды. К деградации суперплемени с таким же успехом приводит и раболепие, доведенное до крайности. Когда

социально-биологический маятник начинает двигаться от активного сотрудничества в сторону диктатуры, деградирует все общество, хотя такое движение может принести и огромные материальные выгоды (может, например, переместить 4 883 000 тонн камней для возведения пирамиды). Но вместе с тем при таком искажении социальной структуры амплитуда колебаний маятника не может быть большой. Можно установить очень сильную диктатуру на очень большой территории и наслаждаться ею очень долго, но при напряженной обстановке внутри своего суперплемени ей когда-нибудь придет конец. И если, когда это произойдет, социально-биологический маятник хотя бы слегка качнется обратно, стремясь к точке устойчивого равновесия, общество может считать, что ему крупно повезло. Но если он начнет интенсивно раскачиваться в разные стороны (что более вероятно), это повлечет за собой столько крови, сколько наши примитивные предки-охотники не могли бы увидеть даже в самом страшном сне.

Цивилизация чудесным образом продолжает жить благодаря тому, что человеческое стремление к сотрудничеству заявляет о себе вновь и вновь с еще большей энергией. Оно встречает активное противодействие, но неуклонно продолжает свое наступление. Нам нравится считать это победой мощного интеллектуального альтруизма над животными инстинктами – как будто этика и мораль принадлежат к изобретениям современности, – но если бы это было истинной правдой, вряд ли мы дожили бы до сегодняшних дней и говорили об этом. Человеческому роду никогда не удалось бы выжить, если бы мы не развили в себе биологически обусловленное стремление к сотрудничеству с нашими собратьями. Будь наши предки-охотники настоящими тиранами, жестокими и алчными носителями «первородного греха», славная история человека давным-давно завершилась бы. Единственная причина, по которой теория первородного греха так или иначе прививается нам с детства, в том, что искусственно созданные отношения высшего племенного строя продолжают соперничать с нашим биологическим альтруизмом и именно ему необходимо оказать посильную помощь.

Я понимаю, что найдутся специалисты, которые станут активно оспаривать вышесказанное. Они считают человека по природе своей слабым, жадным и злым, способным стать сильным, щедрым и добрым только под надзором жесткой системы контроля, но, высмеивая теорию «благородного дикаря», они только усложняют дело. Они утверждают, что невежество или суеверие не могут быть благородными, и в этом смысле они правы, но ведь это только часть проблемы. Другая ее часть касается взаимоотношений древнего охотника со своими соплеменниками: здесь всё иначе. Такими качествами, как сострадание, доброта, готовность помочь, врожденное стремление к сотрудничеству с членами своего племени, древний человек был просто *обязан* обладать, если хотел выжить в своем полном опасностей мире. И только когда племена разрослись и превратились в безликие суперплемена, старые правила поведения вышли из моды и стали пересматриваться. Именно тогда действительно возникла необходимость придумать законы и дисциплинарные правила, призванные восстановить утраченное равновесие. Если бы они были разработаны в соответствии с требованиями новых условий жизни, все было бы прекрасно, но человек раннего периода развития цивилизации был еще новичком в этом деле и не знал, как достичь необходимой гармонии. Многочисленные неудачи приводили к печальным последствиям. Сегодня мы стали более опытными, но совершенной системы так и не создали, поскольку суперплемена продолжают расти и решать проблему все время приходится заново.

Если позволите, я изложу свою теорию другими словами. Часто можно услышать фразу: *«Закон запрещает человеку делать только то, что он склонен делать инстинктивно»*. Отсюда следует, что раз существует закон, запрещающий воровать, убивать или насиловать, то человек по своей природе должен быть вором, убийцей и насильником. Действительно ли это описание раскрывает истинную сущность человека как социально-биологического вида? Для людей эпохи развития племенных отношений такая характеристика неприемлема, однако она может иметь место при описании человека периода расцвета суперплемен.

Хорошим примером может послужить, наверное, самое распространенное из преступлений – воровство. Человек высшего племенного строя постоянно находится в состоянии стресса и напряжения, вызванном искусственно навязанными ему социальными условиями. Большинство членов его суперплемени ему незнакомо, у него нет с ними никаких

личных отношений и связей. Обыкновенный вор не станет красть у своих знакомых: он старается не нарушать старый биологический кодекс племени и выбирает жертву среди чужаков. Чтобы положить конец его деятельности, необходимо установить соответствующий закон суперплемени. Всем известны выражения «воровская честь» и «законы преступного мира». Это доказывает, что мы рассматриваем преступников в качестве членов отдельного и отличного от других псевдоплемени в составе суперплемени. Между прочим, мы довольно странно ведем себя с преступившим закон: просто помещаем его за решетку в общество таких же, как он, преступников. На короткий срок проблема решена, но в перспективе оказывается, что такие действия только усиливают самобытность псевдоплемени, вместо того чтобы ее ослаблять, и в дальнейшем помогают ему расширять свои псевдоплеменные связи.

Переосмыслив идею о том, что *«закон запрещает человеку делать только то, что он склонен делать инстинктивно»*, мы можем перефразировать ее так: *«Закон запрещает человеку делать только то, что искусственно созданные условия цивилизованного общества вынуждают его делать»*. В этом случае закон выступает в качестве средства достижения гармонии, призванного ликвидировать издержки высшего племенного общества и помочь установить в неестественных условиях нормы социального поведения, естественные для человека.

Однако, как бы гладко это ни выглядело, чтобы все было так же просто и на деле, необходимы идеальные лидеры, то есть те, кто устанавливает законы. Тираны и деспоты, конечно, могут издать суровые и несправедливые законы для удержания подчиненных в жестких рамках, порожденных существующими условиями суперплемени. В свою очередь, законодательная система, разработанная руководящей верхушкой со слабыми лидерскими качествами, оказывается неспособной управлять толпой. И в том и в другом случае неизбежна культурная катастрофа или деградация общества.

Но есть еще вариант законодательной системы, имеющий мало общего с тем, о чем я говорил выше, кроме того, что он служит для укрепления порядка в социальной среде. Это так называемые «изолирующие законы», которые делают одно культурное общество не похожим на другое. Они укрепляют сплоченность социума, наделяя его уникальными индивидуальными характеристиками. Законы данной системы играют лишь незначительную роль в деятельности судебных органов. Они скорее обусловлены религией и традициями и предназначены для того, чтобы создать у каждого члена общества иллюзию принадлежности к одной семье, а не к стремительно растущему и расплзающемуся по швам суперплемени. Эти законы, хоть их и критикуют за кажущуюся условность и бессмысленность, верны традициям и должны выполняться неукоснительно. Они также не подлежат обсуждению потому, что сами по себе *действительно* довольно условны и зачастую бессмысленны. Их ценность заключается только в том, что они распространяются на всех членов сообщества. Когда их действие ослабевает, ослабевают и тесные связи внутри сообщества. Эти законы могут быть самыми разнообразными: регламентирующими порядок проведения общественных мероприятий – свадеб, похорон, праздников, парадов, фестивалей и т. д.; определяющими правила поведения в обществе, положения дипломатического этикета; усложняющими особенности стиля в одежде различных слоев общества; навязывающими единообразие украшений, интерьера и церемониальных представлений.

Этот феномен был досконально изучен многими этнологами и антропологами, пораженными многообразием его форм. Множество вариантов, определяющих различия между культурами, безусловно, было основным предназначением этих норм поведения, но, восхищаясь их разнообразием, не следует забывать об их принципиальном сходстве. Одежда или обычаи разных народов могут иметь кардинальные различия *в деталях*, но в разных культурах они имеют одну и ту же основную функцию и одни и те же основные формы. Если составлять список обычаев какого-нибудь народа, в традициях практически всех остальных народов обязательно найдутся аналоги почти каждого из них. Различия будут только в незначительных деталях, но они будут такими существенными, что иногда принадлежность этих деталей к одинаковым социальным явлениям не так-то просто разглядеть.

Приведем пример: у некоторых народов для участия в траурных церемониях принято надевать одежды черного цвета; у других совсем наоборот – траурные одежды белые. Более

того, если копнуть глубже, можно найти культуры, у которых в таких ситуациях принято надевать темно-синее, или серое, или желтое, или обыкновенную мешковину. Если вы с малых лет росли в обществе, где один из этих цветов (скажем, черный) ассоциируется не иначе как со смертью и трауром, даже мысль о том, чтобы в такой ситуации надеть желтое или голубое, вызовет недоумение. Таким образом, ваша первая реакция – удивление по поводу того, что где-то на траурные церемонии *действительно* принято надевать одежды этих цветов, – демонстрирует колоссальное различие между этими культурами и вашей. Здесь и кроется ловушка, так тщательно приготовленная для удовлетворения требований культурной изоляции. Поверхностный взгляд на разнообразие траурных цветов не позволяет сделать более важный вывод о том, что во всех рассмотренных вариантах используется одинаковый принцип организации траурной церемонии и что традиционным всегда считается ношение одежды того цвета, который принципиально отличается от «нетраурного».

Точно так же, когда англичанин впервые попадает в Испанию, он с удивлением обнаруживает, что вечером общественные места городов и деревень наполняются праздно гуляющими людьми. Его первой реакцией будет мысль не о том, что это всего лишь аналог хорошо знакомых ему вечеринок с коктейлями, а о том, что это, наверное, какой-то местный обычай. Как видим, основные принципы традиционных мероприятий в этих двух странах одинаковы, несмотря на различия в деталях.

Подобные примеры можно найти при рассмотрении почти всех форм социальной активности, и чем большее количество народных масс вовлечено в конкретное мероприятие, тем сильнее разница в деталях и тем более странным на первый взгляд оно кажется представителям других культур. Все грандиозные общественные события (такие как коронации, похороны государственных деятелей, балы, банкеты, празднования дней независимости стран, инаугурации, крупные спортивные мероприятия, военные парады, фестивали и уличные праздники или их аналоги) являются самой благодатной почвой для действия изолирующих законов. Каждый из этих законов имеет тысячи мизерных отличий по сравнению с любым другим, и каждый из них выполняется неукоснительно, как будто от этого зависят жизнь и смерть граждан. А все потому, что, только принимая участие в общественных мероприятиях, человек может воспитать и развить в себе чувство собственной социальной исключительности, ощущение принадлежности к определенному культурному слою общества, и чем крупнее мероприятие, тем сильнее это чувство.

Революционеры, удачно совершившие государственные перевороты, часто не удостоивают вниманием или недооценивают это обстоятельство. Избавившись от старой, ненавистой структуры власти, они вынуждены избавиться и от большинства старых традиций. Даже если ритуальные церемонии свергнутого режима напрямую с ним не связаны, они слишком сильно напоминают о нем и должны исчезнуть. Вместо них на скорую руку можно придумать несколько новых, но ведь изобрести ритуал за одну ночь не так-то просто. (Любопытный факт: христианскому движению с самого начала сопутствовал успех, и не в последнюю очередь благодаря использованию в основе своих религиозных праздников многих старых языческих обрядов, соответственным образом замаскированных.) Когда вся эйфория революции позади и народные волнения улеглись, многие неудовлетворенные постреволюционеры, заметив исчезновение некоторых общественных праздников и торжественных обрядов, возможно, чувствуют себя несчастными, хотя и скрывают это. Революционным лидерам нужно бы предугадать возникновение такой проблемы. Их последователи захотят разрушить не просто основу социальной исключительности общества, а основу *особой* социальной исключительности общества. Как только это произойдет, им понадобится новая основа, и скоро они будут разочарованы, увидев всю абстрактность понятия «свобода», в чем, собственно, и состоит цель изолирующих законов.

В качестве связующих сил активно используются также и другие аспекты социального поведения. Один из таких аспектов – язык. Мы привыкли считать язык исключительно средством коммуникации, но на самом деле его роль гораздо важнее: если бы это было не так, мы бы все говорили на одном языке. Пролистав назад страницы истории суперплемен, можно легко проследить, как внекоммуникативная функция языка становилась почти такой же необходимой, как и коммуникативная. Она способствовала установлению непреодолимых

межкультурных барьеров в большей степени, чем любая другая индивидуальная особенность общества. Сильнее, чем что-либо, она помогала индивидууму почувствовать себя членом отдельного суперплемени и препятствовала его переходу в другое племя.

По мере того как суперплемена росли и сливались друг с другом, местные языки тоже сливались или совсем исчезали, так что общее число языков в мире уменьшилось. Но как только это произошло, получила развитие обратная тенденция: большую социальную значимость приобрели диалекты, акцент; появились сленг и жаргон. Поскольку члены огромного суперплемени образовывали отдельные подгруппы, чтобы подчеркнуть свою индивидуальность, то и в составе основного языка появлялся целый спектр различных «говоров». Точно так же, как английский и немецкий языки служат символом самобытности и изолирующим инструментом для англичанина и немца, соответствующий акцент изолирует представителя высшего английского общества от члена низшего сословия, а профессиональный жаргон химика обособляет его от психиатра, говорящего на своем профессиональном языке. (Как ни печально, но мир науки, который, выполняя образовательную функцию, должен сильнее всего влиять на процесс коммуникации, порождает изолирующие псевдоплеменные языковые разновидности так же активно, как и мир криминала. Оправданием этому может быть только необходимость использования точной терминологии: особенности тематики обязывают, вот только эти особенности слишком часто и явно переходят все границы.)

Жаргонные и сленговые слова могут быть настолько специализированы, что порой представляют собой практически новый язык. Обычно сленговые выражения, которые находят широкое применение и становятся общеупотребительными, заменяются в речи придумавших их людей на новые. Если они принимаются членами всего суперплемени и проникают в официальный язык, то тут же теряют свою оригинальную функцию. (Вряд ли вы употребляете для описания, скажем, симпатичной девушки, полицейского или полового акта те же сленговые выражения, что были в обиходе ваших родителей, когда они были молоды, но слова официального языка вы используете одни и те же.) В особых случаях отдельная подгруппа может ввести в свой лексикон слова чужого языка. Когда-то, например, русские судебные органы использовали в своей работе французский язык. В Британии можно до сих пор встретить отголоски этой тенденции в дорогих ресторанах, где меню обычно написано на французском.

Религия всегда играла ту же роль, что и язык, усиливая внутренние связи в группе, но ослабляя внешние – между группами. Она использовала простое предположение о том, что существуют некие могущественные силы, влияющие откуда-то сверху и недоступные пониманию простых смертных. Этим силам (суперлидерам, или богам) нужно поклоняться, потакать всем их желаниям и подчиняться им беспрекословно. Тот факт, что богов нельзя было увидеть ни при каких условиях, только способствовал укреплению их позиций.

Сперва власть богов была ограниченной и сферы их влияния были поделены, но, когда суперплемена выросли до невообразимых размеров, понадобились более влиятельные сдерживающие силы. Власти мелких богов стало недостаточно. Для управления громадным суперплеменем нужен был один всемогущий, всезнающий, всевидящий бог, и из всех древних кандидатов на этот пост был выбран именно такой бог, который оказался у власти и продолжает свое существование на протяжении многих веков. Мелкие племена, живущие в глуши, и сейчас поклоняются нескольким божествам, но у каждого народа всех великих культур существует только один верховный бог.

Общеизвестно, что влияние религии как социальной силы за последние годы ослабло. Произошло это по двум причинам. Во-первых, религия уже не способна выполнять функцию объединяющего элемента. По мере роста и уплотнения населения древние империи становились все более неуправляемыми и распадались на группы по национальному признаку. Вновь образованные суперплемена старались изо всех сил добиться самобытности и использовали для этого все возможные средства. Тем не менее многие из них сейчас исповедуют одну и ту же веру. Это означает, что для них религия, оставаясь могучей силой, объединяющей представителей одной нации, перестала выполнять другую роль, а именно – ослаблять связи между народами. Компромисс был найден путем образования различных религиозных сект внутри основной религии, и, хотя сектантство отбрасывает назад некоторые

достижения политики изоляции и способствует возвращению к племенному (или местному) обособлению религиозных традиций, это решает проблему только наполовину.

Второй причиной ослабления влияния религии был растущий уровень образования, получающего все большее распространение, наряду с утверждающимся мнением, что индивидуум должен задавать вопросы, а не слепо следовать существующим догмам. Устоям христианской религии, в частности, был нанесен ощутимый удар: развивающееся логическое мышление представителя западного суперплемени не могло не заметить полное отсутствие логики в некоторых явлениях. Возможно, самое значительное из них – это бросающееся в глаза несоответствие между проповедованием кротости и покорности, с одной стороны, и роскошью, помпезностью и могуществом церковных лидеров – с другой.

Кроме законов, обычаев, языков и религии, есть еще одна, более жестокая форма связующей силы, объединяющей членов суперплемени, – война. Не боясь показаться циником, можно смело утверждать, что нет лучшего подспорья правителю, чем удачная война. Она предоставляет ему великолепный шанс быть тираном, которого еще и любят. Он может внедрять самые суровые формы контроля, посылать тысячи своих подданных на верную смерть и все же быть почитаемым как великий защитник народа. Ничто так не укрепляет внутрисемейные связи, как внешняя угроза.

Тот факт, что внутренние конфликты стихают перед лицом общего врага, не был обойден вниманием правителей как прошлого, так и настоящего. Если переполненное суперплемя начинает «трещать по швам», швы можно быстро подлатать, когда появляются *они* – могущественные враждебные силы, благодаря которым *мы* превращаемся в единое целое. Трудно сказать, как часто правители, учитывая это, умело манипулируют внутренними конфликтами в своих государствах, но независимо от того, сознательно они это делают или нет, эффекта объединения они почти всегда достигают. Нужно быть абсолютно никудышным вождем, чтобы упустить такой шанс. Естественно, необходимо представить врага в самом отвратительном свете, иначе неприятностей не избежать. Страшные ужасы войны превращаются в славные боевые победы только тогда, когда внешняя угроза действительно серьезна или, по крайней мере, может быть представлена таковой.

Несмотря на привлекательность для любого жестокого диктатора война имеет один очевидный недостаток: одна из противоборствующих сторон, скорее всего, будет разбита в пух и прах, и жертвой может оказаться именно диктатор. Членам суперплемени следует сказать «спасибо» этому печальному факту.

Таковы в целом связующие силы, оказывающие влияние на жизнь крупных городских сообществ. Благодаря их разнообразию появились типы лидеров, соответствующие каждой из них: руководящие работники, судьи, политики, общественные лидеры, верховные жрецы, генералы. Во времена, когда жизнь была попроще, все они находили воплощение в одном человеке – всемогущем императоре или короле, который был способен справиться со всеми возложенными на него обязанностями вождя. Но шли века, племена росли, истинные лидерские качества стали проявляться в разных сферах в зависимости от того, в какой из них появлялся наиболее незаурядный индивидуум.

Не так давно народу стали позволять высказывать свое мнение на выборах нового правителя. Такой политический ход сам по себе является мощной связующей силой, дающей членам суперплемени ощущение «принадлежности» к своей группе и возможности влиять на ее жизнь. Как только новый руководитель выбран, становится понятно, что влияние народа вовсе не такое весомое, как представлялось раньше, но во время выборов ощутимый ветерок социальной исключительности все-таки освежает просторы общества.

Чтобы помочь этому процессу, для управления отдельными территориями были назначены местные псевдολидеры. В некоторых странах это превратилось не более чем в ритуал, поскольку «местные» представители власти являются не кем иным, как заезжими профессиональными политиками, однако подобное извращение неизбежно в таком сложном обществе, как современное суперплемя.

Цель политики руководства с помощью избранных представителей власти ясна и понятна даже с учетом того, что такое руководство сложно осуществить на практике. Она основывается на частичном возврате к принципам первоначальной системы племенной организации, когда

все члены племени (или хотя бы взрослые мужчины) имели право голоса в вопросах решения общих проблем. Все они были в каком-то смысле коммунистами, делили всё поровну, и никто не отстаивал свое неотъемлемое право на частную собственность. Собственностью было все, что можно было себе присвоить, но, как я уже говорил, племена были маленькие, и все друг друга знали. Индивидуальная собственность приветствовалась, но двери и замки были еще делом будущего. Как только племя превратилось в безликое суперплемя, заполненное незнакомыми людьми, бдительная охрана собственности стала необходимостью и начала играть намного более важную роль в жизни общества. Любое политическое действие, игнорирующее этот факт, встречало резкое противодействие. Современные коммунисты наконец начали это понимать и уже корректируют свою политику соответствующим образом.

Корректировка была необходима и во всех случаях, когда целью являлся возврат к прежним охотничье-племенным принципам вроде «власть народа – для народа». Просто суперплемена были слишком большими, а проблемы распределения власти слишком сложными, слишком специфическими. Ситуация требовала введения системы назначения представителей на местах, и для этого нужны были специалисты-профессионалы. Насколько далека эта система от принципа «власть народа», наглядно продемонстрировано недавно в Великобритании, когда было выдвинуто предложение транслировать парламентские дебаты по телевидению, чтобы народ (спасибо современной науке!) мог наконец-то принимать непосредственное участие в делах государства. Но это предложение противоречило особому духу профессионализма, поэтому встретило жесткое противодействие и было отклонено. На этом власть народа закончилась, да это и неудивительно: управлять суперплеменем – все равно что заставлять слона ходить по канату. Все, чего можно достичь при любой современной политической системе, – это осуществление политики левой оппозиции правыми методами (что, собственно говоря, и делается сегодня как на Западе, так и на Востоке). Фокус этот непростой и требует большого профессионализма, не говоря уж об искусстве лицемерить и пускать пыль в глаза. Если современные политики нередко становятся объектами насмешек и иронических издевок, то лишь благодаря тому, что слишком много людей часто замечают обман, но, учитывая размеры сегодняшних суперплемен, альтернативы, скорее всего, нет.

Поскольку современные суперплемена зачастую оказываются неуправляемыми, существует устойчивая тенденция деления их на части. Я уже говорил о выделении в составе основного племени отдельных псевдоплемен по социальным, классовым, профессиональным, академическим и другим признакам, а также по интересам, благодаря чему городские жители в той или иной форме ощущают собственную исключительность. Таких групп внутри сообщества немало, но зачастую происходит и еще более ощутимый раскол: империи распадаются на независимые государства, страны – на сектора самоуправления, так что, несмотря на укрепление взаимоотношений, на развивающуюся политику взаимопомощи и общие интересы, раскол все же имеет место. Война как объединяющий фактор может способствовать быстрому образованию союзнических альянсов, но в мирное время вопрос об отделении и обособлении всегда стоит на повестке дня. Если отдельные группы лезут из кожи вон, пытаясь доказать собственную индивидуальность, значит, связующие силы внутри суперплемени, к которому они принадлежат, оказались недостаточно мощными или стимулирующими, чтобы сдерживать их порывы.

Мечта о едином спокойном суперплемени каждый раз разбивается вдребезги. Такое впечатление, что только нашествие инопланетян из других миров сможет стать той силой, которая объединит общество, да и то ненадолго. Остается надеяться, что когда-нибудь в будущем изобретательность человека приведет к изменениям в социальной жизни, которые смогут решить эту проблему. На сегодняшний день это представляется маловероятным.

В последнее время было множество споров по поводу того, насколько современные средства массовой коммуникации (например, телевидение) «сжимают» социальную сферу, превращая мировое сообщество в этакую глобальную теледеревню. Предполагалось, что такая тенденция действительно поможет объединить все народы в единое содружество. К сожалению, это не более чем миф по той простой причине, что телевидение, если сравнить его с личным общением между людьми, – это улица с *односторонним* движением: я могу видеть и слышать телеведущего, но он не может видеть и слышать меня. Конечно, я могу знать, о чем он думает и

что он делает, и это, безусловно, большой плюс, расширяющий объем впитываемой мною информации, но это никак не заменит двусторонней структуры непосредственного человеческого общения.

Даже при условии того, что в ближайшем будущем появятся средства массовой коммуникации на основе совершенно новых, доселе неизвестных технологий, они все равно не смогут преодолеть препятствия в виде социально-биологических ограничений, присущих нашему с вами человеческому роду. Мы не муравьи и не приспособлены к тому, чтобы добровольно стать членами огромного сообщества. По своей натуре мы есть и, наверное, всегда будем простыми племенными животными.

Тем не менее, несмотря на все вышесказанное и невзирая на судорожные попытки отделиться от основной массы, постоянно предпринимаемые в разных уголках земного шара, приходится признать, что главной мировой тенденцией все-таки является стремление достигнуть уровня мощного суперплемени: пока в одной части планеты наблюдается раскол, в другой происходит слияние. Ситуация остается такой же нестабильной, какой была на протяжении сотен лет. Так почему же мы не пытаемся ее изменить? Если она настолько опасна, почему мы ничего не предпринимаем?

Дело в том, что это не просто игра власти с участием игроков всего мира. Человеческое существо обладает неким биологическим качеством, благодаря которому оно испытывает чувство глубокого удовлетворения, попав в городской хаос суперплемени. Этим качеством является неутолимая жажда знаний человека, его изобретательность и интеллектуальная мощь, и похоже, что суматоха города заряжает это качество новой энергией. Подобно морским птицам, у которых всплеск репродуктивной функции происходит, когда они собираются в тесные видовые колонии, у людей наблюдается всплеск интеллектуальных способностей, когда они собираются в тесные городские сообщества – видовые колонии человеческих идей. В этом заключается положительная сторона вопроса, и именно она поддерживает систему «на плаву», несмотря на все ее недостатки.

Мы рассмотрели некоторые из подобных недостатков с общественной точки зрения, но ведь они существуют еще и на персональном уровне. Жители большого городского комплекса страдают от стресса и напряжения, вызванных множеством причин: шумом, загрязнением воздуха, малоподвижным образом жизни, нехваткой свободного пространства, перенаселенностью и суматохой жизни. К тому же, как это ни парадоксально, есть и такие, которые страдают от одиночества и скуки.

Вы можете подумать, что цена, которую приходится платить члену суперплемени, слишком высока, что тихая, спокойная, созерцательная жизнь была бы гораздо предпочтительней. Он, конечно, тоже думает, что так было бы лучше, но редко делает что-либо для этого (например, физические упражнения, которыми он вечно собирается заняться). Все, на что его хватает, – это съездить за город. Там он может погрузиться в псевдоплеменную атмосферу вдали от суматохи мегаполиса, но наступает утро понедельника, и он несется обратно в этот кошмар. Он может уехать, но тогда лишится удовольствия почувствовать возбуждение охотника нового времени, отслеживающего самую большую дичь в самых обширных и самых лучших охотничьих угодьях, которыми только может располагать природа.

Основываясь на этих фактах, можно подумать, что каждый большой город похож на этакую геенну огненную, олицетворяющую собой новизну и изобретательность. По сравнению с деревней это, скорее всего, так и есть, но не надо забывать о возможности проявления исследовательских способностей, которую предоставляет город. Испокон веков существовала ожесточенная вражда между связующими силами в обществе и силой изобретательской мысли. Одни стремятся сохранить стабильность и поэтому предпочитают монотонное и статичное существование, другие приветствуют новые открытия и ратуют за решительный отказ от всего устаревшего. Наряду с конфликтом между сотрудничеством и соперничеством продолжается борьба между конформизмом и новаторством. Только город дает новаторству реальный шанс надолго закрепиться в основе общества. Только город с его сильным конформизмом, предоставляющим достаточную безопасность, может противостоять разрушительной силе мятежной оригинальности и творческой мысли. Острые мечи борцов с традиционными взглядами ранят плоть этого гиганта не больше, чем булавки, приятно покалывая его кожу,

пробуждая ото сна и заставляя браться за дело.

Таким образом, именно это возбуждение исследователя с помощью связующих сил, которые я описал выше, превращает многих горожан в добровольных пленников людского зверинца. Волнения и тревоги жизни суперплемени настолько сильны, что даже легкого импульса достаточно для того, чтобы они переросли в серьезную опасность или причинили ощутимый ущерб. Можно ли провести параллель между этими людскими неприятностями и проблемами, с которыми сталкиваются животные в настоящем зоопарке?

Зверь там находится либо в одиночной камере, либо в коллективе, помещенном в ненормальные социальные условия. Совсем рядом, в соседних клетках, можно видеть или слышать других животных, но пообщаться с ними по-настоящему не удастся. Как ни иронично это звучит, но эти условия во многом похожи на те, в которых живет представитель суперплемени. Одиночество городского жителя – хорошо известный источник опасности: очень просто затеряться в огромной безликой толпе, образованные естественным образом родственные группировки легко расколоть, а личностные племенные отношения легко разрушить. В деревне все соседи – близкие друзья или, на худой конец, враги; чужаков нет, а в большом городе многие даже не знают имен своих соседей.

Отход от личностных отношений на самом деле на руку только революционерам и новаторам, которые в условиях меньшего по размеру племени испытывали бы влияние намного более мощных связующих сил; необходимость поддерживать традиции быстро остудила бы их пыл. Но в то же время этот парадокс – изолированность человека в растущем городе – может обернуться для многих обитателей людского зверинца депрессией и стрессом.

Помимо личной изоляции существует еще и непосредственная физическая угроза перенаселенности: любое животное приспособлено к существованию в определенном жизненном пространстве. Как в настоящем зверинце, так и в людском это пространство значительно сокращено, и последствия этого могут быть очень серьезными. Мы считаем клаустрофобию болезнью; ее извращенное проявление (правда, в более легкой форме, которую сложнее распознать) наличествует у всех жителей города. Действия, предпринимаемые для лечения этой болезни, какие-то вялые. Чисто символически посреди городского массива выделяются специальные зоны открытого пространства – маленькие участки природы, называемые парками. Изначально парки были охотничьими угодьями, населенными оленями и другими дикими животными, где богатые представители суперплемени могли вспомнить охотничьи повадки своих предков. Современные парки напоминают прежние только наличием растительности, а уж говорить о размерах городских парков просто смешно: чтобы обеспечить действительно естественные условия для отдыха жителей огромного мегаполиса, парк должен занимать площадь в несколько тысяч квадратных миль. В защиту парков можно сказать только одно: когда они есть, это определенно лучше, чем когда их нет.

Для желающих отдохнуть на открытом воздухе альтернативой являются кратковременные вылазки на природу, что люди и делают с огромным воодушевлением. Каждые выходные (бампер к бамперу) автомобили направляются за город, и так же (бампер к бамперу) они едут обратно. Несмотря ни на что они возвращаются и снова едут туда, расширяя тем самым границы своего обитания и продолжая борьбу против неестественно сжатых участков свободного пространства в городской среде. Если такое движение по переполненным дорогам современного суперплемени превратится в ритуал, то лучше сразу всё бросить и закрыть эту тему. Для обитателей зоопарков дело обстоит еще хуже: для них движение «бампер к бамперу» воплощается в виде еще более нелепого накручивания кругов внутри своей клетки, но они не сдаются, так что мы должны быть благодарны за то, что наши перемещения не ограничены пространством наших квартир.

Таким образом, рассмотрев последовательность событий, которые привели нас в современные социальные условия, мы можем начать более детальное исследование различных аспектов жизни в людском зверинце, к которым наши поведенческие качества благополучно приспособились или же (как в некоторых случаях), наоборот, оказались абсолютно неприспособленными.

Статус и суперстатус

Какой бы сплоченной и организованной ни была группа млекопитающих, в ней всегда идет борьба за социальное превосходство. В процессе этой борьбы каждый взрослый индивид приобретает особое социальное положение, определяющее его место (т. е. статус) в иерархии всей группы.

Данная ситуация, впрочем, никогда не остается стабильной в течение долгого времени, и происходит это в основном из-за старения всех без исключения борцов за статус.

Когда владыки или правящая верхушка стареют, их превосходство оспаривается ближайшими подчиненными, которые впоследствии их же и свергают. Тогда вновь возобновляются склоки из-за превосходства, так как каждый немного продвигается вверх по социальной лестнице. У подножия этой лестницы находятся более молодые, но быстро взрослеющие члены группы, оказывающие давление снизу.

Помимо всего прочего, ни один из членов группы не застрахован от тяжелой болезни или смерти в результате несчастного случая, и тогда в иерархической структуре образуются прорехи, требующие незамедлительного заполнения.

В результате идет постоянный и напряженный процесс *борьбы за статус*. В естественных условиях с этим процессом, впрочем, еще можно смириться, так как размер социальных группировок довольно ограничен. Но если эта среда искусственная, подобно среде зверинца, и группы становятся слишком многочисленными или пространство слишком ограниченным, тогда мышьяная возня в борьбе за статус вскоре выходит из-под контроля, битвы за превосходство начинают бушевать с неистовой силой, и лидеры свор, стай, колоний или племен оказываются в очень напряженной ситуации. Когда такое происходит, довольно сдержанные поначалу ритуальные танцы перерастают в сцены кровавого насилия, когда самых слабых членов группы зачастую загоняют до смерти.

Могут быть и другие последствия. Дело в том, что на выяснение таких неестественно сложных статусных отношений уходит так много времени, что приходится пренебрегать другими аспектами социальной жизни, такими, например, как родительская забота, а это наносит им серьезный ущерб.

Если урегулирование споров за превосходство создает массу проблем даже не столь многочисленным обитателям животного мира, то уж о непомерно огромных суперплеменах людского зверинца и говорить нечего. Главная особенность борьбы за статус в природе заключается в том, что она основывается на *личных* отношениях между отдельными особями внутри одной социальной группы. Следовательно, во времена примитивного первобытно-общинного строя эта проблема была относительно простой, но, когда племена превратились в огромные суперплемена, где отношения стали максимально безличными, проблема статуса молниеносно превратилась в кошмар суперстатуса.

Перед тем как приступить к исследованию этой тонкой стороны городской жизни, нам кажется нелишним бегло коснуться основных законов, в соответствии с которыми ведется борьба за превосходство, и лучше всего, на наш взгляд, их можно увидеть, если взглянуть на поле битвы глазами вожака стаи животных.

Если вы собираетесь управлять своей группой и стремитесь как можно дольше оставаться в роли лидера, вам придется неукоснительно следовать десяти золотым правилам, причем это относится ко всем лидерам, начиная от бабуинов и заканчивая современными президентами и премьер-министрами. Вот эти десять заповедей.

1. Недвусмысленно демонстрируй уловки, осанку и жесты, говорящие о твоём превосходстве.

Для бабуина это означает лоснящуюся, прекрасно ухоженную густую шерсть; спокойную, расслабленную осанку (если, конечно, он не вовлечен в спор); неторопливую и важную походку. В его поведении не должно проследиваться ни малейшего признака беспокойства, неуверенности или нерешительности.

Все то же самое, лишь с некоторыми несущественными поправками, относится и к лидерам в мире людей. Шикарный мех становится роскошным и тщательно продуманным

костюмом правителя, затмевающим наряды его подчиненных. Его осанка говорит о той исключительной роли, которую он играет в обществе. Отдыхая, он может возлежать или сидеть, в то время как остальные обязаны стоять до особого на то разрешения. Это типично и для вожака бабуинов, который может лениво потягиваться, в то время как его окружение расположилось поблизости и взирает на него с беспокойством и некоторым напряжением. Ситуация, правда, меняется, как только лидер проявляет агрессию и начинает утверждаться в своем статусе. Тогда, будь то бабуин или принц, ему необходимо подняться и принять гораздо более впечатляющую позу, чем у его приближенных. Он должен в буквальном смысле возвыситься над ними, всем своим видом показав свое высокое положение. Для вожака бабуинов это довольно легко: как правило, он всегда мощнее остальных, и ему просто нужно встать во весь рост, а все остальное сделает за него внушительных размеров тело. Не последнюю роль играет здесь раболепие и страх его приближенных. Человеку же для утверждения своей позиции лидера, возможно, понадобится прибегнуть к искусственным средствам. Он может увеличить свой рост в глазах подчиненных, надев широкую длинную мантию или высокий головной убор. Кроме того, он может взобраться на трон, трибуну, на какое-нибудь животное или транспортное средство, а также на плечи своих приближенных. Подобно бабуинам, пресмыкающимся перед своим вожаком, люди, желающие перед своим вождем казаться меньше ростом, склоняют головы, делают реверансы, преклоняют колени, низко кланяются или падают ниц.

Человеческая изобретательность позволяет лидеру утверждаться в своем превосходстве любым из этих способов. Восседаая на троне, стоящем на высоком постаменте, он может получать *двойное* наслаждение: во-первых, от безразличного сидения в расслабленной позе владыки, а во-вторых – от высоты своего положения, что делает его осанку еще более величественной и придает ему ощущение удвоенного могущества.

Горделивые проявления главенствующей роли, присущие животным (как бабуину, так и человеку), актуальны и по сей день. Они наблюдаются в наиболее примитивной и явной форме у военачальников, судей, первосвященников и ныне здравствующих членов королевских семей.

В настоящее время они обычно проявляются только в особых случаях (не то что раньше), но даже в эти не столь частые моменты они столь же нарочиты, как когда-то. Даже корифеи науки не всегда могут устоять перед роскошью и шикарными нарядами, когда дело касается официальных торжеств.

Тем не менее, после того как императоров сменили избираемые президенты и премьер-министры, проявления личного превосходства стали меньше бросаться в глаза. Дело в том, что изменился взгляд на роль лидера.

Нынешний лидер – это скорее слуга народа, который лишь оказался на месте вождя, а не лидер, который еще и служит людям. Он носит обыкновенные серые или коричневые костюмы, чем лишний раз пытается подчеркнуть, что он ничем не отличается от остальных, но это всего лишь трюк.

Этот маленький обман лидер может себе позволить, чтобы казаться таким же, как остальные, но ему следует быть крайне осторожным, так как иначе он рискует в одно мгновение вновь стать одним из толпы, а значит, для внешнего выражения своего превосходства он должен прибегать к другим, не столь очевидным способам; но это не так уж и сложно, если учесть, что в его распоряжении есть все, что предлагает современная городская среда.

Отсутствие пышности в одежде можно компенсировать исключительностью помещений, где он правит, и зданий, где он живет и работает. Можно также выставить напоказ способы своего перемещения – кортежи автомобилей, эскорты мотоциклистов и личные самолеты. Лидер может окружать себя большой группой «профессиональных подчиненных» – советников, секретарей, служащих, личных ассистентов, телохранителей, обслуживающего персонала и тому подобных, основная часть работы которых заключается в том, чтобы показывать свою позицию подчиненного по отношению к нему, тем самым внося свою лепту в создание его имиджа социального превосходства. Его осанку, движения и жесты можно оставить без изменений, так как сигналы силы, которые они передают, настолько фундаментальны для всего человеческого рода, что воспринимаются бессознательно, а значит,

не нуждаются в ограничениях. Его движения и жесты могут быть спокойными и расслабленными или же решительными и хорошо обдуманными. (Вам когда-нибудь приходилось видеть бегущего президента или премьер-министра, если, конечно, он не делает этого в оздоровительных целях?) Во время разговора глаза лидера служат в качестве оружия: его взгляд становится пристальным как раз в те моменты, когда подчиненные предпочли бы отвести глаза, а когда подчиненные пристально смотрят на него, он предпочитает отвернуться. Он не суетится, не делает лишних движений, не волнуется и не мямлит; все это – прерогатива подчиненных. Если же хоть какой-то из этих признаков будет замечен в поведении лидера, это означает, что с ним как с руководителем что-то не в порядке.

2. В моменты активного соперничества прибегай к агрессии, угрожая подчиненным.

На малейший вызов, брошенный от подчиненного бабуина, лидер стаи незамедлительно и выразительно отвечает угрожающим поведением.

Существует масса проявлений угрозы, начиная с тех, которые мотивированы сильной агрессией с легкой примесью страха, и заканчивая теми, в основе которых лежит страх, подкрепленный лишь малой долей агрессии. Последние (так называемые угрозы из боязни) свойственны слабым, но враждебно настроенным индивидам и никогда не используются лидером, за исключением тех случаев, когда его правление находится на грани фола. Если же он не рискует лишиться позиции лидера, то прибегает лишь к наиболее агрессивным угрозам. Он может быть в настолько безопасном положении, что ему нужно лишь продемонстрировать намерение угрозы, даже не пытаясь ее осуществить. Резкого поворота его массивной головы в сторону мятежного подчиненного может быть достаточно для укрощения бунтаря. Такие действия называются «движениями намерения», и, когда дело касается человеческого рода, эффект такой же.

Наделенному властью лидеру группы людей, раздраженному действиями подчиненного, для успешного утверждения превосходства нужно лишь резко повернуть голову в сторону последнего и пристально посмотреть тяжелым взглядом. Случаи, когда лидеру приходится повышать голос или повторять приказ, говорят о том, что его превосходство находится не в столь уж безопасном положении, а это значит, что после очередного восстановления контроля ему придется подкрепить свой статус вынесением выговора или каким-нибудь символическим наказанием.

Повышение голоса или явный гнев как реакция на внезапную угрозу свидетельствует лишь о слабости лидера. В то же время они могут спонтанно или намеренно использоваться и сильным лидером как средство лишний раз утвердить свое превосходство. Точно так же может вести себя и вожак бабуинов, который, внезапно набрасываясь на подчиненных и вселяя в них страх, тем самым лишний раз напоминает о своих полномочиях. Это дает ему возможность заработать несколько дополнительных очков и впоследствии добиваться своего лишь кивком головы. Лидеры людей время от времени поступают таким же образом, издавая жесткие указы, осуществляя внезапные проверки или обращаясь к группе с решительными заявлениями.

Для лидера крайне опасно оставаться молчаливым, невидимым или неосязаемым в течение долгого времени. Если естественные обстоятельства не создают необходимости демонстрации власти, следует искусственно смоделировать такую необходимость. Недостаточно просто обладать властью – ее нужно демонстрировать, в этом-то и заключается ценность спонтанных угроз.

3. В моменты, когда брошен физический вызов, для победы над подчиненными умей прибегнуть к насильственным мерам или поручи это своему представителю.

В случае провала политики угроз должна последовать физическая атака. Если вы предводитель бабуинов, это может быть довольно опасно по двум причинам. Во-первых, в физической битве может пострадать даже победитель, а для лидера животных травма имеет более серьезные последствия, нежели для любого из его подчиненных, поскольку делает его менее устрашающим для тех, кто продолжает атаковать. Во-вторых, его подчиненных всегда больше, а зайдя слишком далеко, они могут объединиться и совместными усилиями победить

его. Именно по этим причинам лидирующие индивиды реальному сражению предпочитают угрозы.

Предводитель группы людей в определенной степени преодолевает эту проблему, нанимая на службу специальных работников-«карателей». Они (военные или полицейские) настолько хорошо подготовлены и так хорошо выполняют свою задачу, что победить их можно, только подняв на восстание все население. В экстренных случаях тиран нанимает на службу других, еще более профессиональных карателей (например, секретную полицию), задачей которых является подавление обычных карателей, если они выходят за рамки дозволенного. При помощи умелого манипулирования и руководства можно построить эту агрессивную систему таким образом, чтобы только лидер обладал достаточной информацией о том, что происходит, а значит, мог и контролировать эту систему. Все остальные при этом находятся в состоянии замешательства, если только не получают приказов свыше, а это значит, что таким образом современный тиран может эффективно удерживать бразды правления и свое место лидера.

4. Если тебе брошен интеллектуальный, а не физический вызов, умей перехитрить подчиненных.

Вожак бабуинов должен быть хитер, быстр и умен, но вместе с тем силен и агрессивен. О том, что всеми этими качествами должен обладать лидер группы людей, и говорить нечего. В случаях, когда место лидера передается по наследству, глупый индивид быстро лишается власти или же становится лишь номинальным главой и пешкой того, кто действительно является лидером.

В настоящее время проблемы настолько сложны, что современному лидеру приходится окружать себя различными специалистами, но, даже несмотря на это, он должен быть способен быстро соображать. Именно он должен принимать окончательные решения; мало того – принимать их нужно твердо, четко, без колебаний. Для лидера гораздо важнее уметь принимать твердые решения, чем верные. Многим лидерам, наделенным властью, удается удерживать свое место, несмотря на неверные, но твердые и убедительные решения, и лишь очень немногим сомневающимся и проявляющим нерешительность удается сохранить привилегированное положение. Итак, золотое правило руководителя (как бы неприятно это ни звучало для разумного человека) заключается в том, что важно не то, *что* ты делаешь, а важно, *как* ты это делаешь. Горькая правда состоит в том, что лидер, делающий неверные вещи правильным образом, получит в определенной степени большее признание и добьется большего успеха, чем тот, кто делает правильные вещи неверным образом. Все это в результате пагубно отражается на прогрессе цивилизации. Поистине счастливо то общество, где лидер делает правильные вещи и в то же время соблюдает десять золотых заповедей превосходства; оно счастливо, но и встречается редко.

Скорее всего, одно из проклятий непомерной сложности суперплеменного строя заключается в том, что принятие на разумной основе твердых и ясных решений, касающихся наиболее важных вопросов, почти невозможно. Имеющиеся факты так сложны, разнообразны и зачастую так противоречивы, что любое рациональное и обоснованное решение неминуемо порождает неуместную здесь нерешительность. Такая значимая фигура, как лидер суперплемени, не может наслаждаться громоздкими формулами и «дальнейшим изучением фактов», столь типичным для великого ученого. Биологическое начало статуса руководящего животного заставляет его быстро принимать решения, иначе он рискует «потерять лицо».

Опасность совершенно очевидна: такая ситуация, без сомнения, благоприятствует тому, чтобы крупные лидеры, а вернее – ненормальные индивиды, до фанатизма воодушевленные какой-нибудь навязчивой идеей, были готовы пренебречь массой противоречивых фактов, порождаемых в суперплеменных условиях. Это лишь часть цены, которую обыкновенный (с биологической точки зрения) человек племени должен заплатить за то, чтобы искусственным образом стать человеком суперплемени. Единственный выход из данной ситуации – найти блестяще и глубоко мыслящий уравновешенный мозг, сочетающийся с приятной, привлекающей внимание и уверенной в себе яркой личностью. Противоречиво? Да. Невозможно? Пожалуй. Но все же есть слабая надежда на то, что сами размеры суперплемени,

являющиеся первопричиной проблемы, в то же время делают возможным существование (без преувеличения) миллионов потенциальных кандидатов.

5. Подавляй мелкие ссоры между подчиненными.

Если вожак бабуинов увидит, что подчиненные начинают буйствовать и ссориться, он, скорее всего, вмешается и прекратит ссору, даже если лично ему она ничем не грозит. Это дает ему еще одну возможность показать свое превосходство и одновременно установить порядок в группе. Такого рода вмешательство вожака направлено в основном на ссорящийся молодняк и помогает с малых лет внушить ему мысль о могуществе лидера.

Эквивалентом такого поведения для лидера людей можно считать контроль над законами его группы и управление ими. Правители существовавших ранее более мелких суперплемен в этом отношении были довольно активны, но в настоящее время из-за всё возрастающей сложности других проблем (в большей степени относящихся к статусу лидера) все чаще и чаще происходит передача управления законами. И все же сообщество, где постоянно возникают ссоры, не может быть эффективным, а следовательно, ему необходимы некоторое влияние и контроль.

6. Поощряй ближайших подчиненных, позволяя им наслаждаться преимуществами высокого положения.

Ближайшие помощники вожака, хотя и являются его основными соперниками, абсолютно незаменимы в моменты угрозы со стороны. К тому же, если на них оказывается чересчур сильное давление, они могут объединиться и лишит лидера власти, поэтому они любят наслаждаться привилегиями, не распространяющимися на более слабых членов группы. Им предоставлена большая свобода действий и позволено находиться ближе к вожаку, чем тем, чье положение ниже.

Любой не соблюдающий это правило лидер людей быстро оказывается в сложной ситуации. Ему в большей степени необходима помощь своих ближайших помощников, и к тому же опасность «дворцового мятежа» стоит перед ним гораздо острее, чем перед бабуином, занимающим сходное положение. За его спиной могут происходить гораздо более опасные события.

Система вознаграждения ближайшего окружения требует особого мастерства: неверная награда дает серьезному сопернику слишком много власти. Проблема заключается в том, что истинный лидер не может насладиться истинной дружбой: настоящая дружба допустима только между членами примерно одного статусного уровня.

Некое подобие дружеских отношений, разумеется, может возникнуть между лидером и подчиненным любого уровня, но разница в социальном положении всегда портит такую дружбу. Какими бы хорошими ни были намерения сторон, в дружбе такого рода неизменно появляются покровительство и лесть, омрачающие взаимоотношения.

Лидер, находящийся на самом верху социальной пирамиды, всегда одинок (в полном смысле этого слова), а его кажущиеся друзья, возможно, гораздо более кажущиеся, чем ему хочется думать. Как я уже говорил, для раздачи привилегий требуется рука мастера.

7. Защищай более слабых членов группы от неуместной травли.

Самки бабуинов с потомством стремятся держаться возле вожака. Он яростно отражает все нападки на них или на беззащитный молодняк. В качестве защитника слабых он обеспечивает выживание будущего взрослого поколения группы. Лидеры людей значительно расширили понятие «защита слабых», распространив его также на пожилых, больных и инвалидов, потому что умелому правителю нужно не только защищать подрастающее поколение, которое однажды пополнит ряды его последователей, но и уменьшать опасения взрослых, каждый из которых боится неизбежной старости, внезапной болезни или возможной инвалидности. У большинства людей желание оказать такую помощь можно считать естественным развитием их биологически дружелюбной натуры. Если же говорить о лидере, то для него это еще и вопрос того, как заставить людей работать более эффективно, заслужив большую симпатию с их стороны.

8. Принимай решения, касающиеся социальной жизни своей группы.

Когда вожак бабуинов решает двинуться в путь, за ним следует вся стая; когда он отдыхает – отдыхают все; когда он ест – едят все. Непосредственный контроль такого рода, безусловно, невозможен для лидера суперплемени, но он может играть жизненно важную роль в воодушевлении своей группы на более абстрактные поступки: он может поощрять развитие науки или делать упор на военную мощь. Наряду с другими золотыми правилами лидерства важно применять и это, причем даже тогда, когда на первый взгляд в нем нет серьезной необходимости. Даже если общество благополучно идет установленным и приемлемым курсом, для лидера очень важно некоторым образом изменять этот курс, с тем чтобы сделать свое влияние ощутимым. Недостаточно просто менять его тогда, когда что-то идет не так; лидер должен внезапно, по собственному усмотрению настоять на новых путях развития, иначе его сочтут слабым и бездеятельным. Если у него нет никаких предпочтений и особых интересов, он должен их придумать. Если ему удастся создать впечатление того, что в определенных вопросах у него есть сильные убеждения, его будут воспринимать более серьезно, когда дело коснется и всех остальных вопросов.

Многие современные лидеры, похоже, не придают этому никакого значения, и их «политическим платформам» явно недостает оригинальности. Если они и выигрывают битву за место лидера, то это не оттого, что они больше вдохновляют, а лишь оттого, что они менее скучны.

9. Время от времени успокаивай подчиненных.

Если вожак бабуинов хочет подойти к подчиненным, это может оказаться довольно затруднительно, так как его непосредственная близость неизбежно устрашает. Он может преодолеть это, избрав тактику успокоения. Заключается она в очень спокойном приближении, без внезапных или резких движений, сопровождающемся мимикой, типичной для подчиненных, дружелюбно относящихся друг к другу. Это помогает успокоить страхи более слабых животных и позволяет вожаку подойти ближе.

Лидеры людей, обычно жесткие в обращении и неулыбчивые с ближайшими подчиненными, зачастую «надевают» выражение дружеского смирения при личном общении с простыми смертными. С ними лидеры преувеличенно любезны и улыбки, машут им, долго жмут руку и даже ласкают их детей, но эти улыбки исчезают, как только они отворачиваются и возвращаются обратно, в свой жестокий мир власти.

10. Бери на себя инициативу при отражении угроз или атак, идущих извне.

Вожак бабуинов всегда выходит вперед, если нужно отразить атаку внешнего врага. Именно он берет на себя важную роль защитника всей группы. Враг бабуина – обычно опасное животное другого вида, для лидера же людей врагом является соперничающая группа одного с ним рода.

В подобные моменты его лидерство подвергается серьезной проверке, но эта проверка в известном смысле менее серьезна, чем в мирные времена. Внешняя угроза, как я уже говорил в предыдущей главе, так сплачивает членов, что задача лидера во многом упрощается. Чем больше в нем отваги и безрассудства, тем отчаяннее он защищает группу, которая под влиянием сильных эмоций никогда не осмелится усомниться в правильности его действий (не то что в мирное время), независимо от того, насколько неразумны эти действия.

Захваченный абсурдным приливом энтузиазма в связи с разгоревшейся войной, сильный лидер все же не забывает и о собственных интересах. Не прикладывая никаких особых усилий, он может убедить членов своей группы, глубоко потрясенных ситуацией и считающих убийство другого человека самым ужасным преступлением, в том, что сейчас такой поступок является не чем иным, как проявлением героизма, и считается делом чести.

Лидер не имеет права ошибаться, но если это все-таки случается, о его серьезном промахе всегда можно умолчать для поддержания национального духа. Если же эта новость станет общественным достоянием, ее можно преподнести как неудачу, а не как ошибку.

Зная это, не приходится удивляться, что в мирное время лидеры склонны изобретать или,

по крайней мере, преувеличивать опасность угрозы, идущую от иностранных держав, которым впоследствии они отводят роль потенциальных врагов. Стоит добавить немного сплоченности, и это дает огромные результаты.

Вот это и есть основные принципы власти. Должен сразу же сказать, что, сравнивая вожака бабуинов с лидером людей, я вовсе не имел в виду, что мы произошли от бабуинов или что поведение наших лидеров в этом смысле как-то связано с их поведением. Разумеется, это правда, что у нас с ними есть общий предок на пути эволюции, но суть не в этом. Главное заключается в том, что бабуины, подобно нашим древним предкам, из дремучей лесной среды переселились в мир открытого пространства, где необходим более жесткий контроль. У приматов, обитающих в лесах, не такая строгая социальная система, их лидеры находятся под меньшим давлением. Вожаку же бабуинов отводится более значимая роль, и именно поэтому я выбрал его в качестве примера. Значимость сравнения бабуина и человека заключается в том, что оно показывает самую суть природы принципов человеческого лидерства. Имеющееся поразительное сходство дает нам возможность посмотреть свежим взглядом на игру человека во власть и увидеть ее такой, какова она на самом деле, а именно – что в основе ее лежит животное поведение. Впрочем, оставим бабуинов с их более легкими задачами и поближе рассмотрим сложности, которые мы имеем в ситуации с человеком.

Если современный лидер хочет эффективно играть свою роль, он сталкивается с рядом очевидных трудностей. Гротескно раздутая власть, которой он обладает, наводит на мысль о существовании вечной опасности того, что только индивид с таким же гротескно раздутым эго будет способен успешно править суперплеменем. Чрезмерное давление может легко натолкнуть его на мысль о совершении актов насилия, что также будет более чем естественной реакцией на напряжение, связанное с суперстатусом. Кроме того, непомерная сложность задачи может поглотить его до такой степени, что он просто перестанет интересоваться повседневными проблемами своих сторонников. Хороший лидер племени всегда точно знает, что происходит с каждым членом его группы. Лидер же суперплемени, безнадежно изолированный своим высоким положением, которое дает суперстатус, и полностью поглощенный механизмом власти, очень быстро забывает обо всем остальном.

Говорят, что для того, чтобы быть успешным лидером в современном мире, человек должен быть готов к принятию важных решений при минимуме информации. Это довольно опасный путь при управлении суперплеменем, но все же так происходит на каждом шагу. Количество информации, доступной каждому индивиду, слишком велико для того, чтобы он смог ее усвоить, но и это еще не все: ведь гораздо большее ее количество, которое может никогда не выплыть наружу, скрыто в сложном лабиринте суперплемени. Пожалуй, наиболее разумно в данной ситуации будет разделиться с влиятельной фигурой лидера – отнести ее к пережиткам древнего племенного прошлого, к которому она и принадлежит, и придать ее забвению, заменив компьютеризированной организацией, состоящей из взаимозависимых экспертов.

Некое подобие такой организации безусловно уже существует, и любой государственный служащий в Англии, не колеблясь, скажет вам, что именно государственная служба и управляет страной. Для подтверждения своих слов он сообщит вам, что во время заседаний парламента его работа сильно усложняется и что серьезного прогресса можно достичь только в период парламентских каникул. Все это очень логично, но, к сожалению, не слишком биологично, к тому же (так уж сложилось) страна, на управление которой он претендует, состоит из биологических экземпляров – представителей суперплемени.

Действительно суперплеменю необходим суперконтроль, и если это становится непосильной задачей для одного человека, то кажется целесообразным решить проблему, трансформировав наделенную властью фигуру в наделенную властью организацию.

Впрочем, это не удовлетворит биологические требования сторонников. Они, может быть, и способны рассуждать как члены суперплемени, но их чувства все еще остаются племенными, и они будут продолжать требовать настоящего лидера в виде узнаваемого отдельного индивида. Это один из основополагающих принципов их рода, и от этого никуда не деться.

Организации и компьютеры могут быть ценными слугами для хозяев, но сами они

никогда не станут хозяевами (несмотря на все научно-фантастические рассказы). Многочисленной организации – безличной машине – недостает некоторых существенных качеств: она не может вдохновлять, и ее нельзя лишить власти, а значит, отдельный лидер приговорен к вечной борьбе, к обязанности вести себя на людях как лидер племени, держа марку и олицетворяя собой уверенность, а наедине с самим собой напряженно бороться с решением практически невозможных задач установления контроля над суперплемем.

Несмотря на огромные трудности, связанные с лидерством в наше время, а также невзирая на тот пугающий факт, что у честолюбивого члена современного суперплемени практически нет никаких шансов на то, чтобы стать лидирующим индивидом своей группы, стремящихся добиться высокого статуса явно не становится меньше. Желание подняться по социальной лестнице слишком древнее, слишком прочно засевшее в мозгу для того, чтобы его ослабила рациональная оценка новой ситуации.

В наших многочисленных сообществах повсеместно встречаются сотни тысяч людей – несостоявшихся и не имеющих никаких шансов на успех лидеров. Куда девается их упрямство в карабканье по лестнице? Куда уходит вся энергия? Конечно, они могут сдаться и выйти из игры, но от этого не становится легче. Недостаток такого решения заключается в том, что на самом деле они вообще из нее не выходят: они остаются на месте и высмеивают ту мышиную возню, которая их окружает. Многие члены суперплемени, правда, избегают такой печальной ситуации при помощи простого средства – борьбы за место лидера в отдельных подгруппах суперплемени. Некоторым это удастся лучше, чем что-либо другое.

Профессионализм или умение создавать конкуренцию автоматически приводит к возникновению собственной социальной иерархии, но даже в этом случае занять место истинного лидера может быть довольно проблематично. Это и служит поводом для практически произвольного создания новых подгрупп, где борьба за первенство может оказаться более результативной.

Объектом культа может быть все что угодно: от разведения канареек до наблюдения за НЛО. В любом из этих случаев природа деятельности не имеет большого значения, важно лишь то, что это позволяет создать новую социальную иерархию там, где ее раньше не было. Внутри нее быстро разрабатывается целый ряд правил и процедур, формируются комитеты и, что важнее всего, появляются лидеры.

Можно со всей вероятностью утверждать, что, как бы там ни было, чемпион по выращиванию канареек или культурист никогда бы не получил возможность насладиться пьянящими плодами власти, если бы не был членом именно своей, отдельно взятой подгруппы.

Таким образом, потенциальный лидер может дать отпор угнетающе тяжелому «социальному одеялу», которое то и дело падает на него, как только он пытается подняться по социальной лестнице своего многочисленного суперплемени.

В основе подавляющего большинства всех видов спорта, игр, хобби и развлечений лежит не та цель, которая считается общепризнанной, а гораздо более основополагающая: следуй за лидером и, если можешь, победи его. И все же это скорее определение, а не критика.

На самом деле ситуация была бы гораздо более печальной, если бы этого множества безвредных подгрупп или псевдоплемен попросту не существовало. Они позволяют реализовать многие попытки взобраться по социальной лестнице, которые, окажись они тщетны, могли бы нанести серьезный вред.

Я уже сказал, что сама природа этой деятельности не имеет большого значения, но небезынтересно отметить, что многие виды спорта и хобби содержат элемент ритуальной агрессии, а еще и элементарного соперничества.

Рассмотрим отдельно взятый пример: в основе так называемого акта «попадания в цель» лежит типичный агрессивный принцип координирования. Он, претерпев соответствующие изменения, появляется вновь в целом ряде игр, включая боулинг, бильярд, дартс, настольный теннис, крокет, стрельбу из лука, бадминтон, крикет, большой теннис, футбол, хоккей, водное поло, стрельбу и т. д. Его хоть отбавляй в аттракционах и детских играх. Несколько труднее его различить в любительской фотографии, к которой именно он-то нас так сильно и влечет: мы, снимая кадры, берем в объектив как на мушку, а значит, наши фотоаппараты сродни пистолетам, кадры пленки – пулям, фотоаппараты с длинными объективами – ружьям, а

кинокамеры – пулеметам. И все же, несмотря на то что все эти символические преобразования могут быть полезны, они не имеют ни малейшего значения, если речь идет о завоевании «превосходства в игре». Средством для завоевания превосходства может служить даже коллекционирование наклеек от спичечных коробков – разумеется, при условии, что вам удастся найти подходящих, занимающихся тем же соперников, чьи коллекции наклеек составят вашей достойную конкуренцию.

Образование специализированных подгрупп – не единственное решение дилеммы суперстатуса. Существуют еще и псевдоплемена, локализованные географически. Каждая деревня, каждый большой и маленький город и даже каждая страна внутри суперплемени развивают свою собственную региональную иерархию, создавая тем самым всё новые и новые подобию разрушительного суперплеменного лидерства.

В меньшем масштабе происходит то же самое: у каждого индивида есть крепко сплетенный «социальный круг» личных знакомых. Список имен, не связанных с бизнесом, в личной записной книжке четко отражает размеры псевдоплемени такого рода. Это особенно важно, так как все члены такого псевдоплемени лично знакомы с этим индивидом, что является одной из характерных черт настоящего племени. Правда, в отличие от настоящего племени, его члены совсем не обязательно знакомы. Все эти социальные группы пересекаются и соединяются друг с другом, образуя таким образом одну сложную сеть, и социальное псевдоплемя открывает перед каждым индивидом еще одну сферу, где он может самовыражаться и утверждаться в роли лидера.

Другим важным принципом суперплемени, благодаря которому группа разделяется, но не уничтожается, считается система социальных классов. Основа такой системы сформировалась уже довольно давно: аристократия, или правящий класс; средний класс, включающий торговцев и специалистов в какой-нибудь отрасли; и низший класс, к которому принадлежали крестьяне и рабочие. По мере увеличения размеров этих групп стали появляться подгруппы, объединенные по различным признакам, но принцип образования такой системы остался неизменным.

Разделение на классы дало возможность членам всех классов (за исключением высшего) бороться за более высокий статус на конкретном классовом уровне. Принадлежность к классу – это не только вопрос денег. Человек, занимающий высокое положение в каком-то социальном классе, может зарабатывать больше, чем тот, кто принадлежит к более высокому классу, но занимает в нем самое низкое положение. Преимущества, которые дает власть на собственном уровне, могут быть такими, что не возникнет ни малейшего желания покинуть свое классовое племя. Подобные примеры лишней раз показывают, насколько сильными могут стать племенные отношения внутри классов.

Тем не менее классово-племенная система в последнее время потерпела серьезные неудачи из-за разделения суперплемени.

В связи с тем, что суперплемена разрослись до еще больших размеров и технологии стали еще более сложными, для того, чтобы идти в ногу со временем, было необходимо поднять требования к стандарту образования.

Образование, соединенное с прогрессом в сфере массовой коммуникации и особенно с воздействием рекламы на массы, привело к значительному стиранию классовых барьеров. На смену приятному ощущению, что у тебя есть собственное место в жизни, пришло еще более волнующее ощущение, что теперь появилась реальная возможность улучшить это положение. Но, несмотря на это, старая классово-племенная система все еще сопротивлялась; впрочем, она продолжает упорствовать и по сей день.

Сегодня совершенно отчетливым примером внешних проявлений этой непрекращающейся битвы является всё возрастающая скорость цикличности моды. Новые стили в одежде, мебели, интерьере, музыке и искусстве сменяют друг друга все стремительнее. Как правило, считается, что тут все дело в коммерческих интересах, но это было бы слишком просто. На самом же деле гораздо проще продавать новые вариации на старые темы, чем придумывать абсолютно новые темы.

И все же спрос на новые темы непрерывно растет, так как старые слишком уж быстро проникают в социальную систему, и чем скорее они достигают низшего уровня, тем быстрее их нужно заменять чем-то новым и эксклюзивным на верхнем. История еще не видела столь

невероятного круговорота стилей и вкусов, в результате же, разумеется, теряется псевдоплеменная индивидуальность, которая достигалась за счет старой (негибкой) социально-классовой системы.

Недавно развившаяся новая раздельная суперплеменная система в какой-то степени возмещает эту потерю: появляются возрастные классы, все большим становится различие между тем, что теперь следует называть «псевдоплеменем молодых» и «псевдоплеменем взрослых». У первого есть собственные обычаи и своя система иерархии, которые значительно отличаются от обычаев и системы последних.

Абсолютно новый феномен сильных молодых идолов и студенческих лидеров появился в абсолютно новом псевдоплеменном подразделении. Отдельные попытки, предпринятые псевдоплеменем взрослых для того, чтобы взять новую группу под свой контроль, практически не увенчались успехом.

Вдалбливаемые в головы молодых лидеров постулаты об уважении к старшим или терпеливое принятие кричащей молодежной моды и стилей приводит лишь к еще более мятежным крайностям. (Если, к примеру, курение марихуаны когда-нибудь будет легализовано и общепризнано, придется немедленно произвести ряд замен, как когда-то алкоголю пришлось потесниться, уступив место марихуане.)

Когда эти крайности дойдут до той степени, что взрослые перестанут считать их допустимыми для себя или откажутся подражать им, тогда молодые некоторое время смогут спокойно отдохнуть. Безопасно размахивая флагами нового псевдоплемени, они смогут с удовлетворением наслаждаться ощущением своей новой псевдоплеменной независимости, а также своей отдельной системой власти, легче поддающейся управлению.

Серьезный урок, который следует из этого вынести, заключается в том, что древняя биологическая потребность человеческого рода в племенной уникальности является могущественной силой, которую невозможно подавить. Как только один суперплеменной раскол незаметно ликвидируется, сразу же появляется другой. Действующие из благих побуждений власти беспечно толкуют о «надеждах на создание единого мирового сообщества». Они отчетливо видят техническую возможность такого развития, учитывая чудеса современных средств коммуникации, но они упорно стараются не замечать биологических трудностей.

Пессимистично? Ничего подобного. Перспективы останутся мрачными лишь до тех пор, пока не будет достигнута согласованность с биологическими требованиями видов. Теоретически не существует никаких препятствий для того, чтобы конструктивно объединить маленькие группировки, удовлетворяющие требованиям племенной самобытности, внутри нескольких быстро растущих суперплемен, которые, в свою очередь, при условии конструктивного взаимодействия могли бы сформировать одно огромное мировое мегаплемя. Все неудачи, постигающие эти попытки до сих пор, объясняются желанием *стереть* существующие различия между группами, а не улучшить природу этих различий путем преобразования их в более полезные и мирные формы конкурентоспособного социального взаимодействия. Попытки уравнивать весь мир, превратив его в огромное унифицированное пространство, заранее обречены на неудачу. Это касается всех уровней – от отделившихся наций до отколовшихся группировок. Когда что-то угрожает чувству социальной уникальности, оно оказывает отпор. То, что ему приходится бороться за свое существование, в лучшем случае грозит социальным переворотом, в худшем же – кровавой массовой бойней. Более подробно мы остановимся на этом в одной из следующих глав, а сейчас вернемся к вопросу социального статуса и рассмотрим его на уровне индивида.

Какое же именно место занимает современный охотник за статусом? Во-первых, у него есть личные друзья и знакомые, все вместе они образуют его социальное псевдоплемя. Во-вторых, у него есть сообщество, в котором он живет, – его региональное псевдоплемя. В-третьих, у него есть специализация: профессия, ремесло или работа, а также игры, хобби или занятия спортом. Они образуют его специализированные псевдоплемена. Ну и, в-четвертых, он несет в себе пережитки классового племени и является членом нового возрастного племени.

Все эти подгруппы вместе предоставляют ему гораздо больше шансов для достижения некоего превосходства, а также для удовлетворения своего основного инстинкта – получения статуса, чем место крошечной частицы в однородной массе, человекоподобного муравья,

взбирающегося на гигантский суперплеменной муравейник. Все вроде бы неплохо, но есть одна загвоздка.

Прежде всего превосходство, достигнутое в ограниченной подгруппе, уже само по себе ограничено. Возможно, оно истинно, но это лишь часть решения проблемы: ведь невозможно пренебрегать тем фактом, что вокруг происходит нечто более значительное. Крупная рыба, плавающая в маленьком пруду, никогда не перестанет мечтать о большом озере. Когда-то такой проблемы не существовало, так как жесткая и не терпящая компромиссов классовая система заставляла каждого оставаться на своем месте. Возможно, это и вносило определенную ясность, но в то же время могло слишком быстро привести к застою и упадку суперплемени. Не имеющие особых талантов индивиды пользовались всеми благами, а многим из тех, кто действительно обладал большим талантом, приходилось оставаться в стороне, растрачивая свою энергию на строго ограниченные цели. У потенциального гения из низшего класса было гораздо меньше шансов на успех, чем у расшвырявшегося идиота из высшего общества.

Ценность жесткой классовой структуры заключается в том, что она послужила средством раскола, хотя, по сути, она была совершенно бесполезной, и ее конечное исчезновение вовсе не удивительно. Ее призрак все еще марширует, но в настоящее время его практически повсеместно заменила гораздо более эффективная меритократия, где каждый индивид теоретически имеет возможность достичь своего оптимального уровня, а найдя его, может усилить свою социальную индивидуальность, примкнув к одной из многочисленных псевдоплеменных группировок.

Такая меритократическая система, конечно, действует возбуждающе, но у нее есть и обратная сторона, так как наряду с возбуждением существует еще и напряжение. Важная особенность меритократии, хотя она и старается избежать небрежного отношения к талантам, заключается в том, что она еще и раскрывает сквозной канал, идущий с самых низов до самых верхов гигантского суперплеменного сообщества. Если любой мальчик благодаря собственным заслугам может в конце концов стать величайшим из лидеров, тогда на каждого победившего будет приходиться по миллиарду проигравших. Эти проигравшие, впрочем, больше не смогут винить в своей неудаче внешние силы несправедливой классовой системы, им придется честно признать, что проиграли они только из-за личных недостатков.

Таким образом, создается впечатление, что в любом крупном, деятельном и прогрессивном суперплемени должно быть большое количество охотников за статусом, которые, несмотря на старания, все же терпят постоянные неудачи. На смену молчаливой удовлетворенности жесткого застойного общества пришли лихорадочные стремления и страстные желания более гибкого и развивающегося общества. Какова же реакция тех, кто борется за получение статуса? Ответ очень прост: если они не могут взобраться на самый верх, то изо всех сил стараются создать иллюзию того, что они менее зависимы, чем это есть на самом деле. Для лучшего понимания такой ситуации здесь, пожалуй, будет уместно мимоходом взглянуть на мир насекомых.

Существует множество видов ядовитых насекомых, и крупные животные не употребляют их в пищу, поэтому в интересах этих насекомых иметь какой-нибудь отличительный предупреждающий сигнал. Обычная оса, например, обладает бросающейся в глаза желто-черной полосатой окраской. Она настолько особенна, что хищному зверю не составит труда ее запомнить и он быстро научится избегать насекомых с такой окраской. Точно так же происходит и с другими ядовитыми насекомыми, поэтому все они становятся членами так называемого «предупреждающего клуба».

Для нас в данном контексте важно то, что некоторые абсолютно *безвредные* виды насекомых пользуются преимуществами такой системы, приобретая окраску, похожую на окраску ядовитых членов «предупреждающего клуба». Некоторые безобидные мухи, к примеру, имеют такую же желто-черную полосатую окраску, как у ос. Став, таким образом, мнимыми членами «предупреждающего клуба», они пользуются всеми привилегиями, распространяющимися на ядовитых насекомых. Убийцы не осмеливаются нападать на них, несмотря на то что на самом-то деле могли бы недурно перекусить.

Мы попробуем воспользоваться этим примером с насекомыми для проведения грубой аналогии, которая поможет нам понять, что происходит с охотниками за статусом. Все, что нам

нужно сделать, — это заменить яд властью. Настоящие наделенные властью индивиды демонстрируют свой высокий статус множеством различных способов. Они подают сигналы своего превосходства тем, как одеваются, в каких домах живут, как путешествуют, говорят, развлекаются и едят.

По социальным знакам принадлежности к «клубу власть имущих» их высокий статус сразу становится очевидным и для подчиненных, и для таких же, как они, а следовательно, у них нет необходимости каждый раз подтверждать свое превосходство каким-нибудь другим способом. Подобно ядовитым насекомым, им не приходится жалить своих врагов, — им нужно лишь дать сигнал о том, что при желании они могут это сделать.

Отсюда совершенно очевидно, что безобидные подчиненные могут вступить в «клуб власть имущих» и пользоваться его преимуществами при условии, что им удастся продемонстрировать такие же сигналы. Если, подобно желто-черным мухам, они смогут подражать желто-черным осам, то можно предположить, что им, по крайней мере, удастся создать иллюзию своего превосходства.

Действительно имитация превосходства стала одним из основных занятий суперплеменных охотников за статусом, и поэтому важно рассмотреть ее более подробно. Прежде всего необходимо точно определить различие между символом статуса и имитацией превосходства. Символ статуса — это внешний признак истинного уровня социального превосходства, которого вам удалось добиться. Имитация превосходства — это внешний признак уровня превосходства, которого вам бы хотелось добиться, но которого еще нет. В материальном смысле это означает примерно следующее: символ статуса — это то, что вы можете себе позволить, а имитация превосходства — это то, что вы не совсем можете себе позволить, но тем не менее покупаете. Для имитации превосходства, таким образом, зачастую требуется жертвовать чем-то другим, в то время как при наличии истинного символа статуса в этом нет никакой необходимости.

Совершенно очевидно, что в существовавших ранее обществах, с их более жесткими классовыми структурами, не было таких широких возможностей для имитации превосходства.

Как я уже отмечал, людей гораздо более удовлетворяло то, что у каждого есть свое место, но всё возрастающее желание — мощная сила, и к тому же, какой бы жесткой ни была структура, исключения из правил всегда были и будут. Наделенные властью индивиды, видя, что имитаторы ослабляют их позиции, реагировали незамедлительно: для обуздания имитирования они вводили строгие предписания и даже законы.

Хорошим примером здесь могут служить правила, касающиеся одежды. Эта тема настолько актуальна, что в Англии в 1363 году парламентом был принят закон, касающийся главным образом правил, регламентирующих моду в одежде различных социальных классов. В Германии эпохи Возрождения женщина, одевавшаяся неподобающе своему положению, была обязана носить на шее грубый шерстяной платок. В Индии были введены строгие правила относительно того, как каждой касте следует наматывать тюрбан. В Англии времен Генриха VIII бархатные шляпы или золотые цепочки разрешалось носить только тем женщинам, чей муж отдал в королевское войско хорошего скакуна. В Америке новоанглийского периода женщине запрещалось носить шелковый шарф, если у ее мужа не было состояния в тысячу долларов. Подобные примеры можно приводить до бесконечности.

Сегодня с распадом классовой структуры таких законов стало значительно меньше. Теперь они ограничиваются лишь несколькими особыми категориями, такими как медали, титулы и регалии, обладание которыми без соответствующего статуса все еще считается незаконным или, по крайней мере, социально неприемлемым, хотя, в принципе, сейчас индивид, наделенный властью, гораздо меньше защищен от попыток имитации превосходства, чем когда-либо.

Впрочем, он нашел довольно изобретательный способ, как за это отплатить. Сознывая, что индивиды с низким статусом будут всегда стремиться подражать ему, он, в свою очередь, сделал доступными дешевые подделки массового производства, имитирующие его собственные вещи. Искушение было слишком сильным, и приманку проглотили. Покажем на примере, как это работает.

Женщина, имеющая высокий статус, носит бриллиантовое кольцо; женщина же с низким

статусом носит колье из бисера. Оба колье сделаны превосходно; бисер недорог, но смотрится эффектно и привлекает внимание, к тому же не претендует казаться тем, чем на самом деле не является. Для статуса он не имеет ни малейшего значения, и поэтому носящая его женщина хочет чего-то большего. Никаких указов или законов, запрещающих ей носить бриллиантовые колье, не существует.

Усердно работая, экономя каждый пенни и в конце концов потратив больше, чем она может себе позволить, эта женщина, возможно, все же приобретет колье из маленьких, но настоящих бриллиантов. Но, сделав этот шаг и украсив свою шею колье, имитирующим превосходство, она будет представлять угрозу для женщины, обладающей высоким статусом; их статусные различия начнут стираться. Следовательно, человеку, имеющему высокий статус, ничего не остается, как пустить в продажу колье из больших, но поддельных бриллиантов. Такие колье недороги и так привлекательны внешне, что женщина с низким статусом прекращает бороться за настоящие бриллианты и вместо них довольствуется подделкой. Ловушка захлопнулась, настоящую имитацию превосходства удалось предотвратить.

На поверхности это, конечно, не так очевидно. Кажется, что женщина с низким статусом, радуясь своей вульгарной подделке, продолжает имитировать свою властительную соперницу, но это всего лишь иллюзия. Дело в том, что поддельные бриллианты слишком хороши, чтобы быть настоящими, если сопоставить их с образом жизни женщины. Они никого не введут в заблуждение и, следовательно, не помогут повысить статус.

Кажется удивительным, что зачастую этот трюк довольно эффективно работает, но это и вправду так. Он уже проник во многие сферы жизни, и это не прошло бесследно. Он практически уничтожил искусство и ремесла, которыми владели люди, имеющие низкий статус. На смену народному творчеству пришли дешевые копии творений великих мастеров; народную музыку заменила граммофонная пластинка; вместо ручных поделок появились пластиковые имитации более дорогих товаров, выпущенные массовым производством.

Вскоре стали быстро формироваться общества, пытающиеся изменить эту тенденцию и возродить народное творчество, но ущерб ему уже был нанесен. Все, чего они смогли добиться в лучшем случае, – это сыграть роль таксидермистов народной культуры. Как только все общество сверху донизу охватила погоня за статусом, обратного пути уже не было. Если, как я уже предполагал ранее, общество соберется восстать против унылой скуки этого «нового однообразия», то, скорее всего, это произойдет посредством рождения новой культуры, а не возрождения старой.

Но действительно серьезно настроенный борец за повышение своего статуса восставать не будет. Дешевые подделки для него не значат ровным счетом ничего, его ими не обманешь. Он прекрасно осознает, что это ловкий обман, иллюзия, имитация превосходства. Для него превосходство выражается в обладании по-настоящему ценными предметами, и, для того чтобы создать впечатление чуть большего социального превосходства, чем то, которым он на самом деле обладает, он всегда должен иметь чуть больше, чем может себе позволить. Только в этом случае его обман могут принять за чистую монету.

Для безопасности он старается сконцентрировать свое внимание на тех сферах, где подделок просто не существует. Если он может позволить себе покупку маленького автомобиля, он покупает средний; если может купить средний – покупает большой; если же может приобрести один большой автомобиль – покупает второй небольшой для ежедневного пользования; если большие машины становятся слишком распространенным явлением, он покупает маленькую, но жутко дорогую спортивную машину иностранного производства; если в моду входят большие задние фары, он покупает самый современный автомобиль с еще большими, для того чтобы тот, кто находится сзади, знал, кто впереди него. Но вот чего он никогда не станет делать, так это покупать картонные модели «роллс-ройсов» в натуральную величину и выставлять их рядом с гаражом. Мир фанатика, борющегося за повышение статуса, не приемлет поддельных бриллиантов.

Автомобили – это только единичный пример, но довольно показательный, так как встречается на каждом шагу. Впрочем, страстному борцу за статус этого недостаточно. Если он собирается создать убедительную картину для своих конкурентов, обладающих высоким статусом, он, а также его банковский счет должны участвовать во всем. Вся система покупок в

рассрочку, ипотека и превышение банковского кредита обязаны своим существованием именно подобному желанию увеличить свою власть в рамках имитации превосходства.

К несчастью, нелепые внешние атрибуты упорного охотника за статусом приобретают такую значимость, что, кажется, становятся чем-то большим, чем они есть на самом деле. В конечном счете они лишь имитируют превосходство, не имея при этом ничего общего с истинным превосходством. Истинное превосходство, истинный социальный статус связаны с влиянием и властью над подчиненными членами суперплемени, а не с обладанием двумя цветными телевизорами. Разумеется, то, что вы можете легко купить второй цветной телевизор, является естественным отражением вашего положения и играет роль истинного символа статуса. Совсем другое дело – покупка второго цветного телевизора в то время, когда вы можете позволить себе лишь один. Это может показать тем, чей статус выше, вашу готовность присоединиться к ним, но вовсе не дает гарантии, что вам это действительно удастся. Ваши соперники, находящиеся на одном с вами уровне и движимые тем же желанием, тоже займутся приобретением вторых цветных телевизоров, но основной закон иерархии заключается в том, что лишь немногим удастся добиться своего и подняться на один уровень выше. Эти счастливицы могут вполне оправданно украсить лентой победителя свои вторые цветные телевизоры: их имитатор превосходства сделал свое дело. Всем же остальным, потерпевшим неудачу, приходится оставаться на своем месте в окружении многочисленных дорогостоящих имитаторов превосходства, которые в один момент стали тем, чем и являются на самом деле, – иллюзией величия. Проигравшие проглатывают горькую пилюлю, когда осознают, что все это вовсе не дает никаких гарантий, хотя и может быть крайне полезно для успешного продвижения вверх.

Чрезмерное стремление к имитации превосходства может нанести серьезный ущерб. Оно не только заставляет менее успешных охотников за статусом пережить тяжелое разочарование, но еще и требует от члена суперплемени так много усилий, что у него практически не остается времени ни на что другое.

Очень часто случается, что охотник, чересчур озабоченный погоней за статусом, вынужден забросить свою семью. Это приводит к тому, что женщина в доме берет на себя роль мужчины. Такое положение вещей создает психологически вредную атмосферу для детей, которая может изменить их понимание роли каждого пола. Ребенок видит, что отец лишился роли лидера в семье. Тот факт, что он принес ее в жертву борьбе за власть в гораздо более обширном масштабе суперплемени, для ребенка равным счетом ничего не значит, поэтому будет удивительно, если он вырастет психически уравновешенным человеком. Даже подростку, осознающему, что существует гонка за статусом в суперплемени и хвастающемуся достижениями отца в этой сфере, эти достижения не заменят отсутствия активного отеческого влияния. Несмотря на его статус, растущий во внешнем мире, отец может запросто стать в семье «пустым местом».

Такое положение вещей приводит нашего борца за статус в крайнее замешательство: он соблюдает все правила, и все же что-то идет не так. Требования суперстатуса в людском зверинце поистине жестоки: либо человек проигрывает и разочаровывается, либо он добивается успеха и теряет контроль над семьей. Бывает и того хуже: он может так усердно трудиться, что и потеряет место в семье, и потерпит неудачу в борьбе за статус.

Все это дает нам повод говорить о другой, более агрессивной реакции некоторых членов суперплемени на крушение надежд, связанных с борьбой за превосходство. Исследователи, изучающие поведение животных, считают такую реакцию перенаправлением агрессии. В лучшие моменты это лишь неприятный феномен, в худшие же он становится в буквальном смысле смертельным. Он отчетливо проявляется при встрече двух соперничающих животных: каждое хочет напасть на соперника и каждое боится это сделать. Если проснувшуюся агрессию не выплеснуть на вызвавшего ее грозного противника, она обязательно найдет себе другую жертву. Козлом отпущения станет более спокойный, менее устрашающий индивид, на которого и изольется сдерживаемая до сих пор злость. Он не сделал ничего, чтобы ее вызвать; его «вина» заключается лишь в том, что он слабее настоящего противника и не столь страшен, как он.

Во время погони за статусом часто случается, что подчиненный не осмеливается открыто показать свою злость на лидера (слишком многое поставлено на карту), поэтому ему

приходится искать себе другую жертву, которой могут стать его несчастные дети, жена или собака. Когда-то приходилось страдать бокам его лошади – сегодня страдает коробка передач его машины. Если у него большой штат подчиненных, он может отыгаться на них при помощи слов. Если же у него нет ни одной из этих возможностей, остается лишь один человек – он сам, и, следовательно, ему приходится «уесть» самого себя.

В крайних случаях, когда все кажется совершенно безнадежным, он может довести направленную на себя агрессию до максимальной степени, то есть покончить с собой. (Известны случаи, когда животные в зоопарке наносили себе тяжелые травмы, кусая собственную плоть до кости, если не могли достать врага через решетку, но вот совершение самоубийства характерно, пожалуй, только для людей.) Существует множество точек зрения, касающихся основных причин самоубийства, но вряд ли кто станет отрицать, что основным фактором является перенаправленная агрессия.

Один авторитетный исследователь дошел даже до того, что заявил следующее: «Никто не убивает себя, если не хочет убить и других или, по крайней мере, не желает смерти другому». Возможно, это слегка преувеличено. Человек, убивающий себя из-за боли, вызванной неизлечимой болезнью, вряд ли попадает в эту категорию. Было бы странно предполагать и то, что он хочет убить доктора, которому не удалось его вылечить. Чего он действительно хочет, так это избавиться от боли. Но все же множество других случаев объясняется именно перенаправлением агрессии. Вот несколько фактов, подтверждающих это.

Уровень самоубийств в больших городах гораздо выше, чем в сельской местности. Мужчины гораздо чаще совершают самоубийства, чем женщины (впрочем, последние начинают их стремительно догонять в этом деле). Другими словами, уровень самоубийств выше у того пола, который в большей степени вовлечен в погоню за статусом, а так как сейчас женщины становятся все более эмансипированными и все чаще вступают в эту гонку, они все чаще разделяют и связанный с нею риск. Уровень самоубийств возрастает также в моменты экономических кризисов. Иными словами, когда погоня за статусом претерпевает трудности наверху иерархической лестницы, внизу возрастает перенаправленная агрессия, что приводит к пагубным последствиям.

Во время войны уровень самоубийств заметно падает. Кривая самоубийств XX столетия показывает два огромных спада, приходящихся на период двух мировых войн. Иными словами, зачем убивать себя, если можно убить кого-то другого? Именно неспособность убить тех, у кого больше превосходства, и потенциальное желание совершить самоубийство заставляют человека перенаправлять свою тягу к насилию. У него есть выбор: убить менее опасного козла отпущения или же самого себя. В мирное время нереализованное желание совершить убийство чаще всего оборачивается попыткой самоубийства, но во время войны человеку приказано убивать, следовательно, снижается и уровень самоубийств.

У самоубийства и убийства есть много общего. В определенном смысле их можно считать двумя сторонами одной медали. Существующая тенденция показывает, что в странах с высоким уровнем убийств уровень самоубийств значительно ниже, и наоборот. Складывается впечатление, что в мире скопилось много агрессии, которой необходимо дать выход, и она, если не высвободится одним путем, обязательно найдет другой. Каким образом агрессия выйдет, зависит от того, насколько непримиримо каждое конкретное общество относится к убийству. Если эти запреты слабы, уровень самоубийств будет значительно меньше. Это напоминает ситуацию военного времени, когда все запреты на убийство намеренно и активно снимаются.

И все же современные суперплемена ко всему, что связано с убийством, относятся в целом слишком уж непримиримо. Большинству из нас, никогда не стоявшему перед выбором между убийством и самоубийством, довольно трудно разобраться в этих противоречивых вещах, хотя, если руководствоваться теорией, кажется, что биологически более естественно лишить жизни кого-то другого, чем себя самого, но факты говорят совсем обратное. В Великобритании в последние несколько лет количество самоубийств за год составляло примерно пять тысяч, в то время как число раскрытых убийств не достигало и двухсот. К тому же, если изучить все эти убийства, можно обнаружить нечто неожиданное.

Большинство из нас составляет свое представление об убийствах по репортажам в газетах

и детективным романам, но газеты и писатели чаще всего пишут о тех убийствах, которые сделают книгу или газету продаваемой. На самом же деле наиболее распространены грязные и отвратительные убийства в кругу семьи, когда жертвой становится близкий родственник. В 1967 году в Великобритании было совершено 172 убийства, и 81 из них было как раз такого рода. Более того, в 51 случае после убийства преступник разделялся и с собственной жизнью. Большинство таких случаев связано с тем, что человек, одержимый неутоленным желанием выброса агрессии, сначала убивает своих близких, а затем и себя самого. Зачастую оказывается, что ему невыносима сама мысль о том, что он оставит их жить и страдать от всего им содеянного, и поэтому он не находит ничего лучшего, как сначала лишить жизни их.

Исследователи, изучающие убийства, обнаружили, что после совершения убийства с преступником могут происходить довольно интересные изменения. Если он не довел дело до конца и сразу же не покончил с собой, он, скорее всего, почувствует такое невероятное облегчение от снятия напряжения, что вдруг обнаружит в себе явное нежелание совершать самоубийство. Общество довело над ним и довело до того, что он был готов покончить с жизнью, но убийство всей семьи настолько удовлетворяет пылающую в нем жажду мести обществу, что теперь его депрессия проходит и он чувствует огромное облегчение. Но вместе с тем он оказывается в довольно непрестом положении: он окружен мертвыми телами, и все свидетельствует о том, что он только что совершил тяжкое убийство, тогда как на самом деле это было лишь прелюдией к самоубийству. Вот к каким ужасающим крайностям может привести перенаправленная агрессия.

К счастью, большинство из нас не впадает в подобные крайности; наши семьи страдают лишь оттого, что иногда мы приходим домой не в духе. Многие члены суперплемени находят отдушину в том, что смотрят фильмы, где кто-то другой расправляется с негодями и убивает злодеев. Примечательно, что в обществах со строгой субординацией и жесткой системой управления показывают значительно больше фильмов, связанных с насилием. На самом же деле можно поспорить по поводу того, что привлекательность ужасов вымышленного насилия прямо пропорциональна разочарованию, испытанному в жизни и связанному с получением превосходства.

Поскольку уже сам размер огромных суперплемен предполагает наличие в них большого числа тех, кто потерпел неудачу в борьбе за превосходство, широкое распространение и популярность вымышленного насилия вполне объяснимы. В качестве доказательства здесь будет достаточно сравнить количество продаваемых во всем мире книг авторов, пишущих о насилии, с количеством продаваемых книг других писателей. Согласно результатам недавнего исследования непревзойденных бестселлеров в области художественной литературы, имя одного автора, специализирующегося на ужасах насилия, появлялось в двадцатке лучших книг семь раз, а общее число его проданных книг превысило 34 миллиона. На телевидении картина примерно та же. Подробный анализ передач, транслировавшихся в Нью-Йорке в 1954 году, показал, что в течение одной недели на экране появилось не менее 6800 агрессивных эпизодов.

Совершенно очевидно, что существует острая необходимость наблюдать за тем, как другие подвергаются крайним формам насилия, но ценность и безвредность этих актов как средства, способствующего выходу подавляемой агрессии, довольно спорны. Таким образом, так же, как и в имитации превосходства, причина, по которой люди наблюдают за насилием, совершенно очевидна, но вот ценность этого довольно сомнительна. Чтение о гонениях или же наблюдение за ними никак не изменяет ситуацию, существующую в реальной жизни читателя или наблюдателя. Он может наслаждаться этим, пока это его привлекает, но когда все заканчивается и он возвращается обратно в суровую реальность, он остается по-прежнему зависимым от своего места в обществе. Таким образом, этот способ снятия напряжения носит лишь временный характер и напоминает почесывание укуса насекомого. Более того, почесывание укуса может привести к усилению воспаления. Увлечение вымышленными увечьями может увеличить невнимание к феномену насилия в целом. Единственный плюс в том, что, пока люди заняты чтением книг о насилии или просмотром такого рода кинофильмов, сами они актов насилия не совершают.

Действия перенаправления агрессии зачастую характеризуются как феномен «...и клерк пнул кота». Это подразумевает то, что только члены низшей ступени иерархии направляют

свой скрытый гнев на животное. К несчастью для животных, это не совсем так, и в доказательство этого общества защиты животных могут привести множество цифр. Жестокое обращение с животными служило средством выхода перенаправленной агрессии еще со времен древних цивилизаций и, разумеется, было свойственно не только низшим слоям социальной иерархии. Мы сталкиваемся с этим и по сей день. Бойни в римских амфитеатрах, травля медведя в Средние века и современный бой быков не оставляют сомнений в том, что причинение боли животным и их убийство всегда сильно привлекали членов суперплеменных сообществ. Действительно, с тех пор как наши предки, чтобы выжить, начали охотиться, человек стал причинять животным боль и убивать их, но в доисторические времена мотивы для этого были совершенно иными. Строго говоря, тогда не было жестокости в том смысле, как принято ее понимать в соответствии с существующим определением, гласящим: «Жестокость – это наслаждение от чьей-то боли».

В суперплеменные времена мы убиваем животных по четырем причинам: чтобы добыть пищу, одежду и другие материалы; чтобы истребить паразитов и вредителей; с целью продолжения научных исследований, а также для того, чтобы испытать удовольствие от убийства. Первые две из этих причин объединяют нас с древними предками-охотниками, последние же две можно считать инновациями суперплеменных условий. В данный момент нас интересует только четвертая из этих причин. Остальные, разумеется, также могут содержать элемент жестокости, но такая характеристика не является для них основной.

История намеренной жестокости по отношению к другим видам стала развиваться довольно странно. Древний охотник имел много общего с животными, он испытывал к ним уважение. Точно так же (что вполне естественно) было и у древних народностей, занимавшихся сельским хозяйством. Но с началом развития городских поселений большие группы людей лишились возможности прямого контакта с животными – и уважение было потеряно.

По мере роста цивилизаций возрастала и надменность человека, он закрыл глаза на тот факт, что по сути ничем не отличается от других видов животных. Образовалась огромная пропасть: теперь отличительной особенностью человека стало то, что у него была душа, которой нет у других животных, – другие были всего лишь неразумными тварями, сотворенными для его удовольствия.

По мере распространения христианской религии все сильнее стало укрепляться мнение, что животные существуют лишь для того, чтобы помогать человеку. У нас нет необходимости вдаваться в подробности, но стоит заметить, что еще в середине XIX века папа Пий IX не дал разрешение на открытие в Риме общества защиты животных на том основании, что человек должен исполнять свой долг по отношению к себе подобным, а это никоим образом не относится к животным.

Позднее, в том же веке, один ученый иезуит написал: «У неразумных тварей нет понимания, а значит, не являясь личностями, они не могут иметь какие-либо права... Следовательно, мы не должны испытывать милосердие или какие-либо другие обязательства по отношению к низшим животным, аналогично тому, как мы не испытываем ничего подобного по отношению к растениям или камням».

Многие христиане начали сомневаться в правильности такого отношения к братьям нашим меньшим, но человек и животные стали ближе друг другу только тогда, когда появилась теория эволюции Дарвина, которая и оказала сильное влияние на человеческий разум. Признание родства человека с животными, которое было совершенно естественным для древних охотников, положило начало новой эры уважения. В результате за последние несколько столетий наше отношение к намеренной жестокости в обращении с животными стремительно менялось, но, несмотря на всё возрастающее осуждение такого отношения, этот феномен еще существует повсеместно. Публичные его проявления встречаются все реже, но частные случаи жестокого обращения с животными еще имеют место. Сегодня мы можем уважать животных, но они по-прежнему остаются нашими подчиненными, а значит, и самыми незащищенными объектами для перенаправленной агрессии.

Наиболее уязвимыми подчиненными после животных являются дети, и, несмотря на гораздо более строгие запреты, существующие в этом отношении, они также довольно часто становятся жертвами перенаправленного насилия. Жестокость, с которой животные, дети и

другие беззащитные подчиненные подвергаются гонениям, отражает степень давления, оказываемого на преследователей.

Этот механизм можно увидеть в действии даже в военное время, прославляющее убийство. Сержанты и другие военнослужащие командного состава часто чересчур грубо обращаются с подчиненными не просто для поддержания дисциплины, но и для того, чтобы вызвать чувство ненависти, намеренно желая обратить эту ненависть против врага во время сражения.

Теперь, посмотрев назад, мы видим, как неестественно тяжелый вес превосходства, который является неотъемлемой характеристикой суперплеменных условий, неумолимо давит на нас. Из-за ненормальности такой ситуации для животного, именуемого человеком, который всего лишь несколько тысячелетий назад был простым племенным охотником, выработались модели поведения, которые по всем стандартам поведения животных также можно считать ненормальными: преувеличенное внимание к имитации превосходства, наслаждение при наблюдении за актами насилия, намеренная жестокость по отношению к животным, детям и другим подчиненным, убийства и (в случае неудачи со всем остальным) акты насилия над собой и самоуничтожение. Наш член суперплемени, жертвующий семьей ради того, чтобы вскарабкаться хоть на одну ступень выше по социальной лестнице, тайно наслаждающийся жестокостями книг и фильмов, пинающий собак, бьющий детей, преследующий слабых, мучающий свои жертвы, убивающий своих врагов, зарабатывающий болезни нервов и вышибающий себе мозги, – не такое уж приятное зрелище. Он часто похвалялся своей уникальностью в животном мире, и в этом смысле это и вправду так.

Действительно, другие виды также не чужаются напряженной борьбы за статус и зачастую тратят большую часть своей социальной жизни на достижение превосходства, но в естественной среде обитания дикие животные никогда не доводят такое поведение до крайностей, наблюдаемых в современной человеческой среде.

Как я сказал в самом начале, нечто подобное может происходить только в тесных клетках зверинца. Если в неволе собирается слишком много животных и они содержатся слишком близко друг к другу, тогда в неестественной среде зверинца, безусловно, возникнет серьезная проблема. Начнутся травля, нанесение увечий и убийства, появятся неврозы, но даже самый неопытный директор зверинца никогда бы не допустил, чтобы группа животных была такой многочисленной и жила в такой тесноте, в какой живет человек в современных городах. Директор со всей уверенностью мог бы сказать, что такое положение дел неизбежно приведет к полному упадку и краху нормальной (для конкретных видов животных) социальной модели. Он был бы крайне удивлен и поражен, если бы кто-то предложил ему поместить в такие условия его обезьян или грызунов. Человечество же по собственной воле именно так с собой и поступает; оно не только ведет борьбу в таких условиях, но и ухитряется как-то выживать. По всем правилам людской зверинец должен был давно превратиться в сумасшедший дом с царящей в нем полной социальной неразберихой. Циники могут заметить, что на самом деле так оно и есть, но с этим можно поспорить. Тенденция к тесному сосуществованию вовсе не уменьшается, а как раз наоборот – является движущей силой. Различные виды нарушений в моделях поведения, которых я коснулся в этой главе, поразительны, и не столько тем, что они существуют, а скорее своей редкостью, если принимать во внимание размеры населения, затрагиваемого ими. Примечательно то, что лишь немногие из борющихся членов суперплемени становятся жертвами тех действий, о которых я здесь говорил. На каждого отчаявшегося охотника за статусом, разрушителя домашнего очага, убийцу, самоубийцу или преследователя приходится сотни мужчин и женщин, которые не только выживают, но и процветают в необычных условиях суперплеменных скоплений. Это, пожалуй, больше, чем что-либо другое, служит поразительным доказательством огромного упорства, стойкости и находчивости нашего вида.

3

Секс и суперсекс

Вы не всегда едите оттого, что голодны, и пьете не обязательно потому, что вас мучает

жажда. В людском зверинце процессы потребления пищи и утоления жажды имеют множество значений: можно щелкать орехи от нечего делать, а можно посасывать леденцы, чтобы успокоить нервы. Подобно дегустатору вин, можно только пригубить напиток и тут же выплюнуть его, а можно (на спор) залпом выпить десять кружек пива. При определенных обстоятельствах вы можете проглотить даже бараний глаз, если это необходимо для подтверждения вашего социального статуса.

Ни в одном из этих примеров описываемые действия не совершены для утоления физического голода. Такое многофункциональное использование основных поведенческих качеств не распространено в мире зверей, однако в людском зверинце великолепное умение человека извлекать выгоду из сложившихся обстоятельств делает его жизнедеятельность более эффективной и интенсивной. Теоретически это можно назвать преимуществом высшего племенного строя, но в этом есть и свои недостатки, которые скоро дадут о себе знать, если не относиться к этому процессу должным образом. Если слишком много есть для успокоения нервов, ожирение и проблемы со здоровьем вам обеспечены; если слишком много пить определенные виды жидкости, можно испортить печень или стать алкоголиком; если переусердствовать с дегустацией различных продуктов, можно заработать несварение желудка. Такие проблемы возникают оттого, что нам не удается в процессе утоления голода и жажды выделить основную, питательную, функцию среди второстепенных. Мы уже не вспоминаем о привычке древних римлян засовывать перо в горло, чтобы вызвать рвоту и избавить желудок от излишней пищи, а то, что дегустаторы вин избегают глотать напиток, воспринимается нами не более как исключение из правил. И все же мы вполне способны повысить многофункциональность процесса утоления голода и жажды, не опасаясь нанести серьезный вред здоровью.

Ситуация с сексуальным поведением человека аналогична, за исключением того, что она намного сложнее и заслуживает особого внимания. В этой области мы терпим серьезный крах в попытке отделить основную, репродуктивную, функцию сексуальных отношений от второстепенных, и все же в условиях людского зверинца это не помешало превращению секса в многофункциональный суперсекс несмотря на подчас катастрофические последствия для самих людей. Человеческая приспособляемость не знает границ, и кажется непостижимым, что такой важный и чрезвычайно полезный вид жизнедеятельности поразительным образом избежал эволюционных преобразований. Фактически из всех видов человеческой активности секс, несмотря на всю свою опасность, является самым совершенным с функциональной точки зрения, и можно выделить по крайней мере десять основных его разновидностей.

Чтобы разобраться в ситуации, проще рассмотреть каждую целевую функцию сексуального поведения в отдельности. На начальной стадии важно понимать, что, хотя все эти функции различны и независимы друг от друга, а иногда и противоречат друг другу, они вовсе не являются взаимоисключающими. Любой отдельно взятый процесс ухаживания или половой акт может одновременно преследовать несколько целей.

Вот эти десять функциональных категорий.

1. Секс для воспроизведения потомства

Без сомнения, эта категория сексуального поведения людей является основной. Иногда высказываются ошибочные суждения о том, что это единственная естественная, а стало быть, и наиболее характерная для человека функция. Как ни парадоксально, но некоторые религиозные группы, придерживающиеся такого мнения, не следуют тому, что проповедуют, а их монахи, монахини и большинство священников отказывают себе в том, что считают самым естественным из всего естественного.

Здесь необходимо сделать одно важное замечание: когда численность населения значительно возрастает, ценность воспроизводящей функции секса стремительно падает и в конечном итоге становится совсем мизерной. Вместо того чтобы быть основным средством продолжения жизни, секс становится потенциальным механизмом разрушения. Подобное периодически случается с такими животными, как лемминг и мышь-полевка, которые в особо урожайные годы размножаются с такой интенсивностью, что количество особей становится катастрофическим и подавляющее большинство из них погибает. Та же ситуация наблюдается

сейчас в людском зверинце, и скоро человеку, возможно, придется столкнуться с необходимостью приобретать лицензию на продолжение рода, прежде чем ему будет позволено воспроизвести потомство.

Эта проблема не из тех, которые можно назвать незначительными, и в последние годы она вызывала множество ожесточенных споров. Мнения разделились, и каждое из них заслуживает внимания, хотя спор этот постепенно стихает, так как противоположные стороны под воздействием друг друга занимают все более крайние позиции.

На повестке дня — основной вопрос: имеем ли мы право регулировать процесс размножения? Или наоборот, согласно формулировке противоположной стороны: имеем ли мы право не вмешиваться в этот процесс? Дебаты обычно разгораются при рассмотрении философской, этической или религиозной стороны вопроса. А что, если рассмотреть эту тему с биологической точки зрения?

Когда группа людей отказывается прилагать определенные усилия для ограничения рождаемости, из этого извлекается двойная выгода. Во-первых, темпы размножения в этой группе намного выше, чем в тех, которые используют современные средства контрацепции. Увеличиваясь в размерах, она в конце концов поглотит все остальные — факт, который не может не заинтересовать лидеров этой группы, как военачальников, так и религиозную верхушку. Во-вторых, политика этой группы гарантирует усиление основной ячейки общества — семьи. Супружеская пара является ячейкой не просто сексуальных отношений, но и родительских чувств, и чем сильнее эти чувства, тем стабильнее семья.

Аргументы довольно сильные, но доводы тех, кто придерживается противоположного мнения, тоже звучат убедительно. Сторонники контрацепции могут возразить, что угрозы поглощения одной группы людей другой больше не существует: перенаселенность стала проблемой всей Земли и должна рассматриваться сообща. В этом смысле нас можно сравнить с огромной колонией леммингов, занимающей площадь всей планеты, и если случится катастрофа, то она коснется всех. По правде говоря, возможность подобной катастрофы вполне реальна.

Что же касается семейных пар, то еще неизвестно, создает ли контрацепция неестественные условия или, наоборот, возвращает нас в естественное состояние. До появления медикаментов, противозачаточных средств и других современных способов предохранения семейная ячейка могла обзаводиться большим количеством потомства, но процент детской смертности был высок. Все, чего контрацепция (конечно, в разумных пределах) способна достичь, это приблизить данный процент к уровню того времени, когда еще не было изобретено искусственное оплодотворение человеческой яйцеклетки.

Если мы сейчас не задумаемся о совместном решении проблемы контрацепции, то неизбежно появится другой фактор, ограничивающий рост населения. Животные, именуемые людьми, быстро достигают предела возможного, и, если не удастся умирить нашу плодовитость добровольными способами, расплачиваться за это придется уже нынешнему поколению. Если профилактика лучше лечения, то необходимость контрацепции очевидна. Довольно трудно понять человека, который доказывает, что профилактика возникновения жизни хуже, чем лечение от болезни под названием «жизнь». Каждый человек — это не просто организм для безрассудного использования, это высококачественный продукт, которому для совершенства и развития требуются годы и который нуждается во всевозможной защите. Тем не менее противники контрацепции упорно отстаивают свои убеждения. В случае их победы толпы отпрысков непродохравшихся родителей, получившие от них путевку в этот мир, смогут увидеть полный крах всего человеческого сообщества.

2. Секс для создания пары

С точки зрения биологии человек — парное животное. По мере развития отношений эмоциональная связь между потенциальными супругами стимулируется и подкрепляется взаимной сексуальной деятельностью. Важность целевой функции данной категории в сексуальном поведении человека подтверждается тем, что ни в одной другой категории сексуальная активность не отличается такой регулярностью и такой высокой интенсивностью.

Именно эта функция лежит в основе многочисленных неприятностей, возникающих на

почве противоречий между ней и разнообразными нерепродуктивными формами секса. Даже если удастся с успехом избежать секса для воспроизведения потомства и оставить яйцеклетку неоплодотворенной, потребность в моногамных отношениях может автоматически породить то, чего вовсе и не было запланировано. Именно поэтому случайные половые связи часто являются источником многочисленных проблем.

Если в детстве один из сексуальных партнеров пережил некие события, которые каким-то образом нарушили функционирование его инстинкта формирования пары, так что он оказался неспособным «полюбить» или же в определенный момент подавляет стремление к созданию пары, тогда случайное совокупление может стать удачным и доставить удовольствие, причем без каких-либо последствий. Но в половом акте непременно должны быть два участника, и партнеру это может не очень-то нравиться. Если его потребность в постоянном партнере сильнее, то результатом эмоциональной интенсивности сексуальной деятельности может стать одностороннее стремление к моногамным отношениям. В этом случае общество неизбежно переполняется такими индивидами, которых привыкли называть «разбитыми сердцами», «озабоченными страдальцами» и «брошенными любовниками», то есть теми, кому в дальнейшем чрезвычайно трудно найти нового партнера для формирования моногамной пары.

И только если стремление к моногамии отсутствует или подавляется у обоих партнеров в равной степени, случайный половой акт может быть совершен без особого риска. Но даже в такой ситуации всегда существует опасность, что сексуальные чувства партнера окажутся настолько сильны, что у него произойдет возрождение утерянной потребности в постоянном партнере или же такая потребность сформируется заново.

3. Секс для сохранения пары

Когда пара благополучно сформирована, сексуальная активность преследует цель поддержания и укрепления взаимоотношений. Эта активность может оказаться более качественной и пойти по экстенсивному пути развития, но по сравнению с периодом поиска партнера ее интенсивность обычно падает, поскольку стремление к образованию пары уже отсутствует.

Данные различия между сексом для образования пары и сексом для ее сохранения становятся видны невооруженным глазом, когда партнеры, между которыми наконец сложились прочные отношения, вынуждены расстаться на некоторый период времени (например, во время войны или из-за необходимости уехать в деловую командировку, а может, и по какой-нибудь иной причине). В первые ночи после воссоединения пары, как правило, наблюдается всплеск сексуальной активности, причем партнерам не требуется много времени на восстановление прежней эмоциональной близости.

И все же есть еще одно явное противоречие, которое необходимо разрешить. Заранее спланированные браки, практикующиеся у некоторых народов, или антисексуальная пропаганда вмешиваются в естественный биологический процесс зарождения чувства «влюбленности», а это может привести к тому, что молодые люди окажутся новоиспеченными супругами, даже не зная друг друга или имея в сознании сильную неприязнь к половому акту. В таких случаях партнеры иногда замечают (если все складывается удачно), что их сексуальные отношения становятся более активными несколько позже. Секс периода сохранения пары кажется им на первый взгляд более интенсивным, чем во время ее формирования, что явно не соответствует сделанным в предыдущем абзаце заключениям, но это не столько противоречие, сколько искусственно продленный этап формирования отношений.

Такие пары не всегда оказываются счастливыми. Очень часто такая семья вынуждена рассчитывать на внешние социальные трудности, сближающие супругов, вместо того чтобы следовать по более фундаментальному и надежному пути – укреплять внутренние семейные связи. Если в этом случае один из супругов не ощущает биологической «привязанности» к своей семье, то существует большая вероятность внезапного возникновения серьезных внебрачных отношений. Истинное стремление к созданию пары будет, так сказать, оставаться незадействованным, но готовым в любой момент приступить к делу и разрушить то, что именуется псевдоотношениями.

Существуют различные степени риска в отношениях партнеров, которым *действительно*

удается строить свой брак на основе настоящей моногамии. Этот риск является следствием не антисексуальной пропаганды, а наоборот – сексуальной агитации, в результате которой у партнеров может возникнуть мысль, что высокая интенсивность секса для создания пары должна сохраняться даже после полного окончания процесса формирования отношений. Если этого не происходит, им начинает казаться, что что-то не так, в то время как на самом деле они просто благополучно подошли к этапу сохранения пары. Значение репродуктивного секса может как недооцениваться, так и переоцениваться, но в обоих случаях возможны неприятности.

Эти три первые целевые функции сексуальной деятельности – воспроизведение потомства, создание пары и сохранение пары – присущи основным репродуктивным категориям сексуального поведения человека. Прежде чем приступить к изучению нерепродуктивных категорий, уместно будет сделать одно важное замечание. Индивидуумы, чей моногамный инстинкт каким-то образом нарушен, иногда утверждают, что такое явление, как биологическое стремление к формированию пары, человеческому роду несвойственно. «Романтическая любовь», как они предпочитают это называть, является недавним изобретением современного человека, причем сделанным с определенной целью. Большинство людей, считают они, весьма неразборчиво в связях, как и их предки-обезьяны, однако факты свидетельствуют об обратном.

Действительно, во многих странах экономическая ситуация в значительной степени искажает процесс формирования пар, но даже там, где воздействие на этот процесс со стороны официально практикующихся «псевдоотношений» пресекается самым строжайшим образом, с помощью жестоких карательных мер, такие отношения все равно существуют. Во все времена молодые любовники, даже прекрасно понимая, что по закону они могут лишиться головы, если их уличат в сексуальной связи, все же шли на такой риск. Вот она – сила основного биологического инстинкта!

4. Физиологический секс

Для взрослых и здоровых особей мужского и женского пола характерно стремление к периодическому удовлетворению биологической потребности – к сексуальной разрядке. Без такой разрядки в организме накапливается физиологическое напряжение, которое время от времени необходимо снимать. Любой половой акт снимает подобное напряжение у индивидуума, если тот во время него испытывает оргазм. Даже если совокупление не выполняет ни одной из остальных девяти целевых функций сексуального поведения, оно удовлетворяет, по крайней мере, данную физиологическую потребность. Для одинокого, а значит, сексуально не удовлетворенного мужчины эту функцию может выполнить визит к проститутке. Существует и более радикальное решение проблемы, которое позволяют себе индивидуумы обоих полов, – мастурбация.

Недавние исследования, проведенные в Америке, показали, что как минимум 58 % женщин и 92 % мужчин этой страны когда-либо достигали оргазма с помощью мастурбации. Поскольку данный половой акт не требует участия партнера и не может привести к оплодотворению, пуритане в прошлом не раз пытались запретить его; странные же предрассудки в отношении мастурбации существовали всегда.

Список того, что якобы угрожает мастурбирующему, был внушителен: обезвоживание, бесплодие, исхудание, фригидность, спазмы, бледный цвет лица, истерия, головокружение, желтуха, уродство, потеря рассудка, бессонница, истощение, прыщи, боли, смерть, раковые опухоли, язва желудка, рак гениталий, расстройство желудка, головные боли, аппендицит, сердечная недостаточность, проблемы с почками, недостаток гормонов и слепота.

Эта замечательная коллекция катастрофических последствий была бы довольно забавной, если бы не те страдания и страх, которые, наверное, вызывали подобные ужасы в сердцах людей год за годом, век за веком. К счастью, эти предрассудки, не имеющие под собой никаких оснований, постепенно отступают, а вместе с ними исчезают и многочисленные ненужные опасения.

Если активного выброса сексуальной энергии на протяжении долгого времени не происходит, организм может сам исправлять ситуацию. И у закоренелых холостяков, и у

старых дев разрядка происходит в виде самопроизвольных оргазмов во время сна. Представители обоих полов периодически видят эротические сны, сопровождаемые полноценной мышечной реакцией на увиденное и заканчивающиеся генитальными выделениями у женщин и поллюциями у мужчин.

Даже личностям, глубоко религиозным и придерживающимся правил строгого воздержания, не чужды самопроизвольные оргазмы, хотя форма их проявления выглядит совершенно по-другому – в виде неистовства, экстаза и транса, сопровождающих религиозные обряды. Святая Тереза, например, так описывала свое состояние, когда ей было видение ангела: «В его руках я увидела длинное золотое копье, на острие которого сиял огонь. Он несколько раз вонзил копье в мое сердце, и огонь проник мне внутрь. Когда ангел вынимал копье, казалось, что вместе с ним он вытягивает и мои внутренности, а когда он исчез, мое сердце продолжало гореть, переполняясь любовью к Господу. Боль была такой острой, что я застонала; и таким сладостным было блаженство, вызванное этой болью, что хотелось ощущать его вечно».

К сожалению, нам слишком мало известно о самопроизвольных оргазмах в жизни убежденных холостяков и старых дев, чтобы можно было судить о распространенности или частотности такого явления, но мы знаем о том, что индивидуумы, жившие активной половой жизнью, но затем попавшие в тюрьму, начинают видеть эротические сны значительно чаще. Во время исследований, проведенных в группе из 208 заключенных, такое наблюдалось более чем у 60 %.

Однако было бы ошибочным вообразить, что эротические сны предназначены *исключительно* для компенсации недостаточной сексуальной разрядки в условиях отсутствия других, более энергичных способов достижения оргазма.

Это явление гораздо сложнее, чем можно себе представить, так же как проституция и мастурбация, которые выполняют свои сексуальные функции, пусть и несколько иные.

Некоторые индивидуумы начинают видеть эротические сны гораздо чаще в периоды непривычно высокой интенсивности сексуальной жизни, когда в основе половой гиперактивности лежит принцип «чем больше имеешь, тем больше хочется». Но это вовсе не мешает утверждать, что самопроизвольный оргазм может произойти и действительно происходит как реакция организма на отсутствие необходимой сексуальной разрядки. Более того, это даже подтверждает сложность данного феномена. Но сейчас нас интересует только та функция секса, которая отвечает за снятие физиологического напряжения, и совершенно ясно, что она непременно должна быть включена в состав десяти целевых функциональных категорий сексуального поведения человека.

Физиологический секс присущ и другим видам животных, поэтому стоит отдельно рассмотреть несколько примеров.

Как и следовало ожидать, в зоопарках такой секс встречается чаще, чем в естественных условиях дикой природы.

Многие животные, изолированные от своих сородичей, прибегают к мастурбации. Такое поведение наиболее распространено среди обезьян. Иногда самец стимулирует пенис рукой или ногой, иногда ртом, а иногда кончиком хвоста. Самцы слонов могут делать это с помощью хобота, а слонихи, содержащиеся в вольере без самцов, хоботами стимулируют гениталии друг друга. Даже лев, запертый в клетке зверинца, ухитряется принять удобную позу, опершись на стену, и мастурбировать передними лапами.

Замечено, что самцы дикобраза иногда ходят на трех лапах, четвертой держась за гениталии. А один дельфин в бассейне подставлял свой возбужденный пенис под мощную струю устройства циркуляции воды.

Похоже, что животным также случается видеть и эротические сны: у домашних котов, когда они спят, иногда можно наблюдать эрекцию, которая даже заканчивается полноценной эякуляцией.

5. Секс ради эксперимента

Это один из основополагающих атрибутов человеческой изобретательности. По всей вероятности, еще наши предки-обезьяны испытывали сильнейшую тягу к исследованиям; это, кстати, характерно для всех видов отряда приматов. Однако когда первые люди начинали свою

охотничью деятельность, им, естественно, пришлось развивать и тренировать свою любознательность, стремясь довести до совершенства способность досконально исследовать все детали окружающего мира.

Несомненно, стремление знать и понимать было движущей силой всего: оно вело человека на поиски новых пастбищ, новых охотничьих угодий, заставляло его вечно что-то изучать, задавать новые вопросы и вечно оставаться неудовлетворенным старыми ответами. И это стремление было настолько сильным, что вскоре ему стали подвластны все остальные аспекты человеческого поведения.

С появлением суперплемен даже такие простые атрибуты бытия, как способы передвижения, были подвергнуты исследованию на предмет возможного усовершенствования.

Вместо того чтобы просто ходить, бегать и быть довольными этим, мы пробовали прыгать, скакать на одной ноге, бежать вприпрыжку, маршировать, танцевать, ходить на руках, нырять и плавать, причем львиную долю наслаждения доставлял собственно эксперимент, осознание открытия новой разновидности действия. Периодическое повторение действия – подтверждение открытия – составляло остальную долю удовольствия, но сейчас мы на этом останавливаться не будем.

В сфере секса данная тенденция вела к расширению спектра разнообразных вариантов сексуальной активности. Сексуальные партнеры постоянно экспериментировали с новыми способами взаимной стимуляции. Древние авторы сексуальных трактатов подробно описывали бесчисленное множество новых эротических телодвижений, способов стимуляции, прикосновений, звуков, запахов и поз для совокупления, составлявших основу грандиозного эротического эксперимента.

Несмотря на то что этот эксперимент являлся неотъемлемой частью процесса эволюции человека и проходил параллельно с подобными исследованиями в других областях поведения, основанных на чувственном восприятии (например, прием пищи), разные народы постоянно предпринимали попытки запретить его. Официальный повод для запретов был все тот же (мы о нем уже говорили): считалось, что все сексуальные инновации выходят за рамки действий, необходимых для воспроизведения потомства.

Значение познавательного секса как механизма укрепления моногамных отношений и последующего формирования здоровой семейной ячейки сильно недооценивалось, и это заслуживало сожаления по одной простой, но очень важной причине. Как я уже сказал, интенсивность занятий любовью на стадии создания пары несколько выше, чем в то время, когда пара уже полностью сформирована. Теоретически, если семейные отношения достаточно прочны и на ячейку не оказывается пагубное воздействие извне, это не имеет большого значения. Система человеческих взаимоотношений является адаптивной, то есть если бы чрезмерная интенсивность сексуальных отношений между молодыми партнерами, обычная для начальной стадии, продолжалась бесконечно, то это негативно отражалось бы на эффективности всей остальной деятельности партнеров. Но стресс и напряжение жизни в условиях суперплемен не могут не влиять на благополучие семьи, внешнее давление на партнеров чрезвычайно велико. И в этой ситуации на следующей ступени отношений переход от первоначальной интенсивности половой жизни к сексу ради эксперимента оказывается идеальным решением проблемы, и, несмотря на непрекращающиеся запреты, мы продолжаем экспериментировать неустанно.

Есть только один недостаток. Удовольствие от экспериментов с новыми способами сексуальной стимуляции, практикующимися у супругов, помогает создавать благоприятную обстановку в семье, но здесь кроется и подвох. Потребность в новизне может привести не только к желанию попробовать новые формы со старым партнером, но и к стремлению попробовать старые формы с новым партнером, и даже более того – новые формы с новым партнером!

Таким образом, секс ради эксперимента похож на обоюдоострый клинок. Поскольку люди суперплеменного строя акцентируют все большее внимание на том, что касается исследовательской стороны своего поведения, а система образования, всеобщее обучение, искусство, наука и технологии полностью зависят от этого, то соответственно усиливаются и исследовательские порывы во всех других аспектах поведения.

В области секса это приводит к некоторым трудностям. Мысль о том, что супруга где-то на стороне оттачивает технику полового акта, или о том, что муж перед совокуплением с женой предварительно разминается с кем-то еще, представляется глубоко оскорбительной для каждого из супругов, поскольку вступает в противоречие с понятием об исключительности моногамных взаимоотношений партнеров, поэтому сексуальные эксперименты вне семьи вынуждены храниться в тайне и угроза измены партнера становится важным фактором. Семейная ячейка – древнейшее и основное социальное ядро общества – в результате подвергается разрушительному воздействию, но все же ей удастся каким-то образом выжить.

Такого рода проблем не возникало бы, если бы мы были животными другого вида: откладывали бы яйца в песок, как черепахи, и оставляли их, – но для нас, с нашими непреодолимыми родительскими чувствами, сексуальные эксперименты на стороне являются вдвойне опасными. Они не только дают повод для безудержной ревности, но и повышают вероятность случайного возникновения новых моногамных отношений между представителями разных семей, что оказывает долговременное негативное воздействие на психику детей из этих семей.

Различные сексуальные извращения и секты могут иногда принести пользу в данной ситуации, но ошеломительный успех такого рода предприятий, как правило, бывает временным и оказывается уделом неординарных и одаренных личностей. Только самый строгий надзор со стороны обоих партнеров способен держать такие сексуальные эксперименты под контролем. Даже гаремы, распространенные в некоторых странах, на фоне успешного развития суперплеменного строя не очень-то процветают, и некоторые ученые именно их считают главной причиной социального застоя в этих странах.

Наряду с остальными девятью разновидностями сексуального поведения человека секс ради эксперимента относится к одной из основных функциональных категорий и наблюдается и у других представителей животного мира. Так как для него требуется высокая изобретательность, неудивительно, что он присущ в основном высшим приматам. В частности, большие человекообразные обезьяны, помещенные в условия неволи, демонстрируют довольно внушительное разнообразие сексуальных новшеств, в том числе множество позиций для совокупления, не распространенных среди их диких собратьев.

6. Секс ради удовольствия

Перечислить все функции сексуального поведения человека невозможно без рассмотрения категории, в основе которой лежит такое понятие, как секс ради секса, поскольку сексуальная активность сама по себе уже приносит удовлетворение, независимо от всего остального. Данная функциональная категория имеет много общего с предыдущей, но все же они разные.

Взаимосвязь между сексом ради эксперимента и сексом ради удовольствия примерно такая же, как между исследовательской деятельностью и развлечениями или между спонтанной игровой активностью ребенка и специально организованной детской игрой. Когда ребенок с головой погружается в атмосферу новой игры, поначалу он, как правило, следует постоянно меняющимся порывам, основанным на стремлении поскорее изучить новый для него вид деятельности.

По прошествии некоторого времени такое почти непредсказуемое поведение плавно перетекает в размеренное следование правилам игры: вырисовывается структура игры и ее суть. В зависимости от ситуации это может быть игра, в которой нужно куда-то карабкаться, где-то прятаться или на кого-то охотиться, и ребенок будет с энтузиазмом играть в нее снова и снова, не пытаясь внести ненужные (с его точки зрения) изменения в правила. Пока игра приносит удовольствие, она будет повторяться бесконечно, даже если она уже давно устарела. Первоначальная спонтанная активность вызывала восторг, потому что это был новый игровой эксперимент; дальнейшее неоднократное повторение привычных действий нравится просто потому, что доставляет удовольствие.

Сходство между сексом ради эксперимента и сексом ради удовольствия достаточно очевидно. Сколько раз каждая супружеская пара испытывала незабываемое удовольствие от полового акта – не для воспроизведения потомства, когда цель создания и сохранения пары уже давно достигнута и когда нет никакой необходимости в проведении новых сексуальных

экспериментов. Это и есть секс ради удовольствия, или, если угодно, чистая эротика.

Для участника полового акта он все равно что кулинарное искусство для гурмана или эстетическое начало для художника. Глупо было бы петь дифирамбы незабываемым вкусовым или эстетическим ощущениям, осуждая при этом красоту эротики, и все же такое происходит довольно часто. Действительно все чрезмерное приводит к возникновению проблем, но это относится и к гастрономическим, и к эстетическим излишествам.

Неумная сексуальная активность часто влечет за собой истощение, когда не остается сил на все остальное и нарушается гармония жизни, точно так же, как отсутствие меры в еде часто приводит к ожирению и наносит вред здоровью, а чрезмерное акцентирование внимания на проблемах эстетики часто пагубно отражается на восприятии других сторон общественной жизни. В каждом случае все происходит по одному и тому же сценарию.

Осуществление какого-либо действия только ради самого процесса подразумевает высвобождение некоторого количества свободного времени и неволеванной энергии, которые, естественно, тратятся на основные жизненные нужды. Так происходит в урбанизированном человеческом обществе, так происходит и в обществе зверей, заключенных в клетки зоопарка, где питание гарантировано, а враги находятся далеко, в других клетках, и неудивительно, что именно здесь можно найти примеры гиперсексуальности животных.

7. Секс как способ времяпровождения

Данная категория сексуальной активности представляет собой разновидность трудотерапии, или, если угодно, лекарство от скуки. Она имеет много общего с предыдущей категорией, но опять же отличия между ними отчетливо видны. Разница примерно такая же, как между состоянием просто свободного времени и состоянием скуки. Секс ради удовольствия – это один из многих приятных способов утилизации появившегося свободного времени, который исключает даже малейшие намеки на синдром скуки. Его функция, несомненно, погоня за чувственным наслаждением. Занятие сексом, чтобы убить время, наоборот, действует как терапевтическое средство против скучного проживания в стерильной и однообразной среде. Легкая скука порождает безделье и отсутствие цели и мотивации. Невыносимая скука в условиях серости и пустоты бытия производит обратный эффект: она порождает беспокойство и возбуждение, раздражительность и даже злость.

Поразительные результаты дали эксперименты, проведенные в группе студентов, на каждого из которых надели светонепроницаемые очки и грубые перчатки, ограничивающие даже малейшие движения рук, и поместили их поодиночке в пустую комнату. Чем дольше они находились взаперти, тем труднее им было расслабиться. Из всех сил они старались придумать хоть какое-то занятие, которое подходило бы для таких ограниченных условий. Они начинали свистеть, разговаривать сами с собой, пританцовывать, стараться делать хоть что-нибудь, каким бы абсурдным это ни было, только бы нарушить монотонность существования. Через несколько дней у них стали наблюдаться признаки сильнейшего стресса, и дальнейшее нахождение в подобных условиях не представлялось возможным.

Невыносимая скука, стало быть, не является результатом длительного безделья, а как раз наоборот. Достигнуть состояния крайней скуки возможно, выполняя *любую* работу в течение длительного времени. Данная ситуация слишком опасна, чтобы просто получать чувственное наслаждение, характерное для секса ради удовольствия; она скорее определяется необходимостью избежать проблем, связанных с длительным бездельем. Отсутствие активности губительно для нервной системы, и мозг старается делать все возможное, чтобы этого избежать.

В условиях, благоприятных для возникновения синдрома скуки (имеется в виду однообразие окружающего мира, правда не искусственно созданное, как в вышеупомянутом эксперименте, а естественное), объектом, который быстрее всего поможет выйти из состояния монотонного существования, оказывается само человеческое тело, и если других объектов не находится, то в качестве такового всегда выступает собственное тело. Можно кусать ногти, ковырять в носу, можно расчесывать волосы, всегда можно довести тело до состояния сексуального возбуждения. Так как целью является максимальное возбуждение, то в данной ситуации действия часто отличаются жестокостью и болевыми ощущениями, а иногда

сопровождаются серьезными увечьями или травмированием гениталий. Боль, сопутствующая этому, является в какой-то мере частью такой странной терапии в отличие от побочных эффектов.

Жестокость и длительная мастурбация типичны для данного явления, и здесь не редкость даже разрыв мягких тканей или втыкание острых предметов в зону гениталий.

Экстремальные формы секса как способа времяпровождения характерны для заключенных – людей, принудительным образом изолированных от нормальной (с точки зрения половой стимуляции) среды обитания. Секс среди заключенных вовсе не относится к чисто физиологическому – ведь для простого удовлетворения физиологической потребности требуется гораздо меньше усилий.

Признаки данного феномена можно обнаружить и при наблюдении за жизнью людей интровертов с некоторой патологией в психическом развитии, причем проявляются они даже в среде, с виду благоприятной для нормальной половой жизни. Однако более тщательные исследования показывают, что эти люди, хотя и не обделены достаточным количеством внешних сексуальных стимуляторов, оказываются не подвластными им в силу своей ненормальной психики. Их физиологические потребности находятся на голодном пайке среди изобилия. Если по какой-либо причине причислить их к категории антисоциальных элементов и изолировать от общества ментально, то есть лишить всяких контактов с окружающим нормальным миром, они способны прибегнуть к экстремальной стимуляции с той же интенсивностью, с какой пользуются ею заключенные, изолированные от общества в физическом смысле, то есть находящиеся в камерах. Ведь в изоляции (как физической, так и ментальной) сексуальные извращения как способ времяпровождения теряют свою негативную сущность и становятся скорее средством спасения от бездействия.

Животные в клетках чувствуют примерно то же самое. Изолированные от собратьев, они могут заниматься физиологическим сексом. Лишенные необходимости поиска пищи и защищенные от врагов, а также имея много свободного времени, они не прочь заняться сексом ради удовольствия, но, почувствовав невыносимую скуку, они способны прибегнуть к самым экстремальным формам секса как способа времяпровождения. Некоторые самцы обезьян становятся одержимы мастурбацией. Самцы копытных животных, содержащиеся в одной клетке с самками, но изнывающие от безделья, могут в буквальном смысле загнать своих сокамерниц до смерти, бегая за ними по всей клетке и приставая без устали.

Такое же поведение замечено и у человекообразных обезьян. Один орангутан жил в пустой клетке, и, когда к нему подселили самку, он во время спаривания так обнял ее, что у бедняги отнялись передние лапы и ее пришлось срочно отселить. Вообще, обезьяны (маленькие и большие), выросшие в изоляции от своих сородичей, после помещения их в общество себе подобных какое-то время не могут приспособиться к новым условиям. Подобно людям с недостатками в физическом развитии, жившим долгое время «в своем мире», они забиваются в угол и продолжают свои занятия сексом ради времяпровождения на глазах у изумленных новых товарищей.

Это довольно распространенное явление у шимпанзе, которых часто заводят в качестве домашних животных, а потом выбрасывают в зрелом возрасте, после чего они попадают в зоопарки. Одну такую пару шимпанзе, выросших в подобных условиях, для создания «семьи» поместили вместе в отдельную клетку. Сексом они занимались регулярно и интенсивно, но только не друг с другом. Они, хотя и делили одну клетку на двоих, оставались ментально изолированными. Сидя вдали друг от друга, они мастурбировали самыми различными способами: на глазах у самца, занимающегося пенисом в другом углу клетки, самка для стимуляции своих половых органов использовала веточки или деревянные щепки, которые отрывала зубами от стены.

8. Успокаивающий секс

Нервная система не терпит как длительного бездействия, так и чрезмерной активности. Успокаивающий секс является противоположностью сексу как способу времяпровождения.

Последний является средством от скуки, в то время как успокаивающий секс – это средство против суматохи и стрессов. Окруженный и подавленный странными,

противоречивыми, незнакомыми или пугающими событиями, человек ищет спасения в старых добрых вещах, которые способны успокоить его расшатавшиеся нервы. Когда напряженность жизни становится невыносимой, человек пытается расслабиться с помощью действий, которые принесут удовлетворение от сознания завершенности дела: ведь полная стрессов, сверхэнергичная деятельность редко позволяет довести начатое до конца. Он тянет лямку и никак не может решить свои проблемы, потому что его постоянно дергают и мешают осуществить задуманное. Его неудовлетворенность растет, пока не свершится какое-нибудь незамысловатое знакомое событие (не важно, насколько соответствующее ситуации) и не предоставит ему возможность выплеснуть свою энергию и расслабиться (если, конечно, все сложится удачно).

Банальные действия (например, курение, жевание жвачки или выпивка) помогают ослабить напряжение. Успокаивающий секс выполняет ту же роль. Солдаты на войне, ожидающие начала битвы, или директор фирмы во время финансового кризиса могут найти временное успокоение в объятиях чувственной женщины. Эмоциональное возбуждение может быть минимальным, а сам процесс – традиционным. В какой-то степени чем более автоматическими будут действия, тем лучше, потому что мозг и так загружен эмоциями бытия, ему требуется разрядка.

Похожими выглядят и действия зверей, именуемые сублимирующими. Когда два соперничающих представителя животного мира встречаются лицом к лицу, каждый готов атаковать противника, но оба боятся этого. Они сталкиваются с проблемой, и в таких противоречивых и не удовлетворяющих обоим условиях могут делать что-нибудь простое и не стандартное для данной ситуации (например, чистить шерсть или ковырять землю в поисках пищи или материала для гнезда). Такие сублимирующие действия, конечно, не решают проблему, но дают возможность на время отвлечься от стрессового состояния. Если самка имела несчастье оказаться поблизости, она рискует незамедлительно стать объектом сексуального домогательства, которое (как и в случае с солдатами или директором) носит стереотипный и незамысловатый характер.

9. Коммерческий секс

Проституцию мы уже упоминали, но только с точки зрения клиента. Для самой проститутки секс выполняет совершенно иную функцию. Побочные факторы могут быть какими угодно, но основная и превалирующая его функция – коммерческая. Коммерческий секс может играть важную роль и во взаимоотношениях многих супружеских пар, когда существует односторонняя моногамная связь: один супруг предоставляет сексуальные услуги другому в обмен на деньги или, скажем, на квартиру. Тот, кто имеет эти деньги или квартиру, действительно нуждается в моногамных отношениях, но в результате получает фальшивку. Женщин (или мужчин), которые вступают в брак ради денег, конечно же, можно считать проститутками. Единственная разница в том, что она (или он) получают плату за свои услуги косвенным образом, а обыкновенная проститутка работает по принципу «хочешь секса – плати», но, независимо от длительности подобных отношений, функция, которую выполняет сексуальная активность такой пары, в основном остается неизменной.

В какой-то степени сексуальные услуги в обмен на материальную выгоду предоставляют стриптизерши и стриптизеры, платные партнерши и партнеры в танцах, манекенщицы и манекенщики, танцовщицы и танцоры, участницы и участники конкурсов красоты, а также многие актрисы и актеры. За определенную плату они участвуют в представлении, стимулирующем начальную стадию полового возбуждения, но (по всем правилам) не рассчитанном на дальнейший переход к непосредственному половому акту.

Компенсацией (за отсутствие логического продолжения) часто служит слишком откровенный и шокирующий характер действий участников: сексуальные позы и движения, имидж и анатомические данные – все это своей недвусмысленностью призвано затмить ограниченность предоставляемых услуг.

Коммерческий секс – явление редкое в животном мире, даже в зверинцах, но определенные проявления «проституции» были замечены в поведении некоторых приматов. Самки обезьян предлагали себя самцам, сидящим с ними в одной клетке, чтобы заполучить

кусочки пищи, разбросанные по полу, так как секс отвлекал самцов от необходимости следить за неприкосновенностью своих запасов.

10. Секс ради статуса

Эта последняя функциональная категория сексуального поведения открывает перед нами странный мир, полный неожиданных откровений и богатый своим разнообразием. Секс ради статуса проникает в нашу жизнь множеством скрытых и непознанных способов. Из-за сложности этого явления я не стал рассматривать его в предыдущей главе, с тем чтобы посвятить ему больше внимания здесь. Будет разумнее, если мы начнем с изучения форм этого секса, наблюдаемых у других представителей животного мира, прежде чем приступим к рассмотрению этого сексуального поведения у человека.

Секс ради статуса имеет в своей основе стремление к власти, а не воспроизведение потомства, и, чтобы осознать, как происходит это преобразование, нам придется понять, как меняются сексуальные роли самца и самки. Хотя для полноценного сексуального акта необходимо равноценное участие обоих полов, все же приходится признать, что самка млекопитающего играет, как правило, роль поддающегося, а самец – роль агрессора. (Это не тот случай, когда самец, говоря официальным языком, сексуально домогается самки, не желающей вступать в половой контакт, и его действия характеризуются как «развратные».) Здесь не играет особой роли тот факт, что самка физически намного слабее самца: данные отношения являются неотъемлемой частью нормального полового акта. Так уж повелось, что самец млекопитающего должен покорить самку: именно он должен завоевать право «вторжения в тело» своей партнерши. Чрезмерно покорная самка или слишком агрессивный самец считаются плохими актерами, склонными переигрывать, но покорный самец или агрессивная самка – это полное несоответствие своему амплуа.

Сексуальная функция самки обезьяны заключается в «подаче» себя самцу путем демонстрации своего зада, покачивания им в знак приглашения и предоставления половых органов в распоряжение самца. Сексуальная активность последнего включает в себя принятие приглашения самки, введение пениса и осуществление тазовых движений. Такая субординация в сексуальных взаимоотношениях, когда самка предоставляет себя самцу, а самец навязывает себя самке, была «заимствована» у действий, изначально не имеющих отношения к сексу, требующих более явной демонстрации покорности или агрессии. Если сексуальная «подача» самки означает покорность, то такие же действия могут быть использованы в других случаях, когда проявляется открытая враждебность. В ситуации, не имеющей сексуальной подоплеки, самка демонстрирует самцу свои половые органы в знак того, что она настроена неагрессивно. Это служит успокаивающим жестом и *обозначает статус подчиненного*. В ответ самец может овладеть ею и сделать несколько незначительных тазовых движений, дабы *подтвердить свой доминирующий статус*.

Секс ради статуса в данной форме является важным атрибутом социальной жизни обезьян, в том числе и человекообразных. Благодаря ритуальным действиям лидеров и подчиненных удается избежать кровопролития. Самец проявляет агрессию по отношению к самке, предотвращая тем самым ненужную схватку. Вместо того чтобы кричать и пытаться убежать, что только подольет масла в огонь, самка устраивает собственное сексуальное представление, самец производит ответные действия, и они совокупляются, подтверждая тем самым существующую субординацию.

Но это только начало. Секс ради статуса настолько важен, что решает практически все проблемы, связанные с враждебными проявлениями внутри группы. Если слабый самец чувствует угрозу со стороны сильного, он может защитить себя, избрав манеру поведения самки. Он демонстрирует роль подчиненного, принимая женские сексуальные позы и привлекая доминирующего самца своим задом. Последний подтверждает свой статус, обращаясь с этим самцом как с подчиненной самкой.

Точно такое же поведение можно наблюдать и между двумя самками. Подчиненная обезьяна «подставляется» доминирующей и позволяет ей взгромоздиться на себя. Молодые особи тоже совершают подобный ритуал, даже если они еще не достигли полового созревания. Это лишний раз доказывает, что секс ради статуса уже далеко отошел от своей изначальной

сексуальной функции. Действия все еще подразумевают половое сношение, но уже не имеют под собой сексуальной мотивации; главное в них теперь – подтверждение субординации по статусу.

Тот факт, что данная сексуальная активность проявляется регулярно и с завидной частотой, объясняется принадлежностью обезьян к миру дикой природы. У посетителей зоопарков часто складывается впечатление, что приматы относятся к классу ненасытных сексуальных маньяков, готовых, завидев зад сородича, совокупляться с кем угодно, будь то самка или самец, взрослый или детеныш. С одной стороны, так оно и есть; то, что видят посетители, точно отражает существующее положение вещей, вот только причины такого поведения остаются за пределами понимания. Естественность данного явления можно понять, лишь осознав, что мотивация секса ради статуса далека от сексуальной.

Возможно, разобраться в этом поможет более показательный пример. Каждому знакомо дружеское, смиренное приветствие домашней кошки, трущейся боком о ногу хозяина, вытянув вверх хвост и приподняв зад. И кошки, и коты поступают одинаково, и, если погладить своего питомца, можно почувствовать, как животное выгибается навстречу руке.

Большинство людей воспринимают это движение как кошачье приветствие и не задумываются о причинах и важности этих действий. На самом деле это очередной пример секса ради статуса. Подобным образом кошки обычно устраивают сексуальную «подачу» для котов, а выгибание демонстрирует самцу наружные половые органы. Но, как и в случае с обезьянами, эти движения утратили свою сексуальную роль, и теперь представители обоих полов прибегают к таким действиям каждый раз, когда необходимо продемонстрировать покорность. Поскольку владельцы кошек и котов намного больше и сильнее своих питомцев, они с точки зрения этих животных являются непререкаемыми авторитетами на все времена. Если контакт между ними происходит после того, как хозяин отсутствовал какое-то время, кошка считает, что необходимо подтвердить свою подчиненную роль, так что церемония приветствия неизменно включает в себя элементы секса ради статуса.

Действия представителей семейства кошачьих довольно просты, но перед рассмотрением подобных действий в мире людей следует (принимая во внимание и поведение обезьян) отметить некоторые поразительные анатомические особенности животных, созданные природой для секса ради статуса.

Многие самки обезьян имеют ярко-красную окраску кожи на не покрытой шерстью задней части туловища, недвусмысленно демонстрируемой самцу во время сексуальной «подачи». Она, естественно, является главным объектом, с помощью которого самка показывает самцу статус подчиненного во время секса.

Как уже упоминалось, самцы некоторых животных используют красный цвет собственных ягодиц для доказательства своей покорности перед более сильными особями, и если у самок яркий цвет задней части играет двойную роль, то у самцов функция такой раскраски связана исключительно с сексом ради статуса.

Рассматривая секс ради статуса с точки зрения не подчиненного, а доминирующего индивида, можно обнаружить такие же результаты. Реакция лидера подразумевает эрекцию полового члена, который от природы имеет цвет, идеально соответствующий назначению.

У многих животных пенис имеет ярко-красную окраску и часто обрамлен нежно-синей кожей мошонки. Это делает гениталии самца настолько откровенными, насколько это возможно, и часто самцы садятся, раздвинув задние лапы, чтобы их половые органы были видны всем. Таким образом они демонстрируют окружающим свой высший статус, даже не прибегая к величественным движениям. У некоторых обезьян самцы садятся таким образом где-нибудь с краю от стаи, и, когда приближается чужая стая, пенис самца напрягается и ритмично поднимается, похлопывая по животу.

В Древнем Египте бабуины считались священными животными и являлись олицетворением мужской сексуальности. Египтяне не изображали их на картинах и росписях с напряженным половым членом, но бальзамировали и хоронили их в таком виде, причем бальзамирование продолжалось в течение семидесяти дней, а церемония похорон длилась двое суток.

Очевидно, что демонстрация особенностей секса ради статуса происходила открыто и

недвусмысленно, и не только между бабуинами, но и среди древних египтян, и это вовсе не уникальный случай, в чем мы сейчас и убедимся.

Подобно тому как самцы некоторых животных, показывая свою покорность, имитируют действия самок (например, демонстрируя свои красные ягодицы), самки иногда также могут подражать движениям доминирующих самцов. Женские особи некоторых североамериканских обезьян демонстрируют свой удлинённый клитор, который может играть роль псевдопениса.

Встречаются особи, у которых он настолько похож на мужской половой орган, что иногда даже трудно провести различие между полами. Такой феномен стал причиной появления многочисленных легенд, придуманных коренным населением тех мест, где встречаются такие животные. Поскольку такие самки выглядят как самцы, местные жители считают их животными с гомосексуальными наклонностями. (Это довольно странно: ведь самка гиены тоже обладает клитором, похожим на пенис, но в Африке гиен считают не гомосексуалами, а гермафродитами – особями, совмещающими в себе и мужские, и женские качества.)

Есть такие виды обезьян, самки которых обладают и псевдопенисом, и псевдомошонкой, хотя ученым мало известно о том, как эта имитация мужских гениталий используется в мире дикой природы.

Мы знаем только, что эрекция пениса применяется для устрашения подчиненных. Пример маленькой обезьянки саймири свидетельствует, насколько это важный признак превосходства над своими собратьями. Здесь недостаточно просто сидеть, раздвинув задние лапы; когда самцу-лидеру необходимо кого-нибудь поставить на место, он приближается к подчиненному и бесцеремонно демонстрирует свой напряженный пенис прямо перед его мордой. Самка, однако, не имеет возможности вызвать эрекцию псевдопениса, но вполне возможно, что для утверждения своего превосходства ей достаточно показать гениталии такими, какие они есть.

Таковы особенности секса ради статуса у наших ближайших собратьев – обезьян. Я остановился на этом так подробно потому, что это поможет нам лучше проследить эволюцию развития такого вида секса у людей. Это также поможет более отчетливо увидеть, как далеко зашли люди в этой сфере своей жизни. Читая об особенностях поведения обезьян, вы наверняка, как и древние египтяне, заметили некоторое сходство обезьяньего мира с миром людей. У людей, как и у обезьян, сексуальное поведение подчиненной самки и доминирующего самца демонстрирует покорность или превосходство, но не имеет под собой собственно сексуальной основы.

Древний способ демонстрации ягодиц самцу до сих пор используется самками для подтверждения своего подчиненного положения. Детей в качестве наказания нередко грозятся «отшлепать», да и вообще ягодицы всегда считались самой «позорной» частью человеческого тела, над которой всегда подшучивали и издевались. Беспомощные жертвы, фигурирующие в садомазохистских порнографических произведениях искусства (не говоря уж о популярных комедиях и комиксах), часто представлены с обнаженными ягодицами.

Однако все это буйство человеческой фантазии имеет под собой одну основу. Искусство и литература с древних времен воспевали фаллический символ, изображая его в самых разнообразных видах. До сих пор у некоторых примитивных народов наблюдается самое непосредственное поклонение фаллосу. Например, у папуасов Новой Гвинеи мужчины-воины прикрепляют к своим половым членам трубки длиной более 30 сантиметров, которые специальными приспособлениями закрепляются почти в вертикальном положении. У некоторых народов принято разукрашивать пенисы и искусственно увеличивать их различными способами.

Раз эрекция пениса используется самцами-лидерами в качестве устрашающего средства, то совершенно очевидно, что чем сильнее эрекция, тем более серьезную угрозу она означает. Визуальные сигналы, свидетельствующие о степени угрозы, включают в себя четыре показателя: когда пенис напрягается, он меняет угол наклона, из мягкого превращается в твердый, увеличивается в толщину и в длину. Если все четыре показателя искусственно довести до нужной кондиции, то эффект от такого зрелища будет достигнут максимальный.

Существует предел тому, что можно сделать с человеческим телом (что более-менее удалось папуасам Новой Гвинеи), но нет предела человеческой фантазии в искусстве. Мужское тело, изображенное на картине, гравюре или в скульптуре, можно снабдить фаллосом каких

угодно размеров. Средняя длина пениса в состоянии эрекции примерно 15,5 сантиметра, что составляет менее одной десятой от роста взрослого мужчины; фаллические же скульптуры нередко снабжены пенисом, длина которого превышает высоту самой фигуры.

Поклонение фаллосу заходило и еще дальше: от изображения тела вообще отказывались, и, например, скульптуры представляли собой один огромный, вертикально расположенный пенис. Такие скульптуры древних мастеров были найдены в различных частях света. Гигантские фаллические статуи нередко превосходили реальные размеры органа человеческого тела почти в 700 раз, при этом некоторые из них были покрыты золотом.

Изучая очевидные случаи поклонения мужскому половому члену, не надо забывать и о символах фаллоса; таким, например, является любой длинный, негнувшийся, упругий предмет.

Психоаналитики, исследующие сны своих пациентов, знают, какими разнообразными могут быть эти символы, но только снами дело не ограничивается. Эти символические предметы намеренно используются рекламными агентствами, артистами и писателями. Они появляются в фильмах, спектаклях и служат неизменным атрибутом почти всех форм развлечений. Даже если они и не воспринимаются буквально, на подсознательном уровне они все равно оказывают воздействие, поскольку в своей основе имеют хорошо понятные образы.

Все эти свечи, бананы, мужские галстуки, ручки от швабры, шланги, посохи, змеи, морковки, стрелы, рыбы-угри, фейерверки, а такжеobelisks, деревья, фонтаны, фонарные столбы, небоскребы, флагштоки, пушечные стволы, заводские трубы, космические ракеты, маяки и башни несут в себе некую символическую ценность, поскольку в целом обладают определенной формой, а в некоторых случаях даже определенными специфическими атрибутами.

Рыба становится фаллическим символом как из-за своего внешнего вида, так и из-за формы, а еще и потому, что она как бы протискивается сквозь воду; слон – из-за своего хобота; носорог – из-за рога; птицы – потому что поднимаются в небо вопреки земному притяжению; волшебная палочка – потому что дает особую силу волшебнику; меч, копье и пика – оттого что проникают в человеческое тело; бутылка шампанского извергает фонтан, когда ее открывают; ключ входит в замочную скважину, а сигара представляет собой набухшую сигарету. Этот список практически бесконечен: ведь воображение способно придумать символические параллели с каким угодно предметом.

Все эти образы очень часто использовались в качестве символов мужественности. Сильный, находящийся у власти мужчина (или мужчина, делающий вид, что он силен и облечен властью), который тычет своей сигарой в лицо компаньону, по сути, демонстрирует те же признаки секса ради статуса, что и самец маленькой обезьянки саймири, расставляющий лапы и трясущий своим напряженным пенисом перед мордой подчиненного. Общественная мораль заставила нас искать эвфемистические замены нашим агрессивным способам демонстрации превосходства с помощью сексуальных атрибутов, но представление о мужском начале, какое оно есть на самом деле, никуда не исчезло, а только видоизменилось и модернизировалось. Как я уже говорил в главе, посвященной статусу и суперстатусу, у нас в условиях суперплемени есть веские причины манипулировать способами демонстрации нашего превосходства, а это на самом деле и есть секс ради статуса, чем все мы и занимаемся.

Можно найти множество примеров различных усовершенствований фаллического символа, происходящих на наших глазах. Один из них – дизайн спортивных автомобилей. Излучая дерзкую, агрессивную мужественность, они укрепляют ее своими фаллическими атрибутами. Словно пенис бабуина, они устремлены вперед; длинные, гладкие и сияющие, они наполнены энергией движения и очень часто окрашены в ярко-красный цвет.

Мужчина, сидящий в спортивном кабриолете, похож на чрезмерно стилизованную фаллическую статую: его тело недоступно взгляду, а все, что мы видим, это крошечная голова и руки, венчающие огромный блестящий пенис. (Можно привести контраргументы, предположив, что форма спортивных автомобилей определяется техническими требованиями аэродинамики, но переполненные улицы современных городов и жесткие ограничения скорости делают эти доводы бессмысленными.) Даже обычные машины обладают фаллическими атрибутами, и это в какой-то степени объясняет, почему водители-мужчины становятся такими агрессивными и стремящимися обогнать друг друга, несмотря на серьезный риск и на то, что

возле следующего светофора они все равно окажутся на одной линии, в лучшем же случае сэкономят всего несколько секунд.

Другой пример можно найти в мире популярной музыки, где гитары уже превратились из предмета женского рода в олицетворение мужского начала. Старинные гитары с пышной фигурой и тонкой талией определенно были символом женственности: их держали у груди, нежно перебирая струны. Но времена изменились, и от их женственности не осталось и следа.

С тех пор как группы, состоящие из секс-символов мужского пола, начали играть на электрогитарах, дизайнеры этих инструментов работают не покладая рук, чтобы придать им очертания фаллоса – олицетворения мужественности. Корпус гитары (теперь он символизирует яички) стал меньше; он более округлый и ярко раскрашенный, что дает возможность грифу (который нынче олицетворяет пенис) казаться длиннее. Гитаристы тоже сыграли свою роль, опуская гитару все ниже и ниже до тех пор, пока она не оказалась на уровне гениталий. Изменился также угол наклона гитары во время игры, и теперь ее держат так, что гриф торчит подобно пенису в состоянии эрекции. Теперь, после всех этих модификаций, современные поп-группы стоят на сцене и манипулируют своими электрическими фаллосами, имитируя мастурбацию и демонстрируя власть над своими «рабами», находящимися в зрительном зале. (А вокалисту остается ласкать фаллический микрофон.)

На фоне таких «нововведений» в фаллическом символизме выделяются случаи, когда символы мужского начала незаслуженно забываются или игнорируются. По мере того как древние цивилизации (представители которых, как я уже говорил, были намного раскованней при использовании образов мужских половых органов) сменялись современными, их недвусмысленные символы искажались и скрывались.

Возможно, самым ошеломляющим примером этого может послужить христианский крест. Когда-то, давным-давно, он был совершенно откровенным фаллическим символом с вертикальной стойкой, олицетворяющей половой член, и перекладиной, обозначающей яички. Иногда его изображали в более явной форме, с головой мужчины на вершине, венчающей тело, представляющее собой одни большие, стилизованные под крест мужские гениталии, но это было еще в дохристианские времена. Один писатель заметил, что, возможно, принятию христианами этого символа в новом обличье способствовало то, что ранее он представлял огромную важность как символ «жизненной силы».

Другой пример: знаменитый мальтийский крест тоже имел долгую историю, прежде чем потерял свое оригинальное значение. При раскопках древних развалин на острове Мальта было найдено немало фаллических скульптур, которые потом пропали, были украдены или разрушены. Среди них был и крест, состоявший из четырех огромных каменных фаллосов, которые, как пишет один автор, «впоследствии превратились в оружие благородных рыцарей».

Ужесточение требований морали по отношению к фаллическим символам можно проследить и на примере пасхальных праздников. В древности на Пасху часто пекли пироги в форме как мужских, так и женских половых органов, но сегодня они видоизменились и в некоторых странах имеют форму рыбы (мужской пирог) или куклы (женский). Фаллическая символика лежала и в основе так называемых «рыбных дней» по пятницам, но сексуальная подоплека этого ритуала давным-давно забыта.

Можно привести множество подобных примеров. Костер, например, сохранив свою почти магическую языческую силу, тем не менее полностью лишился своей сексуальной основы. Когда-то огонь добывали путем трения палочки-«папы», вставленной в дощечку-«маму», осуществляя тем самым символический половой акт до тех пор, пока не возникала искра и костер не вспыхивал языками сексуального пламени.

Раньше на стенах многих домов изображался фаллос, призванный защищать жителей от сглаза и других воображаемых несчастий. Эти агрессивные надменные атрибуты секса предназначались для демонстрации превосходства живущих в этих зданиях над представителями потустороннего мира. В некоторых странах Средиземноморья до сих пор можно найти символы с той же функциональной идеей, но они уже лишены прежнего откровенно сексуального смысла. Теперь изображают бычьи рога и прикрепляют их где-нибудь наверху, под самой крышей. Но несмотря на все старания морали и цензуры, превратившие древо познания плотских истин в обыкновенное дерево знаний и заменившие недвусмысленные

гульфики на менее недвусмысленные галстуки, в некоторых сферах жизни агрессивные фаллические символы сохраняются в прежнем обличье, например ругательства, где все выражается предельно откровенно.

Вербальные ругательства или оскорбления часто имеют фаллическую подоплеку. Почти все по-настоящему грубые выражения, которые мы используем с целью оскорбления, имеют в своей основе сексуальные термины. Их буквальный смысл связан с половым актом или с различными частями гениталий, но используются они преимущественно в моменты сильного раздражения и агрессии, а это – типичные атрибуты секса, наглядно демонстрирующие тот факт, что секс часто используется для утверждения превосходства.

Визуальные оскорбления имеют в своей основе все тот же фаллос, а для выражения враждебности по отношению к собеседнику используется целый набор атрибутов данной тематики. Высунутый язык есть не что иное, как символ пениса в напряженном состоянии. Различные варианты оскорбительных жестов, демонстрируемых рукой, известны уже как минимум две тысячи лет. Один из самых древних жестов – оттопыренный и полностью выпрямленный средний палец, направленный в сторону человека, которого необходимо оскорбить (остальные пальцы согнуты). Таким образом, средний палец олицетворяет пенис, согнутые большой и указательный – яичко, а безымянный и мизинец – другое яичко.

Этот жест был популярен во времена римлян, и средний палец назывался *digitus impudicus* – палец бесстыдный, или *digitus infamis* – палец позорный. Жест видоизменялся с течением столетий, но до сих пор встречается во многих частях света. Иногда вместо среднего используется указательный палец, возможно, потому, что так проще этот жест сформировать и удержать. Иногда указательный и средний пальцы объединяются, выражая размеры символического пениса.

Сегодня часто можно наблюдать покачивание комбинацией пальцев вверх-вниз в отношении враждебного субъекта, символизирующее движение во время полового акта. Если отгибаются два пальца, то они могут быть как прижатыми друг к другу, так и разведенными в стороны в форме латинской буквы V.

Интересно, что искаженное восприятие этой последней формы представляло собой символ победы, и это является не просто копированием заглавной буквы слова *victory*: фаллическая символика и здесь сыграла свою роль. Этот жест отличается от оскорбительного отгибания пальцев в форме буквы V: в стремлении оскорбить руку держат ладонью к себе, в то время как для обозначения победы ладонь направляется в сторону восторженной публики.

Это означает, что победитель, показывающий два разведенных пальца, на самом деле демонстрирует оскорбительный жест, но только от *их* имени, а не по отношению к ним. Глядя на своего победителя, публика видит тот же самый жест, который каждый из них увидел бы, если бы *он* показывал оскорбительную комбинацию пальцев своему врагу. Простым разворотом руки фаллическое оскорбление становится фаллической защитой.

Как мы уже говорили, угроза и защита являются основными аспектами утверждения превосходства. Если лидер демонстрирует угрозу по отношению к одному из членов своей группы, это является оскорблением для последнего, но когда он направляет ту же угрозу *от* группы в сторону врага (или воображаемого врага), тут его подчиненные начинают восхищаться им, потому что он защищает их. Не стоит, конечно, думать, что лидер может полностью сменить имидж простым поворотом кисти на сто восемьдесят градусов, но таковыми являются современные способы демонстрации секса ради статуса.

Другая древняя форма комбинации пальцев, насчитывающая как минимум две тысячи лет, – это так называемая фига, или кукиш. Кулак сжат, но большой палец просунут между основаниями согнутых указательного и среднего пальцев и направлен в сторону объекта оскорбления. Кончик большого пальца торчит лишь слегка, напоминая головку пениса, направленную на подчиненного или врага. Этот жест распространен на большей части земного шара, и почти везде его демонстрация называется «показать фигу». В английском языке выражение *I don't give a fig for him*, которое переводится примерно как «Я ему даже фигу не покажу», означает, что тот, к кому оно относится, не заслуживает даже оскорбления.

Много примеров этих фаллических жестов было найдено на древних амулетах и украшениях. Их носили в качестве защиты от сглаза. Некоторые наши современники видят в

этих жестах оскорбление или грубость, но раньше они играли совершенно другую роль.

Эти символы использовали – и абсолютно легально – в качестве защитных атрибутов секса ради статуса. В определенных условиях им поклонялись, и они служили волшебными амулетами, призванными уничтожить – нет, не членов группы – любую угрозу для группы, приближающуюся извне.

Во время римского праздника «либералия» огромный фаллос, водруженный на великолепную колесницу, торжественно вывозили на центральную площадь города, где все женщины, включая самых уважаемых дам, украшали его гирляндами, «чтобы отогнать злых духов».

В период Средневековья на стенах многих церквей были изображения фаллосов – считалось, что это защищает от сил сатаны; правда, в большинстве случаев эти атрибуты впоследствии уничтожили как «олицетворение разврата».

В качестве фаллической символики использовались даже растения. Мандрагора (растение с корнями, похожими на фаллосы) была широко распространена в качестве защитного амулета. К ней прикрепляли в соответствующих местах зерна проса или ячменя, закапывали на двадцать дней в землю, чтобы зерна проросли, а затем откапывали и подстригали выросшие корни, придавая им конфигурацию лобковых волос, в результате чего символическая роль усиливалась. В такой форме этот амулет хранили, и его влияние считалось очень сильным, а люди верили, что состояние его владельца за год увеличивается вдвое.

Подобные примеры можно приводить до бесконечности, но я думаю, что перечисленного вполне достаточно для доказательства распространенности и разнообразия данного феномена. Мы начали обсуждение этой темы, заострив внимание всего на одном элементе проявления агрессивности секса ради статуса со стороны самца, а именно – на эрекции пениса. Существуют, конечно, и другие проявления, которые не стоит сбрасывать со счетов. Собственно, непосредственный акт копуляции для самца, как я уже отмечал, является основополагающим агрессивным способом самоутверждения и демонстрации превосходства. Таким образом, в определенных условиях он становится элементом секса ради статуса. Самец может совокупляться с самкой не для того, чтобы достичь цели одного из остальных девяти типов секса, перечисленных в этой главе, а просто чтобы доказать превосходство собственного мужского «я». В таких случаях он может говорить о «победе», как будто участвовал в битве, а не занимался любовью, и когда я употребляю глагол «говорить», то имею в виду его буквальное значение, поскольку мужчина обязательно будет хвастаться своими достижениями перед другими мужчинами, так как без этого его победа не имеет смысла. Если бы он молчал по этому поводу, его это было бы, конечно, удовлетворено, но, рассказав своим друзьям, он таким образом еще больше повышает свой статус. Любая партнерша, знающая о его победах, должна быть уверена, что участвует в исключительном половом акте. По сравнению с этим подробности секса для создания пары носят гораздо более интимный характер.

Мужчина, использующий женщину для секса ради статуса, на самом деле озабочен собственной состоятельностью в этом больше, чем всем остальным. По большому счету его может удовлетворить любой способ демонстрации зависимости женщин от него, даже не связанный с непосредственным половым актом. Ему не нужно будет утруждать себя сексом, если его превосходство над женщинами будет и так понятно всем вокруг.

Большие гаремы, распространенные у правителей некоторых стран, в основном играют роль инструмента демонстрации секса ради статуса; они вовсе не призваны отражать стремление к многочисленным моногамным связям. Часто среди представительниц гарема назначается «любимая жена», отношения с которой принимают некоторое подобие семейных уз, но в любом случае законы секса ради статуса доминируют во всей этой схеме, а схема проста: чем больше женщин в гареме, тем больше власть. Иногда жен становится так много, что муж не имеет ни времени, ни сил заниматься сексом с каждой из них, но, чтобы выглядеть воплощением мужественности, он старается произвести как можно большее количество отпрысков. Современные «повелители гаремов» обычно вынуждены справляться с женами по очереди, вместо того чтобы собирать их вокруг себя всех сразу. Они надеются на повышение репутации устным способом, не прибегая к грандиозной демонстрации своей силы.

Здесь уместно упомянуть об особом отношении гетеросексуальных приверженцев секса

ради статуса к гомосексуальным особям мужского пола. Это отношение выражается в повышенной враждебности и презрении, вызванных подсознательным раздражением от того, что «эти гомосексуалы не участвуют в игре, и никто их за это не наказывает».

Другими словами, отсутствие интереса сексуального меньшинства к женщинам дает им несправедливые преимущества в битве за статус, так как вне зависимости от того, сколько женщин завоюет гетеросексуальный индивид, поразить этим гомосексуала ему все равно не удастся, – следовательно, возникает необходимость победить его путем унижения.

В гомосексуальном мире имеет место, конечно же, не меньшая борьба за статус, чем у гетеросексуалов, но это никак не влияет на взаимоотношения представителей двух групп, поскольку объекты завоеваний у них совершенно разные.

Если современному участнику секса ради статуса не удастся достичь грандиозных успехов на этом поприще, у него все равно остается достаточно вариантов для удовлетворения своих амбиций. Неуверенный в себе мужчина может самовыражаться, отпуская пошлые шуточки. Подразумевается, что это символ его агрессивной сексуальности, но навязчивое стремление постоянно острить порождает сомнения у его коллег, и они начинают понимать вынужденный характер его словотворчества.

Мужчины, страдающие сильным комплексом неполноценности, часто играют роль проститутки. Я уже упоминал некоторые побочные функции такого рода деятельности, но стремление повысить свой статус, возможно, является самым значимым из них. Необходимым атрибутом этой формы секса ради статуса становится деградация женщины. Мужчина, обладающий некоторой суммой денег, может *требовать* от женщины сексуального повиновения. Он знает, что женщина не в восторге от его способностей, но все же подчиняется ему, и этот факт помогает ему почувствовать свою власть над ней. Альтернативой этого является стриптиз: женщина (опять же за некоторое вознаграждение в виде наличных) вынуждена раздеваться, унижая себя и тем самым повышая статус наблюдающего за ней мужчины.

Есть жестокая карикатура на стриптиз под названием «Трайпстиз»⁵. На ней изображена обнаженная девушка, которая уже сняла всю одежду, но, подгоняемая восторженными призывами к продолжению спектакля, вынуждена распороть себе живот и с обольстительной улыбкой вынимать внутренности в такт музыке. Это нелицеприятное произведение искусства демонстрирует, что пристрастие к стриптизу приближает нас к торжеству экстремальных форм секса ради статуса – к торжеству садизма.

Неприятно, но факт – чем сильнее стремление мужчины к самоутверждению, тем более неприемлемыми становятся средства его достижения; и чем более порочные и насильственные способы используются на пути к успеху, тем больших вершин хочется ему достичь. У подавляющего большинства мужчин не возникает необходимости в таких экстремальных мерах: степень уверенности в себе, которую они приобрели в обычных условиях повседневной жизни, вполне их удовлетворяет. Но под давлением собственного статуса в условиях суперплеменного существования (где может быть только небольшое число доминирующих особей, рядом с которыми должно присутствовать огромное количество подчиненных) садистские мысли все же возникают. Для большинства мужчин они остаются не более чем мыслями, и их садистские фантазии никогда не воплотятся в реальность. Некоторые индивидуумы заходят немного дальше и жадно поглощают информацию о насилии, побоях и издевательствах из книг, журналов и фильмов; другие пробуют некоторые из псевдосадистских приемов, но только отдельные личности становятся настоящими садистами. Не спору, многие мужчины проявляют некоторую жестокость во время любовных игр; есть и такие, кто следует садистско-издевательским ритуалам по отношению к своим партнерам, но кровавый садизм все-таки присущ лишь очень редко встречающимся извращенцам.

Наиболее частой формой садизма является изнасилование. Возможно, по причине того, что изнасилование считается прерогативой мужчин, оно является символом мужской сексуальной агрессивности в большей степени, чем другие виды садизма. (Мужчины могут

⁵ Tripes – внутренности (англ.).

издеваться над женщинами, но и женщины могут издеваться над мужчинами. Мужчина может изнасиловать женщину, а вот женщина мужчину – нет.)

Кроме чувства превосходства над женщиной и унижения ее, одними из странных составляющих удовольствия, получаемого садистом от изнасилования, являются телодвижения и выражение лица насилюемой женщины, очень похожие на телодвижения и выражение лица женщины, испытывающей интенсивный оргазм. Более того, если насильник убивает свою жертву, ее внезапный переход в вялое и пассивное состояние напоминает ему женщину в состоянии расслабления и полного изнеможения после сильного оргазма.

Для более слабых мужчин альтернативой служит так называемое «визуальное изнасилование». Это явление часто именуют эксгибиционизмом, и заключается оно в демонстрации гениталий какой-либо женщине (или женщинам). Никаких попыток физического контакта не предпринимается; цель данных действий проста: прибегнув к основной форме секса ради статуса – к демонстрации угрозы, вызвать чувство стыда и смущения у женщин, вынужденных смотреть на эксгибициониста. Здесь стоит опять вспомнить о том, как маленькая обезьянка саймири тычет пенисом в морду своего собрата.

Самой отвратительной формой садизма, пожалуй, являются издевательства, изнасилования и убийства, совершаемые взрослыми мужчинами по отношению к детям. Садисты этого типа страдают наиболее ярко выраженной разновидностью комплекса неполноценности.

Чтобы удовлетворить собственное эго, они вынуждены использовать самых слабых и беззащитных представителей общества и навязывать им наиболее насильственные формы демонстрации своего превосходства.

К счастью, такие экстремальные проявления садизма довольно редки. Они кажутся более распространенными, чем на самом деле, из-за огромного внимания, которое к себе привлекают, но в действительности эти случаи лишь песчинки в массе преступлений, связанных с насилием (хотя, как бы то ни было, любое суперплемя, в котором есть индивиды, пытающиеся утвердить свое превосходство таким способом, обречено на существование под гнетом бесконечных проблем статуса).

И последнее по поводу секса ради статуса: примечательно, что некоторые индивиды, всеми силами демонстрирующие гипертрофированное стремление к власти, имеют различные физические недостатки.

После смерти Гитлера, например, оказалось, что у него было всего одно яичко, а вскрытие трупа Наполеона показало атрофию гениталий. Сексуальная жизнь обоих была более чем ненормальной, и остается только догадываться, как сложилась бы история Европы, если бы они были сексуально полноценными личностями.

Страдая от сексуальных комплексов, они, возможно, были вынуждены прибегнуть к более непосредственным формам выражения своей агрессии, но, независимо от того, насколько экстремальным стало в итоге их могущество и влияние, их стремление к достижению суперстатуса никогда не находило удовлетворения, поскольку, каких бы вершин они ни достигли, ничто не смогло вернуть им нормальных половых органов обычного мужчины.

Замкнутый круг секса ради статуса: сперва сексуальные возможности мужчины как доминирующего пола становятся механизмом демонстрации его агрессии, а затем они становятся настолько важным параметром, что, если в этом механизме что-либо разлагается, возникает острая необходимость компенсировать его поломку откровенно агрессивными методами.

Возможно, о сексе ради статуса (о его наименее выраженных формах) есть что сказать даже после всего вышеупомянутого.

В своем ритуальном и символическом разнообразии он обеспечивает как минимум сравнительно безвредный выход агрессивной энергии, которая в противном случае могла бы быть довольно разрушительной. Когда доминирующий самец обезьяны совокупляется с подчиненной особью, это позволяет ему утвердить свое превосходство без необходимости впиваться клыками в тело слабого сородича; пошлые шуточки за стойкой бара приносят меньше вреда, чем драки и потасовки; оскорбительный жест в сторону соперника лучше, чем синяк у него под глазом.

Секс ради статуса фактически служит безвредной заменой кровавого насилия прямой агрессии для навязывания своего превосходства. Ведь в наших суперплеменах-переростках, где лестница статуса исчезает где-то в облаках и борьба за сохранение или улучшение своего положения в общественной иерархии стала предельно напряженной, секс ради статуса вышел из-под контроля и оказался таким же олицетворением насилия, как и сама агрессия. Это стало еще одной составляющей той цены, которую житель суперплемени должен заплатить за великие достижения своей суперплеменной цивилизации и за удовольствие быть ее членом.

Рассмотрев десять основных функциональных категорий сексуального поведения человека, мы ясно увидели причины того, почему для современного обитателя людского зверинца секс превратился в суперсекс. В жизни других животных эти десять категорий тоже играют свою роль, но человек поднял их на такой уровень, который представителям дикой природы и не снился. Даже в самых пуританских странах секс всегда имел первостепенное значение как раз потому, что в сознании людей постоянно вдалбливалась необходимость его ограничения. Наверняка я не ошибусь, если скажу, что нет на свете более одержимого сексом человека, чем фанатичный пуританин.

Причины превращения секса в суперсекс переплетаются между собой. Основным фактором стала эволюция человеческого мозга. С одной стороны, это привело к увеличению продолжительности детства, что, в свою очередь, подразумевало более долгие семейные отношения. Моногамные связи необходимо было устанавливать и поддерживать. В добавление к сексу для воспроизведения потомства сформировались секс для создания пары и секс для сохранения пары.

Если активного выхода сексуальной энергии добиться не удавалось, изобретательность недюжинного человеческого ума подсказывала пути снятия накопившегося физиологического сексуального напряжения.

Растущее стремление людей к новизне, их неумное любопытство и любознательность стали причиной широкого распространения секса ради эксперимента. Производительность гигантского мозга позволила так организовать жизнь человека, что у него стало появляться все больше и больше свободного времени и увеличилось желание его потратить.

Налицо расцвет секса ради удовольствия, секса ради секса. Если этого времени оказывалось слишком много, в ход шел секс как способ времяпровождения. Если, наоборот, повышенная напряженность жизни в условиях суперплемени и стрессы становились невыносимыми, можно было расслабиться с помощью успокаивающего секса. Дополнительные сложности суперплеменного существования породили разнообразие трудовой и торговой деятельности, да и сексуальную активность в форме коммерческого секса это тоже не обошло стороной.

И наконец, гиперпроблемы, переполнившие современный мегаполис в условиях погони за превосходством и статусом, привели к тому, что секс стал все чаще использоваться в несексуальном контексте, в качестве всепроникающего секса ради статуса.

В связи с этим величайшей сложностью, возникшей в отношениях между различными категориями секса, стали противоречия между изначально репродуктивными формами (секс для воспроизведения потомства, секс для создания пары и секс для сохранения пары), с одной стороны, и нерепродуктивными разновидностями – с другой. Во времена, когда не было противозачаточных таблеток и средства контрацепции были запрещены, недостаточно распространены или не отличались эффективностью, секс для воспроизведения потомства представлял основную опасность для секса ради эксперимента, секса ради удовольствия и всех остальных категорий секса. Даже когда воцарились времена так называемого таблеточного рая, которые многие называют началом эпохи дикого, беспорядочного секса, решить проблему было невозможно, поскольку фундаментальные моногамные инстинкты сексуальных партнеров все еще процветали. Повсеместная беззаботная неразборчивость в связях есть не что иное, как миф, и она всегда будет оставаться мифом.

Этот миф рожден благодаря существованию секса ради статуса и стремлению принять желаемое за действительное, но этому желаемому никогда не суждено стать действительностью. Сильный моногамный инстинкт человека, уходящий корнями (говоря языком эволюции) в богатейшие родительские чувства, в любом случае выживет, даже если со

временем достижения науки помогут создать совершенные контрацептивы. Это вовсе не означает, что технический прогресс не оказывает влияния на нашу сексуальную активность, наоборот – он коренным образом меняет наше сексуальное поведение.

Давление трех составляющих: совершенствование противозачаточных средств, снижение уровня венерических заболеваний и увеличение численности населения, – вне всяких сомнений, ведет к катастрофическому росту нерепродуктивных форм секса. Также не вызывает сомнения и тот факт, что это усиливает противоречия между этими категориями сексуальной активности и необходимостью создания и поддержания моногамных связей. К несчастью, в результате от сексуального беспорядка родителей страдают в первую очередь дети.

Было бы намного проще, если бы мы, подобно нашим предкам-обезьянам, были менее озабочены воспитанием потомства и больше внимания уделяли биологическим сексуальным позывам. Тогда бы мы усилили и обогатили нашу сексуальную активность так же, как мы это сделали со стремлением к чистоте тела. Подобно тому как мы без особого вреда часами торчим в ванной, неустанно посещаем массажистов, косметические кабинеты, парикмахеров, турецкие бани, бассейны, сауны и различные салоны, мы могли бы позволять себе нескончаемые эротические безумства с кем попало, в любую свободную минуту и без боязни за последствия. А раз так, создается впечатление, что наши основные животные инстинкты постоянно находятся на пути к такому развитию событий или как минимум сдерживают это развитие, пока не наступят времена, когда человек начнет претерпевать радикальные генетические изменения.

Остается только надеяться, что по мере усиления непримиримых противоречий между разновидностями суперсекса мы научимся более искусно играть свою роль. В конце концов, ведь вполне возможно не ограничивать себя в еде и в то же время не страдать от избыточного веса или болезней. В сексе это сделать гораздо труднее, из-за чего общество и переполнено горячими ревнивцами, брошенными любовниками, несчастными разбитыми семьями и беспризорными детьми.

Неудивительно, что в основе этой проблемы в жизни современной городской человекообразной обезьяны лежит суперсекс; неудивительно, что в сфере секса так много отклонений от нормы. Секс предоставляет человеку возможность получить более сильное физическое или эмоциональное удовлетворение, но, если возникают проблемы, он также способен сделать человека еще более несчастным.

Совершенствуя, модернизируя и расширяя возможности секса, человек манипулирует им и использует его потенциал и как вознаграждение, и как наказание – и, как ни печально, в этом нет ничего необычного. Во многих сферах человеческого поведения мы наблюдаем такую же картину. Даже медицина, со всеми ее положительными сторонами, имеет негативное воздействие: она легко может способствовать перенаселенности, что, в свою очередь, приводит к увеличению заболеваний на почве стрессов, а это также может привести к развитию болевой сверхчувствительности.

Аборигены Новой Гвинеи способны вынимать копье из собственного бедра с большим достоинством, чем городской абориген вынимает занозу из пальца, но причин для поворота событий вспять искать не стоит. Если наша повышенная чувствительность может играть двойную роль, мы должны быть уверены, что ее роль – правильная. Все дело в том, что ситуация находится в наших руках, а точнее – контролируется нашим сознанием. Туго натянутый канат, на котором приходится балансировать нашему брату, чтобы выжить, поднимается все выше и выше. Становится все опаснее, но и возбуждение растет. Единственная загвоздка в том, что, когда племена превратились в суперплемена, кто-то убрал из-под каната страховочную сетку. Теперь только от нас зависит, разобьемся мы насмерть или нет. Мы сами выбрали такой эволюционный путь, и нам некого винить, кроме самих себя.

Наши животные инстинкты все еще кипят внутри нас, но там же прячутся и наши животные слабости. Чем лучше мы будем контролировать их и понимать, какие огромные опасности ожидают нас в неестественном мире нашего зверинца, тем больше у нас шансов на благополучный исход.

Вопрос: в чем разница между чернокожими, разрезающими на куски белого миссионера, и толпой белых, учиняющих расправу над беззащитным негром? Ответ: почти ни в чем, а для жертв вообще нет никакой разницы. Независимо от причин, поводов и мотивов поведенческий механизм в основе один и тот же: в обоих случаях члены своей (внутренней) группы нападают на членов группы чужой (внешней).

Поднимая этот вопрос, мы попадаем в сферу, где нам трудно сохранять объективность. Причина этого вполне очевидна: все мы, каждый из нас, являемся членами той или иной внутренней группы, и нам крайне сложно рассматривать проблемы межгруппового конфликта без того, чтобы (пусть и бессознательно) не встать на чью-либо сторону.

И все же, прежде чем я закончу писать (а вы читать) эту главу, нам каким-то образом придется выйти за пределы наших групп и взглянуть на поле битвы беспристрастным взглядом марсианина. Это будет довольно непросто, и я должен с самого начала подчеркнуть: ничто из сказанного мною не следует истолковывать так, как будто бы я тайно отдаю предпочтение одной группе в ущерб другой или же полагаю, что одна группа неизбежно превосходит другую.

Принимая во внимание неопровержимый факт существования процесса эволюции, можно предположить, что если сталкиваются две группы людей и одна уничтожает другую, то победитель биологически более удачлив, чем побежденный, но если мы рассматриваем вид в целом, этот довод уже не работает, так как имеет ограничения.

В широком же смысле, если эти соперничающие группы смогли бы мирно уживаться рядом друг с другом, весь вид в целом можно было бы считать более чем удачливым.

Именно с этой точки зрения нам и следует рассуждать. Если она кажется очевидной, нам придется давать довольно сложные объяснения. Мы не размножаемся в таких количествах, как некоторые виды рыб, мечущие тысячи икринок зараз, большинству из которых суждено погибнуть. Мы – не количественные производители, а качественные, производящие на свет немногочисленное потомство, отдающие ему больше внимания и заботящиеся о нем гораздо дольше, чем любое другое животное.

Посвятив своим детям практически двадцать лет жизни и затратив на это, помимо всего прочего, массу энергии, крайне неразумно выгонять их на улицу, чтобы потомки других людей ударили их ножом, застрелили, подожгли или взорвали.

Однако чуть более чем за один век (с 1820 по 1945 г.) в разного рода межгрупповых столкновениях были убиты не менее 59 миллионов человек. Нам трудно объяснить это, если учесть тот факт, что человеческому разуму столь очевидны преимущества мирного сосуществования.

Говоря о таких убийствах, мы считаем, что человек ведет себя «подобно животному», но если бы нам удалось найти дикое животное, действующее таким образом, правильнее было бы сказать, что его поведение напоминает поведение человека. Проблема же заключается в том, что мы не можем найти такое животное, а значит, имеем дело с еще одним загадочным качеством, которое делает современного человека уникальным видом.

С точки зрения биологии человек обладает врожденной потребностью защищать три вещи: себя самого, свою семью и свое племя. Как примат, живущий в паре на своей территории и в своей группе, он стремится к этому, причем стремится изо всех сил. Если он, его семья или его племя сталкиваются с угрозой насилия, для него будет более чем естественно ответить встречным насилием. Пока есть шанс отразить атаку, его биологическим долгом будет сделать это любыми доступными средствами.

Со многими другими животными происходит то же самое, но в естественных условиях реальная угроза физического насилия возникает гораздо реже – как правило, все заканчивается лишь обменом взаимными угрозами. Как показывает история, поистине воинственные виды в какой-то момент уничтожили друг друга и вымерли – урок, которым нам не следует пренебрегать.

Все это выглядит достаточно очевидным, но несколько последних тысячелетий человеческой истории чересчур отяготили наше эволюционное наследие. Человек по-прежнему остался человеком, семья по-прежнему осталась семьей, но племя уже больше не является племенем, оно превратилось в суперплемя.

Если мы хотим понять невероятную жестокость наших национальных, идеологических и расовых конфликтов, нам следует еще раз изучить природу этих суперплеменных условий. Мы уже рассмотрели некоторые напряженные моменты, существующие внутри суперплемени, – моменты, связанные с агрессией в борьбе за статус. Теперь нам следует рассмотреть, каким образом суперплемя создает и усиливает напряженные отношения с различными группами, существующими вне его.

Это история о сгущении красок. Первый важный шаг был сделан, когда мы обосновались в постоянных жилищах. У нас появилось нечто совершенно определенное, что можно было защищать. Наши ближайшие родственники (обезьяны) обычно собираются в стаи и ведут кочевой образ жизни. Каждая стая держится в пределах своих мест обитания, но постоянно передвигается с одного участка на другой. Если две группы встречаются, они начинают угрожать друг другу, но дальше этого дело не идет: они просто расходятся и продолжают заниматься своим делом.

Как только привязанность первобытного человека к определенной территории стала сильнее, пришлось укреплять систему защиты, но тогда было так много земли и так мало людей, что всем с лихвой хватало места. Даже когда племена стали больше, оружие все еще было грубым и примитивным.

Сами лидеры гораздо чаще принимали личное участие в конфликтах. (Если бы только современные лидеры были вынуждены находиться на передовой, насколько более осмотрительными и «человечными» были бы они при принятии решений! Возможно, не будет циничным предположить, что именно поэтому они готовы к ведению «мелких» войн, но боятся вступать в широкомасштабную ядерную войну: в результате применения ядерного оружия они оказались бы на линии фронта. Возможно, вместо того чтобы бороться за ядерное разоружение, нам следует требовать разрушения глубоких железобетонных бункеров, построенных ими для собственной защиты.)

Как только фермер превратился в горожанина, был сделан еще один важный шаг в сторону более ожесточенного конфликта. Образовавшееся разделение на рабочих и специалистов означало, что можно выделить одну категорию населения, которая бы все свое время посвятила убийству, – были сформированы вооруженные силы. По мере роста городских суперплемен все стало развиваться гораздо стремительнее.

Социальный рост стал настолько быстрым, что его развитие в одной области мешало его прогрессу в другой. На смену более стабильному племенному балансу пришла серьезная нестабильность суперплеменных несоответствий. По мере того как цивилизации расцветали и развивались, они часто обнаруживали, что сталкиваются не с равными соперниками, которые могли бы заставить их глубоко задуматься, прежде чем вступить в сделку или начать торговлю, а с более слабыми, менее развитыми группами, которые можно было завоевать без особого труда.

Листая страницы истории, можно увидеть печальные события: изобилие и нищета, развитие и последующий упадок, за которым следует еще большее развитие и больший упадок. Безусловно, были и другие моменты, так как столкновения цивилизаций иногда приводили к обмену знаниями и распространению новых идей. Лемех плуга мог бы превратиться в меч, но стимул к поиску более совершенного оружия в конце концов привел к созданию еще лучших орудий труда; правда, за это пришлось дорого заплатить.

По мере увеличения суперплемен становилось все труднее управлять населением, росло напряжение, связанное с перенаселением, и все сильнее становились разочарования от погони за суперстатусом. Все большее количество сдерживаемой агрессии искало выхода, а межгрупповой конфликт предоставлял для этого массу возможностей.

Из вышесказанного следует, что вступление в войну дает современному лидеру массу преимуществ, о которых лидер каменного века даже не догадывался. Прежде всего сам он не рискует быть раненым и истечь кровью. К тому же те, кого он посылает на смерть, ему совершенно чужие люди: они профессионалы, а все остальное общество может продолжать жить обычной жизнью. Смутьяны, страждущие битвы из-за оказываемого на них суперплеменного давления, могут получить возможность участвовать в ней, при этом не направляя свою агрессию на само суперплемя. Кроме того, наличие внешнего врага, такого

злодея, может сделать лидера героем, объединить людей и заставить их забыть мелкие ссоры, которые доставляли ему столько неприятностей.

Было бы наивно полагать, что лидеры настолько суперчеловечны, что эти факторы на них никак не влияют. Тем не менее основным фактором остается желание добиться межплеменного статуса лидера или улучшить его.

Упомянутый мною ранее незапланированный прогресс других суперплемен, безусловно, является самой большой проблемой. Если благодаря своим природным ресурсам или изобретательности одно суперплемя оказывается впереди другого, обязательно возникнет проблема. Более развитая группа тем или иным способом будет стараться повлиять на менее развитую, а менее развитая, в свою очередь, попытается тем или иным способом противостоять этому.

Более развитая группа по своей природе стремится к дальнейшему продвижению, и поэтому она просто не в состоянии оставить все как есть и заниматься своим делом. Она пытается оказывать влияние на другие группы, устанавливая над ними господство или оказывая им «помощь». Пока она добьется того, чтобы в результате ее господства соперники утратили свою индивидуальность и полностью растворились в суперплемени (что зачастую является невозможным с географической точки зрения), ситуация будет нестабильной. Если более развитое суперплемя помогает другим группам и делает их сильнее, но формирует их по своему образу и подобию, придет день, когда они станут достаточно сильны для того, чтобы восстать и оказать сопротивление суперплемени с помощью его же собственного оружия и его же методами.

Пока все это происходит, лидеры других могущественных и развитых суперплемен будут с тревогой следить за тем, чтобы экспансия не была слишком успешной. Если же это все-таки произойдет, они рискуют лишиться *своего* межгруппового статуса.

Все это делается под удивительно прозрачным, но все же очень прочным идеологическим покровом. При чтении официальных документов никому даже в голову не придет, что на кон были поставлены самолюбие и статус лидеров. Всегда кажется, что это вопрос идеологии, моральных принципов, социальной философии или религиозных верований, но для солдата, в оцепенении уставившегося на свои оторванные ноги или держащего в руках собственные кишки, это означает лишь одно – потерянную жизнь.

Почему было так легко поставить его в такое положение? Причина в том, что он не только потенциально агрессивное животное, но еще и чрезвычайно коллективное. Все разговоры о защите принципов суперплемен трогают его лишь потому, что это вопрос оказания помощи его друзьям. Под влиянием ужасов войны, а также прямой и реальной угрозы, исходящей извне, его связь с соратниками стала еще сильнее. Он убивал, скорее чтобы не подвести их, чем по какой-либо другой причине. Древние племенные устои преданности были настолько сильны, что, когда настал решающий момент, у него не было другого выбора.

Учитывая давление суперплемен, глобальную перенаселенность и разницу в развитии различных суперплемен, практически не остается надежды на то, что наши дети, когда вырастут, забудут, что такое война.

Человек давно превзошел примата, но его биологические качества недостаточны для того, чтобы совладать с небиологической средой, созданной им же самим.

Теперь ситуацию можно спасти, только ограничив научно-технический прогресс. Признаки этого видны повсюду, но они исчезают в одном месте так же быстро, как появляются в другом. Кроме того, наш вид настолько неунывающий, мы, кажется, обладаем такой противоударной силой и так способны компенсировать потери, что даже не пытаемся извлечь пользу из жестоких уроков. Крупнейшие и наиболее кровопролитные войны из тех, что когда-либо происходили, в долгосрочной перспективе оказались лишь небольшими изгибами на кривой роста населения, стремящейся вверх. Вернее, на кривой уровня рождаемости всегда появляется «послевоенный горб», человечество возрождается, подобно изуродованному червяку, и быстро «ползет» дальше.

Что делает индивида одним из «них»; кого следует уничтожать как паразита, а не одного из «нас»; кого следует защищать как нежно любимого брата? Что делает «его» членом группы чужой, а нас держит в группе своей? Как мы узнаем «их»?

Безусловно, все упрощается, если «они» принадлежат к абсолютно обособленному суперплемени со странными обычаями, внешностью и языком. Все, связанное с «ними», так сильно отличается от всего «нашего», что можно, до крайности все упростив, считать всех их злодеями, несущими угрозу. Связующие силы, помогающие группе держаться вместе, подобно организованному сообществу, одновременно способствуют тому, что они отдаляются от нас и, в силу своей необычности, воспринимаются как нечто несущее угрозу.

На такие группы в основном и нацелена наша враждебность. Предположим, что мы атаковали и разбили их, – и что тогда? А если мы вообще не осмелимся напасть на них? Предположим, что в данный момент мы поддерживаем мирные отношения с другими суперплеменами. Что же произойдет теперь с нашей внутригрупповой агрессией? Если нам повезет, мы сможем сохранить мир и продолжить эффективную и созидательную деятельность внутри своей группы. Внутренние связующие силы, даже при отсутствии угрозы извне, могут быть достаточно сильны для того, чтобы держать нас вместе, но стрессы суперплемени никуда не денутся, и если внутренняя борьба за превосходство ведется слишком беспощадно, а ближайшие подчиненные страдают от чрезмерного давления и нищеты, то очень скоро все затрещит по швам. Если подгруппы, неизбежно образующиеся внутри суперплемени, перестают ощущать свое равноправие, их обычно здоровое соперничество перерастет в насилие. Сдерживаемая агрессия подгрупп, если не сможет объединиться для нападения на общего внешнего врага, найдет выход в форме бунтов, экстремизма и восстаний.

В истории существует масса подобных примеров. Когда Римская империя подчинила себе весь мир, спокойствие внутри ее было нарушено серией гражданских войн и кровопролитий. Когда Испания перестала быть державой-завоевательницей, организовывавшей экспедиции для создания своих колоний, произошло то же самое. К сожалению, между внешними войнами и внутренней борьбой существует обратная зависимость. Смысл этого достаточно ясен: в обоих случаях сдерживаемая агрессия пытается найти выход. Только благодаря тщательно разработанной суперплеменной структуре можно избежать и того и другого одновременно.

Было очень просто узнать «их», когда они принадлежали к абсолютно другой культуре, но как же это сделать, когда «они» принадлежат к нашей собственной? Язык, обычаи и внешний облик своих «их» не выглядят странными, а как раз наоборот – очень знакомы, так что грубое навешивание ярлыков всем подряд становится уже проблематичным, но все же это можно сделать. Одна подгруппа вовсе не обязательно должна казаться другой подгруппе странной, но она выглядит *по-другому*, и зачастую этого бывает достаточно.

Представители различных классов, различных сфер деятельности или различных возрастных групп – все они предполагают наличие собственных характерных особенностей в речи, одежде и поведении. Каждая подгруппа вырабатывает свой акцент или сленг. Манера одеваться также сильно отличается, и когда между подгруппами появляется (или вот-вот появится) некоторая враждебность, контраст в одежде становится еще разительнее, она начинает походить на униформу. Разумеется, в случае полномасштабной гражданской войны одежда действительно превращается в униформу, но даже в более мелких конфликтах появление псевдовоенных элементов (например, нарукавные повязки, значки и даже кресты и эмблемы) становится вполне типичным, а в агрессивно настроенных тайных сообществах они и без того широко распространены.

Эти и другие похожие элементы служат для усиления уникальности подгрупп, но в то же время они позволяют другим группам, входящим в суперплемя, с легкостью распознавать таких индивидов и причислять их всех без разбору к «ним». Но все эти элементы носят лишь временный характер: значки можно снять после того, как беда миновала, а те, кто их носил, могут быстро смешаться с основной массой населения. Даже самая жестокая вражда может угаснуть и забыться, но если подгруппа чем-то отличается *физически*, все может сложиться совсем иначе. Если, скажем, у ее членов темная или желтоватая кожа, курчавые волосы или раскосые глаза, то это те знаки, которые невозможно снять, как бы миролюбиво ни были настроены их обладатели. Если они в меньшинстве, к ним автоматически будут относиться как к подгруппе, активно ведущей себя как «они». Впрочем, никакой разницы не будет, даже если они будут вести себя крайне пассивно. Бесчисленные сеансы выпрямления волос и пластические операции по изменению формы глаз и цвета кожи не приводят ни к каким

результатам и вовсе не воспринимаются как послание: «Мы ненамеренно выделяем себя и не несем никакой угрозы». Слишком уж много подозрений вызывают оставшиеся отличительные физические особенности.

Безусловно, другая часть суперплемени прекрасно понимает, что эти физические «знаки» сами по себе не таят никакого злого умысла, но в реакции на них трудно разглядеть хоть каплю этого понимания. Это глубоко укоренившаяся внутригрупповая реакция, и когда сдерживаемая агрессия ищет цель, ей сразу же подворачиваются носители физических «знаков», будто специально созданные для того, чтобы быть «козлами отпущения».

Порочный круг продолжает замыкаться. Если к носителям физических отличительных признаков, несмотря на их абсолютную невиновность, относиться как к враждебной группе, они очень скоро именно так и начнут себя вести. Социологи называют подобное явление «самоисполняющимся пророчеством». Позвольте, воспользовавшись выдуманным примером, проиллюстрировать это. Вот этапы происходящего:

1. Посмотрите на этого человека с зелеными волосами, бьющего ребенка.
2. Этот человек с зелеными волосами – злой.
3. Все люди с зелеными волосами – злые.
4. Человек с зелеными волосами может напасть на кого угодно.
5. Вот другой человек с зелеными волосами – ударь его, прежде чем он ударит тебя.
(Человек с зелеными волосами, не сделавший ничего, что могло бы вызвать агрессию, наносит ответный удар в целях самообороны.)
6. И вот уже вы готовы подтвердить: *все* люди с зелеными волосами – злые.
7. Бейте всех людей с зелеными волосами!

Подобный пример насилия кажется отвратительным, когда выражен в столь примитивной форме. Разумеется, он отвратителен, но все же демонстрирует вполне реальный образ мыслей. Даже идиот может понять абсурдность перечисленных мною семи этапов формирования групповой предубежденности, но это вовсе не мешает их существованию.

После того как людей с зелеными волосами довольно долго избивают без всяких причин, не стоит удивляться тому, что они становятся злыми, – это вполне естественно. Изначально ложное пророчество сбылось, став реальностью.

Это лишь простой рассказ о том, как чужая группа становится объектом ненависти. У этой истории две морали: не красьте волосы в зеленый цвет, а если вы все же это делаете, убедитесь в том, что вы близко знакомы с теми, у кого не зеленые волосы, для того чтобы они поняли, что на самом деле в вас нет никакой злобы. Дело в том, что, если бы у обычного человека, избивающего ребенка, не было никаких особых отличительных черт, к нему относились бы просто как к индивиду и это не дало бы повода для обобщений, наносящих вред. Тем не менее, как только акт насилия совершен, надежду на предотвращение дальнейшего распространения внутригрупповой враждебности следует искать в личном взаимодействии и в отношении к другим индивидам с зелеными волосами как к *обычным* индивидам. Если этого не произойдет, внутригрупповая враждебность станет еще сильнее и индивиды с зелеными волосами (даже те из них, кто вообще не склонен к насилию) почувствуют необходимость держаться вместе (даже жить вместе), чтобы защищать друг друга. Как только это произойдет, можно считать, что настоящее насилие уже стоит на пороге. Члены этих двух групп будут все меньше и меньше общаться между собой и очень скоро станут вести себя так, как будто принадлежат к двум различным племенам. Люди с зелеными волосами вскоре начнут заявлять о том, что гордятся своими зелеными волосами, в то время как на самом деле это никогда не имело для них ни малейшего значения, пока не стало восприниматься как некий особый сигнал.

Этот сигнал был столь сильным потому, что слишком бросался в глаза. Он не имел ничего общего с истинными личностными качествами, он был лишь случайным признаком. Ни одна внешняя группа никогда не состояла из людей, у которых, например, первая группа крови, несмотря на то что, подобно цвету кожи или типу волос, это является отличительным и генетически контролируемым фактором. Причина этого довольно проста: просто посмотрев на человека, невозможно определить, какая у него группа крови. Таким образом, если известно,

что у человека, избивающего ребенка, первая группа крови, довольно трудно враждебно относиться ко всем, у кого она такая же.

Это кажется вполне очевидным, и все же существует целый ряд не поддающихся никакой логике причин внутренней/внешней групповой ненависти, которые мы обычно называем расовой нетерпимостью.

Многим очень сложно понять, что в реальности этот феномен не имеет ничего общего с существенными расовыми различиями в характере, интеллекте или эмоциональной сфере (наличие которых так до сих пор и не доказано), а связан лишь с небольшими (и в настоящее время ровно ничего не значащими) различиями во внешних расовых «знаках». Ребенок с белой или желтоватой кожей, воспитанный в чернокожем суперплемени и обладающий равными возможностями с чернокожими детьми, вне всяких сомнений, вел бы себя так же, как и все остальные дети суперплемени, – но может быть и по-другому. Если все оказывается иначе, то только в результате того, что детям, вероятно, *не были* предоставлены равные возможности. Для того чтобы понять это, нам следует вкратце коснуться того, как различные расы появились на свет.

Прежде всего стоит заметить, что уже само слово «раса» не совсем удачно, им слишком злоупотребляют. Мы говорим о «человеческой расе», «белой расе» и «британской расе», подразумевая соответственно людей как вид, белых людей как подвид и британцев как суперплемя.

В зоологии вид – это популяция животных, которые свободно размножаются в результате контакта между собой, но не могут размножаться, контактируя с другими популяциями, или просто не контактируют с ними. По мере распространения вида на все более обширной территории он, как правило, начинает делиться на несколько подвидов. Если эти подвиды намеренно заставить жить вместе, они по-прежнему будут свободно размножаться в результате контакта друг с другом и могут снова стать одним большим видом, но, как правило, этого не происходит.

Климатические и другие различия регионов обитания различных подвидов влияют на их окрас, форму и размер. Например, группа, обитающая в регионе с холодными климатическими условиями, может стать более тяжеловесной и низкорослой; другая, живущая в лесных областях, может приобрести пятнистый окрас, позволяющий сливаться с окружающей средой. Физические различия делают подвиды настолько гармонирующими со средой обитания, что каждый из них лучше всего чувствует себя именно в своем регионе. На границе этих регионов подвиды не сильно отличаются друг от друга, их различия постепенно стираются. Если с течением времени различия между ними все более усиливаются, они могут прекратить контакты с особями другого вида и тогда быстро перестают походить друг на друга. Если впоследствии они все же встретятся, то уже не пойдут на контакт, – к тому моменту они станут двумя отдельными видами.

По мере распространения человека как вида по всему земному шару у него, как и у любого другого животного, стали формироваться подвиды, обладающие некоторыми отличительными особенностями.

Особенно преуспели в этом три подвида: европеоидная (белая) группа, негроидная (черная) группа и монголоидная (желтая) группа. Двум же другим повезло гораздо меньше, и в настоящий момент они существуют в очень малом количестве, словно тени бывшего величия. К таким группам относятся австралоиды – аборигены Австралии и их сородичи, а также капоиды – южноафриканские бушмены.

Эти два подвида, некогда населявшие гораздо более обширные территории (было время, когда бушменам принадлежала бó льшая часть Африки), были истреблены практически повсеместно. Недавнее исследование численности этих пяти подвидов показало следующее:

Европеоидная группа – 1 757 миллионов

Монголоидная группа – 1 171 миллион

Негроидная группа – 216 миллионов

Австралоиды – 13 миллионов

Капоиды – 126 тысяч

Если население всего земного шара насчитывает 3 миллиарда человек, то белый подвид стоит в нем на первом месте и составляет 55 %, желтый подвид наступает ему на пятки – 37 %, а негроидный подвид крепко удерживает свои 7 %. Две же вымирающие группы (вместе взятые) составляют менее 0,5 % от общего населения.

Очевидно, что это лишь примерные цифры, но они позволяют представить общую картину. Они не могут быть точными, так как (я говорил об этом ранее) одной из характерных черт подвида является его способность к смешению со своими соседями на границе мест обитания. В случае с людьми дополнительная трудность возникла в результате того, что они получили возможность более свободного передвижения. Отдельные подвиды так усиленно мигрировали и перемещались, что во многих регионах начало происходить дальнейшее смешение. И несмотря на внутреннюю/внешнюю групповую вражду и массовые убийства, это происходит, так как различные подвиды, вне всяких сомнений, еще не утратили способность к совместному размножению.

Если бы различные подвиды людей существовали в отдельных географических зонах долгое время, вполне вероятно, что они стали бы совершенно разными видами, каждый из которых физически приспособился бы к определенным климатическим условиям и условиям окружающей среды. Так на самом деле и было, но крайне эффективный технический контроль человека над физическими компонентами природы, а также его особая мобильность превратили этот процесс эволюции в полный абсурд. С холодным климатом борются всеми доступными средствами, начиная от одежды и костров и заканчивая центральным отоплением; с жаркой средой удается справляться при помощи холодильников и кондиционеров. К примеру, тот факт, что у негра больше охлаждающих потовых желез, чем у европейца, уже практически никак не связывают с необходимостью адаптации.

Когда-нибудь различия между подвидами («отличительные расовые черты») неизбежно перемешаются и сотрутся. Наши потомки будут в растерянности рассматривать старые фотографии своих необычных предков. К сожалению, из-за неразумного отношения к таким особенностям как к неким признакам враждебности для этого должно пройти очень много времени. Этот важный и, безусловно, неизбежный процесс смешения можно было бы ускорить, добившись всеобщего соблюдения некоего нового закона, запрещающего иметь потомство от члена своего подвида, но так как это всего лишь воображаемая ситуация, решение следует искать в более рациональном подходе к тому, что до сих пор причислялось лишь к разряду эмоций. Неверное отношение к эмоциям можно легко опровергнуть, обратившись к невероятно иррациональным поступкам, которые совершались так часто. Достаточно привести лишь один пример: влияние на Америку торговли рабами-неграми.

С XVI по XIX век бо́льшая часть из 15 миллионов негров была захвачена в Африке и переправлена на Американский континент в качестве рабов. В самом рабстве не было ничего нового, но его масштабы и тот факт, что труд рабов использовался суперплеменами, исповедующими христианство, придавал ему некий необычный оттенок. Такое положение дел требовало особого образа мышления, который мог являться лишь результатом реакции на физические различия между подвидами. Это становилось возможным только потому, что к африканским неграм, в сущности, относились как к новой разновидности домашних животных.

Сначала все было по-другому. Первые путешественники, попавшие в Африку, были поражены богатством и устройством негритянской империи. Там были большие города, системы образования и администрирования, а богатство так и бросалось в глаза. Сегодня в это почти невозможно поверить. К тому же в прессе постоянно появляются пропагандистские фотографии голых дикарей – жестоких и хладнокровных убийц. О великолепных бронзовых изделиях из Бенина, как правило, забывают, как и вообще о многих достижениях негритянской цивилизации.

Давайте посмотрим на один из древних городов в Западной Африке глазами голландского путешественника, побывавшего там более трех с половиной веков назад. Он писал: «Город кажется огромным; войдя в него, вы попадаете на длинную широкую улицу... в семь или восемь раз шире главной улицы Амстердама. От нее в разные стороны отходит множество других улиц... Дома в городе стоят строго друг за другом, как дома в Голландии...

Королевский двор очень велик, его строгая планировка охватывает множество строений...»

Вряд ли это похоже на деревню с глиняными хижинами. Да и обитатели этих древних западноафриканских городов мало похожи на кровожадных, размахивающих копьями дикарей. В середине XIV века один искушенный путешественник отметил здешнюю свободу передвижения, а также постоянное наличие пищи и хорошего места для ночлега. Вот что он сообщает: «В их стране чувствуешь себя в абсолютной безопасности. Путешественник ты или местный житель – тебе не надо бояться грабителей или убийц».

Когда прошли времена первых путешествий в Африку, последующие контакты быстро переросли в коммерческую эксплуатацию. Как только на «дикарей» стали нападать, грабить их, захватывать и вывозить в другие страны, их цивилизации пришел конец. Остатки их разрушенного мира все больше стали походить на нечто варварское, неорганизованное, и никто уже не сомневался в отсталой природе негроидной культуры. Тот факт, что эта культурная отсталость была изначально вызвана жестокостью и жадностью белых, удобно замалчивался. Вместо этого христианское сознание с легкостью признало, что черная кожа и другие физические различия являются внешними признаками умственной отсталости. После этого было проще говорить о том, что эта культура отсталая лишь потому, что негры являются умственно отсталой расой. Если бы это действительно было так, эксплуатация никоим образом не ассоциировалась бы с деградацией, так как эта «порода» уже изначально находилась в состоянии упадка. Как только нашлось «доказательство» того, что негры почти ничем не лучше животных, христианское сознание смогло расслабиться.

Теории эволюции Дарвина еще не существовало. Были две группы христиан, придерживавшихся противоположных взглядов на негроидную расу: моногенисты и полигенисты. Моногенисты считали, что все люди произошли от одного предка, но негры давным-давно пережили серьезный упадок (в физическом и моральном смысле), а значит, предназначены для рабства. В середине XIX века один американский священник достаточно ясно выразил подобную точку зрения: «Негр является особым и в настоящий момент плотно закрепившимся подвидом, таким же, как многочисленные разновидности домашних животных. Негр навсегда останется тем, кто он есть, если только его внешний вид не изменится в результате смешения, сама мысль о чем уже отвратительна; его умственные способности ниже, чем у европейцев, и, следовательно, все, что мы о нем знаем, свидетельствует о том, что он не может жить самостоятельно. Он был помещен под нашу защиту. Обоснование рабства приводится в Священном Писании... Оно определяет обязанности хозяев и рабов... Мы можем уверенно защищать устройство нашего общества, опираясь на слово Божие».

Это утверждение, высказанное через несколько веков после начала эксплуатации, позволяет понять, насколько тщательно замалчивался первоначальный опыт знакомства с древней цивилизацией африканских негров. Если бы его не замалчивали, стала бы очевидна ложность утверждения, что негр не способен жить самостоятельно, и тогда все эти аргументы, все доказательства не стоили бы ровным счетом ничего.

Противоположных взглядов придерживались полигенисты. Они считали, что каждая раса была создана отдельно и наделена различными качествами, что каждая из них имеет свои сильные и слабые стороны. Некоторые полигенисты придерживались мнения, что в мире существует 15 различных видов людей. Они высказывались в защиту негров: «В теории полигенистов менее развитым расам человечества отводится более почетное место, чем в противоположной теории. Обладание меньшим интеллектом, силой или красотой, чем у другого человека, вовсе не является чем-то унижительным. Напротив, человек может испытывать чувство стыда за то, что подвергся физической или моральной деградации, опустился на самый низ шкалы живых существ и утратил свое место в мироздании».

Оба эти высказывания относятся к середине XIX века. Несмотря на различие взглядов, подход полигенистов все равно автоматически придерживается идеи расового неравенства, так что негры в любом случае были обречены.

Даже после того как рабы в Америке официально получили свободу, отношение к ним во многом осталось прежним, и это так или иначе проявлялось. Если бы негры не были обременены физическими внешнегрупповыми «знаками», они бы очень быстро стали частью нового суперплемени, но их внешность отделила их, и старые предубеждения продолжали

существовать. Изначальная ложь, что их культура всегда была отсталой и что, следовательно, они были отсталыми, по-прежнему таилась в сознании белых людей. Она оказывала влияние на их поведение и способствовала ухудшению взаимоотношений. Она повлияла даже на наиболее разумных, а значит, и лишенных предрассудков людей. Она продолжала способствовать все нарастающему возмущению, которое теперь было подкреплено еще и официальной социальной свободой. Последствия были неизбежны. Поскольку отсталость американского нефа была всего лишь мифом, искажением истории, то, как только цепи были сняты, негр перестал притворяться отсталым и стал вести себя совершенно естественно: он взбунтовался, он потребовал равноправия не только официального, но и реального.

Его усилия вызвали ужасно неразумную и жестокую реакцию: настоящие цепи были заменены на невидимые, на него обрушились сегрегация, дискриминация и социальная деградация. Первые реформаторы предвидели это и в какой-то момент в XIX веке настойчиво предлагали «щедро вознаградить» все негритянское население Америки за причиненные неприятности и отправить обратно в родную Африку. Но репатриация вряд ли вернула бы неграм их некогда цивилизованное общество с развитыми условиями жизни – все было уничтожено давным-давно. Пути назад не было. Негры остались и попытались получить то, что должны были получить, но после многочисленных тщетных попыток они начали терять терпение, и в течение последних 50 лет их бунты не только продолжались, но и усиливались. Численность негров увеличилась до 20 миллионов. Они стали силой, с которой необходимо считаться, и сейчас негритянские экстремисты борются уже не просто за равноправие, а за превосходство черной расы. Вторая гражданская война в Америке кажется неизбежной...

Мыслящие белые американцы отчаянно борются со своими предрассудками, но то, что вбито в голову в детстве, забыть трудно. Постепенно стал появляться новый коварный вид предубеждений о необходимости компенсации.

Чувство вины способствует возникновению чрезмерного дружелюбия и готовности помочь, что создает не менее лживое отношение, чем то, которое было до этого. Оно по-прежнему не позволяет относиться к негру как к личности, на него по-прежнему смотрят как на члена чужой группы. Эта ошибка была точно подмечена одним темнокожим американским артистом эстрады, который, после того как белая аудитория слишком рьяно ему аплодировала, сказал, что сидящие в зале люди чувствовали бы себя довольно глупо, если бы оказалось, что он – загримированный белый.

До тех пор пока одни подвиды людей не перестанут считать, что физические различия свидетельствуют о некоторых умственных различиях, до тех пор пока они не перестанут считать, что цвет кожи указывает на принадлежность к враждебно настроенной группе, бессмысленным и никому не нужным кровопролитиям не будет конца. Я не говорю о создании всемирного братства людей – это наивная и утопическая мечта. Человек живет племенем, и крупнейшие суперплемена всегда будут конкурировать друг с другом. В хорошо организованных обществах эта борьба примет форму здорового стимулирующего соревнования, активной торговли и спортивных состязаний, способствующих развитию общества. Природная агрессивность людей не станет чрезмерной, она будет проявляться в отстаивании своих прав, и только тогда, когда давление станет слишком сильным, она перерастет в насилие.

Какой бы ни была агрессия – позитивной или негативной, – обычные (нерасовые) внутренние и внешние группы так или иначе столкнутся друг с другом, и произойдет это не по чистой случайности. Но для индивида, который вдруг обнаруживает, что из-за своего цвета кожи он навсегда причислен к какой-то определенной группе, эта ситуация будет совсем другой. Он не может самостоятельно решать, к какому подвиду ему относиться. С ним обращаются так, как будто он стал членом некоего клуба или попал в армию. Как я уже сказал, ему остается надеяться только на то, что благодаря усиливающемуся всемирному смешению подвидов, некогда географически отделенных друг от друга, их отличительные черты начнут стираться и в конце концов исчезнут вообще. Но пока этого не произойдет, бесконечная потребность во внешних группах, на которые можно обратить внутригрупповую агрессию, будет существовать и способствовать вражде различных подвидов. Наши эмоции не позволяют избавиться от разграничений, помочь нам могут только логика и разум.

В качестве примера я выбрал проблему американских негров. К сожалению, в ней нет ничего необычного. С тех пор как человек стал чрезвычайно мобилен, подобное происходит во всем мире.

Множество абсурдных вещей случается даже там, где не существует явных отличий, способных разжечь огонь вражды. Постоянно присутствует ошибочное мнение, что член другой группы должен обладать определенными *унаследованными* особенностями, типичными для его группы. Если он носит другую форму, говорит на другом языке или принадлежит к другой вере, подразумевается, что и его личностные качества *биологически* отличаются.

Считается, что немцы крайне методичны, итальянцы слишком эмоциональны, американцы экспансивны и лишены духовных интересов, англичане чопорны и склонны к уединению, китайцы загадочны и непонятны, испанцы горды и заносчивы, шведы вежливы и спокойны, французы раздражительны и любят поспорить и т. д.

Даже в качестве поверхностной оценки *приобретенных* национальных особенностей эти обобщения слишком упрощены, но в реальности многие считают их врожденными качествами чужих групп. Люди верят в то, что в определенном смысле «племена» приобрели свои отличительные признаки в результате генетических изменений, но все свидетельствует лишь о внутригрупповой тенденции принятия желаемого за действительное. Более двух тысяч лет назад Конфуций очень верно подметил: «Природа нас друг с другом сближает, привычка же отделяет». Но привычки, являясь всего лишь культурными традициями, могут меняться, а значит, внутри группы всегда существует желание найти нечто более постоянное, более основательное, что позволит отделить «их» от «нас». Наш вид достаточно изобретателен, и, если мы не можем найти таких различий, мы быстро их придумываем. С поразительным апломбом мы беспечно не обращаем внимания на то, что практически все нации, упомянутые мною выше, являются результатом неоднократного скрещивания целого ряда ранее существовавших подгрупп, но логике здесь не место.

Весь человеческий род имеет множество общих моделей поведения, у каждого человека есть много сходства с любым другим. Как ни парадоксально, но схожей является и тенденция к формированию отдельных внутренних групп, и желание отличаться от членов других групп. Это чувство чрезвычайно сильное, но все же биологические признаки превосходят все остальное, и чем скорее их право на существование будет признано, тем больше шансов у нас стать терпимее к внутригрупповым отношениям.

Еще одной нашей биологической характеристикой, как я уже говорил ранее, является изобретательность. Мы постоянно испытываем необходимость в поиске новых способов самовыражения, и эти способы в различные эпохи у различных групп отличаются. Но все это лишь внешние качества, которые так же легко приобрести, как и потерять. Они могут появиться и исчезнуть еще до того, как одно поколение сменится другим, в то время как процесс эволюции и формирования основных биологических черт нового вида, подобного нашему, занимает сотни тысяч лет. Всей цивилизации всего лишь десять тысяч лет – по большому счету мы немногим отличаемся от наших охотящихся предков. Мы все происходим от одного прародителя – каждый из нас, независимо от национальности; у всех нас одна и та же генетическая основа. Несмотря на разнообразие наших костюмов, мы все лишь человекообразные обезьяны и нам следовало бы помнить об этом и тогда, когда мы начинаем играть в наши внутригрупповые игры, и тогда, когда под сильнейшим давлением суперплеменного образа жизни эти игры выходят из-под контроля и мы уже готовы проливать кровь людей, которые, несмотря на внешность, точно такие же, как мы.

Должен признаться, меня не покидает ощущение некоторой неловкости. Причина этого очень проста: с одной стороны, я отметил, что стремление к формированию внутренних групп лишено всякой логики и иррационально; с другой стороны, я подчеркнул, что все настолько готово к внутригрупповой вражде, что нам остается надеяться только на рациональный и умелый контроль. Мое стремление к рациональному контролю над тем, что не поддается никакой логике, может показаться чрезмерно оптимистичным. Возможно, не так уж и нелепо надеяться на то, что некое рациональное зерно как-то поможет в решении этой проблемы, но в настоящий момент возлагать все надежды только на него действительно бессмысленно. Чтобы понять, что разумная сдержанность в подобных делах практически недостижима, стоит лишь

взглянуть на то, как самые умные из протестующих избивают полицейских под плакатами, гласящими «Остановите насилие», или послушать, как самые блестящие политики поддерживают войну «в целях обеспечения мира». Необходимо что-то еще, в определенном смысле мы должны под корень обрубить все условия, которые способствуют развитию внутригруппового насилия.

Я уже достаточно подробно рассказал об этих условиях, но будет нелишним еще раз кратко перечислить их:

1. Расширение сферы человеческого обитания.
2. Превращение племен в огромные суперплемена.
3. Изобретение оружия, способного убивать на расстоянии.
4. Отсутствие лидеров на передовой.
5. Создание специализированного класса профессиональных убийц.
6. Различный технологический уровень в группах.
7. Возросшая невыраженная агрессия ради статуса внутри групп.
8. Внутригрупповое соперничество лидеров.
9. Потеря социальной самобытности внутри суперплемени.
10. Распространение всеобщего стремления атаковать, чтобы помочь другу.

Единственное условие, которое я намеренно не включил в этот список, — это развитие отличающихся идеологий. Мне, зоологу, рассматривающему человека как животное, трудно в данном контексте со всей серьезностью говорить о подобных различиях. Если при оценке внутригрупповой ситуации исходить из критериев реального поведения, а не многословного теоретизирования, различия в идеологии кажутся не столь значительными по сравнению с основополагающими условиями. Они служат всего лишь старательно подобранным поводом для того, чтобы привести достаточное количество высокопарных причин в оправдание уничтожения тысяч человеческих жизней.

Изучая приведенный выше список, трудно решить, с чего начать поиск средств для улучшения существующей ситуации. Кажется, что все вместе они не оставляют никаких сомнений в том, что человек будет вечно воевать с человеком.

Принимая во внимание то, что я сравнил существующее положение вещей в человеческом обществе со зверинцем, возможно, мы сможем почерпнуть нечто полезное, если заглянем в клетки зоопарка. Я уже подчеркивал, что дикие животные в естественной среде, как правило, не убивают своих сородичей. Но как же обстоят дела с видами, находящимися в неволе? Случаются ли избиения в обезьяннике, линчевания в клетках львов или ожесточенные бои в птичьих вольерах? Ответ, разумеется с некоторыми оговорками, будет положительным. Борьба за статус между живущими в тесноте животными ведется довольно жестоко, но каждый знает, что ситуация становится еще хуже, когда в эти группы приходят новые члены. Возникает опасность, что на вновь прибывших ополчится вся группа и на них будут совершаться безжалостные нападки. Их будут воспринимать как внезапно вторгшихся членов враждебной внешней группы, и они практически не смогут дать отпор. Если они будут скромно сидеть кучкой в уголке, вместо того чтобы нарочито выставлять себя напоказ посреди клетки, их все равно будут преследовать и подвергать насилию.

Подобное происходит не всегда; это наиболее распространено среди животных, страдающих от слишком неестественного ограничения пространства. Если животным, уже находящимся в клетке, хватает места, они, скорее всего, будут нападать на вновь прибывших только в самом начале и прогонять их со своих излюбленных мест, но не будут продолжать свои неуместные преследования. Незнакомцам в конце концов разрешат занять какую-то территорию. Если же пространство слишком ограничено, ситуация может никогда не стабилизироваться, что неизбежно приведет к кровопролитию.

Это можно продемонстрировать на примере. Колюшки — это маленькие рыбки, охраняющие свою территорию в период размножения. Самец строит гнездо в водорослях и защищает пространство вокруг него от других самцов того же вида. Находящийся в данный момент в одиночестве самец является представителем «своей группы», а любой соперник,

покушающийся на его территорию, – представитель «чужой группы». В естественных условиях (в реке или ручье) каждому самцу достаточно места, так что враждебные стычки с соперниками в основном ограничиваются взаимными угрозами и практически никогда дело не доходит до драки. Если два самца хотят построить гнезда (каждый в своем конце большого аквариума, напоминающего естественную среду), они встречаются посередине и начинают запугивать друг друга. Никакого более явного проявления насилия в этом случае не происходит. С другой стороны, если водоросли, в которых они строят гнезда, в качестве эксперимента посадить в маленькие горшки, исследователь может придвинуть эти горшки друг к другу и тем самым ограничить пространство. По мере того как горшки постепенно сдвигаются все ближе и ближе, угрозы обоих самцов усиливаются и в конце концов перерастают в сильнейшее столкновение. Самцы кусаются и отрывают друг другу плавники, забыв о своих обязанностях по постройке гнезд, и их мир в одночасье превращается в мир насилия и жестокости. Но как только горшки с водорослями отодвигаются друг от друга, вновь воцаряется спокойствие и поле битвы сразу же превращается в арену безобидных угроз.

Вывод из этого вполне очевиден: тот факт, что небольшие племена первобытных людей разрослись до размеров суперплемен, свидетельствует о том, что, в сущности, мы ставили эксперимент с колюшками на самих себе и это привело практически к тем же результатам. Если людскому зверинцу и следует что-то позаимствовать у зоопарка, то этот пример – один из тех, на которые нам следует обратить особое внимание.

С точки зрения специалиста в области экологии животного мира, насильственное поведение видов, живущих в тесноте, можно рассматривать как действие защитного механизма. Жестокое отношение к индивиду можно оправдать благими намерениями по отношению ко всему виду в целом. Для каждого вида животных существует свой потолок численности. Если количество особей превышает этот уровень, наступает время для действий по уничтожению лишней популяции, после чего все опять приходит в норму. Нелишне будет взглянуть на насилие в мире людей и с этой точки зрения.

Возможно, это звучит чересчур хладнокровно, но, с тех пор как наш вид стал слишком многочисленным, все говорит о том, что мы изо всех сил пытаемся отыскать средства для исправления этой ситуации и сократить наше число до соответствующего биологического уровня. И эти средства не ограничиваются лишь массовыми убийствами в форме войн, восстаний, бунтов и мятежей – наша изобретательность не знает границ.

В прошлом мы придумали целый ряд самоограничивающих факторов: примитивные сообщества, впервые ощутившие свою перенаселенность, прибегали к детоубийству, жертвоприношениям, расчленению, снятию скальпов, каннибализму и ко всем разновидностям сексуальных табу. Разумеется, это не было специально разработанной системой контроля над численностью населения, и все же эти меры помогли, хотя и не сумели полностью остановить постоянный рост населения.

По мере развития технологий жизнь человека стала более защищенной, и эти способы сокращения численности населения постепенно прекратили свое существование, но на смену им пришли болезни, засуха и голод.

Как только численность населения начинала увеличиваться, сразу же возникали новые средства самоограничения. Когда исчезли старые сексуальные запреты, появилась новая сексуальная философия, благодаря которой сократилась рождаемость; неврозы и психозы стали более частыми и мешали успешному размножению; увеличилось число случаев использования противозачаточных средств, мастурбации, орального и анального секса, гомосексуализма, фетишизма и зоофилии, гарантировавших сексуальную консумацию без оплодотворения. Рабство, тюремное заключение, кастрация и добровольное воздержание также сыграли свою роль. В придачу мы ограничиваем численность населения абортами, убийствами, казнями преступников, самоубийствами, дуэлями и опасными, потенциально смертельными играми и видами спорта.

Все эти меры служат для уничтожения огромного количества людей и уменьшения численности наших перенаселенных сообществ. Собранные вместе, они образуют жуткий список, и все же последние исследования показали, что даже в комбинации с войнами и восстаниями они абсолютно неэффективны: человеческий род прошел через это и стал

размножаться еще быстрее.

В течение многих лет люди упорно не хотели признать тот факт, что подобные тенденции свидетельствуют о некоем биологическом недостатке, связанном с уровнем населения. Мы все время отказывались считать их сигналами опасности, предупреждающими нас о грядущей эволюционной катастрофе. Все возможное было сделано для запрещения всего этого и для защиты права на жизнь и размножение всех людей, а когда человеческие группы достигли невероятных размеров, мы проявили изобретательность и усовершенствовали технологии, позволяющие как-то переносить эти неестественные социальные условия.

С каждым днем (добавляющим еще 150 000 человек к населению земного шара) бороться становится все труднее. Если все останется так, как есть, эта борьба вскоре станет невозможной. Несмотря на наши старания, в конце концов появится нечто, что так или иначе сократит численность населения. Возможно, это будет усилившаяся психическая нестабильность, ведущая к необдуманному использованию оружия с неконтролируемой мощностью, а может быть, возросшее химическое загрязнение или же страшнейшее (подобное чуме) заболевание. У нас есть выбор: мы можем положиться на волю случая, а можем попытаться повлиять на ситуацию. Если мы выберем первое, нам грозит реальная опасность того, что основной фактор контроля над уровнем населения сломает все преграды, выстроенные на его пути, и начнет действовать подобно прорыву плотины и в результате сотрет с лица земли всю нашу цивилизацию. Если же мы все-таки изберем второе, у нас есть шанс предотвратить катастрофу – но как же в этом случае выбрать правильный способ контроля?

Идея применения какого-либо конкретного средства, запрещающего рождение потомства или лишаящего жизни, абсолютно неприемлема, ибо противоречит принципам сотрудничества и поддержки. Единственной альтернативой может служить побуждение к осуществлению добровольного контроля. Безусловно, мы можем рекламировать и приукрашивать крайне опасные виды спорта и игры, мы можем популяризировать самоубийство («Зачем ждать болезней? Умрите сейчас, не ощутив боли!») или же придумать новый, усовершенствованный культ воздержания («Непорочность – это кайф!»), можно привлечь рекламные агентства всего мира для убедительной пропаганды и воспевания преимуществ внезапной смерти.

Но даже если мы предпримем подобные экстраординарные (и невыгодные с биологической точки зрения) шаги, нет никакой уверенности в том, что они позволят существенно контролировать население. Сегодня наибольшее предпочтение отдается противозачаточным средствам и легализованным абортам (в случае нежелательной беременности). Противозачаточные средства предпочитают главным образом потому, что лучше вообще не давать жизнь, чем потом о ней заботиться. Если кому-то суждено умереть, будет лучше, если этим окажутся яйцеклетки и сперматозоиды, а не мыслящее и чувствующее существо, любящее и любимое, уже ставшее неотъемлемой и полноправной частью общества. Сама природа крайне расточительна по отношению к яйцеклеткам и сперматозоидам, так как женщина за всю свою жизнь в состоянии породить около 400 яйцеклеток, а взрослый мужчина – миллионы сперматозоидов ежедневно.

Но у этого способа есть и отрицательные стороны. При занятии опасными видами спорта погибают самые отважные члены общества, а в результате самоубийств – самые взвинченные и впечатлительные; противозачаточные же средства могут погубить наиболее разумных. Для эффективного применения противозачаточных средств (на данной стадии их развития) требуются определенные умственные способности: осмысленность и самоконтроль. Женщина, не обладающая такими качествами, скорее всего, забеременеет. Если низкие умственные способности зависят от генетических факторов, эти факторы передадутся потомству, и медленно, но верно эти генетические качества распространятся на все население в целом.

Следовательно, для эффективного действия современных противозачаточных средств требуется их скорейшее усовершенствование с точки зрения поиска менее замысловатых способов их применения, практически не требующих щепетильности и особого внимания.

Наряду с этим следует активно пропагандировать противозачаточные средства и бороться с предвзятостью общественного мнения. Только тогда, когда число ежедневных зачатий уменьшится на 150 000 по сравнению с сегодняшним днем, мы сможем добиться некоторой стабильности в численности населения.

Несмотря на то что достижение только одного этого и так крайне проблематично, мы должны быть уверены еще и в том, что контроль усилится по всему миру, а не только в некоторых отдельно взятых регионах. Если усовершенствованные противозачаточные средства появятся не во всех регионах, они неизбежно приведут к дестабилизации и без того напряженных межрегиональных отношений.

При обсуждении этих проблем трудно сохранять оптимизм, но представим на секунду, что их чудом удалось решить и численность населения Земли стабилизировалась, сохраняя сегодняшний уровень – примерно 3 миллиарда человек. Это значит, что если мы возьмем всю поверхность земного шара и представим, что она заселена равномерно, то уровень плотности населения будет в 500 раз превышать тот же уровень у первобытных людей. Если нам удастся остановить этот рост и разместить людей по земному шару с меньшей плотностью, нам не следует обманывать себя, думая, что мы таким образом достигнем ситуации, отдаленно напоминающей ту, в которой развивались наши первобытные предки.

Нам потребуются неимоверные усилия и самодисциплина, если мы хотим предотвратить жестокие социальные бунты и конфликты, но, по крайней мере, мы можем попробовать это сделать. С другой стороны, если мы пустим все на самотек и позволим численности населения увеличиваться, то вскоре лишимся и этого шанса.

Перед нами вырисовывается далеко не радужная перспектива, и опасность полного уничтожения цивилизации, как мы теперь видим, с каждым днем становится все более реальной.

Попробуем себе представить, что может случиться, если мы не решим эту проблему. Мы делаем такие огромные шаги в развитии химических и биологических военных технологий, что ядерное оружие может очень скоро превратиться в старомодную вещь. Как только это произойдет, ядерные устройства будут приравнены к обычным видам оружия и станут необдуманно применяться суперплеменами. (По мере увеличения числа ядерных держав «горячие точки», без сомнения, объединятся в безнадежно запутанную «горячую сеть».) К тому моменту радиоактивное облако, образовавшееся вокруг Земли, будет нести смерть всем формам жизни в тех областях, где выпадет снег или пойдет дождь. Выжить смогут только африканские бушмены и некоторые другие удаленные группы, живущие в центре наиболее засушливых и пустынных регионов. Ирония заключается в том, что бушмены до настоящего времени являются самой неразвитой из всех человеческих групп и все еще ведут охотничий образ жизни, типичный для первобытных людей. Это напоминает возврат к истокам, и как тут не вспомнить приведенный кем-то замечательный пример с божьими коровками, заселившими всю планету.

5

Импринтинг и лжеимпринтинг

Жизнь в людском зверинце предоставляет нам широкие возможности для обучения и закрепления пройденного материала, и какими бы впечатляющими ни были достижения человека в области биологии, его мозг остается непревзойденным по части накопления опыта. Эти 14 миллиардов плотно сбитых клеток способны усваивать и хранить огромный объем информации.

Изо дня в день этот механизм работает исправно, но, когда во внешнем мире происходит что-нибудь экстраординарное, включается аварийная система защиты. Если она не срабатывает, в нашем суперплемени все переворачивается с ног на голову. Происходит это по двум причинам: во-первых, людской зверинец, в котором мы живем, пытается оградить нас от некоторых вещей. Обычно мы не убиваем дичь, а покупаем мясо; мы не смотрим на трупы, а предпочитаем накрывать их простынями или помещать в гробы. Это означает, что если насилие все-таки прорывается через такие защитные барьеры и мы сталкиваемся с ним лицом к лицу, то воздействие на наш мозг становится сильнее обычного. Во-вторых, те виды насилия, которые прорываются через защиту, настолько неестественны для нас и так болезненно отражаются на нашем восприятии действительности, что мозг просто не в состоянии справиться со столь сильными эмоциями. Этот тип «экстремального опыта» заслуживает более детального

рассмотрения.

Любой, кто когда-либо попадал в серьезную автомобильную катастрофу, меня поймет. Каждая крошечная, но неприятная подробность этой трагедии надолго врежется в память и тревожит сознание на протяжении всей жизни. Подобные потрясения случались у каждого из нас. Например, когда мне было семь лет, я чуть было не утонул, и по сей день я помню тот случай так же отчетливо, как если бы он произошел вчера. Последствиями печального детского опыта стало то, что я вот уже на протяжении тридцати лет пытаюсь преодолеть в себе необъяснимый страх глубины. Как и все, я пережил еще немало неприятных потрясений в детстве, но подавляющее большинство из них не оставило в моей памяти такого отпечатка, как тот день.

Полистав книгу своего жизненного опыта, мы найдем в ней события двух различных типов: одни из них – всего лишь краткий миг, но оставивший неизгладимое впечатление; другие – обычные, легко исчезающие из памяти. Если довольно приблизительно дать определения этим двум типам, то первый можно назвать травмирующим опытом, а второй – обычным опытом. Эффект от полученного травмирующего опыта не идет ни в какое сравнение с событиями, в результате которых он был приобретен. Обычный опыт должен повториться много раз, чтобы его влияние стало ощутимым. Отсутствие возобновления обычного опыта приводит к угасанию впечатлений от него, в случае травмирующего опыта такого не происходит.

Попытки каким-либо образом изменить впечатления, полученные в результате травмирующего опыта, обязательно встретят серьезные трудности и легко могут привести к еще худшим последствиям; обычный опыт более податлив. Мой случай (когда я тонул) является хорошим примером. Чем сильнее меня пытались убедить в том, что от плавания можно получать удовольствие, тем сильнее я его ненавидел. Если бы детский опыт не оказал такого травмирующего эффекта, я бы более позитивно реагировал на подобные убеждения и не пытался им сопротивляться.

Травмы не являются основной темой этой главы, но в качестве предисловия поговорить о них, может быть, полезно. Травмирующий эффект отчетливо демонстрирует, что человек, будучи животным, способен к особому типу обучения (невероятно быстрому, трудному для дальнейших усовершенствований), результаты которого надолго остаются в памяти, не требуя повторных уроков для поддержания уровня знаний. Хотелось бы, конечно, чтобы мы могли, лишь пролистав какую-нибудь книгу, усвоить все, что в ней написано, и помнить это долгие годы, однако если бы наша способность к обучению была настолько грандиозной, она потеряла бы всякий смысл. Все вокруг приобрело бы одинаковую значимость, и нам просто не из чего было бы выбирать. Способность быстро усваивать материал и помнить о нем продолжительное время дана нам природой только в отношении наиболее впечатляющих моментов нашей жизни. Опыт, оставивший травмы у нас в душе, – это только одна сторона медали. Я намерен перевернуть эту медаль и изучить другую сторону, которую я называю «импринтинг» (запечатление, впечатывание в память).

Если травмы всегда ассоциируются с болью и оставляют негативный отпечаток в душе, то импринтинг – это явление положительное. Когда животное действует согласно импринтингу, у него вырабатывается позитивная привязанность к определенной реальности. Как и травмирующий опыт, процесс запечатления краткосрочен, практически никогда не повторяется и не требует подкрепления дальнейшими действиями. У человека это видно на примере отношений между матерью и ребенком. Подобное может повториться, когда ребенок вырастет и полюбит другого человека. Привязанность к своей матери, ребенку или партнеру представляет собой одну из трех разновидностей жизненно важного опыта, который мы приобретаем на протяжении своей жизни и который представляет собой основу для такого явления, как импринтинг. Слово «любовь» фактически служит общепринятым описанием эмоционального наполнения того, что мы называем импринтингом, но, прежде чем мы заглянем глубже в мир людей, не помешает бросить беглый взгляд на то, как это происходит у других видов животных.

Птенцам многих птиц после вылупления из яиц необходимо немедленно установить контакт с матерью и научиться узнавать ее. Они вынуждены следовать за ней неотступно и в

целях безопасности все время находиться рядом. Если только что вылупившиеся цыплята или утята не будут этого делать, они скоро потеряются или погибнут. Они настолько активны и подвижны, что матери никогда не удалось бы удержать их вблизи себя, если бы не сила импринтинга. Запечатление является делом всего нескольких минут. Первый же большой движущийся объект, попадающий в поле зрения цыпленка или утенка, автоматически становится «матерью».

В нормальных условиях, естественно, этим объектом оказывается настоящая мама птенцов, но в экспериментальной ситуации им может стать все что угодно. Если первым большим движущимся объектом, который видят инкубаторские цыплята, оказывается оранжевый воздушный шар, они будут толпиться вокруг него: шар сразу же принимает статус «матери».

Влияние запечатления настолько велико, что если через несколько дней цыплятам предоставить возможность выбора между шаром и настоящей матерью (которую раньше от них скрывали), они предпочтут шар. Более убедительного доказательства существования привычек и запечатлений, чем группа инкубаторских цыплят, стремящихся укрыться «под крылом» оранжевого шара и совершенно игнорирующих при этом родную мать, нельзя и представить.

Даже не прибегая к экспериментам такого рода, можно смело утверждать, что птенцам необходимо быть привязанными к родной матери по той причине, что, находясь рядом с ней, они получают определенные преимущества: мама обеспечивает их пищей, питьем, теплом и так далее; оранжевый шар не дает таких преимуществ, хотя и он способен легко стать довольно убедительным заменителем матери. Таким образом, импринтинг не определяется стремлением к получению преимуществ, как это происходит в обычном процессе приобретения опыта, – он определяется окружением. Можно назвать этот процесс «наглядным обучением».

В отличие от большинства типов обычного обучения процесс запечатления имеет критический период. Цыплята и утята способны формировать свои привычки только в течение нескольких дней после вылупления из яиц. Со временем они начинают бояться больших движущихся объектов, и если импринтинг еще не закреплен, сформировать его будет очень трудно.

Взрослея, птенцы становятся все более независимыми, и потребность в следовании за матерью исчезает, но влияние импринтинга, заложенного в раннем детстве, продолжает ощущаться. Они не только помнят, кто их мать, но и прекрасно осознают, к какому племени принадлежат. Став взрослыми, благодаря инстинктам они выбирают сексуального партнера среди своих сородичей, а не пытаются искать его среди представителей другого вида.

И снова простой эксперимент поможет нам развеять все сомнения, существующие на этот счет. Если в детстве животное росло под присмотром приемных родителей, представляющих другой вид, то, став взрослым, оно может пытаться завязать сексуальные отношения с представителями вида своих приемных родителей, вместо того чтобы искать пару среди своих собратьев. Так происходит не всегда, но есть много примеров такого поведения. (И мы до сих пор не знаем, почему в одних случаях это происходит, а в других – нет.)

В условиях неволи такое стремление к спариванию с животными другого вида может привести к забавным ситуациям. Если дикий голубь вырос в голубятне, среди городских голубей, то, достигнув половой зрелости, он будет игнорировать других диких голубей и предпочтет в качестве партнера одного из своих городских сородичей. Выросший среди диких голубей городской голубь будет спариваться с дикими собратьями. И даже павлин, проводивший детство в зоопарке с черепахами, настойчиво предлагает себя изумленным рептилиям, отказываясь иметь что-либо общее с помещенными в его клетку самками своего вида.

Я назвал это явление лжеимпринтингом. Оно встречается повсеместно как в мире животных, так и в жизни человека. У некоторых животных, с детства изолированных от своего племени и выросших среди людей, может выработаться соответствующая реакция на человека. Нет, они не станут кусать руку кормящего – они будут пытаться совокупляться с ней. Такое поведение довольно распространено у голубей, и это вовсе не открытие. Такие случаи известны еще с древних времен, когда римские женщины специально держали маленьких птиц, чтобы те доставляли им удовольствие. (Больше всех в этом деле преуспела Леда.) Домашние животные иногда хватают человека за ногу и пытаются спариваться с ней (это хорошо знакомо

владельцам собак). Служители зоопарков тоже должны держать ухо востро, когда у их питомцев наступает брачный период. Им приходится быть готовыми к посягательствам любых животных – от любвеобильного эму до возбужденного оленя, если эти звери с детства жили в клетке и были вскормлены человеком. Я лично, к своему изумлению, однажды стал объектом сексуального домогательства самки гигантской панды. Это случилось в Москве, куда я был приглашен, чтобы организовать ее спаривание с единственным самцом гигантской панды за пределами Китая. Она совершенно игнорировала его настойчивые ухаживания, но, когда я просунул руку сквозь решетку, чтобы погладить ее, она подняла хвост и приняла позицию готовой к совокуплению самки, в то время как самец был всего в нескольких шагах от нее. Различие между этими двумя пандами состояло в том, что самка была помещена в клетку в гораздо более раннем возрасте, чем самец. Его импринтинг был сформирован в обществе таких же панд, в то время как ее привычки определялись человеческим окружением.

В некоторых случаях может показаться, что «очеловеченное» животное, пытающееся удовлетворить свои сексуальные инстинкты, способно отличить мужчин от женщин, но это только видимость. Например, один индюк, ведомый лжеимпринтингом, пытался приставать к мужчинам и, наоборот, атаковал женщин. Причина этого оказалась довольно забавной: женщины были в юбках и держали в руках сумочки. Индюк же в брачный период демонстрирует свое намерение овладеть самкой, опуская крылья до земли и выставляя напоказ бородку. В глазах выросшего в клетке индюка юбка становится опущенными крыльями, а сумочка – бородкой. Таким образом, он видел в женщинах конкурентов и пытался их атаковать, предпочитая направлять сексуальную энергию на мужчин.

Зоопарки переполнены животными, которые, благодаря человеческой доброте, сослужившей дурную службу, были заботливо выращены и воспитаны среди людей, а затем возвращены в общество себе подобных. Но для узников зоопарков представители их вида теперь чужаки, члены какого-то другого, враждебного племени. В одном зоопарке я видел самца шимпанзе, который сидел в вольере вместе с самкой на протяжении десяти лет. Медицинские тесты показали, что в сексуальном плане самец был абсолютно здоров, но самка, до того как попала в одну клетку с ним, росла отдельно. Так как самец был ручным животным, детство которого прошло среди людей, он совершенно не обращал внимания на самку. Он никогда не садился рядом с ней, не ухаживал и не пытался заниматься сексом. С его точки зрения, она была представителем другого вида, и годы жизни рядом с ней нисколько его не изменили.

Подобные животные могут быть чрезвычайно агрессивными по отношению к своим собратьям, но не потому, что воспринимают их как конкурентов, а потому, что видят в них внешнего врага. В клетку к самке мангусты, прирученной и привыкшей к людям, запустили самца, пойманного в естественных условиях, в надежде, что они займутся воспроизведением потомства, но самка набросилась на него, как только он вошел. Это привело к тому, что они в конце концов разошлись по разным углам клетки, так и не достигнув взаимопонимания, но для самца такая ситуация, видимо, оказалась причиной сильнейшего стресса, так как вскоре у него обнаружилась язва и он умер, а самка снова обрела единственного закадычного друга в виде себя самой.

Одну тигрицу, выращенную человеком, первый раз в жизни впустили в клетку к дикому тигру. Раньше она видела его в соседнем вольере, ощущала его запах, но близко встречаться им не приходилось. На этот раз ничего как будто не изменилось, но она оказалась настолько «очеловеченным» животным, что, как только обнаружила присутствие самца, забилась в дальний угол клетки и перестала двигаться. Такое поведение является нетипичным для тигрицы, но вполне нормальным для представителей племени, к которому она привыкла (племени людей) и в окружении которого находилась с рождения.

В нашем случае все оказалось даже намного серьезнее: тигрица перестала есть и отказывалась принимать пищу в течение нескольких дней, пока самца не поместили в другую клетку. После этого потребовалось несколько недель, чтобы она вернулась в обычное состояние и вновь стала дружелюбным, жизнерадостным животным, трущимся о прутья решетки в надежде заслужить похвалу человека.

Иногда условия, в которых растет животное, способствуют развитию у него двойственных

сексуальных запечатлений. Если зверь вырос под присмотром людей, но в присутствии других представителей своего вида, он пытается завязать сексуальные отношения как с человеком, так и со своими собратьями.

Лжеимпринтинг определяет только часть его привычек, он следует и нормальному импринтингу. Подобное явление – редкость для некоторых видов животных, у которых запечатление происходит быстро (например, для утят или цыплят), но млекопитающие, как правило, развиваются намного медленнее. В их жизни есть время для зарождения двойных запечатлений. Тщательные исследования поведения собак, проведенные американскими учеными, продемонстрировали это довольно наглядно. Адаптация щенков домашних собак к окружению происходит в возрасте от 20 до 60 дней. Если в течение этого периода их полностью изолировать от контакта с человеком (даже кормить удаленным способом), они вырастут практически дикими животными, однако если за щенками будут ухаживать люди (в присутствии других собак), они будут добродушно относиться и к тем, и к другим.

Обезьяны, вскормленные в полной изоляции как от других обезьян, так и от любых живых существ (включая человека), впоследствии оказываются практически не способными привыкнуть к окружающему обществу. Помещенные в компанию к сексуально активным представителям их племени, они не знают, как себя вести. Большую часть времени они проводят, сидя в углу клетки и трясясь от страха перед своими сородичами. У них настолько неразвитые запечатления, что они становятся абсолютно оторванными от общества, несмотря на то что их вид считается одним из самых коммуникабельных в животном мире. Если бы они выросли среди себе подобных обезьяньих детенышей (пусть и без матери), они бы не испытывали таких неудобств и впитали бы в себя с детства как инстинкт стаи, так и родительский инстинкт. Оба этих инстинкта играют огромную роль в отождествлении особи со своим племенем.

Общество зверей, воспитанных на лжеимпринтинге, представляет собой странный и шокирующий мир. Лжеимпринтинг формирует физиологический гибрид, поведение которого характерно для его вида, но ориентировано на восприятие представителями вида, к которому принадлежат те, с кем он вырос.

Адаптация этого гибрида к новым для него условиям стоит огромного труда. Для некоторых животных сексуальные сигналы своих сородичей оказываются достаточно сильными, а реакция на них – достаточно самопроизвольной, и они могут пойти наперекор своему ненормальному воспитанию, но для многих сила запечатления оказывается непреодолимой.

Любителям животных необходимо помнить об этом, когда они посвящают себя «приручению» детенышей диких зверей. Сотрудников зоопарков издавна ставили в тупик непреодолимые трудности, с которыми они сталкивались при общении со многими из таких животных. Иногда причиной этого были несоответствующие условия жизни и питания узников, но чаще всего это происходило из-за лжеимпринтинга, который был сформирован у животных до прибытия в зоопарк.

В жизни человека значимость запечатлений также достаточно очевидна. В первые месяцы своей жизни ребенок проходит через важный период привыкания к своему племени, и на этом этапе он проникается чувством глубокой и продолжительной привязанности к своим собратьям, а особенно к матери. Как и у зверей, его привязанность не всегда основана на физических преимуществах, предоставляемых матерью, таких как питание и уход.

Наглядное обучение, типичное для процесса запечатления, здесь также играет свою роль. Ребенок не имеет возможности следовать повсюду за своей мамой, подобно утенку, но он может добиться похожего результата, призвав на помощь улыбку. Улыбка ребенка привлекает маму и побуждает ее находиться рядом, играть с ним.

Такие игры и улыбки помогают укрепить связь между ребенком и его матерью. У каждого из них вырабатывается запечатленная зависимость друг от друга, а взаимная привязанность усиливается и превращается в глубокие чувства, которые будут играть чрезвычайно важное значение на протяжении всей дальнейшей жизни ребенка. У детей, которых хорошо кормят и за которыми соответствующим образом ухаживают, но которые лишены материнской любви в возрасте запечатлений, может развиться ощущение обеспокоенности и неудовлетворенности,

которое останется у них на всю жизнь.

Осиротевшие дети и те, кто вынужден жить в интернатах, где персональная забота и родительские чувства неизбежно ограничены, часто вырастают именно с этим ощущением в душе. Сильная привязанность к родителям, развившаяся в первый год жизни, позволяет человеку во взрослом возрасте проявить родительские чувства по отношению к собственным детям.

Правильные запечатления, заложенные в раннем возрасте, открывают внушительный эмоциональный банковский счет ребенка: если последующие расходы окажутся значительными, у него будет откуда брать средства. Если с родительской заботой в детстве оказалось не все в порядке (родители расстались, развелись или умерли), способность ребенка противостоять ударам судьбы будет зависеть от степени привязанности к ним в первый год жизни. Последующие жизненные неприятности, конечно же, не пройдут бесследно, но их влияние будет несравнимо с тем, что ребенок усвоит в первые месяцы своей жизни.

Пятилетний мальчик, которого разлучили с родителями при эвакуации из Лондона во время войны, на вопрос: «Кто ты?» – ответил: «Я ничейный никто». Шок оказался для него непереносимым, но запомнятся ли его последствия на долгие годы, во многом зависит от того, подтверждает ли он результаты прошлого опыта или противоречит им. Противоречия породят в душе мальчика недоумение, которое пройдет со временем, но подтверждение еще более усугубит полученные ранее травмы.

Переходя к рассмотрению следующей фазы развития чувства привязанности, мы сталкиваемся с феноменом сексуальной моногамной связи. Любовь с первого взгляда, может быть, и не посетит каждого из нас, но это вовсе не говорит о том, что ее не существует. Процесс зарождения чувства любви обладает теми же свойствами, что и процесс импринтинга. В нем есть чувственный период (юношество), когда человек влюбляется чаще всего. Он относительно короткий, но его последствия ощущаются долгое время по сравнению со временем самого процесса, а процесс этот способен протекать даже при отсутствии видимых результатов.

Для большинства людей ранние моногамные связи, как правило, скоротечны и нестабильны. Но не следует забывать, что в период полового созревания для формирования способности завязывать серьезные моногамные отношения требуется некоторое время.

Такое замедленное достижение зрелости дает нам возможность преодолеть переходный период, в течение которого мы, если можно так выразиться, «пробуем воду, прежде чем в нее войти». Если бы ситуация была иной, мы бы все оказались жертвами первой любви. В современном обществе продолжительность естественного переходного периода искусственным образом увеличивается благодаря чрезмерной родительской заботе. Родители цепляются за своих отпрысков до последнего момента, когда, с биологической точки зрения уже давно следует позволить им жить самостоятельно. Причина этого лежит на поверхности: сложные условия жизни в людском зверинце делают невозможным выживание четырнадцати– или пятнадцатилетних индивидуумов без своих родителей.

Такая несамостоятельность превращает подростков в беспомощных детей, что побуждает отцов и матерей навязывать им родительскую любовь, хотя их отпрыски являются уже сексуально созревшими личностями. Это, в свою очередь, еще больше усугубляет инфантильность подрастающего поколения, так что процесс становления наших детей еще более затягивается. В результате мы сталкиваемся с серьезными проблемами и конфликтами между родителями и детьми при стремлении молодых людей к формированию новых моногамных отношений.

Родители не виноваты, что их дети оказываются неспособными позаботиться о себе, попадая в мир современного суперплемени; не виноваты и дети в том, что не могут не сигнализировать родителям о своем инфантилизме. Виновата во всем неестественная городская среда, которая требует более длительной подготовки молодых членов общества, чем это необходимо в соответствии с биологическими законами.

Несмотря на конфронтацию с процессом развития новых моногамных отношений, сексуальные запечатления быстро находят путь на поверхность. Юношеская привязанность обычно мимолетна, но она может быть и очень сильной – настолько сильной, что образ «детской любви» может определять выбор партнера в течение долгих последующих лет,

независимо от целесообразности отношений с социально-экономической точки зрения. Даже если под влиянием обстоятельств эти первые отношения будут разрушены, они оставят свой след. Часто случается, что поиски сексуального партнера взрослым, полностью независимым человеком основываются на подсознательном стремлении воссоздать некоторые из ключевых особенностей первого сексуального опыта. Неудачный результат таких поисков может оказаться скрытым фактором, способствующим разрушению удачного на первый взгляд брака.

Феномен *неверного выбора пары* не определяется только особенностями «детской любви». Такое может произойти в любое время, и в большей мере это опасно для повторного брака, когда нередко происходит молчаливое (а иногда и не такое уж молчаливое!) сравнение супруга с предыдущими партнерами. Это явление также играет важную (и подчас трагическую) роль в случае, когда родительские/сыновние чувства вступают в конфликт с сексуальными отношениями. Чтобы это понять, вспомним еще раз, что значат для ребенка родительские/сыновние чувства. Они воспитывают у ребенка уверенность в трех истинах: 1) у него есть свои, родные родители; 2) он принадлежит к определенному виду; 3) он должен искать себе сексуального партнера именно среди представителей этого вида.

Первые два пункта вполне очевидны, проблемы могут возникнуть с интерпретацией третьего. Если ранние отношения с родителем противоположного пола были достаточно крепкими, некоторые из его/ее *личных* качеств также могут отложиться в подсознании ребенка и повлиять на его последующий выбор сексуального партнера. Вместо того чтобы жить с уверенностью, что «он должен искать себе сексуального партнера среди представителей этого вида», он интерпретирует эту истину как «я должен искать себе сексуального партнера среди представителей такого типа людей».

Подобное влияние может создать серьезные проблемы. Стремление к формированию моногамной пары, основанное на устоявшемся образе отца или матери, определяет особый способ выбора партнера, который в любом случае является неверным.

С другой стороны, если человек найдет партнера, руководствуясь полностью противоположными суждениями, такие отношения не смогут стать полноценными, поскольку его избранник (или избранница) не будет обладать теми тривиальными, но ключевыми чертами характера, которыми обладает его родитель, являющийся прообразом («Мой отец никогда бы так не поступил!» – «Но я ведь не твой отец!»).

Причина этого феномена неверного выбора пары, приносящего немало неприятностей, скорее всего, кроется в неестественно изолированных условиях жизни семейной ячейки, которые так часто встречаются в переполненном людском зверинце. Явление «чужой среди своих» отравляет атмосферу братства и социального равенства, присущую маленьким сообществам. Стремясь защитить себя, семьи стараются оградиться друг от друга, запершись каждая в своей клетке среди ровных рядов кирпичных или блочных вольеров. К несчастью, признаков изменения ситуации не наблюдается.

Закончив с вопросом о неверном выборе пары, мы перейдем сейчас к рассмотрению другого, не менее странного отклонения в инстинктах людей – человеческого лжеимпринтинга. Здесь мы попадаем в необычный мир того, что получило название «сексуальный фетишизм».

Есть небольшая по численности категория людей, для которых первый сексуальный опыт может обернуться психической травмой. Вместо того чтобы отложить в памяти определенный образ партнера, такие индивидуумы могут начать отождествлять сексуальные отношения с каким-нибудь неодушевленным предметом, увиденным в тот момент. До сих пор неизвестно, каким образом многим из нас удастся забыть подобные навязчивые образы, совершенно ненормальные с точки зрения репродуктивной функции. Возможно, это зависит от глубины впечатлений, полученных при первом сексуальном опыте. Как бы то ни было, это явление порождает довольно противоречивые суждения.

Судя по доступным историям болезни, привязанность к сексуальному фетишу чаще всего развивается тогда, когда первый сексуальный опыт имел спонтанный характер или же когда индивид не имел партнера. Во многих случаях она может зародиться после первой эякуляции юноши, что часто случается без участия девушки и без предварительных сексуальных ласк. Некий типичный объект, который может находиться поблизости в этот момент, мгновенно приобретает огромную сексуальную значимость, не ослабевающую долгие годы. Получается,

что вся сила инстинкта спаривания вдруг оказывается направленной на неодушевленный предмет, который в мгновение ока начинает играть основную роль в сексуальных отношениях индивидуума.

Эта странная форма лжеимпринтинга вовсе не такая уж редкость, как кажется. Большинство из нас привыкло заниматься сексом с представителями противоположного пола, не думая при этом о меховых перчатках или кожаных ботинках, и мы счастливы, что не скрываем нашу сексуальную ориентацию, будучи уверенными, что все вокруг разделяют и понимают наши чувства. Но фетишист, не способный сопротивляться собственным запечатлениям, заставляющим его быть привязанным к необычным сексуальным объектам, предпочитает помалкивать о своей странной привязанности. Неодушевленный предмет, который так важен для него, может ничего не значить для остальных, и поэтому (из боязни или от смущения) он скрывает свои чувства. Этот предмет не только ничего не значит для большинства людей, далеких от фетишизма, – он также не представляет никакой ценности для других фетишистов, каждый из которых имеет свой собственный фетиш. Меховые перчатки не возбуждают никаких чувств как у фетишиста, поклоняющегося кожаным туфлям, так и у нефетишиста. Таким образом, фетишист остается наедине с собой и своим специализированным типом лжеимпринтинга.

Можно, однако, возразить, что есть такие фетиши, которые все-таки совпадают у разных фетишистов, и происходит это довольно часто. (Особенно распространены, например, резиновые изделия.) Значение этого станет более понятным, если мы рассмотрим несколько специфических случаев фетишизма.

У одного двенадцатилетнего мальчика произошла первая эякуляция, когда он примерял шубу из лисьего меха. Став взрослым, он мог испытывать сексуальное удовлетворение, только когда видел какой-нибудь мех, и не мог заниматься сексом с женщиной в обычных условиях. А одна девочка испытала первый оргазм, когда мастурбировала, сжимая в руке лоскут черного бархата; во взрослой жизни бархат стал неотъемлемой частью ее сексуальной жизни. Ее дом весь был отделан этим материалом, и она выходила замуж только для того, чтобы получить еще больше денег и купить еще больше бархата. Мальчик четырнадцати лет первый раз имел сексуальный опыт с девочкой, которая носила шелковое платье. Позже он не мог заниматься сексом с девушкой, если она была обнаженной: он возбуждался, только если она надевала шелковое платье. Еще один мальчик испытал первое семяизвержение, высунувшись из открытого окна, при этом он увидел идущего по дороге человека на костылях. После женитьбы он мог заниматься любовью с женой, только если она брала в постель костыли. Один девятилетний мальчик надевал на свой пенис перчатку, и у него произошла первая эякуляция. Когда он вырос, то стал фетишистом, в коллекции которого было несколько сотен перчаток: от них зависела вся его сексуальная активность.

Примеров такого рода очень много, и во всех прослеживается связь между первым сексуальным опытом и привязанностью к фетишу во взрослой жизни.

Фетишами становились различные предметы: туфли, сапоги для верховой езды, накрахмаленные воротнички, корсеты, чулки, нижнее белье, кожа, резина, передники, носовые платки, спецодежда (например, халат медсестры), а также волосы, ступни. Иногда они становятся необходимыми элементами, гарантирующими успешный (т. е. нормальный) половой акт, иногда полностью заменяют сексуального партнера.

У большинства фетишей определяющей деталью является какая-нибудь ткань, часто потому, что ощущения при контакте с ней очень важны, поскольку являются причиной первого в жизни индивидуума сексуального возбуждения. Если при этом была задействована некая субстанция с характерной текстурой, то у нее есть большие шансы стать сексуальным фетишем, ну а чаще всего среди таких субстанций встречаются резина, кожа и шелк.

Фетиши в виде туфель и ботинок не менее распространены, и в этом случае привязанность к ним также может быть вызвана контактом этих предметов с телом. Есть один классический пример: четырнадцатилетний мальчик играл с двенадцатилетней подружкой, которая носила туфли на каблуке. Он лежал на земле, а она в шутку наступила на него и прошлась по телу. Как только ее нога коснулась пениса, у него произошла первая эякуляция. Когда мальчик повзрослел, такие игры стали для него единственной формой сексуальной активности. За свою

жизнь он заставил более сотни женщин надевать туфли на каблуке и ходить по его телу. В идеале женщина должна была быть определенного веса, а туфли – определенного цвета, и, чтобы реакция была как можно сильнее, детские ощущения должны были воспроизводиться с максимальной точностью.

Этот случай наглядно демонстрирует, как развивается мазохизм. Еще один мальчик, например, испытал первые сексуальные ощущения непроизвольно, когда в шутку боролся с девочкой старше его. Во взрослой жизни его привлекали большие агрессивные женщины, которые были готовы причинить ему боль во время сексуальных игр. Нетрудно догадаться, как подобным образом развиваются определенные формы садизма.

Формирование привязанности к сексуальным фетишам во многом отличается от процесса нормального развития. Как и процесс запечатления (или травмирующий опыт, о котором я говорил в начале главы), оно протекает очень быстро, но его последствия ощущаются очень долго и практически необратимы. Оно также происходит в период повышенной чувствительности человека.

Как и процесс зарождения лжеимпринтинга, это формирование свидетельствует о ненормальной склонности индивидуума к неодушевленным предметам, об отклонении сексуального поведения от биологической нормы, то есть от контакта с представителями противоположного пола. И дело не столько в приобретении неким предметом (скажем, резиновыми перчатками) сексуальной значимости, причиняющей определенный вред; дело в том, что полное исключение всех остальных сексуальных объектов создает серьезную проблему.

В случаях, которые я упомянул, лжеимпринтинг настолько силен, что вытесняет все доступные сексуальные стимулы.

Как подопытный утенок, который бежит только за оранжевым шаром и абсолютно не обращает внимания на родную мать, фетишист, привязанный к перчатке, видит в этом предмете свою пару и совершенно игнорирует потенциальных партнеров. Когда механизм дает сбой, именно исключительность процесса формирования импринтинга является причиной возникновения трудностей. Для каждого из нас различные способы контакта являются стимулирующими при близких сексуальных отношениях.

Нет ничего странного в возбуждении при прикосновении мягкого шелка или бархата, но если реагировать исключительно на определенную ткань, можно до такой степени довести свое стремление к созданию моногамной пары (как фетишист, который, находясь наедине с туфлями девушки, возбуждался так, как если бы на их месте была сама девушка), что с механизмом запечатления начнут происходить странные вещи.

Почему небольшое, но все же значительное число человеческих существ должно страдать от подобного рода лжеимпринтинга? Ведь другие животные, находящиеся в условиях дикой природы, не испытывают подобных переживаний. Это случается с ними, только когда они попадают в неволю и выращиваются человеком в искусственной среде, а также когда их помещают в клетки с животными другого вида или проводят специальные эксперименты. Возможно, в этом и заключается ответ на наш вопрос. Как я уже отмечал, в людском зверинце социальные условия слишком неестественны для нашего простого племенного вида. Во многих суперплеменах на сексуальное поведение в критический период полового созревания оказывается огромное давление, но даже при всех ограничениях и попытках подавить его с помощью всевозможных искусственных запретов ничто не может полностью сдерживать зов природы – взрыв неизбежен. Если в этот момент в поле зрения окажутся какие-нибудь характерные объекты, они могут оставить неизгладимые впечатления. Если бы развивающийся подросток постепенно, с малых лет накапливал свой сексуальный опыт и если бы его первые сексуальные познания оказались богаче и менее ограничены искусственными условиями суперплемени, формирования лжеимпринтинга в дальнейшем удалось бы избежать. Было бы интересно проследить, сколько неисправимых фетишистов в детстве были одиночками, не имели братьев и сестер, или, будучи подростками, были робкими и застенчивыми в общении с людьми, или воспитывались в строгости. Неплохо бы провести такие исследования, но подозреваю, что процент соответствия будет довольно высоким.

Одной важной формой лжеимпринтинга, которую я еще не затронул, является

гомосексуализм. Я отложил его рассмотрение до настоящего момента, поскольку феномен этот довольно сложный и лжеимпринтинг – это только часть проблемы. Гомосексуализм может развиваться одним из четырех способов. Во-первых, он может иметь под собой причины, во многом схожие с теми, которые способствуют развитию фетишизма. Если ранний сексуальный опыт оказал на индивидуума сильное впечатление и был связан с интимным контактом с представителем того же пола, он может привести к развитию соответствующей привязанности. Если два мальчика борются или играют в какую-нибудь сексуальную игру, в результате чего происходит эякуляция, это может привести к запечатлению. Странно то, что мальчики часто вместе переживают ранние сексуальные ощущения того или иного рода, но все же большинству удается остаться при этом гетеросексуалами. Нам необходимо побольше узнать о том, что меняет сексуальную ориентацию меньшинства, а не большинства. Как и в случае с фетишизмом, дело может быть в полноценности или неполноценности детского жизненного опыта. Чем больше ребенка ограничивают, чем менее общительным он становится, тем беднее оказывается его жизненная палитра. Сексуальный опыт многих мальчиков представляет собой черную классную доску с набросками рисунка, которые постоянно стираются и переделываются, а у замкнутого в себе мальчика эта доска и вовсе девственно чистая. Когда на ней будет что-нибудь нарисовано, последствия этого могут оказаться гораздо ощутимее, и не исключено, что они запомнятся на всю жизнь. Расформировавшийся подросток-экстраверт может почувствовать в себе гомосексуальные наклонности, но они могут только проявиться, не получив дальнейшего развития, и стать всего лишь частью опыта на пути социальных исследований индивидуума.

Здесь я подхожу к другой причине устойчивого гомосексуального поведения. Я говорю «устойчивого», поскольку быстрая и мимолетная гомосексуальная активность (как часть общего сексуального познания) на определенных этапах жизни присуща подавляющему большинству представителей обоих полов. Для многих людей (например, для того подростка-экстраверта) это незначительный опыт, обычные детские исследования, но некоторые становятся приверженцами гомосексуализма на всю жизнь, часто при полном (или практически полном) пренебрежении гетеросексуальностью.

Лжеимпринтинг, о котором я говорил выше, не является причиной всех подобных случаев. Вторая причина заключается в том, что поведение *противоположного* пола некоторым индивидам кажется чрезвычайно неприятным. Мальчик, над которым издевались девочки, может впоследствии увидеть в других мужчинах более привлекательных сексуальных партнеров, несмотря на то что по физиологическим законам они друг другу совершенно не подходят.

Поведение девочки, терпевшей издевательства мальчиков, может развиваться в том же направлении, и она может начать искать пару среди представительниц женского пола. Издевательства, конечно, не единственная возможная причина. Измена и другие формы социального или физического наказания со стороны противоположного пола также могут оказаться в этом смысле довольно эффективными. (Даже если противоположный пол не проявляет открытой враждебности, давление общества и строгие ограничения по отношению к гетеросексуальной активности могут привести к тем же результатам.)

Третьей серьезной причиной, оказывающей влияние на формирование устойчивых гомосексуальных наклонностей, является детская оценка роли каждого из родителей. Если отец ребенка имеет слишком мягкий характер и доминирующая роль в семье принадлежит матери, существует большая вероятность того, что представления о мужественности и женственности у ребенка окажутся перепутанными и извращенными. Это может привести к неправильному выбору пары в будущем.

Четвертая причина более очевидна. Если в ближайшем окружении долгое время отсутствуют представители противоположного пола, особи одного пола становятся единственными объектами для сексуальных отношений.

Мужчины, изолированные от женщин, или женщины, изолированные от мужчин, могут проявлять устойчивые гомосексуальные наклонности при отсутствии влияния всех перечисленных ранее факторов. Например, заключенный мужской тюрьмы может пройти правильный этап формирования нормальных инстинктов в детстве, может быть без ума от

представительниц слабого пола, а его отец может быть настоящим мужчиной – главой семьи, но, попав в общество, состоящее из одних мужчин, где ближайшим подобием женского тела является тело другого заключенного, он может стать на долгое время гомосексуалистом. Если в тюрьме, школе-интернате, на корабле или в армейской казарме условия, исключая наличие представителей обоих полов, существуют продолжительное время, индивид, умеющий приспосабливаться, способен извлечь выгоду из сложившихся обстоятельств и выбрать для себя гомосексуальный способ существования, которому он может следовать, даже вернувшись в гетеросексуальную среду.

Среди этих четырех причин формирования устойчивых гомосексуальных привычек только первая имеет отношение к теме этой главы, но для нас важно рассмотреть их все, чтобы выяснить степень влияния лжеимпринтинга на такое специфическое сексуальное явление, как гомосексуализм.

Гомосексуальное поведение среди других животных проявляется обычно по отношению к ближайшей особи и исчезает в присутствии сексуально активного представителя противоположного пола. Однако зафиксировано несколько случаев устойчивой гомосексуальной ориентации у животных в особых, экспериментальных условиях. Когда, например, десяток диких утят-самцов на первые 75 дней жизни поместили в клетку и не позволяли им в течение этого периода встретиться с самками, они выросли с устойчивыми гомосексуальными наклонностями. Когда их выпустили в пруд, где были и самцы и самки, они полностью игнорировали представительниц противоположного пола и пытались создать гомосексуальные пары друг с другом. Это продолжалось долго, почти в течение всей их жизни, и ни одной самке не удалось изменить ситуацию. Голуби, разбитые на пары одного пола и помещенные в клетки, также пытались совокупляться друг с другом и создавать моногамные отношения. Два самца, которым пробовали привить сексуальные инстинкты подобным образом, прошли вместе весь цикл воспроизведения потомства – вместе строили гнездо, высиживали яйца и растили птенцов. Яйца, конечно, были подложные, взятые из гнезда нормальной пары, но они были приняты сразу, поскольку каждый из самцов-гомосексуалов считал, что их снес его партнер. Если бы любого из этих голубей поместили в естественные условия, где в его поле зрения попала бы самка, нет сомнений, что он не обратил бы на нее никакого внимания. К этому моменту гомосексуальная ориентация уже стала устойчивой и сохранялась как минимум на протяжении полного цикла воспроизведения потомства.

Лжеимпринтинг человека влияет не только на его сексуальное поведение, он определяет также и отношения между родителями и детьми. Насколько ребенок может привыкнуть к родителям другого вида, еще не известно. Знаменитая история про Маугли (брошенного или потерянного ребенка, выращенного и воспитанного волчицей) полностью так и не воплотилась в реальной жизни, а осталась только в литературе, но если бы это все же произошло, нет никаких сомнений, что ребенок, выращенный в стае волков, полностью усвоил бы привычки своих приемных родителей.

Обратная же ситуация встречается практически повсеместно. Если детеныш какого-нибудь животного выращивается человеком, то лжеимпринтинг формируется не только в сознании питомца. Человек также активно воспитывает в себе новые привычки и относится к животному как к своему ребенку: он дарит своему чаду тот же объем эмоций и любви и так же страдает, если возникают какие-нибудь проблемы.

Подобно тому как псевдородитель (например, оранжевый шар для утенка) обладает определенными ключевыми характеристиками (большой движущийся объект), формирующими лжеимпринтинг, псевдореденок тоже будет лучше способствовать его формированию, если будет иметь определенные качества, типичные для человеческого отпрыска. Маленькие дети беспомощные, мягкие, теплые, пухленькие, с большими глазами, а еще они плачут. Чем большим количеством этих признаков обладает домашний питомец, тем больше у него шансов наладить со своим хозяином родительно-сыновние отношения, основанные на лжеимпринтинге.

Многие детеныши млекопитающих имеют практически все эти качества, поэтому человеку ничего не стоит в считанные минуты почувствовать сформировавшийся лжеимпринтинг любви к ним. Мягкий, теплый котенок, ищущий мать, или беспомощный

пушистый щенок представляют собой прекрасный образ ребенка, устоять перед которым могут немногие.

Если некоторые из детских качеств, присущих этим животным, выражены более отчетливо, чем у настоящего ребенка, преувеличенные стимулы, исходящие от питомца, могут оказывать даже более сильное влияние, чем естественные стимулы, и лжеимпринтинг начнет работать еще более интенсивно.

Животное, играющее роль псевдорребенка, имеет один большой недостаток: оно слишком быстро вырастает. Даже очень медленно развивающийся детеныш достигает возраста активного взрослого животного в несколько раз быстрее, чем это требуется ребенку. Как только подобное происходит, он зачастую становится неуправляемым и теряет свою привлекательность, но человек славится своей изобретательностью и предпринимает различные шаги для того, чтобы справиться с этим недостатком. Путем многовековой селекции ему удалось создать более инфантильные виды домашних животных, так что, например, нынешние собаки и кошки представляют собой версии диких собратьев, больше похожие на младенцев. Они остаются более игривыми, менее независимыми и в течение долгого времени служат в качестве заменителей детей.

В отношении некоторых пород собак (карманных, «игрушечных») этот процесс доведен до гротеска. Они не только ведут себя еще более по-детски, они и выглядят как дети, и звуки издают соответствующие. Их анатомические параметры изменены, чтобы максимально напоминать очертания тела ребенка, даже когда они вырастают.

В таком обличье они могут успешно играть роль псевдорребенка не только в течение нескольких месяцев взросления, но и на протяжении десятка лет, а то и дольше, то есть на протяжении времени, необходимого для взросления обычного ребенка. Более того, они обладают качеством, которого нет даже у настоящих человеческих отпрысков: они все время остаются похожими на детей.

Хороший пример – пекинес. Дикий предок пекинеса, как и всех домашних пород собак, волк; это животное весит до 150 фунтов⁶ или даже больше. Вес среднестатистического взрослого европейца примерно такой же – около 155 фунтов.

Вес новорожденного младенца колеблется между 5 и 10 фунтами, в среднем чуть больше 7 фунтов. Словом, если соотнести волка и нормального псевдомладенца, то первого пришлось бы уменьшить так, чтобы его вес составлял примерно 1/15 от первоначального, естественного веса. Пекинес со своей массой от 7 до 12 фунтов (в среднем около 10 фунтов) олицетворяет триумф такого превращения. Пока вроде бы все хорошо: собачка соответствует ребенку по весу и, даже повзрослев, имеет первое из неотъемлемых качеств младенца – небольшие размеры. Но необходимы еще некоторые модификации: лапы типичной собаки слишком длинны по сравнению с ее телом, пропорции напоминают больше взрослого человека, чем ребенка с короткими конечностями. Долой лапы!

С помощью тщательной селекции можно выводить особи со все более и более короткими лапами, пока собака не будет способна лишь переваливаться с ноги на ногу. Это не только скорректирует пропорции, но и сделает животное еще более неуклюжим и беспомощным. Опять же – ценные качества ребенка, но чего-то все-таки не хватает. Собака достаточно теплая на ощупь, но недостаточно мягкая; ее естественная шерсть дикого зверя слишком короткая, жесткая и грубая. Что ж, возьмемся за шкуру! Опять на помощь приходят чудеса селекции, позволяющие вырастить длинную, мягкую, гладкую, шелковистую шерсть, создающую необходимое ощущение детской супермягкости.

Дальнейшие усовершенствования не обойдут и естественные отличительные черты тела дикого животного. Ему придется приобрести округлые формы, глаза станут больше, а хвост короче. Стоит только взглянуть на пекинеса, чтобы понять, что и это было сделано с успехом. Уши торчали вверх и были слишком оттопыренными. Сделав их больше и мягче, покрыв длинной ниспадающей шерстью, мы получили возможность превратить их в подобие формирующейся детской прически. Голос у волка слишком низкий, но уменьшение размеров

⁶ 1 фунт = 453,56 г.

тела повлияло и на него, придав ему более высокую тональность.

Ну и наконец лицо. У волка слишком удлиненная морда, поэтому здесь тоже требуется вмешательство генетической пластической хирургии. Не важно, что операция деформирует челюсти и сделает процесс питания затрудненным – она просто необходима! Таким образом, морда пекинеса становится сплюсненной и больше похожей на лицо младенца. Кроме того, мы опять выиграли – собака стала совершенно беспомощной и зависимой от своих псевдородителей, которым приходится специально для своего любимца готовить еду и выполнять другие родительские обязанности. И вот перед нами сидит наш пекинес – псевдорребенок, мягкий, пухленький, беспомощный, с плоской мордой и большими глазами, готовый стать воплощением лжеимпринтинга любого впечатлительного взрослого, оказавшегося поблизости. И это работает, причем работает так хорошо, что люди не только заботятся о таких животных, но и живут с ними, таскают их с собой повсюду, нанимают им врачей и даже хоронят их, как людей, а в наследство оставляют большие суммы, словно своим детям.

Я всего лишь констатирую факты, а не критикую сложившуюся ситуацию. Трудно понять, почему столько людей негативно относятся к подобным действиям: ведь человек всего лишь следует одному из своих базовых инстинктов, удовлетворить потребности которого естественным путем ему зачастую не удается.

Еще труднее понять, почему некоторые люди, не имея ничего против именно этого инстинкта, осуждают все остальные. Многие испытывают отвращение, например, к сексуальному лжеимпринтингу и отрицают саму возможность поклонения фетишам или совокупления между двумя мужчинами, но в то же время приветствуют родительские чувства по отношению к карманным собачкам и одобряют кормление домашних обезьянок из детских бутылочек. Почему же они разграничивают эти действия? С биологической точки зрения между ними практически нет никакой разницы: оба явления основаны на лжеимпринтинге, и оба представляют собой отклонения от нормального человеческого поведения. Но, хотя они оба должны быть классифицированы как биологические аномалии, ни одно из этих явлений не наносит вреда окружающим, то есть индивидам, не имеющим к ним отношения. Мы можем придерживаться мнения, что для фетишистов или бездетных любителей животных было бы лучше наслаждаться преимуществами полноценной семейной жизни, но это их проблемы, и у нас нет никаких причин испытывать враждебные чувства по отношению к ним.

Приходится признать тот факт, что проживание в людском зверинце неизбежно сопровождается неудобствами, связанными с различными аномалиями поведения. Мы обречены реагировать необычным образом на необычные стимулы.

Наша нервная система не приспособлена к ним, и поведенческий механизм иногда дает сбой. Как подопытные животные или узники зоопарков, мы можем вдруг почувствовать странную, а порой и опасную привязанность, а то и пострадать от неправильного выбора пары. Это может случиться с каждым из нас в любое время, и это всего лишь одна из многочисленных опасностей существования в людском зверинце. Мы все являемся потенциальными жертвами, и самое лучшее, что мы можем сделать, когда подобные неприятности случаются с кем-нибудь другим, – это проявить сочувствие, а не бездушную нетерпимость.

6

Борьба за стимул

Приближаясь к пенсионному возрасту, человек частенько мечтает о том, как будет спокойно сидеть, нежась на солнышке. Ему кажется, что если он «расслабится» и будет с легкостью относиться ко всему, то сможет продлить столь прекрасную старость. Если ему и удастся осуществить свою мечту, то одно можно сказать с полной уверенностью: он не продлит свою жизнь, а сократит ее. Причина этого очень проста – он прекратит борьбу за стимул, борьбу, в которую все мы, обитатели людского зверинца, вовлечены на протяжении большей части нашей жизни и в случае прекращения или ленивого продолжения которой мы можем столкнуться с серьезными проблемами.

Смысл этой борьбы – получить от окружающей среды оптимальное количество стимулов,

но это вовсе не означает, что их количество должно быть максимальным.

Стимулов может быть как чересчур много, так и слишком мало. Оптимальное же их количество – золотая середина – находится где-то между этими двумя крайностями.

Это похоже на регулировку звука радиоприемника: слишком тихо – никакого эффекта, слишком громко – вызывает боль. Где-то между этими двумя точками находится идеальный уровень, а достижение именно такого уровня (по отношению ко всему нашему существованию) и является целью борьбы за стимул.

Для члена суперплемени это не очень просто, поскольку он чувствует себя так, как если бы был окружен сотнями поведенческих «радиоприемников», одни из которых тихо шепчут, в то время как другие истошно вопят. Если же (в крайних случаях) все они начнут шептать или же непрерывно издавать одни и те же монотонные звуки, его одолеет смертельная скука. Если они все одновременно заорут, ему придется пережить сильный стресс.

Для нашего древнего племенного предка это не было серьезной проблемой – он был занят борьбой за выживание. Все его время и энергия уходили на то, чтобы остаться в живых, добыть пищу и воду, защитить свою территорию, избежать нападения врагов, прокормить и воспитать детей, а также соорудить жилище. Даже в самые тяжелые времена все его проблемы были относительно просты. Он не был подвержен запутанным и сложным разочарованиям и противоречивым чувствам, ставшим столь типичными в эпоху суперплеменного существования. Он также не слишком страдал от скуки, связанной с явным недостатком стимулов. Следовательно, развитые формы борьбы за стимул являются прерогативой городского обитателя.

Мы не найдем их ни у диких животных, ни у первобытных людей, живущих в естественной среде, но с легкостью обнаружим их как у городского жителя, так и у особого вида городских животных – обитателей зоопарков.

Зоопарки гарантируют своим обитателям регулярную еду и питье, защиту от стихии и хищников. Здесь следят за гигиеной и здоровьем животных, но в определенных случаях обитатели зоопарков все же могут оказаться в довольно непростой ситуации. В этих чересчур искусственных условиях они прекращают бороться за выживание и бросают все свои силы на борьбу за стимул. Если окружающий мир не дает достаточного количества стимулов, им приходится изобретать различные пути для увеличения их числа. Иногда, когда стимулов становится более чем достаточно (как у только что пойманного животного, находящегося в панике), они вынуждены приложить максимум усилий для их уменьшения.

Перед одними видами эта проблема стоит более серьезно, перед другими – менее. С этой точки зрения животных можно разделить на два основных вида: специалисты и оппортунисты. К специалистам относятся те, у кого есть один основной способ выживания, который является главенствующим в течение всего времени их существования и от которого они зависят всю жизнь. К таким животным относятся муравьеды, коалы, панды, змеи и орлы. Пока у муравьедов есть муравьи, у коал – листья эвкалипта, у панд – бамбуковые ростки, а у змей и орлов – их жертвы, им не из-за чего напрягаться. Они до такой степени усовершенствовали свой рацион, что при выполнении этих конкретных требований могут вести ленивый и не имеющий иных стимулов образ жизни. Орлы, например, более 40 лет могут прекрасно существовать в маленькой пустой клетке, занимаясь лишь чисткой своих когтей (разумеется, при условии, что у них будет возможность ежедневно запускать их в только что убитого кролика).

Оппортунистам повезло гораздо меньше. К ним относятся собаки, волки, еноты, а также обезьяны, то есть виды, у которых нет одного универсального способа выживания. Они мастера на все руки, вечно находящиеся в поисках маленьких преимуществ, предоставляемых окружающей средой. В естественной среде они никогда не перестают выведывать и вынюхивать, обследуют всё, вплоть до каждой мелочи. Они не могут позволить себе продолжительный отдых, и процесс эволюции, в свою очередь, не перестает следить за тем, чтобы так и было. Не выносящая бездействия нервная система заставляет их постоянно находиться в движении. Главным же оппортунистом из всех видов является не кто иной, как сам человек. Он так же сильно занят исследованиями, как и другие виды. У него так же, как у них, есть биологически встроенная потребность в получении сильных стимулов от окружающей среды.

Совершенно очевидно, что от искусственности ситуации в зоопарках или в городах больше всего будут страдать именно так называемые оппортунисты. Даже при обеспечении прекрасным сбалансированным рационом, идеальным жильем и защитой им станет беспрельдно скучно, они начнут с апатией относиться ко всему и в конце концов превратятся в неврастеников. Чем больше мы понимаем естественное поведение таких животных, тем очевиднее для нас становится, например, что обезьяны в зоопарке являются лишь карикатурами на своих двойников, обитающих на воле.

Но животные-оппортунисты легко не сдаются, их реакция на неприятные ситуации поражает своей изобретательностью. То же самое можно сказать и об обитателях людского зверинца. Если сравнить реакции животных в зоопарке с реакциями, наблюдаемыми нами в людском зверинце, то мы увидим, что между этими двумя в высшей степени искусственными средами существует поразительное сходство.

Борьба за стимул основывается на шести основных принципах, и, на мой взгляд, будет целесообразным рассмотреть их по порядку, сначала применительно к животным в зоопарке, а затем – к людям в условиях мегаполиса. Вот эти принципы.

1. Если стимулы слишком слабы, вы можете усилить свои поведенческие реакции, создавая лишние проблемы, решением которых сможете потом заняться.

Все слышали о способах экономии труда, но этот принцип касается способов увеличения затрат труда. Борец за стимул намеренно придумывает себе работу, усложняя то, что можно сделать гораздо проще или же не делать вообще.

Наблюдая за диким котом в клетке, можно увидеть, как он подбрасывает в воздух мертвую птицу или крысу, а затем бросается за ней и хватается когтями. Подбрасывая жертву, кот заставляет ее двигаться, а значит, «возвращает ей жизнь», тем самым давая себе возможность еще раз «убить» ее. Подобным образом мангуста, сидящая в клетке, пытается «умертвить» обычный кусок мяса.

Наблюдая за поведением домашних животных, можно заметить то же самое. Избалованная собака, которую хорошо кормят, приносит мяч или палку к ногам хозяина и терпеливо ждет, пока тот не бросит этот предмет. И как только палка взлетает в воздух и падает на землю, она становится «жертвой», которую можно преследовать, ловить, «убивать» и приносить обратно для повторения представления. Домашняя собака может не нуждаться в пище, но она нуждается в стимулах.

По-своему не менее изобретателен и енот, посаженный в клетку. Когда в ближайшей реке нет пищи, животное начнет искать ее повсюду, но, если реки нет и в помине, енот приносит пищу в свою заводу, бросает ее туда, теряет и затем ищет опять. Когда же он ее находит, то, прежде чем съесть, барахтается вместе с ней под водой. Иногда этим он даже уничтожает ее, превращая, например, кусок хлеба в месиво, но, независимо от пережитого разочарования, желание поиска пищи было удовлетворено. Эта особенность поведения животных, кстати, и послужила причиной создания мифа о том, что еноты моют свою пищу.

Есть в природе грызун, носящий название «агути». Внешне он очень напоминает морскую свинку на длинных и тонких ногах. В естественной среде он очищает некоторые овощи от кожуры, прежде чем съесть. Он держит овощи передними лапами и зубами снимает с них кожуру, подобно тому, как мы иногда чистим апельсин. Он приступит к принятию пищи только тогда, когда будет снята вся кожура. Этот инстинкт сохраняется и в неволе: если агути дать полностью очищенное яблоко или картофелину, животное все равно будет дотошно их чистить, а после того как съест, с жадностью приступит к поглощению «корки». Агути пытается «очистить» даже кусок хлеба.

Эта картина поразительно напоминает ситуацию, наблюдаемую в людском зверинце. Рождаясь в условиях современного суперплемени, мы попадаем в мир, где человеческая гениальность уже решила большинство основных проблем, связанных с выживанием. Подобно животным в зоопарке, мы обнаруживаем, что окружающая нас среда так и светится безопасностью. Большинству из нас, конечно же, приходится выполнять какую-то работу, но благодаря техническому прогрессу у нас все же остается достаточно времени для участия в борьбе за стимул. У нас больше нет необходимости тратить все свое время на поиск пищи или

крова, на воспитание потомства, охрану территорий или защиту от врагов. Если же вашим аргументом против этого будет то, что вы никогда не прекращаете работать, тогда задайте себе один-единственный вопрос: «Можете ли вы работать меньше и все же выживать?» В большинстве случаев, пожалуй, придется ответить «да». Работа является для современного суперплеменного человека эквивалентом охоты с целью добывания пищи, и, подобно обитателям зоопарка, он зачастую уделяет ей гораздо больше времени и подходит к ней с большей тщательностью, чем это необходимо на самом деле. Он сам создает себе проблемы!

Лишь для того, чтобы выжить, работают только те слои суперплемени, которые подвергаются лишениям, но если им удастся найти свободную минутку, они сразу же примут участие в борьбе за стимул по одной особой причине: примитивный племенной охотник, может быть, и «работал» для того, чтобы выжить, но его задачи были различны и увлекательны. Несчастному члену суперплемени, вынужденному работать только для того, чтобы выжить, повезло гораздо меньше. Благодаря разделению труда и индустриализации он вынужден выполнять невыносимо скучную и однообразную работу – одно и то же изо дня в день, из года в год – как бы в насмешку над гигантским мозгом, помещенным внутри его черепной коробки. Если же ему все-таки удастся посвятить себе несколько минут, он чувствует такую же необходимость вступить в борьбу за стимул, как и все остальные в нашем современном мире, так как проблема стимуляции требует как разнообразия, так и смысла, как качества, так и количества.

У всех остальных, как я уже говорил, большую часть времени занимает работа ради самой работы, и, если она достаточно захватывающая, борец за стимул (бизнесмен, например) может счесть, что он заработал в течение рабочего дня так много очков, что в свободное время вполне может позволить себе расслабиться и посвятить себя более спокойному занятию. Он может дремать у камина с бокалом легкого успокаивающего напитка или ужинать в каком-нибудь тихом ресторанчике. Если он танцует во время ужина, на это стоит посмотреть.

Дело в том, что тот, кто работает, чтобы выжить, тоже может пойти вечером потанцевать. На первый взгляд кажется, что в этом есть некое противоречие, но при более детальном рассмотрении оказывается, что между этими двумя танцами существует масса различий.

Крупные бизнесмены не принимают участия в конкурсах энергичных бальных танцев или в неистовых и безудержных народных плясках. Их неповоротливое шарканье по полу ночного клуба (небольшое пространство которого оформлено строго в соответствии с требованиями их низкого стимула) не имеет ничего общего с соревновательным духом или неудержимостью. Неквалифицированный рабочий, скорее всего, сможет стать хорошим танцором; опытный бизнесмен наверняка окажется танцором никудышным. В обоих случаях каждый из них достигает баланса, что, разумеется, и является целью борьбы за стимул.

Так как я чересчур упростил данную ситуацию, разница между этими двумя типами выглядит очень похожей на отличительный классовый признак, что на самом деле вовсе не так. Есть масса скучающих бизнесменов, страдающих от однообразных офисных заданий, почти таких же монотонных, как упаковка коробок в фабричном цеху. Им также придется искать более стимулирующие формы отдыха в свободное время. Вместе с тем существует множество простых, но интересных и разнообразных работ. Чем больше повезло с этим рабочему, тем больше он похож вечером на преуспевающего бизнесмена, отдыхающего с легким успокаивающим напитком за приятной беседой.

Еще одним интересным феноменом является страдающая от нехватки стимулов домохозяйка. Окруженная современными средствами экономии труда, она, для того чтобы занять свое время, вынуждена изобретать средства повышения трудовых затрат, и это не так бесполезно, как кажется. По крайней мере, она может выбирать, что ей делать, – в этом-то и заключается огромное преимущество суперплеменного образа жизни. Примитивная племенная жизнь не предоставляла возможности выбора, все было направлено только на то, чтобы выжить: тебе нужно делать это, это и это, иначе ты умрешь. Теперь ты можешь делать одно, другое или третье – все, что хочешь, – до тех пор, пока не осознаешь, что тебе нужно *что-то* делать либо нарушить золотые правила борьбы за стимул. Вот так и домохозяйке приходится чем-то себя занимать, пока ее белье крутится в стиральной машине. Возможностей для этого более чем достаточно, такая игра может быть привлекательнее всего, но в то же время она

может пойти в неверном направлении. Игроку с недостатком стимулов слишком часто кажется, что компенсирующая деятельность, которой он беспрестанно занимается, в действительности довольно бессмысленна. В чем смысл перестановки мебели, коллекционирования почтовых марок или выступления с собакой на очередной выставке? Что это доказывает? Что дает? Вот одна из опасностей борьбы за стимул. Замена настоящей деятельности, направленной на выживание, остается заменой независимо от того, как вы к ней относитесь. Разочарование может наступить слишком быстро, и тогда с этим придется что-то делать.

Есть несколько решений этой проблемы; одно из них, пожалуй, чересчур радикальное. Эта разновидность борьбы за стимул определяется следующим образом: «Выживать, поддавшись искушению». Разочарованный подросток, вместо того чтобы гонять мяч на поле, может запустить им в оконное стекло. Разочарованная домохозяйка, вместо того чтобы наказать собаку, может ударить молочника. Разочарованный бизнесмен, вместо того чтобы выругать двигатель собственного автомобиля, может отчитать секретаршу. Последствия такого маневра поразительны: индивид незамедлительно оказывается вовлеченным в настоящую борьбу за выживание и борется за свою социальную жизнь. В такие моменты наблюдается характерная потеря интереса к передвижению мебели и коллекционированию почтовых марок. После того как все становится на свои места, старая и давно забытая деятельность, служившая в качестве замены чего бы там ни было, вновь становится довольно привлекательной.

Менее радикальным вариантом можно считать такой способ: «Поддаться искушению выжить за счет другого». Одна из существующих здесь форм заключается во вмешательстве в эмоциональную жизнь других людей и создании в ней некоего хаоса, через который (в противном случае) вам пришлось бы пройти самому.

Это принцип злых сплетен; он крайне популярен, так как гораздо более безопасен, чем прямое действие. В худшем случае вы потеряете некоторых друзей. Если же сделать все достаточно умело, может произойти совсем обратное: они станут еще *более* дружелюбными. Если вам удалось сломать им жизнь своими махинациями, они, возможно, будут нуждаться в вашей дружбе сильнее, чем когда-либо раньше. Итак, при условии, что вас не уличили в содеянном, эта разновидность может принести двойную пользу: сильное волнение при виде той драмы, которую они переживают, и как следствие – усиление их дружеских чувств.

Другая форма выживания за счет другого, пожалуй, более безвредна. Она заключается в отождествлении себя с драмой, переживаемой вымышленными героями книг, фильмов, пьес и телевизионных программ. Это пользуется еще большей популярностью, и, чтобы удовлетворить непомерные требования, гигантская индустрия растет не по дням, а по часам. Такой способ не только безопасен и не наносит вреда, но еще и обходится заметно дешевле. Непосредственная игра в «выживать, поддавшись искушению» может дорого вам стоить, но этот вариант (всего лишь за несколько шиллингов) позволит борцу за стимул почувствовать себя обольстителем, насильником, поддаться искушению прелюбодеяния, пережить страшнейший голод, совершить убийство или грабеж – и все это он сможет сделать, даже не вставая с мягкого и удобного кресла.

2. Если стимулы слишком слабы, вы можете усилить свои поведенческие реакции чересчур активным реагированием на нормальный стимул.

Этот принцип борьбы за стимул связан с чрезмерным потворством своим желаниям. Вместо того чтобы придумать проблему, которой затем придется найти решение, как в предыдущем случае, вы просто-напросто снова и снова реагируете на стимул, который и так уже есть, несмотря на то что он уже давно не оказывает на вас никакого воздействия и становится лишь средством для занятия себя чем-либо.

В зоопарках, где публике разрешено кормить зверей, некоторые заскучавшие от безделья животные будут продолжать есть до тех пор, пока их вес не превысит все допустимые нормы. Они уже съели все, что полагалось им по рациону, и больше не испытывают чувства голода, но лучше лениво жевать, чем вообще ничего не делать. Они становятся все толще и толще или заболевают, а иногда и то и другое. Козлы съедают горы бумаги и стаканчиков из-под мороженого, они едят практически все, что им предлагают. Страусы поглощают даже острые металлические предметы. Классическим случаем может служить история с одной слонихой. За

ней внимательно наблюдали в течение одного дня, и за этот период (помимо своего нормального, достаточно питательного рациона) она проглотила следующие предложенные ей публикой предметы: 1706 земляных орехов, 1330 конфет, 1089 кусков хлеба, 811 пирожных, 198 апельсиновых долек, 17 яблок, 16 клочков бумаги, 7 порций мороженого, 1 гамбургер, 1 шнурок от ботинка и 1 белую женскую кожаную перчатку. В зоопарках зафиксированы случаи, когда медведи умирали от переедания, – таковы жертвы, принесенные борьбе за стимул!

Одним из наиболее странных примеров этого феномена можно считать огромного самца гориллы, который обычно ел, затем вызывал рвоту и поглощал все заново, таким образом разыгрывая собственную версию римского застолья. Еще дальше зашел медведь-губач, который извергал пищу обратно более сотни раз, снова и снова поглощая ее с булькающими и всасывающими звуками, характерными для своего вида.

Если же возможности излишнего потакания в еде ограничены, а занять себя больше нечем, животное может всегда уделить чрезмерное внимание чистоте, продолжая мыть и чистить себя еще довольно долго даже после того, как перья или мех уже давно вычищены и блестят. Это также может привести к неприятностям. Мне вспоминается какаду, у которого осталось всего лишь одно перо – желтый хохолок, а остальное тело стало голым, как у цыпленка табака. Это, конечно же, крайний случай, но все же не единичный. Млекопитающие могут царапать и лизать голые места на своем теле до тех пор, пока не появятся болячки, тем самым обрекая себя на раздражение и все новое раздирание этих болячек.

Для человека, борющегося за стимул, все неприятные формы проявления этого принципа слишком хорошо известны. В младенчестве это продолжительное сосание пальца, появляющееся в результате слишком ограниченного контакта с матерью.

По мере взросления мы можем потакать своим слабостям чрезмерным потреблением пищи, вяло откусывая кусочки шоколада или печенья лишь для того, чтобы скоротать время, в результате чего становимся все толще и толще, подобно медведям в зверинце. Или же мы можем переусердствовать в уходе за собой, подобно какаду: в этом случае мы, скорее всего, будем грызть ногти или сдирать болячки. Поглощение напитков только для того, чтобы чем-то себя занять, при условии, что напитки сладкие, также может привести к ожирению; если же напитки алкогольные, они могут вызвать зависимость и болезни печени. Курение может быть еще одним средством убить время, и в нем также скрыта возможность неприятных последствий.

Совершенно очевидно, что борьба за стимул, если она ведется неверно, таит в себе множество ловушек. Особенность всех этих средств, служащих для того, чтобы убить время, заключается в том, что из-за своей примитивности они не могут быть усовершенствованы. Все, что можно делать, чтобы хоть как-то продлить их действие, – это повторять их снова и снова. Для наибольшей эффективности к ним следует прибегать довольно продолжительное время, а это чревато неприятностями. Обычно довольно безвредные и используемые для того, чтобы ненадолго убить время, эти средства несут в себе опасность, если становятся чрезмерными.

3. Если стимулы слишком слабы, вы можете усилить свои поведенческие реакции, изобретая новые занятия.

Это – творческий принцип. Если все уже известное слишком скучно, сообразительное животное должно придумать что-то новое. Например, находящиеся в неволе шимпанзе ухитряются внести новизну в свою жизнь, исследуя новые формы передвижения. Они перекачиваются с боку на бок, лениво передвигают ноги и демонстрируют различные гимнастические упражнения. Если им удастся отыскать небольшой кусок веревки, они зацепят ее за крышу клетки, повиснут на ней, держась за оба конца зубами или руками, и будут раскачиваться в воздухе, подобно воздушным гимнастам в цирке.

Многие животные, чтобы избавиться от скуки, используют посетителей. Если они не будут обращать внимания на людей, прогуливающих мимо их клеток, они, в свою очередь, рискуют также остаться без внимания, но если они возбудят их любопытство, посетители уж как-нибудь да развлекут их. То, чего может добиться находчивое животное, поистине потрясает. Если шимпанзе или орангутан плюет в сторону посетителей, они с визгом отскакивают от клетки – это помогает скоротать денек. Слон может облить водой из хобота,

морж – обрызгать плавником. Сорока или попугай могут привлечь посетителей, распушив перышки, а когда они начнут их приглаживать – клонут в палец.

Один лев научился манипулировать аудиторией совершенно замечательным способом. Обычно он мочился (как и коты), направляя струю горизонтально на вертикальную поверхность, тем самым помечая ее своим запахом. Как-то он направил струю на один из вертикальных прутьев клетки и обнаружил, что брызги долетели до посетителей и вызвали интересную реакцию: они с криками отскочили назад. Со временем лев не только научился лучше попадать в цель, но и придумал новый трюк. После первой струи, когда отступал первый ряд зрителей, его место сразу же занимали те, кто стоял сзади и хотел получше разглядеть животное. Вместо того чтобы выпустить все за один раз, лев приберегал некоторое количество мочи на второй раз, и таким образом ему удавалось «порадовать» вновь пришедших.

Можно также кланяться еде (а не отбирать ее), что является, конечно, не столь сильнодействующим средством, но все же позволяющим достичь тех же результатов, и используется это многими животными. Необходимо лишь придумать какой-нибудь особый жест или позу, при виде которых прохожие не могут не поверить в то, что вы голодны. Обезьяны считают, что надо просто вытянуть руку ладошкой вверх, но медведям этого показалось недостаточно, и они проявили больше изобретательности. У каждого из них есть особая манера: один встает на задние лапы и машет передней; другой садится, изогнувшись и обхватив задние лапы передними; третий засовывает переднюю лапу в пасть; четвертый будет кивать или делать подзывающие движения головой. Если медведь сообразительный, ему легко удастся выдрессировать посетителей, приучив их реагировать на эти знаки. Проблема заключается в том, что для того, чтобы поддерживать интерес посетителей, придется время от времени вознаграждать их – есть то, что они бросают.

Если не пойти на уступки, зрители уйдут, и тогда все, изобретенное медведем для осуществления социального взаимодействия, окажется напрасным. Последствия этого мы уже обсуждали: придется прибегнуть к менее удовлетворяющему принципу чрезмерного потворства своим желаниям, что приведет к лишнему весу и болезням.

Подобных гимнастических упражнений и попрошайничества невозможно увидеть в естественной среде. Все это изобретения, позволяющие приспособиться к особым условиям неволи.

В условиях людского зверинца этот творческий принцип доходит до потрясающих крайностей.

Я уже отмечал ранее, что разочарование может наступить тогда, когда искусственно выдуманная борьба за стимул, из-за того что возможности ее довольно ограничены, часто начинает казаться бессмысленной.

Пытаясь избежать этой ограниченности, человек ищет все более сложные формы выражения, которые становятся настолько всепоглощающими и поднимают индивидуума на такие высоты познания, что наградам уже нет числа. Здесь мы уходим из сферы пустяков, существующих для того, чтобы чем-то себя занять, и вступаем в чарующие миры изящных искусств, философии и науки. Все это имеет огромное значение, так как не только позволяет эффективно бороться с недостатком стимулов, но еще и делает возможным максимальное использование самой потрясающей физической собственности человека – гигантского мозга.

Из-за огромной важности, которую приобрели эти сферы для нашей цивилизации, мы склонны забывать о том, что в определенном смысле они являются не чем иным, как средствами борьбы за стимул. Подобно пряткам или шахматам, они помогают скоротать время между колыбелью и могилой тем, кто достаточно удачлив и может позволить себе вести борьбу не только за элементарное выживание. Я говорю «удачлив» потому, что, как я уже упоминал ранее, огромное преимущество суперплеменных условий заключается в том, что мы относительно свободны в выборе форм нашей деятельности и, когда человеческий мозг может изобрести такие прекрасные занятия, как эти, мы должны считать, что нам повезло оказаться в числе борцов за стимул, а не борцов за выживание. Именно человек-изобретатель является тем, кто ведет игру из всех сил. Когда мы штудлируем научные труды, слушаем симфонии, читаем поэзию, смотрим балеты или рассматриваем картины, нам остается только восхищаться бесконечностью человеческой борьбы за стимул и той невероятной изобретательностью, с

которой он ее ведет.

4. Если стимулы слишком слабы, вы можете усилить свои поведенческие реакции нормальным реагированием на субнормальные стимулы.

Это принцип переполнения. Если внутреннее побуждение к совершению какой-либо деятельности становится слишком велико, за неимением обычно побуждающих к ней внешних стимулов оно может перелиться через край.

Тому, что в природе никогда не вызовет никакой реакции, в унылых условиях зоопарка уделяется слишком много внимания. У обезьян это может принимать форму копрофагии: если им будет нечего жевать, в дело пойдут экскременты; если не будет возможности обходить свою территорию, сойдут и мелкие перебежки по клетке. Животное ходит из стороны в сторону до тех пор, пока, благодаря своим монотонным и бесполезным движениям, не протрет дорожку на полу клетки, и все-таки это лучше чем ничего.

За неимением подходящего партнера животное может спариться практически с любым доступным предметом. К примеру, одинокая гиена ухитрилась спариться со своей круглой миской, опрокинув ее набок и катая туда-сюда под своим телом так, чтобы та ритмично прижималась к половому члену.

Живущий в одиночестве енот использовал в качестве партнерши свое лежбище: он собирал солому в тугий пучок, крепко прижимал его к себе и делал характерные движения тазом. Иногда, когда вместе содержатся животные разных видов, заменой партнера может служить и чужеродный сосед. Кистехвостый дикобраз, живущий вместе с древесным дикобразом, постоянно пытался на него взобраться.

У этих двух видов мало общего, и их иглы так заметно отличаются, что связь привела не только к огромному разочарованию самца, но и оказалась для него крайне болезненной. В другой клетке вместе с похожим на кенгуру грызуном, называемым африканским долгоногом, жила маленькая обезьяна – беличий саймири, – которая была в десять раз меньше его.

Бесстрашная крошечная обезьянка прыгала на спину спящего грызуна и пыталась совокупляться. В результате об этих тщетных попытках написали в местной газете; правда, истолкованы они были совершенно неверно. Там говорилось, что обезьянка очаровательно забавлялась, «катаясь верхом на спине большого животного, подобно маленькому пушистому жокею».

Хотя эти сексуальные примеры и напоминают фетишизм, их не следует путать с этим явлением. Несмотря на случаи «чрезмерной активности», животное возвращается к нормальному поведению, как только в окружающей среде появляется естественный стимул.

В упомянутых мной случаях самцы, стоит только появиться самке одного с ними вида, переключают внимание на нее: они не «влюбились» в то, что заменяло им самок, подобно истинным фетишистам, о которых я говорил в предыдущей главе.

Необычные совместные проявления «чрезмерной активности» были замечены у содержащихся вместе самки ленивца и маленькой обыкновенной ночной обезьяны. В природных условиях эта обезьянка устраивает уютную норку в дупле дерева и спит там в течение всего дня. Самка ленивца, если бы родила в естественной среде, носила бы потомство на себе еще довольно долго. В зоопарке обезьянке не хватало мягкой теплой постели, а ленивцу – потомства. Проблема же была решена искусно и довольно просто: во время сна обезьянка плотно прижималась к телу ленивца.

Этот четвертый принцип борьбы за стимул работает не столько потому, что кто-то поставлен в чрезвычайные условия, а скорее наоборот – потому что все слишком спокойно, и, несмотря на множество дующих в людском зверинце ветров, человек довольно часто оказывается в подобных ситуациях. То одно, то другое постоянно препятствует выходу эмоций представителя суперплемени. Несмотря на полный материальный достаток, среда часто наносит ущерб массе поведенческих реакций, и в этом случае человек, подобно обитателям зоопарка, вынужден реагировать на субнормальные стимулы независимо от того, насколько они второстепенны.

В сексуальной сфере человек имеет гораздо больше возможностей, чем остальные виды животных, решая проблему отсутствия партнера путем мастурбации, и это – наиболее

распространенное решение, принимаемое человеком. И все же время от времени наблюдаются случаи зоофилии, то есть акта совокупления человека с животным.

Такие случаи редки, но не настолько, насколько это кажется большинству людей. Результаты недавнего исследования, проведенного в Америке, показали, что в этой стране около 17 % мальчиков, выросших на ферме, по крайней мере раз в жизни испытали оргазм в результате контакта с животными. На самом же деле случаи удовлетворения за счет более легких форм сексуального взаимодействия с животными встречаются гораздо чаще, и в некоторых районах число таких мальчиков достигало 65 %. Обычно предпочтение отдается телятам, ослам и овцам, а иногда и некоторым крупным птицам, таким как гуси, утки и куры.

У женщин случаи зоофилии встречаются гораздо реже: из 6 тысяч американок только 25 испытали оргазм в результате возбуждения животными, обычно собаками.

Для большинства людей все это кажется противоестественным и отвратительным. Но факт, что такие случаи вообще существуют, говорит о том, что борцы за стимул готовы пойти на все что угодно, лишь бы избежать бездеятельности.

Под эту категорию попадают и другие формы сексуального поведения, например такие, как случаи гомосексуализма, основанные на принципе «лучше что-то, чем ничего». В отсутствие нормального стимула становится достаточным и субнормальный объект. Умиравший от голода человек будет жевать древесину и другие вещества, не содержащие никаких питательных элементов, лишь для того, чтобы хоть что-то жевать. Агрессивно настроенные индивиды за неимением врага, на которого можно напасть, будут остервенело крушить неодушевленные предметы или калечить собственные тела.

5. Если стимулы слишком слабы, вы можете усилить свои поведенческие реакции, искусственно усиливая выбранные стимулы.

Этот принцип касается создания «супернормальных стимулов». В основе его работы лежит простая предпосылка, заключающаяся в том, что если естественные, нормальные стимулы вызывают нормальные реакции, то супернормальные стимулы должны вызывать супернормальные реакции. Эта идея широко используется в людском зверинце, но в обычном, среди животных, встречается довольно редко. Студенты, изучающие поведение животных, разработали несколько супернормальных стимулов для подопытных животных, но наличие данного феномена ограничивается лишь несколькими примерами, один из которых я и собираюсь описать подробно.

Это результат моего собственного исследования. Некоторое время в большом птичнике на крыше здания кафедры я держал несколько птиц различных видов. В какой-то момент их покой был нарушен ночными визитами хищной совы, пытающейся нападать через прутья птичника. Для того чтобы разобраться в этой проблеме, мне пришлось провести несколько ночных дежурств. Пока я был там, сова так и не появилась, и, по правде сказать, о ней больше никто не слышал, но, несмотря на неудачу, я все же заметил нечто странное – мне бросилось в глаза очень необычное поведение самих обитателей птичника.

Среди живущих там птиц были голуби и что-то вроде маленьких ткачиков, так называемые серые рисовки. Эти ткачики, как правило, сидят на жердочке вместе, плотно прижавшись друг к другу. К своему удивлению, я заметил, что ткачики в птичнике игнорировали друг друга, отдавая предпочтение голубям в качестве соседей по жердочке. Рядом с каждым голубем, плотно прижавшись к его толстому телу, сидел крошечный ткачик. Довольные маленькие птички уютно устроились на ночлег, а голуби, хотя поначалу и удивленные появлением столь странных соседей, были слишком сонными для того, чтобы предпринимать что-то по этому поводу, и в конце концов так и заснули, устроившись поудобнее.

Я был в полном замешательстве и не знал, как объяснить такую странную манеру поведения. Эти два вида не росли вместе, а значит, не могло быть и речи о лжеимпринтинге, да и ткачики не были выведены в неволе. По всем правилам они должны были устроиться рядом со своими сородичами. Но была и другая проблема: почему из всех видов птиц в качестве партнеров по сну они выбрали именно голубей?

В последующие ночи своего дежурства у птичника мне удалось понаблюдать за еще более

странным поведением. Прежде чем заснуть, крошечные ткачики часто чистили клювом перья голубей – опять же действие, которое при нормальных обстоятельствах они бы совершали только с особями своего вида. Еще более странным оказалось то, что они начали играть в чехарду, перепрыгивая через спины своих огромных соседей. Ткачик запрыгивал на спину голубя, затем спрыгивал с нее на другую сторону, опять запрыгивая обратно, и так далее. Но больше всего я был удивлен, когда увидел, как одна из маленьких птичек забралась под голубя и пролезла между его лап. Сонный голубь приподнялся и уставился на что-то, копошащееся под его круглой грудью. Как только, удобно устроившись, ткачик успокоился, голубь опустил на него. Так они и сидели, голубь и ткачик с розовым клювом, торчащим из-под груди голубя.

Мне было необходимо объяснить такие необычные взаимоотношения. В поведении голубей ничего странного не было (может быть, за исключением того, что они проявляли необычайную терпимость), а вот поведение ткачиков требовало более тщательного изучения. Я обнаружил, что у них был особый сигнал, сообщающий другим членам вида о том, что они готовы ко сну. Во время бодрствования они держались друг от друга на расстоянии, но, когда приходило время собираться вместе на ночлег, один ткачик (по-видимому, тот, которому больше всего хотелось спать) взъерошивал перья и как бы приседал, прижимался к жердочке. Это было сигналом для других сородичей, означающим, что они могут присоединиться к нему и не получают никакого отпора. Второй ткачик подлетал и, взъерошив перья, садился на жердочку возле первого, а за ним третий, четвертый и так далее до тех пор, пока все птицы не оказывались рядом друг с другом на одной жердочке. Те, кто прилетал позже, обычно прыгали на одной лапке позади этого ряда и протискивались в середину, занимая более теплое и удобное местечко. Такое поведение птиц дало мне возможность разрешить мои недоумения.

Взъерошив перья и прижавшись к жердочке, ткачики казались больше и круглее, чем когда летали взад-вперед. Это и было основным сигналом, означающим: «Присоединяйтесь ко мне на ночлег». Сидящий на жердочке голубь был еще больше и круглее, а значит, так или иначе воспринимался как подающий все тот же сигнал, только в гораздо большей степени. Кроме того, в отличие от других видов птиц в птичнике у голубей был такой же серый окрас, как у маленьких ткачиков, а благодаря тому, что они были большими, круглыми и серыми, они подавали ткачикам некий *супернормальный сигнал*, против которого маленькие птички просто не могли устоять. Будучи изначально запрограммированными на такую комбинацию размера, формы и цвета, ткачики автоматически реагировали на голубей как на супернормальный стимул для устройства на ночлег, предпочитая их сородичам. Загвоздка была лишь в том, что голуби не усаживаются в ряд. Ткачик, прижавшись к голубю и обнаружив, что находится как бы в конце ряда, прыгает на спину голубя и, не обнаружив середины «ряда», спрыгивает с другой стороны. Голубь настолько большой, что должен был казаться целым рядом ткачиков, поэтому маленькая птичка и продолжает запрыгивать на него, впрочем абсолютно безуспешно. С огромным упорством ткачик пытается как-то устроиться и наконец, протиснувшись под голубя, находит себе уютное местечко «в середине ряда», между лап большей по размеру птицы.

Как я уже говорил ранее, это один из немногих известных примеров супернормальных стимулов, который к тому же был выявлен без проведения специального эксперимента. Другие же, более известные, примеры всегда предполагают создание некой искусственной ситуации. Птицы кулики-сороки, к примеру, относятся к виду, строящему гнезда на земле. Если одно из яиц выкатывается из гнезда, его втаскивают обратно характерным движением клюва. Если рядом с гнездом положить другие яйца, птицы затащат туда и их. Если подложенные яйца будут разного размера, птицы отдадут предпочтение наиболее крупным из них. Они попытаются втащить в гнездо яйца, которые по размеру намного больше их собственных, и опять это говорит о том, что они не могут устоять и реагируют на супернормальный стимул.

Птенцы серебристой чайки, выпрашивая у родителей пищу, бьют клювами в ярко-красное пятно, расположенное у кончика клюва взрослых птиц. Родители отвечают на это срыгиванием рыбы для своих питомцев. Красное пятно является жизненно важным сигналом: было обнаружено, что птенцы бьют клювом даже в картонные макеты голов родителей. Различные тесты показали, что другие детали головы взрослой птицы им абсолютно не важны: птенцы

бьют клювом даже в отдельно взятое красное пятно. Более того, если им дать палку с тремя красными пятнами, они будут клевать ее гораздо сильнее, чем реалистично выполненный макет головы родителя, и опять палка с тремя красными пятнами является не чем иным, как супернормальным стимулом.

Есть и другие примеры такого поведения, но этого, пожалуй, вполне достаточно. Понятно, что существует возможность сделать природу более совершенной – и это вызывает у некоторых полное отвращение, но причина проста: каждое животное есть не что иное, как сложная система компромиссов. Противоречивые требования выживания тянут его в разные стороны. Если, к примеру, животное имеет чересчур яркий окрас, его без труда обнаружат хищники; если же окрас не бросается в глаза, ему не удастся привлечь партнера, и так далее. Эта система компромиссов будет находиться в «расслабленном» состоянии только тогда, когда требования к выживанию будут уменьшены искусственным путем.

Домашние животные, например, находятся под защитой человека, и у них нет необходимости бояться своих врагов. Ничем не рискуя, они могут сменить свой неприметный окрас на ослепительно-белый, пестрый или на любой яркий цвет, но если их вернуть в естественные условия обитания, они будут настолько бросаться в глаза, что вскоре станут жертвами своих естественных врагов.

Подобно домашним животным, суперплеменной человек также может позволить себе игнорировать ограничения природных стимулов, служащие для выживания. Он может изобретать стимулы, преувеличивать и искажать их в зависимости от своих потребностей. Искусственно увеличивая их силу – создавая супернормальные стимулы, – он может усилить свои реакции до невероятной степени. В своем суперплеменном мире он подобен кулику-сороке, окруженному гигантскими яйцами.

Куда бы вы ни взглянули, везде найдете признаки супернормальных стимулов. Нам нравятся цветы, поэтому мы разводим самые крупные и наиболее яркие из них. Нам нравятся ритмичные движения человека, поэтому мы изобрели гимнастические упражнения. Нам нравится вкус еды, поэтому мы делаем ее еще более разнообразной и вкусной. Нам нравятся определенные запахи, поэтому мы производим духи с сильными ароматами. Нам нравится спать на удобной поверхности, поэтому мы изобрели супернормальные кровати с пружинами и матрасами.

Можно начать с изучения нашего внешнего вида – одежды и косметических средств. Во многие мужские костюмы вставляют искусственные плечики. В период половой зрелости наблюдается заметная разница в росте плеч у разных полов: у мальчиков они становятся шире, чем у девочек. Это естественный биологический сигнал мужественности, признак взрослого мужчины.

Подкладывание плечиков добавляет этой мужественности супернормальный признак, и вовсе не удивительно, что наибольшая тенденция к такого рода преувеличениям существует в самой что ни на есть мужской сфере – среди военных, где для большего усиления эффекта добавляются жесткие эполеты. Увеличение роста также является одним из признаков взросления, особенно у мужчин, поэтому неотъемлемой частью многих мужских костюмов является какой-либо высокий головной убор, создающий впечатление супернормального роста. Мы, вне всяких сомнений, ходили бы на ходулях, если бы это не создавало столько неудобств.

Если мужчины хотят казаться намного моложе, они носят накладки, скрывающие лысины, вставные зубы, заполняющие стареющие рты, и пояса, удерживающие отвисшие животы. Известно, что молодые руководители, желающие казаться намного взрослее, нередко прибегают к искусственной седине.

У молодой девушки увеличивается грудь и становятся шире бедра, что говорит о ее половом развитии. Излишне подчеркнув эти особенности, она может усилить сигналы своего пола. Она может поднять, обозначить или увеличить грудь множеством различных способов. Затянув талию, она может подчеркнуть ширину бедер. Она может также увеличить размер ягодиц и бедер – тенденция, получившая наибольшее распространение во времена турниров и кринолинов.

Другая возрастная перемена, сопровождающая взросление женщины, – это увеличение длины ног по сравнению с остальным телом. Длинные ноги, таким образом, могут означать

определенную сексуальность, а особенно длинные ноги делают сексуальную привлекательность еще больше. Безусловно, сами по себе ноги не могут стать супернормальным стимулом, так как являются чем-то естественным (хотя небольшую услугу могут оказать и высокие каблуки), но искусственное увеличение длины ног часто появляется в эротических изображениях женщин. В результате исследования изображений красоток оказалось, что ноги девушек обычно рисуют неестественно длинными, иногда почти в полтора раза длиннее, чем у моделей, позирующих для этих изображений. Очень короткие юбки считаются сексуально привлекательными не только благодаря демонстрации обнаженной плоти, но и благодаря иллюзии более длинных ног, возникающей по контрасту с длинными юбками.

Огромное множество супернормальных стимулов можно наблюдать в мире женской косметики. Чистая гладкая кожа всегда сексуально привлекательна. Ее гладкость можно увеличить, прибегнув к помощи пудры и кремов. Во времена, когда было важно подчеркнуть, что женщине не приходится трудиться на солнцепеке, косметика оказывала ей огромную услугу, придавая коже абсолютную белизну. Когда условия изменились и для женщины стало важным подчеркнуть, что она может позволить себе *удовольствие* погреться на солнышке, загорелая кожа приобрела огромную значимость. И опять под рукой оказались косметические средства, придающие коже оттенок загара. Когда-то в прошлом для женщины было важно продемонстрировать свое здоровье, и тогда в ход шло неимоверное количество румян. Еще одной отличительной чертой кожи женщины является то, что ее волосистой покров гораздо беднее, чем у мужчин. И вновь супернормального эффекта здесь можно добиться, прибегая к различным формам депиляции, удаляя с помощью бритвы или воска крошечные волоски на ногах или же болезненно выщипывая растительность на лице. Брови у мужчин обычно намного гуще, чем у женщин, поэтому и здесь супернормальной женственности можно достичь при помощи выщипывания. Добавьте ко всему этому супернормальную косметику для глаз, губ и ногтей, духи, а иногда и румяна для сосков, и станет совершенно очевидно, насколько старательно мы используем супернормальный принцип борьбы за стимул.

В предыдущей главе мы уже говорили о том, до каких размеров можно увеличить мужской половой член, сделав его супернормальным фаллическим символом. В обычной одежде ему до сих пор не очень-то удавалось показать себя, за исключением, впрочем, краткого момента славы в эпоху гульфиков. Сегодня нам приходится довольствоваться лишь супернормальными кисточками на меховой сумке шотландского горца, висящей в области лобка.

Станный мир афродизиаков полностью ориентирован на супернормальные сексуальные стимулы. В течение многих веков и во многих культурах стареющие мужчины прибегали к различным искусственным средствам, пытаясь увеличить свою потенцию. Перечень афродизиаков насчитывает более 900 различных наименований, включая такие, как горб верблюда, экскременты крокодила, сперма оленя, гусиный язык, суп из зайчатины, львиный жир и гениталии лебедя. Несомненно, многие из этих вспомогательных средств сослужили свою службу, но не из-за химических свойств, а из-за того, что за них пришлось заплатить непомерно высокую цену. На Востоке размолотый в порошок рог носорога настолько высоко ценился в качестве средства, оказывающего супернормальное сексуальное воздействие, что некоторым видам носорогов грозило вымирание. Не все афродизиаки, впрочем, следовало употреблять внутрь: одни нужно было втирать в кожу, другие курить, нюхать или носить на теле. Кажется, что всё, начиная от ароматизированных ванн и заканчивая нюхательными порошками, было направлено на то, чтобы сделать стимулы более сильными.

Современная фармакология в меньшей степени ориентирована на удовлетворение сексуальных потребностей, но, несмотря на это, она все-таки переполнена супернормальными стимулами различного рода. Здесь есть и снотворные таблетки для супернормального сна, и различные стимуляторы нервной системы для супернормальной активности, и слабительное для супернормального испражнения, и туалетные принадлежности для супернормальной чистоты тела, и, наконец, зубная паста для супернормальной улыбки. Благодаря человеческой изобретательности вряд ли найдется какая-либо естественная деятельность, для которой не было бы придумано хоть какого-то искусственного стимулятора.

Мир коммерческой рекламы есть не что иное, как кипящая масса супернормальных стимулов, каждый из которых пытается превзойти все остальные. С появлением конкурирующих фирм, продающих практически одинаковые товары, супернормальная борьба за стимул приобрела огромное значение. Каждый товар должен быть представлен в более стимулирующем виде, чем конкурирующий с ним товар другого производителя, а это требует предельной концентрации внимания покупателей на особенностях его формы и цвета.

Важной чертой супернормального стимула является то, что он не подразумевает преувеличения *всех* составляющих того нормального стимула, на котором основан. Кулик-сорока реагировал на подложенное ему супернормальное яйцо только с точки зрения его размера; по форме, цвету и фактуре оно ничем не отличалось от нормального яйца.

Эксперимент же с птенцами чаек продвинулся еще на шаг вперед. В нем жизненно важные красные пятна были преувеличены, а другие (менее значимые) отличительные особенности родителей отсутствовали. Таким образом, налицо был двойственный процесс: усиление важных стимулов и в то же время исключение менее важных. В процессе проведения эксперимента это было сделано лишь с целью демонстрации того, что для появления необходимой реакции вполне достаточно красных пятен. С другой стороны, такой шаг, при помощи которого отсекалось все ненужное, должен был также способствовать большей концентрации внимания на красных пятнах.

Во многих супернормальных стимулах человека этот двойственный процесс применяется необычайно эффективно. Его можно выделить в качестве дополнительного, второстепенного принципа борьбы за стимул. Суть его заключается в том, что при искусственном усилении выбранных стимулов для возведения их в ранг супернормальных можно достичь еще большего эффекта, исключая остальные, несущественные стимулы. При одновременном создании субнормальных стимулов супернормальные стимулы кажутся намного сильнее. Это принцип *экстремизма стимулов*.

Если мы хотим развлечь себя книгами, пьесами, фильмами или песнями, мы автоматически посвящаем себя этому. Самую суть этого процесса мы называем инсценировкой. Повседневные действия, произведенные так, как если бы они происходили в реальной жизни, были бы недостаточно увлекательными, – их необходимо преувеличить. Работа принципа экстремизма стимулов подтверждает, что незначительные детали убираются, а значительные раздуваются до невероятных размеров. Даже в наиболее реалистичных школах актерского мастерства или (если уж на то пошло) в документальных фильмах и книгах все еще действует негативный процесс: все, что не важно, сокращается, а значит, идет в ход непрямая форма преувеличения.

В более стилизованных представлениях, например в опере, прямые формы преувеличения имеют большее значение, и поэтому очень интересно наблюдать, насколько далеки от реальности могут быть голоса, костюмы, жесты, действия и сюжеты и, несмотря на это, все же оказывать сильнейшее воздействие на человеческий мозг. Если это кажется странным, стоит вспомнить эксперимент с чайками: птенцы были готовы реагировать на макеты родителей, состоящие из чего-то, слишком отдаленно напоминающего взрослую чайку, – из палки с тремя красными пятнами. Наша реакция на в высшей степени стилизованные обряды оперы, пожалуй, не менее странна.

Яркой иллюстрацией этого же принципа служат детские игрушки и куклы. Например, в лице тряпичной куклы некоторые черты преувеличены, а другие вообще отсутствуют. Глаза становятся огромными черными пятнами, в то время как брови просто исчезают. Рот растянут в широченной ухмылке, в то время как нос уменьшен до двух маленьких точек. Входя в магазин игрушек, вы попадаете в мир контраста супернормальных и субнормальных стимулов. Более реалистично выглядят лишь игрушки для детей старшего возраста – в них нет столь разительных контрастов.

То же самое можно сказать и о рисунках самих детей. В изображениях человеческого тела черты, которые они считают наиболее существенными, всегда увеличены; те же, которые для них не важны, обычно уменьшены или вообще отсутствуют. Как правило, наиболее непропорционально увеличенными бывают голова, глаза и рот. Это как раз те части тела, которые имеют самое большое значение для маленького ребенка, так как служат для

визуального восприятия и общения. Уши же не обладают никакой особой выразительностью, поэтому они сравнительно не важны, а следовательно, зачастую просто упускаются.

Зрительный экстремизм такого рода очень распространен и в искусстве первобытных людей. Размеры голов, глаз и ртов обычно супернормальны по сравнению с размерами тела, а другие черты, как и в детских рисунках, уменьшены. Тем не менее в разных случаях для преувеличения выбираются различные стимулы. Если изображается бегущий человек, необычно длинными становятся его ноги. Если человек просто стоит и ничего не делает ни ногами, ни руками, они могут быть изображены в виде неких обрубков или же вообще отсутствовать. Если статуэтка доисторического периода должна была демонстрировать плодovitость, ее черты, говорящие о воспроизведении потомства, становились супернормальными, а всему остальному не уделялось ни малейшего внимания. У такой фигурки огромных размеров живот, неимоверно выступающие ягодицы, широкие бедра и большая грудь, но в то же время могут отсутствовать ноги, руки, шея или голова.

Графические манипуляции такого рода часто воспринимаются как некое уродство – как будто красоте человеческого тела нанесен ущерб и она искажена со злым умыслом. Ирония же заключается в том, что, если бы критики обратили внимание на собственное тело, они обнаружили бы, что оно не совсем «совершенно». Вне всяких сомнений, они не меньше обременены «деформирующими» супернормальными и субнормальными принципами, чем дети или первобытные художники.

Притягательность экстремизма стимулов в искусстве определяется тем, как эти преувеличения варьируются в зависимости от случая и места, а также тем, как при помощи модификаций образуются новые формы гармонии и равновесия. В современном мире такого рода зрительные преувеличения наиболее часто встречаются в рисованных мультипликационных фильмах, а некую особую их форму следует искать в карикатурных изображениях.

Профессиональный карикатурист берет естественно преувеличенные черты лица своей жертвы и делает эти (и без того существующие) преувеличения еще большими, при этом уменьшая то, что не привлекает внимания.

К примеру, большой нос можно увеличить до такой степени, что в конце концов его размер окажется вдвое или даже втрое больше настоящего, причем, несмотря на это, лицо станет еще более узнаваемым. Дело в том, что мы опознаем отдельно взятые лица, сопоставляя их в сознании с неким идеализированным «типичным» человеческим лицом. Если у какого-то конкретного лица есть некие определенные атрибуты, которые сильнее или слабее, больше или меньше, длиннее или короче, темнее или светлее, чем у того лица, которое мы считаем «типичным», они оказываются тем, что мы запоминаем лучше всего. Чтобы нарисовать хорошую карикатуру, художник должен интуитивно чувствовать, какие именно черты являются для нас отличительными, а затем супернормализовать наиболее сильные из них и субнормализовать слабые.

В основном это практически тот же принцип, который применяется в рисунках детей и первобытных людей, за тем лишь исключением, что внимание карикатуриста прежде всего концентрируется на индивидуальных особенностях.

Для всех видов творчества, связанных со зрительным восприятием, на протяжении практически всей их истории был характерен экстремизм стимулов. Супернормальные и субнормальные модификации в изобилии присутствуют почти во всех формах раннего искусства, но с течением времени в европейском искусстве стал все более доминировать реализм. На художников и скульпторов легла нелегкая задача – изображать внешний мир настолько точно, насколько это возможно, и только когда в XIX веке науке удалось взять на себя эту нелегкую ношу (благодаря изобретению фотографии), художники наконец смогли вернуться к более свободной манипуляции темами. Сначала их реакция была очень медленной, и, хотя цепи были разорваны еще в XIX веке, лишь в XX столетии от них удалось избавиться окончательно. По мере того как экстремизм стимулов стал заявлять о себе все громче и громче, одна за другой прокатились волны протеста, и вновь воцарилось правило: «Усиливай нужное и отсекай лишнее».

Когда современные художники стали использовать подобного рода манипуляции в

изображении человеческого лица, это вызвало бурю недовольства. Такие картины отказывались признавать, считая их упадническим безумием, как будто они являлись отображением некой новой болезни XX века, а не возвратом к одному из основных принципов искусства – желанию вести борьбу за стимул. Мелодраматические преувеличения человеческого поведения в театральных постановках, балетах и операх, а также усиленные до крайности человеческие эмоции, выраженные в песнях и стихах, были с радостью приняты, но для принятия такого же экстремизма стимулов в видах творчества, связанных лишь со зрительным восприятием, потребовалось некоторое время. Когда стали появляться абстрактные картины, люди, готовые целиком наслаждаться полной абстракцией любого музыкального действия, отзывались о них как об абсолютно бессмысленных, а музыку ведь никто и никогда не запихивал в эстетическую смиренную рубашку и не заставлял отображать лишь естественные звуки!

Я определил супернормальный стимул как искусственное преувеличение естественного стимула, но это может быть применимо и к изобретенному стимулу. Позвольте в качестве примера привести два показательных случая. Вне всяких сомнений, розовые губки красивой девушки есть не что иное, как абсолютно естественный биологический стимул. Если она специально выделяет их, крася более яркой губной помадой, она, несомненно, преобразует их в супернормальный стимул. Здесь все просто, и это как раз один из тех примеров, на которых до сих пор было сконцентрировано наше внимание. А как насчет нового блестящего мотоцикла? Он может быть не менее стимулирующим фактором, хотя сам по себе является не чем иным, как искусственно изобретенным стимулом. Не существует такой естественной биологической модели, с которой его можно было бы сравнить, чтобы понять, был ли он супернормализован или нет. И все же, если мы посмотрим на различные мотоциклы, мы с легкостью выделим те, которые, на наш взгляд, обладают некоторыми супернормальными качествами: они больше по размеру и впечатляют гораздо сильнее, чем все остальные. На самом деле производители мотоциклов не менее ориентированы на создание супернормальных стимулов, чем производители губной помады. Ситуация же с мотоциклами более подвержена изменениям, так как здесь нет никакой естественной биологической основы, которую следует учитывать, но по существу процесс ничем не отличается. Как только изобретается новый стимул, он сам вырабатывает свою основу. На любой момент мотоциклетной истории можно сделать эскиз того мотоцикла, который был типичен, наиболее распространен, а следовательно, и «нормален» для того или иного периода. Вместе с тем можно сделать эскиз необычайно роскошного и дорогого мотоцикла, который в то или иное время был супернормальным транспортным средством. Единственное отличие между этим примером и примером с губной помадой заключается в том, что «нормальная основа», от которой зависит существование мотоцикла, изменяется с развитием технического прогресса, в то время как естественно розовые губы остаются все теми же естественно розовыми губами.

Итак, мы видим, что супернормальный принцип не только широко применим, но и затрагивает практически все наши стремления. Освобожденные от проблем, связанных с выживанием, мы выжимаем последнюю каплю стимулов из всего, что только попадает под руку. В результате мы иногда оказываемся неспособными переварить созданные нами же стимулы.

Загвоздка при наделении стимулов большей мощностью заключается в том, что мы, будучи вынужденными реагировать на них еще сильнее, рискуем полностью израсходовать свои силы. Мы измучены и начинаем соглашаться со словами Шекспира:

...Раскрасить розу, злато позлатить,
Обрызгать ароматами фиалку...
Напрасный это и пустой излишек.

Но в то же время мы вынуждены признать и правоту Оскара Уайльда, сказавшего, что «только крайность ведет к успеху». Итак, что же мы делаем? Все очень просто – мы пускаем в ход еще один принцип борьбы за стимул. Его суть заключается в следующем: так как супернормальные стимулы настолько сильны, что, пытаясь реагировать на них, мы можем израсходовать все силы, нам следует время от времени менять элементы, выбираемые для

усиления. Другими словами, мы меняем характер перемен. Обычно переключения такого рода крайне драматичны, так как происходит глобальное изменение всего ранее намеченного курса, и все же это не означает, что следование конкретному курсу в борьбе за стимул прекращается. Вовсе нет, изменяется лишь расстановка супернормальных акцентов, и, пожалуй, самый яркий пример работы этого принципа – мир модной одежды и аксессуаров.

В женской одежде, где сексуальность стоит на первом месте, этот принцип положил начало тому, что профессионалы в области моды называют «законом смены эрогенных зон». Сама по себе эрогенная зона – это область тела, наделенная нервными окончаниями, реагирующими на прикосновение сексуальным возбуждением. Основными считаются область половых органов, грудь, рот, мочки ушей, ягодицы и бедра; иногда к этому списку добавляются шея, подмышки и пупок. Женская мода направлена, разумеется, не на осязание, а на демонстрацию (или сокрытие) этих чувствительных областей. В крайних случаях все эти области могут быть либо открыты, либо, наоборот, сокрыты, как у арабских женщин в национальных одеждах. Тем не менее в большинстве суперплеменных сообществ, как правило, демонстрируются одни области, в то время как другие остаются скрытыми. В качестве альтернативы можно, будучи одетой, подчеркнуть одни зоны, оставив другие без внимания.

Закон смены эрогенных зон заключается в том, что, по мере того как проходит время и меняется мода, концентрация внимания на одной области сменяется концентрацией внимания на другой. Если современная женщина подчеркивает одну зону слишком долго, ее привлекательность теряется, а значит, для того чтобы вновь вызвать к ней интерес, необходим новый супернормальный шок.

В последнее время две основные зоны – грудь и ягодицы, – в большинстве случаев оставаясь сокрытыми, все же подчеркивались множеством различных способов. Например, для увеличения этих форм подкладывают что-либо в нужных местах; чтобы подчеркнуть формы, носят облегающую одежду. Иногда же, оставляя эти области под покровом тени, стараются обнажить другие участки плоти настолько, насколько это возможно. Когда дело касается демонстрации груди, вырезы могут начинаться от пупка, но длина платьев при этом значительно увеличивается. Когда зона интереса меняется и юбки становятся короче, поднимается линия шеи. Во времена популярности голых талий и пупков другие зоны, как правило, тщательно прикрывают, вплоть до того, что начинают носить очень длинные брюки.

Для дизайнеров модной одежды огромная проблема заключается в том, что их супернормальные стимулы связаны с основными биологическими особенностями.

Тот факт, что существует лишь несколько наиболее важных зон, создает строгие ограничения и вынуждает дизайнеров прибегать к опасно повторяющимся циклам, и только благодаря своей выдающейся изобретательности им удается справиться с этой трудной задачей.

Впрочем, всегда можно манипулировать зонами головы: мочки ушей можно подчеркнуть сережками, шею – шейным платком, лицо – косметикой. Закон смены эрогенных зон действует и здесь, так как, когда в моду входит особенно яркий макияж глаз, губы становятся бледнее и менее четко очерченными.

Циклы мужской моды следуют практически противоположным курсом. Мужчина в последнее время ориентирован скорее на демонстрацию своего положения, чем на подчеркивание сексуальности. Высокое положение означает возможность иметь досуг, а наиболее характерным костюмом для досуга является спортивная одежда. Специалисты, изучающие историю моды, обнаружили, что практически всю одежду современного мужчины можно классифицировать как «в прошлом спортивную одежду». Такое происхождение можно проследить даже у наиболее официальных костюмов.

Вот как работает эта система. В любой конкретный момент истории существовал некий многофункциональный костюм, подходящий для элитного вида спорта, считающегося популярным на тот момент.

Ношение такого костюма означало, что у вас достаточно времени и средств для занятий этим видом спорта. Такую демонстрацию статуса можно супернормализовать, если использовать этот костюм в качестве повседневной одежды, даже не имея никакого отношения к данному конкретному виду спорта.

Сигналы, испускаемые спортивной одеждой, говорят: «У меня достаточно свободного

времени»; почти то же самое они могут означать и тогда, когда человек не имеет никакого отношения к спорту, так как не может позволить себе им заниматься. Через некоторое время, когда такая одежда становится общепринятым повседневным костюмом, она теряет свое воздействие. Тогда на смену этому виду спорта должен прийти новый, с его не менее необычным костюмом.

В XIX веке средством для демонстрации высокого положения английских джентльменов была охота. Специально для таких случаев была разработана практичная одежда: пальто обрезаюсь спереди, и таким образом сзади получалось некое подобие фрака. Джентльмены отказались от больших мягких шляп и начали носить жесткие цилиндры (послужившие прототипом защитных касок). Этот костюм получил широкое распространение, как только приобрел статус принадлежности к элитному виду досуга. Сначала в качестве повседневной одежды этот несколько модифицированный охотничий костюм стали использовать молодые люди знатного происхождения (молодые жизнелюбы того времени). Это воспринималось как верх дерзости. Мало-помалу эта тенденция получила широкое распространение (молодые жизнелюбы повзрослели), и к середине XIX века фрак и цилиндр стали обычной повседневной одеждой.

Члены общества, желающие продемонстрировать сигналы, свидетельствующие об их способности позволить себе супернормальный отдых, почувствовали необходимость заменить цилиндр и фрак, ставшие общепринятыми и традиционными, на что-то новое. Элитными видами спорта оказались стрельба, рыбная ловля и гольф. Элита стала носить котелки и пиджачные костюмы в клетку, мягкие спортивные шапочки переросли в фетровые шляпы. С наступлением XX века пиджачный костюм приобрел статус деловой одежды и стал более темных расцветок. «Привычный костюм», состоящий из цилиндра и фрака, стали использовать только для особых случаев, например для свадебных торжеств. Он мог служить и в качестве вечернего наряда, но здесь его практически уже догнал пиджачный костюм, отобрав длинные фалды для создания смокинга.

Как только пиджачный костюм утратил свою дерзость, его тоже постарались заменить чем-то, имеющим большее отношение к спорту. Охота для этого уже не годилась, а вот верховая езда все еще была в почете – и вот мы опять «на коне». Вскоре короткая куртка наездника стала известна как «спортивная куртка». Забавно, что, как только ее стали так называть, она сразу же утратила свою истинно спортивную функцию. Она превратилась в новую повседневную одежду, каковой остается и по сей день, хотя постепенно начала проникать и в мир деловых людей. В кругах наиболее дерзких модников (под видом особого рода смокинга) она проникла даже в святая святых – на официальные вечерние приемы.

Вместе со спортивной курткой в повседневную жизнь постепенно входил и трикотажный джемпер с воротом поло. Поло было еще одним элитным видом спорта, и ношение джемпера с высоким воротником, считающегося принадлежностью этой игры, мгновенно придавало его счастливому обладателю определенный статус. Но и эта столь характерная деталь одежды уже потеряла свою дерзкую привлекательность: ее шелковый двойник был недавно впервые надет со смокингом. Магазины тотчас же пришлось пережить нашествие молодых людей, требующих этот самый последний удар по формальности. Возможно, такой джемпер и утратил свое воздействие в качестве повседневной одежды, но как вечерняя одежда он все еще был способен шокировать, а значит, расширялась и сфера его распространения.

В течение последних пятидесяти лет встречались и другие аналогичные случаи. Блейзеры яхтсменов с латунными пуговицами носили те, кто никогда не ступал на борт яхты; лыжные костюмы носили люди, никогда не видевшие покрытой снегом горы. До тех пор пока какой-нибудь вид спорта будет престижным и дорогостоящим, его будут грабить, лишая костюмных сигналов.

В течение XX столетия престижные виды спорта до определенной степени заменила традиция ездить в более теплые климатические условия. Это началось со всеобщего увлечения Французской Ривьерой. Приезжающие туда туристы начинали носить свитера и рубашки, подобные тем, что носили местные рыбаки. Вернувшись домой, они надевали модифицированные модели этих же свитеров и рубашек, тем самым демонстрируя возможность позволить себе такой дорогостоящий отдых. На рынке сразу же появилась новая линия

повседневной одежды.

В Америке у состоятельных мужчин, занимающих высокое положение, стало модным иметь ранчо, где они одевались в модифицированную ковбойскую одежду. Тотчас же многие молодые городские жители, не имевшие ранчо, появились на улицах в ковбойских костюмах (еще более модифицированных). Можно, конечно, полагать, что на них оказали влияние вестерны, но в это не очень-то верится, так как в этом случае такой костюм по-прежнему оставался бы маскарадным, а вот если современные настоящие мужчины, занимающие высокое положение, носят его во время отдыха, тогда всё в порядке и вскоре он получит широкое распространение.

Вам может показаться, что ни один из этих примеров не объясняет эксцентричности в одежде юноши-подростка, который не считается с условностями и носит галстуки, длинные волосы, шейные платки, разноцветные шарфы, браслеты, ботинки с пряжками, брюки клеш и рубашки с кружевными манжетами.

Из какого вида спорта он все это взял? Если говорить о девочке-подростке с ее коротенькой юбкой, то здесь все понятно: помимо того что она переместила свою эрогенную зону на бедра, она лишь «вырвала лист эмансипации» из мужской книги моды и украла спортивный костюм, чтобы носить его каждый день. Теннисная юбка 30-х годов и юбка для катания на коньках 40-х годов XX века были уже практически готовыми мини-юбками; для превращения в повседневную одежду дерзкому дизайнеру оставалось лишь слегка их модифицировать. Ну а разодетый молодой человек? Что же он-то такое делает? Принимая во внимание недавно заявившую о себе молодежную субкультуру, ответ, кажется, заключается в том, что появилась необходимость создания нового, гармонирующего с ней костюма, который имел бы как можно меньше общего со столь ненавистой субкультурой взрослых.

Статус в молодежной субкультуре практически не связан с деньгами, но зато имеет много общего с сексуальной привлекательностью и половой зрелостью. Это вовсе не означает, что в одежде молодых людей появилось много деталей женской одежды потому, что они стали женоподобными (расхожее мнение старших); скорее это говорит о том, что они более ориентированы на демонстрацию своей сексуальной привлекательности.

В недавнем прошлом внимание этому уделяли в основном женщины, но сейчас это касается обоих полов. На самом деле это можно считать возвратом к мужской манере одеваться, существовавшей еще до XVIII века. Мы можем стать свидетелями возвращения и усовершенствованной косметики для мужчин.

Трудно сказать, как долго продлится этот этап, потому что все это постепенно начнут перенимать и взрослые мужчины, которых и так уже раздражают молодые люди, выставляющие напоказ свою сексуальность. Возвратом к демонстрации качеств самца молодые люди, принадлежащие к молодежной субкультуре, нанесли удар по самому больному месту: ведь сексуальная потенция у мужчин сильнее всего в 16–17 лет. Отказавшись от одежды, говорящей об элитном отдыхе, и заменив ее одеждой, говорящей о сексе, они выбрали идеальное оружие, и все же – молодежь взрослеет. Было бы интересно посмотреть, что будет лет через двадцать, когда появится новая молодежная субкультура.

Значит, практически все, что мы носим сегодня, есть не что иное, как результат принципа борьбы за стимул, заключающегося в характере перемен, направленных на то, чтобы вызвать шок от внезапной новизны. То, что дерзко сегодня, становится обычным завтра и приевшимся послезавтра, и мы быстро забываем, откуда это взялось. Кто из мужчин, облачаясь во фраки и цилиндры, осознает, что надевает костюм сквайра конца XVIII века, отправлявшегося на охоту? Сколько бизнесменов, одетых в темные пиджачные пары, осознают, что подражают одежде некоего спортсмена начала XIX века?

А сколько молодых людей, одетых в спортивные куртки, считают себя наездниками? Сколько юношей, одетых в рубашки с открытым воротом и широкие вязаные свитера, считают себя средиземноморскими рыбаками? И сколько девушек в мини-юбках считают себя теннисистками или фигуристками?

Шок проходит, новый стиль быстро усваивается, и тогда на место одного стимула должен прийти другой. Но мы можем быть полностью уверены: каким бы дерзким ни было сегодняшнее нововведение в мире моды, завтра оно станет респектабельным, а затем выйдет из

моды, превратившись в напыщенную формальность, так как на его место придет нечто новое и мятежное. Только постоянно сменяясь, крайности в мире моды, эти супернормальные стимулы дизайна, могут добиться влияния на массы. Возможно, необходимость есть не что иное, как мать изобретения, но, если говорить о супернормальных стимулах, затрагивающих мир моды, будет верным и то, что новизна есть не что иное, как мать необходимости.

Итак, мы рассмотрели пять принципов борьбы за стимул, которые связаны с усилением поведенческих реакций индивида. Иногда же появляется необходимость в совершенно противоположной тенденции. Когда это происходит, тогда вступает в силу шестой, и последний, принцип.

6. Если стимулы слишком сильны, вы можете ослабить свои поведенческие реакции, снижая способность реагировать на эмоции, поступающие извне.

Этот принцип связан с «отсечением лишнего». Для некоторых животных в зоопарке заключение оказывается пугающим и приводит к стрессам, особенно когда они только что прибыли, переехали в новую клетку или же оказываются в одной клетке вместе с враждебно настроенными или неподходящими соседями. Находясь в возбужденном состоянии, животные могут страдать от переизбытка стимулов. Когда это происходит и они не в состоянии ни сбежать, ни спрятаться, им необходимо выключить стимулы, поступающие извне. Они могут сделать это, просто забравшись в угол и закрыв глаза. Это, по крайней мере, дает возможность избавиться от визуальных стимулов. Чрезмерный, слишком продолжительный сон (средство, используемое как животными, так и людьми) также годится как некая особая форма отсечения, но животные не имеют возможности вечно сидеть в углу или спать.

Бодрствуя, они некоторым образом могут снять напряжение, прибегнув к «стереотипам» – к маленьким уловкам (повторяющимся подергиваниям, раскачиваниям, прыжкам, поворотам), которые благодаря постоянным повторам стали еще и неким успокоительным средством. Дело в том, что для животного, страдающего от переизбытка стимулов, окружающая среда кажется настолько странной и пугающей, что любое, даже самое бессмысленное действие (если только оно давно знакомо) будет действовать успокаивающе – как будто в толпе встретился старый друг. Такие стереотипы можно наблюдать в любом вольере: огромные слоны ритмично покачиваются взад-вперед; молодой шимпанзе раскачивается из стороны в сторону; белка бежит по кругу, подобно гонщику по вертикали; тигр трет носом о решетку до тех пор, пока не обдирает его до крови.

Если некоторые модели поведения, связанные с переизбытком стимулов, время от времени наблюдаются у животных, страдающих от скуки, в этом нет ничего удивительного, так как стресс, вызванный крайней нехваткой стимулов, в известном смысле ничем не отличается от стресса, вызванного их переизбытком. Обе эти крайности неприятны, и связанный с ними дискомфорт вызывает стереотипную реакцию, так как животное отчаянно пытается избавиться от них и вернуться к умеренным стимулам – золотой середине, которая и есть цель борьбы за стимул.

Если обитатель людского зверинца начинает испытывать переизбыток стимулов, он также прибегает к принципу «отсечения лишнего». Когда различные принципы громогласно заявляют о себе и начинают конфликтовать друг с другом, ситуация становится невыносимой. Если мы в состоянии убежать и спрятаться, тогда всё в порядке, но наши обязательства по отношению к жизни в суперплемени обычно не позволяют этого сделать. Мы можем закрыть глаза и заткнуть уши, но здесь нужно нечто большее, чем беруши и повязка на глаза.

В крайнем случае мы прибегаем к искусственным средствам: принимаем успокоительные таблетки, снотворное (иногда так много, что уходим от проблем навсегда), чрезмерное количество алкоголя и различные наркотические вещества. Этот вид борьбы за стимул можно назвать «химическим сном». Для того чтобы ответить на вопрос: «Почему именно так?», стоит подробнее коснуться естественного сна.

Огромная ценность нормального ночного сна заключается в том, что он дает нам возможность разобраться в хаосе прошедшего дня и разложить всё по полочкам. Представьте офис, куда за день приходят горы документов, бумаг и писем. Столы доверху завалены ими, и работники не могут справиться с потоком материалов и информации. В течение дня им не

хватает времени, чтобы все это разобрать; они отправляются домой, оставив в офисе полный беспорядок. На следующее утро поток документов возобновится с новой силой, и ситуация мгновенно выйдет из-под контроля.

Если в течение дня мы страдаем от переизбытка стимулов в результате того, что наш мозг получает слишком много новой информации (большей частью противоречивой и трудно поддающейся классификации), мы ложимся спать в состоянии, похожем на то, в каком был оставлен в конце рабочего дня только что упомянутый офис. Но нам повезло больше, чем перегруженным работой сотрудникам: ночью кто-то приходит в офис, находящийся в нашей черепной коробке, всё разбирает и аккуратно раскладывает по полочкам, готовя его к натиску следующего дня. Этот процесс, происходящий в мозгу человека, мы и называем сном. Во время сна мы можем отдохнуть физически; практически так же мы можем отдохнуть, если просто пролежим всю ночь. Но, бодрствуя, мы не будем видеть сны, следовательно, основной функцией сна является сновидение, а не отдых наших уставших членов. Мы спим для того, чтобы видеть сны, и видим сны большую часть ночи. Новая информация укладывается в нашей голове, и мы просыпаемся с отдохнувшим мозгом, готовые начать еще один трудный день.

Если дневная жизнь становится слишком напряженной и мы испытываем слишком сильный переизбыток стимулов, обычный механизм сновидений подвергается серьезным испытаниям. Это приводит к пристрастию к наркотикам, а также грозит опасностями, связанными с «химическим сном». Мы тщетно надеемся, что наркотики или лекарства создадут некое подобие сновидений. Но они, хотя и могут эффективно способствовать отключению от информации, хаотично поступающей извне, как правило, не имеют ничего общего с позитивной функцией сновидения – с сортировкой и размещением информации. Когда их действие проходит, временное обманчивое облегчение исчезает, а проблема остается. Таким образом, это средство обречено разочаровывать, а в придачу ко всему еще и вызывать зависимость.

Возможен еще один вариант – это стремление к так называемому сну-медитации, где похожее на сон состояние достигается благодаря специальным занятиям, таким как йога и другие. Все состояния, похожие на транс или ступор, которые достигаются благодаря йоге, гипнозу и некоторым магическим и религиозным ритуалам, имеют общие свойства. Ритмичные повторения слов или движений приводят к состоянию отстраненности от нормальных внешних стимулов, что может уменьшить тот огромный и зачастую противоречивый поток информации, от которого страдает чрезмерно стимулированный индивид. Следовательно, такие состояния похожи на различные формы «химического сна», но пока практически ничего не известно о том, какую пользу они могут приносить.

Если человеку не удастся избежать продолжительного переизбытка стимулов, он рискует заболеть умственно или физически. Вызванные стрессом заболевания или нервные расстройства, если повезет, могут сами по себе служить лекарством. Из-за своей беспомощности больной вынужден отключиться от всего, поступающего к нему извне, и его постель становится его убежищем.

Тот, кто знает свою подверженность переизбытку стимулов, часто вырабатывает предупреждающий сигнал: могут разболеться старые травмы, распухнуть миндалины, может занять больной зуб, появиться сыпь или возобновиться головная боль, могут появиться легкие судороги.

У многих людей есть такие слабые места, которые скорее старые друзья, чем враги, так как они предупреждают о перенапряжении и сигнализируют, что пора остановиться во избежание чего-то худшего. Если, как часто бывает, людей убеждают в необходимости излечиться от этих незначительных недомоганий, им не следует бояться того, что они лишатся заблаговременного предупреждения, – можно гарантировать, что вскоре место излеченного старого займет какой-нибудь новый подобный симптом. В медицине такое явление носит название «меняющийся синдром».

Причину страданий членов суперплемени от такого перегруженного состояния понять довольно просто. Как вид мы изначально были крайне активны и пытались узнать как можно больше из-за своих особых потребностей к выживанию – нашим охотящимся предкам досталась непростая роль. Сейчас же, несмотря на то что окружающая среда практически находится под контролем, мы все еще обременены нашей древней системой, заставляющей нас

быть крайне деятельными и не менее любопытными. И хотя мы уже достигли той стадии, когда, казалось бы, можно позволять себе почаще прилечь и подольше отдыхать, так нет же – мы не можем, вместо этого мы вынуждены вести борьбу за стимул! Поскольку эта борьба для нас дело новое, мы ведем ее еще не очень-то умело: то заходим слишком далеко, то делаем недостаточно, а это значит, что как только мы чувствуем переизбыток стимулов и активности или их недостаток, то сразу же пытаемся избавиться от любой из этих крайностей и заняться чем-то, что должно опять привести нас к золотой середине оптимальных стимулов и оптимальной активности. Наиболее удачливые оказываются в состоянии сохранять равновесие; остальных же заносит то в одну, то в другую сторону.

В определенной степени нас выручает то, что мы медленно приспосабливаемся. Мирно и спокойно живущий сельский житель привыкает к такому образу жизни. Если бы занятой горожанин внезапно попал в этот мир тишины и спокойствия, ему вскоре стало бы невыносимо скучно. Если бы сельский житель оказался в центре суматошной и хаотичной городской жизни, очень скоро она показалась бы ему полной стрессов. Если вы житель города, то вам хорошо бы провести выходные на природе (это действует как дестимулятор), а если вы живете в сельской местности, то для стимуляции совсем неплохо побыть денек в городе – это удовлетворяет принципу равновесия в борьбе за стимул. Но стоит задержаться в непривычной среде подольше – и баланс будет потерян.

Интересно то, что мы испытываем гораздо меньше сочувствия к человеку, которому не удалось приспособиться к низкой ступени деятельности, чем к тому, кто не смог привыкнуть к высокой. Скучающий и бездеятельный человек раздражает нас больше, чем беспокойный и обремененный заботами. Оба не смогли разумно повести борьбу за стимул, оба, скорее всего, станут раздражительными и озлобятся, но мы больше склонны простить того, кто перенапрягся. Причина заключается в том, что именно повышение уровня на, казалось бы, недостижимую высоту способствует, среди прочего, нашему культурному прогрессу. Именно те, кто вновь и вновь пытается познать то, что нас окружает, станут величайшими новаторами и изменят мир, в котором мы живем. Тем, кто в борьбе за стимул лучше сохраняет равновесие и добивается большего успеха, безусловно, тоже удастся что-то открыть, но, скорее всего, это будут новые вариации на старые темы, а не кардинально новые принципы. Впрочем, эти индивиды будут более счастливы и лучше приспособлены к жизни.

Может быть, вы помните, что в самом начале я упомянул, что ставки в игре необычайно высоки: мы ставим на кон свое счастье, а иногда и рассудок. Из этого следует, что чересчур любознательные новаторы должны быть относительно несчастны и даже иметь склонность к психическим заболеваниям. Принимая во внимание цель борьбы за стимул, мы можем предсказать, что, несмотря на их величайшие достижения, жизнь таких мужчин и женщин зачастую очень непроста и неспокойна. В подтверждение этого у истории есть масса примеров. Упрямство и беспокойное поведение таких людей требует от нас особого терпения. Мы интуитивно чувствуем, что это неизбежные последствия той неуравновешенности, с которой они ведут борьбу за стимул, но в следующей главе мы увидим, что далеко не всегда оказываемся столь понимающими.

7

Взрослый ребенок

Детские игры во многом похожи на борьбу взрослых за стимул. Родители ребенка берут на себя заботу о его выживании, и поэтому у него остается масса неизрасходованной энергии, сжиганию которой и способствуют игры. Но есть здесь и некоторые различия. Как мы уже знаем, у взрослых существуют различные способы ведения борьбы за стимул, один из которых заключается в изобретении новых моделей поведения. В игре этот элемент гораздо сильнее; для растущего ребенка практически любое производимое им действие есть не что иное, как новое изобретение. Наивность ребенка, недостаточное знание окружающей среды заставляют его включиться в бесконечный новаторский процесс. Для ребенка все новое, каждый этап игры несет какие-нибудь открытия: познание самого себя, своих способностей и возможностей, а также обретение новых сведений об окружающем мире. Вовсе не обязательно, что целью игры

станет развитие изобретательности, но все же это одна из основных ее черт и наиболее ценная награда за победу.

Исследования и изобретения детства обычно незначительны и мимолетны. Сами по себе они мало что значат, но если с течением времени удастся сохранить способность удивляться, любознательность, желание искать, находить и познавать, с тем чтобы вести более зрелую борьбу за стимул, оставляющую в тени менее стоящие альтернативы, тогда можно считать, что выиграна одна из важнейших битв – битва за творчество.

Многие ломают голову над секретом творчества, я же придерживаюсь той точки зрения, что в своей основе это не что иное, как распространение важных качеств ребенка на взрослую жизнь. Ребенок задает новые вопросы, взрослый отвечает на старые, *взрослый ребенок находит ответы на новые вопросы*. Ребенок изобретателен, взрослый продуктивен, *взрослый ребенок продуктивен в своей изобретательности*. Ребенок открывает для себя окружающий мир, взрослый его формирует; *взрослый ребенок формирует свои открытия, упорядочивает и подкрепляет их доказательствами – он творит*.

Этот феномен стоит изучить более подробно. Если молодого шимпанзе или ребенка поместить в комнату, где есть одна-единственная знакомая ему игрушка, он, поиграв какое-то время, потеряет к ней всякий интерес. Если ему дать, скажем, пять знакомых игрушек, он будет играть то здесь, то там, перемещаясь от одной игрушки к другой. К тому моменту, когда он вернется к первой, она опять покажется ему новой и на какое-то время достойной внимания. Если же ему предложить незнакомую, абсолютно новую игрушку, она сразу же поглотит все его внимание и вызовет сильное эмоциональное возбуждение.

Реакция на новую игрушку и есть первый основной элемент творчества, но это лишь одна стадия процесса. Сильное желание человека как представителя вида делать открытия заставляет нас исследовать новую игрушку и подвергать ее всем испытаниям, какие только приходят в голову. Как только мы заканчиваем наши исследования, незнакомая игрушка становится знакомой, и тут вступает в силу наша изобретательность, которая и помогает использовать эту игрушку (или то, что мы узнали благодаря ей) для постановки и решения новых проблем. Если путем сопоставления опыта, полученного от различных игрушек, мы смогли увидеть нечто большее, чем то, с чего начали, наш подход можно назвать творческим.

Если молодого шимпанзе поместить в комнату, где есть, ну, скажем, обычный стул, он прежде всего начнет исследовать этот предмет: дотрагиваться до него, бить по нему, кусать, обнюхивать и залезать на него. Через некоторое время все эти беспорядочные действия станут более структурированными. К примеру, он может начать прыгать через стул, используя его в качестве гимнастического снаряда: он «изобрел» гимнастического коня и «придумал» новое гимнастическое упражнение. Он и раньше умел перепрыгивать через различные предметы, но делал это несколько иначе. Сопоставив уже имеющийся опыт с тем, что он получил в результате исследования новой игрушки, шимпанзе придумывает новые, ритмичные прыжки. Если впоследствии ему дать нечто более сложное, он воспользуется ранее приобретенным опытом, привнеся в него некий новый элемент.

На первый взгляд процесс развития кажется очень простым, но он не всегда позволяет добиться того, чего от него ожидалось изначально. В детстве все мы проходим через эти стадии исследования, изобретения и созидания, но, став взрослым, каждый из нас достигает различного творческого уровня. В худшем случае, если требования окружающей среды слишком жестокие, мы ограничиваем круг своей деятельности лишь тем, что нам хорошо известно. Мы не рискуем проводить новые эксперименты, у нас просто нет на это ни сил, ни времени. Если окружающая среда кажется нам таящей чересчур много опасностей, мы предпочитаем уверенность разочарованиям: мы возвращаемся к тем безопасным, проверенным и знакомым занятиям, которым доверяем. Ситуация вокруг нас должна так или иначе измениться, прежде чем мы рискнем делать новые открытия. Исследование включает в себя элемент неопределенности, а неопределенность пугает. Только две вещи могут помочь нам преодолеть эти страхи – две противоположности: одна – катастрофа, а другая – повышенное чувство защищенности. К примеру, самка крысы с огромным потомством, которое ей необходимо вырастить, находится в крайне сложной ситуации. Для того чтобы прокормить, умыть и защитить своих детей, ей приходится не переставая работать, у нее практически не

остается времени на исследования. Если произойдет катастрофа (кто-нибудь разрушит нору, или случится наводнение), она будет вынуждена панически искать что-то новое. Если же, наоборот, ее дети благополучно растут и ей удалось запасти много еды, давление ослабевает и, чувствуя себя более защищенной, она может посвятить познанию окружающей среды больше времени и сил.

Из всего этого следует, что существуют два вида познания: паническое и защищенное. То же относится и к человеку: во время хаоса и потрясений войны человеческое общество для преодоления последствий катастрофы, скорее всего, будет вынуждено прибегнуть к изобретательности, и, наоборот, благополучное и процветающее общество может быть в высшей степени склонно к открытиям благодаря сильному и всевозрастающему чувству защищенности. Минимальную же потребность в открытиях будет испытывать только то общество, которому едва удастся сводить концы с концами, а может быть, оно и вовсе не будет ощущать такой потребности.

Вернувшись к истории нашего вида, несложно заметить, как эти два типа открытий способствовали прогрессу человечества. Когда наши древние предки оставили удобства, связанные со сбором фруктов и жизнью в лесу, и переселились на открытую местность, они столкнулись с серьезными трудностями. Сложные требования новой окружающей среды поставили их перед выбором – исследовать или умереть. Это давление слегка уменьшилось только тогда, когда они превратились в опытных сплоченных охотников, и опять они оказались на той стадии, когда еле-еле сводили концы с концами. В результате они находились в таком состоянии довольно долго – тысячи и тысячи лет; техническое развитие шло крайне медленно (например, на элементарное усовершенствование таких вещей, как домашняя утварь и оружие, потребовались сотни лет).

Ситуация улучшилась тогда, когда постепенно появилось примитивное сельское хозяйство, а окружающая среда стала более контролируемой. Там, где в этом удалось добиться большего успеха, строились города, и общество шагнуло в сферу новой, возросшей социальной защищенности. Вместе с этим пришло и стремление к другому виду познания – защищенному, а это, в свою очередь, привело к еще более поразительным результатам, большей защищенности и большему числу открытий.

К сожалению, дело на этом не кончилось. История восхождения человека к цивилизации могла бы быть более радужной, но, к несчастью, события слишком стремительно сменяли друг друга, маятник успехов и катастроф стал раскачиваться с безумной скоростью. Так как наши начинания абсолютно не соответствовали нашим возможностям, мы злоупотребляли великолепными социальными улучшениями и сложными разработками, как только появлялась возможность их использования. Неспособность разумно обращаться с суперстатусом и супервластью, навязанными нашим суперплеменным устройством общества, привела к новым, более неожиданным и более сложным катастрофам, чем когда-либо. Как только суперплемя подошло к фазе всеобщего процветания, когда защищенное познание стало работать в полную силу и развились прекрасные новые формы творчества, сразу что-то пошло не так. Завоеватели, тираны и агрессоры разрушили тонкие механизмы новых сложных социальных структур, и необходимость в паническом познании вновь вернулась. Для каждого конструктивного изобретения появлялся его деструктивный двойник, и этот маятник колебался то в одну, то в другую сторону на протяжении тысяч лет. Впрочем, это продолжается и по сей день: именно ужасы атомного оружия привели нас к победе над атомной энергией, и именно победа в биологических исследованиях может привести нас к ужасам войны с применением биологического оружия.

Между этими двумя крайностями все еще находятся миллионы людей, живущих непритязательной жизнью, занимающихся сельским хозяйством и, подобно нашим древним предкам, возделывающих землю. Кое-где еще есть и «первобытные» охотники: остановившись на стадии «сведения концов с концами», они, как правило, не отличаются особой тягой к открытиям. Подобно сохранившимся большим обезьянам – шимпанзе, гориллам и орангутанам, – они имеют потенциал для изобретений и исследований, но у них нет в этом никакой ощутимой потребности. В результате экспериментов с шимпанзе, находящимися в неволе, оказалось, что при определенных обстоятельствах они способны очень быстро

развивать свой исследовательский потенциал: они могут управлять различными механизмами, рисовать картины и решать всевозможные экспериментальные задачи; но, находясь в естественной среде, они не строят даже простейших укрытий от дождя. Для них, а также для сообществ людей, живущих более примитивной жизнью, существование лишь для «сведения концов с концами» – не слишком сложное и не слишком простое – притупляет желание делать открытия. Для остальных же из нас одна крайность перетекает в другую, и мы, ведомые то переизбытком паники, то переизбытком защищенности, не прекращаем своих исследований.

Время от времени среди нас находятся те, кто, с завистью посмотрев в прошлое, на «простую жизнь» первобытных сообществ, жалеет о том, что мы когда-то покинули наш доисторический лес. Иногда даже предпринимаются серьезные попытки для воплощения таких мыслей в действие. Симпатизируя этим проектам, мы должны понимать, что они сопряжены с массой трудностей. Прежде всего псевдопримитивные сообщества, которые в последнее время стали появляться в Северной Америке и в других странах, изначально слабы, так как образованы искусственным путем. Они состоят из индивидов, испробовавших как прелести, так и ужасы существования в суперплемени. В течение всей жизни они находились в условиях высокого уровня умственной деятельности и в определенном смысле потеряли свою социальную невинность (а потеря невинности, как известно, процесс необратимый).

На первый взгляд может показаться, что у неопримитивного человека все идет хорошо, но это обманчиво. На самом же деле уже изначально возврат к простому образу жизни бросает вызов бывшему обитателю людского зверинца. В теории его новая роль может быть очень проста, на практике же оказывается, что она сопряжена с множеством новых проблем. Создание псевдопримитивного сообщества группой бывших жителей города на самом деле есть не что иное, как серьезный исследовательский поступок. Именно это, а не формальный возврат к простоте делает подобный проект столь привлекательным. Но что же происходит, когда первоначальный вызов принят и трудности преодолены? Будь то сельская община, живущая в отдаленных районах, или группа, обитающая в пещерах, или же самоизолировавшаяся псевдопримитивная группа, находящаяся где-то в черте города, – ответ один и тот же: наступает разочарование, так как монотонность проникает в мозг, который уже привык к более высокому суперплеменному уровню, и, следовательно, группа либо распадается, либо начинает действовать. Если новая деятельность позволяет добиться успеха, сообщество вскоре обнаружит, что оно становится организованным, число его членов увеличивается, и в мгновение ока оно снова вернется к суперплеменной мышине возне.

В конце XX века довольно трудно оставаться естественным примитивным сообществом, подобным эскимосам. Псевдопримитивные сообщества мы в расчет не берем; даже стойкие европейские цыгане постепенно становятся жертвами беспрестанно разрастающегося людского зверинца.

Трагедия тех, кто хочет решить свои проблемы возвратом к простой жизни (даже если им как-то удастся «разгрузить» свой в высшей степени возбужденный мозг), заключается в том, что в своих маленьких мятежных сообществах такие индивиды по-прежнему останутся крайне уязвимыми: людской зверинец вряд ли оставит их в покое. Их либо будут использовать в качестве местной достопримечательности и показывать туристам, как поступают сегодня с настоящими примитивными сообществами, либо (если они станут раздражающим фактором) на них будут давить и добьются распада. От суперплеменного чудовища не спастись, и поэтому нам стоит попробовать извлечь из этого максимальную выгоду.

Если уж мы приговорены к сложному существованию в социуме (а это, кажется, так и есть), тогда вся хитрость состоит в том, чтобы мы могли использовать его и не позволять ему использовать нас. Если мы знаем, что вынуждены вести борьбу за стимул, очень важно выбрать наиболее эффективный подход, который принесет нам большую выгоду. Как я уже говорил ранее, лучше всего сделать это, отдав приоритет принципу изобретений и исследований, но не случайно (как это делают те, кто пытается убежать от социума и очень скоро оказывается в тупике), а намеренно, направляя свою изобретательность на самую суть нашего суперплеменного существования.

Учитывая, что каждый член суперплемени волен сам выбирать, как вести борьбу за стимул, остается спросить, почему бы ему почаще не выбирать какое-нибудь изобретательное

решение? Имея огромный неиспользованный исследовательский потенциал мозга и опыт изобретательности, полученный еще в детстве, теоретически он должен отдать предпочтение именно этому решению. В любом процветающем суперплеменном городе *все* жители должны быть потенциальными «изобретателями». Почему же тогда лишь очень немногие из них активно занимаются творчеством, в то время как остальные удовлетворяются тем, что наслаждаются заимствованными изобретениями, смотря их по телевизору, или же довольствуются тем, что играют в простые игры и занимаются теми видами спорта, где возможность проявить свою изобретательность сильно ограничена? Оказывается, у них есть все необходимое для того, чтобы стать взрослыми детьми. Суперплемя, подобно гигантскому родителю, защищает их и заботится о них, так почему же не все они проявляют большее и по-детски искреннее любопытство?

Отчасти ответ заключается в том, что дети зависят от взрослых. Животные-вожаки неизбежно пытаются контролировать поведение подчиненных, и как бы сильно взрослые ни любили своих детей, они все равно видят в них растущую угрозу своему превосходству. Они знают, что с наступлением старости придется уступить им дорогу, и делают все что могут, только бы оттянуть это. Таким образом, существует сильная тенденция к подавлению изобретательности у молодых членов общества. Признание ценности их «свежего взгляда» работает против них, да и сама борьба за это признание требует серьезных усилий. Когда новое поколение достигает момента, позволяющего ему в полной мере проявить свою изобретательность и способность быть «взрослыми детьми», оно уже обременено тяжким ощущением подчинения. Сопротивляясь этому изо всех сил, оно в свою очередь оказывается перед угрозой, которую представляет собой следующее молодое поколение, и тогда процесс подавления повторяется вновь. Только немногие индивиды, чье детство было совершенно необычным с этой точки зрения, смогут, будучи взрослыми, достичь высокого творческого уровня. Сколь же необычным должно быть такое детство? Оно либо должно проходить под таким сильным давлением, что взрослеющий ребенок восстает против традиций старших (многие из наших величайших творческих дарований были так называемыми трудными подростками), либо он не должен чувствовать на себе никакого давления, а испытывать лишь ощущение того, что тяжелая подчиняющая рука слегка касается его плеча. Если ребенка серьезно наказывать за изобретательность (которая в принципе мятежна уже по своей природе), он может провести всю оставшуюся жизнь, пытаясь наверстать потерянное время. Если же ребенка за изобретательность поощрять, он может никогда ее не потерять, независимо от давления, которое будут оказывать на него в последующие годы. Каждый из таких индивидов может внести большой вклад в развитие общества, но творчество второго, скорее всего, будет меньше страдать от навязчивых ограничений.

Разумеется, наказание и поощрение большинства детей за их изобретательность будет относительно пропорционально, и, войдя во взрослую жизнь, эти дети будут обладать как умеренными творческими способностями, так и умеренной способностью подчиняться: они станут «взрослыми взрослыми». Они будут скорее склонны читать газеты, чем попадать на их страницы. Их отношение к «взрослым детям» будет двойственным: с одной стороны, они будут аплодировать им за то, что те дают столь необходимые им новшества, но, с другой стороны, они будут им завидовать. Творческий человек, таким образом, окажется не только в замешательстве (так как общество будет то восхвалять, то проклинать его), но и будет испытывать постоянные сомнения по поводу своего признания обществом.

Современная система образования сделала значительные шаги в сторону поощрения изобретательности, но ей придется пройти еще очень долгий путь, прежде чем она сможет полностью избавиться от желания подавить творческий дух. Академики старшего возраста неизбежно будут видеть в молодых способных студентах некую угрозу, и, для того чтобы преодолеть это, учителям потребуется огромное самообладание. Система разработана с тем, чтобы упростить эту задачу, но природа лидера всё усложняет. Принимая во внимание обстоятельства, можно только поражаться тому, что учителям вообще удастся себя контролировать. Впрочем, между тем, что происходит в школах, и тем, что происходит в университетах, есть некоторая разница. В большинстве школ учителя неприкрыто демонстрируют свое превосходство над учениками, как социальное, так и интеллектуальное.

Учитель использует свой более обширный опыт для подавления более развитой изобретательности учеников. Возможно, его мозг стал более заостренным, чем их, но он скрывает этот недостаток, оперируя огромным количеством «неопровержимых» фактов. Дискуссии здесь недопустимы, остаются только указания. (Эта ситуация улучшается, и, безусловно, есть свои исключения, но в общем и целом такая тенденция все еще существует.)

В университете все меняется: здесь имеется гораздо больше фактов, которые следует донести до слушателей, но они уже не столь «неопровержимы». Теперь ожидается, что студент поставит их под сомнение, попытается в них разобраться и в конце концов у него появятся собственные новые идеи. Но на обеих стадиях (будь то школа или университет) есть еще что-то, не лежащее на поверхности, практически не имеющее ничего общего с поощрением интеллектуального развития, но зато очень сильно связанное с обучением суперплеменной идентичности. Чтобы лучше в этом разобраться, следует взглянуть на то, что происходит в более простых племенных сообществах.

Во многих культурах дети, достигшие половой зрелости, должны пройти через впечатляющие обряды инициации. Их забирают у родителей и собирают в группы. Затем они должны пройти суровые испытания, зачастую состоящие из истязаний и нанесения увечий. Это могут быть операции на половых органах или же нанесение ран, ожогов, ударов хлыстом, муравьиные укусы, но в то же время их посвящают в тайны племени. Когда ритуалы завершаются, они становятся взрослыми членами общества.

Прежде чем мы остановимся на связи этих ритуалов с ритуалами современного образования, важно понять смысл этих двух видов деятельности, одинаково наносящих ущерб. Во-первых, они изолируют взрослеющего ребенка от его родителей. Раньше, когда с ним что-то случалось, он всегда мог прибежать к ним и найти поддержку. Теперь впервые ребенок должен терпеть боль и страх в ситуации, когда он не может позвать на помощь родителей. (Обряды инициации обычно совершаются старейшинами в строгой секретности, остальные члены племени к ним не допускаются.) Это способствует подавлению у ребенка ощущения зависимости от родителей и переключает его преданность домашнему очагу на преданность всему племенному сообществу в целом. Усиливает этот процесс и тот факт, что одновременно ему раскрывают секреты племени, создавая тем самым основу новой личности, принадлежащей племени. Во-вторых, сила эмоциональных переживаний, сопровождающая посвящение, способствует тому, что учение племени навсегда врезается ребенку в память. Подобно тому как мы не можем забыть детали какого-нибудь травматического случая (например, падения с мотоцикла), так и посвященный в тайну новичок запомнит на всю жизнь секреты, которые открылись ему в тот страшный момент. Инициация в определенном смысле и положила начало обучению с нанесением увечий. В-третьих, молодому взрослому становится совершенно ясно, что, несмотря на его вступление в ряды старших, он все же исполняет роль подчиненного, а ощущение власти старейшин, которую он почувствовал на себе во время посвящения, надолго врежется в его память.

Современные школы и университеты, может, и не мучают своих студентов муравьиными укусами, но нынешняя система образования имеет поразительное сходство с древними племенными обрядами инициации. Для начала детей забирают у родителей и передают в руки «суперплеменных старейшин», которые посвящают их в «тайны» суперплемени. Во многих странах молодых людей заставляют носить униформу, для того чтобы обособить их от остальных и усилить преданность. Их также могут поощрять на участие в некоторых ритуалах, таких, например, как пение школьных или университетских гимнов. Суровые испытания племенного обряда инициации больше не оставляют шрамов на теле (шрамы немецких дуэлянтов так и не вошли в моду), но физические испытания, наносящие менее серьезные увечья, до недавнего времени сохранялись практически повсеместно (по крайней мере, в школах) в виде вдальблывания знаний ремнем. Подобно ритуальным увечьям, наносимым половым органам, эта форма наказания всегда имела некий сексуальный оттенок и не может быть отделена от феномена секса ради статуса.

Если жестокие испытания не исходят от учителя, ученики старших классов зачастую берут на себя роль «старейшин племени» и подвергают новичков различным истязаниям собственного изобретения. В одной из школ, например, новички проходят «травяное

посвящение»: им под одежду запихивают охапки травы. В другой школе они проходят «каменное посвящение»: их кладут на огромный камень и как следует отшлепывают. Еще в одной из школ новичков заставляют бежать по длинному коридору, по обеим сторонам которого стоят старшие ученики и толкают их, а в другой они проходят «земное посвящение»: их держат за руки и за ноги и бьют о землю столько раз, сколько им лет. В качестве альтернативы в тот день, когда новый ученик впервые надевает школьную форму, каждый ученик старших классов может ущипнуть его столько раз, сколько на нем новых предметов одежды. В редких случаях эти испытания разрабатываются гораздо тщательнее и могут в полной мере походить на племенной обряд инициации. И даже сегодня такие действия иногда приводят к смертельному исходу.

В отличие от примитивного племени здесь ничто не может помешать мальчику, подвергающемуся истязаниям, пожаловаться родителям, но этого практически никогда не происходит, так как тем самым мальчик может себя опозорить. Многие родители даже не знают о том, что их дети проходят через тяжкие испытания: практика древних по отчуждению ребенка от домашнего очага творит свои непостижимые чудеса.

Несмотря на то что эти неофициальные обряды инициации продолжают кое-где существовать, официальное наказание розгами, применяемое учителями, благодаря давлению общественного мнения и изменившейся позиции некоторых учителей недавно было отменено. Но если официальное испытание в виде физического насилия постепенно исчезает, то всегда остается альтернатива – моральное испытание. В настоящее время практически повсюду в современной системе образования существует одна могущественная и впечатляющая форма суперплеменной церемонии посвящения, известная как экзамены. Они проводятся в строгой и серьезной ритуальной атмосфере, когда ученики отрезаны от любой помощи извне. Никто не может помочь им, как в ритуалах племени; они должны самостоятельно перенести все страдания. Они могут пользоваться справочниками или же обсуждать сложную проблему в любой момент, но только не во время закрытых ритуалов ужасных экзаменов.

Условия испытания ожесточаются еще и ограничением во времени и тем, что экзамены по различным предметам проводятся практически одновременно и в очень сжатые сроки – от нескольких дней до нескольких недель. Глобальной целью этих мер является создание немалых моральных мучений, что снова возвращает нас к атмосфере примитивных племенных обрядов инициации.

Когда университетские выпускные экзамены позади, к студентам, успешно прошедшим испытания, начинают относиться как к особым членам взрослой группы суперплемени. Они надевают мантии, специально разработанные для таких случаев, и принимают участие в следующем ритуале, носящем название «церемония присвоения ученой степени», которая проходит в присутствии старейшин-академиков, одетых в еще более впечатляющие мантии.

Университетская фаза студента обычно длится не один год, что можно считать довольно долгим сроком для обряда инициации. Для некоторых этот срок становится непереносимо долгим. Изоляция от родительской поддержки и успокаивающей домашней обстановки, а также пугающие требования экзаменационных испытаний зачастую оказываются для молодого человека серьезным стрессовым фактором. В британских университетах почти двадцать процентов учащихся в какой-то момент своего образования прибегают к помощи психоаналитика. Для некоторых ситуация становится невыносимой, и тогда совершаются самоубийства, уровень которых в университетах необычайно высок – в три, а иногда и в шесть раз выше среднего у этой же возрастной группы. В университетах Оксфорда и Кембриджа уровень самоубийств выше в семь-десять раз.

Совершенно очевидно, что все испытания, упомянутые мною выше, не имеют ничего общего с поощрением и увеличением детской игривости, изобретательности и творчества. Подобно обрядам инициации примитивных племен, они направлены скорее на воспитание суперплеменной личности и в таком случае играют важную связующую роль, но в то же время их нельзя соотносить с творческим развитием этой самой личности.

Одним из оправданий ритуальных испытаний в системе современного образования может служить то, что они гарантируют усвоение студентами огромного количества фактов. Действительно взрослому человеку (для проявления своей изобретательности) сегодня

необходимо владеть детальными знаниями и обладать навыками специалиста, а экзаменационные церемонии исключают мошенничество. Кроме того, можно утверждать, что студентов следует намеренно ставить в стрессовые ситуации для проверки выносливости. Проблемы взрослой жизни связаны со стрессом, и если студент ломается под натиском испытаний в системе образования, можно предположить, что он не вынесет и трудностей, с которыми столкнется после окончания университета. Эти доказательства кажутся достаточно убедительными, но от ощущения разрушения творческого потенциала под тяжелой пятой ритуалов системы образования все же никуда не деться.

Нельзя отрицать, что современная система образования значительно продвинулась вперед, также верно и то, что те, кто пережил ее тяготы, получил огромную пищу для дальнейших исследований. В настоящее время в суперплеменах гораздо больше «взрослых детей», чем когда-либо, и все же во многих сферах еще сохраняется тяжелая атмосфера эмоционального сопротивления радикально новым, творческим идеям. Господствующие личности поощряют незначительную изобретательность, проявляющуюся в форме новых вариаций на старые темы, но оказывают сопротивление той изобретательности, благодаря которой могут быть раскрыты абсолютно новые темы.

В качестве примера: просто поразительно, как мы снова и снова пытаемся усовершенствовать что-то примитивное, например двигатель современных автомобилей. Вероятно, к началу следующего века его будут считать таким же устаревшим, как лошадь или телегу. Мнение о том, что это всего лишь вероятность, а не абсолют, обязано своим существованием тому, что в настоящий момент все лучшие умы в этой области, вместо того чтобы искать нечто абсолютно новое, полностью поглощены проблемой менее значительных изобретений: как добиться хотя бы малейших улучшений в работе уже существующих механизмов?

Тенденция к недалекости, наблюдающаяся в поведении взрослого исследователя, свидетельствует о незащищенности мирно живущего общества. Возможно, по мере нашего продвижения по атомному веку мы достигнем таких вершин суперплеменной защищенности или же коснемся таких глубин суперплеменной паники, что у нас появится большая тяга к исследованиям, дух творчества проснется в нас с новой силой и мы станем более изобретательны.

Эта борьба, впрочем, будет нелегкой, и недавние события в университетах всего мира лишь подтверждают это. Усовершенствованные системы образования уже показали свою эффективность настолько, что многие студенты, прежде чем согласиться, ставят под сомнение все, что говорят им взрослые. Общество оказалось не готово к такому повороту событий, было застигнуто врасплох. В результате оно приходит в ярость, когда группы студентов начинают выражать бурный протест. Занимающиеся образованием органы власти охватывает ужас: какая неблагодарность, что же не так?

Если быть до конца честным, ответ на этот вопрос найти не так уж сложно: он заключен в официальных доктринах этих же самых органов власти. Как только они встают перед угрозой переворота, им следует задуматься о том, что они сами и были его причиной, они буквально требовали его. «Думайте самостоятельно, – говорили они, – будьте находчивы, будьте активны и изобретательны, – и тут же противоречили самим себе, добавляя: – Но делайте все это, соблюдая *наши* условия, так, как *мы* говорим вам, и помимо всего прочего следуйте *нашим* традициям».

Даже для дряхлеющей власти должно быть очевидно, что чем больше будут следовать первому, тем больше будут игнорировать второе. К сожалению, человек обладает удивительной способностью не замечать очевидных вещей, если они не являются хоть сколько-нибудь привлекательными, а именно эта способность и является причиной многих трудностей, имеющих в настоящий момент.

Требуя повышенной находчивости и изобретательности, власти не учли силу реакции, и она быстро вышла из-под контроля. Кажется, они не понимали, что поощряют то, что и так имеет сильную биологическую поддержку. Они ошибочно считали находчивость и чувство творческой ответственности качествами, чуждыми мозгу молодого человека, тогда как на самом деле они были в нем скрыты все время и только ждали момента, когда смогут проявить

себя в полной мере.

Как я уже отмечал, старые системы образования сделали все возможное, чтобы подавить эти качества, требуя жесткого повиновения правилам, установленным взрослыми. Они стремились к тому, чтобы ученики, подобно попугаям, повторяли вдалбливаемые им догмы. Изобретательности приходилось постоянно вести борьбу за выживание, и поэтому проявлялась она только у некоторых (исключительных) индивидов. Когда ей все-таки удалось вырваться на поверхность, ее ценность для общества была неоспоримой и это в конце концов привело к тому, что сейчас она активно поощряется современной образовательной системой. Подойдя к этому вопросу рационально, власти поняли, что изобретательность и творчество приносят огромную пользу социальному прогрессу. В то же время глубоко укоренившееся желание этих суперплеменных органов удерживать социальный порядок в тисках своей власти все еще существовало, заставляя сопротивляться той тенденции, в поддержку которой они сами же и выступали. Они еще более рьяно отстаивали свои взгляды, придавая обществу форму, гарантирующую сопротивление тем новым волнам изобретательности, которым сами же и дали волю, – конфликт был неизбежен.

Первоначально власти относились к возрастающему экспериментированию терпимо, как к некой забаве. Они сохраняли дистанцию, внимательно следя за все более смелыми нападками молодого поколения на общепринятые традиции в искусстве, литературе, музыке, развлечениях, а также на социальные устои, но, когда эта тенденция стала распространяться на более опасные сферы (такие как политика и международные отношения), их терпению пришел конец.

Как только отдельные эксцентричные головы превратились в огромную недовольную толпу, власти поспешно прибегли к своему наиболее примитивному способу реагирования – атаке. Вместо привычного терпеливого поглаживания по голове молодой интеллектual ощутил удар полицейской дубинки. Живые умы, которые общество так заботливо воспитывало, вскоре начали страдать, но не от переутомления, а от силового воздействия.

Мораль для властей очевидна: не давай свободы творчеству, если не ожидаешь, что люди ею воспользуются. Молодой человек – не глупое, ленивое создание, которое нужно подталкивать к творчеству; по сути своей это творческая личность, которая в прошлом лишь казалась ленивой из-за оказываемого на нее давления сверху. В ответ власти говорят, что инакомыслящие студенты склонны не к позитивным новшествам, а к негативным разрушениям. Однако здесь стоит заметить, что эти два процесса имеют много общего и что одно перерастает в другое только тогда, когда все остальные пути закрыты.

Секрет заключается в создании такой социальной среды, которая прежде всего была бы способна впитать всю поощряемую изобретательность и новизну. Так как суперплемена постоянно увеличиваются в размерах, а в людском зверинце становится все меньше места и все больше обитателей, требуется тщательное планирование и богатое воображение, и помимо всего прочего со стороны политиков, руководителей и градостроителей требуется более глобальное понимание сути биологических потребностей людей, чем то, которое было в недавнем прошлом.

Чем пристальнее мы смотрим на сложившуюся ситуацию, тем лучше понимаем, насколько она тревожна. Исполненные благих намерений реформаторы и организаторы не покладая рук работают над тем, что, на их взгляд, является улучшенными жилищными условиями, и при этом ни на секунду не сомневаются в правильности своих действий. Кто станет отрицать необходимость постройки большего числа домов, квартир, больниц, школ или обеспечения большим количеством пищи? А с тем, что все эти новые удобства в той или иной степени похожи друг на друга, ничего не поделаешь: человеческое население растет очень быстро, и, чтобы эти удобства улучшить, просто не хватает ни времени, ни места. Загвоздка в том, что, пока новые школы переполняются учениками, полными решимости проявить свою изобретательность и все *изменить*, наступает необходимость в других новых усовершенствованиях. При этом что-то абсолютно новое становится практически невозможным. Из-за всевозрастающей и однообразной монотонности эти усовершенствования неизбежно приводят к всеобщему стремлению прибегнуть к более тривиальным способам борьбы за стимул. Если мы не будем достаточно осторожны, людской зверинец вскоре станет

напоминать зверинец Викторианской эпохи, с крошечными клетками, переполненными мечущимися по ним пленниками.

Некоторые фантасты придерживаются в этом отношении довольно пессимистических взглядов. Описывая будущее, они изображают жизнь, где люди становятся все более и более единообразными, где все усовершенствования практически остановились на мертвой точке. Все носят одинаковую серую одежду, повсюду царит автоматизация. Если новые изобретения все же появляются, они служат лишь для того, чтобы еще сильнее зажать тиски вокруг человеческого мозга.

Можно возразить, что такая картина говорит лишь о недостатке воображения писателей, но на самом деле это не совсем так. До определенной степени они просто преувеличивают тенденцию, которая наблюдается в современных условиях. Это реакция писателей на непрекращающийся рост того, что называется «тюрьмой проектировщика». Проблема такова, что, по мере того как новые разработки в медицине, гигиене, жилищном строительстве и производстве пищевых продуктов дают возможность эффективно впихнуть все больше и больше людей в заданное пространство, творческие элементы в обществе все больше и больше отклоняются от своей цели: от решения проблемы качества – к проблеме количества. Пальма первенства отдается тем изобретениям, которые допускают дальнейший рост повторяющейся посредственности; стимулирующей гетерогенности предпочитают рациональную гомогенность.

Как сказал один из мятежных проектировщиков, прямая дорожка между двумя зданиями может быть наиболее эффективным (и самым дешевым) решением, но это вовсе не означает, что это – *самая лучшая* дорожка с точки зрения удовлетворения потребностей человека. Человеку необходима некая область пространства для жизни, которая обладает уникальными чертами, неожиданностями, причудливыми вещами, достопримечательностями и отличительными особенностями в архитектуре. Без всего этого пространство не имеет никакого значения. Абсолютно симметричные, правильной формы модели хороши для сооружения крыш или для блоков массового производства, предназначенных для постройки домов, но использование подобных моделей в ландшафте полностью противоречит человеческой природе. Почему так приятно бродить по извилистой загородной дорожке? Почему дети предпочитают играть на мусорных свалках или в заброшенных зданиях, а не на безукоризненно чистых, с выдержанными геометрическими пропорциями детских площадках?

Существующая в настоящее время тенденция к простоте дизайна может легко выйти из-под контроля и использоваться как оправдание недостатка воображения. Постройки, представляющие минимальную эстетическую ценность, вызывают положительные эмоции только в контрасте с другими, более сложными строениями. Когда же они начинают доминировать, результат может быть крайне опасным. Современная архитектура, создаваемая проектировщиками людского зверинца, уже в течение некоторого времени придерживается именно этого курса. Реакцией на жилищные потребности быстро растущего суперплеменного населения стало появление во многих городах огромных высотных домов, состоящих из одинаковых, унифицированных блочных квартир. Оправданием этому может служить снос старых трущоб, но в результате получается, что, как правило, на их месте воздвигается то, что в ближайшем будущем превратится в супертрущобы. В определенном смысле это даже хуже, чем ничего, так как, создавая обманчивое впечатление прогресса, эти строения дают некое чувство удовлетворения и тем самым не оставляют ни малейшего шанса на реальное улучшение.

Наиболее прогрессивные зоопарки избавляются от старых клеток для обезьян: директора, увидев происходящее с их обитателями, поняли, что отделка стен плиткой и улучшение дренажной системы не спасут ситуацию. Власти людских зверинцев, вставшие перед проблемой растущего как грибы населения, не были столь дальновидны. Последствия их экспериментов со сверхплотной унификацией теперь разбираются в судах по делам несовершеннолетних и в кабинетах психиатров. В некоторых жилых массивах будущим жителям верхних этажей перед заселением настоятельно рекомендуют пройти осмотр у психиатра, чтобы тот сделал заключение об их способности выдержать напряжение, связанное с новым образом жизни.

Этот факт уже сам по себе должен быть достаточным предупреждением для архитекторов, открывая перед ними всю чудовищность их недальновидности, но пока они, по всей

вероятности, не придают этим предупреждающим сигналам ни малейшего значения. Сталкиваясь с недостатками своих деяний, они говорят, что у них не было выбора: людей становится все больше и больше, и всех необходимо обеспечить жильем. Но какую-то альтернативу все же нужно найти, вся природа городских комплексов требует пересмотра. Изнуренным жителям людского зверинца следует вернуть чувство социальной индивидуальности деревенского сообщества. Факт, которым, кажется, умышленно пренебрегают проектировщики, заключается в том, что настоящая деревня при взгляде сверху выглядит органично, а не как некая геометрическая фигура, созданная при помощи точных расчетов. Им не удалось учесть основополагающие потребности территориального поведения человека: дома и улицы существуют не для того, чтобы на них смотреть как на что-то детально спроектированное, а для того, чтобы по ним передвигаться. Архитектурная среда ежесекундно, ежеминутно должна оказывать свое влияние, по мере того как мы движемся своими территориальными путями, а модель – плавно изменяться с каждым новым углом зрения. Когда мы поворачиваем за угол или открываем дверь, последнее, чего хочет наше навигационное чувство, – это столкнуться с конфигурацией пространства, которая лишь дублирует только что покинутую нами обстановку. А зачастую именно так и происходит, потому что вместо того, чтобы попытаться представить себя в виде маленького движущегося объекта, путешествующего *внутри*, архитектор-проектировщик лишь сверху взглянул на свою чертежную доску, подобно пилоту бомбардировщика, бросившему беглый взгляд на цель.

Эти проблемы монотонности и унификации, безусловно, затрагивают практически все аспекты современной жизни. По мере того как среда людского зверинца становится все более сложной, ежедневно растут и опасности, связанные с большим социальным единообразием. Пока организаторы борются за то, чтобы заключить человеческое поведение во все более и более жесткие рамки, некоторые другие тенденции развиваются в обратном направлении.

Как мы уже видели, постоянно улучшающаяся система образования молодых людей и растущий достаток старшего поколения приводят к потребности во все большем и большем количестве стимулов, приключений, волнений и экспериментов. Если современному миру не удастся дать свободу этим тенденциям, завтрашние члены суперплемени будут изо всех сил стараться изменить мир.

У них будет и навык, и время, и энергия для того, чтобы это сделать, и так или иначе им это удастся. Если они почувствуют себя заключенными в тюрьму архитектора, они поднимут бунт. Если среда будет препятствовать творческим новациям, они разрушат ее для того, чтобы построить заново. Это одна из наиболее серьезных дилемм, с которыми сталкивается наше общество, и в будущем эту труднейшую задачу нам предстоит решать.

К сожалению, мы склонны забывать, что, несмотря ни на что, все же являемся животными, обладающими и слабыми и сильными качествами. Мы думаем о себе как о чистом листе, на котором можно написать все что угодно, но это не так. Мы приходим в этот мир с набором основных инструкций, но на свой страх и риск игнорируем их или просто не соблюдаем.

Политики, руководители и другие лидеры суперплемени могут быть гениями социальных наук, но этого недостаточно.

В мире, который в будущем, вероятнее всего, будет еще перенаселеннее, они должны стать еще и хорошими биологами, так как среди всех этих контролируемых ими проводов, кабелей, пластика, бетона, кирпича, металла и стекла есть животное – человек, примитивный племенной охотник, притворяющийся цивилизованным, суперплеменной житель, который отчаянно пытается сопоставить свои врожденные качества с необычной и новой ситуацией.

Если ему дать шанс, он, вероятно, сможет превратить людской зверинец в великолепный парк для человеческих игр. Если этого шанса не дать, людской зверинец может превратиться в гигантский сумасшедший дом.

Нам, сегодняшним членам суперплемени, было бы интересно посмотреть, что же произойдет, а вот у наших детей это вряд ли будет вызывать столь сильный интерес. К тому моменту, когда им придется нести ответственность за сложившуюся ситуацию, перед человеческим родом, вне всяких сомнений, будут стоять такие сложные проблемы, что решение их, скорее всего, будет уже вопросом жизни и смерти.

ОСНОВНОЙ ИНСТИНКТ

Предисловие

После выхода в свет «Голой обезьяны» – исследования человеческого существа с точки зрения зоолога – и ее продолжения, книги «Людской зверинец», где изучаются реакции человека, загнанного в урбанизированную среду, я решил осуществить амбициозный проект, а именно составить словарь человеческого поведения. В нашем распоряжении имеются сотни всевозможных словарей, но посвященного различным аспектам этого феномена нет, что кажется мне весьма странным упущением. Работа над этим монументальным трудом продвигалась медленно, но верно до тех пор, пока меня не навестил озабоченный издатель. Он поинтересовался, как далеко я продвинулся в своем исследовании. Я ответил, что уже дошел до глаз. После небольшой паузы он спросил, в каком направлении я двигаюсь – вниз или вверх. «Вниз», – ответил я.

Это прозвучало как сигнал тревоги. При таких темпах работа над проектом продлилась бы лет тридцать. Издатель предложил публиковать новый материал частями, в как можно более доступной форме. Я согласился обдумать его предложение, и в результате в 1971 году свет увидела книга «Основной инстинкт». В ней я сосредоточил внимание на изменениях, которые в последнее время претерпели близкие отношения между людьми. Как сумела выжить любовь в «человеческом зверинце»?

Эта книга была опубликована в конце бурной эпохи сексуальной революции. В 60-е годы XX века на рынке появились противозачаточные таблетки, что позволило женщинам намного более свободно проявлять свои сексуальные чувства. Существовавшие до сих пор ограничения были сметены, и это неизбежно привело к тому, что в фокусе общественного внимания оказался секс, оттеснивший любовь на задний план. Однако в конце десятилетия вновь стала доминировать глубоко укоренившаяся в человеческой природе потребность в нежных, любовных отношениях. Настоящая книга была написана в атмосфере этих важных перемен, но она остается актуальной и сегодня.

На протяжении всей своей истории человеческие существа стремились к близости друг с другом – это было средством защиты от превратностей повседневной жизни. В настоящей книге изучаются способы достижения такой близости. За четверть века, прошедшую после первой публикации «Основного инстинкта», городское бытие не стало легче. Миллионы людей продолжают испытывать те же проблемы, что и прежде. При этом я уверен, что в решающие моменты нежное объятие может принести куда большую пользу, чем тысячи серьезных слов. Несмотря на достигнутый нами прогресс в социальной и технологической сферах, первобытный язык тела остается наиболее эффективным средством утешения и проявления заботы.

*Десмонд Моррис
Оксфорд, Англия. Ноябрь 1996 года*

Введение

Я признателен своим коллегам-ученым и своим близким, которые многому меня научили. Особо хочу поблагодарить свою жену Рамону, своего издателя Тома Машлера и свою помощницу Тришу Пайк. Без их помощи эта книга никогда не увидела бы свет.

Одно из значений понятия «интимность» означает «близость», и я хочу в самом начале подчеркнуть, что употребляю этот термин именно в этом смысле. Другими словами, в моем понимании интимные отношения возникают тогда, когда у людей происходит телесный контакт друг с другом. В моей книге рассматривается природа подобного контакта, будь то

половой акт, рукопожатие, похлопывание по плечу, пощечина, маникюр или хирургическая операция. Когда два человека касаются друг друга, происходит нечто особенное, и именно это является предметом моего внимания.

Я действовал как зоолог, сведущий в области этологии, и анализировал поведение людей – то, что они делают в действительности, а не декларируют.

Этот метод нельзя назвать сложным, но задача, для выполнения которой он использован, не так легка, как может показаться на первый взгляд. Виной тому стереотипы восприятия. Взрослому человеку чрезвычайно трудно рассматривать тот или иной образец поведения так, как если бы он наблюдал его впервые в жизни, но именно этого должен добиваться исследователь, дабы сформировать новое понимание данного феномена. Чем более знакомо и обычно поведение, тем, разумеется, сложнее задача. И чем поведение интимнее, тем более эмоционально насыщенным оно является – не только для наблюдаемого, но и для наблюдателя.

Вероятно, именно в сфере обычных интимных человеческих отношений поэтому до сих было проведено так мало исследований, несмотря на то что они безусловно важны и проявляемый к ним интерес велик. Гораздо легче изучать что-нибудь очень далекое от этой сферы, например то, как с помощью запаха метит территорию гигантская панда или припрятывает запасы пищи зеленый акучи, нежели исследовать с научной и объективной точки зрения такие «хорошо известные» явления, как дружеские объятия, материнский поцелуй или ласки любовников. Впрочем, в социальной среде, многолюдной и безличной, все большее значение приобретает переоценка близких личных отношений, и как бы однажды нам не пришлось задаться вопросом: куда же делась любовь? Биологи очень осторожно употребляют слово «любовь», словно оно означает всего лишь нечто вроде обусловленного культурными тенденциями романтизма. Но любовь – это биологический факт. Связанные с ней субъективные восторги и муки могут быть глубоки, исполнены тайны и с трудом поддаются научному анализу, но ее внешние проявления – любовное поведение – легко отслеживаются, и нет никаких причин для того, чтобы не изучать их точно так же, как другие типы человеческого поведения.

Иногда можно услышать, что любовь – это иллюзия, что совершенно несправедливо. В определенном смысле подобное мнение для нее оскорбительно. В процессе формирования прочных связей между индивидами нет ничего иллюзорного. В мире людей, как и в мире животных, такие связи объединяют родителей с детьми, любовников и близких друзей.

Наши интимные контакты включают вербальные, визуальные и даже обонятельные элементы, но главными их составляющими являются тактильные. Мы часто рассуждаем о том, как мы говорим, и пытаемся увидеть, как мы видим, но почему-то редко касаемся темы осязания. Возможно, осязание имеет настолько базовый характер – не случайно оно и называется «мать чувств», что мы воспринимаем его как нечто само собой разумеющееся. К сожалению, люди все реже прикасаются друг к другу, и это способствует все большей эмоциональной отчужденности. Складывается впечатление, будто городской житель сам себя заковал в эмоциональную броню и холоден даже с самыми близкими ему людьми.

Пришло время разобраться в сложившейся ситуации. В процессе этого разбирательства я постараюсь держать свое мнение при себе и описывать человеческое поведение объективно – как зоолог. Факты – я в этом уверен – скажут сами за себя, и сделают это достаточно громко для того, чтобы читатель смог сам во всем разобраться.

1

Истоки

Будучи взрослым человеком, вы можете использовать при общении со мной множество разных способов. Я могу читать то, что вы пишете, внимать тому, что говорите, слышать ваш смех или крик, отслеживать выражение вашего лица, наблюдать за выполняемыми вами действиями, обонять ваши запахи и ощущать ваши объятия. Обычно мы называем подобного рода взаимодействия установлением контакта или поддержанием связи, и только последнее из этого списка предусматривает телесный контакт. Все остальные осуществляются на расстоянии. Употребление слов «контакт» и «связь» для обозначения таких действий, как

изложение в письменной форме, вокализация и визуальная сигнализация, с объективной точки зрения представляется довольно странным и в то же время весьма показательным. Мы словно принимаем как должное то, что телесный контакт является базовой формой общения.

Существуют и другие примеры. Так, мы часто используем выражения «захватывающее впечатление», «трогательная сцена», «задетое самолюбие» и говорим об искусном ораторе, что он «держит аудиторию». Ни в одном из этих случаев реального физического захвата, прикосновения, задевания или удержания нет, но это, судя по всему, ничего не значит. Использование метафор, связанных с физическими контактами, – удобный способ выражения различных эмоций, возникающих в разных ситуациях.

Объясняется это достаточно просто. В раннем детстве, когда мы еще не умели ни говорить, ни писать, телесный контакт являлся главным средством общения. Непосредственное физическое взаимодействие с матерью имело огромное значение, и это оставило свой след в подсознании. Еще раньше, внутриутробно, когда мы не могли ни видеть, ни обонять, не говоря уже о других умениях, осязание было для нас еще более важным. Чтобы понять суть многих любопытных и зачастую строго запретных способов, с помощью которых взрослые люди осуществляют физические контакты между собой, необходимо вернуться к самому началу, то есть к эмбриональному состоянию. Именно внутриутробные интимные контакты, практически не рассматриваемые нами, помогут понять суть интимных контактов младенчества, которые мы склонны игнорировать, поскольку воспринимаем их, по большому счету, как само собой разумеющееся. И именно интимные контакты младенчества, рассмотренные заново и увиденные в новом свете, помогут объяснить суть интимных контактов взрослой жизни, так часто приводящих нас в замешательство, ставящих в тупик и даже вызывающих смущение.

Самое первое впечатление, получаемое нами как живыми существами, это, должно быть, чувство интимного комфорта в матке. Следовательно, осязаемый вклад в развитие нервной системы на этой стадии вносят различные ощущения прикосновения, давления и движения. Поверхность кожи плода омывается амниотической жидкостью. По мере роста увеличивающееся в размерах тело будущего ребенка все сильнее давит на ткани тела матери, и их внутриутробное объятие постепенно становится все более тесным. Кроме того, на протяжении всей беременности растущий плод подвергается воздействию в результате ритмичного дыхания матери и легкого покачивания ее тела при ходьбе.

За три месяца до родов будущий ребенок обретает способность слышать. В темноте утробы ему пока еще нечего видеть, пробовать на вкус и обонять, но наружные звуки уже отчетливо слышны. Если вблизи живота матери раздается громкий, резкий шум, ребенок вздрагивает. Это движение легко определяется с помощью чувствительных приборов и может быть настолько энергичным, что его чувствует сама беременная. Таким образом, на данной стадии плод, вне всякого сомнения, способен слышать сердцебиение матери – 72 удара в минуту. Это запечатлется в его памяти как главный звуковой сигнал жизни в утробе.

Стало быть, наши первые реальные жизненные впечатления – пребывание в теплой жидкости, комфортная поза «калачиком» в материнской утробе, покачивание вслед за движениями тела матери и ее сердцебиение. Длительное восприятие этих ощущений в отсутствие других стимулов оставляет свой след в сознании – впечатление безопасности и комфорта.

Внутриутробное блаженство нарушается самым грубым образом, что, по всей вероятности, является наиболее драматичным переживанием всей нашей жизни. Речь идет о появлении на свет. В течение нескольких часов матка из уютного гнездышка превращается в мешок сокращающейся мышцы, самой большой и мощной мышцы человеческого тела. Куда там мышцам рук атлета! Нежное объятие становится всесокрушающим сжатием. На лице новорожденного, неожиданно утратившего интимный телесный контакт, вместо счастливой улыбки застывает мученическая гримаса. Его крики, звучащие для взволнованных родителей сладчайшей музыкой, напоминают панические вопли.

В момент рождения младенец похож на бесформенный кусок мягкой, влажной резины, но он почти сразу ловит ртом воздух и делает свой первый вдох. Затем, спустя пять или шесть секунд, ребенок начинает кричать. Его голова, ноги, руки двигаются с каждой секундой все более энергично, и в течение следующих 30 минут он продолжает протестовать, беспорядочно

молотя по воздуху конечностями, гримасничая и крича. После этого младенец, обычно обессиленный, успокаивается и погружается в длительный сон.

Драма на время завершается, но когда малыш просыпается, он очень нуждается в контакте с матерью, – это своего рода компенсация за утраченный комфорт пребывания в матке. Внутриутробное объятие заменяется объятием материнских рук. Чем большая поверхность тела ребенка соприкасается с телом матери, тем лучше, при условии, что объятие не препятствует его дыханию. Между объятием и простым держанием на руках есть большая разница. При недостаточном телесном контакте младенец в скором времени начинает проявлять признаки беспокойства. Грудь и руки матери должны максимально воссоздавать условия пребывания в навсегда покинутой им утробе.

Иногда одного лишь объятия бывает недостаточно и необходимо добавлять другие элементы. Сама не зная почему, мать начинает нежно укачивать младенца, наклоняя его из стороны в сторону. Укачивание дает мощный умиротворяющий эффект, но если этого не хватает, женщина может встать и начать ходить взад и вперед, держа ребенка на руках. Иногда она его слегка встряхивает, быстро поднимая и опуская несколько раз кряду. Все эти контакты успокаивающе воздействуют на плачущего младенца, поскольку ощущения такого рода сходны с теми, что он испытывал внутриутробно. Правда, темп укачивания очень редко совпадает с темпом обычной ходьбы. Кроме того, скорость «выгуливания ребенка» тоже от нее весьма отличается.

Специалисты пытались определить идеальную скорость качания колыбели. При очень низкой и слишком высокой укачивание давало слабый умиротворяющий эффект или не оказывало его вовсе. Оптимальный результат достигался при скорости между 60 и 70 колебаниями в минуту. Хотя скорость укачивания младенцев на руках у разных матерей несколько разнится, она приблизительно равна идеальной, выявленной в ходе экспериментов. Однако средняя скорость при «выгуливании» в обычных условиях, как правило, превышает 100 шагов в минуту.

Таким образом, хотя эти действия успокаивают детей, поскольку копируют колебательные движения, хорошо знакомые им внутриутробно, необходимо понять, почему они осуществляются именно с такой скоростью. Не считая ходьбы матери, плод в утробе подвергается двум ритмическим воздействиям – периодическому подниманию и опусканию грудной клетки матери во время дыхания и ее размеренному сердцебиению. Скорость дыхания, составляющая от 10 до 14 вдохов в минуту, слишком незначительна, а вот скорость сердцебиения, равняющаяся 72 ударам за тот же промежуток времени, вполне соответствует оптимальной скорости укачивания. Похоже на то, что этот ритм, слышимый или ощущаемый, является жизненно важным средством успокоения, напоминающим об утраченном комфорте материнской утробы.

В поддержку этого мнения имеются еще два свидетельства. Первое: записанный на пленку звук сердцебиения, который в ходе эксперимента воздействовал на младенцев, успокаивал их даже при отсутствии каких-либо колебательных или укачивающих движений. Если же этот звук воспроизводился с большей скоростью, примерно 100 ударов в минуту, то есть со скоростью обычной ходьбы, он немедленно утрачивал умиротворяющий эффект. Второе: как говорится в книге «Голая обезьяна», в ходе тщательных наблюдений выяснилось, что подавляющее большинство женщин держат младенца таким образом, что их голова оказывается прижатой к левой груди, а значит, находится вблизи материнского сердца. Это неосознанное действие, но при нем ухо ребенка расположено максимально близко к успокаивающему источнику. Причем так поступают и праворукие, и левши.

Тот, кто взял бы на себя труд сконструировать и запустить в производство колыбель, способную автоматически качаться со скоростью сердцебиения или снабженную устройством, воспроизводящим звук ударов сердца, имел бы несомненный коммерческий успех. Модель, функциональная и в том и в другом, существенно облегчила бы жизнь молодых матерей. Они получили бы возможность отдыхать, пока колыбель успокаивает ее ребенка столь же эффективно, сколь эффективно стиральная машина стирает его одежды.

Появление подобных колыбелей на рынке – вопрос времени. Однако такие новации в технике чреваты проблемами. Действительно механическое убаюкивание лучше, чем постоянно

оруший младенец – как для нервной системы матери, так и для здоровья самого малыша. В условиях дефицита времени это средство, вне всякого сомнения, весьма полезно, но нежные руки матери безусловно лучше любого механического устройства. Во-первых, они эффективнее, чем машина. Их умиротворяющие движения более сложны, и им свойственны определенные особенности, которые мы еще обсудим. Во-вторых, интимное взаимодействие между матерью и ребенком, которое возникает, когда она его утешает, взяв на руки, обнимая и укачивая, закладывает основу для прочной связи, в скором времени образующейся между ними. На самом деле в первые месяцы после появления на свет новорожденный позитивно реагирует на любого взрослого, если он дружелюбен. Он принимает ласки от всякого, кто ласков с ним. Тем не менее по прошествии определенного времени малыш начинает отдавать предпочтение матери и отвергает ласки посторонних. У большинства детей эта перемена происходит примерно в пятимесячном возрасте, но у всех по-разному и, уж конечно, и не в один день. Предсказать, когда ребенок начнет отличать свою мать от других людей, трудно. Это решающий момент, поскольку прочность и, так сказать, качество будущей связи зависят от обилия и интенсивности телесных контактов между матерью и ребенком именно в этой пороговой фазе.

Очевидно, что чрезмерное использование механических приспособлений – суррогатов родной матери на этой чрезвычайно важной стадии – может представлять опасность. Некоторые люди полагают, что ребенок привязывается к матери в благодарность за то, что она его кормит и обеспечивает другими благами, но это не так. Наблюдения за детьми из бедных семей и эксперименты с обезьянами недвусмысленно свидетельствуют о том, что именно нежные контакты с телом матери играют главную роль в установлении связи с ней, а эта связь имеет огромное значение для формирования социального поведения в последующей жизни. Мать, игнорирующая данный факт, в дальнейшем поплатится за это, как и ее ребенок. Трудно понять логику тех, кто считает, что лучше оставить маленького ребенка плакать, чем позволить ему «взять над вами верх», а такое мнение нередко встречается в нашем цивилизованном обществе.

Следует добавить, что, когда малыш становится старше, ситуация меняется. Мать может слишком опекать сына или дочку, когда им уже пора становиться самостоятельными. Хуже всего, если она недостаточно ласкова и даже строга с маленьким ребенком, а затем проявляет излишнюю заботу о нем, когда он подрастает. В результате естественный порядок установления связи между матерью и ребенком нарушается, и, как это ни печально, подобное наблюдается сегодня довольно часто. Причина «бунтарского» поведения подростка вполне может уходить корнями именно в такой сбой. К сожалению, когда появляются первые признаки бунта, исправить положение уже невозможно.

Естественная последовательность, о которой здесь идет речь, – сначала любовь, затем свобода, присуща не только человеку, но и всем остальным высшим приматам. Обезьяна, ставшая матерью, постоянно поддерживает телесный контакт со своими детенышами, причем делает это на протяжении многих недель. Конечно, ей здорово помогает то, что их малыши достаточно сильны для того, чтобы уцепиться за мамашу без всякой помощи с ее стороны. Детеныши крупных обезьян, таких как горилла, могут на редкость прочно держаться за мать, несмотря на свой немалый вес, уже через несколько дней после появления на свет. Более мелкие обезьяны способны на это буквально с первой секунды после рождения – я однажды наблюдал, как такой детеныш цеплялся за мать во время родов, когда задняя часть его тела еще находилась внутри матки.

Человеческий детеныш не столь хорошо развит физически. Его руки слабы, а ноги с короткими пальцами не способны цепляться за что-либо. Значит, проблема намного серьезнее. В первые месяцы его жизни мать должна прилагать все усилия, чтобы поддерживать с ребенком телесный контакт. Малыш рождается с остатками наследственного инстинкта из далекого эволюционного прошлого, который побуждает его цепляться за мать, но в настоящее время от него нет никакой практической пользы. Он сохраняется в течение менее чем двух месяцев и известен как хватательный рефлекс, или рефлекс Моро.

Хватательный рефлекс проявляется рано – шестимесячный плод уже обладает крепкой хваткой. При рождении стимуляция ладоней младенца вызывает сцепление пальцев, достаточно

сильное, чтобы взрослый мог приподнять его тело. Тем не менее в отличие от детеныша обезьяны он не способен сохранять эту хватку более или менее длительное время.

Действие рефлекса Моро можно наблюдать, если резко и быстро опустить ребенка на небольшое расстояние вниз, поддерживая его за спину. Руки малыша тут же раскидываются в стороны, а пальцы разжимаются и распрямляются. Затем руки вновь сводятся вместе, словно пытаясь что-то или кого-то обнять, чтобы не упасть. В этом явственно виден след родового хватательного действия приматов, к которому прибегает каждый здоровый детеныш обезьяны. Результаты недавних исследований свидетельствуют об этом особенно отчетливо. Если ребенок чувствует, что падает, и в то же время его ладони удерживаются таким образом, что могут осуществить захват, он не раскидывает руки в стороны, а сразу хватается пальцами за то, за что ему дают возможность ухватиться. То же самое делает испуганный детеныш обезьяны – хватается за шерсть матери, которая затем мчится прочь, стремясь избежать потенциальной опасности. Вплоть до восьминедельного возраста младенец все еще обладает пережитками этой «обезьяньей реакции».

С точки зрения человеческой матери, результаты подобных исследований представляют сугубо научный, теоретический интерес. Они способны заинтриговать зоологов, но не имеют никакой практической ценности и не могут облегчить тяжелое бремя родительских обязанностей. Как же быть в данной ситуации? И опять обратимся к истокам. В большинстве так называемых примитивных культур в течение первых месяцев жизни ребенок почти постоянно соприкасается с матерью, чем бы она ни занималась, – они вместе во время работы, отдыха, сна. Благодаря этому женщине удастся обеспечить почти непрерывный контакт, типичный для всех приматов. К сожалению, современные матери не имеют возможности находиться в постоянном контакте с ребенком.

Альтернативный вариант – пеленание ребенка. Если мать не может предложить ему объятие рук или тесный контакт со своим телом, днем и ночью, час за часом, она, по крайней мере, в состоянии обеспечить его объятием мягкой, теплой ткани, которое заменит ему утраченный комфорт матки. Обычно мы воспринимаем пеленание как средство поддержания терморегуляции новорожденного, но это не единственная функция. Не менее значим контакт ткани пеленок с поверхностью тела ребенка. Жаркие дебаты по поводу того, как следует пеленать ребенка – туго или свободно, не прекращаются по сей день. И мнения относительно идеального натяжения пеленок в разных культурах варьируют в широких пределах.

Сегодня на Западе отношение к тугому пеленанию в целом негативное, и детям, даже новорожденным, предоставляется свобода движений. Специалисты выражают опасение, что тугое пеленание «способно стеснять дух ребенка». Подавляющее большинство западных читателей охотно согласятся с этим комментарием, но данная проблема требует более тщательного рассмотрения. Древние греки и римляне младенцев пеленали туго, тем не менее даже самые фанатичные противники тугого пеленания не могут не признать, что среди них было немало людей с нестесненным духом. В Британии детей туго пеленали до конца XIX века, а многие русские, югославы, мексиканцы, саами, японцы и американские индейцы делают это до сих пор. Что говорит по этому поводу наука? Недавно было проведено исследование, в ходе которого с помощью чувствительной аппаратуры специалисты определяли степень дискомфорта, испытываемого младенцами в туго и относительно свободно затянутых пеленках. Результаты показали, что в первом случае дети чувствовали себя более комфортно: они меньше капризничали, частота дыхания и пульс у них были относительно более редкими. В то же время они больше спали. Предположительно это связано с тем, что туго затянутые пеленки напоминают о внутриутробном комфорте матки.

Эти результаты, казалось бы, говорят в пользу тугого пеленания, но тем не менее следует помнить, что даже самый большой плод никогда не охватывается маткой настолько плотно, чтобы не иметь возможности время от времени шевелиться и двигать конечностями. Любая мать, ощущающая эти движения внутри своего тела, осознает, что она не «пеленает» ребенка до состояния полной неподвижности. Таким образом, относительно свободное пеленание является, по всей вероятности, более естественным, нежели тугое, которое практикуется в некоторых культурах. Кроме того, детей нередко оставляют в туго затянутых пеленках слишком надолго. Возможно, в первые недели жизни такая мера оправдана, но в дальнейшем

это может препятствовать нормальному развитию ребенка в процессе его роста. Точно так же, как в свое время плод должен покинуть матку, новорожденный должен будет освободиться от пеленок, дабы иметь возможность нормально развиваться. Каждой стадии развития, от младенческого возраста до подросткового, присущи определенные формы интимной близости, телесного контакта и ласки между родителями и детьми. Если на той или иной стадии взрослые либо спешат, либо опаздывают с использованием соответствующих форм интимной близости с детьми, это чревато проблемами в будущем.

До сих пор мы рассматривали способы, с помощью которых женщина помогает своему ребенку переживать ощущения, испытанные им во время пребывания в утробе. Однако было бы неправильно считать, что обеспечение комфорта на ранней послеродовой стадии – всего лишь пролонгация комфортного состояния плода в матке. Сие лишь часть общей картины. Конечно, есть и другие виды взаимодействия. Младенческая стадия имеет свои собственные, новые формы обеспечения комфорта. Это ласки, поцелуи, поглаживания, почесывания и прочие тактильные манипуляции, продельваемые матерью по отношению к ребенку. Теперь она не просто обнимает его, но при этом еще и поглаживает, главным образом по спине, с определенной скоростью и с определенной силой – не слишком медленно и не слишком быстро, не очень слабо и не очень сильно. Эта материнская реакция широко распространена и является универсальной. Когда ребенок явно нуждается в утешении, женщина дополняет объятие поглаживанием, а также легким покачиванием и очень часто одновременно напевает что-нибудь. Значение этого успокаивающего действия чрезвычайно велико, ибо, как мы увидим позже, оно принимает множество форм, иногда очевидных, иногда скрытых, в различных интимных отношениях взрослых людей. Оно происходит настолько автоматически для матери, что редко оказывается предметом размышления или обсуждения, в результате чего в последующей жизни его роль, меняющаяся в зависимости от ситуации, обычно недооценивается или вообще игнорируется.

По своему происхождению поглаживание является движением намерения – как его называют этологи. Лучшей иллюстрацией сказанному служит один пример из мира животных. Птица, готовящаяся взлететь, резко подергивает головой. В процессе эволюции это подергивание могло со временем стать сигналом для других птиц, то есть превратиться в движение намерения, при помощи которого птица сообщала своим собратьям о том, что собралась подняться в воздух и тем самым давала им возможность подготовиться к тому, чтобы следовать за ней. Судя по всему, обычай материнского поглаживания сформировался как особый сигнал подобным образом, будучи движением намерения тесного телесного контакта. Каждое прикосновение материнской руки как бы говорит: «Я сейчас прижму тебя к себе, чтобы защитить от опасности. Успокойся, бояться нечего». Каждое движение повторяет сигнал и способствует успокоению ребенка, но поглаживание несет в себе нечто большее. И опять вспомним птицу. Если она встревожена, хотя и не настолько сильно, чтобы улететь, птица может привлечь внимание стаи, несколько раз дернув головой и оставшись на месте. Другими словами, сигнал посредством движения намерения может подаваться без последующего действия. То же самое у человека произошло с поглаживанием. Ладонь гладит спину, останавливается и гладит снова. Это действие не завершается тесным телесным контактом, подразумевающим защиту ребенка от грозящей беды. Послание матери означает не только «не беспокойся, если будет угрожать опасность я прижму тебя к себе», но и «Не бойся, ничего страшного не происходит, иначе я прижала бы тебя к себе крепче, чем сейчас». Таким образом, поглаживание является двойным утешением.

Напеваемая вполголоса песенка утешает иначе. И вновь обратимся к примеру с животными. Когда рыбы некоторых видов находятся в «боевом» настроении, они демонстрируют это, опуская переднюю часть тела и поднимая заднюю. Если те же самые рыбы хотят показать, что у них нет агрессивных намерений, они поступают наоборот – поднимают переднюю часть тела и опускают заднюю. Тот же принцип антитезиса действует и в случае с материнской песенкой. Как и для многих других видов, для *Homo sapiens* громкие, резкие звуки являются сигналами тревоги. Вопли, пронзительные крики, рычание, рев – все это широко распространенные среди млекопитающих сигналы боли, опасности, страха и агрессии. Напевая нежную мелодию, звучание которой по тональности является антитезисом этим звукам, мать

посылает ребенку противоположный сигнал: «Все хорошо». Она может использовать в своей песне вербальные послания, но слова, разумеется, не имеют большого значения. Сигналом утешения для ребенка служит именно плавная, спокойная тональность.

Еще один вид интимной близости между матерью и ребенком – кормление грудью или из бутылочки с соской. Ребенок чувствует во рту мягкий сосок, из которого он может получить сладкую, теплую жидкость, и это оказывает на него успокаивающее воздействие. Интимная близость такого рода будет возникать и впоследствии, во взрослой жизни, в разных ситуациях и в разных формах.

Таковы наиболее важные виды интимной близости между матерью и ребенком. Женщина обнимает сына или дочь, носит на руках, укачивает, поглаживает, целует и напевает им песенку. На этой ранней стадии малыш в ответ может только сосать грудь, а также посылать два сигнала призыва к интимной близости – плакать и улыбаться. Плач инициирует контакт, а улыбка побуждает к его продолжению. Плач означает: «Иди сюда», улыбка означает: «Пожалуйста, останься».

Иногда причина плача истолковывается неправильно. Поскольку ребенок плачет, когда испытывает голод, дискомфорт или боль, принято считать, что он несет в себе только эти послания. Услышав плач, мать зачастую автоматически приходит к выводу, что, должно быть, возникла одна из этих трех проблем. Послание означает всего лишь призыв подойти и не содержит объяснение причины этого требования. Если младенец сыт, находится в комфортных условиях и не испытывает боли, он может плакать потому, что у него появилась потребность в интимном контакте. Если мать накормит его, убедится в том, что он не испытывает дискомфорта и положит обратно в кроватку, ребенок может вновь начать плакать. Это означает, что малыш, если он, конечно, здоров, не удовлетворил до конца свою потребность в интимном телесном контакте и будет плакать до тех пор, пока это не произойдет. В первые месяцы жизни данная потребность особенно высока, и младенец быстро научится посылать мощный сигнал, которым будет награждать мать за ее труды, – счастливую улыбку.

Среди приматов улыбка человеческого детеныша уникальна. Маленькие обезьянки не улыбаются. У них просто нет в этом нужды, поскольку они достаточно сильны, чтобы цепляться за шерсть матери и осуществлять телесный контакт с ней самостоятельно. Человеческий детеныш лишен такой возможности и поэтому должен каким-то образом привлекать к себе внимание матери. Эволюционным решением этой проблемы и стала улыбка.

Плач и улыбка подкрепляются второстепенными сигналами. Человеческий плач начинается со звуков, похожих на те, что свойственны обезьянам. Плача, детеныши приматов издают серию ритмичных криков, но слез у них не бывает. В течение первых недель жизни ребенок тоже плачет без слез, а затем они начинают сопровождать его крики. Впоследствии, во взрослой жизни, слезы часто проливаются беззвучно, но младенческому плачу всегда сопутствуют вопли. По непонятной причине уникальность среди приматов человеческих слез редко становилась предметом комментариев, но совершенно очевидно, что они имеют какое-то особое значение для нашего вида. В первую очередь это, разумеется, визуальный сигнал, усиливаемый отсутствием волосяного покрова на щеках, но не следует забывать и о постоянном стремлении матери вытирать глаза своему ребенку. Вытирание слез с поверхности кожи лица – интимный телесный контакт успокаивающего характера. Вероятно, в этом состоит чрезвычайно важная вторичная функция резкого усиления секреции слезных желез, которое так часто происходит у человеческого детеныша.

Если эта гипотеза кому-то представляется притянутой за уши, следует вспомнить, что женщине-матери, подобно самкам многих других видов, присущ сильный базовый инстинкт, побуждающий ее очищать тело ребенка. Она следит за тем, чтобы малыш оставался сухим и чистым, и, возможно, обильное слезоотделение служит «заменителем мочеиспускания», заодно выполняя функцию «призыва» в моменты душевных страданий. В отличие от мочи слезы не способствуют выведению шлаков из организма. При низких уровнях секреции они очищают и защищают глаза, но при обильном выделении единственная их задача, судя по всему, – необходимость передать социальные сигналы, и тогда их чисто поведенческая интерпретация вполне оправдана. Как и в случае с улыбкой, их главным назначением является призыв к интимной близости.

Улыбка подкрепляется вторичными сигналами – это лепет и протягивание рук в качестве движения намерения прильнуть к матери. Она улыбается и лепечет в ответ, а затем берет ребенка на руки и прижимает к себе. Как и слезы, улыбка появляется у человека на втором месяце. Фактически первый месяц жизни можно с полным основанием назвать обезьяньей фазой, поскольку свойственные исключительно виду *Homo sapiens* сигналы впервые отмечаются спустя несколько недель после появления на свет.

На третьем и четвертом месяце начинают появляться новые виды телесного контакта. «Обезьяний» хватательный рефлекс и рефлекс Моро исчезают, и на смену им приходят более сложные формы *направленного* хватания и цепляния. При проявлении примитивного хватательного рефлекса рука ребенка автоматически хватает любой предмет, который прикасается к ней, но теперь это действие становится избирательным. Малыш протягивает руку и хватает определенный предмет, который привлекает его внимание. Чаще всего это та или иная часть тела матери, особенно ее волосы. Рефлекс направленного хватания обычно формируется к пятому месяцу жизни.

Подобным образом автоматическое ненаправленное движение цепляния рефлекса Моро уступает место ориентированному объятию, когда ребенок льнет именно к матери, корректируя свои движения в соответствии с положением ее тела. Как правило, этот рефлекс формируется к шестому месяцу.

Оставим младенческую стадию и перейдем к более позднему периоду детства. Совершенно очевидно, что со временем уровень первичной телесной близости между матерью и ребенком неуклонно снижается. Потребность в защите, которую так хорошо удовлетворяли телесные контакты с матерью, постепенно вытесняется потребностью в самостоятельности и исследовании окружающего мира. Понятно, что делать последнее, находясь в материнских объятиях, весьма проблематично. Однако мир, в который он пришел, все еще внушает ребенку опасение, и для поддержания у него ощущения защищенности и безопасности в течение определенного времени ему необходим дистанционный контроль в той или иной форме. Тактильная связь постепенно заменяется визуальной. Отныне действия малыша ограничивают не объятия, а меняющееся выражение лица матери. На смену взаимным прикосновениям приходят взаимные улыбки, смех и мимика. Улыбка, которая прежде служила приглашением к объятию, теперь заменяет его. В самом деле, она становится символическим объятием, действующим на расстоянии. Благодаря этому ребенок получает определенную свободу действий и в то же время сохраняет эмоциональный контакт с матерью, обмениваясь с ней взглядами.

Следующая важная фаза развития наступает в тот момент, когда малыш начинает говорить. На третьем году жизни, с обретением базового словарного запаса, к визуальному контакту добавляется вербальный. Отныне ребенок и мать могут выражать свои чувства по отношению друг к другу с помощью слов.

В дальнейшем неизбежно происходит снижение уровня непосредственных телесных контактов. Ребенок начинает стыдиться их. Растущая потребность в исследовании окружающего мира, самостоятельности и самоутверждении как личности все больше притупляет стремление к ласкам. Если родители на данной стадии будут злоупотреблять этими первичными телесными контактами, у ребенка может возникнуть ощущение, что они посягают на его независимость, поэтому взрослым следует приспосабливаться к новой ситуации.

Тем не менее телесные контакты полностью не исчезают. Испытывая боль или страх, малыш стремится найти защиту и утешение именно в таких контактах. Они случаются даже в менее драматичные моменты. Однако характер прикосновений претерпевает значительные изменения. Объятие уступает место поглаживанию по голове, похлопыванию по плечу и т. д.

Как бы то ни было, в этой фазе позднего детства, когда знакомство с жизненными реалиями сопровождается многочисленными стрессами, внутренняя потребность в телесных контактах и близости сохраняется на довольно высоком уровне. Эта потребность не столько уменьшается сама по себе, сколько подавляется. Тактильная близость ассоциируется с младенчеством, следовательно, должна остаться в прошлом, но обстоятельства вынуждают прибегать к ней. Данная проблема разрешается введением новых форм контакта, которые обеспечивают требуемую телесную близость, не вызывая у ребенка чувства стыда.

Признаки этих скрытых форм телесного контакта появляются очень рано, уже к концу первого года жизни. Они связаны с использованием так называемых переходных предметов – неодушевленных заменителей матери. Чаще всего в этом качестве выступают три предмета: бутылочка с соской, мягкая игрушка и кусок мягкой ткани, как правило платок. Младенец воспринимает их как источник интимных контактов, которые были у него с матерью. Он отнюдь не отдает им предпочтение в ущерб матери, но они ассоциируются у него с ее физическим присутствием. В отсутствие матери они заменяют ее, и многие дети отказываются засыпать без этих суррогатов. Платок или мягкая игрушка обязательно должны находиться в кроватке в то время, когда ребенок засыпает, иначе быть беде. Причем требование вполне конкретно: это должны быть та самая игрушка или тот самый платок. Нечто похожее, но незнакомое не годится.

На этой стадии переходные предметы используются только во время отсутствия матери, поэтому они столь важны во время отхода ко сну, когда контакт между нею и ребенком прерывается. Со временем ситуация меняется. Малыш становится все более независимым, и переходные предметы приобретают для него все большее значение в качестве средства успокоения. Иногда мать неверно истолковывает эту перемену, думает, что ребенок испытывает неуверенность в себе или страх по какой-то неведомой причине, и считает, что это шаг назад в его развитии. Однако сие отнюдь не так. Своим поведением малыш хочет сказать: «Мне нужна близость с мамой, но я уже не маленький. Я вполне самостоятелен, и мне достаточно контакта с этим предметом, вызывающим у меня чувство душевного комфорта». Как заметил один авторитетный ученый, переходный предмет напоминает о приятном контакте с матерью, заменяет мать, но в то же самое время служит защитой от материнских объятий, из которых ребенок уже вырос.

Подобное средство утешения может сохранять свое значение на протяжении нескольких лет, в редких случаях до подросткового возраста (известен казус, когда одна девушка, уже достигшая совершеннолетия, всегда брала с собой в постель огромного плюшевого мишку). Я говорю о «редких случаях», но это понятие требует уточнения. Сохранение привязанности к тому же самому переходному предмету, который был нужен нам в младенчестве, действительно большая редкость. Как правило, мы пользуемся заменителями заменителей. А ведь когда платок превращается в шубу, мы обращаемся с ней гораздо почтительнее, не так ли?

Еще одна форма скрытой интимной близости, к которой прибегает растущий ребенок, – энергичная игра. Если обниматься с родителями недостойно большого мальчика или большой девочки, а потребность в этом все еще существует, можно устроить шутиливую борьбу, и борцовский захват не будет выглядеть как нежное объятие. Во время подобной игры ребенок вновь может пережить ощущение интимной близости младенчества, скрытой под маской взрослой агрессивности.

Этот способ настолько эффективен, что шутиливую борьбу с родителями устраивают даже подростки (впоследствии взрослые в подобных играх ограничиваются дружеским ударом по руке или спине). Следует заметить, что детская борьба «понарошку» включает в себя не только осуществление скрытой интимной близости. Это также проверка сил и изучение новых физических возможностей. Но переживание младенческих ощущений имеет очень важное значение – намного более важное, чем это принято считать.

С достижением половой зрелости возникает новая проблема. Уровень телесных контактов с родителями продолжает снижаться. Отцы обнаруживают, что их дочери неожиданно становятся менее игривыми. Сыновья избегают прикасаться к матерям. Еще более усиливается стремление к независимости, которое теперь приобретает новую форму: требование невмешательства в личную жизнь.

Младенцу было нужно, чтобы его обняли, ребенку – чтобы его отпустили, а вот подростку нужно, чтобы его оставили в покое. По словам одного психоаналитика, по достижении половой зрелости «молодой человек склонен к самоизоляции; отныне он живет с членами своей семьи, как если бы они были ему чужими». Это, конечно, преувеличение. Подростки ни за что не станут целовать чужих людей, но тем не менее продолжают чмокать своих родителей. Да, теперь поцелуи носят более формальный характер, но короткие интимные контакты все-таки продолжают. Как и у взрослых, у подростков они происходят главным образом во время

церемоний приветствия, прощания, поздравления и соболезнования. На самом деле подросток – это уже взрослый человек (иногда даже супервзрослый) в том, что касается его интимных отношений с членами семьи. Подсознательно идя на хитрости, любящие родители решают эту проблему самыми разными способами. Зачастую они осуществляют скрытый телесный контакт, предлагая поправить галстук своему чаду или снять пылинку с его пальто. Если подросток отвечает, что может сделать это сам, значит, он – тоже на подсознательном уровне – разгадал уловку.

Когда подросток становится взрослым и начинает вести полностью самостоятельную жизнь, с точки зрения телесной близости он переживает второе рождение, покидая лоно семьи, как два десятилетия назад покинул лоно матери. Возобновляется последовательность интимных отношений младенческой фазы – «обними меня – отпусти меня – оставь меня в покое». Молодые любовники, словно дети, говорят: «Обними меня!» Иногда они даже обращаются при этом друг к другу: «Детка». Впервые со времен младенчества интимная близость вновь приобретает интенсивный характер. Как и тогда, телесные контакты формируют прочную связь. Дабы подчеркнуть прочность этой связи, к призыву «Обними меня!» добавляются слова «И никогда не отпускай». Однако, когда процесс образования пары завершается и любовники объединяются в новую семейную ячейку, состоящую из двух членов, вместе с этим завершается и вторая фаза младенчества. Продолжает осуществляться новая последовательность интимных отношений, копирующая последовательность младенческой фазы. Второе младенчество сменяется вторым детством. (Это настоящее второе детство, и его не нужно путать со старчеством, которое иногда ошибочно называют данным термином.)

Отныне телесные контакты периода ухаживания случаются все реже. В экстремальных случаях у одного или обоих партнеров появляется ощущение, что они попали в западню и их независимость находится под угрозой. Это штатная ситуация, но им она кажется ненормальной. Люди решают, что произошла ошибка, и расстаются. «Отпусти меня» фазы второго детства уступает место «оставь меня в покое» фазы второй юности, а развод повторяет расставание ставшего взрослым подростка с членами своей семьи. Но если развод порождает вторую юность, что делают эти новоявленные подростки, оставшись в одиночестве? После развода каждый из бывших партнеров находит нового любовника, снова проходит фазу второго младенчества, опять создает пару и оказывается в фазе второго детства. К их изумлению, цикл повторяется вновь.

Такая схема может показаться несколько циничной и слишком упрощенной, но она помогает понять суть. Для счастливых, а таких немало даже сегодня, фаза второй юности не наступает никогда. Они ограничиваются переходом из фазы второго младенчества в фазу второго детства. Усиленная новой интимной близостью, радостями, которые приносит секс, а также совместными отношениями к ребенку, связь между партнерами сохраняется.

В последующие годы жизни утрата родительских интимных связей будет компенсирована появлением новых интимных связей с внуками, а затем, с приходом старости и беспомощности, наступит третья, последняя младенческая фаза. Этот третий прогон последовательности интимных отношений длится недолго. Фазы третьего детства не бывает, по крайней мере на этом свете. Мы завершаем жизнь младенцами, устроившимися в красиво украшенном гробу, чем-то напоминающем колыбель нашего первого младенчества.

Многие не желают мириться с тем, что третья великая последовательность интимных отношений заканчивается уже в фазе младенчества. Они не хотят признавать, что третье младенчество не переходит в третье детство, которое можно обрести только на небесах. Там условия идеальны и неизменны, и можно не бояться излишней опеки со стороны матери, ибо у Бога отца нет жены.

Рассматривая образцы интимных отношений от утробы до могилы, я подробно остановился на ранних фазах жизни и вскользь пробежал более поздние. Познакомившись с корнями интимных отношений, мы теперь имеем возможность более подробно изучить поведение взрослых людей.

Тело каждого представителя рода *Homo sapiens* постоянно посылает сигналы окружающим. Одни из данных сигналов приглашают к сексуальному контакту, другие отвергают его. Если только человека случайно не бросит на кого-нибудь та или иная сила, он не прикасается к себе подобным, пока не получит приглашение. Наш мозг настолько хорошо настроен на восприятие этих сигналов, что мы зачастую можем оценить социальную ситуацию буквально за долю секунды. Компьютер, находящийся в черепной коробке, способен почти мгновенно производить выкладки и расчеты относительно внешности и настроения всех, кто встречается на нашем пути в течение дня. Сотни отдельных сигналов формы, размера, цвета, звука, запаха, позы, движения и выражения лица молниеносно поступают к соответствующим органам чувств, и включается социальная электронно-вычислительная машина, которая тут же выдает ответ: прикасаться или не прикасаться.

Крошечные размеры и беспомощность младенца являются мощным стимулом, побуждающим взрослых протягивать к нему руки и осуществлять дружеский контакт с его телом. Плоское личико, крупные глаза, неловкие движения, маленькие руки и ноги и округлые контуры – все это вызывает желание дотронуться до малыша. Добавьте к этому широкую улыбку и сигнал тревоги, выражаемой плачем и криками, и вы осознаете, что младенец воплощает в себе приглашение к интимной близости.

Если взрослый человек посылает подобные сигналы беспомощности или боли, когда, к примеру, он нездоров или, скажем, стал жертвой автокатастрофы, это вызывает псевдородительскую реакцию примерно такого же рода. Кроме того, первый пробный телесный контакт в форме рукопожатия почти всегда сопровождается улыбкой.

Это базовые сигналы приглашения к интимной близости, но после достижения половой зрелости люди начинают использовать новые контактные маркеры. Речь идет о сигналах сексуальной привлекательности, которые побуждают мужчину и женщину прикасаться друг к другу не только в знак дружеского расположения.

Одни сексуальные сигналы универсальны и могут использоваться по отношению ко всем взрослым людям, другие представляют собой их культурные вариации. Некоторые связаны с внешностью – как мужчин, так и женщин, а кое-какие основываются на поведении – позах, жестах и действиях. Простейший способ их рассмотрения заключается в обзоре частей человеческого тела с кратким обсуждением наиболее важных моментов.

Промежность. Поскольку речь идет о сексуальных сигналах, логично начать с зоны гениталий. Главной зоной табу там является промежность, и не только потому, что рядом располагаются наружные половые органы. На этом сравнительно небольшом участке происходят все главные табуированные действия: мочеиспускание, дефекация, совокупление, фелляция, эякуляция, мастурбация и менструация. Неудивительно, что промежность всегда была наиболее скрываемой частью человеческого тела. Открытая демонстрация этой зоны в качестве визуального приглашения к интимной близости – слишком сильный сигнал, если еще не пройдены ранние стадии телесного контакта. По иронии судьбы, когда отношения достигают высшей стадии сексуальной интимной близости, демонстрировать гениталии, как правило, уже поздно, поэтому обычно знакомство с ними носит тактильный характер. Таким образом, в современном уходе роль взгляда, направленного непосредственно на гениталии представителя противоположного пола, сравнительно велика. Тем не менее к этой зоне человеческого тела проявляется значительный интерес, и если непосредственная демонстрация «сокровища» невозможна, существуют альтернативные варианты.

Первый из них – использование предметов одежды, подчеркивающих формы скрытых под ними частей тела. Для женщин это означает ношение брюк, шорт или купальников, которые им несколько тесны, в результате чего ткань врезается в половую щель, раскрывая ее форму внимательному мужскому глазу. Это относительно недавнее открытие, тогда как его мужской эквивалент имеет долгую историю. В течение почти двух столетий (приблизительно с 1408 по 1575 год) гениталии многих европейских мужчин демонстрировались косвенным образом во всей их красе при помощи гульфика. В своей первой, весьма скромной версии это был небольшой мешочек, располагавшийся в развилке очень тесных панталон, какие носили в ту эпоху мужчины. Панталоны были действительно настолько узкими, что другого выбора просто

не имелось. Постепенно гульфик значительно увеличился и стал создавать впечатление, будто пенис его обладателя постоянно находится в эрегированном состоянии. Для усиления визуального эффекта его шили из ткани, цвет которой выделял этот предмет на фоне остальных одеяний. Иногда гульфик украшали позолотой и драгоценными камнями. Со временем, приобретая гипертрофированные размеры, он превратился в предмет шуток. Так, описывая костюм одного из своих персонажей, Франсуа Рабле говорит: «Для его гульфика потребовалось 16 ярдов ткани⁷. Своей формой он напоминал триумфальную арку, в высшей степени элегантную. Она крепилась с помощью двух золотых колец к эмалированным пуговицам, каждая из которых, размером с апельсин, была отделана тяжелыми изумрудами. Гульфик выступал вперед на три фута⁸.

Мода на этот экстравагантный предмет одежды, служащий для демонстрации мужских гениталий, давно стала достоянием прошлого, но ее отголоски прозвучали в 60–70-е годы XX века, когда молодые представители сильного пола вновь начали носить слишком тесные брюки. Они еле-еле втискивались в плотно облегающие джинсы и плавки, в которых им приходилось менять положение пениса. В отличие от более старших мужчин, которые все еще заполняют разрыв поколений между ног направленным вниз членом под широкими брюками, у современных молодых людей он устремлен вверх. Находящийся в вертикальном положении пенис образует отчетливую выпуклость под плотно облегающей его тканью, открытую для заинтересованных женских взглядов. Таким образом, одежда молодого человека дает ему возможность демонстрировать псевдозрецию, что, как это было и в случае с гульфиком, почему-то не вызывает критики из лагеря пуритан. Остается только гадать, вернется ли в ближайшие годы в обиход гульфик и как далеко пойдет данная тенденция, прежде чем этот элемент мужской одежды вновь попадет в немилость из-за своего явно сексуально вызывающего вида.

Другие современные предметы одежды, демонстрирующие гениталии, носят откровенно экзотический характер, и поэтому не получили широкого распространения. К ним относятся женские купальники и трусики, отделанные в зоне лобка мехом или кружевным узором. Еще один элемент одежды, служащий для опосредованного акцентирования на зоне гениталий, – спорран – сумка мехом наружу. Это традиционная часть мужского национального костюма в Шотландии. Причем место споррана строго регламентировано – его носят на чреслах.

Менее откровенный способ передачи визуальных сексуальных сигналов заключается в использовании другой части тела в качестве «генитального эха». Он дает возможность передавать сексуальное послание в то время, как гениталии находятся вне зоны видимости. Чтобы понять его суть, необходимо вспомнить анатомию женских половых органов. Если они скрыты от глаз, любая другая часть тела, так или иначе напоминающая вагину, может быть использована в качестве «генитального эха» в целях передачи сигналов.

Кандидатами на эту роль являются пупок, рот, ноздри и уши. Все эти части тела имеют связанные с ними определенные табу. Неприличным считается ковырять в носу или чистить пальцем уши публично, но в то же время нет ничего зазорного в том, чтобы вытереть лоб или протереть глаза. Рот мы часто прикрываем рукой, по крайней мере когда зеваем или хихикаем. Пупок табуирован в еще большей степени. Еще не так давно его ретушировали на фотографиях, дабы он не вызывал слишком очевидных непристойных ассоциаций. Из этих четырех типов отверстий рот и пупок как будто специально созданы для использования в качестве символических заменителей женских гениталий.

Наиболее важный из них, безусловно, *рот*. Он передает множество псевдогенитальных сигналов. В книге «Голая обезьяна» я высказал предположение, что, возможно, наши вывернутые губы с их розовой поверхностью эволюционно сформировались как имитация половых губ. Подобно им, они краснеют и набухают при сексуальном возбуждении и, подобно им, они окружают отверстие. С незапамятных времен женщины усиливали посылаемые губами

⁷ Примерно 14,5 метра. – Прим. пер.

⁸ Около 90 сантиметров. – Прим. пер.

сигналы, подкрашивая их. Сегодня производство губной помады является крупнейшей отраслью косметической индустрии, и хотя мода на ее цвет весьма переменчива, она всегда возвращается к розово-красной палитре, благодаря чему рот своей окраской имитирует половые губы на последних стадиях сексуального возбуждения. Разумеется, сие отнюдь не осознанное копирование гениталий – это просто сексуально.

Губы взрослой женщины обычно крупнее и мясистее, чем губы мужчины, что более чем логично, если признать их символическую роль. Кстати, эта разница иногда преувеличивалась за счет нанесения помады не только на губы, но и на поверхность за их пределами, что также является имитацией их увеличения при сексуальном возбуждении, когда к ним приливает кровь.

Губы и рот часто рассматривают как мощную эротическую зону тела, ведь во время поцелуя язык проникает внутрь подобно пенису. Высказывалось также мнение, что структура женских губ отражает структуру расположенных ниже (еще невидимых) гениталий. Принято считать, что у женщины с мясистыми губами и половые губы такие же, и наоборот. Если такое соответствие действительно имеет место, оно, разумеется, отражает не телесную мимику, а тип конституции данной женщины.

Пупок вызывал значительно меньше комментариев, нежели рот, но в последние годы с ним происходили довольно любопытные метаморфозы, подтвердившие, что он на самом деле является «генитальным эхом». Пупок не только ретушировали на фотографиях. Первоначальный голливудский кодекс недвусмысленно запрещал его демонстрацию, так что гаремным танцовщицам в послевоенных фильмах прошлого столетия приходилось прибегать к всевозможным ухищрениям. Это табу так и не получило вразумительного объяснения, если не считать смехотворного предлога, будто дети могут заинтересоваться, для чего нужна эта штука, и родителям придется отвечать на «неудобные» вопросы. Что касается взрослой аудитории, этот довод еще более нелеп, и истинная причина данного запрета, очевидно, кроется в том, что пупок вызывает отчетливую ассоциацию с «секретным отверстием». Поскольку во время танца живота псевдоотверстия гаремных девушек подпрыгивали, вращались, растягивались и раскрывались, испуская сигналы откровенного сексуального приглашения, боссы Голливуда решили, что этот не деликатный элемент анатомии следует маскировать. По иронии судьбы, когда во второй половине XX века ограничения голливудского кодекса на Западе начали ослабевать, в арабском мире, проникшемся новым для него духом целомудрия в таких вещах, возобладала противоположная тенденция. Египетские исполнительницы танца живота были официально уведомлены о том, что обнажать пупок во время их традиционных фольклорных выступлений неприлично и недостойно и его следует прикрывать какой-либо легкой тканью. Таким образом, пока европейские и американские женские пупки пробивались обратно на экраны и пляжи, арабские отступили в тень.

После своего возвращения выставленные на всеобщее обозрение пупки западного мира претерпели любопытное изменение. Они начали менять форму. Старомодные круглые отверстия с классических полотен постепенно уступают место удлиненной вертикальной щели. Изучая этот странный феномен, я обнаружил, что у современных моделей и актрис вертикальный пупок встречается в шесть раз чаще, чем у натурщиц прошлого. Краткий обзор выбранных наугад двух сотен картин и скульптур, изображающих обнаженных женщин, показал, что 92 % из них имеют круглый пупок и 8 % – вертикальный. Такой же анализ снимков современных фотомоделей и актрис дал поразительный результат: доля вертикальных пупков возросла до 46 %. Это лишь отчасти объясняется тем, что современные девушки в целом значительно более худые, чем их предшественницы. Хотя и в самом деле полные женщины не способны демонстрировать пупок в виде вертикальной щели, худоба отнюдь не гарантирует такую форму. Пупки у стройных девушек Модильяни так же круглы, как у пышнотелых натурщиц Ренуара. Больше того, две молодые девушки 70-х годов прошлого века с одинаковыми фигурами вполне могут иметь пупки разной формы.

С чем связана такая перемена и была она естественной или ее спровоцировали современные фотографы, остается до конца не ясным. Вполне возможно, это имеет какое-то отношение к особому положению туловища позирующей модели и увеличению объема вдыхаемого ею воздуха. Как бы то ни было, то, что новая форма пупка стала важной, не

подлежит сомнению. Классический круглый пупок в своей символической роли отверстия очень напоминает анус. Приобретя овальную форму, он стал гораздо больше напоминать гениталии, и его ценность как сексуального символа резко возросла. Судя по всему, дело обстояло именно так, и на Западе пупок стал открыто выступать в качестве источника сексуальных сигналов.

Оставим в покое зону промежности, живот и лицо с символическими заменителями гениталий и поговорим о тыле тазового пояса – о *ягодицах*. Они выражены в большей степени у женщин, нежели у мужчин, и являются уникальной особенностью вида *Homo sapiens*, ибо у других приматов таких полусфер нет. Если бы женщина наклонилась вниз и продемонстрировала свои ягодицы стоящему сзади мужчине, то есть приняла типичную для приматов позу приглашения к совокуплению, тот увидел бы ее гениталии, обрамленные двумя полушариями гладкой плоти. Эта связь делает последние источником важного сексуального сигнала, который, по всей вероятности, имеет древнее биологическое происхождение. Это наш эквивалент «сексуальных выпуклостей», свойственных другим видам. Разница в том, что у нас это состояние перманентно. У самок остальных приматов выпуклости появляются и исчезают в соответствии с циклом течки, и максимального размера достигают тогда, когда они становятся сексуально восприимчивы, в период овуляции. Естественно, раз женщина сексуально восприимчива практически всегда, ее «сексуальные выпуклости» постоянно имеют одни и те же размеры. Когда наши далекие предки поднялись на задние ноги и стали ходить прямо, гениталии стали лучше видны спереди, нежели сзади, но ягодицы сохранили свое сексуальное значение. Хотя совокупление все чаще стало осуществляться в позе лицом к лицу, женщина еще имела возможность посылать сексуальные сигналы, тем или иным способом привлекая внимание к своему зад. Если сегодня девушка покачивает бедрами при ходьбе чуть больше, чем позволяют правила приличия, это действует на мужчину как мощный эротический сигнал. Если она примет позу, при которой ягодицы «случайно» выступают вперед чуть больше, чем обычно, эффект будет тем же самым. Иногда, например при исполнении канкана, все еще можно увидеть полную версию свойственного приматам древнего обычая демонстрировать заднюю часть тела и все еще в ходу шутки по поводу мужчины, который хочет шлепнуть или погладить зад девушки, наклонившейся, чтобы поднять упавший предмет.

Существуют два связанных с ягодицами феномена, которые заслуживают комментария. Первый – естественное состояние, известное как стеатопигия, второй – искусственное устройство, называемое турнюром. Буквально термин «стеатопигия» означает «толстозадая» и относится к необычной особенности, заключающейся в сильно выступающих ягодицах, которая встречается у представителей некоторых культур. Наиболее характерна стеатопигия для бушменов Южной Африки. Высказывалось предположение, что у них на ягодицах откладывается жир подобно тому, как он откладывается в верблюжьей горбу, но поскольку у женщин эта особенность выражена намного сильнее, нежели у мужчин, вероятнее всего, она сформировалась как источник сексуального сигнала. Складывается впечатление, что бушменские женщины пошли по пути эволюционного развития в этом направлении дальше, чем представительницы других рас. Возможно даже, что в незапамятные времена стеатопигия была типичным явлением для большинства наших далеких предков, но позже уступила место более атлетичному сложению. Несомненно, некогда бушменов на Земле было намного больше, чем сейчас, и вплоть до начала экспансии негроидной расы они обитали на значительной части территории Африки.

Любопытно также, что многие доисторические фигурки из Европы и с других континентов, изображающие женщин, отличаются весьма впечатляющими ягодицами, совершенно непропорциональными по отношению к остальным частям тела. Этому есть только два альтернативных объяснения: либо доисторические женщины действительно имели большие задницы, посылающие мощные сексуальные сигналы их мужчинам, либо доисторические скульпторы были настолько одержимы эротической природой ягодиц, что, как многие современные мультипликаторы, позволяли себе значительные художественные вольности. Во всяком случае, большие задницы долгое время доминировали в скульптуре древнего мира, пока постепенно не исчезли бесследно под натиском более прогрессивных форм искусства. Всюду, где находили предметы искусства, фигурки женщин с огромными ягодицами оказывались

самыми древними. Если только толстозадые женщины действительно не были в далекие времена обычным явлением, постепенно затем исчезнувшим, причина этого повсеместного изменения концепции в доисторическом искусстве остается покрытой тайной. Мужской интерес к женским ягодицам пережил века, но, за редкими исключениями, они уменьшились до естественных пропорций, которые мы можем лицезреть на киноэкранах XX века. Изображенные на древнеегипетских папирусах танцующие девушки легко могли бы найти работу в современном ночном клубе, и, если бы Венера Милосская дожила до наших дней, ширина ее бедер вряд ли бы превысила 95 сантиметров.

Исключения из этого правила весьма занимательны, ибо в определенном смысле они представляют собой возврат в доисторические времена и демонстрируют возродившийся мужской интерес к объемистым женским ягодицам. Здесь мы переходим от феномена стеатопигии к феномену турнюра. В обоих вариантах эффект один и тот же – преувеличение зоны ягодиц, но во втором случае это достигалось за счет того, что под женское платье вставляли своеобразную подушку. Подкладки, располагающиеся вокруг бедер, широко использовались в европейской женской моде, и для преувеличения размеров ягодиц требовалось всего лишь удалить лишнее спереди и с боков. Поскольку изобретение турнюра привело скорее к «уменьшению», нежели к увеличению объема зоны таза, его сексуальный подтекст был не столь очевиден, и это новое поветрие в сфере высокой моды не вызвало особых комментариев. Турнюр из кринолина и подкладок 70-х годов XIX века исчез спустя год-другой, но триумфально вернулся в еще более преувеличенной форме через 10 лет. Теперь это был сильно выступавший сзади каркас, удерживавшийся на месте при помощи проволоки и стальных пружин, который производил такое впечатление, что на него, наверное, живо отреагировали бы даже представители сильного пола из числа бушменов. Однако к концу столетия турнюр окончательно вышел из моды, и женщины XX века, чьи фигуры становились со временем все более атлетичными, больше никогда к нему не возвращались. В наше время преувеличение зоны ягодиц свелось к довольно редкому использованию «толщинок», провокационным позам и изощренным фантазиям мультипликаторов и карикатуристов.

Женские *ноги* тоже всегда являлись предметом мужского интереса, будучи источником мощных сексуальных сигналов. Наружные части бедер у женщин имеют более значительные жировые отложения, чем у мужчин, и в определенные исторические периоды полные женские ножки считались весьма эротичными. Были времена, когда для передачи сексуального сигнала было достаточно простого обнажения ноги. Чем выше она оголена, тем большее стимулирующее воздействие оказывает по той простой причине, что ее видимая поверхность ближе к зоне гениталий. Для визуального утолщения ног женщины носят под непрозрачными чулками специальные накладки, но они встречаются так же редко, как и «толщинки» для увеличения ягодиц. Для этих целей намного чаще используются туфли на высоких каблуках: наклон стопы создает зрительную иллюзию расширения и удлинения ноги, а длинные и достаточно полные ноги ассоциируются со зрелым возрастом и считаются сексуальными.

Очень часто представительницы слабого пола втискиваются в туфли меньшего размера, нежели тот, который им следует носить, и все потому, что женская ступня заметно меньше, чем мужская. Благодаря еще большему увеличению этой разницы она выглядит суперженственной, что служит сексуальным сигналом для мужчины. Маленькая женская ступня часто вызывала восхищение представителей сильного пола, и многие барышни подвергали себя настоящим мучениям, чтобы уменьшить размеры своих стоп. Лорд Байрон резюмировал традиционное мужское отношение к этой части тела, восторгаясь «ступнями, изумительно маленькими и грациозными, идеально симметричными и имеющими столь восхитительную форму». Такой взгляд отражен в хорошо всем известной сказке о Золушке, чьи злые сестры имели слишком большие ступни, не влезавшие в крохотную хрустальную туфельку. Только ступни прекрасной замарашки были достаточно малы, благодаря чему она и сумела завоевать сердце принца. И кстати, этой сказке по крайней мере две тысячи лет.

В Древнем Китае эта тенденция приобрела характер жутковатого гротеска: девочкам так туго бинтовали ступни, что они серьезно деформировались. Забинтованная ступня, или «золотая лилия», столь привлекательная в крошечной разукрашенной туфельке, без нее скорее напоминала изуродованное свиное копытце, нежели человеческую ногу. Эта практика имела

настолько большое значение в обществе, что коммерческая ценность девушки определялась размерами ее ступней и во время сделки по поводу суммы, которую должен был заплатить за нее жених, в качестве одного из основных аргументов демонстрировались ее туфельки. Одержимость современной женщины, чьи ступни, по мнению некоторых специалистов, убивают ее, – всего лишь слабый отголосок этого древнего феномена. Согласно официальной версии основной мотив бинтования ступней заключался в том, чтобы продемонстрировать, что женщине нет нужды зарабатывать на жизнь, поскольку с такими ногами она делать ничего не могла. У ее мужа – состоятельного человека – тоже не было нужды зарабатывать себе на хлеб, тем не менее его ступни не подвергались увечьям. Таким образом, наиболее правдоподобной версией в данном случае является стремление усугубить половое различие. Этот мотив присутствует и во многих других подобных случаях. То или иное анатомическое видоизменение или преувеличение официально осуществляется ради следования высокой моде или демонстрации статуса, тогда как в действительности это делается для того, чтобы подчеркнуть соответствующую женскую (или мужскую) биологическую особенность. Как пример можно привести искусственное сужение женской талии – хорошо всем известную «рюмочку».

Сексуальные сигналы способно посылать и положение ног. Во многих культурах считается неприличным, если девушка стоит или сидит с широко раздвинутыми ногами. Это все равно, что «раскрывать» свое естество, и даже если гениталии остаются прикрытыми, суть послания вполне очевидна. В последние годы в связи с широким распространением в обиходе женских брюк и существенным смягчением строгих правил этикета такие позы стали обычным явлением, в частности, их нередко принимают модели на рекламных фотосессиях. То, что раньше было мощным сексуальным сигналом, превратилось в простой вызов, а то, что когда-то шокировало, теперь всего лишь дразнит. Но тем не менее девушка в юбке все еще подчиняется старым правилам. В большинстве случаев демонстрация промежности, прикрытой только трусиками, и сегодня остается слишком сильным сигналом приглашения к сексуальной близости.

Ввиду этого воспитанная барышня держит ноги вместе. Однако здесь существует определенный риск. Если она сдвинет их слишком сильно или скрестит, это будет рассматриваться в качестве «протеста» и, следовательно, своего рода сексуального комментария. Другими словами, окружающие могут решить, что она слишком озабочена в сексуальном плане. В самом деле женщина, пытающаяся скрыть свои прелести от посторонних взглядов, привлекает такое же внимание, как если бы она демонстрировала их окружающим. Похожая ситуация возникает и в том случае, когда представительница слабого пола садится и ее юбка задирается чуть выше, чем ей хотелось бы. Если она попытается ее одернуть, это наверняка не останется незамеченным.

Раздвигающий ноги мужчина посылает тот же сигнал, что и женщина, поскольку это тоже означает: «Я демонстрирую вам свои гениталии». Широко расставленные ноги – это поза уверенного в себе человека (если только, конечно, он не весит 150 килограммов, в противном случае толстяк лишен возможности свести их вместе).

Вернемся к разговору о *животе*, располагающемся над зоной гениталий. Он бывает плоским и толстым. У взрослых женщин толстый живот встречается реже, чем у мужчин того же возраста, даже если у них есть избыточный вес. Дело в том, что у представительниц слабого пола больше жира на бедрах, а не на животе. Разумеется, если женщина будет сильно переедать, ее живот приобретет такую же сферическую форму, как и живот обжоры-мужчины, но если она не чревоугодница, разница в распределении жира выражена явно. У многих сравнительно худощавых мужчин в среднем и пожилом возрасте образуется если и не чрезмерно толстый, то все-таки достаточно заметный живот. В чем же причина?

Иногда шутка говорит больше, чем намеревался сказать ее автор. Возьмем в качестве иллюстрации один мультипликационный ролик. На пляже стоит мужчина средних лет с выступающим животом. По направлению к нему идет интересная молодая девушка в бикини. Он замечает ее, и когда красавица подходит ближе, втягивает живот и выпячивает грудь. После того как девушка прошла мимо, живот этого хитреца постепенно выступает вперед, а когда она скрывается из вида, обретает свою первоначальную форму. Этой шуткой автор явно

намеревался показать, как мужчины в нужный момент контролируют контуры своего тела и соответственно свой сексуальный имидж. Впрочем, сие почти всегда происходит на подсознательном уровне и является частью мужской сексуальной демонстрации. Пробуждение эротического интереса автоматически вызывает сокращение мышц брюшного пресса. Независимо от индивидуальных особенностей молодые и зрелые мужчины различаются своими телесными формами. Первые сильнее в сексуальном плане и в целом обладают более «мужским» сложением: у них широкие плечи, мощная грудная клетка, узкие бедра и плоский живот. У зрелых мужчин, как правило, сутулые плечи, впалая грудь, мясистые бедра и выпуклый живот. Всем своим видом они как бы говорят: «Я уже не гождусь для создания пары».

Современные мужчины среднего возраста, которые возвели в культ молодость и хорошую физическую форму, всеми доступными им методами пытаются приостановить неизбежный процесс старения. Одни соблюдают диету, другие регулярно посещают тренажерный зал, а некоторые даже носят тугие корсеты, и все они напрягают ослабевшие брюшные мышцы, пытаясь как можно больше втянуть живот. В погоне за молодостью им было бы гораздо проще, если бы они могли влюбляться снова и снова – это дает не меньший, а возможно, и больший эффект, нежели диета, физические упражнения и механические приспособления. Под воздействием эмоций мышцы живота автоматически сокращались бы и оставались в тонусе, возвращая тело в биологическое состояние молодых лет, соответствующее душевному состоянию. Разумеется, многие мужчины время от времени делают шаги в этом направлении, но, если только увлечение не длится достаточно долго, необратимый процесс изменения телесных форм возьмет свое, и достигнутый успех будет носить краткосрочный характер. Кроме того, такие попытки нарушают нормальное течение жизни зрелого мужчины, которому предназначено выполнять функции главы семьи.

Но так было не всегда. До того как современная наука и техника добились значительных успехов в деле продления человеческой жизни, мужчины в большинстве своем не доживали до зрелого возраста. Судя по различным характеристикам и особенностям нашего жизненного цикла, естественный срок жизни мужчины составляет приблизительно от 40 до 50 лет, не более. То, что выпадает на долю того или иного представителя сильного пола сверх этого, следует считать чем-то вроде премии. К тому же в предыдущие исторические эпохи доминантный пожилой мужчина поддерживал свой статус, в основном за счет социальной значимости, нежели за счет молоджавости. Зачастую за юной привлекательной девушкой не ухаживали, ее просто покупали. Толстого владельца гарема мало заботило то, что посылаемые его обрюзгшим телом сигналы далеко не сексуальны. Эта ситуация и стала причиной появления танца живота. Изначально он представлял собой движения тазом, которые совершала специально обученная обитательница гарема, сидящая на своем тучном господине. Поскольку сам он был не способен играть активную роль в половом акте, ее приходилось брать на себя женщине, которая вводила вялый пенис в свое влагалище и резко двигала тазом, дабы возбудить мужчину и вызвать у него оргазм. Именно из этих выверенных и ловких движений родился знаменитый танец живота, который со временем все больше усложнялся и совершенствовался, пока не стал таким, каким мы имеем возможность видеть его сегодня в ночных клубах.

У современного мужчины, когда он не считает нужным помнить о сигналах приглашения к интимной близости, сексуальные завоевания в основном ограничиваются визитами к представительницам древнейшей профессии. Однако, если он намерен установить и поддерживать долгосрочные отношения, ему приходится думать о своей сексуальной привлекательности. В этом отношении он вернулся к более естественной для нашего вида ситуации, но в то же самое время срок его жизни стал намного больше. В результате мужчина, перешагнувший тридцатилетний рубеж, начинает испытывать беспокойство по поводу уходящей молодости и снижения потенции. Если бы он знал, что умрет в 45 лет, это заботило бы его намного меньше, поскольку еще оставалось время для того, чтобы сделать карьеру, воспитать детей и завершить кое-какие земные дела. Но теперь, когда после рождения наследников у мужчины есть все шансы дожить до 60 лет и больше, перед ним встает проблема сохранения молодости и жизненных сил. Что он делает? Мы уже говорили – садится на диету, начинает посещать тренажерный зал и прибегает к прочим мыслимым и немыслимым ухищрениям.

Вернемся в мир женских сексуальных сигналов. У женщин *талиа* уже, чем у мужчин, или это только кажется из-за широких бедер и выпуклых округлых грудей? Узость талии является важным женским сексуальным сигналом, который, конечно, можно усилить. Для этого нужно затянуть талию или увеличить объем бюста и бедер. Максимальный эффект будет достигнут в том случае, если сделать и то и другое. Бюст можно увеличить с помощью обтягивающей одежды и специальных подкладок, как и бедра, а также при помощи пластической хирургии. Талию можно сузить с помощью тугого корсета или тесного широкого пояса.

Женские корсеты имеют долгую и не всегда счастливую историю. Иногда они становились настолько тесными, что препятствовали нормальному формированию ребер и легких молодых девушек и затрудняли дыхание. В позднюю викторианскую эпоху привлекательной считалась барышня, чей объем талии в дюймах⁹ равнялся числу прожитых ею лет. Ради того чтобы считаться привлекательной, многие юные леди были вынуждены целый день ходить в туго зашнурованных корсетах и даже спать в них. В те времена, когда был в моде кринолин, требования к ширине талии значительно снижались, поскольку узкой на фоне визуально широких бедер казалась любая.

В XX веке женская талиа меньше страдала от корсета, а зачастую вовсе освобождалась от него, «ужимаясь» с помощью строгой диеты. Сегодня средняя англичанка имеет ширину талии, равную 69 сантиметрам. Твигги из журнала Playboy и усредненная мисс мира могут похвастаться талией в 60 сантиметров. Талиа современных спортсменок – обладательниц атлетического телосложения – в среднем составляет 72,5 сантиметра.

Данные цифры становятся нагляднее, если соотносить их с размерами бюста и бедер. Это позволяет определять фактор «феномена талии», который посылает мощнейший сигнал женской привлекательности. Если сравнить Твигги (76–60–82,5) и мисс мира (90–60–90), у последней он намного сильнее.

Существует еще один фактор талии, заслуживающий комментария. Ее контур проходит как сверху, так и снизу и с одной стороны может быть больше, чем с другой. Фигура мисс мира сбалансирована идеально – и от бюста, и от бедер талиа сужается на 30 сантиметров. У средней англичанки (92,5–69–97,5) сужение от бедер больше, чем от бюста. Разница между шириной бедер и шириной бюста называется «спад», и в данном случае он составляет 5 сантиметров. Это типичный показатель и для других западных стран. В Италии он равен 5 сантиметрам, в Германии и Швейцарии – 5,4, в Швеции и Франции – 5,1 сантиметра.

Эти цифры значительно отличаются от типичных размеров девушек из Playboy – 92,5–60–87,5, которые демонстрируют скорее «подъем», нежели «спад», равный 5 сантиметрам. Таким образом, то, что женщину с такими размерами считают обладательницей большой груди, отражает не просто величину ее бюста, которая в точности соответствует размеру груди среднестатистической англичанки. Своей визуальной привлекательностью она обязана тому факту, что, хотя размер ее бюста не больше среднего, талиа и бедра у нее меньше примерно на 10 сантиметров, в результате чего грудь кажется значительно больше, чем есть на самом деле, что не оставляют без внимания мужчины. Найти такую женщину нелегко. Поскольку для журнала девушки фотографируются с обнаженным бюстом, проблему можно назвать строго биологической – они не имеют возможности прибегать к искусственным средствам визуального увеличения. Дабы изучить этот вопрос досконально, оставим талию и сосредоточим внимание на зоне грудной клетки.

В отличие от самок остальных приматов женщина имеет *бюст* – пару выпуклых молочных желез полусферической формы. Они остаются такими даже тогда, когда лактации нет, и явно представляют собой нечто большее, нежели просто приспособления для выкармливания потомства. Я полагаю, что, исходя из их формы, груди можно рассматривать как имитацию важной сексуальной зоны – округлых ягодиц. Это сходство дает женщине возможность посылать мощный эротический сигнал, что она может делать в положении стоя – в уникальной человеческой позе – перед мужчиной.

⁹ 2,5 сантиметра. – Прим. пер.

Имеются еще две имитации ягодиц, но они посылают менее мощные призывы, нежели грудь. Первая – гладкие, округлые женские плечи, которые, если они обнажены, являют мужским взорам полусферы плоти. Их эротический потенциал используется в те периоды, когда в моду входят платья с низким вырезом. Вторая – гладкие, округлые колени, которые, будучи открытыми и сдвинутыми вместе, в положении сидя демонстрируют мужчинам еще одну пару полусфер плоти. Колени тоже часто упоминаются в эротическом контексте. Как и плечи, они оказывают самое сильное воздействие, если на женщине надета юбка «итальянской» длины. Когда ноги видны целиком, колени теряют значительную часть своего воздействия, превращаясь из эротического маяка просто в круглые окончания бедер. Однако по силе сексуального воздействия и плечам, и коленям до бюста далеко.

Очень важно различать детскую и взрослую реакцию на женскую грудь. В большинстве своем мужчины уверены в том, что их интерес к ней носит чисто сексуальный характер. В то же время некоторые специалисты считают его исключительно детским. Оба мнения однобоки, поскольку в данном случае действуют оба фактора. Мужчина, припадающий к соску своей партнерши, вполне может грезить о радостях младенчества, а вовсе не думать о том, что он лобзает псевдоягодицу. А у влюбленного, ласкающего взглядом или рукой грудь своей избранницы, вполне может возникнуть ассоциация с ягодицами, но вовсе не с материнской грудью из далекого детства. Для крошечной ручки младенца материнская грудь слишком велика, чтобы ее можно было охватить ладонью, тогда как для руки взрослого мужчины это, что называется, в самый раз. Точно так же дело обстоит и в визуальном плане: бюст партнерши, с точки зрения взрослого человека, в большей степени ассоциируется с ее же ягодицами, нежели с материнской грудью, к которой он припадал в младенческом возрасте.

Это сексуальное значение женского бюста всегда играло важную роль в жизни общества. Первые английские пуритане стремились сделать грудь абсолютно плоской с помощью тесного корсажа. В Испании XVII века предпринимались еще более суровые меры: к груди юных девушек, чтобы воспрепятствовать ее развитию, привязывали свинцовые пластины. Это свидетельствует о признании способности бюста посылать сексуальные сигналы, и именно данной способности его стремились лишить.

Намного больше была распространена тенденция подчеркивания груди тем или иным образом, и почти всегда цель заключалась не в том, чтобы визуально увеличить ее размеры, а в том, чтобы бюст выглядел более крепким и упругим. Другими словами, совершенствовалась полусферическая форма груди, сближающая их с ягодицами. Их приподнимали вверх с помощью тугих корсажей, стискивали вместе, в результате чего между ними образовывалась щель, напоминающая щель между ягодицами, и заключали в тесные чашечки бюстгалтеров, чтобы они выступали вперед, а не свисали вниз. В древнеиндийском трактате о любви говорится, что «регулярные процедуры с использованием сурьмы и рисовой воды способствуют увеличению и укреплению груди молодой девушки, дабы они завладевали сердцем истинного ценителя, как вор завладевает золотом».

Однако в некоторых примитивных культурах обвислые груди – признак красоты, и девушек поощряют к тому, чтобы они специально оттягивали их вниз. Кое-где большой популярностью пользуются женщины с маленькой грудью или почти плоскогрудые. Эти исключения требуют пояснения. Специалист в области социальной антропологии, по всей вероятности, объяснил бы подобный феномен «культурными вариациями» и тем ограничился. Каждая культура и каждая историческая эпоха имеют свои стандарты привлекательности, сказал бы такой знаток, и возможен фактически любой стиль, если он окажется приемлемым в том или ином племени или обществе. Нет никакой базовой биологической особенности, а есть просто широкий диапазон вариантов, каждый из которых имеет право на существование. Но придерживаться подобного мнения – значит уклоняться от ответа на фундаментальный вопрос, почему у мужчины и женщины сформировалось так много различных анатомических особенностей и отличий, типичных для нашего вида в целом. У каждой женщины *есть* выпуклый бюст, который отсутствует у мужчины, причем он *есть* независимо от того, кормит она своих отпрысков грудью или нет, тогда как самки других приматов *лишены* этой особенности. Следовательно, эта «конструкция» представляет собой базовую биологическую особенность вида *Homo sapiens*, вариации которой должны рассматриваться как

исключительные и требующие специального объяснения, а не как особенности локального социума, имеющие право на существование, и никаких объяснений не требующие, кроме заявления, что они отражают «различные племенные обычаи».

Для того чтобы понять смысл этих исключений, следует рассмотреть «жизненный цикл» женской груди. В детстве это всего лишь два соска на плоской грудной клетке. По достижении половой зрелости на ней появляются выпуклости. На этой стадии они крепки и упруги. Затем по мере увеличения груди начинают провисать под собственной тяжестью, и их нижняя поверхность становится более округлой, чем верхняя. Однако соски все еще устремлены вперед. После 20 лет груди продолжают расти и все больше смещаются вниз. У женщины среднего возраста с полностью сформировавшимся бюстом он уже заметно обвисает, если только она не прибегает к помощи пластики, позволяющей сохранить упругость груди. Таким образом, существуют три основные стадии развития бюста: маленькие груди у юной девушки, заостренные и выступающие вперед у молодой особы, обвисшие у женщины зрелого возраста.

С этой точки зрения культурные вариации начинают обретать смысл. Если по какой-то причине сексуально привлекательными считаются чуть ли не подростки, в моде будет маленькая грудь. Если предпочтение отдается женщинам постарше, успехом будут пользоваться обвисшие груди. Для подавляющего большинства людей предпочтительна промежуточная стадия, поскольку она соответствует периоду начала сексуальной активности женщины. Юные девушки станут применять подкладки, чтобы визуально увеличить свою грудь, а зрелые женщины прибегнут к различным ухищрениям, стремясь к тому, чтобы их бюст выглядел крепким и упругим.

Что касается случаев, когда предпочтение отдается плоскогрудым женщинам, существует несколько возможных объяснений. Для мужчины, живущего в пуританском обществе, где действуют жесткие сексуальные ограничения, плоская женская грудь означает отсутствие мощных сексуальных сигналов. Она привлекает и мужчину, стремящегося играть по отношению к жене роль «отца». Скрытому гомосексуалисту плоская грудь представляется в большей степени мальчишеской, нежели девичьей. Возьмем другую крайность. В обществе, где материнская роль женщины имеет гораздо большее значение, нежели сексуальная, обвисшие груди являются более привлекательными, даже у девушек. Последние могут «старить» свой бюст, оттягивая молочные железы вниз до тех пор, пока они не обвиснут.

Тем не менее очень для многих людей наиболее привлекательными груди являются в момент достижения максимальных размеров, *прежде чем* они начнут провисать под собственной тяжестью. Это и создает дилемму, стоящую перед фотографами журнала Playboy: по мере того как улучшается одно качество бюста (размеры), другое качество (крепость и упругость) ухудшается. Чтобы сделать суперснимок, они должны отыскать ту редкую девушку, груди которой сохранили крепость и упругость после того, как достигли максимальных, взрослых размеров. Их выбор ограничивается узким возрастным диапазоном 18–19 лет. Совершенно очевидно, что это наиболее важный момент в жизненном цикле данного источника сексуальных сигналов, и именно это состояние женщины стараются имитировать и искусственно продлевать при помощи самых разных методов.

Эффект супергруди усиливается, если подбирать девушек с талией и бедрами скромных размеров. Здесь мы возвращаемся к вопросу общих изменений форм женского тела, происходящих с возрастом. Проведенные специалистами исследования показали, что в среднем взрослая женщина каждые пять лет прибавляет в весе 4,5 килограмма. С годами небольшая доля этого дополнительного веса, приходящаяся на грудь, все больше оттягивает ее вниз. На бедрах откладывается значительно больше лишних килограммов, в результате чего образуется упоминавшийся выше «спад» – небольшое превосходство в размерах бедер по сравнению с бюстом. В некоторых уголках мира, особенно в Средиземноморье, после того как девушки достигают двадцатилетнего возраста, эти изменения происходят с поразительной скоростью. Стройные и изящные, они буквально на глазах раздаются в бедрах, приобретая типичные «материнские» формы взрослой женщины. В других регионах эти изменения происходят постепенно, но основная тенденция остается той же. Только в старости, когда тело начинает усыхать, она приобретает противоположный характер.

Для многих женщин Запада, стремящихся выглядеть молодыми, этот естественный

биологический процесс становится серьезной проблемой и вынуждает их соблюдать диету. Они борются отнюдь не с собственным аппетитом, а с самой природой и должны не просто ограничивать себя в еде, а недоедать, чтобы сохранить девичью фигуру. Эта ситуация не всегда была столь острой, как сегодня. В прошлом полнота не мешала дамам быть сексуально привлекательными. В пышных формах отнюдь нет ничего неженственного. Правда, они свидетельствуют скорее о материнской фазе, нежели о девической, а современные женщины, одержимые культом молодости, желают сохранять девичью внешность, невзирая на то, что ведут половую жизнь и рожают детей.

Пышные формы ассоциируются с материнской, а не с девической фазой по той причине, что за один и тот же период замужняя женщина набирает 3,5 килограмма, тогда как незамужняя всего 2. Таким образом, если представительница прекрасной половины человечества хочет сохранить девичью фигуру, она должна сохранять статус невинной девушки. Быть незамужней, независимо от возраста, означает, что в биологическом плане женщина все еще демонстрирует себя потенциальным партнерам и, следовательно, старается сохранить фигуру, соответствующую этой ситуации. Связав себя узами Гименея, она начинает приобретать более «комфортные» материнские формы.

Хотя данная тенденция воспринимается большинством современных представительниц слабого пола как досадное недоразумение, она должна иметь какой-то биологический смысл. Часто можно слышать, что у полной женщины с широкими бедрами легче протекают роды, но в пользу этого утверждения имеется мало свидетельств, особенно с учетом того, что львиная доля дополнительной ширины бедер приходится не на увеличенное расстояние между бедренными костями, а на слой жира. (Тело средней женщины содержит 28 % жира, тогда как тело среднего мужчины всего 15 %.) Существует еще одно в большей степени сексуальное объяснение, которое представляется более правдоподобным. Мужчинам нравятся девушки со стройной фигурой, они любят ими, но живут многие с более полными женщинами. Возможно, таким образом идеальная визуальная форма меняется, чтобы превратиться в идеальную тактильную. Такое изменение объясняет различие между костлявой моделью, на которую смотрят, но не дотрагиваются до нее, и полнотелой барышней, которую заключают в объятия, а потом ведут к алтарю. Она уже выполнила свою биологическую задачу по привлечению мужчины и формированию связи с ним.

Разумеется, это крайности. В случае со средней женщиной ее тело в девическом возрасте не такое уж и костлявое, чтобы с ней было неприятно вступать в половую связь, а в более зрелом возрасте оно не такое уж и толстое, чтобы на нее было неприятно смотреть. Изменение не носит глобального характера, и обе стадии для женщины успешны как в визуальном, так и в тактильном плане. Дело в том, что в современном обществе весьма популярен романтический миф, согласно которому молодые партнеры влюблены друг в друга до гробовой доски. Вместо того чтобы признать, что безумная страсть должна неизбежно переродиться в более глубокую, но менее чувственную любовь, супруги изо всех сил стараются поддерживать пыл своих первых встреч. Чувствуя, что страсть постепенно угасает, они испытывают разочарование. Понять суть происходящего им могут помочь старые голливудские фильмы.

Для представителей обоих полов и во всех культурах важное сексуальное значение имеет гладкая, чистая и здоровая *кожа*. Морщины, грязь и кожные болезни всегда антиэротичны. Отметим, что умышленно нанесенные шрамы или татуировки, встречающиеся в некоторых культурах, скорее увеличивают, нежели уменьшают сексуальную привлекательность их обладателя.

У женщин кожа туловища и конечностей менее волосиста, чем у мужчин, поэтому они не только пытаются сделать ее еще более гладкой с помощью различных мазей, лосьонов и массажа, но и прибегают к эпиляции, дабы преувеличить это половое различие. Эпиляция практиковалась во многих культурах на протяжении тысячелетий. Она известна не только в примитивных племенах, но и в древнегреческом обществе. Жительницы Эллады удаляли значительную часть волос лобка, причем способами, подчас очень болезненными: либо выдергивали их – «кусты мирта, вырываемые рукой», как писал один классический автор, – либо выжигая горячими углями.

В наше время женщины производят эпиляцию с помощью электрической или безопасной

бритвы, а в последнее время и химических средств. Косметологи утверждают, что 80 % англичанок имеют на теле «нежелательные» волосы, которые хотя более редки и светлы, чем волосы на теле мужчин, но тем не менее вызывают у них чувство дискомфорта. Наряду с бритьем и нанесением кремов, лосьонов и аэрозолей, растворяющих волоски, специалисты рекомендуют использовать альтернативные методы, такие как удаление с помощью воска, истирание, выщипывание и электролиз. При использовании воска специальный состав нагревают до тех пор, пока он не начинает плавиться, а затем наносят на кожу. Когда полоска воска затвердеет, ее отрывают от тела вместе с росшими на нем волосками. В древности к этому методу прибегали арабские женщины, только вместо воска они использовали густую патоку, изготавливавшуюся из равных частей воды и сахара с добавлением лимонного сока.

На первый взгляд вызывает удивление, что современные мужчины, многие из которых ежедневно тратят немало времени на удаление с лица щетины, никогда не пытались экспериментировать с чем-либо, кроме традиционной бритвы. Однако при более внимательном изучении вопроса становится очевидно, что это не трусость и не безынициативность, а следствие парадоксального желания казаться бородатым, не имея при этом бороды. После бритья на мужском подбородке и щеках почти всегда видна лоснящаяся синева – призрак былой бороды. Если бы с помощью какого-нибудь прогрессивного метода от нее можно было избавиться навсегда, вместе с ней исчезла бы эта мужественная синева и лицо мужчины стало бы выглядеть слишком женственным. И по этой причине среднестатистический представитель сильного пола тратит на бритье в течение жизни свыше 2 тысяч часов – высокая цена за возможность посылать столь противоречивый сигнал.

Во время любовной прелюдии и полового акта текстура кожи как мужчины, так и женщины претерпевает существенное изменение. Кожа пылает жаром, и при оргазме может обильно выделяться пот. На эротических фотографиях кожа моделей иногда бывает покрыта блестящими капельками. Чтобы кожа блестела, ее смазывают маслом или жиром либо опрыскивают водой, дабы создать видимость обильного потоотделения. В таких случаях отнюдь не предполагается, что вода должна осознанно восприниматься как пот – это было бы слишком откровенным намеком, а так увлажненная поверхность вызывает подсознательную ассоциацию. Тот же принцип действует и в случае с применением интенсивного красного оттенка при печатании цветных фотографий, в результате чего кожа женщины приобретает эротичный вид, словно она сексуально возбуждена. Данный прием часто используют фотографы многих глянцевого журналов. Однако они не злоупотребляют этим методом, и упомянутое выше впечатление возникает лишь на уровне подсознания.

В последнее время на рынке появились средства для придания коже искусственного эротичного блеска. Любовники теперь имеют возможность покрывать свои тела специфическими веществами, которые создают впечатление (в том числе у них самих), будто они испытывают супервозбуждение еще до начала прелюдии. Например, «любовная пена» в виде аэрозоля. При нанесении на кожу напоминает крем для бритья, но после втирания, по словам производителей, она «придает телу волшебный блеск». Для людей с более экзотическими вкусами имеется вещество с весьма красноречивым названием «Оргастическое масло». Называемое также «роскошной смазкой», оно рекламируется как «смазка, благодаря которой тело становится очень привлекательным... создает эффект чувственного скольжения... придает коже блеск». В этой рекламе упоминаются сигналы возбуждения (скольжение и блеск), то есть речь идет об имитации потоотделения, являющегося признаком реально активного состояния кожи тела.

Округлые женские *плечи* нами уже упоминались, но широкие мужские тоже заслуживают комментария. Ширина плеч – важная вторичная сексуальная характеристика, которая начинает проявляться после достижения половой зрелости. У юношей плечи в ширину увеличиваются быстрее, чем у девушек, и у взрослых мужчин они значительно шире, чем у взрослых женщин. Как и другие параметры, различающиеся по половому признаку, ширина плеч нередко становилась предметом искусственного увеличения, осуществлявшегося разными способами. На протяжении истории в мужской одежде время от времени использовались подкладки в зоне плеч, дабы они выглядели более широкими и благодаря этому посылали мужские сексуальные сигналы. Апофеоза эта тенденция достигла с введением в военную форму

эполетов, которые не только визуально расширяли плечи, но и делали их намного более резко очерченными. Это создавало двойной контраст между ними и более узкими и округлыми женскими плечами.

В зоне головы имеется несколько половых различий, и наиболее заметное из них связано с нижней *челюстью* и подбородком. У среднестатистического мужчины они несколько тяжелее, чем у среднестатистической женщины. По неизвестной причине этот факт комментируется довольно редко, хотя сие становится очевидным каждый раз, когда на сцене появляется трансвестит. Он может сколько угодно подкладывать под одежду «толщинки» для придания телу пышных форм, удалять волосы с видимой поверхности кожи и пользоваться декоративной косметикой, но его все равно выдадут нижняя челюсть и подбородок – если только такой человек не воспользуется услугами пластического хирурга или если у него нижняя часть лица невелика от природы. Может быть, поначалу такой трансвестит и сумеет ввести в заблуждение пьяного матроса в порту, выдавая себя за проститутку, но тот в конце концов обнаружит свою ошибку.

У мужчин, принадлежащих к некоторым расам (в первую очередь это относится к жителям Дальнего Востока), нижняя челюсть и подбородок выражены в меньшей степени, и вместе с этим у них обычно, что весьма примечательно, заметно хуже растет борода. Судя по всему, между этими двумя особенностями существует определенная связь. Выдвинутая вперед челюсть, будь то мужская или женская, всегда является признаком агрессивного настроения, намерения атаковать. Данный мимический жест противоположен смиренному поклону. Представитель сильного пола, обладающий выступающим подбородком, всегда выглядит самоуверенным. Это важная мужская особенность, о чем свидетельствует тот факт, что мужчины с маленьким подбородком иногда становятся объектами насмешек из-за отсутствия в их облике выражения уверенности в своих силах.

Поскольку одной из наиболее очевидных мужских черт является наличие бороды, весьма вероятно, что она сформировалась одновременно с выдающимся вперед подбородком, поскольку более плотная структура кости – лучшая основа для роста волос. Именно эти две особенности придают лицу мужественный вид. В данном случае большое значение имеет уникальность человеческого подбородка. В отличие от других приматов мы имеем в этой зоне выступающую кость, которая, по мнению современных анатомов, не выполняет какой-либо внутренней механической функции. В прошлом выдвигалось немало гипотез по поводу назначения столь необычного костного образования, которые связывали его с особыми свойствами мышц челюсти и языка, но впоследствии эти аргументы были опровергнуты. В настоящее время принято считать, что подбородок главным образом служит маркером половой принадлежности.

Теперь обратимся к другому важному компоненту лица – *щекам*. Их самым мощным сигналом является румянец – покраснение кожи, вызываемое приливом к нему крови. Это покраснение всегда начинается в зоне щек, где румянец наиболее очевиден, и может затем распространяться на все лицо, шею и изредка на верхнюю часть туловища. Румянец чаще бывает у женщин, чем у мужчин, и более свойствен молодым барышням, чем пожилым матронам. Покраснение сопровождается небольшим отеком кожи, и это придает ей поверхностный блеск, который заметен даже у чернокожих. Румянец бывает у представителей всех рас, и даже у глухих и слепых, поэтому он является базовой биологической особенностью нашего вида. Чарлз Дарвин в своем фундаментальном труде посвятил ему целую главу и пришел к выводу, что эта реакция отражает робость, стыд, скромность и указывает на «чрезмерное внимание к собственной внешности». Что касается сексуального значения румянца, согласно записям соответствующих эпох, девушки, которые краснели, будучи выставлены на невольничьих рынках для продажи в гарем, ценились выше тех, кто не заливался краской. Судя по всему, румянец является мощным сигналом при приглашении к интимной близости.

Будучи самым важным для человека органом чувств, *глаза* не только фиксируют различные призывы, но и посылают свои собственные. Мы постоянно устанавливаем и прерываем зрительный контакт во время беседы наедине, отслеживая изменения в настроении собеседника, и отводим взгляд в сторону во избежание слишком длительного пристального

внимания. Однако любовники могут подолгу смотреть в глаза друг другу, не смущаясь и не выражая тем самым агрессивность. Они делают это по вполне определенной причине. Под влиянием сильных положительных эмоций наши зрачки сильно расширяются, и маленькое темное пятнышко в центре глаза становится большим черным диском. Это расширение зрачков служит мощным неконтролируемым сигналом, свидетельствующим о силе чувства, испытываемого к любимому человеку. Данное явление лишь недавно стало предметом научных исследований, хотя оно известно на протяжении многих столетий. В Средние века итальянские красавицы, чтобы добиться этого эффекта, закапывали себе в глаза экстракт белладонны. В наши дни в этом деле преуспели рекламодатели, которые, используя вместо белладонны тушь, увеличивают на фотографиях зрачки моделей, дабы те выглядели более привлекательно.

Еще одно изменение, происходящее с глазами под воздействием эмоций, – небольшое увеличение объема вырабатываемой слезными железами жидкости. Сие не означает, что те, кто влюблен, обязательно все время плачут, просто их глаза сильнее блестят. Это сияние в сочетании с расширенными зрачками является несомненным доказательством искренности чувств.

Различные движения глаз тоже служат сигналами приглашения к интимной близости. Наряду с хорошо известным подмигиванием в некоторых культурах откровенным приглашением в постель является... вращение глазных яблок. Девушка, скромно потупившая взор, тоже посылает определенный сигнал, как и мужчина, слегка сощуривший глаза и выражающий таким образом свой интерес. Задержавшийся чуть дольше обычного взгляд при первой встрече подчас служит намеком на возможность более близких отношений в дальнейшем.

Приглашающая к интимной близости женщина может широко распахивать глаза, хлопая при этом ресницами. Возможно, потому, что подобные движения ресниц носят в значительной мере женский характер, в настоящее время размеры последних увеличивают в основном представительницы слабого пола. Это началось с использования туши, благодаря которой ресницы выглядели более тяжелыми и были заметнее, затем в ход пошли специальные щипчики для загибания, и наконец 60-е годы XX века ознаменовались созданием искусственных ресниц, которые наклеивали на натуральные. Сегодня только одна компания предлагает комплекты искусственных ресниц 15 стилей, включая Wispy-tipped Starry Lashes («Звездные ресницы с пушистыми концами»), «расширяющие глаза», и Ruggedy Lashes («Неровные ресницы»), которые «увеличивают маленькие глаза». Они крепятся к верхним векам точно так же, как другие экзотические изобретения вроде Cluster-lashes («Ресницы гроздьями»), Natural-fluff Lashes («Натуральные пушистые ресницы») и Super-sweepers («Суперопалаха»). Для нижних век предназначаются Winged Under-lashes («Крылатые нижние ресницы»), «расширяющие глаза и делающие их ярче». Эту новую тенденцию увеличения длины ресниц наверняка в полной мере оценил бы влюбленный тробриандер, который имеет обыкновение откусывать ресницы у своей возлюбленной. К счастью для последней, они отрастают у нее на удивление быстро. И конечно, как и в случае со многими другими частями лица и тела, с помощью которых женщина может посылать сексуальные сигналы, она извлекает из ресниц максимум выгоды.

Брови. Над глазами человек имеет две уникальные полосы волос, располагающиеся в нижней части лба. Раньше считалось, что они предназначены для того, чтобы препятствовать попаданию капель пота в глаза, но на самом деле их основная функция заключается в передаче сигналов о переменах в настроении. Брови поднимаются в страхе и удивлении и опускаются в гневе, сдвигаются в тревоге и взмывают вверх, когда мы чем-то озадачены. При виде хорошего знакомого они быстро поднимаются вверх и так же быстро опускаются.

Безусловно, женские брови менее густы и кустисты по сравнению с мужскими. Следовательно, это половое отличие может быть преувеличено. Женщины немилосердно выщипывали брови, чтобы они были тоньше, и к 30-м годам прошлого столетия их толщина сократилась до размеров черты, проведенной карандашом. Но и это не было пределом, ведь когда-то японские невесты перед свадьбой полностью сбрасывали брови.

Сексуальную природу этого тривиального изменения женской внешности наглядно иллюстрирует тот факт, что в 1933 году девушка, устраивавшаяся на работу на должность медсестры, была предупреждена старшей сестрой, что отныне не должна выщипывать брови.

Барышня подала иск, и суд потребовал от совета Лондонского графства вынести старшей сестре официальное порицание, но это требование было отклонено. Таким образом, пациенты больницы были избавлены от неуместной дополнительной сексуальной стимуляции.

Прежде чем покинуть зону *лица*, имеет смысл рассмотреть его напоследок как единое целое, а не совокупность компонентов. Это, вне всякого сомнения, наиболее выразительная часть того, чем наградила человека природа. Лицо может передавать всевозможные, едва уловимые эмоциональные послания при помощи множества разнообразных выражений. Сокращая и расслабляя определенные мышцы, особенно те, которые располагаются вокруг рта и глаз, мы выражаем целую гамму чувств – от радости и удивления до печали и гнева. Как источник сигналов приглашения к интимной близости лицо имеет чрезвычайно важное значение. Дружелюбное и улыбающееся или настороженное и взволнованное, оно неизменно привлекает к себе внимание. Унылое лицо, отмеченное печатью безнадежности, может пробудить желание подойти к человеку и утешить его, а напряженное, суровое или угрюмое – противоположное. Все это хорошо известно, но лицо способно производить один весьма интересный долгосрочный эффект, который заслуживает краткого комментария.

Что касается выражений лица, оно может быть «включенным» и «выключенным». Лицо «включается» в процессе общения. Мы говорим «сделать счастливое лицо» или «сделать хорошую мину» и стараемся не «потерять лицо» на публике. Желая казаться дружелюбными, мы придаем лицу приветливое выражение и улыбаемся. В менее приятных обстоятельствах наше лицо мрачнеет или становится высокомерным. Оставаясь наедине с собой, мы «выключаем» лицо, и оно принимает выражение, типичное для того общего долгосрочного настроения, в котором мы пребываем в последнее время. Человек, испытывающий чувство тревоги, который прилагал все усилия, чтобы выглядеть беззаботным на вечеринке, теперь сидит с угрюмым видом, выдающим его истинное эмоциональное состояние, потому что его никто не видит. (Он и сам может не догадываться об этом, если не глядит на свое отражение в зеркале.) У счастливого и довольного жизнью человека, который старался выглядеть печальным на похоронах, лицо теперь расслабилось, и горестные складки в уголках губ и на лбу разгладились.

У большинства из нас долгосрочное настроение время от времени меняется, и наши лицевые мышцы не находятся подолгу в том или ином состоянии «выключенного» лица. Мы можем испытывать депрессию утром, но пребывать в отличном настроении вечером. И в моменты одиночества выражение лица будет меняться соответствующим образом. Люди, частенько подверженные тревоге или раздражению, находятся в иной ситуации. Существует опасность того, что выражение их «выключенного» лица станет постоянным и неизменным, и складки на лбу, вокруг рта и по бокам носа больше не будут разглаживаться.

Таким людям трудно «включать» лицо и принимать необходимое выражение в процессе общения. Озабоченный человек выглядит озабоченным, даже когда улыбается, приветствуя знакомого. Раздраженный человек выглядит раздраженным, даже когда смеется над шуткой. Выражение «включенного» лица просто накладывается на выражение «выключенного», вместо того чтобы заменить его. Благодаря этому лицо может кое-что рассказать нам о прошлом и нынешнем эмоциональном состоянии человека.

Неизвестно, как долго будут сохраняться эти морщины «выключенного» лица после кардинального изменения образа жизни. Если бытие, до сих пор полное тревог и забот, неожиданно изменится к лучшему, морщины не исчезнут за одну ночь. Если эта счастливая перемена происходит с уже немолодым человеком, они могут остаться навсегда. Несомненно, во всех подобных случаях старое, фиксированное выражение лица в течение какого-то времени сохраняется, хотя его послание уже будет не актуально, но я не слышал, чтобы проводились исследования по измерению продолжительности этого периода.

Между прочим, то же самое относится к позе тела. Она может быть согбенной, настороженной, напряженной, расслабленной и т. д. Регулируя работу мышц рук, ног и корпуса, мы можем менять ее в зависимости от социальных обстоятельств. Однако, как и в случае с лицом, продолжительное сохранение определенной позы приводит к ее фиксации, и изменение такой позы в соответствии с ситуацией становится чрезвычайно трудным делом. Если плечи постоянно опущены, это приводит к сутулости, которую не способен выправить

даже миллионный выигрыш.

И наконец, мы добрались до венца человеческого тела – густой шевелюры на его голове, содержащей около 100 тысяч *волос*. В зависимости от расовой принадлежности они могут быть курчавыми, волнистыми или прямыми. Скорость их роста составляет приблизительно, 12,5 сантиметра в год, и каждый волосок растет в течение шести лет, прежде чем выпадет и его сменит новый. Следовательно, если волосы не стричь, они с годами отрастут до бедер, и это должно было придавать первобытному человеку очень необычный вид по сравнению с приматами других видов. В то время как волосяной покров на его теле почти исчез, буйная копна волос на голове была видна на большом расстоянии.

За исключением того, что многие мужчины с возрастом лысеют, в отношении волос между полами нет никаких различий. В биологическом плане и мужчины, и женщины длинноволосы, и эта особенность развилась в качестве видового идентификационного сигнала. Однако в культурном плане волосы часто подвергались видоизменениям, дабы стать источником сигнала половой принадлежности. Иногда более длинные волосы носили мужчины, но чаще бывало наоборот. В последние столетия представители сильного пола, как правило, коротко стриглись – это было средством борьбы с паразитами, и суровые армейские сержанты называли длинные мужские волосы лестницами для вшей. Женщины почти всегда носили волосы умеренной длины, тогда как мужчины нередко бросались из крайности в крайность. Было время, когда они надевали длинные парики, и в наши дни эта традиция имеет продолжателей в лице британских судей. Тем не менее в современную эпоху сформировалась настолько прочная ассоциация между длинными локонами и слабым полом, что еще не так давно мужчина, носивший волосы, длина которых превышала установленный стандарт, рисковал подвергнуться насмешкам. В последнее десятилетие ситуация изменилась коренным образом, и молодые мужчины стали носить длинные волосы, утратившие функцию полового признака. Таким образом, пренебрегающие санитарией хиппи взяли верх над приверженцами гигиены, призывающими коротко стричь волосы.

Поскольку волосы всегда являлись источником сексуальных сигналов, они были предметом самого тщательного ухода. Как в древности, так и в наши дни люди прилагают немалые усилия для достижения требуемого эффекта. Самое старое из известных средств ухода за волосами включало «одну часть собачьих лап, одну часть финиковых косточек, одну часть копыт осла», и эту смесь следовало долго варить в масле и жире. Сегодня блестящие, струящиеся волосы остаются идеалом почти для всех девушек, и, как нам постоянно твердят рекламодатели, тусклые и безжизненные волосы резко сокращают шансы своих обладателей привлечь внимание потенциальных партнеров.

В этой инвентаризации сигналов человеческого тела его части рассматривались по отдельности, но представителя вида *Homo sapiens* нужно рассматривать в целом. Части тела подают сигналы не по отдельности, а одновременно, в определенной комбинации друг с другом и в соответствующей ситуации. Число таких комбинаций огромно, как и число ситуаций, составляющих чрезвычайно разнообразную среду социального взаимодействия. Входя в помещение или шествуя по улице, мы посылаем массу сигналов, как чисто биологических, так и культурно обусловленных. Мы всегда отдаем себе в этом отчет на подсознательном уровне и регулируем эти сигналы в соответствии с конкретной социальной ситуацией. Почти всегда мы стремимся передать сбалансированный комплекс сигналов, одни из которых приглашают к интимной близости, тогда как другие отвергают ее. Время от времени мы идем гораздо дальше в том или ином направлении, либо откровенно демонстрируя приглашение, либо занимая враждебную позицию по отношению к окружающим.

На протяжении этой главы, рассматривая различные сексуальные приглашения к интимной близости, я подробно останавливался на крайностях и выбирал наиболее показательные примеры, подтверждающие справедливость приводимых мною положений. Гульфики, корсеты и эполеты, может быть, далеки от арсенала обычных сексуальных сигналов, используемых сегодня обычным взрослым человеком, но они помогают привлечь внимание к менее изощренным средствам преувеличения половых признаков – узким брюкам, широким поясам и подкладным плечам, которые применяются более широко и менее демонстративно.

Точно так же танец живота, возможно, представляет собой всего лишь экзотическое развлечение, но его включение в настоящее исследование помогает нам оценить менее экстремальные танцевальные движения, которые делают сотни тысяч юношей и девушек на вечеринках и дискотеках.

Независимо от того, совершенствуем мы свои сексуальные сигналы или относимся ко всему этому равнодушно, прибегаем к искусственным средствам (лишь немногие из нас не пользовались некоторыми из них) или отдаем предпочтение более естественному подходу, все мы постоянно посылаем сложный комплекс визуальных сигналов окружающим. Многие из этих призывов неизбежно связаны с нашими сексуальными качествами, и, даже не осознавая это в полной мере, мы не перестаем «считывать сигналы», исходящие от других людей. Тем самым мы готовим себя к важному социальному шагу, который подводит нас к осуществлению первого пробного контакта с потенциальным половым партнером и вхождению в сложный мир сексуальной интимной близости.

3

Сексуальные интимные отношения

В стремлении осознать себя как личность подрастающий ребенок должен отвергнуть ласковые материнские объятия. Став наконец взрослым, он остается наедине с собой. Будучи маленьким, ребенок безгранично доверял матери и был очень близок с ней. Теперь же его отношения со взрослыми строго ограничены – он держится от них на расстоянии. Слепая вера уступила место настороженности, зависимость – взаимозависимости. Нежные детские отношения сменились жесткими взрослыми.

Жизнь не перестала быть интересной. Существуют увлекательные науки, которые хочется изучать, заманчивые цели, которых хочется достигать, и социальный статус, который хочется повышать. Но куда делась любовь, которая побуждает спонтанно открываться другому человеку? Отношения взрослых людей совсем не таковы...

Все сказанное выше применимо как к молодой обезьяне, так и к молодому человеку. Схема одна и та же. Но с этого момента начинаются расхождения. Самец обезьяны уже никогда больше не познает прелестей подлинной любовной связи. До последнего своего дня он будет вести жизнь в мире без любви, мире соперничества и партнерства, конкуренции и сотрудничества. Самка обезьяны еще испытает любовь, став матерью, но, как и самец, никогда не будет иметь подлинной любовной связи с другой взрослой обезьяной. Дружеские отношения – да, партнерские – да, сексуальные – да, любовные – нет.

Однако у взрослого человека такая возможность существует. Он способен сформировать прочную и долгосрочную связь с представителем противоположного пола, которая представляет собой нечто гораздо большее, чем простое партнерство. Те, кто говорит, что брак – это партнерство, оскорбляют любовь и совершенно неправильно понимают ее природу. Мать и ребенок тоже отнюдь не партнеры. Малыш доверяет матери не потому, что она кормит и защищает его. Он любит ее за то, что она такая, какая есть, а не за то, что она для него делает. Партнер делает благо партнеру, ожидая получить от него взамен равноценное благо, но между любовниками формируются отношения, похожие на отношения между матерью и ребенком. Возникает полное взаимное доверие и вместе с ним полная телесная близость. В настоящей любви не дают и берут взамен, а только дают. Главное для каждого из любовников – что-то дать своему любимому, а поскольку в итоге и тот и другой что-то получает, это является для них просто приятным приложением к чувству.

Осторожному, расчетливому человеку вступление в такие отношения представляется рискованным шагом. Это противоречит правилам заключения договоренностей, которые он привык соблюдать, общаясь с другими людьми. Без определенной помощи низших центров его нервной системы высшие центры не позволили бы ему это сделать, но человеческий мозг подобную помощь оказывает. Очень часто вопреки всякой логике мы влюбляемся. У некоторых представителей нашего вида этот естественный процесс подавляется, и если они все же вступают в брачные или эквивалентные им отношения, сие больше походит на сделку: ты воспитываешь детей, я зарабатываю деньги. Подобная «покупка наследников» или «покупка

статуса» стала обычной в наших переполненных человеческих зверинцах, но эта практика чревата опасностями. Таких партнеров держит вместе не внутренняя связь, а внешнее давление социальных условностей. Это означает, что естественный потенциал влюбленности все еще таится в мозге каждого из них и может в любой момент воплотиться в реальность, в результате чего возникнет настоящая связь за пределами их формального союза.

Счастливицы избавлены от подобного развития событий. Будучи молодыми людьми, они безотчетно влюбляются и формируют подлинную связь с любимым человеком. Этот процесс протекает постепенно, хотя иногда он совершенно незаметен. Любовь с первого взгляда – весьма популярная концепция. Однако это отнюдь не полное доверие с первого взгляда, а всего лишь сильное тяготение с первого взгляда. Переход от первого тяготения к окончательному доверию почти всегда представляет собой длинную и сложную последовательность постепенного развития близких отношений, и именно эту последовательность нам предстоит рассмотреть.

Самый простой метод заключается в том, чтобы проследить за двумя типичными любовниками, принадлежащими к западной культуре, на всем протяжении процесса формирования пары – от первого взгляда до первого полового акта. При этом следует помнить, что типичного любовника в реальности не существует, как не существует среднего гражданина или человека с улицы. Тем не менее для начала имеет смысл попытаться представить типичных любовников, чтобы впоследствии рассмотреть различные варианты.

Все животные осуществляют ухаживание в одной и той же определенной последовательности, и человек здесь не исключение. Для удобства мы разделим порядок этой процедуры у представителя рода *Homo sapiens* на 12 стадий и посмотрим, что происходит на каждой из них.

1. *Контакт глаз с телом*. Самая распространенная форма социального контакта – рассматривание людей на расстоянии. Один взрослый человек может за долю секунды определить физические качества другого взрослого человека. Глаза мгновенно снабжают мозг информацией, касающейся пола, размеров, форм, цвета кожи и волос, признаков статуса и настроения объекта. Одновременно с этим выставляется оценка по шкале, крайними значениями которой являются «чрезвычайная привлекательность» и «чрезвычайное уродство». Если все признаки указывают на то, что объект является привлекательным представителем противоположного пола, мы готовы перейти к следующей стадии последовательности.

2. *Контакт глаз с глазами*. В то время как мы рассматриваем других, другие рассматривают нас. Это означает, что время от времени наши глаза вступают в контакт. Когда мы встречаемся взглядом со знакомыми людьми, за моментом узнавания следует обмен приветственными сигналами, такими как улыбка, поднятие бровей, изменение позы, движения руками и возгласы. Если же мы встречаемся взглядом с незнакомцем, то обычно быстро отводим глаза в сторону, прерывая зрительный контакт, словно избегая пусть даже кратковременного вторжения в чужую частную жизнь. В случае когда один из двух незнакомцев продолжает пристально смотреть после установления зрительного контакта, второй может сильно смутиться или даже рассердиться. Если имеется возможность избежать такого взгляда, это происходит незамедлительно, даже при отсутствии в выражении лица и жестах признаков агрессивности. Сие происходит потому, что продолжительный взгляд является выражением агрессии между незнакомыми взрослыми людьми. В силу этого два незнакомца обычно рассматривают друг друга по очереди, а не одновременно. Тогда, если один находит другого привлекательным, он или она может слегка улыбнуться при повторном зрительном контакте. Если в ответ появится улыбка, за ней возможен следующий, более интимный контакт. Если ответом окажется безразличный взгляд, дальнейшего развития эта ситуация, как правило, не получает.

3. *Контакт голоса с голосом*. Если третья сторона, которая могла бы представить мужчину и женщину друг другу, отсутствует, на следующей стадии между ними происходит голосовой контакт. Разумеется, поначалу речь идет о тривиальных вещах. На этой стадии собеседники говорят о своих истинных чувствах довольно редко. В процессе беседы происходит дальнейший обмен сигналами, на сей раз не зрительными, а слуховыми. В мозг поступает информация о тональности голоса, дикции, манере говорить и образе вербального

мышления. Поскольку такой разговор ни к чему не обязывает, каждый из собеседников может прервать общение, если новые сигналы окажутся для него неприемлемыми, несмотря на привлекательность первых, визуальных, сигналов.

4. *Контакт руки с рукой*. Первые две стадии могут занять минуту, а могут длиться несколько месяцев, если один из потенциальных партнеров молча восхищается другим на расстоянии, не осмеливаясь вступить с ним в голосовой контакт. Точно так же контакт руки с рукой может произойти быстро, в форме рукопожатия при знакомстве, или откладываться на довольно длительное время. При отсутствии формального рукопожатия первый телесный контакт случится, вероятнее всего, под предлогом оказания поддержки, «спасения от опасности или указания направления. В таких случаях мужчина обычно берет женщину за руку, чтобы помочь ей перейти улицу или преодолеть препятствие. Если она приближается к опасному месту, он может воспользоваться случаем и быстро взять ее за руку, чтобы остановить или направить в обход. Если она поскользнулась или споткнулась, ее можно поддержать. Действия, не имеющие отношения к истинным чувствам, испытываемым потенциальными партнерами, имеют большое значение. Если мужчина прикасается к женщине, чтобы оказать ей ту или иную помощь, это ни его, ни ее не обязывает к каким-либо дальнейшим действиям. Женщина может поблагодарить и отправиться, куда шла. Оба подчас отдают себе отчет в том, что это только начало и впоследствии их отношения могут стать более близкими. Однако никто из них не сделал ничего такого, что указывало бы на вероятность данного результата, и у каждого есть возможность прекратить общение и при этом не задеть чувства другого. Только когда процесс развития отношений заходит достаточно далеко, контакт руки с рукой становится продолжительным. Это уже не жест оказания поддержки или указания направления, а откровенное проявление близости.

5. *Контакт руки с плечом*. До этого момента тела потенциальных партнеров не входили в близкий контакт, знаменующий большой прогресс в развитии отношений. Наиболее ранний вид такого прикосновения – объятие за плечо. Как правило, мужчина обнимает женщину за плечо и слегка прижимает к себе. Поскольку это действие практикуется между друзьями и не имеет в данном контексте сексуальной подоплеки, оно является самым простым предисловием к более близкому телесному контакту и едва ли встретит отпор. Объятие за плечо может восприниматься и как знак близкой дружбы, и как проявление любовных отношений.

6. *Контакт руки и талии*. На этой стадии мужчина обнимает женщину за талию. Это действие не практикуется среди представителей сильного пола, в каких бы дружеских отношениях они ни находились, и, стало быть, представляет собой открытое проявление любовной близости. Кроме того, рука мужчины теперь находится намного ближе к зоне гениталий женщины.

7. *Контакт рта со ртом*. Поцелуй в губы в сочетании с полным фронтальным объятием – крупный шаг вперед. При этом возникает возможность физиологического возбуждения, если действие длится достаточно долго или периодически повторяется. У женщины может увлажниться влагалище, а у мужчины – появиться эрекция.

8. *Контакт руки с головой*. Во время поцелуя руки начинают гладить лицо, шею и волосы партнера. Ладони сжимают затылок и виски.

9. *Контакт руки с телом*. На следующей стадии руки начинают исследовать тело партнера, сжимая, лаская и поглаживая его. Большим прогрессом является контакт мужской руки с женской грудью. Он усиливает физиологическое возбуждение до такой степени, что многим молодым дамам в этот момент требуется небольшой перерыв. Если формирующаяся связь не достигла достаточно высокого уровня взаимного доверия, более откровенные сексуальные отношения на какое-то время откладываются.

10. *Контакт губ с грудями*. На этой стадии взаимодействие приобретает строго интимный характер. Для многих пар сие относится и к предыдущей стадии, но поцелуи и ласки при определенных обстоятельствах нередко можно увидеть в общественных местах. Подобные действия часто вызывают неодобрение со стороны окружающих, но в большинстве стран серьезные меры в отношении обнимающихся не предпринимаются. С поцелуями груди ситуация совершенно иная, хотя бы потому, что это предполагает их обнажение. Контакт мужских губ с женской грудью является последним из тех, что предшествуют контактам с

гениталиями, и служит прелюдией к действиям, которые приводят не просто к возбуждению, а к оргазму.

11. *Контакт руки с гениталиями*. Если исследование тела партнера продолжается, рука неизбежно оказывается в зоне гениталий. После нескольких пробных ласк она начинает мягко и ритмично потирать их, имитируя движения, осуществляемые при коитусе. Мужчина гладит половые губы или клитор партнерши и может ввести палец или несколько пальцев, которые имитируют пенис, во влагалище. Подобная стимуляция может в скором времени привести к оргазму любого из партнеров и является традиционной формой кульминации отношений любовников на стадии, предшествующей половому акту.

12. *Контакт гениталий с гениталиями*. И наконец, наступает стадия совокупления. Если партнерша является девственницей, она неизбежно начинается с необратимого действия – дефлорации, или нарушения целостности девственной плевы. На этой стадии впервые возникает возможность другого необратимого действия, а именно оплодотворения. Необратимость этой заключительной стадии последовательности делает ее исключительной. Но если не удастся создать прочную связь, женщина может остаться беременной при отсутствии стабильной семейной ячейки. Каждая фаза служит дальнейшему укреплению связи, но в биологическом плане это заключительное действие осуществляется тогда, когда развившиеся ранее интимные отношения уже сделали свое дело и партнеры не хотят расставаться после того, как сексуальный порыв завершается оргазмом.

Таковы 12 стадий процесса формирования пары. В известной степени они, разумеется, определяются культурными нормами, но намного большая роль отводится анатомии и сексуальной физиологии нашего вида. Вариации, обусловленные сложившимися региональными традициями, а также характерными особенностями отдельных необычных индивидов, изменяют эту стандартную последовательность в самых разных направлениях, и мы проанализируем их на фоне той типичной последовательности, которую только что рассмотрели.

Вариации имеют три основные формы: сокращение последовательности, изменение порядка действий и усложнение последовательности.

Самый экстремальный вид сокращения последовательности – принудительное сношение, или изнасилование. В данном случае последовательность от первой стадии до последней протекает максимально быстро, и продолжительность каждой из них сводится к минимуму. После осуществления зрительного контакта мужчина просто набрасывается на женщину, опуская все стадии возбуждения, и осуществляет контакт гениталий с гениталиями, как только ему удастся сломить сопротивление жертвы. Негенитальные телесные контакты нужны в данном случае только для того, чтобы подавить волю женщины и сорвать с нее одежду в зоне гениталий.

Если рассматривать изнасилование объективно, оно лишено двух важных компонентов – формирования пары и сексуального возбуждения. Опуская все промежуточные стадии последовательности, насильник не дает сформироваться связи между собой и женщиной, на которую он напал. Сие очевидно, но требует пояснения с биологической точки зрения, поскольку представители нашего вида нуждаются в формировании этой личной привязанности как средства обеспечения успешного воспитания потомства, которое может появиться в результате полового акта. У других видов, представители которых мало или совсем не озабочены воспитанием потомства, изнасилование теоретически не создает каких-либо проблем. Оно происходит у них редко в силу физических трудностей, с которыми сталкиваются самцы-насильники. Мужчина без пары рук, обладающих сильной хваткой, и речевого аппарата, с помощью которого он может озвучивать угрозы, оказался бы фактически неспособным совершить изнасилование, и в этом заключается двойное «преимущество» нашего вида, отсутствующее у других. Даже если у животных случается половой акт, похожий на изнасилование, видимость может быть обманчивой. Например, у многих видов хищников самцы во время совокупления держат самку зубами за загривок, словно препятствуя тем самым ее бегству. На самом же деле у них просто существует проблема с введением пениса во влагалище извивающейся самки. Если она невосприимчива, шансов у самца мало. Дело в том, что жестокий на первый взгляд акт захвата загривка у хищников представляет собой

специализированное движение. Хотя оно напоминает действия мужчины-насильника, в действительности это эквивалент нежного человеческого объятия. Челюсти самца не смыкаются и не причиняют самке вреда. Таким же образом хищники переносят с места на место своих детенышей. Самец обращается с самкой как с котенком, и если она сексуально восприимчива по отношению к нему, то не противится и ведет себя так же, как в детстве, когда мать переносила ее, держа зубами за загривок.

Мужчина в состоянии сравнительно легко изнасиловать женщину. Если применения физической силы недостаточно, он может пригрозить нанести ей травму или убить. Кроме того, он может ввести ее в бессознательное или полубессознательное состояние либо позвать на помощь других мужчин. Если отсутствие сексуального возбуждения у женщины затрудняет введение пениса или делает его болезненным, мужчина, при определенных обстоятельствах, может использовать смазывающие средства.

Женщине эта процедура как минимум не доставляет ни удовольствия, ни удовлетворения, а как максимум может нанести сильную психологическую травму или причинить серьезное физическое повреждение. Шанс возникновения эмоциональной привязанности в результате этого насильственного сокращения обычной сексуальной последовательности есть только в случае, если мужчина и женщина были знакомы или женщина имеет мазохистские наклонности.

Я столь подробно остановился на теме изнасилования только потому, что оно тесно связано с другой формой сокращения сексуальной последовательности, которая распространена намного больше и имеет важное значение в нашей культуре. Назовем ее экономическим изнасилованием. В отличие от обычного оно происходит не в пустом доме или в лесозащитной полосе, а в прекрасно обставленных спальнях. Это акт спаривания партнеров, заключивших союз по расчету, не испытывающих друг к другу любви и не сформировавших подлинную связь.

В прошлом контролируемый родителями статусный брак был широко распространенным явлением. Сегодня он встречается все реже, но психологический вред, причиняемый им рожденным в таких семьях детям, чрезвычайно велик. Являясь свидетелями подобных отношений между родителями, они сами рискуют стать сексуально ущербными, неспособными осуществить последовательность формирования любовной связи, типичную для нашего вида. Их сексуальная анатомия находится в абсолютном порядке, механизмы физиологического возбуждения функционируют вполне эффективно, но способность реализовать этот природный потенциал в форме любовной привязанности существенно ограничена воздействием атмосферы, в которой они взрослеют. Такие дети подобно родителям будут испытывать трудности при выборе партнера, под давлением социальных условностей создадут такой же союз без любви, и рожденные ими тоже повторят их судьбу. Последствия этой культурной традиции вмешательства в естественный процесс формирования любовной привязанности ощущаются еще и сегодня, хотя контролируемый родителями брак постепенно становится достоянием истории.

Разумеется, экономическое изнасилование представляет собой не столь экстремальную форму сексуальной последовательности, как караемое по закону, хотя бы потому, что оно, пусть и в сжатом виде, содержит все ее 12 стадий. На первый, поверхностный, взгляд оно может показаться очень сходным с полной последовательностью, ведь партнеры проходят все стадии вплоть до сношения, но если рассматривать их действия детально, мы увидим, что всем им недостает интенсивности, продолжительности и частоты.

Возьмем классический случай, когда юношу и девушку сводят вместе во имя экономических или статусных интересов их семей. В прежние времена процесс ухаживания обычно ограничивался несколькими короткими объятиями и поцелуями, следовавшими за продолжительными беседами. Затем, почти ничего не зная о физиологических и психологических особенностях друг друга, молодые люди оказывались на брачном ложе. Перед этим невесте говорили, что жених проделает с ней противную, но необходимую манипуляцию, дабы обеспечить рост численности нации, и что, пока он будет это делать, она должна лежать спокойно и думать об Англии. Жених получал элементарные сведения о женской анатомии и рекомендацию обращаться с невестой осторожно, поскольку, когда он проникнет в нее, у нее

откроется кровотечение. В соответствии с этой информацией новобрачные старались выполнить свой супружеский долг как можно быстрее и без всяких затей, получая при этом минимальное удовольствие. Жена испытывает оргазм крайне редко, почти никогда. Муж лежит в постели с бесчувственным существом, являющимся его законной женой. При этом ее влагалище он использует фактически точно так же, как собственную руку для мастурбации. В общественной жизни, на людях, супруги выполняют ритуалы, создающие впечатление, что между ними существуют любовные отношения. Все формы публичного проявления близости подробно описаны и детально регламентированы в книгах по этикету, что не позволяет отличить подлинные чувства от фальшивых. Понимают, что это не так, только дети, которые интуитивно чувствуют, насколько неискренни их родители по отношению друг к другу. Так у них формируется модель семейной жизни.

Если это описание и представляется странным, то вовсе не потому, что такие браки сегодня не заключаются, просто их характерные особенности не так бросаются в глаза, как прежде. Теперь для маскировки подобных отношений в значительно большей степени используется афиширование любовных отношений. Родители не так активно участвуют в устройстве судьбы своих отпрысков, что тоже способствует маскировке. К экономической выгоде стремится один или оба партнера. Губы невесты шевелятся под фатой, но это вовсе не от обуревающих ее эмоций: она всего лишь подсчитывает, на какое содержание сможет рассчитывать в случае развода. Рядом с ней стоит жених. Вид у него отсутствующий, но он отнюдь не погружен в романтические мечты, а размышляет о том, какое впечатление произведет на друзей его женитьба на девушке из семьи, имеющей высокий социальный статус. Да, молодая жена больше не лежит неподвижно на брачном ложе, думая бог весть о чем. Она сопоставляет частоту собственных оргазмов со статистическими данными для своей возрастной группы, уровня образования, расового и социального происхождения. Если показатель оказывается ниже среднего, она нанимает частного детектива, чтобы тот выяснил, где ее муж расходует недостающие 1,7 оргазма в неделю. Тем временем супруг пытается определить максимальный объем спиртного, которое он может выпить вечером без ущерба для эрекции. Таковы реалии современной городской жизни.

Мы рассмотрели три формы сокращенной сексуальной последовательности – изнасилование, брак, контролируемый родителями, и так называемый брак-случку, нередко практикуемый в настоящее время. Одержимость частотой оргазмов, свойственная последней из рассмотренных форм, представляет собой важное новое явление. Оно, похоже, уводит нас в сторону сокращения полной сексуальной последовательности, которую мы обсуждали. На самом деле это скорее усложнение, нежели сокращение, хотя не все так просто. По сути дела, наступила новая сексуальная революция, выразившаяся в том, что последним стадиям последовательности стало придаваться значительно большее значение и они существенно «модернизировались». Порядок ухаживания, столь важный для формирования пары, вместо того чтобы усложниться, упростился и сократился. Как же это произошло?

В прежние времена процесс ухаживания был продолжительным, но изобиловал суровыми ограничениями. На его эмоциональной глубине отрицательно сказывалось требование строгого подчинения формальным правилам. Стадия прелюдии и собственно половой акт были сильно сокращены вследствие невежества и антиэротической пропаганды. Мужчины решали эту проблему, посещая бордели и содержа любовниц. Женщины по большому счету не решали ее никак. В первой половине XX века ситуация изменилась. Родительский контроль стал слабее, и были предприняты серьезные попытки по введению сексуального образования. Начали публиковаться книги о любви в браке. Молодые люди получили относительную свободу в выборе партнера и избавились от необходимости соблюдать ограничения при ухаживании. Исчез институт дуэний – провожатых при молодой особе. Смягчились правила поведения при телесном контакте, и фактически все стадии сексуальной последовательности, за исключением тех, на которых осуществляется генитальный контакт, оказались дозволенными. Тем не менее предполагалось, что предсвадебные приготовления должны занимать значительное время. К моменту бракосочетания жених и невеста были уже довольно хорошо знакомы, как в личностном плане, так и в физиологическом. А тут еще наряду с новыми знаниями появились эффективные противозачаточные средства, благодаря чему половая жизнь в браке стала более

разнообразной и насыщенной.

На предсвадебных стадиях у молодых пар вошли в обиход продолжительные занятия петтингом – объятия, ласки и поцелуи. Теоретически такие контакты не должны были выходить из определенных рамок, но на практике соблюдение этого правила оказалось довольно трудным делом. Причина очевидна. В отличие от своих предшественников из прежних эпох молодые люди могли пропускать первые стадии ухаживания, на которых формируется привязанность, но отсутствует сильное физиологическое возбуждение, и переходить к следующим, где осуществляется предварительная стимуляция. Посередине между ухаживанием и предварительной стимуляцией находится поцелуй в губы. Одиночный поцелуй представляет собой приятное действие, укрепляющее формирующуюся связь, но осуществленный многократно и энергично он становится отправной точкой любовной прелюдии.

Вследствие этого перед юношей и девушкой встала новая проблема. Продолжительный петтинг вызывал у первых длительную эрекцию, а у вторых – обильную смазку. Затем следовал один из трех альтернативных вариантов развития событий: молодые люди в соответствии с официальными правилами либо прерывали последовательность, испытывая сильную фрустрацию и разочарование, либо продолжали достигать удовлетворения, не прибегая, собственно, к сношению, либо нарушали запрет и совокуплялись. Если они выбирали второй вариант, то есть мастурбировали или доводили друг друга до оргазма с помощью ласк, и занимались этим в течение всего времени подготовки к свадьбе, существовала опасность того, что действия такого рода приобретут слишком большое значение в их сексуальных отношениях, а это повлечет за собой определенные трудности, когда они получают возможность вести нормальную половую жизнь. При третьем варианте развития событий молодые люди испытывали чувство вины и были вынуждены скрывать истинный характер своих отношений. Тем не менее, несмотря на эти трудности, продолжительный предсвадебный период способствовал формированию прочной связи.

Затем, относительно недавно, произошла новая перемена. Хотя официальные правила остались прежними, соблюдаются они не так строго. Эффективность противозачаточных средств еще больше повысилась, и девственность для многих барышень утратила свое значение. Запрет на добрые отношения, ранее нарушавшийся довольно редко, теперь, как правило, игнорируется. Отныне невинность не только не является добродетелью, она считается чуть ли не клеймом, чем-то вроде признака сексуальной ущербности. Половая жизнь до свадьбы вполне приемлема для молодых людей, если не для их родителей. В результате любовники больше не испытывают неудовлетворенности петтинга, которая была характерна для их предшественников, и не придают такого значения, как раньше, мастурбации. Процесс развития их отношений протекает естественным образом, проходя все 12 стадий сексуальной последовательности.

Какова же опасность этой новой ситуации, если она вообще существует, при наличии эффективных средств профилактики венерических заболеваний и контрацепции? Некоторые сетуют на «тиранию оргазма» – обусловленную новыми социальными реалиями потребность в максимальных показателях половой жизни. Они видят в ней угрозу для человека, который действительно любит своего партнера, но не способен на впечатляющие достижения в данной сфере.

Эта критика несколько близорука. Я уже упоминал об одержимости частотой оргазмов, но лишь в связи с браком без любви, современным эквивалентом экономического или статусного брака. Речь шла о том, что женщина может ощущать свою несостоятельность в сексуальном плане, поскольку даже во время полового акта она озабочена проблемами своего финансового или социального положения. Но сегодня любящим друг друга юноше и девушке будут смешны акробатические трюки в постели людей, не ведающих любви. Для тех, кто любит, в какую бы историческую эпоху они ни жили, мимолетное прикосновение к щеке любимого важнее шести часов в тридцати семи позах с нелюбимым человеком. Так было всегда, но современная молодежь имеет дополнительное преимущество, заключающееся в том, что нынешние социальные условности не требуют ограничиваться прикосновением к щеке. Люди вольны делать друг с другом все, что им заблагорассудится. Если между ними сформировалась прочная связь, для них в первую очередь имеет значение качество секса, а не его количество. Новые

условия лишь предоставляют им свободу, но ни к чему не принуждают, как полагают некоторые критики.

Эти критики, похоже, забыли еще один нюанс. Когда юноша и девушка влюбляются друг в друга, они не пропускают начальные стадии сексуальной последовательности. Молодые люди не перестают держаться за руки только потому, что им не возбраняется половая жизнь. Кроме того, влюбленные едва ли столкнутся с особыми трудностями на последних стадиях последовательности. Эмоциональная насыщенность их отношений позволит им достигать оргазма за оргазмом без изощренных «борцовских» поз из современных руководств по технике секса.

По всей вероятности, самая большая опасность, грозящая сегодня молодым людям, носит экономический характер, поскольку они живут в сложном, экономически структурированном обществе. Отнюдь не случайно экономика играла столь важную роль при заключении браков в предшествующие эпохи. Тогда действовали строгие ограничения в отношении добрых сексуальных связей, в результате чего страдала физиология, но был гарантирован социальный статус. Теперь же для молодой пары проблемой стал именно он, тогда как физиологические потребности удовлетворены в полной мере. Разве могут сегодня семнадцатилетние любовники, вполне половозрелые, сформировавшие прочную связь и ведущие полноценную сексуальную жизнь, самостоятельно приобрести жилье? Им остается либо ждать лучших времен в некоем социальном гетто, либо выпасть из традиционной общественной структуры. Это нелегкий выбор, и данная проблема требует решения.

Мы затронули эту тему, рассматривая различные формы сокращения сексуальной последовательности. Оставим молодых любовников, полностью ее соблюдающих, но испытывающих при этом серьезные социальные проблемы, и вернемся к ее сокращениям. Как насчет сексуально активного человека, не знающего любви? Мы уже говорили о насильниках и людях, ограничивающих свою половую жизнь зачатием детей, но сегодня встречаются еще и сексуальные спортсмены. Каким же образом они сокращают последовательность развития отношений типичных любовников? Для них вся она сводится к поздним стадиям генитального контакта. В прежние времена именно это происходило во время посещения мужчиной проститутки. В этом случае не держались за руки, не обнимались, не шептались друг другу на ухо нежные слова, но быстро заключали сделку и сразу приступали к половому акту. Это можно было бы назвать коммерческим изнасилованием. Тогда юноша нередко получал подобным образом свой первый урок сексуальных отношений, но в настоящее время, когда ранние стадии последовательности нередко тоже, как и в случае с визитом в бордель, сильно сокращаются, потребность в таких профессиональных услугах отпала. Сегодняшнюю ситуацию наглядно иллюстрирует комикс, в котором вернувшаяся домой под утро девица, усталая, растрепанная, в измятой юбке, но с аккуратным макияжем, говорит: «Парни просто больше не хотят целоваться».

В результате сокращения данного типа максимально увеличивается активность в плане быстрого секса при минимуме формирования связи между партнерами. Такое поведение может способствовать повышению самооценки, но низводит сексуальные отношения до уровня отправления физиологической надобности вроде мочеиспускания. Ввиду этого неудивительно, что у «нестроного», не знающего любви сексуального спортсмена возникает желание вносить разнообразие в половой акт и делать его более изощренным. Если такой человек лишен эмоциональной глубины восприятия, которую придает отношениям сильная личная привязанность, ее приходится компенсировать физической активностью. Здесь весьма кстати приходят на помощь иллюстрированные руководства по технике секса, и есть смысл сделать краткий обзор некоторых из них, дабы посмотреть, что они рекомендуют.

Выбранный наугад образец из имеющихся ныне в продаже содержит несколько сотен фотографий, на каждой из которых изображена молодая пара, занимающаяся любовью. Не более 4 % этих снимков иллюстрирует какие-либо из первых восьми стадий рассмотренной выше сексуальной последовательности, зато собственно сношению посвящены 82 %. В каждой подобной книге описываются и изображаются от 30 до 50 поз. Это свидетельствует о том, сколь большое значение в настоящее время придается заключительной стадии последовательности. Если раньше цензура ограничивала демонстрацию любовных отношений изображением ранних

стадий, то после упразднения этого института внимание публики сместилось с одного края спектра к другому. В этой тенденции скрыто следующее послание: нужно сделать половой акт как можно более разнообразным и сложным, а обо всем остальном забыть. Многие позы на иллюстрациях явно неудобны и даже, скорее всего, при продолжительном пребывании в них болезненны, если только к ним не прибегают цирковые гимнасты. Они призваны вносить в сексуальные отношения новизну и служить средством дополнительного физиологического возбуждения. Отныне главную роль играет не любовь, а сексуальная акробатика.

Разумеется, сами по себе эти позы не причиняют никакого вреда, а лишь разнообразят сексуальное поведение, но если одержимость ими заменяет и исключает эмоциональный аспект интимного взаимодействия между мужчиной и женщиной, это в конечном счете обесценивает их отношения. Они усложняют одни стадии сексуальной последовательности за счет сокращения других.

Молодые люди, которые *нуждаются* в этих вариациях сношения, а не просто используют их время от времени, чтобы придать ощущениям новизну, по всей вероятности, не так уж любят друг друга. Впоследствии, пройдя стадию формирования пары, они могут понять, что некоторые изыски и новшества в их половой жизни способны придать чувствам определенную остроту, но, если между ними действительно существует любовь, необходимость в этом представляется, пожалуй, странной.

Сказанное вовсе не означает, что какие-либо из этих сексуальных действий, какими бы необычными и изощренными они ни были, следует порицать или запрещать – при условии, если они осуществляются взрослыми людьми, добровольно, в приватной обстановке и не причиняют никому физического вреда. Однако в некоторых странах такие изыски преследуются по закону. Примером являются орально-генитальные контакты, которые я опустил в приведенном выше перечне 12 стадий сексуальной последовательности – по той причине, что они не представляют собой явно выраженную стадию в процессе развития отношений между мужчиной и женщиной, от первой встречи до собственно полового акта. В большинстве случаев они происходят только после первого сношения, как дополнение к генитальным контактам. Впоследствии, когда половая жизнь становится регулярной, такие действия зачастую осуществляются во время любовной прелюдии. Образцы древнего искусства и исторические источники свидетельствуют о том, что контакты, о которых идет речь, имеют давнюю историю.

Согласно результатам исследований, проведенных недавно американскими специалистами, к орально-генитальным контактам перед половым актом прибегает примерно половина супружеских пар. Контакт мужского рта с женскими гениталиями зафиксирован в 54 % случаев, женского рта с мужскими гениталиями – в 49 % случаев. Хотя эти цифры значительно меньше показателей частоты других контактов прелюдии (контакты губ с губами, руки с грудью, губ с грудью, руки с гениталиями происходят в 90 % случаев), вряд ли стоит называть орально-генитальные контакты ненормальными. И все же, несмотря на это и на тот факт, что они широко распространены у других видов млекопитающих, такие действия нередко рассматриваются как противоестественные. Они порицаются иудейским и христианским кодексами поведения, даже если происходят между супругами, а кое-где считаются не просто аморальными, но противоправными. Как это ни удивительно, во второй половине XX века соответствующие законы действуют в большинстве штатов США. Только в Кентукки и Южной Каролине супруги могут осуществлять любые орально-генитальные контакты в приватной обстановке легитимно. Это означает, что 50 % американцев регулярно нарушают закон. Во всех штатах, где такие контакты запрещены законом, они считаются уголовным преступлением, за исключением Нью-Йорка, где данные действия подпадают под классификацию простого правонарушения. В штатах Иллинойс, Висконсин, Миссисипи и Огайо этот закон носит откровенно сексистский характер: уголовным преступлением считается только контакт женского рта с мужскими гениталиями, а обратное сочетание не является противозаконным.

Эти странные юридические ограничения редко применялись на практике в последние годы, когда появились в продаже и широко рекламировались ароматичные средства для влагиалища, подвергались насмешкам, но время от времени в бракоразводных процессах орально-генитальные контакты всплывают в качестве одного из факторов «моральной

жестокости». Указывалось также на то, что подобные законы создают почву для шантажа. Как уже отмечалось, в биологическом плане орально-генитальные контакты не причиняют человеку никакого вреда. Напротив, они придают эмоциональный накал любовной прелюдии и, стало быть, способствуют упрочению связи между супругами, то есть укрепляют семью, за что так ратуют церковь и государство.

Если мы попытаемся выяснить, в какой форме осуществляются сексуальные отношения этого типа у людей, то сможем определить различие между человеком и другими млекопитающими, практикующим орально-генитальные контакты. У людей они обычно начинаются с обнюхивания гениталий и прикосновений к ним носом, которые затем переходят в их облизывание. Реже встречаются ритмичные фрикции. Это действие весьма значимо, поскольку позволяет получить информацию о состоянии половых органов партнера. В отличие от человека представители других видов млекопитающих находятся в состоянии полной готовности к спариванию только в определенные сезоны или в определенные периоды менструального цикла, и один потенциальный партнер, особенно самец, должен выяснить степень возбуждения другого потенциального партнера, прежде чем совершить попытку совокупления. Прикладывание носа и языка к зоне гениталий позволяет проанализировать ее запах, вкус и текстуру. Стимуляция в ходе этих контактов, по всей вероятности, имеет второстепенное значение.

Человек находится в совершенно иной ситуации. Для него элемент стимуляции в данном случае имеет первостепенное значение. Рот используется скорее для возбуждения партнера, нежели для знакомства с состоянием его гениталий. Именно поэтому ритмичные фрикции играют у человека более важную роль, нежели прикосновения и облизывание. Женщина использует свой рот как псевдовлагалище, совершая движения головой, которые имитируют движения тазом. Мужчина тоже может воспользоваться языком как псевдопенисом, но, вероятнее всего, он будет ритмично нажимать им на клитор, массируя эту эрогенную зону точно так же, как сие происходит во время настоящего полового акта. Мужчина, применяющий подобную имитацию, имеет преимущество, заключающееся в том, что он может долго стимулировать женщину без своего собственного оргазма. Благодаря этому он дает партнерше возможность получить полное удовлетворение, поскольку зачастую ей для этого требуется больше времени, чем представителям сильного пола.

Данный факт объясняет, почему мужчины прибегают к сексуальной близости этого типа отнюдь не реже, чем женщины. Тем не менее в порнофильмах чаще можно увидеть женщин, осуществляющих орально-генитальный контакт, нежели мужчин. Для этого есть особая причина. Подобные фильмы традиционно предназначаются для мужской аудитории, и секс в такого рода продукции служит показателем статуса. Считается, что «подчиненная» поза мужчины при орально-генитальном контакте с женщиной умаляет его достоинство, а доминирующее положение во время «обслуживания» женщиной позволяет ему продемонстрировать свое превосходство. Здесь мы возвращаемся к поведению животных, а также к подчиненным позам. Когда коленопреклонение и поклон являются демонстрацией смирения, их биологическое значение заключается в склонении тела нижестоящего индивида перед вышестоящим. Для того чтобы приложиться к гениталиям, активный партнер должен склониться перед пассивным. Это относится к любой позе, но становится особенно очевидным, когда пассивный партнер стоит. Активный партнер (мужчина или женщина) должен встать на колени перед стоящим пассивным партнером, чтобы иметь возможность приложиться ртом к зоне гениталий. Такая поза напоминает смиренный поклон кающегося грешника. Неудивительно, что это действие, выполняемое женщиной по отношению к мужчине, столь привлекательно для тех, кто собрался на «мальчишник».

В случае с любовниками, находящимися в приватной обстановке, ситуация совершенно иная. Если только данная встреча не служит исключительно удовлетворению физиологической потребности, это действие доставляет удовольствие, а не демонстрирует повышение статуса. В силу различия в продолжительности времени, требующегося для достижения оргазма представителями разных полов, действие, выполняемое мужчиной, длится дольше, чем действие, выполняемое женщиной.

Рассматривая вариации базовой сексуальной последовательности, мы до сих пор

обсуждали пути ее сокращения и усложнения, но я говорил и о третьей возможности, а именно об изменении порядка действий. Описанная мною последовательность часто меняется – так или иначе. В своем изначальном виде она является не более чем приблизительным выражением общей тенденции порядка следования различных действий, с момента первой встречи до первого полового акта. В целом она отражает последовательность событий, но формализация определенных конкретных элементов во многих случаях существенно влияет на то, что, собственно, за чем следует. Приведем несколько примеров.

Первые три действия – контакты глаз с телом, глаз с глазами и голоса с голосом. Эти нетактильные взаимодействия редко меняют свое положение в последовательности. Впрочем, в наше время исключения возможны в тех случаях, когда первый разговор происходит по телефону, и иногда один из собеседников слышит от другого: «Было бы приятно познакомиться с вами после стольких заочных бесед». Разумеется, телефонные разговоры нельзя рассматривать как знакомство. Однако в сочетании со зрительным контактом они таковым и являются. Фраза «Мы познакомились в прошлом году» необязательно означает какой-либо тактильный контакт, это может быть комбинация зрительного и вербального действия. Тем не менее знакомство обычно включает в себя по крайней мере минимальный телесный контакт – рукопожатие. При знакомстве с кем-то важно в той или иной мере физически соприкоснуться с этим человеком. Поскольку в современной жизни мы встречаемся с множеством незнакомцев, неудивительно, что это первоначальное прикосновение имеет строго стилизованную форму. Более плотные телесные контакты означали бы слишком большую интимность для столь ранней стадии развития отношений.

В силу своей формальности рукопожатие зачастую оказывается в самом начале последовательности. Представитель третьей стороны просто говорит: «Я хочу представить вам такого-то», и через несколько секунд после зрительного контакта происходит контакт ладоней. Этот контакт может произойти даже чуть раньше, чем вербальный.

Сие базовое правило, согласно которому чем формальнее действие, тем больше вероятность того, что оно окажется в начале последовательности, наглядно иллюстрирует поцелуй в губы. Хотя, строго говоря, это первое из возбуждающих действий прелюдии, которое должно происходить во второй половине последовательности, а не в первой, оно оказывается впереди по времени в силу общепринятой условности – формального поцелуя при расставании, бытующего среди молодых людей. Важно то, что первым поцелуем обычно обмениваются, прощаясь. Он осуществляется в сочетании с полным объятием в позиции лицом к лицу, которое является большим шагом вперед по сравнению с менее интимными полуобъятиями за плечо и за талию. Этому поцелую присуща невинность несексуальных поцелуев, которыми обмениваются родственники при встрече и расставании. Молодые люди, проговорившие после знакомства несколько часов, могут в момент прощания обняться и обменяться формальными поцелуями, даже если они до этого не прикасались друг к другу. Эта ситуация разительно отличается от ситуации во время визита мужчины к проститутке, когда поцелуи просто-напросто выпадают из последовательности.

При обсуждении этих сексуальных вариаций я имел в виду главным образом современные цивилизованные общества. В других культурах, в том числе в племенных, существуют определенные отклонения, но общие принципы последовательности развития интимных отношений к ним все же применимы. Американские исследователи изучили около 200 человеческих культур и выяснили, что если активная прелюдия к половому акту не противоречит социальным нормам, она, как правило, обязательна. В большинстве обществ используются почти все возбуждающие действия, но иногда они принимают специфическую форму. Например, нос время от времени замещает рот в качестве контактного органа, и вместо поцелуев используется трение или надавливание носом. В одних племенах взаимное прижатие носа к лицу осуществляется в те моменты, когда европейцы обычно поцелуются в губы. В других – контакты рта со ртом и носа с носом одновременны. Некоторые мужчины, стимулируя женщине грудь, вместо того чтобы целовать ее, трутся о нее носом. В третьих – поцелуй принимает форму приближения губ к лицу, сопровождающегося вдохом. В четвертых – партнеры посасывают язык и губы друг друга. Эти вариации деталей интересны сами по себе, но преувеличение их важности, что иногда случалось, означает недооценку сходства поведения

всех человеческих существ на стадиях ухаживания и прелюдии к коитусу.

Рассмотрев последовательность сексуальных отношений представителей вида *Homo sapiens*, мы переходим к вопросу их частоты. Я не раз говорил, что человек является самым сексуальным из всех приматов, и это мнение порой подвергалось нападкам. Однако биологические свидетельства неопровержимы, и аргумент, что высокий уровень сексуальной активности, отмечаемый сегодня в некоторых регионах, является следствием цивилизованной жизни, не выдерживает никакой критики. Скорее, *низкий* уровень сексуальной активности в некоторых других регионах можно приписать реалиям современного бытия. Каждый, кто испытывал сильный стресс, знает, сколь негативно он влияет на либидо. Из этого следует, что, поскольку жизнь в урбанистических сообществах изобилует проблемами, высокий уровень половой активности убедительно свидетельствует о сексуальности нашего вида.

Буду более конкретным. Если я выскажу свое мнение в несколько иной форме, а именно что человек *потенциально* самый сексуальный из всех приматов, это не вызовет никаких возражений. Во-первых, другие приматы в своей сексуальной деятельности ограничены короткими периодами менструального цикла самки. В это время ее наружные половые органы характерно изменяются, что самцу у большинства видов отчетливо видно. Сие делает самку в его глазах сексуально привлекательной, хотя в другое время она не вызывает у него особого интереса. У людей активная фаза охватывает почти весь период менструального цикла женщины, и ее продолжительность примерно втрое превышает период активной фазы других приматов. Уже хотя бы поэтому сексуальный потенциал у человека в три раза выше, чем у его ближайших родственников.

Во-вторых, в отличие от самок обезьян женщина остается как сексуально привлекательной, так и сексуально восприимчивой в течение большей части беременности. Кроме того, по сравнению с ними после родов она гораздо быстрее вновь становится сексуально активной. И наконец, современный человек часто ведет активную половую жизнь на протяжении примерно 50 лет, и в этом среди других видов млекопитающих с ним могут сравниться очень немногие.

Люди не только обладают огромным сексуальным потенциалом – в подавляющем большинстве случаев они его полностью реализуют, поэтому я не вижу причины менять свое мнение. Человеческие существа в большинстве своем самовыражаются сексуально, находя партнеров и вступая с ними в близкие отношения. Но даже те, кто этого не делает или находится в условиях сексуальной изоляции, как правило, не утрачивают активность. Компенсацией отсутствия партнера для них обычно становится мастурбация, к которой они прибегают довольно часто.

Прежде всего человеческое сексуальное поведение отличается сложностью. Оно включает в себя не только собственно половой акт, но и ухаживание, порой утонченное, и активные возбуждающие действия. Другими словами, сексуальная деятельность интенсивно осуществляется на протяжении многих лет с небольшими перерывами на «мертвые периоды» в женском репродуктивном цикле, а ее действия продолжительны и разнообразны. Длительность сексуальной жизни, свойственная нашему виду, достигается за счет добавления к наследию приматов многочисленных и разнообразных телесных контактов, речь о которых шла выше. Сие разительно отличает людей от представителей других видов, и, дабы убедиться в этом, лучше всего познакомиться с сексуальным поведением обезьян.

Обезьяны не формируют прочную связь со своими партнерами, и их ухаживание и прелюдия сведены к минимуму. Во время течки, когда самка находится в состоянии полной сексуальной готовности, она несколько раз в день поворачивается к самцу задом и слегка наклоняется вперед. Дальше все просто – он взгромождается на нее, вводит пенис, делает несколько быстрых толчков тазом, извергает семя, слезает, и они расходятся каждый по своим делам. Вся процедура обычно занимает несколько секунд. Вообще у многих животных половой акт длится очень недолго. У макак-боннет самец совершает от 5 до 30 фрикций. У ревунов этот показатель составляет от 8 до 28 (в среднем 17), и на половой акт уходит 22 секунды, а перед этим еще 10 секунд затрачивается на «корректировку» положения тела. Самец макаки-резус совершает от 2 до 8 толчков тазом за 3 или 4 секунды. Бабуины, согласно данным одного исследования, делают до 15 толчков за 7–8 секунд, в другой работе сообщалось о среднем

показателе 6 фрикций за 8–20 секунд, в третьей – о 5–10 толчках, продолжающихся 10–15 секунд. В двух исследованиях жизни шимпанзе приводится средний показатель 4–8 толчков и максимальный 15 в одном случае, а также показатель 6–20 толчков за 7–10 секунд в другом.

Эти данные указывают на то, что наши волосатые родственники в деле спаривания не медлят. Однако в течение нескольких дней, когда самка находится в состоянии сексуальной активности, они осуществляют эти «мгновенные совокупления» очень часто. У некоторых видов половой акт повторяется несколько раз подряд с интервалом несколько минут. Южноафриканские бабуины, например, совокупаются по 3–6 раз с двухминутным перерывом. Макаки-резусы превосходят этот показатель, спариваясь от 5 до 25 раз с одномоментным интервалом. Складывается впечатление, что самец извергает семя только во время последнего полового акта, который отличается особой энергичностью, так что, возможно, сексуальное поведение обезьян более сложно, нежели это представляется на первый взгляд. Тем не менее оно заметно отличается от сексуального поведения представителей вида *Homo sapiens*.

У человека практикуется гораздо более длительная прелюдия к сношению, и само оно длится значительно дольше. Свыше 50 % людей тратят больше 10 минут на то, чтобы привести себя и партнера в состояние возбуждения, используя самые разные способы. После этого в большинстве случаев эякуляция может наступить всего через несколько минут после начала фрикций, но, как правило, мужчина старается продлить этот процесс. Он делает это потому, что в отличие от самок обезьян женщина способна испытать оргазм, сравнимый по эмоциональной глубине с его собственным, но для этого ей требуется от 10 до 20 минут. Таким образом, у обычной человеческой пары на прелюдию и половой акт уходит примерно полчаса, то есть в 100 раз больше, чем у обезьяньей четы. Правда, обезьяны способны повторять свои короткие совокупления с гораздо меньшим интервалом, нежели люди.

Самка обезьяны сексуально активна перед наступлением овуляции и остается в этом состоянии около недели. Она постоянно возбуждена. Возбуждение женщины не зависит от времени овуляции и никак не связано с менструальным циклом. Каждый раз оно достигается в результате стимуляции, осуществляемой мужчиной. Этот чрезвычайно важный момент, представляющий фундаментальное изменение в сексуальной системе приматов, неизбежно приводит к увеличению интенсивности и усложнению телесных контактов между партнерами и создает основу для человеческих сексуальных интимных отношений.

Здесь возникает вопрос о происхождении более сложных, чем у обезьян, человеческих сексуальных действий. Поскольку самцы обезьян почти ничего не делают, кроме того, что взгромождаются на самку и совокупаются с ней, фактически с мужчинами их объединяют лишь ритмичные толчки тазом и эякуляция. Так откуда же взялись наши нежные, нерешительные прикосновения периода ухаживания и страстные ласки прелюдии к половому акту? Судя по всему, они ведут свое происхождение от отношений между матерью и младенцем, о которых шла речь выше. Едва ли какие-то из них являются «новыми действиями», возникшими в связи с сексуальной деятельностью. В поведенческом плане рождение любовного чувства очень напоминает возврат в пору младенчества.

Ранее, наблюдая за матерью и малышом, мы видели, как со временем снижается степень их телесной близости. Теперь, наблюдая за молодыми любовниками, видим, как со временем степень их телесной близости возрастает. Первые действия сексуальной последовательности фактически идентичны любым другим действиям социального общения взрослых людей. Затем, шаг за шагом, стрелки поведенческих часов начинают двигаться в противоположную сторону. От формального рукопожатия при знакомстве мы со временем переходим к держанию за руки, свойственному периоду младенчества. Юноши и девушки ходят, держась за руки, как они когда-то ходили с родителями. С ростом взаимного доверия их телесные контакты постепенно активизируются, и в скором времени они уже соприкасаются головами, заключают друг друга в тесные объятия и целуются. По мере развития отношений молодые люди возвращаются все дальше в детство, в пору нежных ласк. Ладони снова гладят лицо, волосы и тело любимого человека. Наконец любовники обнажены, и впервые с тех пор, когда они были младенцами, интимные части их тел ощущают прикосновения рук другого человека. Как и тогда, вербальная компонента не играет особой роли, важна тональность. Зачастую произносимые ими слова напоминают детский лепет. Атмосфера безмятежности и взаимного доверия окутывает

молодую пару, и, как и в детстве, суэта внешнего мира теряет для них всякое значение. На лицах влюбленных расплывается мечтательное выражение, похожее на выражение лица младенца, находящегося в объятиях матери.

Это возвращение к интимной близости, столь прекрасное для тех, кто переживает его, зачастую умалется теми, кому оно недоступно. Возьмем лишь несколько крылатых фраз: «Первый вздох любви – это последний вздох мудрости», «Любовь – это болезнь, исполненная страданий», «Любовь слепа», «Нас легко дурачат те, кого мы любим», «Любовь – это неизлечимая болезнь», «Невозможно любить и при этом быть мудрым», «Те, кто любит, – глупцы, но таковыми их сделала природа». Даже применяемый в научной литературе термин «регрессивное поведение» имеет оскорбительный оттенок, тогда как требуется беспристрастное, объективное описание того, что происходит. Разумеется, когда взрослый человек ведет себя по-детски, во многих ситуациях это выглядит нелепо, но к случаю с молодыми любовниками, формирующими прочную связь, данное утверждение не относится. Интимные телесные контакты – лучшее средство установления такой связи, и те, кто отказывается от них из-за их «детскости», всегда в проигрыше.

Когда ухаживание переходит в стадию любовной прелюдии, детские мотивы в отношениях не исчезают. Напротив, они становятся еще более детскими, и стрелки часов возвращаются к поре сосания материнской груди. Формальный поцелуй, когда губы слегка касаются губ или щеки возлюбленного, приобретает энергичность и силу. Полностью задействуя мышцы губ и языка, партнеры целуют тело друг друга, словно пытаясь насытиться. Они посасывают его и ритмично сжимают губами, исследуют и облизывают языком, подобно голодным младенцам. Жадные губы влюбленных не ограничиваются ртом друг друга, они путешествуют по другим частям тела, как будто в поисках давно утраченного соска материнской груди. Они находят псевдососки в виде мочек ушей, пальцев ног, клитора, пениса и, конечно, не забывают настоящие соски.

Выше я говорил об удовольствии, доставляемом этими действиями в силу их сексуального характера. Но они доставляют удовольствие и потому, что вызывают ассоциации с оральным контактом с материнским соском. Эффект усиливается, если псевдогрудь заставить вырабатывать псевдомолоко. Эту функцию может выполнять слюна, цервикальный секрет и эякулят. Если оральные манипуляции женщины с пенисом продлятся до семяизвержения, ей в рот из этого псевдососка брызнет струя «молока». И кстати, еще в XVII веке в обиход вошло выражение «кормление молоком», обозначающее это сексуальное действие.

Даже когда прелюдия завершается и начинается собственно половой акт, действия, носящие детский характер, не уходят в небытие. У спаривающихся обезьян единственным телесным контактом, не считая генитального, является механическое удержание самцом самки с использованием всех четырех конечностей. Он держит ее не потому, что испытывает к ней какие-то чувства, а для того, чтобы сохранять равновесие во время быстрых толчков тазом. Мужчина и женщина тоже иногда держат друг друга, чтобы сохранить устойчивость, но они также осуществляют множество контактов, не несущих функцию «корректировки» положения тела, а служащих тактильными сигналами интимной близости.

И в заключение вернемся к иллюстрированным пособиям по технике секса, причем рассмотрим только те фотографии, на которых изображен половой акт. С их помощью можно определить частоту осуществления негенитальных контактов, сопровождающих фрикции. Не менее чем на 74 % снимков рука одного из партнеров держится за какую-либо часть тела другого или прикасается к ней отнюдь не с целью «корректировки» положения тела. Кроме того, практикуется множество вариантов объятий, поцелуев и контактов головы с головой, руки с головой и руки с рукой. Это свидетельствует о том, что для людей сношение включает акт спаривания взрослых приматов *плюс* контакты, свойственные отношениям матери и младенца, причем последние происходят на всем протяжении сексуальной последовательности, с начальных стадий ухаживания до апофеоза любви. Человек не просто совокупляется, осуществляя генитальный контакт, он занимается любовью – это выражение говорит само за себя – со своим избранником или избранницей. Именно поэтому все стадии человеческой сексуальной последовательности, включая сношение, могут способствовать процессу формирования связи пары, и предположительно именно поэтому у женщины развилась

способность к сексуальной восприимчивости на протяжении длительного времени, далеко выходящего за рамки фазы овуляции. Можно сказать, что мы теперь осуществляем акт спаривания не для того, чтобы оплодотворить яйцеклетку, а для того, чтобы оплодотворить отношения. Это никоим образом не грозит демографическим спадом, ибо даже той небольшой части половых актов, которые совпадают по времени с овуляцией, вполне достаточно для появления на свет потомства в необходимом количестве, свидетельством чему является численность населения планеты, которая неуклонно возрастает.

4

Социальные интимные отношения

Изучение человеческих сексуальных интимных отношений суть наблюдение за возрождением интенсивных телесных контактов между взрослыми людьми, которые заменяют утраченные интимные отношения младенческой поры. В отличие от этого изучение человеческих социальных интимных отношений суть наблюдение за ограничением осторожных, сдержанных контактов, которое осуществляется по мере того, как в мозгу происходит борьба между противоречащими друг другу стремлениями к близости и уединению, зависимости и независимости.

Все мы время от времени устаем от большого числа окружающих нас людей и от их назойливых глаз. Обезьянья идея спрятаться от всего этого представляется нам весьма привлекательной. Впрочем, большинству из нас вполне достаточно нескольких часов одиночества, тогда как идея пожизненного монашеского отшельничества вызывает ужас. Человек является общественным животным, и обычный здоровый представитель *Homo sapiens* посчитает продолжительную изоляцию суровым наказанием. Если не считать физические страдания и смерть, одиночное заключение представляет собой тяжелейшее испытание, какое только может выпасть на долю узника. Со временем он доходит до грани помешательства и начинает разговаривать с унитазом, лишь бы услышать эхо собственного голоса и хотя бы таким образом нарушить свое одиночество.

Робкий, некоммуникабельный человек, живущий в большом городе, подчас оказывается почти в такой же ситуации. Для таких людей, некогда знавших любовь родных и близких, одиночество может в скором времени стать невыносимым. Неспособные в силу своей стеснительности завести друзей, они могут в конце концов предпочесть смерть длительному отсутствию близких контактов. Эта базовая потребность в интимной близости заложена практически в каждом из нас. Такая близость порождает понимание, и все мы, за исключением монахов-отшельников, хотим, чтобы нас понимали по крайней мере несколько человек.

Речь идет о понимании не в рациональном или интеллектуальном, а в эмоциональном плане, и здесь один-единственный интимный телесный контакт сделает больше, чем лавина красивых слов. Способность физических ощущений передавать эмоциональные чувства поистине поразительна. Возможно, в этом заключена как их сила, так и их слабость. Изучая последовательность интимных отношений, возникающих на протяжении всей жизни, от рождения до смерти, мы видели, что две фазы частых телесных контактов являются также двумя фазами прочных социальных связей – первая между матерью и ребенком, вторая между любовниками. Все указывает на то, что невозможно осуществлять многочисленные телесные контакты и не сформировать прочную связь с объектом этих контактов. Вероятно, именно интуитивное понимание этого и заставляет нас зачастую отказывать себе в удовольствии более свободной телесной близости. Мало сказать, что не принято, к примеру, обнимать коллег по работе. Сие не объясняет, каким образом возникла манера держаться особняком или соблюдать дистанцию. Нам придется заглянуть глубже, дабы понять, какие невероятные старания мы прилагаем для того, чтобы избежать прикосновения друг к другу в обычных повседневных ситуациях за пределами семейного круга.

Во-первых, это связано с большой перенаселенностью современных городов. Ежедневно мы сталкиваемся на улицах и в зданиях с таким числом людей, что просто не в состоянии вступать с ними в близкие отношения, иначе работа во всех общественных организациях неизбежно прекратилась бы. Эта ситуация оказывает два противоречащих друг другу эффекта.

С одной стороны, она вызывает стресс и неуверенность, а с другой – не позволяет обмениваться прикосновениями, которые снимали бы этот стресс и вызывали у людей уверенность в том, что у них все хорошо.

Во-вторых, это связано с сексом. Мы не можем позволить себе устанавливать бесчисленные социальные связи в результате интенсивных телесных контактов отнюдь не только из-за недостатка времени и энергии. Дело в том, что физическая близость между взрослыми людьми подразумевает сексуальные отношения, и почему, понять совсем нетрудно. Поскольку половой акт невозможен без физической близости, он стал в определенном смысле его синонимом. При коитусе даже самые большие «недотроги» должны вступать в телесный контакт с партнерами. При любых других обстоятельствах они могут уклоняться от такого контакта, но только не в этом случае. В Викторианскую эпоху некоторые ортодоксальные жены стремились максимально ограничить телесный контакт, надевая ночные рубашки с маленькой прорезью спереди, через которую муж вводил пенис во влагалище. Дело дошло до того, что в конце XIX столетия слово «близость» стало эвфемизмом для понятия «половой акт». Именно поэтому в XX веке взрослым людям, соприкасающимся физически как с представителями противоположного, так и своего пола, подчас было трудно избавиться от ощущения, что любой телесный контакт несет в себе сексуальный элемент.

Было бы неверно утверждать, что это абсолютно новая тенденция. Данная проблема существовала всегда, и близкие контакты между взрослыми людьми во все времена во избежание возникновения сексуального подтекста до определенного уровня ограничивались. Однако, судя по всему, в последние годы ситуация еще более усугубилась. Мы все реже бросаемся друг другу на шею от радости и все реже плачем в объятиях друг друга. Тем не менее наше базовое стремление к близким контактам сохранилось, и очень интересно наблюдать за тем, как мы решаем эту проблему в повседневной жизни за пределами лона семьи.

Собственно, решение заключается в формализации телесных контактов. Мы разделяем спонтанные близкие телесные контакты младенчества на фрагменты. Каждый фрагмент стилизуется и относится к определенной категории. Мы устанавливаем правила этикета (это слово позаимствовано из французского языка и буквально означает «установленный порядок поведения») и придерживаемся их. Технике объятия никого учить не надо. Как мы видели, это врожденное инстинктивное действие, свойственное всем приматам. Но объятие включает в себя множество элементов, и какой именно фрагмент, в какой строго стилизованной форме, в какой конкретной ситуации следует использовать, наш инстинкт не подсказывает. Животное может вести себя каким-то образом либо не вести себя никак, но человек может вести себя либо правильно, либо неправильно, и правила социального поведения довольно сложны. Однако это не означает, что нам запрещено изучать их в биологическом плане. Независимо от того, как они культурно обусловлены или каковы присущие им культурные расхождения, мы сможем лучше понять эти правила, если будем рассматривать их как элементы поведения приматов. Дело в том, что мы почти всегда имеем возможность отследить их биологическое происхождение.

Прежде чем мы приступим к изучению общей картины, позвольте привести один детальный пример, наглядно иллюстрирующий то, что я имею в виду. Речь пойдет о действии, которое не привлекало особого внимания в прошлом, а именно о похлопывании по спине. Вы можете подумать, что этот элемент поведения слишком тривиален и вообще не стоит внимания. Однако не следует пренебрегать ни одним, самым на первый взгляд незначительным жестом. Любое подергивание, почесывание, поглаживание и похлопывание способно изменить судьбу человека и даже нации. Если кто-то отчаянно нуждается в нежной ласке, а близкий человек отказывает ему в ней, это может разрушить их отношения. Если лидер одной страны не отвечает на улыбку лидера другой страны, это может стать причиной войны. Значит, было бы неразумно пренебрежительно относиться к простому похлопыванию по спине, ведь из этих мелких действий складывается эмоциональная жизнь всех представителей рода *Homo sapiens*, и не только.

У вас когда-нибудь были тесные личные отношения с шимпанзе? Тогда вам хорошо известно, что похлопывание по спине свойственно отнюдь не только человеку. Если обезьяна рада встрече с вами, она подходит, обнимает, прижимается теплыми влажными губами к вашей шее и затем начинает ритмично похлопывать вас ладонями по спине. Это странное ощущение,

поскольку, с одной стороны, данное действие является очень человеческим, а с другой – оно слегка отличается от такового. Поцелуй не совсем похож на человеческий, я бы описал его как «прижатие открытого мягкого рта», а похлопывание легче и быстрее, причем выполняется обеими ладонями, ударяющими попеременно. Тем не менее объятие, поцелуй и похлопывание у обоих видов в принципе одинаковы, и передаваемые с их помощью социальные сигналы у человека и обезьяны, похоже, идентичны друг другу. Это дает нам основание сделать вывод, что похлопывание по спине является для человека инстинктивным действием.

В первой главе я уже говорил о вероятном происхождении цепляния руками как движения намерения, которое означает: «Я прицеплюсь к тебе в случае необходимости, но в данный момент нужды в этом нет. Расслабься, все хорошо». В младенчестве нас похлопывают по спине лишь в качестве дополнения к объятию, но впоследствии это дружеское действие может производиться само по себе, без всякого объятия. Алгоритм таков: рука вытягивается в сторону собеседника, друга, просто знакомого, и с его спиной вступает в контакт только ладонь. С этой перемены начинается процесс формализации. Если видеть лишь похлопывание по спине без объятия, догадаться о его истинном происхождении невозможно. В то же самое время происходит другая перемена: зона тела, по которой производится похлопывание, расширяется. Младенца похлопывают, как правило, исключительно по спине, но более взрослого ребенка – почти по всем частям тела: по плечам, рукам, щекам, макушке, затылку, животу, ягодицам, бедрам, коленям и ногам. Расширяется и смысловое содержание этого действия. Успокоительный сигнал «все хорошо» становится поздравительным сигналом «все *очень* хорошо» или «ты хорошо постарался». Поскольку мозг, который хорошо постарался, находится внутри черепной коробки, вполне естественно, что похлопывание по голове является типичным поощрительным действием. Оно настолько прочно ассоциируется с похвалой ребенка, что впоследствии от этого жеста приходится отказываться, поскольку среди взрослых людей он приобретает оттенок снисходительности.

При переходе от ситуации «взрослый похлопывает ребенка» к ситуации «взрослый похлопывает взрослого» происходят и другие перемены. Наряду с головой табу становятся иные зоны тела. Отношение к похлопыванию по спине, плечу и руке остается тем же, но похлопывание по тыльной стороне ладони, щеке, колену или бедру приобретает легкий сексуальный оттенок, а по ягодицам – сильный. Однако ситуация ситуации рознь, и из этого правила существуют исключения. Если женщина похлопывает по тыльной стороне ладони или по бедру другую женщину, никакого сексуального намека может не быть. Возможно также, в форме комического преувеличения, похлопывание почти по любой части тела, не считающееся оскорблением. Человек, выполняющий такое действие, произносит по этому поводу шутливое замечание и одновременно треплет своего визави по голове или по щеке, как бы говоря: «Ну, ну, приятель!» Тем самым он демонстрирует, что этот контакт носит не сексуальный, а иронично-покровительственный характер и его не следует принимать всерьез. Конечно, элемент фамильярности здесь присутствует, но он не имеет ничего общего с нарушением сексуального табу на прикосновение к определенным зонам тела определенным образом.

Дело усложняется тем, что из этого исключения существует одно интересное субисключение. Заключается оно в следующем. Взрослый человек (пусть это будет мужчина) хочет осуществить сексуальный телесный контакт с другим взрослым человеком (пусть это будет женщина). Он знает, что она отвергнет откровенный, неприкрытый контакт, поскольку это ей неприятно. Он знает, что она находит его сексуально непривлекательным, но желание прикоснуться к ней достаточно сильно, чтобы игнорировать ее негативные сигналы. Выход один – обратить все в шутку. Мужчина похлопывает женщину по колену и называет, например, смешной маленькой девчонкой. К несчастью для него, ему не удастся скрыть свое вожделение, особенно те призывы, что посылает выражение его лица. Как правило, женщина разгадывает хитрость и реагирует соответствующим образом.

Наименьший сексуальный заряд среди подобных действий несет в себе похлопывание по спине. Оно сохранило свой изначальный смысл, и им обмениваются даже незнакомые люди в знак сочувствия или в качестве поздравления. Подобное происходит, к примеру, после автокатастрофы и в момент триумфа спортсмена. Когда участник дорожно-транспортного происшествия сидит в состоянии шока на обочине дороги, к нему подходит один из тех, кто

помог ему выбраться из разбитого автомобиля, и задает бессмысленные вопросы вроде «Вы в порядке?», хотя совершенно очевидно, что он далеко не в порядке. Почти сразу человек осознает глупость того, о чем спросил, и прибегает к более эффективному средству утешения – телесному контакту. Наиболее вероятной формой такого контакта будет легкое похлопывание по спине. То же самое действие, только гораздо более энергичное, можно наблюдать при чествовании добившегося успеха спортсмена. Когда он, счастливый, возвращается со стадиона или со спортивной арены, болельщики, соревнуясь друг с другом, стараются как можно ближе подобраться к нему, чтобы похлопать по спине.

Мы уже прошли долгий путь от ситуации, когда мать нежно похлопывает свое крошечное дитя, но эта дорога еще не окончена, так как среди взрослых людей данное действие расширило диапазон своего применения даже за пределы тактильного контакта. Базовый тактильный сигнал в одном случае превратился в звуковой, а в другом – в визуальный. Аплодисменты, которыми благодарная публика награждает исполнителя, и махание рукой при встрече и расставании происходят от первичного жеста – похлопывания. Рассмотрим оба этих действия, вначале аплодисменты.

Меня давно удивляет широкое использование аплодисментов в качестве морального поощрения актера, музыканта и т. д. Резкие удары одной ладонью о другую представляются чуть ли не агрессивным действием, и такое же впечатление производят порождаемые ими звуки. Тем не менее для счастливого исполнителя эффект является противоположным. На протяжении столетий актеры жаждали видеть перед собой море аплодирующих рук.

Для того чтобы понять, в чем состоит притягательность аплодисментов, необходимо отыскать происхождение этого жеста в детстве. Исследования, проводимые с детьми в возрасте от шести до двенадцати месяцев, показывают, что хлопки в ладоши зачастую являются частью приветствия, адресуемого матери, когда та возвращается к ребенку после короткого отсутствия. Это действие может выполняться либо перед протягиванием рук в сторону матери, либо вместо него. Складывается впечатление, что малыш, увидев приближающуюся мать, хочет обнять ее и делает руками соответствующие движения. Но ее тело еще находится вне пределов досягаемости, и ладони младенца смыкаются в пустоте, хлопая друг о друга. На этой стадии хлопки производятся ладонями, а не запястьями, как у взрослых, когда они аплодируют.

Данное действие выполняли дети, матери которых их этому не учили. Другими словами, детские хлопки – это результат объятия пустоты вместо материнского тела. В таком случае ритмичные аплодисменты, производимые запястьями, могут рассматриваться как своего рода похлопывания, дополняющие объятие пустоты. Аплодируя исполнителю, мы как бы похлопываем его по спине на расстоянии, поскольку не можем все разом ринуться на сцену, чтобы действительно сделать это в знак одобрения. Попробуйте аплодировать, и вы заметите, что ударяете ладонями друг о друга с разной силой. Одна из них словно играет роль спины исполнителя, а другая энергично похлопывает по ней. На самом деле двигаются обе ладони, но одна значительно энергичнее, чем другая. У девяти человек из десяти правая ладонь, которая обращена вниз, похлопывает левую, раскрытую вверх, и виртуально являющуюся спиной.

Время от времени даже в мире взрослых можно наблюдать проявления связи между первичным объятием и аплодисментами. Когда первый советский космонавт, триумфально вернувшийся в Москву, стоял на трибуне мавзолея на Красной площади среди руководителей СССР, его приветствовали толпы людей, которые, проходя мимо, протягивали к нему руки и аплодировали. На киноплёнке, где запечатлено это событие, отчетливо видно, как один человек, которого переполняют эмоции, периодически прерывает аплодисменты, чтобы обнять пустоту. Когда сила эмоций преодолевает подобным образом формализацию того или иного действия, мы имеем красноречивое доказательство его происхождения.

Россия демонстрирует нам еще одну интересную вариацию аплодисментов. В этой стране исполнители обычно аплодируют публике, а публика аплодирует им. Это вовсе не означает, как цинично полагают некоторые, будто русские артисты до такой степени страдают нарциссизмом, что аплодируют собственному мастерству. Они просто возвращают публике формализованное объятие. На Западе подобное не практикуется, хотя и здесь иногда можно увидеть широко распростертые руки исполнителя, ожидающего аплодисментов в конце выступления. Особенно часто к этому жесту прибегают цирковые артисты. В конце сложного

номера они поворачиваются лицом к зрителям, принимают горделивую позу и широко разводят руки в стороны. Публика немедленно начинает аплодировать. Этот жест является примером движения намерения. Распростертые руки готовы заключить зрителей в объятия, но не смыкаются в пустоте. Некоторые артисты кабаре, специализирующиеся на эмоциональных песнях, делают это во время выступления, стараясь пробудить у публики чувство сопереживания.

Хлопки ладонями иногда используются для вызова слуги, а в гареме они служили сигналом того, что пора привести танцовщиц. В таких случаях хлопки представляют собой не обычное быстрое, ритмичное, повторяющееся действие, а один или два сильных удара ладоней друг о друга. Это больше похоже на хлопки младенца, радующегося появлению матери. Послание тоже сходно. Ребенок призывает мать подойти ближе, и то же самое требуется от слуги.

Я уже говорил о том, что базовый тактильный сигнал расширился до звукового, который мы рассматриваем, и визуального в форме махания руками. Подобно хлопкам, махание обычно воспринимается как само собой разумеющееся, но и это действие тоже имеет некоторые неожиданные элементы и вполне достойно анализа.

Люди машут руками в знак приветствия или прощания, поскольку на расстоянии они так более заметны. Но дело не только в этом. Если вы понаблюдаете за теми, кому действительно очень нужно, чтобы их заметили, например, когда кто-то ловит такси или пытается привлечь внимание человека в толпе, который пока не видит его, то заметите, что они машут руками не в обычной, традиционной манере. Они поднимают одну руку вертикально вверх и покачивают ею из стороны в сторону движением от плеча. В еще более острой ситуации они поднимают обе руки и покачивают ими одновременно. Это действие максимально заметно на расстоянии. Люди не машут друг другу руками подобным образом, когда между ними есть зрительный контакт. Прощаясь с кем-то или приветствуя кого-то, кто уже находится в пределах видимости, мы обычно машем не всей поднятой рукой, а кистью и делаем это одним из трех способов. Первый предусматривает движение кисти вверх и вниз. Когда кисть поднята, ладонь направлена вперед, а когда опущена, вниз. И здесь опять прослеживается вездесущее похлопывание. Приветствующая рука вытягивается вперед, чтобы обнять и похлопать, но, как и в случае с аплодисментами, расстояние вынуждает нас выполнять действие в пустоте. Различие заключается в том, что как и при аплодировании, дистанционное действие объятия и похлопывания дополняется звуковым сигналом, а в данном случае – визуальным. Рука поднимается вверх вместо того, чтобы вытягиваться вперед, как это происходит при реальном объятии, поскольку так действие заметнее. Что касается всего остального, разница между данными жестами невелика.

Вторая форма махания рукой обнаруживает дальнейшее видоизменение в сторону визуальности. Кисть вместо того, чтобы подниматься и опускаться, покачивается из стороны в сторону, при этом ладонь обращена вперед. Скорость движения примерно такая же, но это действие отстоит на шаг дальше от первичного похлопывания. Знаменательно то, что данная форма махания чаще используется взрослыми, нежели детьми, которые предпочитают изначальную версию движения кисти вверх и вниз.

Третий тип махания рукой большинству западных читателей неизвестен. Сам я видел его только в Италии, но он также практикуется в Испании, Китае, Индии, Пакистане, Бирме, Малайзии, Нигерии, странах Восточной Африки и среди цыган. (Весьма любопытное географическое распределение, которому я пока не могу найти объяснение.) Это действие напоминает жест подзывания, но стоит лишь увидеть, как его выполняют при прощании, и все сразу становится ясно. Как и первая форма, это действие поднимания и опускания, но в данном случае направленная вверх ладонь располагается горизонтально (как у человека, просящего что-либо) и производит движения вверх, в сторону тела своего обладателя. И опять по происхождению это движение похлопывания: при реальном похлопывании по спине часто можно наблюдать, как кисть принимает это положение – пальцы направлены вверх вдоль спины, в то время как локоть обнимающей руки опущен.

О данном типе махания есть две специализированные версии. Это приветственные жесты папы римского и английской королевы. В обоих случаях по неизвестной причине движения

выполняются не от плеча, как при максимально заметном махании, и не от запястья, как при обычном поглаживании-махании, а от локтя. Папа обычно использует обе руки одновременно. Он медленно и ритмично подносит направленные вверх ладони к себе, выполняя серию движений намерения объятия. Но не все так просто, как может показаться, ибо руки понтифика не сгибаются непосредственно к груди. Их движения направлены частично к его телу, частично вверх, словно он намеревается прижать толпу людей и к себе, и к небесам, где, как предполагается, все они в свое время окажутся.

Королева Британии тоже машет от локтя, но только одной рукой, и пальцы ее направлены вертикально вверх. Ладонь обращена к телу монаршей особы, что подчеркивает обнимающий характер действия, предплечье медленно и ритмично вращается, а акцент делается на внутренней части вращательного движения. Подобным образом королева в стилизованной манере обнимает своих подданных и утешает их в печали, виртуально похлопывая по спине.

Как и в случае с аплодисментами, иногда можно наблюдать, как под напором эмоций обнажается истинная природа формального действия махания. Приведу весьма наглядный пример. В маленьком аэропорту, где я проводил наблюдения за поведением людей, есть балкон, с которого встречающие могут видеть, как только что прилетевшие пассажиры спускаются по трапу самолета и идут к посту таможенного контроля. Он находится прямо под балконом, и хотя вновь прибывшие не могут прикоснуться к встречающим, которые машут им сверху, они проходят вблизи от них, прежде чем скрыться в здании аэропорта. Таковы декорации, а действие разворачивается следующим образом. Когда двери самолета открываются и прилетевшие начинают спускаться по трапу, и они, и встречающие отыскивают друг друга глазами. Если вновь прибывший заметит встречающих прежде, чем те увидят его, или наоборот, он или они начинают энергично махать рукой от плеча в максимально заметной манере. Вот установился обоюдный зрительный контакт, и руками машут уже обе стороны. Какое-то время это продолжается, но путь до здания аэропорта неблизок, и в конце концов они обычно опускают руки. Радостные порывы ненадолго угасают (человеку, которого фотографируют, тоже трудно долго сохранять на лице улыбку), но людям не хочется казаться неприветливыми, поэтому у них неожиданно пробуждается интерес к другим объектам. Вновь прибывший изучает ландшафт летного поля или наклоняется, чтобы поднять сумку, непонятно как выскользнувшую из его руки. Встречающие обмениваются комментариями по поводу внешнего вида того, кого они ждут. Когда он подходит ближе и черты его лица легко различимы, обе стороны вновь начинают энергично махать руками и улыбаться, пока прилетевший не скроется в здании аэропорта. Спустя полчаса, когда пройден таможенный контроль и получен багаж, наступает пора первых телесных контактов – рукопожатий, объятий, похлопываний по спине, поцелуев.

Таков базовый сценарий. Разумеется, от него существует множество мелких отклонений, а в одном случае отклонение было впечатляющим и весьма красноречивым. Мужчина возвращался домой после длительного пребывания за границей. Стоило ему ступить на трап, как он и встречающие – члены его семьи – начали неистово махать друг другу руками. Подойдя к зданию аэропорта и увидев родных поближе, он счел, что в эмоциональном плане махания рукой недостаточно. Человек говорил слова любви, неслышимые близким, на глаза у него навернулись слезы, а руками он пытался выразить всю полноту бушевавших его чувств. В этот момент я увидел, что характер движений его рук претерпел определенные изменения. Обычное махание прекратилось, и на смену ему пришли движения, имитирующие похлопывание по спине. Теперь его рука была вытянута в сторону домочадцев, а не поднята вверх, что уменьшало ее визуально и делало менее заметной. Кисть повернулась в сторону и совершала энергичные быстрые поглаживающие движения в пустоте. Охватившие мужчину эмоции были столь сильны, что все вторичные условные видоизменения первичного действия объятия и поглаживания, которые помогают улучшить восприятие сигнала на расстоянии, делая его более отчетливо видимым, были отброшены под наплывом чувств, и на первый план вышло первичное поведение.

Эмоциональная глубина этой встречи подтверждалась тактильными приветственными контактами, последовавшими после того, как семья воссоединилась. Едва мужчина появился в зале, все 14 родственников принялись обнимать, тискать, целовать его и похлопывать по спине

с таким энтузиазмом, что, когда страсти улеглись, он был в буквальном смысле слова эмоционально опустошен. Его лицо заливали слезы, а тело сотрясала крупная дрожь. В какой-то момент одна женщина, судя по всему его мать, не удовлетворившись объятиями, стала мять его щеки, словно это было тесто. Мужчина держал ее в объятиях и энергично похлопывал по спине. Однако после десятого страстного приветствия эмоциональный накал ситуации, похоже, начал сказываться на нем. Характер его движений при похлопывании существенно изменился. Условность снова была под наплывом чувств утрачена, и обнажилось происхождение формализованного действия. Если до этого махание рукой уступило место более ранней форме похлопывания пустоты, то на сей раз оно вернулось еще на один шаг ближе к своему первоначальному источнику. Похлопывание сменилось быстрыми повторяющимися действиями цепляния – последовательным сжиманием и разжиманием кисти. Это, вне всякого сомнения, было первоначальное движение намерения цепляния – то самое наследственное, от которого в результате специализации произошли остальные сигналы: тактильный – похлопывания, звуковой – аплодисментов и визуальный – махания. Это и есть пути преобразования так называемых тривиальных действий человеческих интимных отношений.

Рассматривая все направления развития этого контакта, я пытался показать, каким образом можно увидеть хорошо знакомые действия в новом свете. Потребность взрослых людей в телесных контактах друг с другом очень велика и носит базовый характер, но она, как правило, проявляется во фрагментированных, видоизмененных или закамуфлированных формах в знаках, жестах и сигналах, которыми мы обмениваемся в повседневной жизни. Очень часто истинный смысл действий скрыт от нас, и мы вынуждены отслеживать их происхождение, дабы понять, что они означают. В приведенных выше примерах действие первичного контакта зачастую осуществлялось на расстоянии, но существует множество способов, с помощью которых мы все же имеем возможность вступать в реальный телесный контакт друг с другом, и очень интересно наблюдать за тем, какие формы он принимает. При этом будет полезно ненадолго вернуться к первичному объятию. Сегодня нечасто можно увидеть, как взрослые люди обнимаются на публике, но время от времени такое случается, и имеет смысл изучить эти ситуации.

Полное объятие. Если мы понаблюдаем за различными ситуациями с полным объятием взрослых людей, очень скоро нам станет ясно, что они делятся на три разные категории. Самая распространенная, как и можно было ожидать, – тесный контакт между влюбленными. Сегодня на ее долю приходится около двух третей всех публичных объятий. Оставшаяся треть делится на две категории, которые можно назвать «воссоединение родственников» и «триумф спортсмена».

Молодые любовники обнимаются на публике не только при встрече и расставании, а вот у более зрелых супругов подобное наблюдается редко, за исключением случаев, когда один из них на время уезжает или возвращается после разлуки. В другие моменты публичные телесные контакты, если они вообще случаются, ограничиваются символическими прикосновениями.

Между взрослыми родственниками, такими как братья и сестры или родители и выросшие дети, полное объятие происходит еще реже. Оно характерно для драматических ситуаций, когда, например, кто-то избежал гибели во время природной катастрофы либо попал в заложники и был освобожден. В этом случае наверняка последует «воссоединение родственников», а может быть, человека будут обнимать даже близкие друзья обоего пола, которые обычно обмениваются с ним рукопожатиями или символическими поцелуями в щеку. Эмоциональный накал подобной ситуации таков, что страстное объятие между двумя мужчинами, двумя женщинами или состоящими в дружеских отношениях мужчиной и женщиной не считается нарушением сексуальных норм. При менее высоком эмоциональном фоне такие объятия могли бы выглядеть несколько странными, но при накале страстей о табу забывают. В моменты триумфа или супердраматических событий наши культурные нормы позволяют обниматься и целоваться даже двум взрослым мужчинам. Но если бы они при менее напряженных обстоятельствах осуществили всего лишь фрагмент полного объятия – взяли за руки или прижались щеками друг к другу, то неизбежно произвели бы впечатление гомосексуальной пары.

Это различие существенно и требует объяснения. Оно демонстрирует, каким образом базовые телесные контакты фрагментируются и формализуются. Начнем с того, что полное объятие естественно между кем-то из родителей и ребенком и, следовательно, между родителем и повзрослевшим ребенком, хотя последнее происходит реже. Среди взрослых оно обычно для любовников и партнеров. В других случаях взрослые, испытывающие по той или иной причине потребность обнять друг друга, должны каким-то образом продемонстрировать отсутствие в своем контакте сексуального элемента. Для этого они используют какой-нибудь формализованный фрагмент полного объятия, который, по общему признанию, не имеет эротической подоплеки. Например, один мужчина может обнять другого за плечо, не подвергаясь риску быть заподозренным в гомосексуальных наклонностях как партнером по контакту, так и окружающими. Однако, если бы он осуществил другой фрагмент, скажем, поцеловал мужчину в ухо, это немедленно вызвало бы ассоциации такого рода.

Ситуация меняется коренным образом, когда двое мужчин сжимают друг друга в объятиях и целуются в момент триумфа, трагедии или воссоединения, которого могло уже не быть. Здесь не может быть места сексуальной интерпретации, поскольку совершенно очевидно, что это действие носит не формализованный, а базовый характер. Окружающие понимают, что сильный эмоциональный накал ситуации побуждает пренебречь условностями. Они интуитивно осознают, что это возврат к первичному, досексуальному объятию младенчества, освобожденному от слоев последующей, взрослой стилизации, и воспринимают этот контакт как совершенно естественный. В самом деле, если два гомосексуалиста захотят осуществить телесный контакт на публике, не вызывая обычной в таких случаях враждебной реакции со стороны гетеросексуального окружения, они скорее заключат друг друга в объятия, нежели обменяются страстными поцелуями.

Изучая различные формальные фрагменты базового объятия, мы сможем понять, как в силу условностей они оказались в разных категориях, вследствие чего каждый из них посылает вполне определенный сигнал о характере отношений между «контактерами».

Но прежде чем приступить к этому изучению, рассмотрим последнюю, третью, категорию полного объятия, а именно триумф спортсмена. Объятие двух мужчин после страшной техногенной или природной катастрофы нам известно уже давно, а вот крепкое объятие футболистов после забитого гола – сравнительно новое явление. Как случилось, что эта ситуация вдруг возвысилась до уровня сильного эмоционального переживания? Чтобы понять сие, нужно вернуться на несколько веков назад.

Двумя тысячами лет ранее, когда наша планета была заселена еще не так плотно и отношения между членами общества определялись более четко, полное объятие являло собой обычную форму приветствия между равными. Объятие с поцелуем повсеместно практиковалось между мужчиной и женщиной, женщиной и женщиной и мужчиной и женщиной, не состоящими в любовных отношениях. В древней Персии у мужчин, имеющих одинаковый статус, было принято целоваться в губы, тогда как поцелуями в щеку они обменивались с занимающими чуть более низкое положение. Однако в других регионах между равными был принят поцелуй в щеку. Эта традиция сохранялась в течение многих столетий, и ее можно было наблюдать еще в средневековой Англии, где мужественные рыцари обнимали и целовали друг друга при встрече, тогда когда их потомки обмениваются кивками и рукопожатиями.

В конце XVII века ситуация в Англии начала меняться, и несексуальное приветственное объятие быстро вышло из обихода. Эта тенденция возникла в городах и медленно распространилась по стране: численность населения там возрастала, и личные отношения людей становились все более сложными. В XIX веке появились новые ограничения. Отныне даже церемонные поклоны и реверансы, пережившие XVIII столетие, утратили свою роль в повседневной жизни и использовались только во время официальных мероприятий. В 30-е годы XIX века в обиход вошло рукопожатие – минимальный телесный контакт, – которое практикуется до сих пор.

Подобные тенденции имели место и в других регионах, но не всегда в тех же масштабах. В латиноамериканских государствах телесные контакты ограничивались в гораздо меньшей степени, чем на туманном Альбионе, и даже в XX веке дружеские объятия между взрослыми

мужчинами оставались там вполне приемлемыми. А теперь вспомним «футбольное объятие». Футбол, зародившийся в Англии, в прошлом столетии быстро распространился почти по всему миру, особую популярность приобрел в Южной Америке. Когда команды с этого континента посещали Англию, страстные объятия их игроков после забитых голов поначалу вызывали недоумение и насмешки, но их великолепная игра в скором времени изменила ситуацию. С годами похвала британских футболистов («Хорошо сделано, старик!») стала казаться чуть ли не скупой. Похлопывание по спине уступило место легким объятиям, а легкие объятия – страстным, и современные зрители уже привыкли наблюдать, как забившего мяч игрока энергично тискают ликующие товарищи по команде.

Здесь, совершив полный круг, мы возвращаемся к средневековым рыцарям и обычаям еще дальше отстоящего от нас античного мира. Остается выяснить, не распространится ли эта тенденция на другие сферы жизни. Такое вполне возможно, но нам не следует забывать об одном ограничении. Обнимающиеся на футбольном поле игроки находятся в откровенно несексуальной ситуации. Их роли четко определены, и их физическая мужественность демонстрируется жесткостью игры, в которую они играют. В социальной сфере, где роли определены не столь четко, ситуация иная, и традиционные ограничения нашего сложного общества будут, по всей вероятности, действовать еще долго. Исключения возможны только там, где выражение сильных эмоций является неотъемлемым компонентом, например, в актерской среде. Если кому-то объятия актеров и актрис за пределами сцены и киноэкрана представляются чем-то излишним и неуместным, следует помнить не только о том, что этих людей учили демонстрировать страсти без всяких усилий, но и о том, что в силу специфики своей профессии они очень часто испытывают эмоциональный стресс и поэтому нуждаются во взаимном утешении.

Оставим полное объятие и приступим к рассмотрению его менее экспансивных форм. До сих пор мы имели дело с максимальным фронтальным объятием, когда два партнера соприкасаются щеками и висками, а их руки крепко обнимают тела друг друга. Когда данное действие выполняется менее эмоционально, оно отличается от полного объятия по трем основным пунктам. Партнеры могут соприкасаться боками, а не стоять друг перед другом; тело партнера может обнимать только одна рука; головы обнимающихся обычно не соприкасаются. По моим данным, на публике среди взрослых людей частичное объятие такого типа встречается в шесть раз чаще, чем полное. Эта и другие подобные количественные оценки основаны на личных наблюдениях, подкрепленных детальным анализом 10 тысяч фотографий, выбранных наугад из множества современных журналов и газет.

Объятие за плечо. Наиболее распространенная форма частичного объятия – объятие за плечо, когда один партнер обнимает другого таким образом, что ладонь покоится на его дальнем плече. Оно встречается в два раза чаще, чем любая другая форма частичного объятия.

Первое различие, бросающееся в глаза при его сравнении с полным фронтальным объятием, состоит в том, что это преимущественно мужское действие. Если в полном объятии мужчина и женщина принимают более или менее равное участие, объятие за плечо мужчина выполняет в пять раз чаще, чем женщина. Причина проста: представители сильного пола выше ростом. Вследствие этого анатомического различия некоторые телесные контакты мужчинам осуществлять легче, чем женщинам, и объятие за плечо относится к такой категории.

Данный факт придает объятию за плечо особое качество. Поскольку в отношениях между мужчиной и женщиной его почти всегда выполняет мужчина, это означает, что в нем нет ничего женственного. Сие, в свою очередь, значит, что мужчины могут прибегать к нему в общении между собой, в качестве знака дружеского расположения, который не имеет никакого сексуального оттенка. Действительно примерно одно из четырех объятий за плечо происходит между мужчинами, и это единственная форма объятия, которая нередко встречается в чисто мужской компании. В плане использования его отличие от полного объятия разительно. К полному объятию мужчины могут прибегать только в особо драматичные моменты, связанные с высоким эмоциональным напряжением, а к объятию за плечо – в совершенно обыденных ситуациях.

Это правило не действует в отношении других типов частичного объятия, таких как объятие за талию. Поскольку представителям обоего пола выполнять его одинаково легко и

рука при этом контакте располагается ближе к зоне гениталий, оно редко наблюдается между мужчинами.

Если мы перейдем от частичных объятий к фрагментам полного действия, то обнаружим примерно такие же различия. Одни составляющие объятия носят несексуальный характер и могут свободно использоваться мужчинами в общении друг с другом, в то время как другие имеют эротический оттенок и практикуются главным образом между любовниками.

Возложение руки на плечо. Когда один партнер кладет руку на плечо другого, это обычное действие, не являющееся объятием. Речь идет о простом сокращении объятия за плечо, которое используется в тех же ситуациях. Будучи чуть менее интимным, это действие еще больше распространено среди мужчин: они прибегают к нему в три раза чаще, чем женщины.

Сцепление рук. Это действие в 12 раз популярнее у женщин, чем у мужчин, которые предпочитают брать под руку представительниц противоположного пола, а не представителя своего. Дело в том, что в основе жест является женским. Когда это действие выполняется между женщиной и женщиной, дама берет под руку кавалера в пять раз чаще. Такая ситуация полностью противоположна по отношению к ситуации с объятием за плечо, и, следовательно, если данное действие выполняется между представителями одного пола, оно имеет женственный оттенок. Ввиду этого неудивительно, что женщины практикуют его между собой чаще, чем мужчины.

Представители сильного пола берут друг друга под руку в двух случаях: если они являются латиноамериканцами, у которых культурные нормы предусматривают сравнительно большую свободу в отношении телесных контактов или если один из них старик, нуждающийся в физической поддержке.

Сцепление ладоней. Продолжая анатомически отдаляться от полного объятия через объятие за плечо, возложение руки на плечо и сцепление рук, мы наконец приходим к сцеплению ладоней (не путать с рукопожатием, о котором речь пойдет отдельно!). Хотя это более отдаленная форма контакта по сравнению с тремя предыдущими, при которой тела партнеров обычно не соприкасаются, она имеет с полным объятием кое-что общее, чего нет у других форм. Это взаимное действие. Я могу, к примеру, положить руку на ваше плечо, и вам при этом ничего не нужно будет делать, но если я возьму вашу ладонь в свою, то вы тоже будете держать мою ладонь в своей. Поскольку это часто случается между женщиной и женщиной и поскольку они делают это *оба*, данное действие носит ни мужской, ни женский, а скорее гетеросексуальный характер. В самом деле сцепление ладоней представляет собой полное объятие в миниатюре, и неудивительно, что сегодня на публике двое мужчин делают это крайне редко.

Однако так было не всегда. Во времена, когда у мужчин полное объятие практиковалось свободно, они могли держаться за руки в знак дружбы, не несущей сексуальный характер. Например, при встрече двух средневековых монархов, согласно летописи, «король Франции вел за руку короля Англии в свой шатер; следовавшие за ними четыре герцога тоже держались за руки». Со временем этот обычай вышел из обихода, и за руки стали «водить» друг друга только представители разного пола. В наши дни это действие видоизменилось в двух направлениях. В формальных случаях, когда, к примеру, мужчина сопровождает женщину на банкет или ведет по проходу между скамьями в церкви, он держит ее под руку. В более непринужденной обстановке они обычно просто держатся за руки.

Несмотря на эту общую тенденцию, в современном мире существуют особые ситуации, когда мужчины все же держатся за руки, например, актеры так выходят на аплодисменты, а группа людей исполняет гимн сообщества, к которому они принадлежат. Впрочем, даже при этом они стараются встать так, чтобы каждый держался за руки с лицом противоположного пола, и только в крайних случаях, когда такой порядок физически невозможно соблюсти, он нарушается. Правда, уже сам факт наличия группы устраняет потенциальный сексуальный оттенок этого действия.

Еще одна стилизованная версия сцепления мужских ладоней возможна, когда один представитель сильного пола берет руку другого и поднимает ее вверх в знак победы. Хотя это действие происходит из мира бокса, сегодня его можно часто наблюдать среди политиков, поздравляющих коллег с одержанной победой. Оно приемлемо в этой ситуации в силу

первичного агрессивного характера жеста поднятия руки. В своей более ранней форме, до того как оно стало сопровождаться сцеплением ладоней, это движение, вне всякого сомнения, было символом одержанной победы, свидетельствовавшим о том, что воин все еще способен нанести удар, тогда как его соперник сделать это уже не может. Это движение намерения нанесения удара сверху и тот же самый жест приняли в качестве своего знака приветствия коммунисты. Результаты исследования конфликтного поведения детей показали, что удар рукой сверху вниз является базовым боевым приемом, присущим человеку, и не требует обучения. Ввиду этого кажется любопытным факт, что современный боксер все еще использует движение намерения данного действия в качестве победного жеста, хотя в реальной схватке он применяет не его, а стилизованные «неестественные» фронтальные удары. Небезынтересно также отметить, что в неформальной драке, какие случаются во время уличных беспорядков, и полицейские, и хулиганы прибегают главным образом к более примитивной форме удара сверху.

Вернемся к мужчинам, держащимся за руки на публике. Существует еще одна определенная ситуация, когда это возможно. Речь идет о поведении священников, особенно высших иерархов католической церкви. Папу, к примеру, часто можно видеть рука об руку со своими последователями, как мужчинами, так и женщинами, и это служит наглядной иллюстрацией того, как хорошо известная публичная фигура может выйти за рамки условностей. Образ папы изначально лишен сексуальности, поэтому понтифик может выполнять в отношении совершенно незнакомых ему людей различные фрагментарные интимные действия – те, которые не могли бы себе позволить обыватели. Кто еще, к примеру, мог бы потрепать красивую девушку по щеке и не навлечь на себя при этом подозрения в сексуальных намерениях? Фактически папа ведет себя как «святой отец» – именно так обращаются к католическим священникам, – и может вступать в близкие телесные контакты со взрослыми незнакомцами, что реальный отец делал бы со своими реальными детьми. Принимая на себя роль суперотца, понтифик может пренебречь ограничениями на телесные контакты, которые должны соблюдать остальные, и вернуться к более естественным и изначальным близким отношениям, существующим между родителями и детьми. Если он все же кажется более сдержанным со своими последователями, нежели реальный отец с детьми, это связано не с ограничениями сексуального характера, а с необходимостью сохранять силы для управления семьей, состоящей из 500 миллионов чад.

До сих пор мы отдалялись от полного объятия, так сказать продвигаясь через плечи вниз, к предплечьям и далее к кистям, и в этом направлении уже не можем следовать дальше. Выясним, какие еще части тела входят в контакт друг с другом при полном объятии, и посмотрим, существуют ли и там источники полезных фрагментов, которые могли бы использоваться в повседневном общении.

Плотное соприкосновение туловищ и ног при полном объятии, судя по всему, таковым не станет, и причина этого очевидна. В результате такого контакта слишком сильно сближаются запретные зоны гениталий. Однако существует еще одна важная контактная зона, принимающая участие в полном объятии, а именно голова. Обуреваемые сильными эмоциями, партнеры соприкасаются щеками и висками, целуют головы друг друга, гладят их, и из этих действий развились три важных фрагмента, широко используемых в повседневной жизни, – контакт головы с головой, контакт руки с головой и поцелуй.

Контакты с головой. Такие действия, как прикосновение к голове партнера рукой и соприкосновение головами, свойственны главным образом молодым любовникам. Между ними первое действие случается в четыре раза, а второе в два раза чаще, чем между более зрелыми партнерами, состоящими в браке, тогда как последние чаще обнимают друг друга за плечи.

Мужчины редко прибегают к взаимным контактам с головой. Если один представитель сильного пола прикасается рукой к голове другого, обычно это происходит в одном из трех случаев: оказание первой помощи, благословление или нанесение удара. Когда мужчина (или женщина) видит жертву несчастного случая, он получает сильные детские сигналы, посылаемые беспомощным человеком. Они никого не могут оставить равнодушным. В теленовостях и на газетных снимках часто можно увидеть, как кто-то поддерживает голову пострадавшего. С точки зрения медицины эффективность такой меры весьма сомнительна, но логика эскулапов в данном случае не действует. В большинстве случаев это не попытка

оказания квалифицированной помощи, а инстинкт, связанный с родительской заботой о беспомощном ребенке. Человеку, не имеющему специальной подготовки, трудно оценить степень серьезности телесных повреждений жертвы аварии или несчастного случая и определить, в какой именно помощи пострадавший нуждается. Он инстинктивно приподнимает голову бедолаги и удерживает ее в этом положении, не думая о том, что тем самым может причинить еще больший вред. Мало кто будет в состоянии стоять рядом и хладнокровно размышлять, какие меры следует предпринять. Побуждение осуществить успокаивающий телесный контакт слишком сильно, но необходимо учитывать то, что это чревато непоправимыми последствиями. Маленьким мальчиком я видел, не понимая сути происходящего, как человек умер в результате подобной «помощи». Заботливые люди на руках перенесли попавшего в аварию в автомобиль, чтобы отвезти в больницу. Этот акт милосердия стоил ему жизни: во время такой транспортировки сломанные ребра проткнули легкие. Если бы его «бессердечно» оставили лежать на обочине шоссе до прибытия машины «Скорой помощи», в которой есть носилки, он мог бы выжить. Таково стремление осуществить телесный контакт с человеком, попавшим в беду, и оно не знает половых различий.

Возложение на голову руки епископа во время рукоположения в чин или конфирмации тоже лишено какого бы то ни было сексуального значения. Здесь опять прослеживается имитация отношений между кем-то из родителей и ребенком.

Агрессивный контакт руки одного мужчины с головой другого не требует особых комментариев, но представляет собой возможный источник близких отношений между представителями сильного пола. Если один мужчина испытывает побуждение прикоснуться из дружеских чувств к голове другого, но не решается сделать это из опасения быть заподозренным в чем-то предосудительном, он может прибегнуть к шутливому нападению. Вместо того чтобы погладить своего друга по голове, что имело бы явный эротический оттенок, он замахивается на него или хватается за шею, делая вид, что душит. Как шутливая борьба помогает родителю продлить период близких телесных контактов со своими подрастающими детьми, так и подобные нападения «понарошку» дают друзьям возможность сохранять близкие отношения, не утрачивая при этом мужественности.

Поцелуй. Мы подошли к последней из важных производных изначального объятия – поцелую, который имеет увлекательную и сложную историю. Если вы полагаете, что поцелуй представляет собой довольно простое действие, задумайтесь на минуту, насколько он в действительности многообразен. Вы целуете любимого человека в губы, старого друга противоположного пола в щеку, младенца в макушку; если ребенок поранит палец, вы целуете рану, чтобы она «быстрее заживала»; готовясь встретиться с опасностью, вы целуете талисман; если вы игрок, то целуете игральные кости, прежде чем бросить их; если вы жених на свадьбе, то целуете невесту; если вы религиозны, то целуете перстень на руке епископа в знак почтения или Библию, принося присягу; если вы прощаетесь с кем-то и он уже находится вне пределов досягаемости, вы целуете свою руку и машете ею. Нет, поцелуй отнюдь не такое простое действие, как кажется на первый взгляд, и, чтобы понять его сущность, необходимо вновь повернуть стрелки часов истории назад.

Самыми чувствительными зонами человеческого тела являются кончики пальцев, клитор, головка пениса, язык и губы. Неудивительно, что губы часто используются в интимных телесных контактах. Вначале они сосут материнскую грудь, в результате чего не только получают молоко, но и испытывают приятные ощущения. Это доказано в ходе изучения поведения детей с аномалиями в развитии пищевода, которых приходится выкармливать парентерально. Когда им давали пустышку, они успокаивались и переставали плакать. Поскольку эти младенцы никогда не получали пищу естественным путем, удовольствие от ощущения во рту соски не могло быть связано с удовольствием сытости. Следовательно, дело, собственно, в соске. Таким образом, соприкосновение губ с чем-либо мягким является изначальным контактом, играющим важную роль.

По мере того как ребенок растет, между ним и матерью возникает контакт головы с головой. Младенец ощущает прикосновение ее губ к своей коже и своих губ к ее. Нетрудно понять, как этот ранний контакт трансформировался в акт дружеского приветствия. Обычно мать держит малыша таким образом, что если он к ней тянется, то касается губами ее щеки или

виска. Как я уже говорил, в прежние времена, когда между однополыми взрослыми людьми полное объятие практиковалось более свободно, поцелуй в щеку служил обычной формой контакта между равными. Это был в определенном смысле первобытный приветственный поцелуй, позаимствованный из детства и не претерпевший больших изменений. Он существовал на протяжении столетий и дожил до сегодняшнего дня. В нашей культуре разнополые друзья и родственники целуются при встрече и расставании, и эти поцелуи не имеют никакого сексуального значения. То же самое относится к поцелуям между взрослыми женщинами. Что касается взрослых мужчин, ситуация в разных странах разная. Например, во Франции они целуются значительно чаще, чем в Англии.

Эволюция поцелуя в губы происходила в ином направлении. В разные исторические периоды и в разных местах он практиковался в определенной степени в качестве несексуального приветствия между приятелями, но такой контакт считался слишком интимным даже для близких друзей и со временем все больше и больше ограничивался сферой отношений любовников и партнеров.

Поскольку женские молочные железы являются признаком половой принадлежности и одновременно органом выкармливания потомства, лобзания их мужчиной носит откровенно сексуальный характер, несмотря на сходство с процедурой сосания молока младенцем. Разумеется, то же самое относится и к поцелую в зоне гениталий, а также к стимуляции эрогенных зон, в первую очередь бедер и ушей. Тем не менее некоторые части тела формально предназначаются для несексуального поцелуя особого рода, который можно назвать подчиненным или почтительным. Он в корне отличается как от дружеского, так и от сексуального поцелуя, и, чтобы понять его сущность, нужно выяснить, каким образом подчиненное лицо предстает перед доминантным.

Из результатов исследований поведения животных хорошо известно, что для того, чтобы умиротворить разъяренное доминантное животное, нужно казаться меньшим по размерам, чем вы есть на самом деле, и, соответственно, менее опасным для него. Если вы менее опасны для него, значит, вероятность того, что оно будет рассматривать вас в качестве угрозы своему превосходству, минимальна. Доминантное животное просто проигнорирует вас, поскольку вы ниже, чем оно, как в метафорическом, так и в буквальном смысле слова. И если вы являетесь более слабой особью, это как раз то, что вам нужно (по крайней мере, в данный момент). Именно в связи с этим мы наблюдаем в поведении многих видов животных припадание к земле, съезживание, втягивание головы, опущенный взгляд и прочие типы пресмыкательства.

То же самое относится и к человеку. При отсутствии формальностей пресмыкательство имеет у нас тот же вид, что и у животных, но во многих ситуациях подчиненное лицо использует его стилизованные формы, которые варьируют в широких пределах от региона к региону и от эпохи к эпохе. Сие вовсе не препятствует тому, чтобы эти формы можно было проанализировать с биологической точки зрения, ибо все они без исключения проявляют врожденные черты, явно роднящие их с подчиненным поведением других видов животных.

Крайняя форма пресмыкательства у людей – простираание ниц, когда человек лежит на земле лицом вниз. Ниже этого положения просто некуда опуститься, если только зарыться в землю. Доминантное лицо может усилить эффект (что часто и происходило), взойдя на возвышение или сев на высокий трон. Этот акт изъясления абсолютной покорности был широко распространен в древних царствах, и его совершали пленные по отношению к тому, кто их пленил, рабы по отношению к хозяину и слуги по отношению к господину. Между распростертым и строго вертикальным положениями тела заключен целый ряд формализованных действий и поз, и мы проведем их краткий обзор в порядке возвышения.

За простираанием ниц следует поклон, бытовавший на Востоке, при котором человек становился на колени и кланялся, касаясь лбом земли. Далее идет коленопреклонение без поклона. Это действие тоже широко практиковалось в древнем мире, но к эпохе Средних веков его сменило преклонение одного колена. В те времена считалось, что полное коленопреклонение мужчина должен приберечь исключительно для Бога, который тогда почитался все-таки больше земных правителей. Сегодня коленопреклонение перед мужчиной можно наблюдать очень редко (исключением является ситуация, когда отдают почести королевским особам), но верующие не изменили древней традиции, и Господь сохраняет свой

доминантный статус намного успешнее, нежели современные земные владыки.

Поднимаясь еще выше, мы доходим до реверанса. Это не что иное, как движение намерения преклонения колена. При реверансе одна нога слегка отставляется назад, как будто ее колено собирается опуститься и коснуться земли, а затем сгибаются оба колена, но отнюдь не до земли. Корпус при этом остается прямым. Вплоть до эпохи Шекспира реверанс делали как мужчины, так и женщины. По крайней мере в этом отношении существовало равенство полов. С появлением реверанса акт изъясления покорности еще больше сократился в объеме, и преклонение одного колена постепенно сошло на нет, сохранившись только в виде знака почтения монарших особ.

В XVII веке мужчины начали кланяться в пояс, тогда как женщины продолжали делать реверанс. В результате и того и другого действия человек склонялся перед доминантным лицом, но по-разному. С тех пор ситуация мало изменялась, разве что сократился объем и этих действий. Витиеватый мужской поклон времен Реставрации уступил место более простому и сдержанному поклону Викторианской эпохи, а реверанс сократился до короткого приседания. Сегодня женщины делают реверанс только перед могущественными правителями и королевскими особами, а мужской поклон, если он вообще выполняется, сводится к простому склонению головы.

Исключением из этого правила является завершение театрального представления, когда актеры и актрисы по неизвестной причине словно перемещаются на несколько столетий в прошлое, отвешивая глубокие поклоны и делая изысканные реверансы. Весьма любопытно, что здесь мы иногда наблюдаем совершенно парадоксальные действия: актрисы кланяются так, как если бы они были мужчинами. Складывается впечатление, что этот возврат к равенству полов в совершении акта изъясления покорности отражает новую тенденцию к равенству женщин во всех остальных сферах, но если сие так, мужчины по крайней мере имеют все основания утверждать, что это женщины стали выполнять мужские действия, а не наоборот. Вполне вероятно, причина данного феномена совершенно иная и никак не связана с маскулинизацией женщины в нашем обществе. Когда-то актерами могли быть только мужчины, и половине из них приходилось играть женские роли. Возможно, когда современные актрисы кланяются, они, следуя традиции, имитируют своих предшественников-мужчин на женских ролях. Однако даже с учетом древних традиций такое объяснение представляется маловероятным. Скорее всего, они просто не хотят выделяться из труппы.

Сегодня приветственные поклоны прошлых эпох почти повсеместно уступили место намного более открытому и прямолинейному рукопожатию. Это действие уже не предусматривает даже малейшего наклона тела вперед. Таким образом, мы проделали путь от абсолютно горизонтального до совершенно вертикального положения тела. Сегодня все мужчины считаются равными по рождению, что находит отражение в манере приветствия.

Хотя все перечисленные формальные действия, кроме рукопожатия, не включают никаких телесных контактов, это отклонение от главной темы было необходимо в силу того, насколько они важны в связи с почтительным поцелуем. Я уже упоминал, что в древности двое равных целовали друг друга в губы, то есть на одном и том же уровне высоты тела. Для нижестоящего поцеловать в губы или даже в щеку вышестоящего было немыслимым делом. Если этот человек хотел выразить свои чувства посредством прикосновения губ, такое прикосновение должно было осуществляться на более низком уровне, соответствующем его положению. Для занимавших самое низкое положение это означало, что они должны были целовать туфлю доминантного лица. Для жалкого пленника даже это было слишком большой честью, и он целовал землю около туфли. Сегодня подобные зрелища – большая редкость, поскольку нынешние правители уже не те, что были прежде. Впрочем, еще в XX веке, к примеру, правитель Эфиопии публично удостоивался подобной чести со стороны своих подданных. Сленговые выражения «целовать грязь» и «лизать ботинки» до сих пор напоминают нам о том, каким унижениям подвергались люди в прошлом.

Тем, чье положение было не столь низким, разрешалось целовать полу одежды или колено доминантного лица. Так, епископ мог лобызать колено папы, но простой смертный мог рассчитывать только на то, что поцелует крест, вышитый на его правой туфле.

Поднявшись еще на одну ступень вдоль человеческого тела, мы доходим до поцелуя руки.

Он раньше тоже выполнялся в отношении доминантных мужчин, но сегодня, если не считать высших иерархов церкви, руку целуют исключительно женщинам в знак уважения, да и то не во всех странах и в определенных этикетом ситуациях.

Итак, существуют четыре зоны тела, которые можно целовать в несексуальном контексте: щека в знак дружеского приветствия; тыльная сторона ладони в знак глубокого почтения; колено в знак изъявления покорности и ступня в знак выражения подобоострастия. Чем ниже находится зона, к которой прикасаются губы, тем ниже статус целующего. Несмотря на всю помпезность и ритуальный характер этих действий, они очень напоминают типичные умиротворяющие жесты животных. Если освободить их от вычурных деталей культурных вариаций и рассмотреть в целом, даже наиболее изысканные образцы человеческого поведения на удивление близки к образцам поведения животных.

Ранее я привел перечень форм современного поцелуя, и некоторые из них не получили должного объяснения. Это, в частности, целование игральных костей, перед тем как их бросить, целование талисмана и целование ранки у ребенка. Эти и другие похожие действия, призванные давать облегчение или приносить удачу, связаны с поцелуем выражения почтения, о котором уже шла речь выше. Целовать Бога, самое доминантное лицо, невозможно, поэтому верующим приходится прикладываться к его символам – кресту, Библии и другим предметам культа. Так как целование их символизирует целование Господа, считается, что это действие приносит удачу, поскольку умиротворяет его. Таким образом, любой талисман рассматривается в качестве священной реликвии. Игрок в казино Лас-Вегаса дует на рулетку, стараясь защитить себя от праведного гнева Всевышнего. Посылая воздушный поцелуй при прощании с друзьями, мы выполняем древнее действие, ибо когда-то целование собственной руки выражало большее раболепие, нежели целование руки доминантного лица. Являющийся единственным пережитком этого обычая современный воздушный поцелуй обусловлен лишь расстоянием между прощающимися, но ни в коей мере не стремлением изъяснить покорность.

Рукопожатие. Вместе с прощальным поцелуем мы оставляем сложный мир фрагментарного объятия и переходим к последнему из телесных контактов взрослых людей, имеющему большое значение и достойному того, чтобы рассмотреть его во всех подробностях, а именно к рукопожатию. Я уже говорил, что оно получило широкое распространение около 150 лет назад, но предшествовавшее ему пожатие руки практиковалось задолго до этого. В Древнем Риме оно использовалось в качестве знака принесения присяги и сохраняло эту изначальную функцию на протяжении почти двух тысячелетий. В Средние века рыцарь преклонял колени перед своим сюзереном и сжимал его руку, клянясь ему в верности. Встряхивание сжатых рук появилось еще в XVI веке. В пьесе Шекспира «Как вам это понравится» есть фраза «Они пожали руки и поклялись быть братьями», хотя в ту эпоху данное действие служило и знаком заключения соглашения.

В начале XIX столетия ситуация изменилась. Рукопожатие все еще практиковалось после произнесения торжественного обещания или заключения договора как удостоверяющее действие, но оно впервые стало использоваться в качестве простого приветствия. Причиной этой перемены стала промышленная революция, вызвавшая появление особого класса предпринимателей. Новоявленные дельцы постоянно заключали сделки, которые обязательно скреплялись рукопожатием. Эти сделки, договоры и соглашения стали новым образом жизни, и постепенно рукопожатие проникло во все слои общества. Со временем оно вытеснило все другие формы приветствия и сегодня повсеместно практикуется не только среди равных, но и между людьми, занимающими разное общественное положение. Если раньше существовал целый ряд альтернативных форм приветствия на каждый случай жизни, то сейчас мы обходимся одной-единственной. Сегодня президент приветствует фермера точно так же, как фермер приветствует президента, – они, улыбаясь, протягивают друг другу руки, пожимают их и встряхивают. Когда президент встречается с другим президентом, а фермер с другим фермером, они делают то же самое. С точки зрения телесной интимной близости времена, несомненно, изменились. И все-таки вездесущее рукопожатие в одном отношении упростило положение дел, а в другом сильно осложнило. Мы знаем, что при встрече следует обмениваться рукопожатиями. Но в какой момент нужно протягивать руку? И кто должен делать это первым?

Современные книги по этикету изобилуют противоречивыми рекомендациями, что ясно

свидетельствует о запутанности вопроса. Одна утверждает, что мужчина ни при каких обстоятельствах не должен протягивать руку женщине, в то время как в другой говорится, что во многих регионах мира именно мужчине следует брать на себя инициативу. Одна предостерегает, что младший не должен первым подавать руку старшему, другая разъясняет, что каковы бы ни были сомнения, лучше рискнуть и протянуть руку, чем уязвить чье-либо самолюбие. Один авторитет настаивает на том, что женщина должна встать, прежде чем протянуть руку, другой утверждает, что она вставать не должна. Неясно также, кто должен первым протягивать руку – мужчина-хозяин женщине-гостье или та ему, женщина-хозяйка мужчине-гостю или он ей. Кроме того, существуют разные правила для деловых и социальных ситуаций. Автор одной из книг договорился до абсурда: «Нет никаких правил относительно того, в какой момент нужно обмениваться рукопожатиями». Это похоже на крик отчаяния, поскольку на самом деле этих правил более чем достаточно.

Совершенно очевидно, что столь тривиальное на первый взгляд действие, как рукопожатие, заключает в себе скрытые сложности, которые мы должны раскрыть, если хотим разобраться в этой непростой ситуации. Для этого необходимо выяснить происхождение данного действия. Занимающий подчиненное положение шимпанзе, стараясь умиротворить своего доминантного собрата, протягивает в его сторону обращенную ладонью вверх вялую руку, словно умоляя о чем-то. Если тот делает то же самое, обезьяны соприкасаются руками, и этот жест удивительно напоминает короткое рукопожатие. Первоначальное послание гласит: «Смотри, я совершенно безобиден и не осмелюсь напасть на тебя», а ответ означает: «Я тоже не буду нападать на тебя». Дружеский жест, похожий на рукопожатие, можно интерпретировать следующим образом: «Я не причиню тебе зла, я твой друг». Другими словами, когда подчиненный шимпанзе протягивает руку доминантному, это можно рассматривать как акт выражения смирения, когда же подчиненному шимпанзе протягивает руку доминантный, это явно акт утешения, а тактильный контакт, вне всякого сомнения, является выражением дружеского расположения. Тем не менее в своей основе это жест умиротворения, поэтому авторам книг по этикету следует давать недвусмысленные рекомендации – подчиненное лицо должно первым подавать руку доминантному.

Теперь обратимся к древнему человеческому пожиманию руки и рассмотрим его с той же точки зрения. Протягивая пустую ладонь, человек тем самым демонстрировал, что в ней нет оружия, и это объясняет, почему мы всегда используем для рукопожатия именно правую руку. Руку подобным образом может демонстрировать либо слабый сильному в знак смирения, либо сильный слабому в знак утешения, как в случае с шимпанзе. Трансформировавшийся во взаимное крепкое пожатие рук, этот жест стал знаком заключения соглашения между двумя мужчинами, которые, по крайней мере в данный момент, воспринимают друг друга как равные. Другими словами, ни один из них независимо от своего статуса не претендует на превосходство и демонстрирует отсутствие агрессивных намерений.

Это вполне правдоподобная версия происхождения современного рукопожатия, но существует еще одна, не менее правдоподобная, которая опять все запутывает. Одним из важных приветственных действий, осуществляемых мужчиной по отношению к женщине, было целование руки. Человек брал протянутую ему руку в свою, прежде чем приложить к ней губы. Со временем это действие стало стилизованным, и элемент поцелуя утратил былое значение. Когда губы мужчины только еще приближались к тыльной стороне женской ладони, они выполняли поцелуй в воздухе. В дальнейшем эта форма приветствия подверглась еще большей стилизации. Зачастую мужчина брал женскую руку, приподнимал и слегка наклонялся к ней. В таком виде это действие напоминает слабое рукопожатие, но без энергичного встряхивания. Один автор видел в этом единственный источник современного рукопожатия: «Как контактное приветствие, рукопожатие представляет собой позднюю производную “целования лица”, а “целование руки” выступает в роли связующего звена». В этом плане протягивание руки в значительной мере служит проявлением превосходства по отношению к подчиненному и, следовательно, в корне отличается от рукопожатия как символа заключения соглашения между двумя мужчинами.

Судя по всему, истина в том, что обе гипотезы верны, и это двойное происхождение является причиной путаницы в современных книгах по этикету. Дело в том, что сегодня

рукопожатие выполняет далеко не единственную функцию. При помощи него мы здороваемся, прощаемся, заключаем договор или сделку, поздравляем, принимаем вызов, благодарим, соболезнуем, миримся и желаем удачи. Оно содержит в себе два элемента. В одних случаях рукопожатие символизирует дружескую связь, в других – только то, что люди дружелюбно настроены по отношению друг к другу в тот момент, когдажимают руки. Если яжимаю руку человеку, которому меня только что представили, это всего лишь дань вежливости, притом что неизвестно, как будут складываться наши отношения в дальнейшем.

Можно сказать, что современное рукопожатие – это двойное действие, маскирующееся под одинарное. «Рукопожатие соглашения» и «приветственное рукопожатие» разнятся по происхождению и выполняют разные функции, но, поскольку они имеют одинаковую форму, мы рассматриваем их исключительно в качестве дружеского рукопожатия. Отсюда и путаница. До начала Викторианской эпохи не было никаких проблем. Тогда существовало рукопожатие соглашения между мужчинами, означавшее: «Договорились!», и целование женской руки мужчиной, означавшее: «Познакомиться с вами – честь для меня». Но когда деловая жизнь тесно переплелась с общественной, эти две формы контакта перемешались. Энергичное рукопожатие соглашения сделалось мягче и слабее, а в целовании руки исчез сам элемент поцелуя, и сжатие ладони стало крепче.

Хотя сегодня мы ничего не имеем против рукопожатия, в XIX веке во Франции его называли «американским фокусом», и оно нередко встречало там неодобрение, особенно когда мужчины-гости обменивались им с девушками. Причина заключалась не в том, что оно предусматривало интимный телесный контакт, просто французы продолжали воспринимать рукопожатие в его старой мужской роли. На их глазах мужчины-гости в момент знакомства «заключали соглашение» с молодыми девушками, устанавливая тем самым дружескую связь с ними, что считалось абсолютно неприемлемым. Разумеется, иностранные гости полагали, что они всего лишь проявляют вежливость.

Это возвращает нас к недоразумениям и путанице в книгах по этикету. Основная проблема – кто кому должен подавать руку первым. Не будет ли оскорблением не подать ее и тем самым проявить недружелюбие или подать и тем самым проявить намерение поцеловать руку в видоизмененной форме? Результаты анализа социальных ситуаций свидетельствуют о том, что приходящие в смятение люди решают эту проблему, отслеживая малейшие сигналы языка тела. Они улавливают едва заметное движение намерения протягивания руки и стараются сделать так, чтобы их жест выглядел одновременным с жестом лица, с которым обмениваются рукопожатиями. Их смятение усугубляет тот факт, что при использовании большинства других видов приветствий подчиненное лицо действует первым, дабы продемонстрировать уважение. Рядовой первым отдает честь офицеру. В прежние времена младший всегда первым кланялся старшему. Но в отношении целования руки положение дел было иным. Дама должна была подавать руку первой. Ни один воспитанный мужчина не хватал женщину за руку, не дождавшись от нее сигнала. Поскольку целование руки имеет отношение к происхождению рукопожатия, это правило в большинстве случаев все еще действует. Мужчина ждет, пока женщина подаст ему руку для рукопожатия, словно она подает ее для поцелуя. Тем не менее не подать женщине руку первым сегодня, когда исчез элемент поцелуя, равносильно заявлению со стороны мужчины, что он офицер, а она рядовой и что она должна первой отдавать ему честь. Отсюда все предостережения и невразумительные рекомендации специалистов по этикету.

Другое происхождение рукопожатия, связанное с заключением соглашения, еще больше запутывает ситуацию. Более слабый мужчина обычно подает руку первым, дабы продемонстрировать более сильному свои дружеские намерения. Во время соревнований проигравший обычно первым подает руку победителю, поздравляя его, чтобы показать, что, несмотря на поражение, он сохраняет дружеское расположение к нему. Таким образом, если молодой менеджер протягивает в знак приветствия руку старшему коллеге, это может быть расценено либо как дерзость («вы можете поцеловать мне руку»), либо как смирение («вы – победитель»). И опять же эта проблема обычно решается при отслеживании малейших движений намерения и попытке осуществить одновременное действие.

С учетом сложного прошлого и запутанного настоящего можно было бы ожидать, что рукопожатие в современном мире, который становится все более неформальным, постепенно

исчезнет. В определенных ситуациях так и происходит. Социальные приветствия приобретают в основном вербальный характер. Примерно в середине XX века специалисты по этикету объявили, что в настоящее время в Великобритании рукопожатия между мужчинами при знакомстве уходят в прошлое. Несмотря на это, рукопожатия между представителями сильного пола более распространены, чем между мужчиной и женщиной и между женщинами. По моим наблюдениям, две трети рукопожатий происходит между мужчинами, а в остальной трети рукопожатия между мужчиной и женщиной случаются в три раза чаще, чем между женщинами. Эти цифры хорошо вписываются в историю рукопожатия, ибо мужчины унаследовали его в качестве знака заключения соглашения, а затем еще и наделили функцией приветствия. Женщины, обменивающиеся рукопожатиями с мужчинами, унаследовали его в качестве поцелуя руки, но пока еще не сумели занять равные с мужчинами позиции в бизнесе, и, стало быть, для них это отнюдь не знак заключения соглашения. И конечно, женщины никогда не целовали ручки женщинам, поэтому они очень редкожимают руки друг другу.

Последняя особенность этого телесного контакта, которая может показаться очевидной, но на самом деле является весьма примечательной, заключается в том, что в него не вступают любовники. В большинстве стран этого не делают даже супруги. Спросите англичанина, который состоит в браке, скажем, 12 лет, когда он в последний раз приветствовал свою жену при помощи рукопожатия, и в ответ скорее услышите, что это было 12 лет назад, а не 12 дней. Это, вне всякого сомнения, наименее чувственный из всех телесных контактов. Остальные рассматриваемые в настоящей главе – от полного объятия до поцелуя – несут в себе мощный сексуальный заряд. Все они происходят из одного изначального источника и осуществляются в большей степени между любовниками и партнерами, нежели между взрослыми людьми, выступающими в другой роли. Между мужчинами в большинстве случаев телесные контакты возможны только в особых ситуациях. В отличие от них рукопожатие происходит не из нежного объятия, а из действия, символизирующего заключение соглашения между мужчинами, и поэтому оно не породило подобных проблем. Даже причастность к его истории поцелуя женской руки не вызвала никаких сложностей, поскольку это было формализованное действие выражения почтения, лишенное какой бы то не было сексуальности. Следовательно, мужчины могли трести друг другу руки хоть до появления синяков на ладонях, не подвергаясь ни малейшему риску быть заподозренными в нетрадиционной сексуальной ориентации. Сама процедура рукопожатия производит впечатление жесткого, энергичного действия, даже на расстоянии непохожего на то, как держатся за руки влюбленные.

В настоящей главе мы исследовали поведение взрослых людей на публике и видели, как ничем не сдерживаемые интимные телесные контакты младенчества подверглись ограничению, формализации и классифицированию. Возможно, это произошло потому, что взрослым людям нужны бóльшая независимость и бóльшая мобильность, а интенсивные телесные контакты препятствуют им в достижении этого. Это объясняет сокращение времени, затрачиваемого на телесные контакты, но не уменьшение их интенсивности. Возможно, сие произошло потому, что взрослые люди не особенно нуждаются в телесных контактах. Но если так, почему они тратят столько времени на чтение книг, просмотр телевизионных передач и прослушивание песен, не в последнюю очередь согретых интимной близостью? Возможно, наша «неприкасаемость» связана с соображениями статуса, с тем, что мы не желаем, чтобы к нам притрагивались нижестоящие, и не осмеливаемся прикасаться к вышестоящим. Тогда почему мы избегаем телесных контактов с равными? Возможно, мы не хотим, чтобы наши телесные контакты путали с контактами, происходящими между любовниками. Но как это объясняет тот факт, что и влюбленные ограничивают свои интимные контакты на публике?

Чтобы найти ответ на эти вопросы, нужно осознать, что в данной картине явно чего-то недостает. Судя по всему, этим скрытым фактором является прочная связь, формирующаяся между теми, кто вступает в близкие телесные контакты. Нельзя быть близкими физически, не будучи близкими эмоционально. Сегодня мы избегаем близости, даже когда нуждаемся в ней. Наши отношения с людьми слишком избирательны, слишком поверхностны, слишком неопределенны и порой слишком неискренни, чтобы мы отважились рискнуть вступить с кем-либо в телесный контакт. В безжалостном мире бизнеса мы можем отвергнуть девушку, с которой только что обменялись рукопожатиями, или предать коллегу, физическая близость с

которым ограничивалась возложением руки на плечо. А что, если бы наши телесные контакты с ними были более разнообразными и интенсивными, без какой-либо сексуальной подоплеки? Тогда, вне всякого сомнения, мы проявляли бы значительно большую осмотрительность при принятии жестких решений. И если мы не осмеливаемся подвергать себя такой опасности, устанавливая подобные взаимоотношения, которые не подчиняются никакой логике, то наверняка не желаем, чтобы нам напоминали об их существовании, демонстрируя на публике. Поэтому молодым любовникам лучше обниматься наедине, а если они будут игнорировать наше требование, мы возведем его в ранг закона. Мы объявим публичную демонстрацию близких отношений преступлением. И это не преувеличение. В некоторых вполне цивилизованных странах запрещено целоваться в общественных местах. Ласковое прикосновение оказывается аморальным и противозаконным. Нежность приравнивается к воровству. Скрывайте свои интимные отношения, чтобы другие не увидели, чего они лишают себя!

Мне не раз приходилось слышать, что если бы все поборники общественной морали обнялись, погладили друг друга по лицу и поцеловались, они бы поняли, что пришло время предоставить людям возможность проявлять искренность в своих отношениях, не вызывая ни у кого зависть. Однако дело совсем не в них. В том, что сложилась такая ситуация, виновато общество. Переполненный зверинец, в котором мы живем, не самое подходящее место для публичного проявления близости. Мы наталкиваемся друг на друга на улице и извиняемся вместо того, чтобы обняться и рассмеяться. Нас всюду окружают незнакомцы, поэтому мы ведем себя сдержанно. Нам кажется, что у нас нет иной альтернативы. Единственная компенсация – близкие отношения в частной жизни, но зачастую нам не даны и они. Похоже, наша публичная сдержанность распространилась и на поведение в кругу семьи. Многие находят выход в том, что наблюдают за любовными страстями на экране телевизора, читают о них в книгах или журналах либо слушают душещипательные песни. Некоторые прибегают к иным, более изощренным методам, о чем речь пойдет дальше.

5

Особые виды интимных отношений

Изучение поведения младенцев и любовников позволяет сделать вполне определенный вывод: степень физической близости между двумя людьми зависит от степени их взаимного доверия. Сегодня нас окружает множество незнакомцев, которым мы не доверяем или по крайней мере не доверяем полностью и от которых по этой причине стараемся держаться на расстоянии, прибегая к всевозможным ухищрениям. Но безумие современной городской жизни способствует возникновению стрессов, а стрессы порождают тревогу и чувство неуверенности в себе. Интимная близость приносит умиротворение, и чем дольше мы находимся в разлуке с дорогими нам людьми, тем больше нуждаемся в телесном контакте.

Если наши любимые любят нас достаточно сильно, нам будет хватать обеспечиваемой ими близости, чтобы противостоять вызовам современного динамичного и агрессивного мира. Но предположим, нам не удалось сформировать прочную связь с друзьями или любовниками и у нас нет детей. Что делать в этом случае? Или представим, когда-то мы сформировали прочные связи, но со временем они разрушились или стали откровенно формальными, и любовное объятие и поцелуй превратились в такие же условности, каковым является рукопожатие. Что тогда? Многие ответили бы, что нужно просто смириться, но у этой проблемы есть решения, и одно из них – услуги профессионалов, обеспечивающих столь нужные нам телесные контакты.

Кто же эти профессионалы? Это любые незнакомые или не очень хорошо знакомые люди, которые при оказании каких-либо специальных услуг прикасаются к нам. Условность при этом необходима, поскольку мы не любим признаваться в том, что испытываем тревогу и неуверенность и нуждаемся в умиротворяющем прикосновении себе подобных. Это снижает нашу самооценку и вредит нашему имиджу сильного, независимого человека. Следовательно, нужно получить свою дозу интимной близости в некой скрытой форме.

Один из наиболее популярных и широко распространенных методов заключается в том,

чтобы заболеть. Разумеется, ничего серьезного, легкое недомогание, которое побудит других поддержать и утешить вас, используя телесные контакты. В большинстве своем люди воображают, что заболели вследствие несчастливого стечения обстоятельств, случайно став жертвами инфекции. К примеру, заболев гриппом, они считают, что такое могло бы произойти с каждым, кто, подобно им, ходил по переполненному магазину, ехал в битком набитом автобусе или общался с приятелями и знакомыми на вечеринке, где люди чихали и кашляли, распространяя вокруг болезнетворные микроорганизмы. Однако факты говорят не в пользу этого мнения. Даже в разгар эпидемии гриппа многие люди, в равной мере подвергающиеся воздействию инфекции, остаются здоровыми. Как же им удастся избежать болезни? Почему не заболевают, в частности, многие врачи, которые больше чем кто-либо рискуют?

Значит, многие заболевания, судя по всему, не являются следствием невезения. В современном городе люди, страдающие различными инфекциями, встречаются повсюду, и никто не застрахован от контакта с ними. Если мы не поддаемся воздействию патогенов, это вовсе не означает, что нам удастся избежать их. Дело в том, что наш организм наделен высокоэффективной защитной системой, которая уничтожает болезнетворные микроорганизмы миллионами. Если мы заболеваем, это не значит, что на сей раз нам просто не удалось избежать их воздействия – скорее защита организма почему-то дала сбой. Одна из причин как раз и заключается в постоянных стрессах, вызываемых напряженным ритмом городской жизни. Сниженный иммунитет рано или поздно становится причиной того, что те или иные болезнетворные микробы, кишачие вокруг нас, поражают организм. Впрочем, болезнь иногда может сослужить добрую службу, ибо мы ложимся в постель и наконец обретаем комфорт, которого нам так не хватало прежде. Этот феномен можно было бы назвать синдромом временного младенца.

Плохо чувствующий себя мужчина – слабый и беспомощный – начинает посылать жене мощные псевдомладенческие сигналы. Та реагирует автоматически, как «временная мать», и проявляет заботу – укладывает его в постель (колыбель), приносит бульон, чай с лимоном и лекарства (детское питание). Тональность ее голоса становится мягче (материнское воркование), она прикладывает ладонь к его лбу и осуществляет другие контакты, которых супругу так недоставало, когда он был здоров. Эффект такого поведения поразителен, и в скором времени мужчина вновь на ногах, готовый, как и прежде, противостоять вызовам окружающего его мира.

Сие отнюдь не симуляция. Для того чтобы стимулировать необходимую псевдородительскую заботу, человек действительно должен быть болен и выглядеть соответствующим образом. Этим объясняется большое число недомоганий, нетяжелых, но вызывающих сильную слабость организма. Итак, важно не просто болеть, но производить впечатление больного человека.

Некоторым эти комментарии могут показаться циничными, но здесь нет никакого цинизма. Если стресс вызывает у нас потребность в теплом отношении со стороны самых близких людей, значит, это ценный социальный механизм, которым не следует пренебрегать.

Несмотря на впечатляющий прогресс в сфере здравоохранения, более мы все еще очень часто. Конечно, госпитализация – это крайняя мера, в основном люди лечатся амбулаторно или вообще обходятся народными средствами. Наиболее распространенные недомогания – простуда, грипп, головная боль, аллергия, боль в спине, тонзиллит, ларингит, гастрит, язва, диарея, кожная сыпь и т. п. Сегодня на них приходится подавляющее большинство случаев заболеваний.

В Великобритании, к примеру, ежегодно осуществляется свыше 500 миллионов покупок лекарств для лечения легких недомоганий, и на душу населения приходится примерно по 10 случаев заболеваний за 12 месяцев. Каждый год на лекарства тратится около 100 миллионов фунтов. При этом свыше 70 % заболеваний не требует вмешательства врача.

Причина такого положения дел проста. Численность населения неуклонно возрастает, и жителей в городах становится все больше, что неизбежно влечет за собой повышение уровня испытываемых ими стрессов. Затраты на медицинские исследования, в результате которых разрабатываются все более эффективные лекарства, весьма велики, тем временем и восприимчивость к болезням становится больше. Следовательно, необходимы дальнейшие

разработки, и мы шаг за шагом двигаемся все дальше и дальше в воображаемое будущее без болезней, которое не наступит никогда.

Но представим, что свершилось чудо и причины всех болезней искоренены. Шансы на то, что такой медицинский феномен произойдет, ничтожны, но даже если бы это случилось, у «временного младенца» остается альтернатива. При отсутствии инфекции всегда можно получить нервный срыв. Небольшие психические расстройства имеют то преимущество, что для их возникновения не нужны микробы, а во всем остальном они не менее действенны в плане обретения душевного комфорта, чем инфекционные заболевания. В самом деле они настолько эффективны, что даже адвокат убийцы может апеллировать к «временному помешательству», оправдывая своего подзащитного, и тот получит меньший срок заключения в силу ограниченной ответственности. То есть с преступником поступают точно так же, как если бы он был «временным младенцем». А вот ссылка на то, что во время убийства у него был насморк, вряд ли бы ему помогла...

Главным недостатком психических расстройств является то, что при их легких формах отсутствуют внешние симптомы, необходимые для стимуляции стремления утешить и обеспечить душевный комфорт. Эмоционально подавленный человек вынужден прилагать немало усилий, чтобы вызвать требуемую реакцию. Внутренних страданий недостаточно, но, устроив истерику, он получит возможность добиться того, что ему нужно. Если нервный срыв принимает форму буйства, человек рискует оказаться в отделении милиции, но и в этом случае не все потеряно, ибо у него все равно есть возможности вступить в телесный контакт с другими людьми, пусть и не с теми, с кем ему хотелось бы. И только если он полностью потеряет контроль над собой, то окажется в полном одиночестве, одетый в смиренную рубашку.

Вторая возможность слечь в постель и оказаться в зоне внимания при отсутствии внешних источников инфекции заключается в использовании собственной патогенной микрофлоры – микробов, которых человек всю жизнь носит в своем организме. Чтобы понять, как это происходит, необходимо выяснить, что он собой, собственно, представляет как источник микрофлоры.

Многие люди, судя по всему, полагают, что все микробы являются болезнетворными, но это не так. Любой инфекционист подтвердит, что это не более чем миф современной гигиенической религии, чьи адепты очищают себя от всех известных микроорганизмов с помощью дезинфектантов. Их святой водой является антисептический раствор, а божеством – абсолютная стерильность. Разумеется, существуют болезнетворные микроорганизмы, которые следует уничтожать. Этого никто не отрицает. А как насчет полезных микробов, чье главное занятие в жизни заключается в уничтожении других микробов – вредных?

Дело в том, что каждого из нас защищает целая армия дружественных микроорганизмов, которые помогают нам сохранять здоровье. Один квадратный сантиметр здоровой, чистой кожи содержит в среднем около 5 миллионов таких микробов, а один кубический сантиметр слюны – от 10 миллионов до миллиарда. При каждой дефекации мы теряем 100 миллионов микроорганизмов, но их число быстро восстанавливается. Это нормальное состояние взрослого человека. Если бы нам удалось избавиться от своей микрофлоры, организм оказался бы в меньшей степени защищен от чужеродных, действительно вредных микробов, вирусов и бактерий, с которыми мы время от времени сталкиваемся. Об этом свидетельствуют результаты экспериментов с лабораторными животными, стерильными в этом отношении. Следовательно, микробы, содержащиеся в нашем организме, – большая ценность. Однако нам приходится расплачиваться за их услуги, так как они тоже могут становиться агрессивными, когда мы подвергаемся чрезмерному стрессу. Некоторые болезни возникают не из-за проникновения в организм инфекции, а вследствие внезапного и резкого роста численности наших «нормальных» микробов. Традиционные меры общественной гигиены, препятствующие распространению инфекций, в данном случае бесполезны, поскольку источник болезни находится внутри организма. В первую очередь это относится к расстройствам пищеварительной системы, столь распространенным в нашем изобилующем стрессами мире. Когда у нас возникают проблемы с желудком, мы виним в этом некачественную пищу, а в действительности почти все легкие кишечные расстройства связаны с эмоциональными нарушениями, возникающими в результате неспособности адаптироваться к трудностям

современной жизни. Словом, кто хочет заболеть – заболает!

Третья возможность восполнения дефицита внимания предусматривает более радикальную меру. Человек, не страдающий нервными расстройствами и внутренними болезнями, но отличающийся чрезмерной рассеянностью и беспечностью, может оказаться подверженным всякого рода несчастным случаям. Упав и сломав лодыжку, он получает прекрасный шанс посетовать на свою беспомощность, чтобы тут же получить требуемую помощь и моральную поддержку. Но так ли случайны подобные беды? Разумеется, многие травмы непреднамеренны, но тем не менее вызывает удивление, насколько сильно варьирует подверженность им у разных людей. Не так давно было проведено исследование, в ходе которого изучалось эмоциональное состояние пациентов стационаров, и тех, кто попал на больничную койку в результате несчастного случая, объединили в контрольную группу. В ходе работы выяснилось, что у этих людей гораздо больше эмоциональных нарушений, чем у остальных.

Таким образом, наш испытывающий стресс искатель душевного комфорта имеет в своем распоряжении несколько способов, с помощью которых может оказаться или показаться беспомощным и получить то, что ему нужно. Тот, кто слегка недужит время от времени, имеет значительное преимущество, и если это преимущество нельзя получить одним способом, всегда можно прибегнуть к другому. Тем не менее данный метод повышения степени интимной близости имеет недостатки. Во всех случаях человек предстает в роли больного и вынужден играть пассивную роль. Чтобы вызвать сочувствие, он должен принизить себя либо в физическом, либо в духовном плане перед теми, от кого надеется получить свою долю внимания. Совсем не так обстоит дело у молодых любовников, которые «смягчаются» на взаимной основе, что не способствует снижению их социального статуса. Кроме того, когда пациент выздоравливает и восстанавливается, заботы и нежное отношение к нему резко прекращаются. Единственный способ продлить удовольствие заключается в том, чтобы стать хроническим больным, который, как гласит народная мудрость, «наслаждается плохим самочувствием». Помимо сохранения более низкого статуса, это чревато другой опасностью – развитием болезни. Огонь вожделенной близости может выйти из-под контроля и спалить дом. Даже когда метод, о котором мы сейчас говорили, используется в качестве краткосрочной меры, всегда существует риск причинения организму долгосрочного вреда, о чем прекрасно известно людям, страдающим язвой. Но для многих, кто справляется с трудностями современной жизни ценой чрезмерного стресса, такой риск вполне оправдан. Временная передышка лучше, чем отсутствие всякой передышки. Если им посчастливится, они получают время, чтобы подзарядить свои эмоциональные батареи, и благодаря этому смогут и дальше противостоять сегодняшнему чрезвычайно многолюдному человеческому сообществу.

Хотя в большинстве случаев получаемый таким способом душевный комфорт исходит от близких заболевшего, которые начинают относиться к нему с повышенным вниманием, он может получать его и от незнакомцев, а именно от медицинского персонала. Врачи в силу особенностей своей профессии имеют право на интимные телесные прикосновения, запретные для большинства взрослых людей. Интуитивно осознающие эту важную особенность своей работы, они прекрасно знают о целительном эффекте душевной беседы, уверенного прикосновения руки, считающей пульс, простукивания по грудной клетке, манипуляций с головой при осмотре глаз и рта. Для некоторых людей эти телесные контакты лучше таблеток.

Иногда врач отправляет пациента на больничную койку лишь на основании нарушений в эмоциональной сфере. При внешних источниках стрессов в данной мере нет необходимости. Оставаясь дома, такой пациент не подвергается разрушительным воздействиям окружающего мира. Если же причина кроется в нем самом, изоляция от внешней среды ему не поможет. Эмоциональное напряжение исходит изнутри семьи? Тогда даже собственная спальня человека не станет для него подходящим убежищем, где он мог бы свернуться калачиком и обрести душевный комфорт, в котором так нуждается. В этом случае единственным вариантом остаются больница и короткие часы посещений.

Медицинское решение, как мы уже выяснили, наряду с достоинствами обладает серьезными недостатками, поэтому искателю душевного комфорта следует продумать другие пути. Если он религиозен, все намного проще. Человек сможет найти утешение в беседе со

священником или своими единоверцами.

Что остается неверующим? Существует целый мир ухода за телом, в котором профессионалы трут, массируют и делают гладким его любой участок, какой им только укажут. По ходу дела они в процессе телесных контактов решают многие проблемы эмоционального характера. Когда молодая женщина делает массаж клиенту, для него это в чем-то такая же интимная процедура, как если бы он занимался с ней любовью. В некотором смысле это даже нечто большее, поскольку она активно контактирует с его телом, применяя всевозможные тактильные приемы – поглаживания, надавливания, постукивания, пощипывания. В результате мужчина обретает вожделенный душевный комфорт даже без непосредственного сексуального контакта.

Однако на Западе отношение к массажу не совсем такое, каким бы оно могло быть. В нашей культуре возобладали тенденции устранения из этой чрезвычайно полезной во всех отношениях процедуры воображаемого эротического элемента путем дискриминации по половому признаку: мужчинам делают массаж мужчины, женщинам – женщины. Но даже столь радикальный шаг не способствовал широкому распространению в обществе этой абсолютно безобидной формы умиротворяющего телесного контакта. Он способствовал лишь появлению инсинуаций относительно гомосексуального характера массажа. Только боксеры-тяжеловесы и борцы могут ложиться на массажный стол без опасений быть заподозренными в чем-то предосудительном, точно так же, как этого могут не опасаться футболисты, обнимающиеся на публике после забитого гола, в силу своей очевидной мужественной агрессивности. Теоретически процедура массажа независимо от половой принадлежности сторон не содержит ни малейшей сексуальной подоплеки, но на практике дело обстоит иначе, и поэтому большинство людей, которые не могут позволить себе посещать массажный салон вследствие общественного предубеждения, вынуждены искать другие источники близкого телесного контакта.

Один из путей решения проблемы – участие в том или ином виде физической деятельности, предусматривающей разнообразные тактильные контакты, группы людей, что исключает возможность уединения потенциальной пары. К примеру, это могут быть занятия с инструкторами в тренажерном зале.

Традиционный вариант – ограничение телесных контактов наименее интимными частями тела. Здесь мы вступаем в абсолютно приемлемую с общественной точки зрения сферу работы парикмахеров и косметологов, сделав перед этим небольшую паузу только для того, чтобы бросить последний сочувственный взгляд на массажистов. Некоторые из них предпринимали попытки ввести подобные ограничения, объявляя в рекламе, что они массируют только руки и ноги.

Мы ежедневно выставляем свою голову на всеобщее обозрение, а значит, она требует ухода. Парикмахеру дозволено осуществлять телесный контакт с клиентом в силу характера его профессиональной деятельности, однако прикосновение к голове, как мы выяснили ранее, обычно допускается только между людьми, находящимися в очень близких, любовных отношениях. Между взрослыми незнакомцами такое прикосновение почти табу. Из этого следует, что для человека, жаждущего телесных контактов, данную брешь способен заполнить парикмахер. Сие вовсе не означает, что косметическая сторона парикмахерского дела не имеет значения, просто она дополняется телесной близостью, которой многим из нас так недостает.

История ухода за головой, имеющего двойное – косметическое и интимное – назначение, насчитывает тысячелетия. Если же принимать в расчет наших предков-приматов, счет пойдет на миллионы лет. Наблюдение в зоопарке за обезьянами, перебирающими пальцами волосы на голове друг друга, не оставляет никаких сомнений в наличии в этой процедуре интимной компоненты. Если бы ее целью была только чистка, она не приводила бы обезьян, которые ей подвергаются, в состояние столь очевидного блаженства. То же относится и к виду *Homo sapiens* с тем лишь исключением, что мы не можем распространить эту процедуру на все свое тело, в отличие от покрытых шерстью обезьян. Заказывая шить одежду, мы чувствуем ловкие, деликатные прикосновения пальцев закройщика, снимающего мерку, и у нас возникает смутное, давно ушедшее в подсознание ощущение, которое испытывали наши предки.

У обезьян «уход» за волосами является средством формирования социальных связей,

поэтому неудивительно, что на ранних этапах нашей истории профессиональный парикмахер был редкостью. За волосами обычно помогали ухаживать близкие люди. Это было естественно, поскольку наши предки в то время жили племенами и каждый член социальной группы лично знал всех остальных ее членов. Позже на смену племенным поселениям пришли многолюдные города, и люди стали жить в окружении незнакомцев, при этом уже в Древнем Риме в обиход начали входить сложные прически. Но на общественную сцену профессиональные парикмахеры, чьи позиции со временем неизменно укреплялись, вышли на исходе Средних веков. Сначала они сами посещали дома своих клиенток, но постепенно наиболее предприимчивые стали открывать салоны, работавшие гораздо более эффективно. От модниц там не было отбоя! Однако оказание профессиональных парикмахерских услуг стало широко практиковаться лишь во второй половине XIX века. В 1851 году в Лондоне было уже 2338 парикмахеров, а спустя 50 лет эта цифра выросла до 7771, намного обогнав в пропорциональном отношении прирост населения города. Одна из причин такой разительной перемены, вне всякого сомнения, носила экономический характер, но существовала и другая, состоявшая в том, что женщины Викторианской эпохи были чрезвычайно ограничены в телесных контактах, и визит к парикмахеру являлся чуть ли не единственной возможностью осуществить такое взаимодействие. Ограничения в том, что мы сегодня называем сексом, были в ту пору настолько строги, что легкое поглаживание руки парикмахера по голове, должно быть, доставляло женщине огромное наслаждение. Все больше представительниц слабого пола все чаще посещали парикмахерские салоны. В XX веке эта практика распространилась из городов на сельскую местность и охватила практически все женское население Великобритании.

Сознавая, что их клиентки в большей степени жаждут интимных прикосновений, нежели простого видоизменения внешности, парикмахеры расширили пространственную сферу своей деятельности. Ни один открытый участок лица и тела не остался без внимания специалистов. Очень популярным стал маникюр. Возникло такое явление, как косметология. Женщины начали делать маски и массаж лица, пытались разглаживать морщины. Востребованным оказался макияж. «Красота, – писал журнал *Vogue* в 1923 году, – это занятость с полным рабочим днем». Нет смысла отрицать, что главным мотивом всех этих процедур было достижение визуального эффекта, но телесные контакты, осуществлявшиеся в процессе его достижения, несомненно, имели огромное значение. Визит в современный салон красоты – это далеко не в последнюю очередь жажда тактильных ощущений.

По сравнению с женщинами у мужчин меньше возможностей такого рода. Некоторые делают в салоне маникюр и массаж кожи головы, а кое-кто время от времени бреется, но большинство лишь стригутся, и это все. Интересно, что парикмахеры стараются максимально усилить ощущение телесной близости, превращая процедуру стрижки в настоящий ритуал. Если вы мужчина, обратите внимание, когда в следующий раз посетите парикмахерскую, что очень часто щелчку ножниц, после которого очередная прядь волос падает на пол, предшествует другой щелчок, в воздухе. Этот «холостой» щелчок не имеет никакой практической функции и используется исключительно для создания впечатления активной деятельности вблизи головы, или, другими словами, сложности контакта.

Несмотря на это, телесные контакты в ходе этой процедуры носят весьма ограниченный характер. У обладателя длинных волос они еще более ограничиваются, поскольку работы для ножниц остается меньше, а голову большинство мужчин моют дома. Впрочем, в крупных городах появление новых стилей способствует расширению диапазона парикмахерских услуг, и будущее покажет, станет ли это долгосрочной тенденцией. Неизвестно, сколько просуществует новая мода, и, если она укоренится, все равно потребуется время для ее всеобщего признания. Мужчины старшего поколения несправедливо называют длинные волосы женственными, забывая о том, что когда-то короткая стрижка стала средством борьбы с распространением вшей. Сегодня, когда эта борьба уже не актуальна, неразумно настаивать на том, что все мужчины должны коротко стричься.

Единственный «косметический» контакт, который доступен мужчинам в большей степени, чем женщинам, – пользование услугами уличного чистильщика обуви, но в наше время данная профессия исчезает. В большинстве крупных городов это теперь чуть ли не

аттракцион. Если не считать орально-генитальные контакты, о которых мы уже говорили, сие, по всей вероятности, единственная ситуация в жизни современного мужчины, когда он имеет возможность видеть, как кто-то, сидя на низкой скамеечке, осуществляет с ним тактильный контакт, и наверняка это единственная ситуация, когда такой контакт публичен. Поза чистильщика обуви создает настолько сильное впечатление подбострастия, что, возможно, она и явилась причиной исчезновения этой профессии. В прошлом чистильщики с большей готовностью демонстрировали подобное раболепие, за что получали щедрые чаевые, но с ростом уважения к человеческой личности такое откровенное самоуничижение стало почти неприличным. Символическое целование ног – это для нас уже слишком, поэтому чистильщики обуви быстро становятся вымирающим видом. Не то что бы мы стали невосприимчивыми к услугам, унижающим человеческое достоинство, – такой вывод был бы слишком лестным для нас, а просто не хотим, чтобы кто-то *видел* нашу восприимчивость к ним.

До сих пор речь шла о таких профессионалах телесных контактов, как врачи, массажисты, спортивные инструкторы, косметологи, парикмахеры, закройщики, мастера маникюра и чистильщики обуви. К этому списку можно добавить представителей родственных профессий – изготовителей париков и шляп, а также мастеров педикюра. В особых комментариях нуждается деятельность дантистов, хирургов, гинекологов и многих других медицинских специалистов. Контакты стоматолога с полостью рта вызывают скорее неприятные, нежели блаженные ощущения. Хирург, чьи контакты с телом гораздо более глубоки, чем телесные контакты самых страстных любовников, тоже не оказывает особого влияния на нашу эмоциональную сферу в силу использования анестезии. Действия гинеколога во время осмотра напоминают контакты рук с гениталиями, осуществляемые любовником, но и они не приносят душевного комфорта. Сегодня благодаря строго профессиональной атмосфере обе стороны испытывают меньшее смущение и стараются не допускать недоразумений в столь деликатной области. Если прикосновение к руке при прослушивании пульса способно оказывать на женщину благотворное влияние в эмоциональном плане, то прикосновения к половым органам столь интимно, что она попросту «закрывается» и никакого удовольствия не испытывает.

Когда-то осмотр пациентки представлял для добропорядочного гинеколога настоящую проблему. В целях сохранения приличий использовались самые разные ухищрения. 300 лет назад доктор пробирался в будуар беременной женщины на четвереньках, дабы она не увидела обладателя пальцев, которым предстояло ощупывать самые интимные части ее тела. В более позднюю историческую эпоху ему приходилось работать в полутьме и принимать роды под одеялом на ощупь. На одной гравюре XVII века гинеколог изображен сидящим у постели роженицы с простыней, заправленной ему за воротник наподобие салфетки, чтобы он не видел действия своих рук. Неудивительно, что перерезание пуповины было весьма опасной операцией.

Несмотря на все эти странные меры предосторожности, мужчина-акушер постоянно находился под огнем критики, и всего лишь 200 с небольшим лет назад учебник по теории и практике акушерства был провозглашен «самой непристойной и постыдной книгой, когда-либо видевшей свет». Обычно подобная критика исходила от мужчин, а в результате страдали женщины. На протяжении столетий сексуальный характер контактов при принятии родов был барьером на пути эффективного медицинского обслуживания. Очень часто квалифицированные мужчины-акушеры вовсе не допускались к постели роженицы, и роды принимали, как в Средние века, повитухи. Может быть, поэтому показатели смертности родильниц и новорожденных были так велики!

Это сексуальное табу на телесные контакты стало причиной настоящей демографической катастрофы и оказало большое влияние на ход истории. Потребовались долгие годы и множество разбитых человеческих судеб, прежде чем возобладал здравый смысл и удалось отринуть старинные предрассудки. Это стало возможным только благодаря строжайшему соблюдению мужчинами-акушерами кодекса профессионального поведения. И все-таки даже сегодня порой слышны отголоски прежних страхов, и современный гинекологический осмотр остается для женщин довольно неприятной процедурой.

Существует лишь одна сфера деятельности, где сексуальные контакты не вызывают подобного негативного отношения. Это актерское искусство. Актеры и актрисы, включая

балерин и балетных танцовщиков, оперных певцов и певиц, а также фотомодели во время представления или фотосессии обнимают, целуют и ласкают друг друга, как того требует от них режиссер. Если такие контакты предусмотрены сценарием, они не выходят за рамки социального «закона», и представители актерского племени имеют возможность находить в них душевный комфорт на работе. Для столь рискованной и ненадежной профессии такая возможность, несомненно, является большим плюсом, хотя иногда это порождает определенные трудности. Сложно изображать страстную любовь к кому-то, даже к коллеге-актеру, и не начать испытывать к нему определенные чувства, и такое случается часто – в ущерб другим интимным отношениям в «реальном» мире. Если сексуальные контакты имитируются достаточно достоверно, подавить естественные биологические реакции, которые обычно их сопровождают, нелегко.

Еще один опасный вид телесного контакта свойствен шоу-бизнесу. Звезды, появляющиеся в общественных местах, нередко оказываются в окружении пылких поклонников, которые стараются во что бы то ни стало прикоснуться к своему кумиру. При удачном исходе звезда получит моральное удовлетворение, но дело может кончиться синяками и даже серьезными физическими повреждениями. Это стремление любой ценой вступить в телесный контакт с тем или иным музыкантом, певцом и даже политиком в последнее время приобрело повальный характер. Девушки, сопровождающие поп-звезд во время гастрольных туров, поистине мало перед чем останавливаются...

Начав разговор об отношениях между поп-звездами и их поклонниками, мы ушли в сторону от ситуации, когда прикосновения являются неотъемлемой частью самой профессиональной деятельности. Массажист или парикмахер *должен* прикасаться к клиенту, иначе он не сможет выполнять свою работу, но певцу не нужно ни к кому прикасаться, как никому не нужно дотрагиваться до него, для того чтобы он мог петь песни. Тот факт, что в результате его деятельности к нему стремятся прикоснуться люди, имеет второстепенное значение. Это относится и к представителям других профессиональных сфер, например к полицейским.

Работа полицейского заключается не в том, чтобы прикасаться к людям, но у него диапазон таких «касательств» гораздо больше, чем у остальных. Он может дотрагиваться до нас так, как мы не позволили бы делать это никому другому. Он может взять ребенка за руку на улице, не вызвав никаких комментариев по этому поводу. Он может отталкивать людей, сдерживая толпу, и это тоже воспринимается как само собой разумеющееся. Он не стесняется в средствах, когда нужно кого-то «успокоить», и это сходит ему с рук, поскольку служитель выполняет свои профессиональные обязанности. Только в крайнем случае, когда он явно превышает служебные полномочия и выходит за определенные рамки, мы можем обрушить на него свой гнев. Иногда это переходит все границы, о чем свидетельствуют сцены массовых беспорядков, слишком часто наблюдаемые в последнее время на улицах крупных городов. Предоставив полицейским ограниченное право прикасаться к нам, мы находим злоупотребление этим правом неприемлемым, как если бы хормейстер вел себя неподобающим образом по отношению к хористам или учитель по отношению к ученикам. Таким образом, если полицейские будут злоупотреблять своей властью, люди начнут их ненавидеть, что чревато непредсказуемыми последствиями. Лишь в таких странах, как Великобритания, где полицейские выходят на дежурство безоружными, во время уличных беспорядков заметны признаки ограничений, налагаемых на обе стороны. Такое впечатление, будто сам факт, что и те и другие вынуждены вступать в более тесный телесный контакт, хватая друг друга руками, вместо того чтобы использовать камни, палки или огнестрельное оружие, оказывает на них сдерживающее воздействие. Конечно, даже при отсутствии оружия кто-то может лишиться глаза или получить иную травму, но такие случаи довольно редки. По сравнению с результатами беспорядков в других странах – раскроенными черепами и залитыми кровью лицами – побоища в Лондоне и других британских городах выглядят почти цивилизованно. По иронии судьбы британцы вернулись к более интимной форме безоружного боя.

Существует широко распространенное кинематографическое клише: двое «крутых» пытаются решить с помощью кулаков старые разногласия. Зрители прекрасно знают, что, если во время драки они сделают друг из друга отбивную, это станет началом новой великой

дружбы. Если двое громил с покрытыми синяками лицами чуть живые лежат на земле, можно не сомневаться в том, что сейчас один из них выплюнет выбитый зуб и скривит окровавленные губы в добродушной ухмылке, глядя на своего оппонента, имеющего столь же плачевный вид. Наши герои помогут друг другу встать на ноги и отправятся в бар (обычно поблизости оказывается питейное заведение). Теперь мы можем быть уверены в том, что отныне их ничто не разлучит и они будут вместе бороться со злом. В конце фильма один из них погибнет, спасая жизнь другому. Он испустит дух на руках своего товарища, по лицу которого еще не так давно ожесточенно молотил кулаками.

Мораль таких «шедевров» в том, что пылкий враг лучше, чем уравновешенный друг. Иными словами, любой близкий телесный контакт, даже такой, как драка (при условии, что она носит личный характер), способен формировать взаимную привязанность между двумя, казалось бы, непримиримыми противниками. Разумеется, это не может служить оправданием насилия, и такой способ выяснения отношений не рекомендуется в качестве универсального средства, но игнорировать данный феномен тоже было бы неразумно.

В последнее время безличное насилие достигло таких масштабов, что эта тема практически стала табу. Для общества, отличающегося либерализмом в сексуальной сфере, насилие независимо от его масштабов и контекста недопустимо с философской точки зрения. В широком смысле, в каком он и должен восприниматься, лозунг «Занимайтесь любовью, а не войной» не вызывает возражений, но послание, лежащее в основе ритуальной кинематографической драки, возможно, подведет нас к мысли о том, что из этого общего правила имеет смысл сделать исключение. Я отнюдь не призываю решать все проблемы с помощью кулаков, а просто пытаюсь представить ситуацию, когда два человека подавляют свою агрессивность до такой степени, что даже откровенная провокация не заставит их дотронуться друг до друга пальцем. Такая крайняя позиция отказа от какого бы то ни было насилия может породить новую форму социальной отчужденности. Приведем пример.

Если два человека по той или иной причине охлаждаются друг к другу, их отношения могут просто умереть в атмосфере лицемерной сдержанности. Тонкая, жесткая усмешка сдерживаемой ярости ранит не хуже ножа. Иногда эмоциональный взрыв, сопровождающийся не слишком насильственным, но тем не менее агрессивным физическим взаимодействием, способен разрядить атмосферу подобно долгожданной грозе и ослабить разрушительное напряжение. Постоянно ссорящиеся партнеры, возможно, впервые за несколько месяцев вступят в телесный контакт, пусть даже они будут при этом яростно трясти друг друга за плечи, вместо того чтобы обняться. Хотя подобные прикосновения носят явно враждебный характер, порой они способствуют примирению, и игнорировать этот факт только потому, что он идет вразрез с настроениями в обществе, значит, не принимать во внимание мощное эмоциональное воздействие, которое оказывает телесная близость на привязанность между двумя человеческими существами.

Сходный образец поведения представляет собой шумная возня детей, подобную которой иногда затевают между собой находящиеся в дружеских отношениях взрослые. Эти контакты тоже оказывают мощное эмоциональное воздействие, поскольку сопровождаются безмолвным посланием: «Хотя мое поведение кому-то покажется агрессивным, ты же знаешь, что на самом деле это не так». Однако ситуация может оказаться двусмысленной. Послание человека, который в шутку с силой шлепает друга по спине, иногда имеет противоположный смысл: «Хотя можно подумать, что я только притворяюсь агрессивным, по моим действиям ты можешь понять, что это не притворство». Он использует шлепок по спине, поскольку тот стал формализованным общепринятым шутливым жестом, но сопровождающими действиями и силой шлепка дает товарищу понять, что вовсе не шутит.

Подобная двусмысленность возможна и в ситуации со ссорящимися партнерами, которая упоминалась выше. Если повод серьезен, один из них может схватить другого за плечи и начать трясти: Это означает: «Хотя мне очень хочется дать тебе в зубы, я ограничиваюсь только этим». Однако, если ссора началась, что называется, на пустом месте, даже самый умеренный из агрессивных контактов будет выглядеть именно как проявление агрессии.

Скрытые опасности шутливой потасовки иногда становятся очевидными, когда двое мальчишек устраивают во дворе ленивую возню. Поначалу они соблюдают условия шутливой

агрессии. Каждый толчок по корпусу или захват руки выполняется с определенной силой – достаточно внушительно, но не настолько, чтобы это выглядело слишком грубо. Если этот тонкий баланс нарушается и одному из ребят становится больно, настроение меняется. Тот, кто почувствовал боль, наносит ответный удар уже с большей силой, и возникает опасность перерастания шутильной возни в настоящую драку. Момент этой перемены уловить сложно, поскольку борьба «понарошку» зачастую неотличима от реальной. Обычно первые признаки проявляются на лицах, когда добродушная улыбка сменяется выражением ожесточенности и на щеках появляется румянец или же они, напротив, бледнеют.

Подобные изменения в мимике можно наблюдать на лицах профессиональных борцов. «Злодей» умышленно нарушает правила, чем выводит из себя «героя», который апеллирует к судье и вызывает сочувствие у зрителей. Набрасываясь на противника, он тоже переходит от обычных борцовских приемов к более агрессивным под одобрительный рев публики. Но в данном случае даже «неконтролируемая» агрессия является формализованной, и зрители прекрасно осведомлены об этом. Если один борец действительно причиняет боль другому, схватка немедленно прекращается.

Оставим эти опасные для здоровья телесные контакты и перейдем к более безобидным, например к тем, которые происходят на танцплощадке. В качестве сферы деятельности, где имеются профессионалы, которым позволено осуществлять прикосновения, танцы предоставляют весьма ограниченные возможности. Действительно, взрослый человек, стремящийся к той или иной форме телесного контакта, может удовлетворить свое желание, прибегнув к услугам учителя танцев. Существуют танцевальные залы, где имеются профессиональные партнерши, танцующие за деньги в соответствии с установленным тарифом, но есть множество мест, где можно танцевать совершенно бесплатно. На вечеринках, дискотеках и в танцевальных залах незнакомые люди могут приглашать друг друга и кружиться в интимном фронтальном объятии, а те, кто уже находится в дружеских отношениях, имеют возможность воспользоваться ситуацией, чтобы впервые установить телесный контакт друг с другом. Танцы являются единственным способом одномоментного радикального увеличения степени телесной близости. Если то же самое полное фронтальное объятие осуществится между чужими или недостаточно хорошо знакомыми людьми за пределами танцевальной площадки, это будет иметь совершенно иной эффект. Танец, если так можно выразиться, обесценивает значение объятия, сильно снижая порог, при котором один человек может обнять другого без риска получить отпор. Объятие способно совершить чудо, но если этого не происходит, формальность ситуации позволяет выйти из нее, сохранив лицо.

Как и многие другие формы телесной близости, танцы имеют долгую историю, уходящую корнями в наше животное прошлое. В поведенческом плане их базовый элемент представляет собой повторяющееся движение намерения. Если понаблюдать за брачными танцами разных птиц, станет ясно, что они обычно начинают выполнять одно движение, затем прерывают его, начинают делать другое, прерывают и его, повторяют первое и так далее. Танцуя перед самкой, самец энергично поворачивается из стороны в сторону, наклоняется вперед и назад или подсакивает и приседает. Складывается впечатление, что он находится в состоянии душевного разлада с самим собой, поскольку у него попеременно возникают противоречивые побуждения. В ходе эволюции ритм этих движений намерения стал фиксированным, и брачный танец превратился в ритуал, являющийся прелюдией к спариванию. Каждому виду свойственна своя форма этого ритуала.

Большинство наших танцевальных движений имеет то же происхождение, но у нас они не приняли фиксированную форму, а формировались в соответствии с культурными предпочтениями разных народов и поэтому отличаются таким разнообразием. Многие из них представляют собой движения намерения пойти в ту или иную сторону, но, вместо того чтобы выполнить это действие, мы прерываем его, двигаемся назад или делаем круг и начинаем все снова. В прошлые времена многие танцы напоминали представления: пары, держась за руки, кружились по залу, периодически останавливались, менялись партнерами и продолжали кружиться. Затем, встречаясь снова, они шутивно раскланивались и делали реверансы. И народные, и бальные танцы, как правило, включали сложные фигуры с поворотами. Телесные контакты были настолько строго ограничены, что какие-либо проблемы сексуального характера

просто не могли возникнуть. Все движения являлись формализованными, и это заранее снимало щекотливые вопросы.

Ситуация резко изменилась в начале XIX века, когда Европу захлестнула новая танцевальная мода. Началась эпоха вальса. Впервые партнеры держали друг друга в объятиях, и эта публичная телесная близость сразу стала причиной скандала. Требовалось срочно что-то придумать, чтобы успокоить общественность. Когда речь шла о способе, с помощью которого может осуществляться простой контакт руки с рукой, я упоминал об одной уловке, получившей широкое распространение. Рука в этом случае протягивается демонстративно, чтобы поддержать человека, направить его или не дать ему упасть. Это позволяет преодолеть важный барьер и вступить в телесный контакт, не создавая двусмысленности. То же самое произошло и с вальсом. В самом начале своей истории это был невероятно быстрый танец, и партнерам приходилось крепко держаться друг за друга, чтобы не потерять равновесие. Сие и стало уловкой «поддержки», благодаря которой вальс смог проникнуть в танцевальные залы, а затем его темп сразу замедлился, что позволило партнерам прилюдно обняться.

Представители старшего поколения, которым подобные радости были незнакомы, негодовали. Вальс, сегодня представляющийся несколько старомодным, в те времена назывался самым отвратительным танцем, какой когда-либо видели прошлый и нынешний века. Автор «Записной книжки для дам», опубликованной в начале Викторианской эпохи, посвятила 10 страниц нападкам на эту ужасную манеру публично прижиматься друг к другу. Вот небольшая выдержка из ее комментариев по этому поводу: «Спросите мать, согласится ли она доверить свою дочь человеку, танцующему вальс? Спросите влюбленного молодого человека, сможет ли он спокойно смотреть на то, как его возлюбленная кружится в руках другого мужчины? Спросите мужа, допустит ли он, чтобы его жену обнимал незнакомец?» Волна возмущения не спадала, и еще меньше чем 100 лет назад один учитель танцев из Филадельфии объявил вальс аморальным на том основании, что во время него даму обнимает кавалер, которого она могла до этого ни разу не видеть. Но противники вальса все-таки проиграли эту битву, и «порочный» вальс восторжествовал в танцевальном зале, став первым в череде разнообразных танцев, предусматривающих фронтальное объятие. Эти танцы тоже вызывали в разное время недовольство общественности.

Завезенное в Европу из Южной Америки в 1912 году танго, конечно, встретили в штыки. Поскольку этот танец включал в себя «весьма красноречивое боковое движение бедрами», которое вызывало у бдительных ревнителей морали ассоциацию с половым актом, он тут же был отнесен к категории безнравственных.

Едва танго утвердилось на сцене, как началась эра джаза, и отчаявшиеся учителя танцев созвали срочную конференцию, чтобы обсудить новую угрозу их уважаемой профессии. Они выступили с официальным протестом по поводу этого нового безумия, заявив, что корни джазовых танцев следует искать в негритянских борделях. Но самый необычный критический выпад, напечатанный в газете, звучал следующим образом: «Эти танцы и музыка с чудовищным ритмом привезла из Центральной Африки в Америку банда большевиков, и цель их заключалась в том, чтобы сокрушить христианскую цивилизацию во всем мире». Сие проливает свет на недавние заявления, будто нынешняя волна студенческих беспорядков и наркомании тоже является частью красного заговора.

В самом начале своей истории джаз породил несколько стилей, и танцы под их музыку предусматривали еще более интенсивные телесные контакты. В 40-е годы XX века это был джиттербаг, в 50-е годы – рок-н-ролл, но затем произошло нечто странное. По какой-то причине, время для понимания которой, вероятно, еще не наступило, танцевальные пары разъединились. В 1960-е годы танцевальное объятие стало быстро выходить из обихода. В настоящее время только партнеры старшего возраста продолжают прижиматься друг к другу, кружась по залу. Молодые держатся друг от друга на расстоянии и в основном остаются на месте. Началось все с твиста, а в скором времени появилось множество альтернативных стилей – хич-хайкер, шейк, манки и фраг. К концу 60-х годов ситуация с этими новыми танцами настолько запуталась, что со временем они слились в безымянный гибрид, который танцевали под поп-музыку. Все они имели одну и ту же важную особенность – отсутствие прикосновений. Возможно, причина этой знаменательной перемены кроется в усилении либерализма в

сексуальной сфере. В Викторианскую эпоху молодые пары были лишены возможности вступать в телесные контакты в приватной обстановке, и объятие вальса имело для них большое значение, но, если сегодня нравы гораздо свободнее, кому какое дело до разрешенного при определенных условиях объятия? Это все равно как если бы нынешние молодые люди заявили: «Нам это не нужно, у нас есть возможность заниматься кое-чем поинтереснее».

На этом мы завершаем обзор способов, с помощью которых взрослые люди достигают телесной близости. Во всех случаях – от врачей до любителей танцев – эта близость включает в себе нечто большее, чем просто физический контакт. Ни в одном из них прикосновение не осуществляется ради прикосновения, и всегда существует предлог для того, чтобы мы прикоснулись к кому-то или кто-то прикоснулся к нам. Тем не менее очень часто складывается впечатление, что контакту придается бóльшее значение, нежели тем действиям, которые являются для него предлогом. Возможно, однажды, когда уровень стресса, порождаемого современной жизнью, станет еще выше, появится профессиональный специалист по прикосновениям, который начнет продавать объятия, как пирожки, не прикрываясь какой-либо иной деятельностью. И может быть, спрос на его услуги будет равносителен признанию факта неспособности достигнуть близости с родными и близкими людьми.

Как бы то ни было, мы всегда имеем возможность прибегнуть к извечному заменителю телесной близости, а именно к беседе. Вместо утешительных объятий мы обмениваемся утешительными словами. Мы улыбаемся и разговариваем о погоде. Это плохая замена с точки зрения эмоционального обмена, но все же она лучше полной изоляции чувств. И если мы все еще жаждем более тесного контакта, существуют другие альтернативные варианты: прикосновение к животному или к неодушевленному предмету, олицетворяющему человека, с которым мы хотели бы быть близки, а если ничего другого не остается, всегда можно прикасаться к самому себе. Способы использования в качестве такой замены животных, вещей и собственного тела мы обсудим в следующих трех главах.

6

Заменители

В мире, полном незнакомцев, мы стремимся в полной мере сохранить тактильные контакты с любимыми людьми, чтобы обеспечить себе душевный комфорт и иметь силы противостоять стрессам. Если вследствие равнодушия или занятости они не хотят или не могут пойти нам навстречу в этом стремлении, мы можем испытывать острый дефицит телесной близости. Если в силу своих морально-нравственных или каких-либо других убеждений родные проявляют излишнюю сдержанность в ласках и полагают, что тактильные удовольствия являются чем-то не совсем само собой разумеющимся, даже в кругу самых близких и любимых людей мы можем оказаться в одиночестве. Однако человек – чрезвычайно изобретательное существо, и, если мы лишены того, чего нам очень недостает, наша находчивость всегда позволит найти ту или иную замену этому.

Если мы не можем найти любовь внутри семьи, то рано или поздно начинаем искать ее в другом месте. У недополучающей должного внимания жены появляется любовник, у мужа – любовница. К сожалению, эти заменители могут стать угрозой сохранения семейной жизни. Они конкурируют с отношениями в семье и иногда полностью вытесняют их. Менее разрушительный альтернативный вариант обсуждался в предыдущей главе – это услуги специалистов, которым в силу характера их профессиональной деятельности дозволено осуществлять телесные контакты. Преимущество данного варианта заключается в том, что они не составляют конкуренцию отношениям в семье. Массаж, при условии что он осуществляется строго в профессиональных рамках, не может служить основанием для развода. Однако профессиональный специалист по прикосновениям во всех отношениях, в том числе в физиологическом, является обычным взрослым человеком и в этом качестве представляет потенциальную сексуальную угрозу. Об этой угрозе редко говорят открыто, и если вспоминают, то, как правило, в шутовском контексте. Тем временем общество налагает все новые и новые ограничения на деятельность в сфере специализированных телесных контактов. Отрицается само их существование. Люди ходят на танцы не для того, чтобы прикасаться друг

к другу, а ради развлечения. Люди посещают врача потому, что подцепили вирус, а не потому, что нуждаются в душевном комфорте. Люди идут в парикмахерскую для того, чтобы сделать прическу, а не для того, чтобы там ласкали им голову. Разумеется, все эти официальные функции вполне законны и важны. Они должны быть таковыми, чтобы за ними могло скрываться стремление к дружескому телесному контакту. В тот момент, когда они утратят свое значение, неудовлетворенная потребность станет слишком очевидной и нам придется искать ответы на некоторые важные вопросы, касающиеся нашего образа жизни, что едва ли вызовет у кого-либо восторг.

На уровне подсознания мы понимаем, что происходит, и поэтому косвенным образом связываем те самые руки, которые могли бы ласкать нас. Мы делаем это, соблюдая условности и кодексы, способствующие уменьшению наших сексуальных страхов. Обычно мы не задумываемся, почему так поступаем, а просто следуем абстрактным правилам этикета и говорим друг другу, что то или иное действие не принято. Не принято указывать пальцем, не говоря уже о прикосновениях. Не принято проявлять чувства.

Так что же нам делать? Ответ на этот вопрос очевиден. Если самые близкие люди неспособны дать нам то, в чем мы нуждаемся, а искать близости у незнакомцев мы опасаемся, наш путь лежит в ближайший магазин домашних животных. Животные не создают проблем и не задают вопросов. Они лижут наши руки, трутся о наши ноги, спят у нас на коленях. Мы можем обнимать, гладить и даже целовать их.

Традиция содержания домашних животных широко распространена в обществе. В США ежегодно на них тратится свыше 5 миллиардов долларов, в Великобритании – 100 миллионов фунтов, в Западной Германии – 600 миллионов марок¹⁰. Несколько лет назад во Франции этот показатель составлял 125 миллионов франков, но сегодня данная сумма увеличилась уже вдвое.

«Стандартными» домашними животными являются кошки и собаки. В США их 90 миллионов. Каждый час там рождается 10 тысяч котят и щенков. Во Франции свыше 16 миллионов собак, в Германии 8 миллионов и в Великобритании 5 миллионов. Статистические данные о числе кошек отсутствуют, но их наверняка не меньше, чем собак.

Если сложить все эти цифры, получается, что только в четырех упомянутых странах имеется 150 миллионов кошек и собак. Допустим, каждый владелец одного из этих животных ласкает своего питомца в среднем три раза в день, то есть примерно 1000 раз в год. Если умножить этот показатель на 150 миллионов, получится весьма внушительная цифра, которая означает, что огромное число американцев, французов, немцев и англичан вступают в телесные контакты не с другими американцами, французами, немцами и англичанами, а с представителями животного мира.

Мы похлопываем друг друга по спине, обнимаясь, и гладим друг друга по голове, если являемся супругами или любовниками, родителями или детьми. Но этого явно недостаточно, что доказывает наличие в наших домах миллионов кошек и собак. Будучи ограничены культурными нормами в контактах с себе подобными, мы восполняем их телесной близостью со своими любимыми домашними питомцами.

Эта ситуация вызывает в последнее время резкую критику. Один автор, осудив чрезмерное увлечение домашними животными, которое, по его мнению, отражает прискорбную неспособность современных цивилизованных людей близко общаться друг с другом, подчеркнул, что в настоящее время выделяется больше средств на предотвращение жестокого обращения с животными, нежели на предотвращение насилия в отношении детей. Доводы, приводимые в поддержку содержания домашних животных, отвергаются как нелогичные и лицемерные. Аргумент, что это помогает нам изучать образ жизни «братьев меньших», называется бессмысленным ввиду высокой степени антропоморфизма отношений – почти в каждом случае. Домашние любимцы очеловечиваются. Большинство хозяев относятся к ним, как к людям, а не как к животным. Аргумент, что животные беспомощны и нуждаются в нашей помощи, считается односторонним с учетом того, что многие дети страдают от побоев родителей, а жены от деспотичных мужей. Почему в наш просвещенный век люди допускают,

¹⁰ Книга написана в 1971 году, и цены даны в национальной валюте того времени. – *Прим. ред.*

чтобы в военных конфликтах погибали и получали ранения сотни тысяч детей, в то время как наши кошки и собаки ни в чем не нуждаются и пользуются квалифицированной медицинской помощью? Как случилось, что в XX веке во время войн погибли 100 миллионов человек, в то время как миллиарды долларов тратятся только на питание домашних животных? Почему мы намного добрее к представителям других видов, нежели к себе подобным?

Это убедительные доводы, и от них нельзя отмахнуться, но они содержат существенный изъян. Безусловно, нянчиться с кошкой и игнорировать ребенка – это чудовищно, и такое действительно иногда случается. Но использовать это как аргумент против заботы о кошке просто глупо. Весьма сомнительно, чтобы кошка «крала» ласки у ребенка. Если по какой-либо причине малыш не получает любви от родителей, отсутствие домашнего животного едва ли исправит эту ситуацию. Почти всегда такому любимцу отводится роль либо дополнительного источника телесных контактов, либо заменителя людей для осуществления этих контактов, если их по какой-то причине нет. Утверждение, что то самое внимание, которое уделяется животным, недополучают люди, абсолютно несправедливо.

Представьте на минуту, что какая-нибудь эпидемия уничтожит всех домашних животных. На что будет направлена человеческая любовь к ним? На окружающих? Как это ни печально, вероятнее всего, нет. Миллионы людей, многие из которых одиноки и не могут, по разным причинам, иметь близкие отношения с себе подобными, лишатся единственного источника телесных контактов. Пожилая дама, жившая одна со своими кошками, вряд ли начнет ласкать почтальона. Маловероятно, что мужчина, привыкший гладить по голове свою собаку, в ее отсутствие будет чаще гладить по голове своего сына-подростка.

Действительно, члены идеального общества не нуждаются в подобных заменителях или дополнительных источниках близости, но запретить содержать домашних животных – это все равно что пытаться лечить симптомы, а не искать причину болезни. Даже в идеальном, наполненном любовью и свободном от ограничений на телесную близость обществе мы будем уделять много времени своим домашним питомцам – не в силу необходимости, а ради дополнительного удовольствия, и эти отношения ни в коем случае не будут конкурировать с нашими отношениями с другими людьми.

Заключительный довод в защиту домашних животных таков: если мы способны проявлять нежность к животным, это по крайней мере свидетельствует о нашей способности проявлять нежность вообще. Однако вновь возникает вопрос: коменданты концлагерей тоже были добры к своим собакам, так что же это доказывает? Лишь то, что даже гнусные человеческие существа могут быть нежными. То, что совпадение этой нежности к животным с жестокостью к людям возмущает нас до глубины души и делает эту жестокость еще более ужасной, не должно заслонять от нас сам факт. Он служит постоянным напоминанием о том, что человек, если он не испорчен, как это ни парадоксально звучит, дикостями цивилизации, по природе своей наделен большим потенциалом нежности и стремления к телесной близости. Если вид людей, ласкающих своих домашних питомцев, убеждает нас в том, что они являются существами, способными любить и стремящимися к близким контактам, уже одно это служит ценным уроком, о котором следует всегда помнить, тем более в мире, становящемся с каждым годом все более безличным и бессердечным. Если люди в силу обстоятельств бывают безжалостны, нам нужны доказательства того, что так не должно быть, что это не является естественным состоянием человека. Раз способность любить домашних животных служит таким доказательством, благонамеренным критикам стоит хорошо подумать, прежде чем обрушиваться с нападка на эту добрую традицию, какой бы неразумной она ни казалась с определенных точек зрения.

Какова же природа телесных контактов человека с животными? Почему, к примеру, мы похлопываем собаку и гладим кошку, но редко поступаем наоборот? Почему животное одного вида вызывает желание вступить с ним в контакт одного типа, а животное другого вида в контакт другого типа? Чтобы получить ответ на эти вопросы, рассмотрим анатомию соответствующих видов. Домашние животные выступают в роли заменителей людей-компаньонов, и, следовательно, их тело заменяет человеческое. Однако с анатомической точки зрения эти тела сильно различаются. Собака не способна обнять нас лапами. И кошку мы не можем заключить в объятия, потому что даже самая большая не крупнее ребенка, но при

этом мягкая и гибкая. Значит, нам приходится корректировать свои действия соответствующим образом.

Начнем с собак. Нам хочется обнять своего любимца, но поскольку собачьи лапы препятствуют этому, приходится ограничиваться элементом похлопывания, входящим в комплекс «объятие – похлопывание». Протянув руку, мы похлопываем питомца по спине, голове или по боку. У большой собаки спина достаточно широкая, поэтому она вполне пригодна для замены человеческой.

С кошками все иначе. Они невелики, и их тело не очень подходит для энергичного похлопывания. На ощупь шелковистая кошачья шерсть больше похожа на волосы человеческой головы, нежели собачья. Мы склонны гладить волосы любимого человека, стало быть, интуитивно погладим и кошку. Точно так же, как собачья спина заменяет нам человеческую спину, кошачья шерсть заменяет нам человеческие волосы.

Может сложиться впечатление, что мы автоматически похлопываем собак и гладим кошек. Но все не так просто. Это связано исключительно с особенностями строения, присущими домашней собаке и домашней кошке. Тот, кто имел дело с прирученным гепардом, львом или тигром, знает, что в данном случае ситуация меняется. Хотя все эти звери относятся к кошачьим, у них широкая спина, больше напоминающая спину собаки, нежели их родственницы кошки. И шерсть у них жесткая, как у собаки. Поэтому их похлопывают, а не гладят. В то же время крошечную комнатную собачку с длинной мягкой шерстью ласкают, как кошку.

Лошадей, как и собаку, тоже похлопывают, но, как правило, не по спине, а по шее. Лошадиная шея – идеальная замена человеческой спине, поскольку она располагается примерно на одинаковой с ней высоте. В этом отношении лошадь предпочтительнее собаки, чья шея маловата для похлопывания. Кроме того, рост лошади очень комфортен для контакта головы с головой, тогда как в случае с собакой приходится либо наклоняться к ней, либо поднимать ее. Нередко можно видеть, как любитель лошадей стоит, прижавшись головой к морде животного и обнимая руками его шею.

Для многих людей домашний любимец заменяет не просто компаньона, а ребенка. В этом случае имеют значение размеры животного. С кошками в этом плане нет никаких проблем, но «классическая» собака слишком велика, поэтому селекционеры специально выводили породы маленьких размеров, сопоставимых с размерами ребенка. Таких собак, подобно кошкам, кроликам и маленьким обезьянкам, можно брать на руки, не прилагая особых усилий, так как это наиболее популярная форма телесного контакта с домашними животными. Результаты анализа большого массива фотографий, изображающих владельцев домашних животных со своими питомцами, свидетельствуют о том, что в 50 % случаев животное держат на руках, как если бы это был малыш. Второе место с показателем 11 % занимает похлопывание. Далее следуют полуобъятие одной рукой (7 %) и близкий к нему по показателю контакт щеки с телом животного, обычно в зоне головы. Еще один часто встречающийся контакт – поцелуй в губы (5 %), причем целуют всех, от попугаев до китов. Кто-то может подумать, что кит мало подходит на роль объекта интимных телесных контактов. Капитан Ахаб¹¹ наверняка пришел бы в изумление, узнав, что девушка способна целовать кита, но в последнее время подобные картины в океанариумах нередки. Дрессированные киты и их более мелкие родственники дельфины стали главными любимцами публики. Округлые лбы, ассоциирующиеся с лобастой головой младенца, вызывают непреодолимое желание прикоснуться к ним, пощекотать и погладить, когда улыбающиеся морды выныривают из воды у бортика бассейна.

Ручных птиц, таких как голуби и попугаи, часто подносят к лицу и прижимают к щеке, чтобы ощутить мягкость их оперения. Кроме того, их нередко кормят изо рта в рот. Поскольку размеры пернатых исключают объятие и похлопывание, контакты сводятся к поглаживанию пальцем и почесыванию за ухом.

Чем ниже мы опускаемся по эволюционной лестнице, тем меньше остается у нас возможностей для интимной близости. У большинства людей прикосновения к рептилиям,

¹¹ Герой романа Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит».

амфибиям, рыбам и насекомым вызывают неприятные ощущения. Черепаху, обладающую гладким, твердым панцирем, еще иногда гладят, но ее чешуйчатые родственники не вызывают ни малейшего желания вступать с ними в дружеский телесный контакт. Исключением, по всей вероятности, являются лишь гигантские удавы. Должным образом прирученный питон может дать своему хозяину то, чего не даст ни кошка, ни собака, а именно полное объятие. Обернувшись кольцами вокруг человека, он сокращает и расслабляет свои мышцы, совершая волнообразные движения, что создает ощущение, которое невозможно описать словами. Его можно только испытать. Однако вследствие необычности их способа питания и скверной репутации, которой они пользуются со времен скандала в Эдеме, не говоря уже об ужасе, испытываемом нами перед их более мелкими и очень ядовитыми родственниками, большие змеи никогда не были особо популярны в качестве домашних питомцев, даже среди людей, жадных до объятий.

Случаи интимных телесных контактов с рыбами практически неизвестны, если не считать чувственные поцелуи в руку, осуществляемые ручными гигантскими карпами, когда они выныривают из воды, прося пищу. Эти рыбы так широко разевают рот, что даже пролетающая мимо птица может соблазниться возможностью короткого интимного контакта с ними. Я видел фотографию, на которой изображен вьюрок, запихивающий в широко разинутый рот такого карпа насекомых, явно предназначенных для птенцов. Если птица не устояла перед соблазном такого странного телесного контакта, что уж говорить о человеке...

До сих пор мы рассматривали только дружеские и родительские телесные контакты, но у некоторых людей тесное общение с животными представляет собой сексуальное взаимодействие. Такие случаи нечасты, но они имеют долгую историю и ссылки на них встречаются в искусстве и литературе с древних времен. Они делятся на две категории. Либо мужчина совокупляется с животным, как правило, домашним, либо происходит мастурбация. В последнем случае мужчина или женщина понуждают животное вступать с ним или с ней в орально-генитальный контакт, чтобы достигнуть сексуального возбуждения. Столь противоестественные контакты красноречиво свидетельствуют о степени отчуждения между людьми, которые, по всей видимости, существовали в обществе. Тем не менее, если вспомнить, как миллионы наших современников гладят, берут на руки и целуют своих питомцев, стоит ли удивляться, что в очень редких случаях телесная близость с животными принимает столь экстравагантные формы?

Когда речь идет о контактах между людьми и животными, как правило, подразумеваются домашние и сельскохозяйственные животные. Однако контролируемые человеком животные в больших количествах содержатся также в зоопарках и исследовательских лабораториях. Там тоже бывают контакты, которые не всегда встречают одобрение в обществе.

Посетители зоопарка хотят не только увидеть зверей, но и дотронуться до них, и это последнее желание столь велико, что является постоянной головной болью для администрации. Об этом наглядно свидетельствует официальная документация медицинской части любого крупного зоопарка. На каждую вывихнутую лодыжку или порезанный палец здесь приходится одна укушенная рука либо расцарапанное лицо. Иногда повреждения, причиняемые обитателями зоопарка его посетителям, бывают весьма серьезны, но их причиной редко становится беспечность со стороны служащих. Достаточно привести два характерных примера. В медицинскую часть крупного зоопарка прибежала женщина с орущим ребенком, у которого была искалечена кисть руки. Пока ему оказывали помощь, выяснилось, что он умолял мать, чтобы та разрешила ему дотронуться до взрослого самца гориллы. Уступив его просьбам, женщина взяла сына под мышки и перенесла за защитный барьер с табличкой, предупреждавшей об опасности животного, чтобы малыш мог просунуть руку сквозь прутья клетки. Обезьяна неправильно истолковала дружественный жест и не раздумывая впиалась зубами в руку ребенка. Несмотря на очевидность собственного неблагоразумия, женщина пыталась возложить вину за это прискорбное происшествие на администрацию зоопарка.

Во втором случае пожилой джентльмен вознамерился в том же самом зоопарке непременно приласкать... тигрицу. Несмотря на пытавшихся удержать его служащих, мужчина перепрыгнул через защитный барьер, но при этом сломал ногу, и его пришлось отправить в больницу. Пока он находился на излечении, тигрицу отправили в другой зоопарк для

спаривания. Выписавшись, неугомонный любитель кошачьих вновь появился в зоопарке, подошел к знакомой клетке и увидел в ней леопарда. Он пришел в ярость и отправился к директору, чтобы спросить, куда тот дел его подругу. Директор вначале оторопел, но после разговора с посетителем выяснил, что этот несчастный человек недавно потерял жену, с которой прожил в любви и согласии долгие годы, и перенес свою привязанность на ту самую тигрицу. Поскольку это животное, по его мнению, стало воплощением покойной жены, он хотел установить с ней контакт в этой новой форме, даже рискуя жизнью.

Это крайние проявления поведения, но их можно увидеть в зоопарках по всему миру. Если желание прикоснуться к другому человеческому существу является неосуществимым либо вследствие личной трагедии, либо в силу культурного табу, почти всегда находится способ осуществить его, каковы бы ни были последствия.

И наконец обратимся к четвертой категории контактов между людьми и животными, осуществляющихся в мире науки. В исследовательских лабораториях в ходе медицинских исследований ежегодно погибают миллионы животных, и контакты между научными сотрудниками и объектами их интереса вызывают в последнее время все более ожесточенные дебаты. Ученый не испытывает к подопытному животному никаких чувств – ни любви, ни ненависти. Его позиция проста: если он может уменьшить человеческие страдания, принеся в жертву жизни подопытных мышей, у него нет иного выбора. Он избежал бы этого, если бы имел такую возможность, но он ее не имеет и отказывается ставить жизнь животных выше жизни людей. Однако правомочность такой позиции довольно часто яростно оспаривается.

Лучше всего мнение ее многочисленных противников отражают слова Джорджа Бернарда Шоу: «Если вы не можете достигнуть знания, не мучая при этом собаку, вы должны действовать без знания». Более умеренный взгляд на эту проблему высказывают те, кто считает, что часто эксперименты с использованием лабораторных животных бессмысленны, их результаты бесполезны во всех отношениях, а проводятся они исключительно ради удовлетворения праздного любопытства представителей академического мира. Как это ни удивительно, подобное мнение высказал и Чарлз Дарвин в письме к одному знаменитому зоологу: «Физиологический эксперимент на животных оправдан при проведении реального исследования, но только не тогда, когда он ставится из мерзкого любопытства». Позже кто-то из практикующих психологов указывал на то, что «Одним из последствий навязчиво поведенческого и механистичного подхода является очевидная черствость при проведении экспериментальной работы с низшими животными, зачастую при отсутствии достойной цели».

В XX веке из года в год число разрешенных экспериментов над животными возрастало. В Великобритании в 1910 году оно составляло 95 тысяч, к 1945 году превысило 1 миллион, а в 1969 году достигло 5,5 миллиона, и проводили их 600 учреждений. Широкие масштабы этой деятельности начали вызывать комментарии в политических кругах, и в 1971 году один из членов британского парламента выступил с протестом: «Я знаю, что целью этих экспериментов является сохранение человеческих жизней, но у меня возникает вопрос: достойна ли сохранения человеческая раса, использующая в достижении научного прогресса столь аморальные методы?»

Необходимо разделить два типа критики в этих и других замечаниях относительно широкомасштабного использования животных в научных исследованиях. Первый тип – антропоморфный, согласно которому животные рассматриваются в качестве символических людей, вследствие чего отвергается идея причинения им боли в каких бы то ни было целях, а второй – гуманитарный, и согласно ему животные считаются *подобными* людям в том, что способны испытывать страх, боль и горе, и отвергается идея, что они могут страдать в человеческих руках. Впрочем, второй тип допускает некоторую степень страданий, но только если они сведены к минимуму и только если исследования имеют целью уменьшение еще больших страданий.

Ученые отвечают на эти два типа критики следующим образом. В первом случае говорят: «Скажите это матери, чей ребенок стал жертвой приема талидомида – транквилизатора с очень вредным побочным эффектом, который при употреблении во время беременности оказывает разрушительное воздействие на плод. Если бы было проведено больше экспериментов на животных, он родился бы здоровым». Или: «Скажите это матери, чей ребенок умер от

дифтерии. Еще несколько лет эта болезнь ежегодно уносила жизнь нескольких тысяч детей, но сейчас благодаря вакцине, разработанной исключительно в результате экспериментов над животными, она практически исчезла». Или: «Спросите у матери ребенка, больного полиомиелитом, какие чувства она испытывает по поводу того факта, что каждые три дозы вакцины, которая могла бы спасти ее дитя, стоят жизни лабораторной обезьяне».

Противники вивисекции полагают, что пусть лучше умирают или страдают дети, чем подопытные крысы. Их заботит судьба животных, и в то же время они проявляют удивительную черствость по отношению к людям. Эта ситуация перекликается с ситуацией с домашними животными, но здесь есть существенное отличие. К домашним питомцам и людям вполне можно проявлять доброту в равной мере. Одно не исключает другое, и, как мы уже видели, аргументы против содержания домашних животных весьма неубедительны. Но в данном случае невозможно быть одинаково добрым и к подопытным мышам, и к детям. Необходимо сделать трудный выбор.

В отношении более умеренной критики второго типа ученые говорят: «Мы согласны, что страдания животных нужно сводить к минимуму, но это не так просто. В последнее время многое делается для того, чтобы эксперименты были как можно менее болезненными и чтобы этим процедурам подвергалось как можно меньше животных, а там, где возможно, вообще обходились без них. Благодаря этому можно ожидать, что число животных, ежегодно погибающих в лабораториях, будет неуклонно снижаться». Однако, как показывают приведенные мною цифры, все это далеко от истины. Более щадящие методы внедряются отнюдь не повсеместно, а исследовательские программы приобретают все более широкие масштабы. Кроме того, по словам специалистов, одна из основных проблем состоит в том, что эксперименты невозможно ограничить теми сферами, которые непосредственно и очевидно связаны с конкретными формами страданий. Многие из величайших и наиболее полезных открытий совершаются в результате экспериментов над животными в ходе чистых, а не прикладных исследований. Утверждение, что опыты над животными не должны проводиться, поскольку в данный момент их результаты не имеют очевидного применения в медицине, равносильно попытке застопорить научный прогресс в целом.

Этот тезис вызывает все большее беспокойство у наименее эмоциональных и наиболее образованных критиков. Как далеко, выражаясь словами Дарвина, должны зайти «реальные исследования», прежде чем на сцене появляется «мерзкое любопытство»? При чтении некоторых научных журналов, особенно по экспериментальной психологии, невозможно избавиться от ощущения, что кое-кто из исследователей зашел слишком далеко. Именно они порождают в обществе сомнения относительно целесообразности научных исследований в целом. Часть экспертов считают, что пришло время радикально пересмотреть многие исследовательские проекты, иначе в долгосрочной перспективе научному прогрессу будет причинен большой ущерб.

Зададимся вопросом, почему контакты между человеком и животным в лаборатории вызывают столь ожесточенные споры и такую сильную озабоченность. Ответ вполне и даже слишком очевиден: хотя и соглашаясь с тем, что эти действия оправданны и необходимы, мы не можем смириться с мыслью, что человек причиняет животному страдания. Ну а как быть с тем, кто, обнаружив у себя на кухне мышь или крысу, убивает ее палкой, или с тем, кто оставляет на кухне приманку с ядом, обрекая ту же мышь или крысу на смерть? Мы не критикуем их. У нас не учреждаются общества защиты синантропных грызунов – мышей и крыс, населяющих наши жилища, но именно эти животные, только используемые в научных экспериментах, вызывают столько комментариев. Умерщвление дикой крысы одобряется, так как она может быть источником инфекции, а лабораторной порицается, хотя ее смерть тоже способствует предотвращению распространения болезней.

Чем объяснить такую непоследовательность? Очевидно, что это мало связано, если так можно выразиться, с нашей объективной заботой о благополучии крыс – синантропных или ручных. Если бы нас действительно волновала судьба лабораторной мыши как уникальной формы животной жизни, мы бы не обрушивались с такими ожесточенными нападками на ее мучителей. Нет, просто наша реакция намного сложнее, нежели мы можем представить. Мы реагируем на дикую крысу как на агрессора, вторгшегося на нашу суверенную территорию, и

чувствуем себя вправе защищать эту территорию всеми доступными средствами. Ну а как насчет лабораторной? Не ее ли предки принесли нам эпидемию чумы? Да, действительно, но сейчас она выступает в новой роли, и мы должны понимать, в чем заключается эта роль, если хотим понять природу эмоций, вызываемых у нас ее смертью.

Начнем с того, что лабораторная крыса более не бич, а слуга человечества. Отношение к ней сравнимо с отношением врача к пациенту, которого он готовит к операции, но затем, в экспериментальных целях, ее заражают раком те же самые руки, которые давали ей корм. Специфичны и отношения между фермером и принадлежащим ему домашним скотом. Он заботится о животных, а потом убивает их. Тем не менее мы не осуждаем его поведение, как не осуждаем действия человека, травящего крыс на своей кухне. Так что же мы имеем? Последовательность отношений между человеком и животным в лаборатории предусматривает заботу, а затем причинение боли и смерть. Последовательность отношений между человеком и животным на ферме предусматривает заботу, а потом типовое умерщвление. Последовательность отношений между человеком и животным на кухне предусматривает причинение боли и смерть. Другими словами, мы не возражаем против умерщвления после заботливого обращения или после причинения боли, но возражаем против причинения боли после заботливого обращения. Роль лабораторной крысы в исследовательской работе сравнима с ролью преданного слуги, которого ценит хозяин, но лишь до тех пор, пока его смерть не станет выгодна. Эта аллегория предательства и является причиной всех проблем.

Противники экспериментов над животными горячо оспаривают такую интерпретацию, утверждая, что они думают именно о крысе, а не об этих символических отношениях. Но если только они не строгие вегетарианцы, в буквальном смысле слова не способные обидеть муху, то это заблуждение. Если эти люди когда-либо принимали медицинскую помощь, значит, они лицемеры. Однако, если они честны, то признаются, что на самом-то деле их заботит *предательство близости*, присущее символическим отношениям между человеком и лабораторной крысой.

Теперь следует пояснить, почему я уделил столько внимания этому образцу человеческого поведения, который на первый взгляд не имеет никакого отношения к теме настоящей книги. Проблема экспериментаторов состоит в том, что им, чтобы успокоить общественность, снова и снова приходится рассказывать, как хорошо они обращаются с лабораторными животными и как замечательно тем живется в чистых светлых клетках в ожидании исполнения возложенной на них важной миссии. Их противников больше всего как раз и возмущает резкий контраст между этими условиями и тем, чем такая жизнь в итоге кончается. Ибо, как мы видели на протяжении всей книги, забота означает доверие, и крыса, в качестве символического слуги, полностью доверяет своему хозяину, который, сначала хорошо обращаясь с ней, по истечении определенного времени причиняет ей боль и заражает смертельной болезнью. Если бы это предательство случалось изредка и по суперсерьезной причине, большинство критиков, пусть и неохотно, мирились бы с такой необходимостью, но, поскольку подобное происходит миллионы раз каждый год, они не могут спокойно относиться к столь многочисленным фактам эмоционального предательства. Если человек способен умышленно причинять боль животному, которое ему доверяло и с которым он совсем недавно заботливо обращался, как можно доверять ему в личностных отношениях? Как может он хорошо относиться к своим настоящим детям, если постоянно обманывает своих лабораторных «детей»? Именно подобные опасения не дают покоя противникам проведения экспериментов с животными, хотя они остаются невысказанными.

Данная иллюстрация имеет определенное сходство с уже упоминавшейся – о коменданте концлагеря, который хорошо обращался со своей собакой и обрекал на смерть узников. В том случае доброта по отношению к животным служила для нас свидетельством того, что даже чудовище в человеческом облике не лишено способности испытывать нежные чувства. В данном случае все наоборот: человек, добрый по отношению к людям, в то же время способен причинять боль подопытным животным. Нас пугает именно этот контраст. Глядя, как добродушного вида военный похлопывает по спине свою собаку, мы не можем не думать о том, способен ли он отдать приказ вести огонь по людям. Глядя на счастливого отца, играющего со своими детьми, мы не можем не думать о том, способен ли он проводить эксперименты с

животными. Мы начинаем путаться в системе ценностей. Наша вера в связующую силу телесной близости начинает колебаться, и мы встаем против того, что называем жестокостью науки.

Нам прекрасно известно, что этот бунт не оправдан, поскольку научные исследования приносят человечеству огромную пользу, но их сущность в корне противоречит нашим понятиям о значении близких отношений, и мы ничего не можем с собой поделать. Тем не менее, заболев, мы бежим в аптеку за таблетками и не вспоминаем о лабораторных животных, которые умерли в ходе разработки этих таблеток.

Данная ситуация сложна для широкой общественности, но не представляет никакой сложности для ученых, ибо они не видят в своих отношениях с лабораторными животными никакого символизма. Исповедуя безжалостно объективный подход к своей работе, они еще на студенческой скамье преодолели эмоциональные трудности. Если они проявляют заботу о подопытных животных, то только для того, чтобы те оптимально соответствовали требованиям, предъявляемым к экспериментальным образцам, а не для того, чтобы удовлетворить свою эмоциональную потребность в телесной близости. Иногда это требует самодисциплины, поскольку даже при самом строгом интеллектуальном контроле телесные контакты способны сформировать привязанность. Подчас в большой лаборатории можно увидеть стоящую где-нибудь в углу клетку с жирным кроликом, ставшим своего рода талисманом данного учреждения, к которому все относится как к домашнему питомцу и никто не помышляет использовать его в экспериментах. Этот кролик уже выступает совершенно в иной роли.

Людам, не принадлежащим к миру науки, провести такую грань трудно. Для них все животные – обитатели Диснейленда. Если они расширяют собственные горизонты с помощью документальных телевизионных фильмов и начинают забывать игрушечные образы зверюшек своего детства, это происходит в компании не специалистов фармакологических компаний, а натуралистов, которые наблюдают за жизнью животных, а не манипулируют ею.

Таким образом, проблема экспериментатора остается неразрешенной. Подобно хирургу, оперирующему пациентов, чтобы спасти им жизнь, он старается улучшить чью-то участь, но в отличие от хирурга не получает за это благодарности. Подобно хирургу он объективен и чужд эмоциям на работе. И в том и в другом случае чувствительность была бы губительна. В случае с хирургом это менее очевидно, поскольку за пределами операционного блока он может играть роль заботливого целителя. В операционной же этот специалист обращается с телами пациентов хладнокровно и беспристрастно. Если бы сие было не так, нам всем пришлось бы рано или поздно пострадать из-за этого. Если бы экспериментатор привязался к лабораторным животным и начал относиться к ним как к домашним питомцам, очень скоро он просто не смог бы проводить исследования, результаты которых помогают людям противостоять болезням. Он бы пришел в ужас от того, чем ему приходится заниматься. Точно так же, если бы хирург позволял себе проникаться сочувствием к страданиям пациентов, скальпель в его руке мог бы однажды дрогнуть... Если бы лежащие на операционном столе слышали разговоры врачей, они, наверное, были бы поражены их порой шутивым, порой деловитым тоном и оказались бы неправы. Высочайшая интимность проникновения в тело другого человека острым инструментом требует полного отключения чувств от происходящего. Если бы хирург проявлял во время операции эмоции, следующий близкий телесный контакт у его пациентов происходил бы с сотрудниками похоронного бюро.

В этой главе мы рассматривали использование живых заменителей людей в жаждущем телесных контактов мире. Если такие действия любовны, как в случае с поглаживанием и похлопыванием домашних питомцев, они доставляют большое удовольствие, но если контакты не согреты любовью, как в случае с лабораторными животными, то и никакого удовольствия нет. В целом на них приходится множество случаев тактильного взаимодействия, и в этом отношении представители фауны имеют для нас большое значение. Говоря о содержании домашних животных, мы подразумевали, что их владельцами являются взрослые люди, но дети старшего возраста тоже активно контактируют с ними, проявляя в подражание папам и мамам псевдородительскую заботу о них. Поскольку кошки и собаки, как правило, считаются псевдодетьми настоящих родителей, зачастую юные псевдородители больше привязаны к представителям других видов, к которым взрослые обычно относятся с пренебрежением –

кроликам, морским свинкам и черепахам. Эти животные, не испорченные суперлаской, представляют отдельный, более закрытый, мир, где юные псевдородители могут найти замену человеческим телесным контактам.

На долю маленьких детей остаются игрушечные животные, которые заменяют заменителей. Они любят их, как если бы те были живыми существами, и испытываемая ими привязанность к плюшевым мишкам не менее сильна, чем привязанность старших братьев и сестер к любимому кролику или обожаемому попугаю. У многих девочек любовь к мягким игрушечным животным сохраняется даже тогда, когда они становятся взрослыми. На одной газетной фотографии, запечатлевшей освобожденных пассажиров захваченного террористами самолета, девочка-подросток судорожно прижимает к себе плюшевого медвежонка Тедди, и это говорит о многом. Когда у нас возникает сильная потребность в успокаивающем телесном контакте, для этого подойдет даже неодушевленный предмет, и это тема следующей главы.

7

Использование неодушевленных предметов

На рекламном щите в Цюрихе висит большой плакат с двумя изображениями одной и той же мужской головы, располагающимися рядом друг с другом. Головы идентичны, за исключением характерной детали: во рту одной – сигарета, во рту другой – детская соска. Предполагается, что смысл очевиден, поскольку изображения не сопровождаются ни единым словом. Не осознавая этого, дизайнеры сказали о значении курения гораздо больше, нежели намеревались. Они наглядно и весьма красноречиво объяснили, почему тысячи людей готовы подвергать себя риску тяжелых заболеваний и даже мучительной смерти.

Разумеется, плакат призван пристыдить взрослых курильщиков, заставить их почувствовать себя малыми детьми, но его содержание можно интерпретировать и в противоположном смысле. Если мужчина с соской во рту получает благодаря ей какое-то успокоение, подобно ребенку, это означает, что он выглядит инфантильным. Что ж касается другой головы, здесь проблема решена. Как и соска, сигарета приносит успокоение, но элемент инфантильности при этом отсутствует. Если содержание плаката интерпретировать так, оно может восприниматься как поощрение курения для тех, кто еще не открыл для себя его успокаивающий эффект. Курите, и сможете успокаиваться, не выглядя при этом незрелыми!

Даже если мы не будем превратно истолковывать благонамеренный посыл подобным образом, он все равно свидетельствует о серьезности проблемы курения, которая приобрела глобальные масштабы. Этот вопрос привлек к себе серьезное внимание лишь в последнее время. Во многих странах была проведена кампания по предупреждению курящих об опасностях, которым они подвергаются, наполняя свои легкие канцерогенным дымом. На телевидении запретили рекламу сигарет, провели многочисленные дискуссии на тему, как не допустить приобщения детей к этой пагубной привычке, и т. д. Эффект был двояким: некоторые бросили курить, но многие другие настолько встревожились, что стали выкуривать лишние сигареты, дабы хоть как-то успокоиться. Другими словами, хотя наконец данная проблема была признана очень тревожной, решится она, судя по всему, нескоро. Просто говорить людям, что они не должны что-то делать, поскольку это вредно, мера явно недостаточная, способная давать результаты лишь в краткосрочной перспективе. Это все равно что с помощью войн решать проблему перенаселенности земного шара. Погибнут миллионы людей, но как только военные действия закончатся, рождаемость сразу повысится, и численность населения вновь резко возрастает. Точно так же во время каждой антитабачной кампании тысячи людей бросают курить, но после ее завершения акции производителей табачных изделий очень скоро вновь взлетают вверх.

Самая большая ошибка организаторов таких кампаний в том, что они редко задаются очевидным вопросом: почему люди курят? Судя по всему, они думают, что это связано с наркотической зависимостью от никотина. Такая зависимость у курильщиков действительно формируется, но главным фактором является не она. Причину пристрастия к табаку у многих следует искать в чем-то ином. Если вспомнить плакат из Цюриха, можно предположить, что она заключается в оральной интимной близости, возникающей, когда губы зажимают

какой-либо предмет. Пока данный аспект курения не будет должным образом изучен, наше общество, страдающее от стрессов и жаждущее душевного комфорта, едва ли избавится от этой привычки.

В этой главе рассматривается использование неодушевленных предметов в качестве заменителя человека, если необходим телесный контакт. Исследуя этот феномен, мы удаляемся еще на один шаг от первоначального источника – близости с близкими. Первый шаг привел нас к близости с малознакомыми людьми (представители профессий, подразумевающих прикосновения), второй – к близости с живыми заменителями (домашние животные), и теперь, сделав третий, мы оказались в мире неодушевленных предметов, имеющих потенциал близости. Их много и помимо сигареты, но мы начнем именно с нее, поскольку это возвращает нас к тому самому моменту, когда измученная мать запихивает резиновый заменитель своего соска в рот надрывающегося от крика младенца.

Пустышку иногда называют глухим соском, поскольку в ней отсутствует отверстие, но это все равно суперсосок, не дающий молока, зато сулящий замечательные ощущения. Пустышки – в том или ином виде – использовались на протяжении столетий, но не так давно впали в немилость, поскольку стали считаться источником инфекции. Потом они вернулись в обиход, и сегодня даже врачи довольно часто рекомендуют дать беспокойному ребенку пустышку. Дети, которым с раннего возраста дают соску, вряд ли приобретут привычку сосать палец (очевидная альтернатива при отсутствии соска, когда требуется успокоение). Кроме того, сейчас никто не считает, что соска негативно влияет на прикус, а недавние исследования продемонстрировали то, что многим матерям уже давно было известно: соска действительно обладает значительным успокаивающим эффектом. «Непитательное сосание», как это называется официально, изучалось с участием большой группы детей. Выяснилось, что через 30 секунд после того, как им давали соску, уровень их крика снижался до одной пятой первоначального значения, а интенсивность движений руками и ногами уменьшалась наполовину. Даже при отсутствии активного сосания наличие суперсоска во рту ребенка оказывает успокаивающее воздействие. Если малыш находится в полусонном состоянии и перестает сосать, удаление соски из его рта очень часто вызывает плач.

Все сказанное лишний раз подтверждает тот факт, что присутствие какого-либо предмета между губ человека способствует обретению им душевного комфорта, поскольку имитирует контакт с его изначальной защитницей – матерью. Это форма символической интимной близости, и при виде пожилого человека, с довольным видом сосущего мундштук трубки, становится ясно, что она остается с нами на всю жизнь.

Для взрослого «сосунка» важно, чтобы никто не догадывался, чем он на самом деле занимается. Отсюда, кстати, посыл цюрихского плаката. Детская соска приносила бы находящемуся в состоянии стресса человеку успокоение, как ничто другое, если бы только не придавала ему инфантильный вид. Значит, он вынужден использовать разного рода замаскированные соски. Сигарета в этом отношении – идеальный вариант, поскольку является атрибутом взрослого человека. Запрет на курение для детей означает, что это не только не младенческое, но и не детское занятие, и поэтому не имеет ничего общего с сосанием соски. Сигарета даже больше напоминает на ощупь сосок материнской груди, нежели пустышка, поскольку она мягче. Иллюзию усиливает и ощущение того, что что-то всасывается из ее конца и проходит по горлу: теплый табачный дым символизирует теплое материнское молоко.

Многие курильщики, вставляя сигарету в рот или вынимая ее оттуда, касаются пальцами наружных краев губ, имитируя тем самым прикосновение материнской руки. Некоторые надолго оставляют сигарету во рту, затягиваясь лишь время от времени. Те периоды, когда они не затягиваются, сходны с периодами полусонного состояния младенца, который просто держит соску во рту. Другие курильщики, вынимая сигарету изо рта, мнут ее между пальцами вместо того, чтобы положить в пепельницу. Желтые «никотиновые» пальцы служат наглядным свидетельством стремления держаться за неодушевленный предмет, с которым был тактильный контакт, даже когда он не используется по прямому назначению.

Есть и супервариант – сигара с гладким округлым кончиком. В ходе торжественной церемонии закуривания этот «глухой» сосок обрезают с помощью специального ножа, что открывает доступ в рот успокоительного потока теплого дыма – суррогата молока. Некоторые

жертвуют осязаемой мягкостью сигареты в пользу твердости и гладкости мундштука или трубки, ведь с ними язык может играть, как с материнским соском или резиновой соской. Удивительно, что никто не додумался использовать приспособление, которое было бы одновременно мягким и гладким, скажем, резиновый мундштук, хотя, впрочем, оно выглядело бы слишком похожим на сосок или пустышку и вызывало бы соответствующую ассоциацию.

Широкое распространение курения во всем мире свидетельствует о большой потребности в действиях, символизирующих телесную близость. Если мы хотим избавить человечество от разрушительных побочных эффектов этой пагубной привычки, нужно либо снизить уровень стресса населения до приемлемого значения, либо найти ей альтернативу. Поскольку первый вариант решения проблемы представляется малоперспективным, ставку следует сделать на второй. Уже были предложены и даже испытаны пластмассовые сигареты, но, судя по всему, их эффективность недостаточно высока. В этом решении не учтены такие важные факторы, как нагревание и «сосательные» свойства настоящих сигарет. Кроме того, они не предусматривают какой-либо официальный предлог, необходимый для того, чтобы это средство стало приемлемым. Да, многие люди сосут кончик карандаша, ручки, спички, дужку очков, но все эти предметы имеют другие «официальные» функции. Что же касается пластмассовой сигареты, она неизбежно будет вызывать ассоциацию с детской соской-пустышкой. Нужно найти другой вариант, и он, по всей видимости, должен стать предложением производителей табачной продукции. Может быть, это будут сигареты с синтетическим или травяным табаком, курение которого не причинит никому вреда? Исследования в этом направлении уже проводятся, и, возможно, самым ценным результатом пропагандистских кампаний по борьбе с курением станет ускорение таких работ. С учетом того, насколько глобальна проблема курения, о чем речь шла выше, сие, по всей вероятности, единственный правильный путь.

Те, кто бросил или пытается бросить курить, жалуются, что они быстро набирают вес. Это кое-что говорит о свойствах некоторых типов питания. Откусывание и сосание кусков съестного в значительной мере связаны с символическими орально-телесными контактами, а не с приемом пищи в прямом смысле слова. Когда у бросившего курить человека, которому очень не хватает сигареты, неожиданно возникает потребность в успокоении, он сует в рот, лишившийся привычного соска, что-нибудь съедобное. Леденцы и другие сласти – еще один закамouflированный заменитель материнского соска. Для большинства из нас они заполняют брешь между младенческой соской и взрослой сигаретой. Кондитерский магазин – это мир ребенка. Слишком взрослый, чтобы сосать резиновую соску, он сосет конфеты. Они портят зубы, но помогают обрести утраченный душевный комфорт. Став взрослыми, мы, как правило, отказываемся от этих удовольствий, но многие скучающие домохозяйки частенько запускают руку в заветную коробку с конфетами, так успокаивающими душу. Иногда для придания им взрослой респектабельности в сласти вводят алкогольные ингредиенты.

Хотя по сравнению с соском или пустышкой конфеты весьма недолговечны, у них есть важные качества – мягкость и сладость, которые помогают им играть их символическую роль. Недостаток эфемерности сластей преодолен в жевательной резинке – ее можно жевать часами, и, как утверждает реклама, это «успокаивает нервы и помогает сосредоточиться». Жевательная резинка практически ничем не уступает резиновой соске. В силу своих свойств она могла бы пользоваться огромной популярностью, если бы не слишком заметные движения челюстей: складывается впечатление, что человек непрерывно ест. Поскольку он не проглатывает «пищу», у окружающих может возникнуть ощущение, что у него во рту находится что-то не очень приятное, например жесткий хрящ, и по мере того, как жующий успокаивается, окружающие начинают раздражаться. В результате публичное жевание резинки считается дурным тоном, поэтому данная практика не получила широкого распространения.

Поскольку материнское молоко – это теплая сладкая жидкость, неудивительно, что взрослые в моменты напряжения или скуки часто пьют именно такие напитки. Миллионы литров чая, кофе и какао выпиваются ежегодно отнюдь не ради утоления жажды. Жажда служит лишь формальным предлогом. Кроме того, гладкая поверхность чашек и кружек, из которых мы пьем эти заменители материнского молока, гарантирует нашим жаждущим успокоения губам приятные тактильные ощущения. Может быть, поэтому в последнее время раздаются шумные протесты по поводу перехода на одноразовые бумажные стаканчики.

И здесь мы тоже избегаем нежелательных ассоциаций: пьем горячий чай, но холодное молоко. Пить теплое молоко – слишком откровенно по-детски. Это делают только захворавшие люди, но им простительно, поскольку, как мы уже видели, больной на время прекращает борьбу за статус взрослого и становится «временным младенцем».

Помимо молочных и других коктейлей, которые со значительным видом обычно потягивают через соломинку, существует множество других холодных напитков, используемых в качестве успокоительных средств. Они рекламируются как моментально утоляющие жажду, но в этом отношении мало чем отличаются от простой воды. Однако они сладкие, и все более распространяющаяся манера пить их прямо из бутылки способствует повышению символической ценности таких напитков. В результате бутылки уменьшились в размерах и стали сравнимы с бутылками для детского питания. Впору вывешивать новый плакат наподобие цюрихского с изображением мужчины, пьющего кока-колу или лимонад из бутылки с резиновой соской.

Многие другие заменители, например стебли растений или шейные цепочки, часто подносятся к губам в ситуациях, когда нужно успокоиться. Однако уже было приведено достаточно свидетельств того, что оральные контакты младенчества остаются важной частью взрослой жизни даже за рамками такой очевидной сферы, как дружеские и сексуальные поцелуи, и теперь мы можем перейти к рассмотрению других частей человеческого тела.

Еще одна базовая форма младенческого контакта – прижимание щекой к телу матери. Ассоциирующийся с этим движением контакт с неодушевленным предметом редко встречается среди взрослых мужчин, но довольно распространен среди женщин. На многих рекламных плакатах и во многих рекламных роликах улыбающаяся женщина держит в руках постельные принадлежности и нежно прижимается к ним щекой. Это особенно характерно для рекламы одеял, в которой используется почти исключительно только такая поза, несмотря на очевидный факт, что, когда та же самая женщина ляжет в постель, поверхность одеяла неизбежно будет отделена от ее щеки пододеяльником. Тот же прием востребован в рекламе изделий из меха. Обычно воротник шубы поднят, и женщина касается его щекой.

Вероятно, самая распространенная и традиционная форма контакта щеки как среди женщин, так и среди мужчин – подкладывание под нее подушки во время сна. Нежное прикосновение мягкой подушки-груди способствует успокоению и помогает прийти в состояние, в котором мы готовы погрузиться в сон. Производителям удалось добиться идеального баланса между упругостью и мягкостью, и в любом отделе постельных принадлежностей имеется широкий ассортимент подушек, создающих разные тактильные ощущения. Для многих взрослых людей чрезвычайно важна способность подушки вызывать сон, или, как принято говорить, ее «сила». Все знают, что на новом месте – в отеле или в гостях – уснуть бывает очень трудно. Обычно это случается с людьми, которые мало путешествуют, привязаны к дому и привыкли спать на подушке, имеющей определенные характеристики, такие как толщина и упругость.

Подобные требования распространяются и на остальные постельные принадлежности. Люди предпочитают матрасы определенной мягкости или жесткости и одеяла определенной легкости или тяжести, а также определенных размеров. Такая разборчивость вполне оправдана, ведь мы проводим в постели треть жизни.

В 1970 году на американском рынке появилась «водяная кровать» – наполненный водой виниловый матрас. Ложась на него, человек словно возвращается в материнское лоно. Расположенные внутри термостат и нагревательный элемент поддерживают комфортную температуру воды. Во второй половине 1970 года было продано свыше 15 тысяч таких кроватей, и в скором времени спрос превысил предложение. Единственную проблему представляет разрыв мембраны, и, возможно, это легкое, но устойчивое опасение и удерживает нас в старомодных, но таких надежных постелях.

С объективной точки зрения наши спальные привычки – требования к мягкости подушек, матрасов и одеял – начинают приобретать особое значение. Сон – это нечто большее, чем просто средство умственного отдыха, необходимого для того, чтобы мозг имел возможность отрешиться от забот дня минувшего, и физического отдыха, нужного для того, чтобы организм восстановил силы и подготовился к наступлению дня грядущего. Это еще и интимная близость

с постелью, символизирующей материнское лоно, и одеялом, заменяющим материнские объятия.

Даже в часы бодрствования мы не отвергаем полностью эти удовольствия, о чем столь наглядно свидетельствуют современные образцы мебели. «Легкие» кресла и диваны, невероятно мягкие и обеспечивающие уют, неведомый в предыдущие столетия и скорее свойственный кроватям, теперь являются неотъемлемой частью многих гостиных. Здесь после завершения тяжелого рабочего дня мы утопаем в любимом мягком кресле, которое дарует телу комфорт. Удобно расположившись на символических коленях кресла-матери, мы, защищенные его объятиями, спокойно, с безопасного расстояния, взираем на тот хаос, что творится в жестоком мире взрослых людей, отображаемый на экране телевизора или на страницах книги.

Если, сравнивая просмотр телепередач из уютного кресла с выглядыванием младенца в окно с материнских коленей, я, согласно чьему-то мнению, принизил такого рода досуг, спешу заверить, что это не входило в мои намерения. Напротив, сие сравнение лишь придает дополнительное преимущество этому ныне широко распространившемуся по всему миру образцу поведения. Наряду с развлекательной и познавательной, телевизор выполняет еще и чрезвычайно важную в нашем взрослом, насыщенном стрессами мире умиротворяющую функцию. Экран надежно удерживает все происходящее на нем внутри «ящика», и это никак не может повредить нам. Сия компенсация за то, что наше кресло-мать дает только один из двух жизненно необходимых факторов безопасности, которые реальная мать обеспечивает своему младенцу. Речь идет об интимном контакте мягкого тела и защите от внешнего мира. Кресло-мать гарантирует только мягкий контакт – защитить нас оно не может. Но тут на помощь приходит непроницаемая стеклянная поверхность экрана, отделяющая нас от трагедий, разворачивающихся внутри телевизора. Таким образом, символическое уравнение выглядит достаточно просто: реальная мать, обеспечивающая защиту и комфорт, = экран, обеспечивающий защиту, + кресло-мать, обеспечивающее комфорт.

Если рассматривать домашнюю жизнь в таком ракурсе, стоит ли удивляться тому, что большинство из нас на отдыхе предпочитает останавливаться в отелях, где обстановка максимально приближена к той, в которой мы провели детские годы. Как и тогда, все делается для нас и нам не нужно ни о чем беспокоиться. Повариха-мать готовит нам еду, которую подает официантка-мать, а наш номер убирает горничная-мать. В лучших отелях созданы все условия для того, чтобы ощутить себя фактически младенцем в колыбели, где детский крик заменяется нажатием на кнопку или включением телефонной трубки. И очень часто разбогатевшие люди первым делом воссоздают в своем доме условия детства, нанимая прислугу, состоящую из символических матерей. Кроме того, как я говорил в одной из предыдущих глав, сходные условия для человека, который временно прекратил борьбу за статус взрослого, обеспечивает больничная койка.

Принимая теплую ванну, мы ненадолго возвращаемся в еще более отдаленное прошлое, когда находились в материнской утробе. Не случайно многие предпочитают нежиться в воде, имеющей температуру тела, словно в амниотической жидкости, и перед этим всегда закрывают дверь ванной, дабы защитить себя от внешнего мира. Однако рано или поздно нам приходится извлекать пробку из слива и переживать новое рождение. Словно догадываясь о страхах такого рода, производители полотенец позаботились о том, чтобы обеспечить нас самыми мягкими и нежными объятиями после каждого очередного появления на свет. Как гласит одно рекламное объявление: «Наши полотенца обнимают так, что вы сразу высыхаете!», при этом изображенная на сопровождающей его картинке девушка судорожно прижимает одно из указанных полотенец к своему телу и лицу, словно от него зависит, выживет она или нет.

Когда эта барышня наконец начнет одеваться, ей не придется опасаться того, что нежные интимные контакты закончатся. Производители одежды – нижнего белья, свитеров, юбок и прочего – обещают ей сходные удовольствия. Эти трусики – не просто забота о комфорте, поскольку, как нам известно, они растягиваются, «следуя каждому изгибу вашего тела». А эти колготки – «шелковистые и чувственные» и «прекрасно облегают ноги, от верхней части до пальцев», не говоря уже о чулках, которые «нежно обнимают ваши ноги», или платьях из джерси, создающих «ощущение тепла и неги». Таким образом, счастливая девушка, одевшись, может оставаться в одиночестве и тем не менее ощущать ласки и объятия одежды-любownika.

Если бы все эти рекламные посулы дали суммарный эффект, она вряд ли смогла бы сделать десять шагов, не испытав множественный оргазм. К счастью для ее настоящих возлюбленных, воздействие на нее одежды-любовника в большинстве случаев намного менее ощутимо, нежели нас пытаются убедить в том рекламодатели. Но сколь бы малым ни было это воздействие, оно имеет большое значение.

Интимные контакты между предметами гардероба и их владельцем носят отнюдь не односторонний характер. Не только одежда обнимает человека, он тоже обнимает ее. Это вполне справедливое вознаграждение за плотное облевание и нежные соприкосновения. Наиболее распространенный способ такого вознаграждения – засовывание одной или обеих рук в складки одежды. На память сразу приходит «поза Наполеона», но сегодня наиболее популярным вариантом являются руки в карманах. Формально они предназначены для ношения мелких предметов, и, если рука оказывается в кармане, предполагается, что она собирает что-то оттуда извлечь. Однако в подавляющем большинстве случаев засунутая в карман рука вовсе не означает намерение что-либо достать – это всего лишь осуществление контакта с одеждой. Школьникам и солдатам часто приказывают вынуть руки из карманов без каких-либо вразумительных объяснений причины. На самом деле данная поза свидетельствует о расслабленном состоянии во время символического акта интимной близости, поэтому она не соответствует роли подтянутых, дисциплинированных мужчин, если речь идет о военнослужащих. Для людей, свободных от подобных ограничений, существует несколько альтернативных вариантов, выбор среди которых в любом конкретном случае подчиняется весьма любопытному правилу: чем выше на теле осуществляется контакт руки с одеждой, тем самоувереннее поза. Вершина – поза, при которой пальцы сжимают лацканы. На втором месте – пальцы, просунутые в проймы жилета. Далее следует «поза Наполеона». Дальше вниз – руки, засунутые в карманы куртки, и еще ниже – в карманы брюк. Это самая распространенная поза.

Судя по всему, данное правило основывается на интуитивном ощущении: чем выше рука осуществляет контакт, тем вероятнее, что это движение намерения нанести удар, ведь чаще всего бьют сверху. Как мы уже видели, это действие приостанавливается, фиксируется и превращается в формальный сигнал, как в случае с поднятым кулаком коммунистического приветствия. Сжатие лацканов существенно сближается с этим действием, насколько это возможно для контакта с одеждой, и, следовательно, из всех возможных вариантов это послание является наиболее агрессивным. Наряду с пальцами, просунутыми в проймы жилета, эта поза стала чуть ли не карикатурой на излишнюю самоуверенность, и сегодня доминантный мужчина в общественном месте, вероятнее всего, будет держать руки в карманах куртки или пиджака. Эта поза особенно популярна у предпринимателей, высокопоставленных военных и политических лидеров, а кроме того, она была типичной для гангстеров бурных 20-х годов XX века. Такие люди редко суют руки в карманы брюк, по крайней мере, в ситуации, когда им необходимо продемонстрировать свою значительность.

Исключением из данного правила является поза, при которой большие пальцы засовывают за поясной ремень. Хотя этот контакт осуществляется довольно низко на теле, поза носит откровенно агрессивный характер. Похоже, своей самоуверенностью она обязана не только быстрому движению намерения, но и тому факту, что представляет собой современную версию старомодной позы, при которой пальцы просовывались в проймы жилета – просто жилеты в наше время носят довольно редко.

Наряду с этими действиями существует множество других мелких контактов рук с различными частями одежды. Все они осуществляются в состоянии стресса, и многие из них представляют собой символические версии действий по приведению себя в порядок, которые, согласно нашему желанию, должен был бы выполнять по отношению к нам кто-то другой, дабы успокоить нас. Мужчины часто поправляют запонки и разглаживают галстук. Президент Кеннеди на публике нередко теребил среднюю пуговицу пиджака или куртки. Уинстон Черчилль в моменты напряжения прижимал руку к нижней части кителя, словно обнимая самого себя.

Женщины, находящиеся в состоянии стресса, теребят браслеты и цепочки на шее точно так же, как монахини, вне всякого сомнения, находят утешение в перебирании четок. Нервная представительница слабого пола успокаивает себя тем, что лишний раз красит губы, пудрит

лицо и расчесывает волосы.

В некоторых случаях контакт с окружающими осуществляется опосредованно, через какой-нибудь промежуточный предмет, когда, скажем, люди чокаются. Классический пример можно найти в любом альбоме Викторианской эпохи с семейными фотографиями. Обычно мать семейства восседает в центре, держа на коленях младшего ребенка. Рядом стоит отец, который при других обстоятельствах, наверное, обнял бы супругу, но в столь официальной обстановке ограничивается тем, что обнимает спинку ее кресла. Современную версию этого опосредованного контакта можно часто наблюдать, когда в неформальной обстановке два друга сидят на диване, и один протягивает руку в направлении спины другого вдоль спинки дивана. Подобным образом сидящий в кресле человек может обнять его ручку, оживленно разговаривая со своим визави, сидящим в кресле напротив. Иногда дополнительный душевный комфорт обеспечивается благодаря креслу-качалке, которым опять же пользовался президент Кеннеди в стрессовых ситуациях. Стоит ли говорить, что кресло-качалка ассоциируется с колыбелью или материнскими руками?

И наконец, мы подошли к предметам, которые являются заменителями сексуальных контактов. Самый умеренный вариант – это фотографии любимых или тех, с кем нам хотелось бы секса. Их можно целовать и к ним можно прикасаться в отсутствие реального человека. Новой тенденцией в этом направлении является использование наволочек с изображением лица кино- и шоу-звезд. Ложась в постель, вы можете прижаться щекой к любимому образу, после чего заснете счастливым сном.

Что касается собственно секса, во время Второй мировой войны звучали утверждения, что вражеские солдаты (солдаты противника всегда выставляются в неприглядном виде) на фронте имели в своем распоряжении надувных резиновых женщин. Была ли это чистой воды пропаганда, призванная очернить неприятеля, или нечто подобное имело место, выяснить мне не удалось.

В отличие от этого неодушевленные заменители мужского пениса имеют долгую и документально подтвержденную историю. Они упоминаются даже в Ветхом Завете. Фаллоимитаторы были известны еще до библейских времен и присутствуют в древних вавилонских скульптурах, появившихся за сотни лет до рождения Христа. В Древней Греции они назывались «олисбос», что означает «скользящий бык», а особенно популярны были, по всей видимости, в турецких гаремах. Со временем практика использования этих предметов распространилась практически по всему миру. Их популярность возрастала и падала, и ее пик, очевидно, приходится на XVIII век, когда они продавались в Лондоне свободно, чего больше никогда не было вплоть до второй половины XX столетия. Фаллоимитаторы, как правило, изготавливались очень искусно и выглядели весьма реалистично. В настоящее время они представлены в нескольких версиях в секс-шопах в ряде стран Запада. В основном их покупают лесбиянки и одинокие женщины.

Недавно появились две версии механического фаллоимитатора. Одна из них высокотехнологична. Предназначенная специально для проводимых в США исследований природы человеческой сексуальности, она разработана радиофизиками, изготовлена из пластика с оптическими свойствами зеркального стекла, имеет электрический привод, снабжена осветительным прибором для съемки внутри влагалища, а также регулятором скорости и глубины проникновения. По всем стандартам это поистине замечательный инструмент, чувствительный и неутомимый искусственный любовник, секс-суррогат из секс-суррогатов. Вторая версия представляет собой менее амбициозное и значительно более дешевое механическое устройство, которое приобрело в последнее время широкую популярность – это вибратор, или вибромассажер. Сие небольшой, работающий от батарейки длинный и тонкий аппарат, гладкий, с закругленным концом, чья первоначальная официальная функция заключалась в локальном массаже отнюдь не сокровенных частей тела. В этом и состояло преимущество данного устройства, поскольку, когда вибратор обрел новую жизнь, его без тени смущения могли покупать те, кто раньше стеснялся приобретать товары, так или иначе связанные с сексуальной сферой. Даже желтая пресса прибегала в рекламе к шифровке: «Персональный массажер – всепроникающий стимулирующий массажер. Устраняет боли и печали. 17 сантиметров в длину, 4 сантиметра диаметром. В комплект входят стандартные

батарейки». Застенчивость этого объявления никак не вяжется с духом других публикаций, где можно обнаружить очень откровенные комментарии на сексуальные темы. Мы вновь сталкиваемся с действием правила, согласно которому интимные отношения взрослых требуют определенной маскировки либо для самих участников этих отношений, либо для других, чтобы скрыть подлинный характер происходящего.

Самая необычная и хитроумная форма секс-суррогата, иногда используемая японками, называется «рин-но-тама» и известна также под названиями «ватама» и «бен-ва». Это устройство состоит из двух полых шаров размером с голубиное яйцо, которые вставляют во влагалище. Раньше шары изготавливали из листовой латуни, а сейчас делают из пластика. Один шар пуст, в другом запаяно немного ртути. Пустой шар вводят в вагину первым и проталкивают до шейки матки. Следом вводят второй шар, который упирается в первый, после чего отверстие влагалища закупоривают небольшим тампоном. Теперь женщина может, не вызывая ни у кого подозрений, предаваться наслаждению в кресле-качалке. Ритмичные движения вперед и назад вызывают изменение давления внутри влагалища и создают ощущение полноценных фрикций. Хотя в качестве эротической игрушки «рин-но-тама» обладает большим преимуществом, поскольку позволяет получить интимное удовольствие где угодно, оно не получило широкого распространения подобно вибратору – возможно, потому, что в отличие от последнего не имеет несексуальной официальной функции.

Предметы, не имеющие никакого сексуального назначения, тоже могут стать посредниками тактильных контактов. Возможности в данной области чрезвычайно многочисленны, но лишь немногие из них были опробованы, а более или менее успешно реализованы и вовсе единицы. Обычно они предлагаются в качестве того или иного спортивного действия. Одним из таких упражнений являются прыжки на батуте, создающие удивительное ощущение, будто пружинистая поверхность охватывает вас, подбрасывает вверх и снова охватывает уже в другой позе. Действие происходит в исключительно спортивной атмосфере и требует определенной физической подготовки, поэтому для многих людей этот способ исключен. Еще одним примером является хула-хуп, сочетающий вращательное движение обруча вокруг талии с волнообразными движениями бедер. Впрочем, это упражнение не стало популярным и очень быстро оказалось достоянием прошлого.

Сфера искусства предприняла несколько попыток представить интимные предметы жаждающему интимной близости миру, которые не увенчались особым успехом. В 1942 году в Музее современного искусства в Нью-Йорке впервые выставили образцы поделок нового типа, получившего название «ручная скульптура». Они представляли собой маленькие, гладкие, округлые куски полированного дерева абстрактной формы, удобные для человеческой руки и пригодные для создания всевозможных тактильных ощущений. Изготовивший их ваятель подчеркивал, что они предназначены для того, чтобы их ощущать, а не для того, чтобы на них смотреть, и говорил, что они были бы прекрасными заменителями сигарет или жевательной резинки для тех, кому стало бы скучно на очередном заседании какого-нибудь комитета. Скажем откровенно, эти скульптуры так и не нашли практического применения, и с тех пор о них никто не слышал. И опять послание вполне очевидно: ни один член ни одного комитета не хочет, чтобы кто-то узнал о его потребности в небольшом успокаивающем псевдотелесном контакте.

В 60-е годы XX столетия некоторые скульпторы пытались осуществить более амбициозный подход к телам любителей искусства, создав «ландшафтные лабиринты». Они имели самые разнообразные формы, и некоторые из них представляли собой нечто вроде игрового пространства, где посетитель испытывал всевозможные тактильные ощущения, пробираясь через трубы, тоннели и коридоры, облицованные материалами с разной текстурой. Это изобретение тоже не пользовалось успехом, и весьма заманчивые возможности оказались упущенными.

И наконец последний пример, который подводит итог сказанному выше. Некий конструктор разработал своеобразный аппарат. Это капсула, в которую помещается человек, а к его телу подводят различные соединения. Капсула закрывается, включается привод, и смельчак испытывает разнообразные тактильные ощущения. Во время лекции автор этой машины объяснил слушавшей его с большим интересом аудитории суть своей концепции и поведал о

том, что разработал намного более простую версию машины, на которую возлагает большие надежды. По его словам, модифицированное устройство состоит из располагающегося вертикально листа резины или сходного с ней материала с прорезью на уровне гениталий, в которую мужчина может вводить пенис. Для женщины предусматривается такой же располагающийся вертикально лист с отверстием, в которое можно ввести член. С самым серьезным видом «инженер» заявил, что наряду с простотой этот новый образец обладает еще одним преимуществом: он может использоваться одновременно и мужчиной и женщиной, если они встанут по разные стороны.

Абсурдность этой истории неизбежно напоминает нам об абсурдности многих других примеров, приведенных в настоящей главе. То, что взрослый человек должен вдыхать никотин, чтобы вызвать ассоциацию с приятными ощущениями, которые он когда-то испытывал, держа во рту сосок материнской груди или соску бутылки с детским питанием, – абсурд, как и то, что нужно постоянно жевать резинку, напоминающую пустышку, или то, что взрослые люди должны прибегать к использованию пластикового массажера или резиновой женщины, чтобы получить сексуальное удовлетворение. Но, хотя некоторым эти действия могут казаться глупыми, наивными и даже откровенно отталкивающими, для многих они являются единственным выходом, и всегда нужно помнить о том, что любая интимная близость, независимо от того, насколько далека она от реальной, все же лучше, чем отсутствие всякой близости. Другими словами, нужно не фиксировать внимание на частностях, а вместо этого попытаться выяснить, в чем причины существующей проблемы. Если мы сможем стать более близкими с близкими нам людьми, нам не понадобятся никакие заменители близости. А пока этого не произошло, любое суррогатное прикосновение лучше отсутствия какого бы то ни было прикосновения.

8

Личные интимные отношения

Женщина, стоящая на железнодорожной платформе и уже собравшаяся подняться в вагон, в ужасе. Муж спросил, не забыла ли она закрыть входную дверь, и она поняла, что забыла. Что происходит с дамой? Ее рот широко открывается, и она прикладывает ладони к щекам. Даже начав говорить, она продолжает держать руки у лица. Затем, спустя несколько секунд, они опускаются, и начинается другая фаза поведенческой последовательности. Мы не будем отслеживать ее дальше, а вместо этого сосредоточим внимание на руках, ибо их движения служат ключом в новый мир телесной близости – интимной близости с собой.

В тот самый момент, когда ее обуял ужас, женщина на платформе попыталась успокоить себя с помощью быстрой ласки, приложив ладони к щекам. Внезапный стресс побудил ее, на подсознательном уровне, осуществить успокаивающий контакт, который при других обстоятельствах осуществила бы рука любимого, а когда она была маленькой девочкой – рука матери. Это происходит машинально. Когда женщина выполняет это действие, ее щека остается ее щекой, но рука символически становится рукой кого-то другого – любимого или матери.

Такого рода контакты с собой являются формой телесной интимной близости, которую мы едва ли воспринимаем как таковую, но тем не менее принципиально они не отличаются от тех, что мы обсуждали в предыдущих главах. Они могут казаться односторонними действиями, но по своей сути являются неосознанной имитацией двухсторонних, когда одна часть тела используется для осуществления контакта со стороны воображаемого партнера. Другими словами, они являются псевдомежличностными действиями.

Это пятый, последний, источник телесной интимной близости. Рассмотрим вкратце все пять источников. (1) Если мы нервничаем или подавлены, любимый человек может попытаться успокоить нас, обняв или пожав руку. (2) В отсутствие любимого человека это может быть специалист, чьи профессиональные обязанности предусматривают прикосновения, например врач, который похлопает нас по плечу и скажет, чтобы мы не тревожились. (3) Если единственным нашим компаньоном является домашняя кошка или собака, мы можем взять ее на руки и прижаться к ней щекой, чтобы ощутить тепло тела. (4) Если нас, находящихся в полном одиночестве, будит ночью какой-то зловеющий звук, мы можем завернуться в простыню

или одеяло, чтобы почувствовать их мягкое объятие. (5) Если все перечисленные выше варианты отпадают, можно обнять себя или прикоснуться к себе одним из множества способов, дабы развеять страхи и успокоиться.

Понаблюдав некоторое время за поведением людей, вы очень скоро обнаружите, что контакты с собой, или автоконтакты, чрезвычайно распространены – намного больше, чем это могло казаться поначалу. Однако рассматривать все эти контакты в качестве заменителей межличностных интимных отношений было бы ошибкой. Некоторые из них выполняют другие функции. Например, мужчина, чешущий ногу, вовсе не имитирует кого-то, контактирующего с ним. Это совершенно самостоятельное действие, не содержащее скрытый фактор интимной близости. Значит, очень важно не преувеличивать значение интимной близости с собой. Для того чтобы отчетливо понимать, что это, собственно, такое, зададимся для начала простыми вопросами: как и почему мы прикасаемся к собственному телу?

Пытаясь ответить на них, я проанализировал несколько тысяч примеров человеческих действий, включающих автоконтакт. Первое, что мне удалось выяснить, – зона головы является наиболее важной зоной для *приема* этих контактов, а рука служит самым важным органом для их *передачи*. Хотя поверхность головы составляет небольшую часть общей поверхности человеческого тела, она тем не менее принимает примерно половину общего числа автоконтактов.

Существует почти 650 типов действий, включающих контакт с головой. Они различаются по тому, какая часть руки используется, как осуществляется контакт и какая часть головы затрагивается, и делятся на четыре основные категории. Первые три хотя и интересны сами по себе, не относятся непосредственно к обсуждаемой нами теме и поэтому будут упомянуты вкратце. Это следует сделать, чтобы было ясно, что их нужно отделять от настоящих случаев проявления интимной близости с собой.

1. *Защитные действия*. Рука подносится к голове, чтобы закрыть или ограничить доступ к органам чувств. Человек, желающий меньше слышать, затыкает уши. Тот, кто хочет меньше обонять, зажимает нос. Если слишком ярок свет, он прикрывает глаза рукой, а если ему невыносимо видеть то, что находится перед ним, закрывает их полностью. Когда человек хочет скрыть выражение своего лица, он закрывает его половину рукой.

2. *Очистительные действия*. Рука подносится к голове, чтобы почесать или потереть ее либо что-то снять или смахнуть с нее. К этой категории также относятся различные действия по приведению в порядок волос. Некоторые из данных движений действительно являются попытками очистить или привести в порядок зону головы, но во многих случаях это нервные действия, вызываемые эмоциональным напряжением и сходные с действиями смещения, отмеченные этологами у представителей других видов.

3. *Специализированные сигналы*. Рука подносится к голове, чтобы выполнить тот или иной символический жест. Человек, который говорит: «Я сыт по горло», проводит ребром ладони под подбородком, показывая, что он переполнен символической «едой» и больше ее не желает. Мальчик, который «делает нос», прижимает большой палец руки к носу и разворачивает остальные пальцы в вертикальный веер. Этот жест ведет свое происхождение от имитации гребня петуха-задиры. Животная символика заключена еще в одном жесте, распространенном в некоторых странах: руки приставляются к вискам, и указательные пальцы выставляются вверх, слегка загибаясь.

4. При интимной близости с собой рука подносится к голове для осуществления того или иного действия, копирующего или имитирующего межличностный контакт. Как это ни удивительно, не менее четырех пятых контактов руки с головой относится к категории автоконтактов. Судя по всему, главная причина прикосновений к собственной голове – стремление успокоить себя с помощью действия, которое является имитацией движения, осуществляемого кем-то другим.

Самое распространенное из этих действий таково – локоть упирается в твердую поверхность, голова укладывается на ладонь, а предплечье выполняет функцию опоры для головы. Кто-то может сказать, что данное действие осуществляется просто вследствие усталости шейных мышц. Тем не менее внимательное наблюдение за людьми, опирающими голову на руку, свидетельствует о том, что в большинстве случаев это не может быть объяснено

физическим утомлением.

В этом действии рука выступает в роли заменителя плеча или груди воображаемого партнера. Находясь в объятиях матери или любимого человека, мы часто кладем голову на тело обнимающего нас и чувствуем щекой тепло его тела. Опираясь головой на собственную руку, мы воссоздаем это ощущение в отсутствие близких и тем самым обеспечиваем себе душевный комфорт. Кроме того, поскольку происхождение этого действия неочевидно, мы можем осуществлять его на публике, не опасаясь вызвать подозрение в инфантильности.

Контакт не опирающейся ни на что руки с головой, подобный тому, что осуществила женщина на железнодорожной платформе в приведенном выше примере, тоже является весьма распространенным действием. При его выполнении голова не может опираться на руку всем своим весом, и, похоже, оно в большей степени имеет отношение к действиям близкого человека, глядящего лицо и волосы. В данном случае рука выполняет функцию его символической руки, а не груди или плеча.

Со ртом обычно вступает в контакт не вся рука, а только пальцы. При таком контакте они используются в качестве заменителя материнской груди, в частности соска. Откровенно сосут пальцы очень редко, но несколько видоизмененные и не столь очевидные версии этого действия встречаются довольно часто. Простейшая и наиболее традиционная модификация – прижимание кончика большого пальца к губам. Палец не засовывается в рот, но тем не менее это действие создает успокаивающий эффект. Кончик, боковая грань и тыльная сторона указательного пальца тоже довольно часто используются подобным образом, и такой контакт может продолжаться долго, пока встревоженный чем-то человек не обретает душевный покой, вызывая в своем подсознании ассоциацию с ощущениями, испытанными им в далеком детстве.

Иногда палец медленно потирает поверхность губ, воссоздавая движения младенческого рта по материнской груди. При сильном волнении человек может грызть костяшки пальцев или ногти. Если к чувству волнения добавляется с трудом сдерживаемая ярость, ногти могут обгрызаться подчистую.

Многочисленные контакты руки с головой делятся на шесть категорий, следующих в порядке убывания частоты их осуществления: (1) подпирания челюсти, (2) подпирания подбородка, (3) контакт с волосами, (4) подпирания щеки, (5) прикосновение ко рту и (6) подпирание виска. Все они свойственны как мужчинам, так и женщинам, но в двух случаях отмечаются отличия по половому признаку. Контакт с волосами у женщин встречается в три раза чаще, чем у мужчин, а подпирание виска у мужчин – в два раза чаще, чем у женщин.

Оставив в покое голову и сместившись вниз, мы обнаружим другие формы интимной близости с собой. Всем нам знакомы из теленовостей трагические сцены последствий природных катастроф, таких, например, как землетрясение. Обезумевшая женщина в такой ситуации не просто прикладывает руки к щекам, поскольку это действие при данных обстоятельствах явно неадекватно. Если она и кто-то еще, кого постигло такое же несчастье, не найдут утешения во взаимных объятиях, она сядет у руин своего дома, заключит себя в объятия и будет раскачиваться взад и вперед, как когда-то делала с ней ее мать, пытаясь успокоить испуганную дочь.

Это экстремальный случай, но все мы используем данное действие почти ежедневно, когда складываем руки на груди. Поскольку обычно мы делаем это не в таких трагических ситуациях, как описанная выше, то и применяем более слабую его форму. Тем не менее оно помогает успокоиться и обычно производится в моменты, когда мы слегка насторожены. Если мы, к примеру, беседуем с группой малознакомых людей во время вечеринки или другого публичного мероприятия и один из них подходит к нам слишком близко, мы складываем руки на груди, словно устанавливая тем самым барьер на его пути. Сие помогает нам восстановить ощущение душевного комфорта. Обычно мы выполняем это действие почти неосознанно и практически не отдаем себе отчет в том, что оно имеет какое-то отношение к происходящему вокруг. Это подсознательный социальный сигнал. Так, если кто-то хочет преградить путь в помещение посторонним, он становится в дверях, складывает руки на груди и говорит: «Сюда нельзя». В этом случае складывание рук, в предыдущей ситуации способствовавшее восстановлению душевного равновесия, выглядит уже угрожающе. Тем самым человек исключает посторонних из своих объятий и показывает, что он достаточно силен.

Еще один акт интимной близости, который мы совершаем ежедневно, можно назвать «держаться за руки с самим собой». Одна рука выполняет функцию нашей руки, а вторая, которая ее сжимает, выступает в роли руки воображаемого партнера. Мы выполняем это действие несколькими способами, отличающимися друг от друга интенсивностью. Например, когда в отсутствие любимого человека нам его особенно не хватает, мы зачастую сплетаем пальцы левой и правой рук и сжимаем их – иногда с такой силой, что белеют костяшки.

Перейдем к автоконтактам с ногами. Поза со скрещенными ногами способствует повышению степени душевного комфорта, поскольку давление одной части тела на другую, по всей видимости, напоминает нам о телесных контактах с родителями, когда мы бросались к ним в объятия и обвивали их ногами.

В Викторианскую эпоху официальные правила этикета запрещали дамам сидеть нога на ногу на публике. Мужчины были ограничены в этом плане меньше, но от них тем не менее требовалось не обнимать колени при перекрещенных ногах. Сегодня эти правила не действуют, и результаты наблюдений за большим числом выбранных наугад людей показали, что ноги перекрещивают 47 % мужчин и 53 % женщин, то есть половое различие в приверженности этой позе за прошедший период не сохранилось. Однако в манере перекрещивания ног существуют два половых различия. Женщина в отличие от мужчины не кладет лодыжку одной ноги на колено или бедро другой – вероятно, потому, что в этом случае открывается зона промежности. Интересно, что данное правило распространяется и на женщин в брюках, как будто мысленно они все еще носят юбку. Второе отличие связано с положением ступней перекрещенных ног. У женщин почти всегда ступня верхней ноги находится в контакте с поверхностью нижней. (Исключение составляет поза с перекрещенными лодыжками, в которой нет половых различий, и ступни почти неизбежно касаются друг друга.)

Более интимная форма контакта с ногами – их объятие, когда бедра поднимаются вверх, грудь опускается на них, и руки обнимают колени или лодыжки. В дополнение к этому голова опускается на колени, и в них упирается подбородок или щека. Здесь согнутые ноги являются заменителем корпуса воображаемого партнера, а колени выступают в роли его груди или плеч. Это преимущественно женская поза. Согласно результатам наблюдений за выбранными наугад людьми в 95 % случаев ее принимали женщины, и только в 5 % случаев – мужчины.

Еще одним типично женским действием является прижимание ладони к бедру – среди людей, замеченных в осуществлении этого контакта, женщин был 91 %, а мужчин всего 9 %. В нем, судя по всему, присутствует эротический элемент: женская рука выступает в роли мужской, поскольку данное действие в сексуальном контексте в большей степени свойственно представителям сильного пола, нежели слабого.

В автоконтактах, как правило, активными участниками являются руки и, реже, ноги, но из этого правила есть несколько исключений. Иногда – и опять это типично женское действие – голова опускается на одно плечо и прижимается к нему щекой, челюстью или подбородком. В данном случае плечо выполняет символическую функцию груди или плеча воображаемого партнера. Еще один пример – облизывание языком губ или какой-либо другой части тела.

Наряду со всеми этими телесными автоконтактами существует еще один важный аспект интимной близости с собой – эротическая автостимуляция, обычно называемая мастурбацией. У мужчин это, как правило, означает захват пальцами пениса и ритмичные движения руки вверх и вниз. Здесь рука играет одновременно две символические роли. Ее движения вверх и вниз имитируют движения таза мужчины, а образуемое пальцами отверстие выполняет функцию влагалища. У женщин это чаще всего стимуляция клитора. Они могут также гладить половые губы или совершать ритмичные движения пальцами в вагине, которые выступают в роли пениса. Еще один способ заключается в том, что бедра плотно сдвигаются вместе, и при этом внутренние мышцы попеременно сокращаются и расслабляются, что вызывает ритмичное сдавливание гениталий.

Исследования, проведенные в середине XX века, показали, что мастурбация является чрезвычайно распространенной формой интимной близости с собой и к ней в разные периоды своей жизни прибегает подавляющее большинство людей. Хотя она всегда представляла собой всего лишь безобидный заменитель полового акта, отношение общества к таким действиям время от времени существенно менялось. Мастурбация широко практикуется в так называемых

примитивных племенах. В нашем обществе ссылки на нее носят шуточный характер, и в них подразумевается, что тот, кто прибегает к ней, является неудачником в сексуальной жизни.

В предыдущие столетия отношение к мастурбации было совершенно иным и совсем не столь терпимым. Предпринимались даже попытки полностью искоренить эту практику. В XVIII веке мастурбация была объявлена «отвратительным грехом бесплодного пролития семени», в XIX столетии она стала «ужасным пороком надругательства над собой», а молодым дамам Викторианской эпохи рекомендовалось не усердствовать при мытье, дабы регулярные нежные поглаживания гениталий «не вызвали нечестивых мыслей». Порочному французскому биде путь через Ла-Манш был закрыт. В начале XX века мастурбация опустилась до уровня «мерзкой привычки», но Церковь все еще была серьезно озабочена тем, что она способна приносить чувственное наслаждение тем, кто ей предается. Правда, церковные иерархи согласились считать «пролитие семени в медицинских целях законным, при условии что это не будет доставлять удовольствие». К середине прошлого столетия отношение к мастурбации резко изменилось, и наконец было объявлено, что это «нормальная и здоровая практика для любого человека любого возраста». Дело дошло до того, что в 1971 году в одном уважаемом женском журнале появилась следующая рекомендация, которая привела бы в изумление читателей викторианской эпохи: «Благодаря мастурбации ваше тело становится великолепным инструментом любви. Мастурбируйте, сколько вам угодно».

Сегодняшний тинейджер, который в отсутствие возможностей вести половую жизнь вынужден довольствоваться этой формой сексуальной интимной близости с собой, поистине счастливчик. Вчерашний подросток, застигнутый на месте преступления, очень часто подвергался суровому наказанию. Когда-то в отношении мастурбации действовали жесткие меры. Иногда уличенному в ней прокалывали крайнюю плоть в двух местах и вставляли в отверстия кольцо, либо на его пенис надевали пояс с шипами, которые вонзались в плоть, как только начиналась эрекция. Время от времени детям обоего пола на ночь либо связывали руки за спиной, либо привязывали их к кровати, дабы они не могли «играть с собой», или на них надевали более современные версии поясов целомудрия. Некоторые медицинские авторитеты в качестве средства искоренения вредной привычки рекомендовали делать мальчикам обрезание.

К счастью, ни одна из этих весьма болезненных мер, за исключением обрезания, до наших дней не дожила. Стоит задуматься над тем, почему этот ритуал сохранился до сих пор, несмотря на новые тенденции в общественном мнении. Сегодня крайнюю плоть у мальчиков удаляют не для предотвращения мастурбации, а исключительно по религиозным, медицинским и гигиеническим соображениям. Популярность этой операции варьирует от страны к стране. В Великобритании, например, ей подвергается меньше половины младенцев мужского пола, тогда как в США этот показатель достигает 85 %.

Медицинский мотив удаления крайней плоти состоит в том, что эта мера устраняет опасность возникновения определенных (чрезвычайно редких) заболеваний. Однако такая опасность существует лишь в том случае, если взрослый необрезанный мужчина не имеет возможности содержать в чистоте головку члена по той причине, что не может обнажить ее, оттянув назад крайнюю плоть. Согласно мнению врачей, необрезанный представитель сильного пола рискует своим здоровьем ничуть не больше, нежели обрезанный. Поскольку подавляющее большинство операций по удалению крайней плоти выполняется не по религиозным соображениям и медицинские основания вряд ли имеет смысл рассматривать, истинная причина такой их популярности остается тайной. Названное недавно одним американским врачом изнасилованием фаллоса обрезание представляется пережитком прошлого. Оно издавна практиковалось в большинстве африканских племен и было воспринято древними египтянами, чьи жрецы – они же врачи – утверждали, что всякий уважающий себя мужчина должен быть обрезанным. У египтян этот обычай позаимствовали иудеи, у которых обрезание приобрело ритуальный религиозный характер и стало обязательным для всех мужчин. После того как оно получило статус социального или религиозного «закона», его изначальное значение было забыто, и сегодня проследить происхождение этой традиции довольно трудно. Даже в африканских племенах, где оно является частью церемонии инициации, его называют просто обычаем, но современные исследователи выдвигают целый ряд гипотез на этот счет. Согласно одной из них, крайняя плоть считалась женским атрибутом – возможно, потому, что она

закрывает головку члена так же, как половые губы закрывают вход во влагалище. В соответствии с той же самой логикой клитор считался мужским атрибутом, поскольку по форме он напоминает пенис. В результате по достижении половой зрелости и юношей, и девушек приводили в состояние, полностью отвечавшее их половой принадлежности, удаляя атрибуты противоположного пола. Автор другой гипотезы предполагает, что удаление крайней плоти являлось символической имитацией сбрасывания змеиной кожи, а в древности змея считалась бессмертной, поскольку каждый раз после смены кожного покрова она предстает во всей своей блистающей красе, словно заново родившись. Символическое уравнение достаточно очевидно: змея = фаллос. Следовательно, змеиная кожа = крайняя плоть.

Предлагались и другие весьма любопытные объяснения, но все они оказываются неубедительными, если рассматривать феномен причинения увечий гениталиям в целом. Обрезание практиковалось в разные эпохи почти во всех уголках мира, в сотнях различных культур, и его форма варьировала в широких пределах. В одних случаях удалялись не только крайняя плоть и клитор, но и кое-что еще, в других вместо удаления на определенные части гениталий наносили надрезы. В некоторых племенах у женщин наряду с клитором удаляли и половые губы, а кое-где мужчин подвергали чрезвычайно болезненной операции по снятию кожи с поверхности нижней части живота, таза, промежности и внутренней стороны ног, или им разрезали надвое пенис по всей длине. Объединяет все эти случаи лишь стремление взрослых причинить механические повреждения гениталиям подрастающего поколения.

То, что эта традиция дожила до наших дней в форме мужского обрезания, должно привлечь внимание ученых. К счастью для женщин, в отличие от ситуации с крайней плотью удаление клитора не имеет под собой никаких оснований, связанных с соображениями гигиены, иначе многие из них до сих пор лишались бы этого важного компонента своих гениталий, а вместе с ним и значительной части чувственных удовольствий. Результаты проведенных недавно исследований свидетельствуют о том, что удаление крайней плоти приводит к очень небольшому (если приводит вообще) снижению чувствительности пениса, и поэтому не оказывает негативного воздействия на сексуальную восприимчивость. Разумеется, эти работы выявили полную несостоятельность бытовавшего прежде мнения, что удаление крайней плоти препятствует мастурбации. Обрезанный или необрезанный, взрослый мужчина всегда может получить сексуальное удовлетворение от интимной близости с собственными гениталиями.

Подводя итоги, можно сказать следующее: причина выживания мужского обрезания, в то время как все остальные формы архаичного генитального членовредительства в цивилизованных сообществах вышли из обихода, заключается в том, что только оно не причиняло ущерб сексуальной активности и к тому же сумело найти медицинское обоснование.

Вернемся к мастурбации. Остается лишь один вопрос: не поджидают ли нас новые опасности в условиях обретенной свободы автостимуляции? Если популярный журнал призывает нас «мастурбировать, сколько нам угодно», не качнулся ли маятник общественного мнения слишком далеко в противоположную сторону? Ясное дело, чушь по поводу вреда мастурбации, которую так долго вдалбливали в голову людям и которая стала причиной стольких неведомых миру несчастий, нужно было отбросить в сторону. Мощная пропагандистская кампания сумела этого добиться, но не впадем ли мы теперь в другую крайность? В конце концов мастурбация – это второсортная форма интимной близости, как и все заменители человеческих отношений, о которых шла речь в предыдущих главах. Действие, производимое в отношении себя и являющееся имитацией того, что должен делать партнер, всегда менее ценно, нежели реальный интимный контакт. Это правило распространяется и на мастурбацию, как на любую другую форму интимной близости с собой. Когда нет вариантов, подобная суррогатная интимная близость вполне оправданна вопреки всем надуманным аргументам. Но предположим, что в ближайшем будущем есть надежда на перемены к лучшему. Не представляет ли опасность привычка к суррогатам, которая в дальнейшем усложнит переход к реальным интимным отношениям?

В сегодняшних рекомендациях мастурбирующим женщинам сообщается, что каждая должна разработать собственный стиль и что для достижения стабильных результатов необходимо уделять этому несколько часов в неделю. Изучив с помощью мастурбации свое тело, женщина сможет направлять мужчину, чтобы использовать позы, доставляющие ей

максимальное удовольствие. По крайней мере, такой подход честен: женщина разрабатывает способ самоудовлетворения, а дальше уже дело партнера – обслуживать ее соответствующим образом. Это рекомендуется в качестве метода превращения женского тела в «великолепный инструмент любви». Как способ самоудовлетворения для одинокой дамы этот подход, возможно, безупречен, но как способ обретения любви он оставляет желать много лучшего. В нем совершенно не учитывается тот факт, что половой акт у людей – это нечто большее, чем договор взаимного сексуального обслуживания. Применять заранее разработанный способ получения удовлетворения во время интимной близости – это примерно то же самое, что использовать мужчину в качестве вибратора. Подобным образом, если мужчина слишком заиклен на определенном типе мастурбации, дело может кончиться тем, что он будет использовать женское влагалище в качестве заменителя своей руки. Такое отношение низводит партнера до роли сексуального стимулятора. Следовательно, то, что передовым приемам мастурбации придается слишком большое значение, не так уж безобидно, как пытаются уверить нас приверженцы «нового либерализма».

С учетом всего сказанного выше это предостережение ни в коем случае не должно рассматриваться как призыв вернуться к вчерашним ограничениям и запретам на интимные отношения с собой. Если даже маятник качнулся слишком сильно, мы все равно находимся в лучшем положении, чем наши предшественники, и должны быть благодарны за это сексуальным реформаторам XX века. По всей вероятности, опасности, связанные с манией насчет интимных отношений с собой, не будут слишком серьезными. Если два человека любят друг друга, любовь способна отвести в сторону выработанные ими раньше способы самоудовлетворения и помочь сформировать новые принципы сексуального взаимодействия, отличающегося более высоким эмоциональным накалом. Если их отношения не достигли такого уровня, партнеры по крайней мере смогут удовлетворять друг друга с помощью выработанных ранее эротических приемов, что гораздо лучше нравов Викторианской эпохи, когда супруги старались как можно быстрее «выполнить эту неприятную обязанность», прежде чем отойти ко сну.

9

Возврат к интимным отношениям

Появившись на свет, мы устанавливаем интимные отношения с матерью, вступая с ней в близкий телесный контакт. Подрастая, мы исследуем окружающий мир, возвращаясь время от времени в материнские объятия в поисках защиты и душевного комфорта. Наконец, мы становимся самостоятельными в мире взрослых людей. Вскоре мы начинаем искать новые связи и опять возвращаемся в состояние интимной близости с любовником, со временем становящимся партнером. Мы вновь обретаем надежную базу, с которой продолжаем свои исследования.

Если на какой-либо стадии этой последовательности нас не устраивают наши интимные отношения, нам становится трудно справляться с жизненными перипетиями. Мы решаем проблему, отыскивая заменители интимной близости. Мы прибегаем к всевозможным уловкам, чтобы обеспечить себе недостающие телесные контакты, или ищем в домашнем животном суррогата партнера. Иногда близкого друга нам заменяют неодушевленные предметы, а мы подчас вступаем в интимные отношения с собственным телом, обнимая и лаская себя, словно у нас произошло раздвоение личности.

Эти альтернативы подлинной интимной близости могут, конечно, использоваться в качестве приятного дополнения к нашей тактильной жизни, но для многих они становятся печальной необходимостью. Решение данной проблемы очевидно. Если взрослый человек испытывает столь сильную потребность в интимных контактах, он должен раскрепоститься и стать более открытым по отношению к другим. Он должен игнорировать правила, которые гласят: «Держись особняком, соблюдай дистанцию, ни к кому не прикасайся, ни во что не вмешивайся и никогда не показывай свои чувства». К сожалению, воплощению этого решения в жизнь противодействует несколько мощных факторов. Наиболее значительным из них является неестественно многочисленное общество, в котором человек живет. Он окружен незнакомыми

и малознакомыми людьми, которым не может доверять и со многими из которых не имеет возможности установить эмоциональную связь. Интимную близость с остальными он должен сводить к минимуму. Поскольку в повседневной жизни они близки к нему физически, это требует от него большой сдержанности. Если человек привыкнет во всем себя контролировать, у него возникнут трудности в интимных отношениях со всеми, даже с близкими людьми.

Пребывающий в подобном состоянии отчуждения современный горожанин рискует стать плохим родителем. Если он будет ограничивать себя в контактах с детьми в первые годы их жизни, то может причинить непоправимый ущерб их способности формировать прочные связи в дальнейшем. Если, пытаясь найти оправдание такому своему родительскому поведению, он получит индульгенцию на подобную сдержанность, это, конечно, поможет ему в разговорах с собственной совестью. К сожалению, такие индульгенции, оказывающие крайне негативное влияние на формирование личных взаимоотношений в семье, время от времени выдаются.

Один подобный пример настолько вопиющ, что заслуживает особого упоминания. Метод воспитания детей Уотсона, названный именем его автора, известного американского психолога, получил в начале XX века широкое распространение в США. Для того чтобы иметь представление об этом методе, необходимо ознакомиться с некоторыми рекомендациями Уотсона родителям:

«Матери не знают, целуя детей, беря их на руки, укачивая, лаская, сажая на колени, что растят существа, совершенно не приспособленные к жизни в окружающем их мире... С детьми следует обращаться как с маленькими взрослыми... Не целуйте их и не сажайте на колени. Если вы не можете обойтись без поцелуев, целуйте их один раз в день в лоб, желая спокойной ночи... Разве не может мать приучить себя заменять добрым словом и улыбкой поцелуи, ласки и прочие нежности?.. Если у вас нет няни, большую часть дня держите ребенка на заднем дворе. Соорудите вокруг изгородь, чтобы быть уверенным, что с ним не случится ничего плохого. Делайте это с момента его рождения... Если у вас слишком мягкое сердце и вам непременно нужно наблюдать за ребенком, делайте это так, чтобы он ничего не замечал... И наконец, научитесь обходиться без ласковых слов».

Поскольку Уотсон рекомендует обращаться с ребенком как с маленьким взрослым, люди, воспитанные в соответствии с этой методикой, никогда не целуют друг друга и на протяжении всей своей жизни наблюдают друг за другом так, чтобы никто ничего не замечал. Разумеется, именно так мы должны держаться с *незнакомцами*, окружающими нас в повседневной жизни, но всерьез рекомендовать взрослым вести себя подобным образом по отношению к собственным детям по крайней мере странно.

Подход Уотсона к воспитанию детей основывается на его же мнении, согласно которому «человек лишен инстинктов. Все, что проявляется в нас впоследствии, формируется в раннем возрасте... Внутри нас нет ничего такого, что можно было бы развивать». Из этого следует, что для того, чтобы воспитать дисциплинированного взрослого, нужно начинать с дисциплинированного ребенка. Если процесс воспитания отложить на какое-то время, могут начать формироваться «плохие привычки», которые потом будет очень трудно искоренить.

К этому подходу, основанному на совершенно ложной предпосылке по поводу естественного формирования человеческого поведения в младенчестве и детстве, можно было бы относиться как к курьезу, если бы его последователи не встречались и сегодня. И поскольку это учение все еще пользуется определенной популярностью, оно требует более детального изучения. Главная причина его долгожительства заключается в том, что в определенном смысле оно само себя поддерживает. Если с младенцем обращаются столь неестественным образом, он вырастет неуверенным в себе. Его потребность в интимной близости не удовлетворяется. Его крики остаются без внимания. Но у него нет выбора, и ему приходится адаптироваться к этим обстоятельствам. Когда он станет взрослым, ему будет очень трудно доверять кому бы то ни было. Так как его стремление к интимной близости пресекалось с самого начала, вполне вероятно, что он никогда не сможет научиться любить. Поскольку его отношения с родителями были в большей степени деловыми, нежели теплыми и сердечными, его последующие отношения с другими людьми будут развиваться по схожему сценарию. Когда такой человек,

следуя общественным нормам и правилам, вступит в брак и в этом браке родятся дети, очень велика вероятность того, что с ними будут обращаться так же, ведь по крайней мере одному из их родителей неведомо другое обращение. Это подтверждают эксперименты с обезьянами. Если детеныш обезьяны вырастает, не познав материнской любви, он становится плохим родителем.

Многим папам и мамам методика Уотсона представляется довольно привлекательной, хотя и слишком радикальной, и они применяют на практике ее несколько смягченную версию. Они то строги с ребенком, то идут ему на уступки. В чем-то они устанавливают для него жесткую дисциплину, а в чем-то балуют. Они не обращают внимания на плач младенца в колыбели и при этом покупают ему дорогие игрушки, а иногда даже целуют его и воркуют с ним. В результате такого бессистемного воспитания вырастает то, что обычно называют испорченным ребенком. Хуже всего, что испорченность относится не на счет бессистемности или установления дисциплины в раннем возрасте, а на счет мягкости отдельных моментов воспитания. Если бы они придерживались строгого режима и не потворствовали так часто капризам ребенка, полагают в таких случаях родители, все было бы хорошо. В итоге подрастающему ребенку, который полностью дезориентирован, велят вести себя хорошо, и дисциплина ужесточается. Рано или поздно он обязательно взбунтуется.

Такой ребенок видел, что такое любовь в моменты мягкости, но, едва подведя его к порогу подобных отношений, родители захлопнули перед ним дверь. Ему недостает их ласки, он испытывает мать и отца и своим бунтом хочет удостовериться, что они любят его самого по себе, а не за хорошее поведение. Очень часто его постигает разочарование.

Даже если такого разочарования не последует и родители простят ему последнюю выходку, он не поверит, что все хорошо. Слишком отчетливо запечатлеваются в детском сознании ранние уроки дисциплины. Он вновь испытывает родителей, заходя в своих проделках все дальше и дальше в отчаянной попытке найти подтверждение тому, что они его действительно любят. Тогда родители либо еще больше ужесточают дисциплину, подтверждая тем самым худшие опасения ребенка, либо раз за разом уступают ему, стараясь понять: «Где мы ошиблись? Что сделали не так? Ведь мы дали ему все, что только могли».

Всего этого можно было бы избежать, если бы с младенцем обращались как с младенцем, а не как с маленьким взрослым. В первые годы своей жизни ребенок требует безграничной любви. Если мать находится в здравом уме и у нее было нормальное детство, она будет делать то, против чего предостерегает всех матерей Уотсон, то есть проявлять «слабости» по отношению к ребенку и позволять ему «играть на струнах своего сердца» – излюбленное выражение знаменитого психолога. Если мать испытывает стресс вследствие бешеного ритма современной жизни, ей будет нелегко, но даже в этом случае вполне возможно создать условия, в которых ребенок вырастет окруженным любовью и счастливым.

Такой ребенок никогда не попадет в разряд «испорченных». Напротив, он станет независимым, способным любить человеком, и у него не будет препятствий в постоянном расширении горизонта. В первые месяцы жизни в его сознании сформировалась уверенность в том, что существует надежный фундамент, опираясь на который можно исследовать окружающий мир. И опять это подтверждают эксперименты с обезьянами. Детеныш любящей матери-обезьяны смело удаляется от нее, чтобы поиграть и изучить окрестности, а потомок не проявляющей к нему особой любви матери робок и нервозен. Результаты этих работ опровергают предсказание Уотсона, согласно которому избыток любви, выражающийся в интимных телесных контактах, способствует тому, что ребенок вырастает инертным, несамостоятельным существом. Ложность такого прогноза становится очевидной уже на третьем году жизни. Малыш, для которого родители на протяжении двух лет не жалели любви, смело, хотя еще и нетвердыми шагами, вступает в незнакомый мир. Вероятность того, что он заплачет после падения, невелика. Ребенок, получивший меньше любви в младенческом возрасте, не так смел, совсем не любознателен и не склонен к самостоятельным действиям.

Другими словами, если в течение первых двух лет жизни между родителями и младенцем сложились нежные отношения, полные любви, он без каких-либо проблем переходит на следующую стадию развития. Однако, спустя некоторое время его безудержное стремление к исследованию мира потребует определенного контроля со стороны взрослых. То, что было

неправильным в младенческом возрасте, теперь становится правильным. Неприязнь Уотсона к чрезмерно любящим и заботливым родителям *более взрослых* детей имеет под собой основание, но по иронии судьбы эта чрезмерность, как правило, является следствием того ущерба, который причинил подход этого специалиста к воспитанию младенца на более ранней стадии. Ребенок, который в полной мере познал любовь в младенчестве, вряд ли будет вынуждать отца и мать вести себя подобным образом.

Повзрослевший человек, познавший в детстве прочную эмоциональную связь с родителями, имеет высокие шансы сформировать прочную сексуальную связь, и с этой новой «надежной базы» продолжит познавать мир, будет вести активную социальную жизнь. Да, действительно, на стадии, предшествующей формированию данной связи, человек сможет лучше изучить сексуальную сферу, но здесь нет ничего страшного. Если до этого он естественным образом переходил с одной стадии своей жизни на другую, сие исследование в скором времени приведет к образованию пары и формированию прочной эмоциональной связи с возвратом к интимным отношениям, характерным для счастливой младенческой поры.

Молодые люди, создавшие семью и наслаждающиеся интимными отношениями в браке, лучше защищены при столкновении с жестоким, безличным окружающим миром. Они смогут адекватно вести себя в любой социальной ситуации, поскольку в личной жизни у них все в порядке.

Один из аспектов семейной жизни, который ни в коем случае нельзя упускать из виду, – потребность в уединении. Супруги должны иметь пространство, где они могли бы предаваться любви в полной мере. Отсутствие собственного жилища затрудняет развитие личных отношений, а архитектурная планировка, не учитывающая данный фактор, неизбежно способствует возникновению эмоционального напряжения. Межличностный телесный контакт не может быть непрерывным состоянием, подобно постоянному столпотворению за стенами дома. Потребность в нем возникает спонтанно, время от времени, но в доме, где живут представители нескольких поколений, любовное прикосновение очень часто невозможно изначально.

У кого-то может сложиться впечатление, что если на долю «молодых взрослых людей» выпало счастливое детство, наполненное родительской любовью, они обрели необходимое уединенное пространство в доме и сформировали прочную связь, этого достаточно для счастья. К сожалению, все не так просто. Современный перенаселенный мир может вторгаться в их отношения и препятствовать интимной близости. На них могут воздействовать две мощные социальные тенденции.

Первая из них – это критика интенсивных интимных телесных контактов как признака излишней мягкости и инфантильности. Она может легко отбить у молодого человека, готового проявлять нежность, всякую охоту делать это. Убеждение, что чрезмерная интимная близость представляет угрозу для независимости, лежащее в основе таких поговорок, как «Самый сильный мужчина тот, кто держится особняком», уже начинает оказывать влияние на общество. Однако нет никаких свидетельств того, что если взрослый человек не чурается телесных контактов, характерных для младенческой стадии, это непременно причинит ущерб его независимости. Совсем наоборот. Успокаивающий и умиротворяющий эффект нежных интимных контактов укрепляет человека эмоционально и помогает ему преодолевать трудности, связанные с другими, безличными отношениями. Они делают его не более мягким, а более сильным – как в случае с любимым ребенком, который лучше готов познавать мир.

Вторая социальная тенденция, препятствующая интимной близости, – мнение, что телесные контакты обязательно подразумевают сексуальный интерес. Это ошибочное убеждение стало причиной многочисленных ограничений, налагавшихся в прошлом на интимную близость. В телесных контактах между родителями и ребенком нет никакой сексуальной подоплеки. Любовь матери и отца к малышу и его к ним – это не сексуальная любовь, точно так же, как любовь между двумя мужчинами, двумя женщинами и даже между конкретным мужчиной и конкретной женщиной необязательно носит сексуальный характер. Любовь – это эмоциональная связь, а проникнута она сексуальными мотивами или нет – вопрос второстепенный. В не столь далекие времена мы придавали слишком большое значение сексуальному элементу во всех таких связях. Если в сильной, изначально лишенной

эротического флера связи присутствует малейшее сексуальное чувство, в нашем сознании оно автоматически выделялось и разрасталось до невероятных масштабов. Результатом были глобальные ограничения несексуальной интимной близости, распространявшиеся на отношения между родителями и детьми (осторожно, эдипов комплекс!), братьями и сестрами (осторожно, инцест!), однополыми друзьями (осторожно, гомосексуализм!), разнополыми друзьями (осторожно, адюльтер!) и многочисленными знакомыми (осторожно, неразборчивость в связях!). Все это объяснимо, но совершенно не нужно. Сие указывает на то, что в своих подлинных сексуальных отношениях мы, по всей вероятности, не в полной мере используем эротический потенциал интимной близости. Если бы наши сексуальные интимные контакты внутри пары были достаточно интенсивны и разнообразны, для отношений другого типа у нас просто не оставалось бы эротических мотивов и мы все могли бы расслабиться и наслаждаться в большей степени, нежели осмеливаемся делать это сегодня. Если же мы продолжаем сдерживать себя в сексуальных отношениях с партнерами, тогда, разумеется, складывается совершенно иная ситуация.

Общие ограничения, которые мы налагаем на несексуальные телесные контакты в современной жизни, иногда становятся причиной весьма забавных курьезов. Например, исследования, проведенные недавно в США, показали, что некоторых женщин побуждает вступать в случайные сексуальные связи одно лишь желание оказаться в руках мужчины. Во время опроса дамы признавались, что для них это был единственный способ в полной мере ощутить мужское объятие. Это служит наглядной иллюстрацией отличия сексуальной интимной близости от несексуальной. В данном случае не интимная близость является мотивом сексуального контакта, а, наоборот, сексуальный контакт стал мотивом интимной близости.

Таковы некоторые опасности, которые подстерегают сегодня взрослых людей в плане интимных отношений. И в завершение обзора интимного поведения представителей вида *Homo sapiens* остается познакомиться с признаками изменений в подходах к данной теме со стороны современного общества.

На младенческом уровне благодаря огромной работе, проведенной детскими психологами, был выработан в значительной мере усовершенствованный подход к проблемам воспитания детей. Сейчас мы намного лучше понимаем природу связи между родителями и детьми и важность роли, которую любовь играет при воспитании здорового во всех отношениях ребенка. Жесткая, безжалостная дисциплина уходит в прошлое. Тем не менее в наших перенаселенных городах все еще встречается отвратительный феномен «синдрома битого ребенка», служащий напоминанием о том, что нам еще предстоит пройти долгий путь.

На уровне детей старшего возраста происходит постоянное реформирование методов обучения и отмечается более глубокое осознание потребности как в социальном, так и техническом образовании. Однако требования к техническому обучению сегодня более серьезные, чем когда-либо, и поэтому безусловно существует опасность того, что средний школьник будет лучше подготовлен к общению со сложной аппаратурой, нежели с людьми.

На уровне молодых людей проблема социального общения, к счастью, похоже, решается сама собой. Вряд ли когда-либо прежде межличностные отношения были так открыты и искренни, как сегодня. Источником существенной доли критики поведения молодежи со стороны старшего поколения является тщательно скрываемая зависть. Остается посмотреть, как вновь обретенная свобода выражения, сексуальная честность и не ограничиваемые социальными барьерами интимные отношения смогут выжить и сохраниться в дальнейшем, в частности в рамках выполнения родительского долга. Стрессы, все чаще носящие безличный характер, способны причинить им немалый урон, но единственная ли это причина?

Среди людей старшего возраста растет озабоченность по поводу выживания института семьи в условиях неуклонной экспансии городских сообществ. В личных отношениях часто возникает отчуждение, поскольку снимать дома вечером тяжелые эмоциональные доспехи, надеваемые утром для участия в социальной битве на улицах и в офисах, становится все труднее.

В Северной Америке уже назрел новый бунт против этой ситуации. Не так давно в Калифорнии зародилось движение под общим названием «Групповая терапия», очень быстро распространившее свою деятельность на территории США и Канады. В разных местах оно

действует под разными названиями — «Трансличностная психология», «Групповая психотерапия», «Социальная динамика», а само его появление красноречиво свидетельствует об острой необходимости пересмотра бытующих в нашем обществе идей относительно телесных контактов и интимных отношений.

Деятельность этого движения заключается в следующем. Группа взрослых людей собирается для проведения занятий, которые длятся от одного дня до недели. Все это время они осуществляют разного рода контакты, как межличностные, так и групповые. Некоторые из них носят главным образом вербальный характер, но в основном это телесное взаимодействие — ритуальные прикосновения, взаимный массаж и различные игры. Цель в том, чтобы сокрушить броню цивилизованного поведения и напомнить людям о том, что они не *имеют* тела, они *представляют собой* тела.

Важной особенностью таких занятий является то, что закомплексованные взрослые люди начинают играть точно так же, как когда-то в детстве, не испытывая ни смущения, ни страха подвергнуться насмешкам. Они дотрагиваются друг до друга, носят друг друга на руках и намазывают маслом перед массажем. Они предстают друг перед другом обнаженными, иногда в буквальном смысле слова, но обычно метафорически.

Суть этого возвращения в детство точно выражена в словах, сказанных по случаю проведения четырехдневного курса, называющегося «Стань таким, каким ты был»:

«Взрослый американец достигает сомнительного состояния «зрелости», похоронив многие свои детские черты под слоем стыда и насмешек. Возможно, вновь научившись быть детьми, мужчины обогатят свой опыт мужественности, а женщины — женственности. Возможно, вновь ощутив себя ребенком, кто-то пересмотрит свои взгляды на любовь. Как бы парадоксально это ни звучало, контакт с детской беспомощностью порождает всплеск энергии, а контакт с детскими слезами открывает каналы для самовыражения и радости».

В других подобных курсах, называемых «Станем более живыми с помощью игры» и «Пробуждение чувств: возрождение», тоже делается акцент на необходимости возвращения к интимным отношениям детства. Организаторы таких курсов называют их «терапией для нормальных людей». Их участники не пациенты, а члены группы. Они хотят вновь обрести утраченные интимные отношения. Хотя и печально сознавать, что современные цивилизованные взрослые люди должны получать официальную санкцию на прикосновение друг к другу, по крайней мере, успокаивает то, что они осознают ненормальность такой ситуации и активно пытаются ее исправить. Многие из тех, кто прошел эти курсы, регулярно возвращаются, чтобы еще раз испытать ощущение эмоционального раскрепощения в процессе осуществления ритуальных телесных контактов. Все они говорят о том, что их отношения с близкими стали значительно теплее и сердечнее.

Что представляет собой это социальное движение, центры которого открываются повсеместно, — преходящее увлечение или новый, опасный вид зависимости? Мнения специалистов по этому поводу расходятся. Одни психологи и психиатры энергично поддерживают его, другие нет. Согласно мнению представителей последних, члены группы «не совершенствуются, они просто получают дозу интимной близости, которая поддерживает их в определенном состоянии в течение определенного времени». Если даже и так, эти курсы помогают, по крайней мере некоторым людям, пройти трудную фазу их социальной жизни. Посещение группы, в плане обеспечения интимной близости, находится на уровне похода на танцплощадку или пребывания дома во время простуды в ожидании визита врача, но в этом нет ничего плохого. Курсы лишь предоставляют еще одну возможность для человека, ищущего «разрешенного прикосновения». Но звучит и другая, более жесткая критика. «Методы, призванные способствовать налаживанию реальных интимных отношений, иногда разрушают их», — утверждает один специалист. Теолог, несомненно увидевший в этом движении серьезного конкурента религии, заявляет, что его участники учатся «новым способам обезличивания — способам производить дружелюбное впечатление, испытывая при этом враждебность».

Действительно, иногда в тоне лидеров движения, разъясняющих несведущим сущность своих методов и философии, отчетливо звучат нотки самодовольной снисходительности. У них такой вид, будто они разгадали тайну бытия и соизволили поделиться ею с простыми смертными. Некоторые критики делают упор именно на данном нюансе, но это, по всей вероятности, не более чем средство защиты от ожидаемых насмешек. Примерно такая же ситуация складывалась в начале эры психоанализа. Подобно ветеранам движения, те, кто уже бывал у психоаналитика, снисходительно улыбались в адрес тех, кто его еще не посетил. Но психоанализ уже миновал эту стадию, и если движение переживет фазу становления, отношение к нему со временем изменится.

Утверждение, что занятия при групповой терапии приносят вред, требует доказательств. «Мгновенная интимная близость», как ее называют, таит в себе определенные опасности для участника движения, когда он, частично или полностью «пробудившийся», возвращается в привычную среду. Он-то изменился, но его близкие остались прежними, и неизвестно, как они воспримут его откровения. Возникает проблема конкуренции отношений. Если человек, посещающий группу терапии, делает массаж незнакомцам, играет с ними в «детские» игры и вступает в различные телесные контакты, он может вызывать ревность у своих истинных близких, если тем достается от него меньше интимной близости, нежели членам группы. (Если конкуренции нет, нет и проблемы.) Почему он ведет так открыто в группе терапии, а дома холоден и отчужден? Разумеется, потому, что у него имеется официальная научная санкция на такое поведение в особой атмосфере, но подобный ответ не может служить утешением для его близких из реальной жизни. Если занятие посещает пара, проблема не столь остра, однако впоследствии ситуация все же требует откровенного обсуждения.

По мнению некоторых критиков, самый отвратительный аспект деятельности групп терапии заключается в следующем: их члены превращают то, что в повседневной жизни должно происходить неосознанно, в сознательные, организованные, профессиональные прикосновения, и действие становится целью, тогда как оно должно быть средством, которое помогает нам противостоять окружающему миру.

Несмотря на все эти вполне понятные опасения и критику, категорически отвергать новую интересную тенденцию было бы ошибкой. Лидеры движения вовремя заметили опасное смещение личных отношений в сторону безличности и приложили максимум усилий для того, чтобы повернуть этот процесс вспять. Как это часто случается в силу действия закона взаимных ошибок, они сильно качнули маятник в противоположную сторону? Их вина не так уж велика. Если движение распространится и разрастется до такой степени, что о его существовании станет известно всем, оно будет служить постоянным напоминанием о том, что мы неправильно используем – точнее, не используем – свое тело. Даже исключительно в качестве такого напоминания движение оправдывает свое существование. И здесь тоже вполне уместно сравнение с психоанализом. Лишь очень немногие люди пользовались когда-либо услугами этих специалистов, но тем не менее идея по поводу того, что своих самых сокровенных, самых темных мыслей не следует стыдиться, поскольку они, по всей вероятности, свойственны практически всем, глубоко укоренилась в общественном сознании. Такой подход в значительной мере способствовал тому, что отношения между молодыми людьми сегодня стали непосредственнее и искреннее. Если движение «Групповая терапия» поможет нам раскрепоститься и свободнее проявлять свои чувства в отношении интимных телесных контактов, оно окажет обществу несомненную услугу.

Человек – общественное животное, способное любить и нуждающееся в том, чтобы любили его. Потомок охотника из первобытного племени попадает в гущу многолюдного общества. Зажатый со всех сторон, он, защищаясь, замыкается в себе. Укрывшись в своем эмоциональном убежище, он отстраняется даже от самых близких и самых дорогих ему людей и оказывается в одиночестве среди толпы. Оставшись без эмоциональной поддержки, он испытывает стресс и пытается обрести любовь, обращаясь к заменителям людей, которые не задают вопросов. Но любовь – двусторонний процесс, и заменители в полной мере удовлетворить его потребности не могут. Не найдя объект подлинной интимной близости, пусть даже это был бы один-единственный человек, он страдает. Стремясь защитить себя от

немотивированной агрессии и предательства, он может прийти в такое состояние, что станет отвергать любые контакты. Это серьезная социальная болезнь нашего времени, которую необходимо лечить, пока не поздно. Если эту опасность не замечать и дальше, она, подобно тому, как содержащиеся в продуктах питания ядовитые химические вещества накапливаются в организме, будет укрепляться в сознании следующих поколений, и в какой-то момент этот процесс станет необратимым.

В определенном смысле наша удивительная способность к адаптации может стать причиной нашей социальной гибели. Мы способны жить и выживать в таких страшно неестественных условиях, которые давно следовало бы изменить, вернувшись к более здоровым отношениям. Мы все больше удаляемся от любви, искренности и интимной близости и при этом пытаемся убедить себя в том, что все в порядке. Мы смеемся над людьми, которые платят за возможность играть в детские игры и прикасаться друг к другу, и не замечаем признаков надвигающейся катастрофы. Как было бы замечательно, если бы все мы осознали, что нежная любовь – это вовсе не проявление слабости, если бы все мы дали волю своим чувствам и вернулись к этим волшебным, творящим чудеса интимным отношениям!